

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

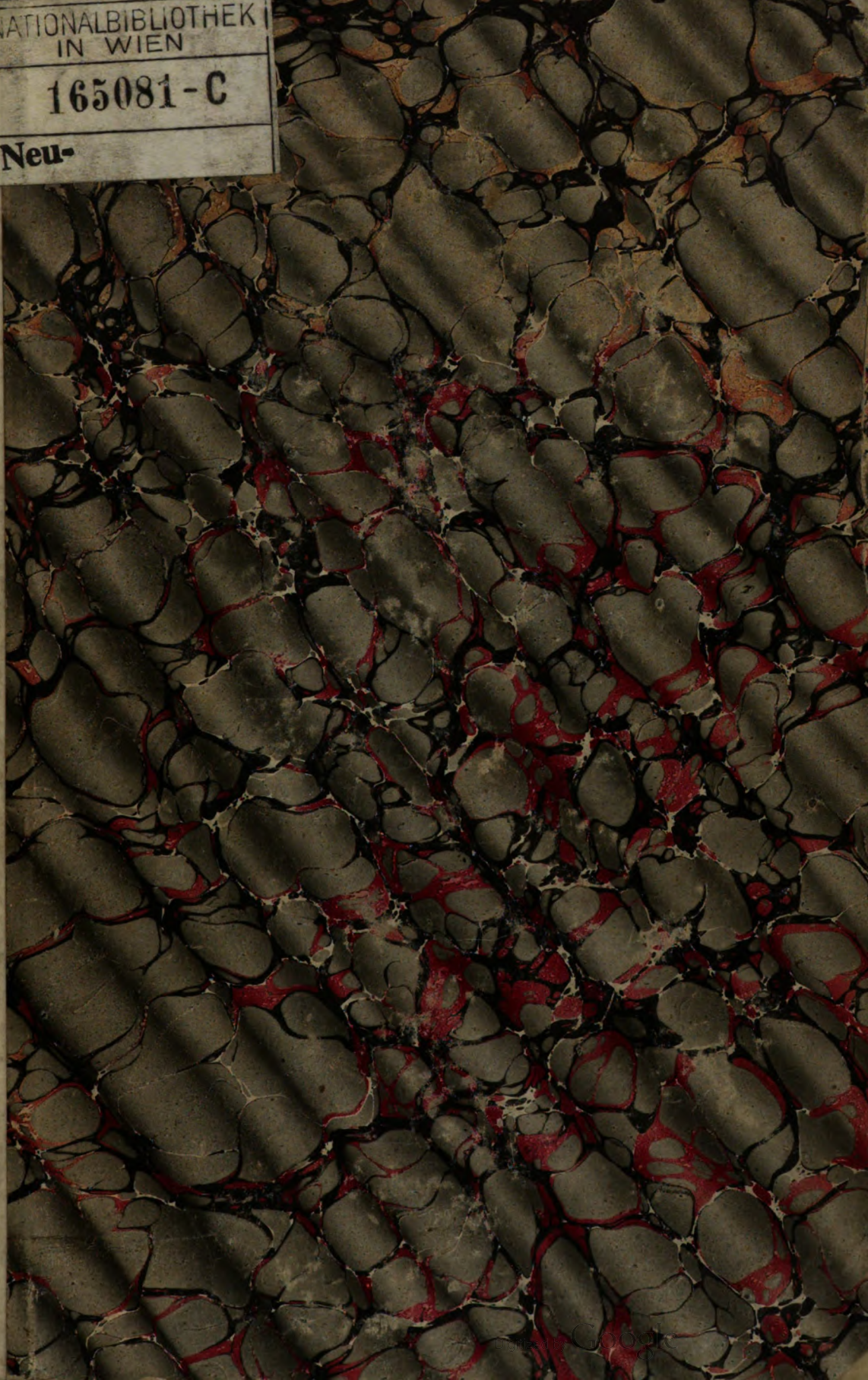
О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

NATIONALBIBLIOTHEK
IN WIEN

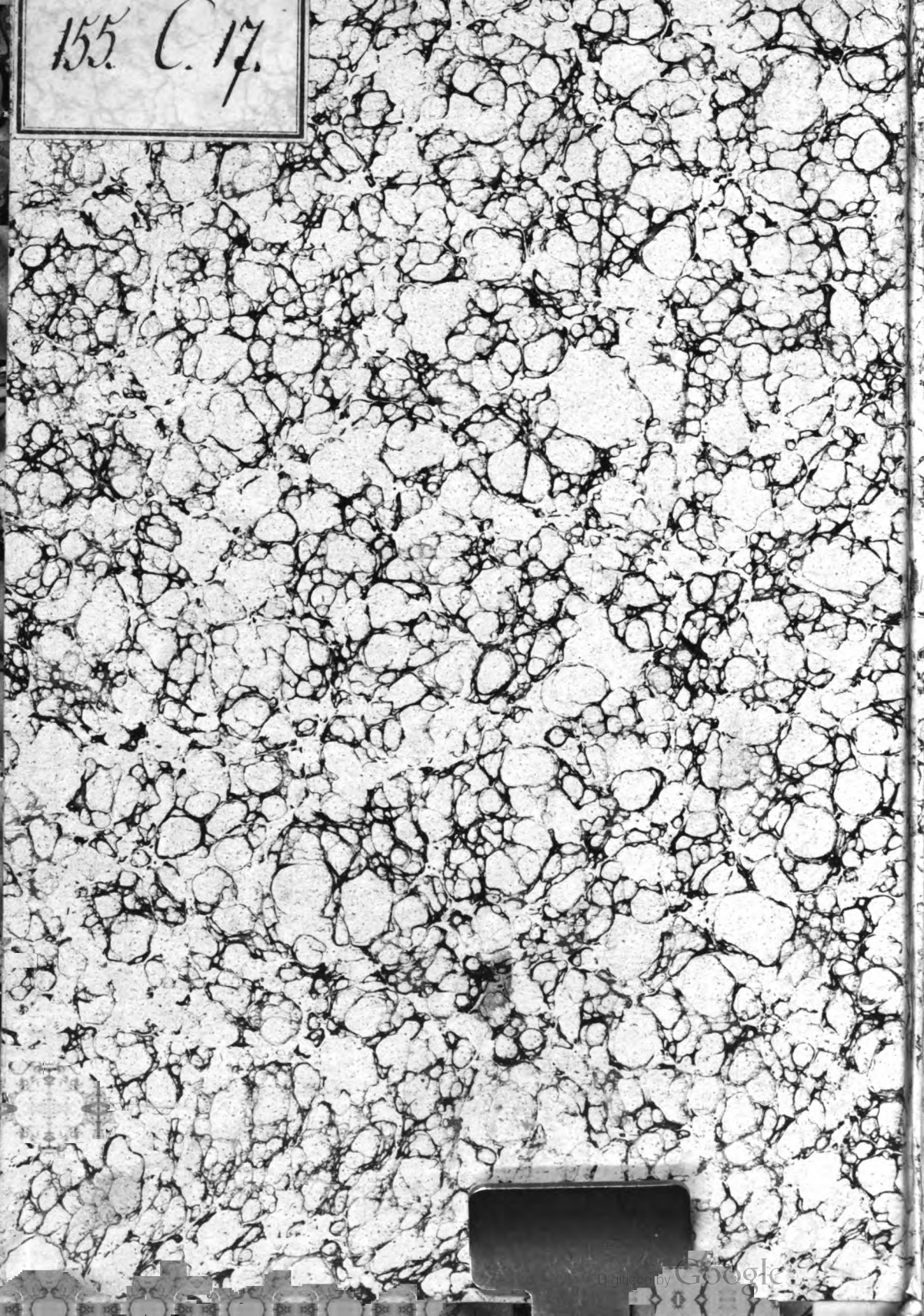
165081-C

Neu-

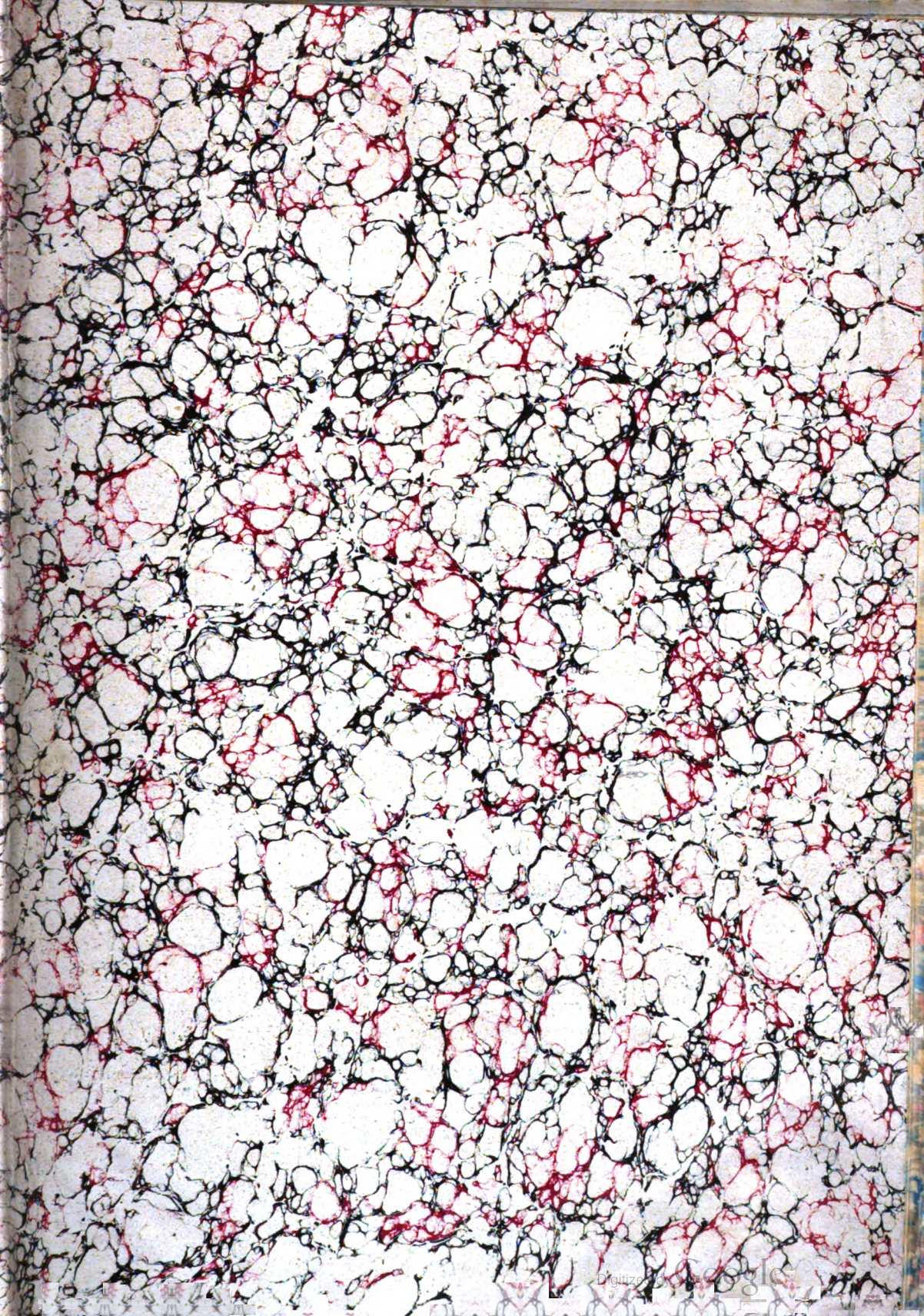

155 C. 17.

Österreichische Nationalbibliothek

+Z203064501

165,081 - C

Презу-
муется
только
вразъ со
„Словомъ.“

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. н.

Науково-белетристичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 1.

Львовъ 13. Январія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Часть вторая.)

ЦАРЬ ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ и ПОСЛѢДНІИ ЯГАЙЛОНЧИКИ.

Въ г. 1533 настала велика перемѣна въ Москвѣ: умеръ православный Царь Василій III Ивановичъ, а по немъ не было наследника полнолѣтнего, только осталась молодая вдова Елена, зъ роду князей Глинскихъ, съ двома малолѣтними царевичами: Иваномъ и Юріемъ. Старшій изъ сихъ мальчиговъ, Иванъ IV Васильевичъ, имѣлъ тогда всего лишь 3 лѣта, и затѣмъ Царь Василій на смертной постели распорядилъ такъ: абы наследникъ его сынъ Иванъ вступилъ на царскій престолъ не скорше, ажъ доки не совершитъ 15 лѣтъ жизни, а за той часъ абы управляла царствомъ мати его Елена вразъ съ добранными боярами. Такъ и сталося теперъ зъ г. 1533, що въ Москвѣ завладѣла Царица, не Царь, а вже звъстно то, яко царствованье надъ могущею державою не жѣноче дѣло.

Царица Елена, хотя и была жена съ великимъ образованнымъ умомъ, однакожъ поровъ у ней былъ крутой, сердце недовѣрчивое, и отъ того то за ея управленія въ Москвѣ приходили до значенья и власти не то мужи съ новагою и досвѣдченьемъ, только въ бѣльшой части люде, гладкіи на словахъ, а не способни до дѣла. Въ наибѣльшихъ ласкахъ стоялъ у ней молодой князь Теленевъ-Оболенскій, который изъ самого честолюбія, абы только онъ одинъ имѣлъ любовію Царицъ корытоватися, удалялъ изъ царского двора найумнѣйшихъ бояръ, та и черезъ свои клеветы погубилъ немало дунгъ безвинныхъ. За вѣдущеньемъ того-то князя Оболенского и подобныхъ ему заушникѣвъ Царица Елена затворила въ темницу двоухъ братьей покойного Царя Василія, Великихъ Князей Юрія и Андрея, ба и власного таки дядька своего князя Михаила Глинского, на которыхъ наклеветано, що будьто они замѣряютъ вмѣсто Царицъ стати опѣкунами малолѣтнего Ивана Царевича. И всѣ тѣи три достойни князь пострадали житье въ заключеніи безвинно и беззаконно. — Подъ такимъ отже жѣночимъ

165.081-C. N. 11-

2

правленьемъ, где не такъ важиль законъ, а больше зависть и плётки, начали являться безпорядки и своевольства всякого рода, та оттакъ же и народъ русско-православный, ненавидячи лукавыхъ заушникѣвъ Царицъ, ропоталъ и на самую-же Царицю. Поднеслись тогда голоса въ народъ, которы недоброе предвѣщали русскому царству, а старыи защитники святого православія были того увѣренья, що потомству небѣщика Царя Василія не буде Божого благословенія за то въдай, що онъ женился съ Еленою еще при жизни первой супруги (Соломоніи).

Невзгоды русскаго царства по смерти Василія III вскорѣ достергъ завистный сусѣдъ Москвы, король польскій Жигмонтъ I. Ягайлончикъ, и онъ же забажалъ сейчасъ изъ того корыстати. И поправдъ ледви що вышполъ часть 6-лѣтнаго перемирія, заключеннаго съ Москвою при жизни Царя Василія (въ г. 1526), уже король Жигмонтъ спышилъ распочати новую войну съ русскою державою. Такъ въ г. 1534 выслалъ онъ Кіевскаго воеводу Андрея Немировича съ численнымъ войскомъ въ Сѣверскую область, которую вже по десять разъ зрадная Литва во вѣчны часы на власность Москвъ уступала, а которую польскій король, не зважая на данныи свои святыи клятвы, все и все на-ново отъ Москвы оторвати покушались. Та ничего говорити, симъ разомъ на такое покушеньє догодную пору выбралъ собъ король Жигмонтъ за нестройнаго владыкы Царицъ Елены; алежь въ томъ то и была вся бѣда для него, що не смотря на гдѣкѣи неурядицъ въ серединѣ, земля велико-русска все таки надто была сильна супротивъ его Польщи вразъ и съ Литвою, та на крайній случай навѣтъ и въ безцарствіе она здужала бы поконати еще двѣ такіи Польщи и съ двоима Литвами. Тожъ и въ начатой теперъ Жигмонтомъ войнѣ русскіи войска, хотя на-разъ до бою не цѣлкомъ притоговлены, побивали Литовцѣвъ и Полякѣвъ на всѣхъ точкахъ, яко именно воеводу Андрея Немировича побѣдили они подъ Стародубомъ и отбили отъ осады Чернигова, а другого воеводу литовскаго князя Александра Вишневецкаго, высланнаго Жигмонтомъ на здобытіе Смоленска, розгромили совершенно подъ тою-же крѣпостию и гнали далеко въ предѣлы Литвы. Ба вскорѣ же по томъ погромъ Вишневецкаго собрались въ земли Смоленской еще большіи силы русскіи съ воеводами Московскими, а тѣи вторгнули уже и въ саму середину Литвы, спалили тутъ предгородія Дубровны, Орши, Друцка и Борисова, опустошили всѣ мѣста около Полоцка, Витебска и Бряцлава, дошли ажъ до самого престольнаго города Литвы, до Вильна, и вернули оттуда съ многими плѣнниками и богатою добычею назадъ въ предѣлы своего царства.

Съ немалымъ счастьемъ воевали Велико-Русы противъ Литвы и Польщи таже въ слѣдующихъ двохъ лѣтахъ; т. е. 1535 и 1536,

особливо же въ концѣ послѣднаго года (1536) разбили они воеводу Немировича подъ Ивангородомъ такъ жестоко, що изъ 20.000 польско-литовскаго войска ледви маленькая часть недобитыхъ успѣла вернуться до Вильи. А также козацкій Атаманъ Дашковичъ, ходившій въ ту пору по препорученью Жигмонта со своими Запорожцами и съ шайкою Крилицевъ въ Сѣверскую область, не удѣлялъ ничего противъ велико-русскихъ силъ, а повернувши послѣ безуспѣшнаго похода своего назадъ въ за-Днѣпрянскую Украину, сидѣлъ тутъ уже безчинно до самой своей смерти, которая незадолго потомъ наступила. Затѣмъ неудача Жигмонта въ борьбѣ съ Велико-Русами принудила его укоротиться передъ Царицею Еленою, и былъ заключенъ съ нею въ г. 1537 перемирие на 4 лѣтъ съ тѣмъ условіемъ, що Сѣверская область и ново-построенныя крѣпости Себежъ и Заволочье остануть на-всегда при Москвѣ, а только одинъ Литовцами збуренный городъ Гемель у предѣловъ Сѣверщины належати буде до Литвы.

По заключеніи того перемирія съ королемъ Жигмонтомъ Царица Елена управляла русскою державою всего еще лишь одно лѣто, а въ г. 1538 умерла она наглою смертію. Кажуть, що ю отруили Мосюсовскія бояре, а любимица ея князя Телешнева-Оболенскаго они послѣ того сейчасъ-же кинули въ темницу, и тамъ уморили голодомъ. Русскіи литовскіи, сивисовавшіи исторію Руси за тѣхъ часевъ, не хвалятъ Царицъ Елену наибольше за то, що она не ушла чи не хотѣла зажить воспитаньемъ своего сына Ивана, и що будучи сама крутого норову, передала тойже норовъ такожъ одному сынову, котораго уже съ молоденькихъ лѣтъ стали въ Москвѣ называти Грознымъ.

А былъ той Иванъ Грозный при смерти матери еще мальчишкой, що ино склѣнчившій 8 лѣтъ, та вѣстно, не могъ бытъ промыслити ни о собѣ самомъ, ни о землѣ русской; за-дѣя того державою принялись теперь управлять бояре. Было же несчастье тако, що межъ тими боярами еще въ самого начала завелися споры-роздоры и вражда за первое мѣсто, за найвысшу власть, и до сей добирались не то честны и скромнѣйшии изъ нихъ, а именно буйныи честолюбци, жаждущіи блеску, отличій и мамоны. Такъ и попалъ же оя теперь сирота-царевичъ Иванъ въ руки еще гбришихъ опыкуновъ, нѣмъ былъ за житья своей матери, а оттакъ въ важномъ вѣку дитинномъ никакъ не успѣлъ бытъ научиться у людей чога добраго. Вместо бо того, чтобы насталяти молодого Царя на дорогу правды, ти несчастныи бояре-опыкуны позволяли ему съ-молоду предаваться лихимъ наклонностямъ, и тынчались возвращеніемъ его, чтобы такъ самы тамъ свободнѣйше могли своевольничати. А уже жъ своевольничали они во время малолѣтства Ивана — и не приведи Господи! Они безъ пощады разхищали царскій скарбъ,

грабили горожанъ, пригнетали простой народъ, заключали добрыхъ вельможъ въ темницу, та безъ страха и совѣсти розстроили русское царство.

А верхъ надъ тыми царскими боярами держала родина князей Шуйскихъ, стоявшая въ родствѣ съ царскимъ домоу и прегордая на свои великіи богатства и достатки. Тѣи то князь Шуйскій, завистными другой знатной родинѣ князей Бѣльскихъ (потомковъ Гедимина), завели страшенну межиусобицу съ княземъ Иваномъ Бѣльскимъ, который за свою доброту любленный былъ народомъ, и при помочи Московского Митрополита уже и достался былъ на якійсь часъ до найвысшій власти въ царствѣ. Шуйскій со своими приверженцами-боярами перемогли князя Бѣльского, захватили его въ неволю, а за другомъ его Митрополитомъ Московскимъ гнались одного разу ночью до царской палаты, та ажъ до спальни самого царевича Ивана, который отъ шуму того пробудившись, страшно перепугался. Въ очахъ то Ивана царевича буйныи бояре туй-туй вже що не убили Святителя-Владыку Руси, а только воздержались тутъ отъ такого злочинства, коли увидѣли, якъ мальчикъ-царевичъ весь дрожалъ и плакалъ отъ ужасного переляку. А такий перепугъ въ дитинячихъ лѣтахъ не легко забывается и до старости.

Послѣ того князь Шуйскій завладѣли державою, присвоили собі первыи вѣстця въ управленіи и верховодство въ боярской думѣ (советѣ), та взяли цѣлкомъ подъ свое опѣкунство молодого царевича. А было-же тое опѣкунство князѣвъ Шуйскихъ и ихъ друговъ-бояръ якъ найнерозумнайше, бо просто сказавши, оно вымѣрене было на совершенное розвращеніе царевича Ивана. Бачите, такъ нерозважно поступили собі тутъ сѣи бояре, що задумали до крайности испортити норовъ юного царевича, предполагаючи, що подъ розвращеннымъ Царемъ тѣмъ своевольнайше будуть могли въ державѣ распоряджати. Небачнымъ, не змѣрковали они, що власне черезъ тое самы они на себе бичъ готовятъ. Царевичъ бо Иванъ Грозный, яко о немъ русскіи летописцы повѣствуютъ, былъ уже зъ самыхъ дитинныхъ лѣтъ чрезвычайно быстроумный; скоро понятливый до всего; однакожъ норовъ у него былъ горячій, крутой и такъ неровный, що въ одной и тойже хвилѣ бывалъ бытъ то веселъ и сумный, то дружескій для воевъ и на воевъ гнѣвный. За такимъ дѣтвомъ очевидно потреба было смотрѣти зорко, щобы учился бытъ лише доброго, а не видалъ бы злого, и не перенималъ бы того на свою и на людскую пагубу. Такъ бы оно и было, еслибъ не умеръ передъ часомъ его отецъ; тогда жилъ бы мальчикъ подъ родительскимъ окомъ, а надежныи люди наладили бы въ немъ крутой его норовъ на обычай человеческій. Но не то вышло на долю Ивана Грозного. Лихіи бояре-опѣкуны подлажовались къ его дикому норову, и що бытъ дѣлалъ злого, то похваляли, лишь

бы добыти собою тамъ его ласку на будущиость. Колижъ царевичъ подросъ, и было ему лѣтъ 12, то оныи бояре стали давати ему еще больше потачки, ба таки побужали самы къ нехорошимъ забавамъ. Такъ и забавлялся при нихъ царевичъ Иванъ на несчастье ось-тъмъ, що мучилъ невинныхъ звѣрятокъ, звергалъ собакъ и котовъ зъ высокаго терема на землю; съ ватагою боярскихъ сыновъ рыскалъ по улицамъ города, топталъ кѣньми прохожихъ людей, и для потѣхи былъ и грабилъ всякого, кого по дорожъ встрѣтилъ. Бояре же не только не уймали его лихои потѣхи, но еще похваляли и натравляли на новыи безчинства, восклицая при немъ: „хѣробрый буде Царь, грозный на весь мѣръ!“ И вышло же потомъ боярамъ такъ, що по-правдъ грозный сталъ Царь Иванъ для всѣхъ, а вже найгрозныйшій для нихъ же самыхъ, для Московскихъ бояръ.

Первую свою грозу на бояръ царевичъ Иванъ показалъ въ г. 1548, коли ледви шо кѣнчилъ 13-ый годъ юности. А случилось дѣло сѣе такъ: Царевичъ полюбилъ тогда одного дворянина своего, немемъ Воронцова, который таки по-правдъ старался вести царского молодика на доброе. Князь Шуйскій, завистнымъ на всякого, кто лишь по-при нихъ втерался подъ ласку царевича, стали настойчиво преслѣдовати безвинного Воронцова. Разъ они схватили его въ столовой избѣ царской на собраніи бояръ, та въ притомности царевича били его по щекамъ, обрвали платье и съ соромомъ выкинули за дверь. Царевичъ Иванъ со слезами сталъ умоляти Шуйскихъ, щобы помиловали Воронцова, и коли уже не хотять оставити его въ Москвѣ, то най бы выслали его въ заточенье, а только где недалеко. Но Шуйскій и бояре не уважали на просьбы царевича: они шумѣли, кричали, жевъ пѣльми, еще и оскорбили самого Митрополита, который тоже просилъ за царевичемъ, а Воронцова отправили на заточенье въ найдальшій городъ Руси. Много безчинствъ и насилій видѣлъ уже Иванъ царевичъ на своемъ короткомъ въку, однако терпѣлъ онъ до-теперъ и свѣй гнѣвъ уморялъ таки въ собою. Но справа невинного Воронцова лягла у него на сердце тяжшии бременемъ, чѣмъ вся прочи, — и терпѣніе его лопнуло. Онъ на-разъ поднялся на самого найстаршого боярина, Андрея Шуйского, велѣлъ его схватити и ѳдалъ псарямъ; псарь поволокли Шуйского къ темницѣ и по дорожъ убили его на-смерть.

Гнѣвъ царевича Ивана увалъ на разбуявшихъ бояръ нежданно яко громъ; они затихли, присмирели и зъ той поры начали вѣтти для молодика-Царя страхъ и послушаніе. А Иванъ Грозный принялся теперь раскладати свои руки послѣ долгой неволи: на однихъ бояръ навлагалъ свою власку, гналъ ѳтъ своего двора, другихъ выражалъ языкъ, третихъ каралъ смертію. Доставалось тутъ не однихъ только

зигновивають, но рибні такою люде безвинны, навіть малолетнім. На жєстце прогнанных Шуйскихъ царевичъ Иванъ призвалъ темерь на управленіє къ собѣ близкихъ своихъ сродникѡвъ по матери, князей Глинскихъ (бачишь, покойниа Царица Елеца была таки княжна Глинська), а ти Глинскіи рады-шєрады мусали уже управити державою отрого и безщадно такъ, якъ захотѣлъ Иванъ Грозный. Управление Глинскихъ трєвало всего лише три лѣта, т. е. до того часу, коли царевичъ Иванъ достигъ до своего полнолѣтства, которое по завѣщанію тебощника Царя-отца назначено было ему за совершеніємъ лѣтъ 15.

Въ то-же время, коли въ Москвѣ вмѣсто Царя управляли бояре, происходило въ сусѣдной Литвѣ и Польшѣ дивное перетвореніє въ умахъ людей, которы до-теперь яко въ Бога вѣрили были въ римского папу. Ото бо премногиі найзнатнѣйшиі вельможа литовскіи та шляхтичи польскіи, до недавна еще самыі завязтыи католики, вєразились въ туу пору новою вѣрою Лютра и Кальвина, нѣмецкихъ богословѡвъ, которы научали людей, що вся найвысша правда Божєа есть въ святомъ Евангеліи Христа Спасителя, и що папа римскій не есть святѣйшій намѣстникъ Христовъ, а тѡлько просто человекъ такіи, якъ все мы грѣшныи люде. Тая наука лютерско-кальвинска перенесена была до Польщи нѣмецкими колонистами, и до того-же переймались нею вельможныи паны въ Литвы и Польшу, которы ѣздили бывало прогулятысь по богатыхъ нѣмецкихъ краяхъ, где то жили Кальвины и Лютры. Такъ и сталося теперь особливо на Литвѣ, що наибѡльша часть князей и боярѣ литовскихъ, которыхъ батки що-мно при Ягайлѣ (1386) изъ поганѣ крестились на папєжскую вѣру, перекинулись теперь на лютерство, та вже и по лютерски выкрикивали на папу римского найнепристойнѣйшии рѣчи. Изъ католикѡвъ отже, вѣрныхъ рабѡвъ Рима, потворились тутъ самыі заклятыи вороги всего, що лише пахло духомъ римскимъ. И зараза тая лютерска была на Литвѣ такъ велика, що цѣлыи католическіи села и жєстечка ставали на-скрѡзь Лютрами, ба въ одношь литовскогѡ воеводствѣ, въ таяъ званной земли Жмудской, изъ кѡлькохъ сотѣ латинскихъ парохій остало тѡлько 6 такихъ, що не отстали отъ римского папы. А не лише люде мирскіи, но навіть кєндзы латинскіи переходили численно на туу нову вѣру, и то сіи послѣдніи наибѡльше для того, що лютерскимъ понамъ вѡльно, яко и у православныхъ, по закону Божому женитися. Ба таки и одинъ бискупъ латинскій, номинатъ Кієвскій Пацъ, сталъ Лютромъ и оженился съ молодою литовскою монашкою. До г. 1542 лютерство на Литвѣ уже такъ сильно было розширилося, що въ сейи державномъ у Вильнѣ, съ изытїємъ лише двохъ латинникѡвъ (бискупѡвъ Виленского и Жмудского), все прочіи вельможи-сенаторы были не-

католики, а самыи Лютры, Кальвины и православныи. Така то вамъ змѣна велика здѣлалася въ томъ краю, где передъ 20 лѣтами (1520) въ онѣмъ-же соймѣ державномъ засѣдали самыи католики, и то такъ згорѣли, що не хотѣли до сенаторскаго кресла допустить навѣтъ одного не-католика (православнаго князя Гетмана Александра Острожскаго)! Доказомъ се было того, якъ непостоянный былъ онъ будынокъ, который Поляки посредствомъ католичества закладали были собѣ не то вже на Руси, але навѣтъ и въ Литвѣ.

А найтвердѣйшимъ Лютромъ на Литвѣ былъ въ тое время пребогатый и дуже славный вельможа, князь Николай Радивиль, названный Чорнымъ. Той-то князь Радивиль, якъ и чорнявый былъ зъ лица, и душу имѣлъ весьма свѣтлую. Онъ то спроваживалъ ученыхъ книжки зъ нѣмецкаго краю, старался о образованье убогой молодежи литовской, збудовалъ порядочну лютеранскую церковь во Вильнѣ, а гнушаючись католичествомъ, былъ всегда наилучшимъ другомъ всѣхъ православныхъ. Его любилъ народъ русскій и литовскій, а самъ король Жигмонтъ Старый, та еще больше сынъ его Жигмонтъ-Августъ, который яко Великій Князь Литвы и Руси жилъ тогда постоянно въ Вильнѣ, почитали сего князя Радивила Чорнаго наилучшимъ мужемъ державы. — А была у тогожъ князя на замку близъ Вильна одна пріятная приманка, котора еще больше привязовала до него сердце королевича Жигмонта-Августа. Се была имено сестра Чорнаго, прекрасная Варвара, котора що-ицо тогда въ молоденькихъ лѣтахъ повдовѣла по литовскомъ вельможи Гашгольдѣ. Въ тую то Варвару Радивилонну залюбилъ на-смерть молодой Жигмонтъ-Августъ, у котораго таки и была тогда своя жена Елизавета, княгиня австрійска. Якъ и противны были той любви королевича старый его отецъ и мати королева Бона Италіянка; якъ за тое предпочтеніе Литвинки злобились на Жигмонта-Августа панове и панъ польскій; якъ не довольный былъ тѣмъ навѣтъ самъ Радивиль Чорный: однако на все тое не зважалъ юный королевичъ, цѣлымъ сердцемъ любилъ литовскую княжну, и коли незадолго потомъ умерла ему болзнующая жена Елизавета Австрійска, онъ тайнымъ способомъ таки звнчался на Литвѣ съ тоуже Варварою.

Черезъ тую-то женцтбу свою съ княжню Варварою, сестрою найзнакомитшого Лютра на Литвѣ, молодой Жигмонтъ-Августъ, одержавши власне въ г. 1545 полную власть правленія, переданную на него старенькимъ отцемъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ, прилучился также самъ до лютерско-литовскаго еторонництва, сприялъ всѣмъ не-католикашъ, а на Поляковъ-католиквъ смотрѣлъ неласкаво, та и рѣдко завязалъ изъ своей любимой Литвы до ихъ пышнаго Кракова. — Тутъ же въ Краковѣ при старику-королю загосподарила тогда королева Бона,

властелюбива и прехитрая баба, котора через свои коварства и похищене маектвѣхъ людскихъ лихую паять оставила въ Польшѣ. Старый король Жигмонтъ I. уже въ справы державныи не мѣшался.

За полновластнымъ завладѣньемъ Жигмонта-Августа, коли то верѣхъ на Литвѣ взяли Лютеране, незгѣрше такожь дѣялося православнымъ Русинамъ, которыхъ въ литовскомъ велико-княжествѣ было около пять разы стѣлько душъ, що природныхъ Литовцѣвъ. Православныи Русины всѣ загаломъ радо смотрѣли на переходъ литовскихъ вельможъ зъ католичества на лютерскую вѣру, знали бо они, яко Лютры уже черезъ то саме, що не вѣрили въ папу римского и що мали своихъ попѣвъ женатыхъ, такъ якъ православныи, скорше и бѣльше будутъ спрѣяти святой нашей Руси, чѣмъ латинскимъ католики, которыи насъ Русинѣвъ николи не уважали за своихъ ближнихъ та и съ ругательствомъ называли насъ не иначе, якъ шизматиками и поганями. Оножь и по-правдѣ литовскіи Лютры, особливо князь Радивилъ Черный та другіи ихъ ученыи и знакомитыи мужи были для Русинѣвъ дуже благосклонны; ба они удавались таки до нашихъ православныхъ Владыкъ съ тѣмъ похвальнымъ намѣренъемъ, абы завязати съ ними якъ найтѣснѣйшую прѣязнь. И розумѣется, наши Владыки охотно принимали тыхъ честныхъ людей въ свою дружбу, понеже увѣрились, що Лютры со своею наукою намагались иди туда, куда мы православныи уже зъ-поконявкы были дѣйшли, т. е. до чистой вѣры евангелской Христа, не спорченной людскими додатками о самодержавіи Рима и ненавистію къ ино-вѣрцямъ.

Не такъ хорошо, якъ литовскимъ Русинамъ, поводилось о тойже порѣ нашому православному народу въ Галичинѣ. Тутъ латинники по мѣстахъ и мѣстечкахъ намножились тогда уже въ значномъ числѣ, и они якось не хотѣли иди за примѣромъ своихъ единовѣрцѣвъ литовскихъ, не переходили на лютерство, но оставали всѣ фанатично преданныи папѣ римскому, та чѣмъ-разъ то гѣрше не долюбляли и преслѣдовали нашу вѣру русскую. Ба, ихъ же бискупъ польскій во Львовѣ сталъ за тыхъ часѣвъ возвышатись въ своей гордости такъ, яко бы былъ бѣтъ вторымъ на свѣтѣ папѣжомъ: бѣтъ называлъ себе найстаршимъ Арцибискупомъ въ краю, не поважалъ православныхъ Святителей ни найменьше, а нашего русского Владыку Львовского взялъ просто пѣдъ свои ноги и старшоваля надъ нимъ, мовъ то надъ якимъ слугою. Около г. 1540 былъ тутъ такимъ Арцибискупомъ нѣякій Бернардинъ, который якъ и непрѣязный былъ для Русинѣвъ, но стался примѣчательнымъ въ краю черезъ то, що держалъ въ строгой карности также своихъ латинскихъ кендзѣвъ, которыи тогда во Львовѣ уже надто собѣ разбудали, жиючи зъ доходѣвъ русской земли надъ мѣру збытковно и

неблагоприметно. Сей то Арцибискупъ Бернардинъ выдалъ навѣтъ такую куренду до своихъ ксендзовъ, въ которой подъ острыми карами за- претилъ имъ жити въ дикихъ супружествахъ, одѣваться надто выстав- мо, ба и закручати въ кудри долгое волосье на голевъ и бородь (ба- чиншь, латинскіи ксендзы носили еще тогда долги волосья и бороды, а только не вѣдно имъ было завязати кудри и ложи). -- Также изъ стороны мирскихъ властей наинимъ Русинамъ въ Галичинѣ не было ни воли ни долъ; всѣ бо высшіи уряды въ краю находилась въ рукахъ Ляховъ-католиковъ, а русскіи люди, властивыи споконвѣчныхъ разды сееи кронны, служили нахолками та возными у пришедець зъ Польщи, Намецъ и Италин (бачиншь, богато итальянскихъ заволокъ насходилося до насъ за королевы Бояи, и тѣи зъ худо-нахолковъ при Полякахъ скоро ставали панами). А еще и въ томъ быда была для нашихъ Га- личины, що за-для частыхъ нападковъ татарскихъ сходились тутъ полчища лядкии, такъ званное „кварцианне войско“, що то его треба было прокормити, приодѣти и вооружити. Отъ постоею того войска терпалъ нашъ русскій народъ въ мѣстахъ и по селахъ правъ стѣлько- же, що отъ нападковъ татарскихъ, и зятѣмъ то записали летописцы на- ши такую згадку о оныхъ часахъ: „що Татарва не добила, то квар- цианна армія дошла.“ Особливо много опустушенья въ краю надвала така армія лядка въ г. 1537, колы то Польша собиралась будто вѣд- ною ийти на Молдавію и Волошу. Шляхта зъ цѣлон Польщи насхо- делась тогда до насъ густыми толпами, однакожь посварившись съ ко- ролеми за невыдачу платѣи на походъ военный, она простояла у насъ цѣлыми три мѣсяци, добиваючи вмѣсто Волоховъ всѣ куры и всяку до- машню звѣрину въ нашихъ селахъ собъ на прокормленіе. Тамъ же и закончилась она выправа, що паны Поляки перевши всѣхъ куръ у насъ, повернули по трехъ мѣсяцяхъ назадъ въ свояси, а самую-жъ то- ту соромну ихъ выправу назвали историки -- таки польскіи -- „ко- кошою войною.“

(Дальше буде).

Г О В О Р Ъ

ПОВѢСТЬ ЗЪ КРЕПАЦКИХЪ ЧАСОВЪ.

(Пбсла Адольфа Герлинга.)

I. КРЕДИТНЫЙ БИЛЕТЪ.

На внутренней набережной Василіева острова въ Петербургѣ стояли передъ склепами и канторами кушцы и пускали своихъ голубовъ. Было се

одного изъ найвершихъ а шаркавшихъ дней войны. Высоко на-взадъ конкоченымъ та гей той стоить огненный сверкающимъ верхомъ адмиралтейской вежи горло ясное солнце, отъ которого оствла позолоченны звезды на бѣнахъ дерковныхъ жарлы, мовъ тин огневны метеоры. Сливныя Невы, слины, якъ жадна друга рѣка на земли, гнали стрѣлою ко морю; вода ея была тина ясенья, чистенька, мовъ-бы она скинувши изъ себе ледовыи дыбы, хотѣла увѣстятися въ знакъ своей победы. Широкеи ея плесе нестрало прарозмаитыми кораблями, отъ величавого три-маштового корабля до простыкъ лодей рыбаковы отъ озера Ладожского. Тамъ гнали тараны царскіи чайки въ Петергофу, корабли салютировади, я туж выплыть изъ-подъ горизонта красный Богатырь, и летѣла всею силою пары горь водою изъ шестца, въ которомъ паровыи корабли до берега приближуютъ. Тысячи големыхъ и бородатыхъ мужей, красныхъ и елегантныхъ дамъ, якъ и простыкъ бабъ изъ чернаго народа стояли те на набережной изъ чернавого полированнаго гранита, те на мосту изъ насаи, и позирали весело и гей-бы замаяенныи яныи чарачи на рѣку, тую милотскую катушкѣ полу-миліона жителей Петербурга.

Но купцы, котори въ-округъ купками стояли, не знажали видко нынѣ зовастъ на рѣку, кога нитъ, отъ изытїемъ моряновъ, далеко больше дѣла изъ Царскою, якъ всамъ другитъ. Сильныи тин а поважныи явде съ густыми долгики бородами, которыхъ не постыдалъ бы ся жаденъ калифъ, въ долгихъ, позапнншихъ по саму шею жупанахъ, обходили нынѣ дуже важныи для нихъ празднїтъ. Нынѣ было се по разъ першїи, где любимыи Русекыхъ птицы, голубы, пописовались по воздуху своими нтуками. У кождога купца была въ рукахъ лалачки, а очи ихъ повержены къ небу, где голубы отвѣтно розмаитымъ порушениамъ палочокъ своихъ господарей строили розмаитыи дивоглядыи переверты. Посторонныи, на Василевскомъ островѣ поселеныи купцы пригладались той охотѣ, позакладавши руки въ торбїики, но не брали въ ней лично жадного участїа.

Середъ того гамору, тыхъ свистовъ и тыхъ, своимъ воздушнымъ попудикамъ живенько знаки дающихъ людей запутался одинъ человекъ, который оригинальной той забавцѣ такъ живо и цѣкаво прилявлялся, що можъ было догадаться, шо онъ еще того цѣки живъ не бачиль. Зѣ усть его выхаповался французскїи воскликки радости и удивленья, коги повидѣлъ, якъ однимъ шмигомъ пара голубовъ якихъ шесть-сотъ стѣпъ изъ горы мовъ-бы тая оловяная куля господаревн своему до нѣтъ падала, а опѣсля опять на тую-же высоту духомъ вылѣтала.

Былъ то собѣ маленькїи, 26-лѣтнїи паничикъ; плечи у него широкии, станъ стрункїи, а нога елегантна, яко лїишь можѣ бажати Французъ. На жодтавомъ его лицїи штипурчилися весь роды запустовъ волосья; а такъ пара мягонькыхъ его усовъ, якъ и оба бакенбарты и самая импертинейтно на-передъ

выстриженная борода, все они были абым осыпых доборныхъ правыхъ фризурныхъ выглажаны и выкоханы. Но найсмальйша была у него фризюра густото его волосья, которое зъ-пбдъ — мимоходомъ рениши, десять вытертого — его капелюха на силу протискалося. Юриды золотны пелешки были просто дурнищею противъ того, тнощными выярутасами спускающагося кручого поштыя, которое мало мати нечувваную якуюь пружкостотъ, коли отъ своен таки густоты безсильно не сказало. Маленьки, чорниа, перешибашин на-скрбъ очи придалися дуже до елнотичной йткости посторонного, на кото-рбмъ знати было дуже явно пбдстунбсть. Що до его одежи, то жомъ было сказаши, що талже съ незытешъ чистенькихъ святашихся острогбвъ при-спала уже до того состоянья, въ которбмъ жомъ ю было назвати зъ-паньска драпивою.

Онъ ступалъ ходомъ, якимъ не володѣе никто кромя хита якого Чер-теса, або ведця-скакуна, и приглядаясь лавамъ веклярскимъ и банкерскимъ, которыхъ обитатель съ счетными табличками въ рукахъ не отступали и на крою своихъ купъ золота и грошей. Тое его признаванься понукало тдео-терыхъ купцбвъ, запытати его, за чымъ онъ глуде и чи не жомъ би ему чымъ прислужитися.

„Grand merci!“ — отповѣлъ посторонный, та склонилъ легко голову. „Но въ самбмъ дѣлѣ и самъ того добре не уторонаю сказати, до кого мѣнъ дѣло; божъ русское писмо для мене то самб, що египетскіи героглифы. Чи не были-бъ такъ чемны, ростолювати мѣнъ тѣмъ таинственнымъ знакамъ?“

За тымъ словбмъ выдбблы онъ изъ калитки кусекъ паперу, на которбмъ стояли написаны три олова. Однѣмъ изъ купцбвъ посмѣхнулся, и перечитавши письмо, сказалъ:

„Сей-часъ господишь! Того знае цѣлый Петербургъ. Видите тамтой-ось долгій не-высокій дбмъ изъ поцятканого гранита? Или батюшка, иди! та дай Господи гараздъ врудовати!“

Французъ склонился и пустился ко всказанному дому, муркота собѣ подъ носомъ:

„Дивный якій народъ изъ тыхъ Москововъ!... Кто бы се былъ и ска-залъ, що тѣмъ люде туй-туй подъ Сибирію володѣють такъ ловко языкомъ вс-тлкомъ націмъ, що ажъ мѣнъ самому пригадается мой гасконскій выгворъ! Видко, що ту Французови не доробитися того своєю бесѣдою, що въ Нѣмеччинѣ.... Не буде ту бачу для мене богато работы.“

Теперь стануль онъ передъ долгою банкерскою лавою, въ которой си-дѣлъ на высокбмъ столѣци всъ поручами старенькій сивобородый человекъ, въ одной рукѣ перо, а въ другой счетная табличка съ перекидаемыми по ней катульками. Колька слугъ, всъ бородатыи, въ долгихъ, позапаянанныхъ до самой горы кафтанѣхъ, сидѣли тѣ ходили и перечисляли тихцемъ розмантого сорта гроши.

Французъ показавъ старому слою карту. Последний сталъ единственнымъ голосомъ читати:

„Митрофанъ Ивановичъ Юріевъ... такъ мнѣ на имя. Якое дѣло панови до мене?“

„Якъ о томъ незабавомъ пересвѣдчитесь, маю я честь представлятися яко Шевалие де Сенъ-Мандонъ“ — отвѣчалъ Французъ — „назъ округа Ла Шалоссъ, старомъ долашномъ Гасконіи, и позволяю собѣ указати вамъ се-ось отвѣтное письмо. Я прибылъ сюда шо-дно на „Богатыря“, и доотребую 5.000 рублей, щобы на якій часъ яко-такъ уладитися.“

Старый купецъ взявъ до рукъ письмо, осмотрѣлъ его на всѣ боки и сказалъ:

„Ванька! Чи прійшло до насъ авизное письмо отъ A. Brinton, Claig и Blakie, банкирѣвъ въ Лондонѣ и Глазгоу?“

„Не знаю ничего!“ — отвѣчалъ помѣчникъ банкира Ванька, а посторожный Французъ притѣилъ:

„Прошу пригланутися, шо письмо тое было уже гонороване отъ самыхъ першихъ фирмъ въ Копенгагѣ и Гданьску.“ — За тымъ словомъ показавъ бытъ на написанныи на письмѣ примѣчанія, зъ которыхъ показовалося, шо на него выдали уже банкеры 12.000 франковъ.

Якуюсь хвильку цагадовался еще Митрофанъ Ивановичъ Юріевъ, и велѣлъ собѣ овѣся подати огромный жмутъ векслѣвъ, зъ которыхъ бытъ одинъ выдобылъ, и подавши его помѣчникомъ, сказалъ:

„Гляди-но, сыну! Ту-ось маешь письмо отъ Brinton, Claig и Blakie, а ту кредитное письмо... А кто вамъ, милостивый господинъ, написалъ мое имя?“

„Русскій консулъ въ Гданьску.“

„Исусе Христе, сыне Божій!... Перепрашаю, перепрашаю!“ — Французъ склонился.

„Сей кредитный билетъ справедливый, а справа чиста,“ — притѣилъ Ванька.

„Живѣйше!“ — торопался теперь старый купецъ. — „Чого стоишь на мѣстци! Кѣлько панъ потребуютъ? Не гизвайтесе! Ось человекъ поставился та нудить неразъ самъ собою; но я готовъ все обслуговати тыхъ, котрымъ мнѣ далають честь довѣрія... Если панови до ладу, то я вычислю вамъ всё, шо еще на тое письмо не выбрали.“

„Пристаю на тое!“ — отвѣвалъ Французъ.

А такъ взялся Ванька числити Французови гроши, и числялъ, числялъ, шо и годъ было дождатися синимъ бумажкамъ конца. Незабавомъ очереватѣла калитка Француза осми тысячами рублей такъ сильно, шо ледво-шо могла помѣстятися въ за-пазушной его торбинцѣ.

Сенъ-Мандонъ попрощался, та и не зважалъ уже больше на пускающихъ по воздухахъ голубѣвъ.

По какой-то хитрой перевозке один будочник*) съ поважною своею физиономіею черезъ Неву, выскочилъ на набережныя сходки, и потянулся, россыхаючи всякого, кого лишь попалъ, на боки, къ канторѣ нашего Митрофана. Последний глядился шо вно, посмѣхаючи, по бороде, и клалъ свою счетную дощичку на лаву.

„Шесть-сотъ рублей чистого заребуку!“ — сказалъ онъ.

„Кромѣ ажіа!“ доправилъ Ванька, и сталъ охочо затирати себя руки.

Ту пригнался до нихъ заспаный будочникъ, и затрощалъ съ такимъ гукомъ и шумомъ, шо все находящіяся въ канторѣ, съ ними же и самъ Митрофанъ, перепуганныи посхлановалися, слѣдующее:

„Корова съ вершииъ телятеиъ найльпша.“ — Отсаппувиши одробину додалъ онъ:

„Маю для васъ дуже важную новину! она стоить за тысящи рублей! Одинъ пройди-святъ, который прѣехалъ сюда на Богатырѣ, мае васъ обманути на доброго полъ миліона...“

„Шо?“ — розверонилися старый Митрофанъ.

„Видите батюшка, шо я тверезый, тверезѣсенкій, якъ вы сами;“ — божился будочникъ. — „Шо-ино прѣйшолъ приказъ глядати за нимъ. Но я гадаль, шо оно буде лучше, дати вамъ на-передъ о томъ знати.“

Ту вступилъ до канторы ктось другій, а незабавомъ показалося, шо се былъ капраль отъ полиціи.

„А ты ту за чѣиъ?“ — закричалъ онъ своего пбдручного, по чѣиъ тойже сирутившиися въ-трое, чѣиъ скорше вынесся на улицу.

„Митрофанъ Ивановичъ Юріевъ!“ — отозвался теперъ капраль до старого купца. — „Приходжу сюда спасти васъ отъ великого несчастья. Шо-ино прѣйшолъ звѣстокъ изъ Гданска, шо одинъ Французъ, перевезшиися сюда вѣроятно на Богатырѣ...“

„Святой Отче святителю Николаю! Христе Спасе милостивый!“ — ухопился за голову Ванька, коли знову его господарь запомороченый, безъ тямки вытрещился. — „И я самъ дуракъ, вычислилъ ему гроши тмии-осъ руками!“

Но нашъ полиційный капраль провадилъ свою рѣчь, незвяжаючи на тое, голосомъ рапортующего: „Одинъ Французъ привезъ сюда сфалшованое кредитное писмо, на которое повелоса ему въ Гданьску вымантити не-малую сумму; — нашъ Гданьскій конзулъ написалъ ему самъ вашу адресу; — ополся открылъ Гданьскій купецъ подвалку, заказъ Богатырѣ отилылъ; — за Французомъ глядали на Богатырѣ, но его не подыбали; — вѣроятно по-

*) Будочниками зовуть въ Петербургѣ уличныхъ сторожей, которыхъ будки отъ мѣстца до мѣстца по-подъ домами стоять.

цмыль быз такі до Пітера — хочу казати, до Петербурга, зь мене бо не естэ жадець кацаць — отже воплыз до Петербурга, шобы вась обмантити. А що? Колько мяня буде за мою новину?”

Въ часъ того ровновданця крестидою нашъ Митрофанъ разъ за разомъ, и муркотѣлъ собѣ шось подѣ носомъ. Якъ той глухо-нѣмый перебирае на спанью пальцями, котерѣи ему служатъ вѣсто азыка, такъ ухопилъ нашъ Митрофанъ помповодьно за свою простую, но дуже практичную сметную дощину; и колиць быз устами мохмиса, пересували его падць махивадьно и независимо отъ того, що дѣялося въ голову, сметнымъ катульжы, такъ, що оцѣ-ся вышло изъ того точное обчисленье его утраты.

„А що?“ — закинуць капралъ. — „Чи уже обчислѣнь, колько стоить моя вѣдомость?“

„Авѣ одной копѣйки!“ — сказаць Митрофанъ ровнудошно. — „Уже мене обманулъ! Твоя вѣдомость прѣйшла уже за пѣзно.“

Но капралъ не забирался уступатися зь мѣстця, ажъ доки не прѣйшолъ козацкѣй сотникъ, который принесть тую самую новину, дпше съ бѣльшими подробностями, при чемъ быз подаць чѣмъ найточнѣйше вся дотычныи имена и дата старого и нового численія, ба и выявилъ все тѣи штуки, которыми зловопѣстному Гасконцу повелоса, вывести въ поле славныхъ изъ своей прозорливости нѣмецкихъ банкировъ, ба и царско-россѣйскихъ чиновниковъ. Хвацкѣй той, около 36-лѣтнѣй офицеръ станулъ собѣ нипозванцю позитурою середѣ канторы, примѣтилъ дзеленкаючи серебрянымъ своимъ ланцужкомъ на грудяхъ, шо за кордономъ и царско-россѣйскимъ чиновники, якъ ось примѣръ показуе, не суть безпечныи отъ тумановъ, и додалъ:

„Ты уже старый батюшка, а такъ и скупый! Но ты мене не откажешъ той малой дурнички: — Ось не могу зайтись безъ новыхъ пистолець; та и мой верховецъ уже схадѣлъ на амѣнь, а старый князь Череметьевъ не квапѣтся давати служяцюму козаковцъ доброго коня. — А такъ батюшка, будешъ такѣй добрый, мене якихъ двѣста рублей... но батюшка, не страхайся такъ дуже! — я не хочу даруку, но лишь позычити. — А шо? нѣтъ? На тыж-день? — И того нѣтъ?... Що? сучѣй сыну, ты мене не вѣришь? То ты мене маешъ за якого тумана, або шо? — А га! бачу я, шо зь тебе и не естэ справедливый Русскѣй! ты треклятый Полякъ! — Пожди-но! подавимо мы еще васъ всѣхъ, возьмемъ подѣ ноги, зотремъ на прахъ!...“

„Маєте-ось 50 рублей, капитанъ;“ — сказаць Митрофанъ поважно и подалъ ему жмутъ бумажокъ. — „Но най васъ Господь Богъ остереже, дазвати христѣянна крещенного водою святою Москвы, Полякомъ.“

„Цѣлую тя батюшка!“ — сказаць офицеръ, и додалъ: — „Не бѣйся, пѣймаю я тобѣ того мантара... Ну, але еще 50 рублей! Нѣтъ? Але-жь дя-дюшка, хочъ тыхъ дурамахъ двадцѣть бумажокъ!... Гей, и по шокъ тобѣ давати мене журбы и туги на душу, а то радкою, шо вже не долго будешъ

тѣшится тими достатками. Знаешь добре, що лишъ тѣхъ, которыхъ уже не-далеко до смерти, пропадаютъ за тою марною мановою, которою выдаеся козакъ? Пятнадцать? Ну, якъ же буде батюшка?"

„Добре, але больше уже аня слова... Маєте!“

За тымъ словомъ положилъ Митрофанъ на лаву одного рубля, котораго сотникъ безъ жадного гяву встрошилъ до калитки. Въ той бо хамилъ ступалъ къ той канторѣ чиновникъ министерства водницѣ, передъ которымъ калитанъ самодуриючи уступилъ. Чиновникъ принявъ ту самую вѣдомость, и домигалъ такожь свою хабару.

„Но, я лише показий, кто тамъ еще сюда прійдетъ — сказалъ Митрофанъ съ повагою дійствого Спартакана. — „Добре, що еще вся вода въ Невѣ не вымерзла.“

Если старый розумилъ слово въ Невѣ свою калитку, а водою Невы свои гроши, то было тое прирѣванье въ томъ смыслѣ приличное, що теперь его гроши погналися ѳтъ него быстротою плывущою воды. На счастье его была однакови его „Нева“ дуже глубока, такъ, що не плохо амчерзалъ бы воду изъ нем.

II. МАТЧИНА СЕСТРА.

Петербургъ придаеся дуже добре на рыстанье ѳ закладъ. Питеръ, якъ ось тое место черныи народъ Везиков Русы называе, криштально красное тое преотодное мѣсто свѣра, Питеръ есть собъ ось таки Питеръ; а то безспорно, Питеръ бо не можъ съ ничымъ срѣвнати; а гене-зисъ его не мае въ исторіи жадной паралель. Такъ ось стоить бимъ тамъ и красуеся, а старый Шлецеръ сказалъ еще передъ стома лѣтами: „Правила Nil admirari годъ ту не пуститися. За тое, кто въ Петербурѣ начудовался до воля, той буде мати уже гденде мало-чому чудоватися.“

Башкирецъ характеризуетъ Петербургъ еще лѣше, называючи тое место степомъ, обставленнымъ палатами.

Черкесъ, Лезгіецъ и Абхазецъ называють Петербургъ гѳръ-рядомъ, сложеннымъ изъ княжескихъ теремѳвъ, середъ которыхъ обьтае дблинами нужда в бѣда.

Торгующій коньми сказалъ бы, що Петербургъ есть то само, що конь-ская смерть.

Всѣ тое сходитъ на то, що въ Петербурѣ нема по-що пускатися пяхотою, хибъ що кто схоче начудоватися до воля, або зважится на тое въ цѣли технично-физиологичной.

Безконечною Невскою перспективѳю жене дорожка, въ ней же кидаетъ скорая ѳзда старенькою якошь невѣстою изъ одного краю дорожки до другого. Коньми поганяе не извошкы, аня наймитъ-ѳіакристъ, но „кучеръ“, ко-

герое-то названско употребился отъ Петербурга аж до Китайской границы.

Старенькая може сядо пышнѣтиса своимъ „кучеромъ;“ хвацкѣй бо той молодецъ має на головѣ по-верхъ чорного, ровню обстриженого волосья ясно-волосую шапку за сто рублей: русска его борода темнѣе роскошно на чистомъ кафтанѣ безъ колѣара, при чемъ бываея широкій его маликъ всею цѣло дзвочеш красотою, стегна его оперезаны кашмирскимъ шалемъ стойности 2.000 рублей. Елегантность и безвечность, съ которою онъ своимъ двома чорными украшаньями, простерши объ руки, поводитилъ, дѣлали его достойнымъ поводити тройкою. Обстоятельство, що до дорожки запряжена была лишь пара, указывало, що старенькая неважста рада была, середъ томъ запутаннымъ поездекъ великого рода, звернути на себе якую-такую увагу. Якъ дорожка и упряжь, была и одежда старенькой дуже дорога и доборна; при всемъ томъ однакожь мала она на головѣ старосвяцкѣй кокошникъ, родъ огромного старо-русского чепца, мереженного золотоголовомъ и жемчугами, который носятъ на Велике-Руси державцѣся старины купчихи, мамки и повивальныи бабы.

Дорожка остановилась передъ одною изъ найкрасшихъ палатъ Невского проспекта, а кучеръ помогъ старенькой злазити съ такою честію и подданностію, якою могла бы довольною быти и княгиня. Старенька ступала по гомонащихъ численными слугами сѣняхъ смѣло, що и можъ было познати, що она ту гей-бы дома у себе. Слуги уступалися ей самы изъ дороги; „камердиръ“ повелъ ю ажъ до входа до свѣтлыхъ комнатъ, склонилъ ей чению и пустилъ безъ оповѣсти до покоевъ.

Въ комнатѣ сидѣла на красивомъ креслѣ съ поручами гарненькая дама, которой не меньше молоденькая покоева фризвала волосье. Увидѣвши нашу стареньку, схопилася дама такъ живо изъ кресла, що покоева ледво-шо успѣла пустити изъ рукъ густыи кудри.

Оважена буйненькимъ волосьемъ, мовъ бы якимъ драгоценнымъ плащемъ, являла тая дама полныи, роскошныи виды тѣла; ея благородный, пригадующій подвочныхъ Варяговъ профиль, ясныи еи хотя не дуже мѣтки очи, все тое приводило передъ очя образъ греческой Геры, клятчаной поясомъ Харитинокъ.

Была то княгиня Софія Лединьска, одна изъ прославленнѣйшихъ красотъ Петербурга. Осиротѣвши передъ колькома лѣтами, стояла она, закѣпъ ю узнано за подполтню, подъ опѣкою своего дяди Олега графа Городецкого. Теперь ось жила она зимою въ величяной своей палатѣ въ Петербурзѣ, лѣтомъ же чергою въ роскошныхъ своихъ дачахъ въ Печорѣ, Богородску и Половни.

Наша дама поцѣловалася миленько съ старою и махнула легонько рукою, по чемъ ея покоева и молодая, досытъ красная ея товаришка, родомъ Финлянда, отдалилася.

(Д. 6.)

Пренебрегается
только
иразъ со
„Словомъ.“

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакция
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белетристичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 2.

Львовъ 27. Января 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ и ПОСЛѢДНІЙ ЯГАЙЛОНЧИКИ.

Въ тое время, коли въ Москвѣ господарили бояре а на Литвѣ и въ Польщѣ розматалося лютерство, якое тихо стало въ буйномъ краю русскихъ козаковъ такъ надъ Днѣпромъ якъ и надъ Дономъ. По смерти бо первого Атамана Запорожцѣвъ, хороброго Евстаѣя Дашковича (помершого около 1540 г.), черезъ долшій часъ не было войны ни съ Татарами ни съ Волошею, а королѣ Польщи, такъ Жигмонтъ Старый якъ и сынъ его Жигмонтъ-Августъ Ягайлончики, оба не военного духа люде, заключали съ Москвою (отъ г. 1537) одно перемиріе за другимъ, продолжая оное за каждыи разомъ на дальшихъ 5, 6 або и на 7 лѣтъ. До тогожъ въ г. 1548 умеръ въ Польщѣ Жигмонтъ Старый (проживши лѣтъ 82), а наследникъ его Жигмонтъ II Августъ, воспитанный подъ вліяніемъ бабъ (королевы Бонѣ) и розвѣженный любовію къ своей тайно заслюбленной Варварѣ Радивиловнѣ, ацъ не погадалъ николи за воинское дѣло, та еще такъ дуже боялся якои борьбы съ своими сусѣдами, що выразно таки запретиалъ украинскимъ козакамъ, абы они — хорони Боже! — не беспокоили навѣтъ и Крымскихъ бисурманъ-Татаръ, которы за то майже щорочно еще тѣмъ зухвалѣйше бушевали по Подблѣю и по нашой Галичинѣ. Не диво затѣмъ, що украинскіи козаки по смерти Дашковича якое пріутихли, та навѣтъ и уменьшилось тогда ихъ число разъ для того, що не было на-добре съ кѣмъ воевати, а по друге черезъ то, що король Жигмонтъ-Августъ, потребуючи самъ много гроша на бабскіи роскоши, пересталъ козакамъ точно выплачовати условленну платню за ихъ военную службу. Тѣлько лишь сталося доброго для Украины тогда, що нашлись такіи два дѣльными начальники Запорожя, Самойло Кошка и Вячеславъ Хмельницкій, которы таки радючи о томъ, абы не розвелося наше славное козацтво, и безъ взгляду на польского короля собради около себе колька доборныхъ полковъ козацкихъ, та на свою же

руку чинили военные походы на Татарву, и отражали неразъ счастливо напастныхъ Крымцевъ отъ границъ Украйны и Подбля.

Отъ Польши и отъ козаковъ завернемъ опять до сусѣдной Москвы; где ю той порѣ знову зайдемъ великаѣ перемѣна въ управленіи державномъ. Въ началѣ г. 1547 царевичъ Иванъ Грозный, ставши по завѣщанію небожика отца полновѣтнимъ, вѣнчался въ Успенскомъ храмѣ въ Москвѣ торжественно царскимъ вѣнцомъ, и началъ управлять державою самъ яко Царь-самодержецъ всеи Руси. Зъ-перва то новый Царь, якъ былъ недоброго норова въ свое малолѣтство, такъ и заявилъ себе злобивымъ на первыхъ колькохъ мѣсяцахъ своего самодержавія. Вскорь однакожъ измѣнился онъ такъ на-скрѣзь въ своемъ сердцѣ, сталъ такимъ добрымъ и умнымъ владыкемъ, що весь православный міръ не могъ доводно его навеличатись и нимъ натѣшитися. А та-то перемѣна съ Иваномъ Грознымъ случилась зъ половины 1547г. такимъ ото побытомъ:

Вскорь по своемъ вѣнчаніи на царство Иванъ Грозный оженился съ добросердичою и благочестивою Анастасією Романовною, довь кою боярина-князя Романа Захарина. Оженившись сталъ онъ не много мягчимъ, лагоднѣйшимъ, однакожъ въ томъ знову погрѣшилъ богато, що найважнѣйши дѣла управленія передалъ еще и на-далъ своимъ сродникамъ по матери, князямъ Глинскимъ, которыхъ народъ за ихъ збытковное житье и за здырство дуже былъ зненавидѣлъ. Глинскіи пакостились теперъ опять надъ народомъ, а межи тѣмъ милосердный Богъ, желая напровадити Царя Ивана на дорогу правды, послалъ ему особенный, можъ сказати, чудный случай для исправленія. Въ половинѣ лѣта 1547 настали въ Москвѣ страшенныи пожары. По-правдѣ, бывали въ Москвѣ огнь частыи и великии, но такого, яко былъ на днѣ 21 Юлія помянутого лѣта, не случалось еще ни разу. Пламя при сильной бурѣ охватило на-скорости цѣлу Москву, въ которой тогда будынки по наибольшой части были деревянныи, и за колька годянъ выгорѣли до-гла дома и дворцы боярскіи, церкви Божіи та и царскіи палаты съ всемъ ихъ богатствомъ, отъ прежнихъ Царей поназбиранныхъ. Тысячи родинъ потеряли все свое добро, сверхъ 1700 людей згорѣло въ огни, а самъ Митрополитъ ледви спасся отъ неминуемой смерти. Царь съ Царицею, съ братомъ и многими боярами ухалъ до поблизкаго села своего Воробьева, и оттуда съ сокрушеннымъ сердцемъ смѣтрѣлъ на згарища и розвалины своего города.

На другій день послѣ того великаго пожара Москвы царскіи бояре стали изслѣдовати за причиною несчастья. Тогда въ народѣ повстала поголоска, що будьто Москва згорѣла отъ чародѣйства, именно же отъ чаровъ княгини Анны Глинской; котора; якъ се твердили повѣрчивыи люде та и вороги родины Глинскихъ, вынимала будьто че-

ловаческія сердца, вдала ихъ въ воду, и тою водою кропила улицы города. Якъ и дурна была тая выдумка, но народъ въ Москвѣ сей-часъ ей повѣривши, збунтовался весь, съ яростію кинулся на князей Глицьскихъ, та одного зъ нихъ, Юрія Глицьского, мятежники выгладящи въ Успенскомъ храмѣ, убили на мѣстци. — На той бунтѣ народа середь погорѣлица Москвы, середь свѣжо испаленныхъ труповъ людскихъ, смотрѣлъ Царь Иванъ Грозный изъ своего дворца въ селѣ Воробьевѣ, и страхъ вступилъ къ нему въ душу и трепеть въ кости. Онъ дагадавъ собѣ все тое зло, которое дѣлалъ людямъ безвиннымъ, вспомнулъ теперь, якъ угнеталъ бѣдный народъ всякимъ насиліемъ, и пожаръ Москвы принялъ за велику, но праведную кару, посланную на него гнѣвомъ Божиимъ. Въ ту-то хвилию явился передъ него одинъ священникъ, именовъ Сильвестеръ, родомъ изъ Новгорода, и той началъ говорити ему словами священного писанія: що сей бунтъ и пожаръ Богъ допустилъ на него, яко на Царя православной Руси, за грѣхи юности его, и що если онъ теперь не покается, то и гѣрше ему еще буде, Слова благочестивого Сильвестра тронули сердце Грозного, и онъ постановилъ оттакъ на-скрѣзь исправитись. Сей-часъ-же послѣ того онъ переехалъ назадъ въ Москву, и созвавши народъ православный на великую площадь, въ присутствіи Митрополита и всего мѣстнаго духовенства велѣлъ отправить молебень; а по томъ молебнь передъ всемъ народомъ онъ сповѣдался изъ грѣховъ своей юности, просилъ для себе прощѣнія и обѣтовалъ отъ-теперь царствовать по правдѣ. Послѣ того всенароднаго покаенія Иванъ Грозный сталъ Царемъ такъ праведнымъ и добрымъ, якъ лучшаго не было тогда нигде въ сусѣд-ныхъ державахъ, и былъ онъ такимъ-же черезъ цѣлыхъ 13 лѣтъ, т. е. доки жила добрая, истинно ангелская жена его Анастасія Романовна, когору онъ по всей ширости сердца своего любилъ, и котора имѣла саму благодатну, майже чудовную власть надъ цѣлымъ его существомъ.

За весь той часъ своего исправленія Царь Иванъ сотворилъ такъ многа добрыхъ и великихъ дѣлъ для русской державы, що въ лѣтописяхъ велико-русского народа, хотъ и якъ широко списованныхъ, майже не-стае мѣстца, абы все тое съ подробностію очертати и съ отповѣднымъ достоинствомъ восхвалити. Мы въ нашей Исторіи розкажемъ тутъ лише о некоторыхъ важнѣйшихъ подвигахъ того Царя, произведенныхъ нимъ въ теченію оныхъ славныхъ и счастливыхъ 13 лѣтъ его владѣнія.

Первымъ дѣломъ роскаавшагося Ивана Царя было то, що онъ прогналъ отъ себе всѣхъ негодныхъ людей, якіи оставались при дворѣ его зъ часовъ злопамятнаго боярскаго правленія, а прибралъ до себе мужей умныхъ, честныхъ и любленыхъ народомъ. Межи всѣма тѣми добрыми людьми наибольшую повагу имѣли у него два наилучшія другіи народа:

священникъ Сильвестеръ, тойже самъ, що направилъ Царя на до-
рогу правды, и Алексѣй Адашевъ, человекъ незнатнаго роду, но
чрезвычайно способный до дѣлъ управленія такъ по свойствамъ ума
якъ и сердца. Онимъ то двомъ мужамъ Царь Иванъ поручилъ прини-
мати прошенія отъ вдовъ, отъ сиротъ и отъ всѣхъ угнетенныхъ, чтобы
просьбамъ тѣхъ-же сейчасъ справедливость была вымѣрена; а во всѣхъ
важныхъ дѣлахъ державныхъ поступалъ онъ заедно лише такъ, якъ
ему порадили два тѣмъ найвысшіи совѣтники. Тожъ прежде всего Царь
Иванъ при содѣйствіи Сильвестра и Адашева занялся уложеніемъ до-
брыхъ законѣвъ, чтобы никто изъ судіевъ не судилъ по своему произ-
вольству, но чтобы всюду въ царствѣ былъ порядокъ и справедливость.
По его приказу розсмотрено всѣ давнѣйшіи законы русскіи, а що
въ нихъ оказалось неточнымъ и неполнымъ, то сейчасъ исправлено и
дополнено, и зъ тѣхъ-то законѣвъ составлено въ г. 1550 книгу подъ
названіемъ Судебникъ Ивана IV. Въ онимъ Судебнику Царь Иванъ
постановилъ межъ прочими таке найважнѣйшее устройство суда рус-
скаго: чтобы во всѣхъ громадахъ, сельскихъ и городскихъ, народъ самъ
выбиралъ собъ старость и судіевъ присяжныхъ, та чтобы царскіи на-
мѣстники и судіи никого не судили безъ тѣхъ старость и присяжныхъ.
Такого свободнаго устройства судѣвъ громадскихъ не было за тѣхъ
часѣвъ еще въ мякой другой державѣ свѣта, а тѣлько настало оно въ
первый разъ за Ивана Грознаго въ одномъ царствѣ русскомъ. — По-
слѣ того въ г. 1551 Царь Иванъ созвалъ въ Москву на духовный
Соборъ Владыкъ и ученыхъ священниковъ русскихъ всего царства, абы
они уложили постоянныи правила для церковнаго благочинія и для укрѣ-
пленія христіанской норовственности въ народъ. Все, что постановилъ
той Соборъ для блага православной Церкви, было списано въ одну
книгу во сто главахъ, и оттакъ книгу сію названо Стоглавомъ. —
Въ тоеже время Царь Иванъ хотѣлъ было завести по цѣлой Руси выс-
шіи училища на подобіе такихъ, якіи были у другихъ, бльше обра-
зованныхъ народѣвъ, та уже и послалъ за границу своихъ дворянъ,
абы зъ-оттамъ спровадити учителей, лѣкарей, аптекарей, рудокопѣвъ и
другихъ искусныхъ людей; однакожь Ливонскіи Нѣмцы изъ самой той
зависти, абы Русь черезъ высшую просвѣту не стала еще сильнѣй-
шою державою, не допустили Ивановымъ дворянамъ переводити загра-
ничныхъ ученыхъ черезъ Ливонію (бачишь, туда ишла дорога изъ за-
падной Европы въ Москву), та и такъ доброе намѣреніе Царя тогда
не повелося. Столько лише успѣлъ въ справѣ искусства здѣлати Царь
Иванъ, що въ г. 1552 запровадилъ въ Москвѣ первую русскую пе-
чатню, котора тогда еще была новымъ изобрѣтеніемъ въ Европѣ.
Кромѣ того удалося ему завязати взаимную торговлю черезъ море съ

Англичанами, у которыхъ, яко найславнѣйшихъ мореплавателей, русскіи купца выучились строить великіи корабли, якихъ, передъ тѣмъ въ приморскихъ сторонахъ Руси еще никогдѣ не бывало.

Такъ уладивши судову, духовну и искусственну справу своего царства, Иванъ Грозный принялся за устройство войска. Для той цели росписалъ бытъ порядочно, сколько всякая область Руси має доставляти збройного мужа въ часъ вѣины, а кромѣ того запровадилъ постоянное войско, въ добрыи стрѣльбы вооруженное, которое и называлъ стрѣльцами. По такому росписанію всякій житель русскій зналъ свое дѣло, а въ случаю потребности Великая Русь уже тогда ставляла до 300.000 хорошо уброенныхъ воиновъ.

Послѣ такихъ мудрыхъ распорядженій, Царь Иванъ обернулъ свою увагу на сусѣдѣвъ. Первымъ безпокойнымъ сусѣдомъ Москвы были Татары. Изъ трехъ татарскихъ ханствъ самое наиблизше было Казанское, а самое найнеспокойнѣйше Крымское; третье ханство, Астраханское, держалось тогда мирно. Въ Казанскомъ ханствѣ происходили вѣчныи междусобицы за наслѣдство престола. Тамопшій вельможи татарскіи подѣлились на два сторонництва: одни просили собѣ хана у Царя Ивана, другіи у Крымского хана. Царь Иванъ поставилъ надъ ними ханомъ Казанского князька Шигъ-Алея, а коли Казанцыя той ханъ не подобался, далъ имъ царского намѣстника, русскаго боярина Микулинскаго. Но вельможамъ татарскимъ показалось соромно не имати власнаго царя-хана, а повиноватись Московскому боярину; они збутовались, прогнали царскаго намѣстника, и оголосили своимъ ханомъ Астраханскаго князька Едигера. Тогда Иванъ Грозный постановилъ уничтожити Казанское ханство, и помолвившись Богу, самъ лично повелѣлъ противъ Казани 130.000 русскаго войска. Отъ всѣхъ сторонъ полки царскіи окружили городъ Казань, и держали его въ осаду черезъ пять недѣль. Казанцы боронились отчаядушно, но русскіи войска подѣ начальствомъ самого Царя Ивана и дальнихъ воеводъ его, князей Воротиноскога и Курбскога, поражали ихъ безпощадно, и наконецъ дня 1. Октября 1552 г. взяли Казань приступомъ, а хана Едигера поймали въ неволю. Въ тотъ часъ Царь Иванъ власною рукою водрузилъ святыи крестъ въ городъ Казани и указалъ тутъ оныи мѣстца, где мали строитись христіанскіи церкви. Первая церковь во имя Благовѣщенья была готова за 5 дней, а 6. Октября уже ю освятили. — Послѣ того Царь назначилъ своего намѣстника въ ново-покоренномъ ханствѣ, и отъ того часу сіе ханство на вѣки вѣчныи здѣлалось областію Великои Руси, такъ званною теперъ Казанскою губернією. Царь Иванъ завелъ въ Казани и православуу епархію, въ которой первымъ Владыкою былъ Святыи Гурій.

Повертаючи изъ славнаго похода зъ-подо Кавани, Царь Иванъ одержавъ радостную вѣсть, що Богъ послалъ ему сына, маленькаго царевича Дмитрія. Тогда то не только вся Москва, но именно вся Великая Русь съ торжествомъ встрѣчала Царя покорителя Татаръ, и молилася за него. Та и по-правдѣ было чому радоватись русскому народу. Татары бо, хотя уже за прежнихъ Царей русскихъ значно о-бесилены, но всежь еще были для Руси племенемъ самымъ страшнымъ и грознымъ. Къ томужь за прежнихъ Царей велико-русская держава забираючи подо себе Новгородъ, Псковъ, а Рязань, а Свѣрцину, брала только свое, що изъ-давна было русскимъ; о томъ же, чтобы добывати чужии земли, она и не помышляла. Ажь теперь наразъ появился молодой русскій Царь, и покорилъ чужую державу, та еще ненавистну державу бисурманскую! Было чому радоватись, было за що преславляти Царя, который черезъ занятіе Казани совершилъ одно зъ наибольшихъ дѣлъ, яке до г. 1552 въ исторіи Великой-Русиновъ записано было.

Середь такой загальной радости русского народа Богъ послалъ Царю Ивану и горькое искушеніе: въ 5 мѣсяцѣвъ по занятіи Казанскаго ханства онъ тяжко занедужалъ, и таки уже близкій былъ смерти. Вельможи, видячи умирающаго Царя, при самой постели его начали спорити и шумѣти межи собою за то, кому быти Царемъ по его смерти. Иванъ Грозный завѣщалъ царство родившомуся недавно сыну Дмитрію, но нѣкоторые упертые бояре не хотѣли присягати дитяти-царевичу; ба навѣтъ самъ стрѣчный братъ Ивана, Князь Владиміръ Андреевичъ, долго не склонялся на присягу, и по всему видно было, що ему самому хотѣлось царствовати послѣ Ивана. Недужному Цареву потребно было спокою, а межи тѣмъ буйные бояре въ его спальнѣ спорили, кричали, сварились за будущаго наследника, и нѣкоторые зъ нихъ тутъ-же таки явно показали свое недоброхотство къ самому Ивану, полагаючи, що онъ уже и не встанетъ зъ ложа болѣзни. То и какъ-же было Ивану на сердцю тогда, коли онъ видѣлъ и слышалъ все тое, що дѣлали нерозумные бояре? — А колижь вскорѣ потомъ Богъ воздвигнулъ его отъ недуга, онъ и виду не показавъ, що помнитъ боярскую крамолу во время своей болѣзни: по прежнему былъ милостивъ, ласкавъ и справедливый. Но сердце человѣческое не камень: въ Ивановомъ сердци осталась горькая память о семъ происшествіи, и онъ пригадалъ все тое бояремъ ажъ по 7 лѣтахъ, коли знову сталъ на-правду грознымъ и суровымъ.

Послѣ паденія Казанскаго ханства оставалось еще пасти Астраханскому ханству, и то здѣлалось весьма скоро и легко. Татары въ Астрахани оскорбили разъ и заключили въ темницу русскихъ послѣдовъ, думаючи, що такой поступокъ уйде имъ безкарно такъ, якъ бывало

давнѣе, когда то надъ Москвою владыка ихъ Золотая Орда. Но Иванъ Царь не стерпѣвъ такого оскорбленія отъ бисурманъ: въ г. 1558 отъ послѣдъ на Астрахань отрядъ доборого войска, и той отрядъ якъ-стой покорилъ цѣле Астраханское ханство. Тогда то слухъ о покореніи двохъ татарскихъ державъ разнесся по всей Азии и привелъ въ удивленіе далекии народы: племени татарскаго и монгольскаго. Ханъ изъ Хивы и Бухарии, потомки Батиды, прислали къ Ивану своиаъ послѣвъ съ поклономъ; ханъ Сибирскій добровольно прислалъ дань въ Москву, а князьяи Черкесъ и Грузии просили приняти ихъ въ русское подданство. Въ тое то время вѣсточкіи народы извѣстали могучаго Владытеля Москвы Блжжизъ Царемъ, и говорили, будто въ ихъ книгахъ записано стоить тако старинное прѣданіе: что все бисурманскіи цари покорятся Блжжому Цареву. Сбыдось те икъ прѣданіе: за часѣвъ Ивана Грознаго и надъ Казанью и надъ Астраханью, оставался одинъ только непокорный Крымъ, на который заходила уже черга въ тѣ-же славныи лета Ивановаго царствованія.

А противъ тѣхъ-то Крымцѣвъ Царь Иванъ побернулъ теперь всю свою грозную мысль, нагвряючи усмирити ихъ хоть на иотѣлокъ, чтобы они не важились неустанными нападками беспокоити русскіи предѣлы. Зналъ бы въправдѣ, что съ Крымскими Татарами дѣло не пойдѣ ему такъ легко, якъ пошло съ Казанцами и Астраханцами, понеже Крымъ отдаленый отъ Великой Руси широкими степами, и до тогождъ Крымскій ханъ былъ присиживкождъ турецкаго султана, отже прійшлось бы вступить въ борьбу и съ Турками; въ то время еще весьма могучими; однакождъ много того увѣренъ былъ Царь Иванъ, что покональ бы легко и все Крымское ханство; еслибы только до его едикло-русскіихъ силъ прилучились также и мало-русскіи войска; котормъ находились нѣждъ властвію короля Жигмонта-Августа, яко Великаго Князя Литвы и соединенной съ нею Малой Руси. Но жалъ, король Жигмонтъ-Августъ, наскрѣзь изнѣженный и слабый, ани не думалъ запускаться въ яку войну съ Татарами, боялся турецкаго султана горше сатаны, та за претимиши навѣтъ украинкиимъ козакамъ, абы тѣ не беспокоили Крымскаго хана, смотрѣлъ холодно на ое, явъ дикіи дѣлчица нѣдождъ канѣ рѣкъ-рочно разбивали народъ русскій на Подолью и въ Галичинѣ; якъ грабили наетки наши и уводили старцѣвъ, женъ, дѣтей въ татарскую яволю. Съ такимъ отже неродомъ никакъ не возможно было вздмати якій доводный союзъ въ цѣли совершеннаго вынщевья напавтимиъ явлемъ бисурманскихъ; и по правдѣ Царь Иванъ навѣтъ не покушался входить съ оябодушнимъ Жигмонтъ-Августомъ въ недобрии союзъ, а только удоволился тѣмъ, что по истеченію условленнаго перемирія въ г. 1556 заключилъ съ нимъ такожеждъ перемиріе на дальнихъ блатъ,

и черезъ те ниваль уже забезпеченъ таке, що въ борбахъ его съ Крыпцями Польша и Литва принаймнй вредити ему не буде.

Въ тоєжь время Царь Иванъ выслалъ въ Запорожскую Сечь свого Дяка (писаря придворного) Ржевского, препоручая ему, абы старался для намеренного похода на Крымъ позыскати нашихъ Запорожцѣвъ. А былъ тогда на Запорожью найстаршимъ Атаманомъ козакомъ русскій князь Дмитрій Вишневецкій, одинъ изъ потомковъ славного рова святого Владимира Великого, мужъ хоробрый, страшный для Татаръ, который власне що недавно посварившись съ королемъ Польши, переехалъ изъ Волиня зъ добръ своихъ на Украину, а присташи до козакомъ, сейчасъ и выбранный былъ у нихъ Кошевымъ Атаманомъ. Того-то Атамана Вишневецкого полюбили наши козаки за его удаельство и щедроту такъ сердечно, що надали ему найбольшу надъ всама полками власть а вразъ съ тымъ-же и названіе Гетмана, т. е. найвысшій титулъ, якій надавался лишь найстаршому начальнику всѣхъ войскъ на Литвъ. Сей новый Гетманъ козацкій ажъ подскочилъ зъ радости, когда явился передъ него бть русского Царя Дякъ придворный Ржевскій, абы запросити Запорожцѣвъ на выправу татарскую. Уже бо и такъ скучно ставало козакамъ жити въ степахъ безъ военного дѣла, та многіи зъ нихъ, повинуючись заказови польского короля, абы Татаръ не воевати, покинули были матку свою Сечь, и на другомъ боцѣ Днѣпра стали просто хлопами - земледельцами. Тожъ теперъ въ козацкомъ мѣрѣ все ажъ бѣжало духомъ свяжнимъ, коли прийшлося для самого батюшки Бѣлого Царя здѣлати на войнѣ его съ бисурманами честную прислугу. Такъ и не долго ждалъ тутъ царскій дворянинъ Ржевскій, а вже козаки наши, собравшись знову въ большіи войсковыи громады, съ дальними Асаулами Млынскимъ и Есковичемъ двинулись за немъ въ походъ на Татаръ, ударили на Крымскіи города Исламъ-Керменъ и Очаковъ, розбили кблька татарскихъ отрядовъ, принудили самого Крымского хана Девлетъ-Гирея бѣжати далеко въ закуты свого ханства, и наконецъ съ богатою добычею вернули въ свою рбдную Сечь.

Послѣ того удачного похода подвигнулся въ г. 1557 вже и самъ Гетманъ Дмитро Вишневецкій съ численными полками на Крымского хана, спалилъ ему до-гла сильную крѣпость Исламъ-Керменъ, вывезъ оттуда всѣ татарскіи пушки въ свою Хортицкую крѣпость на Сечи, и бѣразилъ мужественно всѣ напады хана, который по десять разы намагался приступити до его острова на Днѣпръ, а за кождымъ разомъ безъ уснаха тратилъ тысячи своего бисурманского войска. Вокорѣ потомъ прислали отъ Москвы еще и велико-русскіи полки подъ начальствомъ боярина Даниіла Адашева, а тѣи вразъ съ украинскими и Донскими козаками предпріяли знову одну выправу на Крымское хан-

ство, где землю татарску широко опустошили, много Татаръ побили, а воухъ христіянъ, жки лишь оставали въ исырь (въ татарской неволь), высвободили изъ рукъ бисуріанскихъ. Послѣ сего погрома Крымской орды ханъ Девлетъ-Гирей, только съ бѣдою спасиной отъ рукъ Адашева, сидѣлъ уже тихо въ своихъ Крыиъ, и вѣрныхъ 15 лѣтъ не ва- жился нападать на велико-русскіи земли.

А межн тѣмъ козацкій Гетманъ Дмитро Вишневецкій, видячи теперь, що за усириеніемъ Крыицѣвъ ему въ степяхъ украинскихъ славного дѣла уже не найдеса, постановилъ вступити въ службу къ Ивану Царю; надючись у того могущого и дѣятельного Владѣтеля найти помощь для своего воинного духа. Вдучи съ многими товарищами своими до Москвы, князь Гетманъ Вишневецкій занялъ по дорогѣ мало-русскіи города Черкассы и Каневъ, где жители усильно просили его, абы передалъ ихъ на вѣки вѣчныи подъ власть Бѣлого Царя. Тожъ прибывши въ Москву, князь Гетманъ передалъ занятые города русскому Царю, и вразъ-же упроцалъ его, абы дозволилъ навѣтъ и безъ войска заняты и прилучити до велико-русскаго царства всю Малую Русь, которая неохотно оставала при Литвѣ и подъ Польщею. Однакожь Иванъ Грозный, вступивши що-нико недавно въ перемиріе съ Польщею на 6 лѣтъ, нечиталъ данное свое слово ширатѣмъ высоко, що не только не присталъ на предложеніе Гетмана Вишневецкаго взглядомъ занятія всеи Малой Руси, але отдалъ навѣтъ сейчасъ города Черкассы и Каневъ назадъ королеви Жигмонту-Августу. Князя же Дмитрія Вишневецкаго принялъ онъ якъ найраднѣйше въ свою службу, та по его желанію здалъ его начальникомъ своихъ войскъ въ тѣхъ сторонахъ державы, где еще часто заводилися войны съ бисуріанскими племенами Азіи.

(Дальше буде.)

Г О В О Р Ъ

ПОВѢСТЬ ЗЪ КРЕПАЦКИХЪ ЧАСОВЪ.

(Продолженіе.)

„Богъ съ тобою, милая Бориссо!“ — склякнула Софія, и отгорнула себя волосье, черезъ що она стала еще больше похожою на греческую богиню.— „А що тамъ нового? Ты смѣшся, и око твое веселе! Може уторочала дослѣти того, милая матушка, за чѣмъ я доси даромъ розсчибалася? Мезя не показоватися уже передъ Царницею; дядина Городецка загородила мезя до нем дорогу, а Царь откинулъ прошенье профессора, допустити до теперашнихъ

даккерей Велюкой княгиня Александровна еще другого лжаря. Колибъ еще Царь дознался, кто се такий той несчастный Говоръ... онъ выведетъ бы его за туи деразоты на Кавказскую линию...

Старенькая Борисса розсказала выгоды на себѣ, и стала собѣ съ удовольствіемъ гладити миронія склады дорогихъ своей шолковой одежды. Главушка опбсла на молоденькую Софію зъ-подъ ока и сказала:

„Знаю я все твое дуже добре; а-ну, угадай, отъ кого?“

„Отъ профессора Ромберга? неправда?“ — сказала Софія, и покраснела.

„Ого, серденькой! Вгадаешь ты твое дуже добре, що я того Нидиля зъ-роду не знаю. Але пожди-но, та послухай, а будешь андѣв, що у старой Берисси больше уму, якъ у всехъ твоихъ друзей и всякъ-варобиль. А чула ты коли о той Ляковцѣ, графинѣ Ядвигѣ Иганецкой, которую такъ дуже любить Велюкая княгиня отъ чаю своей недуги?“

Княгиня Софія поврутила зъ-нышня дробными своими усточками и сказала:

„Тая партярка Иганецка?“

„Такъ, такъ! славити Госпада, любить она забавлятися картинами и съ тѣмъ то все мое надѣя!“

„Не говоръ такъ загадочно, милая Бориссо;“ — сказала Софія повважно. „Во мнѣ какъ духъ зазираетъ изъ страху, чтобы твоѣ дѣло не дошло до несчастія тебе, милая дядюшко, та мене и еще когось третого!“

„Не бойся красная ластовонько!“ — сказала старенькая голосомъ сердешнымъ. — „Моя сестра кормила ти свои молоденькими груденятами. Або то и я не люблю та може якъ-бы свою питому дитину?“ Або то Говоръ не твое само моему серденьку, которое не дождалося отъ Боженька потомства, що мой рбдывсенный сынъ? Послухай же теберъ одробинку, те будешь видети, що где до чого. Чусь чуешь, миленькой сокоянку, кажу я де своего человека: Митрофане! а-ну, отжалуй-но одробину своей души, та зроби про мене одинъ не великий грѣхъ. Ось цѣла рѣчь, трощечка побрехатися. Такъ ось кажу я до него; але ему зъ-разу того анъ говоръ! ажъ доки не сказала я, що се мае брехати про тебе, ластовонько, и про моего милого Говора. Тогда казалъ онъ написати вексель на 2000 рублей, а то такъ, що будешь той вексель прійшодъ въ Варшаву для графини Иганецкой, которой мой человекъ мае выплатити ти гроши. Опбсла уладжено такъ, що графиня збйшлася съ моимъ человекомъ у мене. Мой Митрофанъ запытуе графиню, чи мае ей отъ разу все выплатити? Графиня дорожилася зъ-разу; она сказала, що не знаетъ того человека, который подписанный на векслю, що она не хочетъ грошей, которыми могла бы себе погубити. Але Митрофанъ выложилъ всю сумму, а графиня, увидѣвши мамону, не могла уже вытерпѣти, чтобы не простерти по ню руки. А такъ взяла она гроши и сказала: „Коли такъ, то беру гроши и напишу тобѣ на мое имя вексель, который можешь послати до Польши, где тобѣ за него заплатятъ.“ Твое дѣлося вчера зъ-полудни; но уже нынѣ рано

пришолъ до насъ слуга графиня, и покликалъ Митрофана до зимного дворца. Тамъ какъ ему графиня: „Твои гроши не мали якось счастья. Но коли ты знаешь якихъ незнакомыхъ менѣ друзей въ Польщѣ, то подишу тебя еще одиъ вексель на 5000 рублей. Если-бъ тебя она не хотѣла вылатити за него, то будешь могъ того доминатися отъ мене, коли самъ хочешь.“ Митрофанъ уволилъ ея волю и сказалъ, що мае до ней маленькое прошеніе. Онъ просилъ: „Скажѣтъ, прошу, Великой княгини, що смиренный ея рабъ знаетъ одного лъкаря, который смѣе надѣяться, що онъ въ силѣ вылчати Божою помощію драгоценное здравье недужной зореньки царской родины.“ Графиня скланила, що се зрада, и не обцала зъ-разу ничего; ажъ доки Митрофанъ не поццловалъ передъ нею крещикъ, що той лъкарь еще не сведомый въ Петербургу, що онъ родомъ изъ Крыма и шо-нио сюда прѣхалъ изъ Парижа. Шо-ниа того пошла графиня до комнатъ недужной Великой княгини, а не забавомъ видѣтъ мой Митрофанъ, который остался въ передней комнатѣ, якъ различные слуги стали крутитися сюди и тудя. Въ-конецъ вышолъ самъ батюшка Царь, въ сѣрой своей шинели, съ золотыми еполетами, и пошолъ до комнатъ недужной Великой княгини. По хвилѣ вернулся Государь опять и сказалъ: „Старый зъ тебе члвкъ, еще до того русскій, а не знаешь самъ, що говорашъ. Але бачу, ты менѣ не ворогъ. А такъ иди въ миръ, и приведи своего Крымского лъкаря сюда.“

Старая Ббрисса, сестра мамки княгини Софїи, а жена мзвѣстнаго намъ Митрофанна, перестала, и глянула на поблзлую отъ страху молоденькую Софїю окомъ поблдетелнищъ. По хвилѣ сказала она:

„Да будетъ воля Господня! Нашъ Говоръ прїде въ-конецъ до того счастья, гдѣти Великую княгиню; и если-бъ ей за его помощію полемшало хочъ-бы за якове зерно, то знаю, що тогда ласкъ богохраннаго Царя не буде и мзры. Въ Бозѣ моя надѣя, що оберне лѣкъ нашего Говора на добре; а такъ почивае теперь Говора доля и твоя къ нему любовь въ его рукахъ.“

У княгини Софїи зворушилося тымъ словами сильно все чувство. Она встала на софу, и закрыла собѣ лице обома долоньми. По хвилѣ сказала она:

„Теперь я туй-туй близко цли всего своего бажанья, а ту може лода хвила треба буде розминутися съ нею на ваки! Менѣ душно! Менѣ еще до-конче бачитися съ нимъ, заквѣтъ пустатся въ тую роковую дорогу, котора принесетъ намъ жѣтье або смерть. Менѣ доконче бачитися съ нимъ, чтобы мнѣ образъ его живо передъ очима и твѣтъ усерднѣйше мотчи житися за него!“

Въ той хвилѣ зиповѣла покоева графиня Евдоксію Городецку и дочку ея, Екатерину Олговну.

III. ПОЗНЫЙ ГОСТЬ.

На широкихъ улицахъ Петербурга начали уже будочники ибнныи свои переходы, которые простиралися отъ одной будки до другой. Они позакучо-

валися сарни своими шинелями по самыя уха, понадеяли на руки великія барадіи рукавиць, и подпералися тяжкими своими палками. Было уже около подночи, а дочь въ день грало было весняное солнце, смядилъ теперь зимний восточный вѣтеръ по просторныхъ а пустыхъ улицахъ Цвѣтера. Лише ту то тамъ стояли передъ величавыми палатами, которыхъ окна сіили яркимъ свѣтомъ, парадныя повозы, на которыхъ высокихъ возлахъ „кучеры“ спали, а которыхъ невеличкимъ форрейтеры туй коло коней на земли поростягалися. Вѣроятно мнѣ тыць слугамъ цѣлая нѣчь на улицѣ, закѣмъ ихъ панамъ укучатся тѣи вырафинованыя роскоши, которымъ они въ тыхъ величавыхъ палатахъ отдаются. Чесами переходили по-при самотнѣмъ, путнику отдѣвы цѣномъ гвардіи. Впрочемъ въ-округъ тихо, гей-бы въ гробѣ.

Но отъ Исакійского моста залящылъ по просторнѣмъ „длаць-парадѣ“ сильный свистъ; за нимъ чути было не-зрозумѣлый якійсь крикъ; будочники поотставляли свои бутельки съ теплою горалкою на бѣмъ, и погналися, въ лѣвой руцѣ шабля, а въ правой палка, въ тоту сторону, отъ которой дался чути сигналъ.

„Живѣйше на лѣво!“ кричали другіи будочники, которые были ближе сигнального мѣстца. Незабавомъ набѣггалася цѣла купка нѣчной стражи.

„Го го! Давать! Видишь? видишь? Ось бѣтъ теперь въ тѣи Исакійского собора!“

„Ага!“ кричали другіи: — „Теперь выйшоу опять на чистое поле.“

Изъ всѣхъ сторонъ надѣгтали будочники, и гнали за якимъсь человекомъ, который на якихъ 500 кроковъ передъ ними утѣкалъ, та незабавомъ лишь маленькою мѣткою точкою далеко передъ ними маячалъ.

„Пропалъ якъ собака на ярмарку!“ — скликнуудъ одиць заживный капрадъ, который сопѣлъ цѣлыми грудями, и ажъ наналъ зъ головы шапку, гей-бы ему тое що помогло.

Утекающій остановился. Онъ стоялъ ось на кѣнци адмиральтейской площади, и нагадвалася видко, куда бы ему теперь пускаться: чи къ мосту, чи въ право къ улицѣ, высадженой рядами деревнями. Незабавомъ пустился бѣтъ въ послѣднѣмъ направленью по-пѣдъ долгимъ рядомъ майскихъ домбѣвъ, которыхъ фронты выходили къ онимъ теперь безлиственнымъ деревьямъ.

За свистами и крикомъ будочниковъ надбѣгали шо-хвила новыи ихъ товарищи, гдекоторыи знову изъ нихъ пускались по два и три боковыми удичками въ тѣи мѣстца, на которыхъ можъ было вѣроатно съ утекающимъ стрѣтяться. Хотя нашъ легконогій уже давно изникъ изъ очей, гнали они мимо того все таки за нимъ. Коли станули на улицѣ, высадженой деревнямъ, почули они опять сигнальнымъ свисты, взывающіи ихъ дуже сквапно о помѣгоу. Утекающій попался видко другимъ будочникамъ въ руки, а по наглому ихъ свистанью можъ было догадатися, що имъ годѣ было дати собѣ рады изъ своєю добычею.

За хвилью станули вся матия будочниковъ на мѣстци. Тамъ повидели они, що ихъ товариши портузилися съ якимсь человекомъ, который опершися о муръ, не давался пѣтомъ стражникамъ поймати. Атакований держалъ въ одной рукѣ палку, а въ другой шаблю; а же одинъ изъ будочниковъ приидилъ безъ оружія той борбѣ, то малъ видко утакающій въ-передъ роздобыти собою оружіе, которымъ теперь такъ крѣпко боронился.

Видичи надходящихъ товаришей, перестали будочники утакающего атакovati; имъ бо видалось, що ужежъ теперь ему жаднымъ святомъ не утечи, коли рыхлѣ двадцать хлопцовъ стануто въ-округъ него.

„Цити!“ — кликнулъ старшій будочникъ. — „Теперьъ бнѣ уже нашѣ, хочъ-бы былъ сннмъ лиснмъ чертомъ!“ — Обѣся стать бнѣ чисто по французски:

„Monsieur de Saint-Mandon! хвильчій былъ бы съ васъ колодець, если-бы были такъ честнымъ человекомъ, якъ маткимъ рубилкомъ. Но теперь беру васъ именомъ царского министра полиціи графа Орлова подъ караулъ, а то за ваше обманство, которое сдѣлали въ компаніи банкира Митрофана Ивановича Юрьева на Васильевскомъ островѣ. А такъ прому отдати намъ шаблю и палку; а бо не пушу васъ съ-отен, хочъ-бы мнѣ прійшло задати вамъ смерть ту на мѣстци.“

Въ самомъ дѣдѣ той человекъ, который ось-передъ будочниками такъ смико утакалъ, а обѣся такъ хвильчю боронился, былъ никто другій, ино знакомый намъ Французъ, именующійся барономъ de Saint-Mandon. Губы его покрасѣли, очи лыпали огнемъ, воловьскъ раскудлацкося, а капелухъ гдесъ загубился; вспомнувши тое, былъ бнѣ середѣ теперьшнихъ своихъ хлопотѣ такій охочій и беспечель, якъ недавно тому передъ полуднемъ на набережной.

„Плетешь небоже, не значучи самъ, що;“ — крикнулъ Французъ сильнымъ голосомъ. — „Я выкажуся, якъ-стой, що я за якій, и подлиню васъ до отвѣчательности за недорѣшны ваши обдѣненья. Впрочемъ Французъ не поддаеся, особливо такимъ посадакамъ, якъ вы!“

За тымъ словомъ скоцилъ Французъ ненадѣяно, гей той кѣтъ, або лучше сказавши, гей той дякій тигръ. Держачи шаблю одною рукою, ухопилъ бнѣ обзручь оную долгую палку, гримнулъ нею посередѣ купы будочниковъ, повалилъ ихъ на землю, скоцилъ по-верхъ нихъ, кинулъ наиблизшому, гонящому за нимъ будочникови, палку поперекъ очей, погнался святами, и отбѣгъ незабавомъ своихъ гонителей на кѣлька сотъ кроковъ.

Въ однихъ мѣстци сголялъ межѣ двома домами высокій муръ съ высокими штакетовыми воротами. Сенъ-Мандонъ перехопился по-верхъ ворѣтъ такъ ловко и легко, що забобонный якій человекъ малъ бы тое исчезненье его за якое чародѣйство, або за дѣло якои упырицы.

По другомъ боцѣ ворѣтъ находился нашъ Французъ середѣ широкаго подвѣрья, обмеженнаго на противнѣмъ боцѣ рядомъ заднихъ фронтѣвъ домовъ.

сусадном улицѣ. Ту подошлись наги муръ съ малыми, дужа высоко умъ-шенными окнами. Но на третомъ боца подвѣрья стало щось буццкъ стайня, а въ кутку межъ тоуже а противоположною одною каменцею умъшеда была высока бочка, а то на тое, щобы изъ стоящюу по-середѣ подвѣрья фонтанки могла лѣтомъ вода выскаквати до горы. Отъ верховыхъ рывовъ спускадася до той бочки рура, которою сходила до неи дощѣвна; другая же рура шда отъ бочки въ низъ ажъ до фонтанки; кромѣ того оперта была до муру близъ бочки драбина.

Сенъ Мандонъ станудъ незабывомъ на бочкѣ, и дѣрся тутъ по руфъ на верхъ каменца, кромъ гоняшии за нимъ будочники, побудивши дошшиицъ, во-рота на подвѣрье отварили. Нашъ Французъ не видѣвъ ларомъ, но сканаль на плоскихъ верхахъ домовъ, которыи въ Петербургѣ суть мало не вся одинака высокии, изъ одного на другий. Утомившия въ концѣ тымъ ходоу, вожил-ся нашъ хватъ на-взничъ, щобы отовдунуть и нагадѣтвомъ, жо бы дамыше дѣ-лати, Бавитися на мѣстца не было чого; треба было домыче добратися якъ до середины которого дому, жо для нашего хвата не могло быти, дужа не-безопасно, бѣзъ бо бытъ оборотный на вся случаи, умѣтъ превозмоудо брѣхати, иалъ въ кадитца гроши, а въ руцѣ шиблю, съ которою бѣзъ знатъ дужа добре заходитися.

А такъ подвѣсь Сенъ Мандонъ резолутиѣ лановими дѣрцѣи и влѣзъ там-туде на гору; тамъ нашупаль бѣзъ позволенія сходы и нустился неми на тре-тьѣ поверше. Въ слѣдо, всяко тихецкы, а середѣ ясного мѣлкого свѣтѣ видко было въ однихъ дѣрехъ устроилениый ключъ. Нашъ Французъ не на-гадывался много, отвориав дѣри, и нутиль до великой теплой комнаты. Не было въ той живен души.

„Bon soir!“ сказалъ бѣзъ смѣхо, и глянулъ скрѣзь отворении дѣри до сусѣднаго покою, въ которомъ стояло порожное лѣжко, но такожь не было никого. — „Коли такъ, —“ сказалъ бѣзъ самъ до себе, — „то моя квартира гей-бы замовлена для мене. Будемъ видѣти, у кого я гостемъ.“

Нашъ Французъ нашупаль на столѣ сѣрнички и засвѣтилъ собѣ стоящую не-далечко лампу.

Глянувши въ-оркугъ себе, повидѣлъ нашъ хватъ, що бѣзъ находится въ дуже пышной комнатѣ. Цѣла одна стѣна еи заставлена была доборными, гарно оправленными кнѣжками: на другихъ стѣнахъ висѣли многоцѣнными образы и пре-красное оружје, дорогіи шаблѣ роботы оріентальной, и двѣ перзійскіи руш-ницѣ съ серебрянными украшеньями. На столѣ лежали французскіи газеты и письма зъ Парижа, которыхъ видъ вытиснулъ майже нашему Французови слезы изъ очей. Въ гдекоторыхъ шафахъ со стклянными дѣрями стояли слои съ анатомичными препаратами, зъ которыхъ можъ было догадатися званія обы-тателя тыхъ комнатъ.

„Ты же, дитя Французъ, а до того даярь.“ — сказала Сень-Мандонъ самъ до себя. — „Слава тебе, Господи! Не буде мечь ничего!“

За тымъ словомъ розсадовилъ бытъ на пухкой софѣ, причемъ бытъ прихватилъ, шо подъ нимъ лежалъ долгий шолковый кафтанъ, а вколо догеше высокая орменская чч татарская мучка.

„Marotte!“ — скрикнулъ бытъ; — „се обытація якогось Турка, на Татарина!“

Поддаючися оудъ неотвѣданныхъ обстоятельствъ, доправилъ самъ Сень-Мандонъ, якъ мога, на собѣ одѣжу, взявъ до рукъ гаясты, а какъ собѣ шчыгидно до свѣтла съ видомъ человека, который ожидаетъ знакомого гясте отъ брата въ пидомѣ его хата. Въ той хвдѣ почувъ Мандонъ, шо ктось штысь разъ головни бытъ улицъ двери, по чемъ незабавомъ якось ступанъ шчсходохъ, стало роздвѣяться. Незабавомъ отворилъ комнату дери амѣсь человекъ, который увидѣвши невадвѣяного гюста, зачудованный стануль стоящомъ на порозѣ. Сень-Мандонъ змарилъ быструмъ окомъ арійшоншрго, ш стануль съ причиною безжелеадности.

Вступившій до комнаты былъ то высокого росту, струнный, 26-лѣтній молодець, гармон, благородно подобы, одягнень въ черную одѣжу. На лицѣ былъ бытъ блѣдный, шо по-при великихъ черныхъ его очакъ и земной борода представляло образъ скорби и меланхоли. Коли видѣлъ бытъ маъ големы капюдоухъ, увидѣлъ зашь Французъ высокое, задумчивое челю, которое въ-нужъ съ простымъ подъ димъ носомъ образовало думѣ деликатный и благородный профилъ. Дотепершній Шевалье до Сень-Мандонъ сказалъ:

„Мая честь, представлятиса вамъ яко Шевалье Гектора до Маркеса, Галсконецъ; прихожу сюда просто изъ Парижа.“

Теперь, прихватилъ пришедшій, шо у дна Шевалье были покровавлонныи руки, обдорганый жупанчикъ и дзвѣрныи доломныи; а дѣльшо, шо бытъ мала дше на одной нозѣ острогъ, другій бо бѣдомыи бытъ гласъ, середь скакуиской его дороге. Также увидѣлъ гюсодаръ тыхъ комнату шаблю будочниакъ, лежащую на столбци.

Якъ-стой ухонциса блѣдный за пазуху, въ его рука блиснуль княжалъ, и закамъ Французъ малъ коли достерегчиса, почувъ бытъ твердую руку блѣдрого коло шен, и дежалъ якъ долгий на софѣ подъ своимъ противникомъ, которого княжалъ додулювался кондемъ его горла.

„Ша! не рушиса, бо убью тебе, якъ-стой на-смерть!“ — шепотѣлъ блѣдныи. — „Кто тебе давалъ наставадъ на мое житье? До десяти секундъ маъ ешь часъ на дое отповѣстд; ест-жь вѣтъ, то уже до доба!“

„Мене не наймалъ никто;“ — сказалъ Французъ. — „За дозволеномъ, а чейже не схочете мене мордовати.“

„То ты не знаещъ графиня Городецкой? Не знаещъ еи сына, капитанъ Василія Одоговича Городецкого? Або то не Василій высадѣ тебе, дзвѣрати мене?“

„Въ Богу мѣтъ! Я оубъ бачите, бѣднѣй себя бѣглець; утѣвъ шо-ино передъ полицію, а тога шабля выдерта полиційнику. Прощу, змилуйтеся, та выдобудьте изъ бѣды!“

Бѣднѣй пустить.

„Се голосъ самои правды!“ — сказалъ онъ. — „Извинѣтъ! Но я окруженъ верогами, которми змовилися на мою душу.“

„Гей! нестанте мене противъ всѣхъ вашихъ вероговъ!“ — сказала Французъ: — „а я вамъ покажу, шо и я знаю добре, шо се боротися, хотя вы мене тѣвъ легко положили. Правду сказавши, не понимаю я еще досѣ вашои шути. До темеръ гадалъ я, шо никто не годенъ помѣритися съ тѣвъ со мною.“

„Туую шутику покаже вамъ кождый Татаринъ и Мингрелець“, — отвѣтъ бѣднѣй: — „Но вы утѣкли изъ темницъ...“

„Mortieu! Если назвете „Богатыря“ темницею, то кажете саму правду. Я пребываю шо-ино отъ вына рана въ тѣмъ треклятомъ городѣ, а напудился ту больше, якъ цѣле свое житье. Але pardon, чи не можъ бы знати, якъ вамъ на ния.“

„Называюся Говоръ, и емь лѣкаръ.“

„Дѣкую вамъ! Знайте-жь темеръ, шо непрощенный вашъ гѣсть не естъ жаднымъ преступникомъ, но лишь неосторожнымъ. Вдучи сюда, насмѣлся я за Россію вашои, и за тое хотѣли мене взынати, скоро лишь стану въ вашомъ закладномъ Петербургѣ. Але mérdious! Я вамъ стану противъ якихъ дванадцати тѣхъ вѣснѣковъ до борьбы, на котору они поки живы не забуду.“

„Не добра се спрява!“ — отвѣтъ Говоръ. — „А такъ быль бы моя добра рада, щобы вынесоменъ вы чѣвъ хутше за нашу гранацю.“

„Бачу я самъ тое дуже добре, честный пане! и прощу васъ даже, щобы мѣвъ въ тѣмъ вы помогли. Грошей естъ у мене на тѣлько!“ — Тай панъ Шевалье показавъ полную череватую калитку.

„Недостатекъ грошей быль бы ту еще наименьшомъ рѣчию. Я маю ту богато пріателей и знакомыхъ. А если всею вашои провинною тое, шо посмѣхалися изъ Россіи и еи установъ, то будьте безпечны, шо доберетеса счастливо до своего краю. Я же буду васъ за мою подмогу лишь о тое просити, щобы, коли уже будете въ безпечномъ мѣстѣ, напатновали по достоинству всенародно панующую у насъ систему рабства въ имени человека, которми за-черезъ ню сталъ на вѣку несчастнымъ. Того же человека видите ту-осъ передъ собою.“

Говоръ захирился и сталъ переходитися по комната, коли зновъ панъ Шевалье нагадался, чи не мѣтъ бы разважитися, двачного своего господвря въ вѣдчности обдѣловати.

(Д. 6.)

Пренуме-
руется
только
вразъ со
„Словомъ.“

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешприсичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 3.

Львовъ 2. Февруарія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ и ПОСЛѢДНІИ ЯГАЙЛОНЧИКИ.

Усмиривши Татаръ, Царь Иванъ обернулся противъ Ливонскихъ Нѣмцѣвъ. Тѣи Нѣмцы, живучи на исконно-русскихъ земляхъ у Балтійскаго моря, сильно уже провинились противъ Москвы. Они то завидючи розмогающей силѣ великаго русскаго царства, творили всякіи пакости русскимъ купцамъ, перепиняя ихъ торговли съ заморскими народами, та оскорбили навѣтъ самого Царя Ивана, не дозволяючи его дворянамъ переводити черезъ Ливонію въ Москву искусныхъ людей зъ дальнихъ сторонъ Европы. До тогожь они уже 50 лѣтъ не платили дани, котору еще за владѣнья Ивана IV. Великаго обовязались были платити Москвѣ по вѣчны часы. За тую то дань Иванъ IV. Грозный упомнулся у Нѣмцѣвъ теперь въ г. 1558, а коли они зновъ платити обовязались, але не платили, то Грозный Царь выслалъ противъ нихъ свое войско, которое якъ-стѣй заняло все головныи города тыхъ-же Нѣмцѣвъ, именно Ригу, Ревель, Дерптъ и Мариенбургъ. Оттакъ жители Лифляндіи присягали Ивану на вѣчное подданство, а кто изъ нихъ не далъ присяги, тому не оставалось мѣстца не только въ Лифляндіи, но и на всемъ земномъ просторѣ. Находячись въ такой крайности, головной начальникъ всѣхъ Ливонскихъ Нѣмцѣвъ, именемъ Фирстенбергъ, отказался отъ управленія своими подданными, перевхалъ на житье въ Москву, и одержалъ отъ русскаго Царя въ даръ кѣлька селъ въ Костромской губерніи (вѣдай то уже не первый и не послѣдній примѣръ, що иностранныи владѣтели отказовались отъ своихъ державъ та ишли въ дворяне русскіи).

Упоравшись съ Нѣмцами, Иванъ Грозный устремилъ свѣй взоръ еще на одного сусѣда, вѣчно Москвѣ враждебнаго, т. е. именно на Польшу. — А былъ тогда въ Польшѣ, якъ звѣстно, Жигмонтъ - Августъ на-скрѣзь извѣженый король, который вмѣсто того, чтобы управляти державою, вѣчно имѣлъ дѣло лишь съ одними бабами. Зперва

коли то жила жена его Варвара, Литвинка зъ роду, бнъ цѣлымъ сердцемъ преданный былъ Литовцямъ, та потягалъ навѣтъ за вѣрою лютерскою, котора въ то время межъ вельможами Литвы сильно была розширилася. Тогда то не збрше поводилось такожь и нашихъ Русинамъ, именно тѣмъ, що соединены были съ Литвою, т. е. Русинамъ на Украинѣ, на Волыню и Подбѣлю. Коли однакожь умерла королева Варвара (въ г. 1551), Жигмонтъ-Августъ сталъ якъ-бы не свбй: скучалъ на Литвѣ, до которой уже сердце его не вязало, перѣхалъ на постоянное житѣ до Кракова, та тутъ черезъ долшій часъ занимался лише тѣмъ, що спроважалъ до себе чародѣвѣвъ зъ цѣлого свѣта (бачишь, тогда король и цари крѣпко вѣровали въ чары), приказуючи имъ воскресити изъ мертвыхъ любимую жену Варвару. Потомъ же, коли всѣ чары ничего не помогли, оженился бнъ знову (въ третій разъ) съ нѣмецкою княжною Катериною, котора однакожь нѣкъ ему не полюбилась и таки вскорѣ уѣхала отъ него зъ Польщи назадъ на свои Нѣмцѣ. Оттакъ Жигмонтъ-Августъ задумалъ съ тою Нѣмкою на вѣки розвестися, но понеже разводу не можъ было здѣлати безъ папы римского, то отдался бнъ теперъ цѣлкомъ на руки латинянь-католикѣвъ.

А латиняне-католики въ Польшѣ того лише и ждали, абы подался разъ на ихъ сторону король, который до-теперъ бѣльше, чѣмъ съ ними, дружился съ Лютрами и съ православною Русію. Отже тѣ-то католики дали теперъ знати папѣ римскому, що способный насталъ уже часъ выступити грозно противъ Лютровъ-еретикѣвъ и Русинѣвъ-шизматикѣвъ, а оттакъ-же папа римскій сталъ насылати въ Польшу своихъ нунціевъ, которы мало-помалу забирали слабодушного короля Жигмонта-Августа подъ власть свою, наущая его духомъ злобы противъ вельможъ и народа въ Литвѣ и на Руси. Затѣмъ то склалось теперъ въ Польшѣ такъ, що до наибольшей власти и значенья прійшли знову самы тѣлько католики-Поляки, напротивъ же, Литовцѣ и Русины, которы становили огромную бѣлшость въ державѣ, подвергались всякой враждѣ и всякимъ гонѣнїямъ за свбй родъ и вѣру, ба навѣтъ и за свои маетки. — И по правдѣ-жъ таки сказати, наибѣлшїи преслѣдованья и захваты Полякѣвъ противъ Руси нашей случались тогда властиво и преимущественно за дѣя прекрасныхъ русскихъ маеткѣвъ, которы у поединокѣхъ вельможъ нашихъ бывали часомъ бѣлши навѣтъ, нѣжъ половина всеи надѣ-Вислянскои Польщи. На тѣ-то маетки русскїи лакомилась отъ давна шляхта польска, сидящая на неплодныхъ пѣскахъ у Вислы, та добиралась до нихъ посредствомъ женитьбы съ дѣвїцами богатыхъ родинъ русскихъ, уживаючи до того неразъ найлукавѣйшихъ средствъ: лести и насїлія.

Такого то насїлія отъ Полякѣвъ дознала въ оно время дѣвїиц изъ роду найзнакомѣйшихъ родинъ русскихъ, княжна Елисавета

Острожска, о которой сумную исторію записали лѣтописецъ наши въ такой ото способъ: Была тая княжна Елисавета единою донькою князя Иліи Острожского, котора по смерти отца своего стала наследницею великихъ маєткѣвъ на Волюню и Подбѣлю, где и жила счастливо подѣ опѣкою вдовы-матери. Прекрасна и богата, она вскорѣ звернула на себе очи польскихъ панѣвъ, ѳтъ назду которыхъ тяжко приходилось ей и отдыхнути. Найусильнѣйше старался о ей руку литовскій князь Димитрій Сангушко (уже ополячившійся); но той отверженъ ѳтъ матери и ѳтъ доньки, напалъ на замокъ Острожскій вооруженною силою, и похитивши Елисавету, пошаль съ нею до Чехъ, где однакожъ сродникомъ княгини вдовы, Мартиномъ Зборовскимъ, въ дорогѣ догнанъ, палъ ѳтъ меча въ поединку. Тогда спасенную Елисавету повернено назадъ подѣ опѣку матери, котора за порадою и согласіемъ князя Константина Константиновича Острожского (сына бл. п. славного Вел. Гетмана Литвы) и другихъ знакомитыхъ вельможъ русскихъ постановила выдати сію доньку свою за князя Семена Слуцкого, Русина по вѣрѣ и роду. Якъ лишь Поляки дождались о той намѣренной свадьбѣ княжны Острожской съ княземъ Русинѣмъ, сейчасъ начали подмвдяти слабодушнаго своего короля, абы быъ своею властію запобѣтъ такой женитьбѣ, и наказалъ бы княжизъ Елисаветѣ, щобы она конечно шла за-мужъ за Поляка. Ба и наймогся такіи Полякъ-шляхтичъ, именемъ Лукашъ Гурка, который и выробилъ собѣ у короля запись на руку богатой сеи княжны, мовѣ-бы то декретъ на яке доходное мѣстце или же запись на душу. Власне подѣ той часѣ, въ г. 1559, княгиня Острожска со своею донькою пребывала въ нашомъ Львовѣ, а за нею-же зѣхалъ сюда помянутый панъ Лукашъ Гурка, и той показавши ей декретъ королевскій, требовалъ насильно руки княжны Елисаветы. Колижъ ни донька ни мати навѣтъ и чути ничего не хотѣли о такъ безрозумномъ сватанью пана Лукаша Гурки, и ѳвъ настойчиво тому опиралися: тогда панъ Гурка вьеднавши собѣ у короля еще и дозволенье взяти княжну Острожску навѣтъ вооруженною силою, напалъ съ войскомъ Львовскаго старосты на кляшторъ Доминиканскій, где ѳвъ женщины подѣ стражею своихъ двѣрскихъ козаковъ были скрывалися, та провадилъ настоящую вѣйну середѣ стѣвъ города Львова. А хотя въ часѣ той вѣйны пробрался до кляштору самъ князь Семень Слуцкій, прибывшій сюда въ жебрачѣмъ переодѣнью ажъ изъ Волюни; и хотя тойже князь Слуцкій тутъ въ кляшторъ по закону Божому обвинчался съ своею невьстою: но панове Поляки таки допровадили до того, що за вторичнымъ строгимъ наказомъ короля княжна Елисавета повлечена была насильемъ до шлюбу съ ненавистнымъ ей Гуркою. — Сталося однакожъ вскорѣ таизъ, що Богъ не благословилъ лукавое дѣло Подяковъ: княжна

бо Елисавета не хотѣла жити съ Гуркою, умерла безпотошно, а великіи млетки еи, которыхъ пань Полякъ такъ усердно багнулъ, перейшли на стрыя покойницъ, на князя Константина Острожского. Тѣлько лише удвѣль сей Ляхъ, що загруилъ молодѣе житъе доброй та прекрасной княжны Русинки.

Такии и тѣмъ подобныи насилія, где то производились збройныи напады на житъе родинъ и рабунки маекѣвъ русскиихъ, огорчали нашу Русь до крайности на Полякѣвъ, и приневоляли многихъ нашихъ вельможъ покидати край родинный, въ которѣмъ теперъ найтруднѣйше стало жити людемъ съ маекками. Въ цѣломъ народѣ Руси поднимался тогда громкѣй ропотъ противу Польщи; но понеже неставало намъ — не такъ своихъ силъ, якъ бѣльше добрыхъ начальникѣвъ, що бы знали пѣднати тѣи силы на дѣло, то предки наша въ оно время съ цѣлою тугою сердца оглядались лишь на могучу сѣверную Русь, чаючи отъ ней для себе спасенія. И по-правдѣ приближалась тогда уже така пора, що Русь наша, стогнающа пѣдъ ляцкиимъ насиліемъ, туй-туй мала была зъ-пѣдъ ярма Польщи спастися; однакожь дѣло завелось не на счастье въ такѣй ото спосбѣ:

Царь Иванъ Грозный, упоравшись що-ино недавно съ Татарами и Нѣмцами, постановилъ не сидѣти бездѣльно въ Москвѣ, а по-двизатись далѣй на полю славы и могущества. Затѣмъ задумалъ бѣнъ идти усмиряти еще одного сусѣда своего, Москвѣ наибѣльше враждебного, т. е. именно короля Польщи. Хотя бо съ тѣмъ королемъ, Жигмонтомъ-Августомъ, тогда еще не скѣвичилось перемиріе, въ г. 1556 на 6 лѣтъ заключенное; то однакожь Польша, завидуючи великанскимъ успѣхамъ Москвы зперва въ покореніи Татаръ, а потомъ еще бѣльше въ покореніи Ливонскихъ Нѣмцѣвъ, увзялась зъ г. 1560 якъ найусильнѣйше бунтовати тыхъ-же Нѣмцѣвъ противъ русского Царя, прирекаючи имъ подати до того помѣчь бѣтъ себе грошми и войскомъ. И зъ той-то причины Иванъ Грозный, абы упередити Полякѣвъ, сталъ уже за-вчасу готовитись до войны на нихъ, предполагая, що все таки война сія начнется еще передъ тѣмъ, закѣмъ выйде часъ условленного перемирія. А готовился Царь Иванъ на ону войну тѣмъ охотнѣйше, понеже зналъ бѣнъ, що съ нею-же сполучена великая задача: соединенія Малои Руси съ Великою Русію.

Однакожь посередъ военныхъ приготовленій постигло русского Царя одно злоклученіе, которе, хотя и случилось зъ Божой волю по закону природы, но произвело надзвычайну перемѣну въ характеръ Ивана и сталось наибѣльшимъ несчастьемъ для его державы. Ото бо въ мѣсяци Октобріи 1560 г. умерла благодѣтельная жена Ивана, Царица Анастасія, котора одна черезъ лѣтъ 13 своею добротю и

любовію успявала смиряти природный дикій норовъ Грозного и навондти его на саме доброе. — Смерть Анастасіи поразила Ивана Царя мовь-бы громомъ; онъ плакаль, стогналь, не зналь мьры своему смутку; и тая то сильная печаль измьнила его душевныи силы такъ, що онъ повьрилъ самой нерозумной клеветь, будто покойная Царица умерла отъ чаровъ Сильвестра и Адашева, сихъ-то двоихъ наилучшихъ друговъ и совьтниківъ царскихъ. Первого изъ нихъ Иванъ выслааль въ отдаленный монастырь, а другого посадиль подъ стражу; тамъ оба они въ-скорь и померли.

Якъ же нестало Анастасіи, нестало Сильвестра и Адашева, Иванъ Грозный окружилъ себе льстецами и заушниками, которые начали клеветати на всьхъ добрыхъ и честныхъ вельможъ, бывшихъ до-теперь найвьрнйшими слугами Царя и Отечества. Оттакъ Царь Иванъ стался надъ мьру подозрительный, а къ тому-же пробудилсь въ немъ и прежній норовъ дикій та жестокий; пригадаль онъ теперь и о томъ, якъ бояре въ часъ его болъзни не хотьли присагати его сынови, и якъ они его-же самого оскорбляли. — А бывае на людяхъ особенного рода душевная болъзнь, где то человекъ всьхъ подозрвае, всьхъ боится, никому не вьритъ, и такъ становится злый, що готовъ бы всьхъ перебити отъ злости; отъ, такимъ недугомъ поражена была душа несчастного Ивана, и онъ желаючи якъ-нибудь розсьятись отъ давящей его болъзни, началъ мало-помалу предаватись давнйшому розпутству и сладострастію. А до тогожъ сейчасъ найшлися и подстрекатель до злого, якими были безсовьстныи дворяне: Малюта-Скуратовъ, Басмановъ и Василій Грязный. — Межи тьмъ совьсть нерьдко пробужалась въ несчастномъ Царь, и онъ старался заглушати ю строгимъ исполнениемъ святыхъ обрядовъ православной церкви, — але все то было уже надаремно! Уже преодольв его на-скрбзь недобрый норовъ злобы, и оттакъ Иванъ Грозный черезъ цьлыхъ 24 лть мучиль другихъ и самъ мучилса, мовь-бы той гръшникъ, злымъ духомъ одержимый.

Найблизній сусьды Москвы, Ньмцъ и Поляки, увьдавши о такой болъзни русского Царя, возрадовались тому дуже и сейчасъ задували изъ того корыстати. У при-Балтійскихъ Ньмцёвъ былъ тогда головнымъ начальникомъ молодой человекъ, именемъ Кетлеръ; тойже повюхавшись съ Поляками, роздвиль въ г. 1561 цьлу ньмецкую краину у Балтійского моря въ такой способъ, що Лифляндію отдалъ на власность польскому королю, Естляндію отступилъ Шведамъ, а собъ оставилъ лишь одну Курляндію, признавши навть надъ собою верховную власть Польши. Той ноступокъ Кетлера огорчилъ незмьрно Царя Ивана Грозного, и онъ уже въ г. 1562 распочаль войну съ Польщею, яко головою виновницею отторженія Ньмцёвъ отъ державы русской.

Съ доборными войскоми двинулся бѣтъ къ предѣламъ Литвы, и за однимъ приступомъ здобылъ тутъ сильно укрѣпленный городъ Полоцкъ. Въ тойже самъ часъ выслалъ онъ противъ Ливонскихъ Нѣмцевъ дального воеводу своего, князя Курбского, однакожь той програвши одну битву и бѣттакъ боячися гнѣву царского, бѣжалъ до Полякъвъ, а къ Ивану переслалъ изъ Польщи грамоту, въ которой укорялъ его за лютость и кровопійство, исполненное на вѣрныхъ друзьяхъ Сильвестръ и Адашевъ. Примѣру князя Курбского послѣдовалъ въ г. 1563 также и князь Дмитро Вишневецкій, который еще передъ осмию лѣтами изъ Украины переселившись въ Москву, былъ вѣрнымъ Цареви, доки той владелъ по правдѣ, а теперъ бѣтсталъ бѣтъ озлобленного Ивана и перейшолъ назадъ въ службу до короля польского.

Измѣна Курбского и Дмитра Вишневецкого зная зъ Ивана Грозного послѣднюю узду, которую бѣтъ себе здержовалъ. Вообразивши собѣ, що вся бояре замышляють противъ него измѣну, бѣтъ взялся теперъ безъ милосердія казнити смертію всѣхъ подозрительныхъ людей; а щобы къ тому казнити мбгъ всякого безъ ніякой перепоны изъ стороны народа, бѣтъ на се придумалъ надзвычайное дѣло. Въ г. 1564 бѣтъ съ цѣлою родиною ухалъ зъ Москвы въ свою слободу Александрову, бѣттуда переслалъ къ Митрополиту и народу свои грамоты, въ которыхъ обвиняючи бояръ о зраду и всякіи лиходѣйства, заявилъ рѣшительно, що не хоче дальше владыти державою и откажется отъ царского престола. Народъ заволновался; послышались вопли и рыданія. Велась бо тогда вѣйна съ Польщею, угрожали Крымцѣ, — то и якъ-же быти безъ Царя державъ? Тогда Митрополитъ съ многими духовенствомъ и съ вельможами, повхавши въ Александрову, сталъ усиленно умоляти Грозного, щобы не оставлялъ онъ своей державы, не отдавалъ бы народъ рускій на росхищеніе волкамъ, а що-до бояръ-лиходѣевъ и измѣнниковъ най-бы казнил ихъ собѣ, якъ самъ захочетъ. Царь Иванъ выслушавши тіи просьбы, измякъ будто сердечно, та согласился остати и на-далъ въ царствѣ, однакожь подѣтъ тѣмъ однимъ условіемъ, абы никто не посмѣлъ спянити его въ тѣмъ, що бѣтъ стане дѣлати. Народъ успокоился, а Царь Грозный принялся теперъ за задуманное дѣло.

Отъ той-то поры настало оно престрашне, въ Исторіи великорусской такъ названне грозное время. Царь Иванъ всегда и всюда обавляючися зрады, окружилъ себе особенными тѣлохранителями, которыхъ назвалъ опричниками, и надъ которыми головнымъ начальникомъ поставилъ кровожадного Малюту-Скуратова. Иванъ самъ и вся его опричники въ Александровой слободѣ были одѣты въ чорне монашеское платье, и бѣтъ рана до вечера попережно то молились Богу

и еподняли весь уставъ монастырскій, то рубали головы людямъ, которыи здавались Царю подозрительными. Розсылаючи же тѣхъ своихъ опричникѡвъ по краю, Царь Иванъ приказовалъ имъ, щобы они грызли извѣнникѡвъ и выметали ихъ изъ русской земли; затѣмъ-то у каждаго опричника у сѣдла была привязана собача голова и мѣтла. А не было-жь той неправды ни злого дѣла, на которое бы не дѡйшли то-тѣ опричники. Они обдирали до-чиста всѣхъ замоужнѣйшихъ людей, ложно доносили на нихъ передъ Царемъ, грабили народъ безъ совѣсти, безъ страха Божого. Опричннн не знала надъ собою никакого суда, кромя гнѣва царского; никто изъ вельможъ, кому дорога была своя голова, не смѣлъ и помыслити жаловатись на опричника до суда. Опричнн разбидала людей по царскому приказу и навѣтъ по своей-же самоволь, а Царь неразъ нагороджалъ еще особенными дарами такихъ опричникѡвъ, которыи отличались лютостию и безмилосердіемъ. — Середъ такихъ кровопролитныхъ занятій Ивану Грозному часомъ на-разъ становилось жалеко людскихъ жертвъ несчастныхъ, и тогда онъ замовлялъ по всѣхъ монастыряхъ панахиды и самъ молился за „невинно убіенныхъ“. Но Богъ не посылалъ мира въ его сердце. Звычайно то дѣлалось такъ, що Царь молился горячо, клалъ земныи поклоны такъ крѣпко и часто, що на лбѣ у него оставались кровавыи пятна, — а потомъ ишло казнити и мучити людей.

Такъ ишло годъ за годомъ, — а вжежь найгѡрше дѣлалось въ лѣтахъ отъ 1568 до 1570. Тогда-то польскій король Жигмонтъ — Августъ, завязавшись всякіи пакости творити русскому царству, подсылалъ до многихъ бояръ и знатныхъ людей Москвы свои грамоты, которыми старался переманивати ихъ къ собѣ на службу. Оттакъ же и лютость Ивана на русскій народъ еще больше розмоглася. Опричники его рыскали по улицахъ Москвы, всенародно убивали людей, о змову съ Поляками заподозрѣнныхъ, та не давали навѣтъ ихъ тѣла хоронити. Тогда вже и самъ Митрополитъ Москвы, св. Филиппъ, унялся за несчастнымъ народомъ: укорялъ Царя строгими бесѣдами, угроженіемъ кары Божой, а коли тое все ничего не помогло, отказалъ Иванови въ часъ Службы въ престольной церквѣ своего благословенія. Но опричники Грозного не пощадили и самого Митрополита: они толпою ворвались въ церковь, захватили Святителя Филипа и увезли въ монастырь, где по приказу Ивана задушилъ его любимецъ царскій, найлютейшій опричникъ Малюта-Скуратовъ. — Церковь православна причислила сего Митрополита-мученика къ лику Святыхъ.

Вскоре потомъ стало еще гѡрше. Донеслась бо чутка до Царя, що будто Новгородцѣ одержали также грамоту ѡтъ польского короля и скрываютъ туоужъ въ своей Софійской церквѣ за иконою Божей

Матери. Царь послалъ въ Новгородъ вѣрнаго челоуѣка, и той въ самомъ дѣлѣ найшолъ грамоту въ указанномъ мѣстцѣ, но грамоту не справедливую, а поддѣлану, и то поддѣлану черезъ одного бродягу, который, бывши разъ укаранъ Новгородцами, хотѣлъ такимъ способомъ на нихъ пожитися. Мимо того Царь повѣрилъ сему злобвицу, призналъ грамоту справедливою, и постановилъ затѣмъ казнити Новгородцевъ за измѣну такъ, якъ еще русская земля подобной казни не видала. Собравши войско и полки опричникѣвъ, онъ поднялся въ походъ. По дорогѣ опричники разбивали всякаго, кого встрѣтили; падали дома и пожитки, оставляя по своимъ слѣдамъ развалины и пустыню. Дошедши до Новгорода, Царь Иванъ вступилъ въ Софійскую церковь, былъ на архіерейской Службѣ, а потомъ съ спокойнымъ видомъ пѣшолъ на обѣдъ къ Архіепископу. Поѣвши немного, онъ на-разъ крикнулъ страшнымъ крикомъ. То былъ знакъ кары для Новгорода. На сей знакъ опричники разбѣглись по городу, — и начался страшный царскій судъ. День за днемъ черезъ цѣлыхъ пять недѣль жестоки опричники приводили къ Царю бояръ и горожанъ Новгородскихъ съ женами и дѣтьми; тутъ били ихъ на смерть палками, пекли на огни, а потомъ кидали зъ моста въ рѣку Волховъ. Воины же царскіи ѣздили на лодкахъ по Волхову, и кто зъ недобитыхъ людей на-верхъ воды всплывалъ, того захвачали рогатинами, кололи списами, рубали топорами. — По пяти недѣляхъ той кровавой расправы, въ которой народу избито около 27.000 душъ, Иванъ Грозный изъ Новгорода двинулся ко Пскову; былъ бо и на Псковитянъ такожь — очевидно ложный — доносъ, що будто они зносятся съ Поляками. Царь въѣхалъ до Пскова о великомъ постѣ; всѣ горожане съ женами и дѣтьми стояли передъ воротами своихъ домовъ, держачи по русскому обычаю хлѣбъ-соль, и кланялись Царю въ землю. Покорность та змягчила Ивана Грозного; онъ отслухалъ молебень въ соборной церквѣ и оттуда зайшолъ до хаты одного юродивого (на умъ помѣшаного), котораго люде называли благимъ Николою и приписовали ему даръ пророченья. Никола повиталъ Царя въ своей убогой хатѣ, и положилъ передъ нимъ на столъ кусокъ сырого мяса. „Я христіанинъ — сказалъ ему Царь — и въ постѣ мяса не ѣмъ.“ — „А кровь христіанскую пьешь?“ отрѣзалъ ему на то Никола, и такъ устрасилъ его предсказаніями гнѣва Божого, що Иванъ Грозный таки сейже-часъ выбрался изъ города. — Такъ то городъ Псковъ спасся бѣтъ царскаго суду и кары.

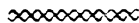
Но не скѣпчилились еще всѣ бѣды отъ доноса подлога бродяги. Царь Иванъ повернувши въ Москву, принялся и тутъ глядѣти виноватыхъ, которые будто были въ змовахъ съ Новгородцами. Слѣдство тянулось колька мѣсяцевъ, а потомъ назначенъ былъ день казни.

Въ той день (25. Юлія 1570 г.) на великой торговой площади понаставляли висѣлицъ, западали костеръ, розложили ножи, кльщи, топоры. Увидѣвши тое, народъ въ страху розбѣжался по домамъ, такъ, що ни одного человека не осталось на площади. Тогда Царь Иванъ розослалъ опричникѣвъ зговяти людей, поскакалъ навѣтъ самъ и кричалъ по городу: щобы все ишли на площадь, не бойчись ничего, бо караны будутъ лишь измѣнники. Народъ не смѣлъ противитись волѣ царской, сталъ со страхомъ собиратись, и мало-помалу заполнилъ всю площадь. Затѣмъ привели осуженныхъ, — и началась казнь. Однихъ рубали топорами, другихъ палили на костръ, инныхъ обливали попеременно то копяткомъ, то студеною водою. Четыре годинъ продолжалось се кровавое зрѣлище; казнено зверхъ 150 людей.

Сей годъ былъ самымъ наилютѣйшимъ годомъ. Потому стало немного легче, но Иванъ Грозный не змѣнился вже до конца жизни. Все ему мерещилось, що бояре замышляютъ зраду, що хотѣтъ его убити. Мысль тая не давала ему покоя ни днемъ, ни ночью, ни въ храмѣ Божомъ, ни на розгульномъ пиру. Томячись муками совѣсти и душевною бользнію, бѣ хотѣлъ было разъ бѣжати въ Англію, вообразивши собѣ, що въ Москвѣ противъ него всюду куютъ зраду и заговоры на его житье. — Находячись въ такомъ несчастномъ состояніи душевномъ, и поубивавши наилучшихъ своихъ бояръ и воеводъ, которы за прежнихъ счастливыхъ 13 лѣтъ его владѣнья были славою Руси въ Думѣ державной и на поляхъ битвы, Царь Иванъ уже не мѣгъ такъ искусно управляти царствомъ и вести войну, якъ бывало прежде. Войска его бились еще и теперъ безпрерывно то съ Ливонцами, то съ Поляками; но великой победы и значного успѣха въ тыхъ войнахъ они не имѣли.

А щожъ сказати теперъ о нашей Малой Руси, якъ она несчастна зажурилась зъ одного злопамятного 1560 года, отъ коли съ Царемъ Иваномъ зайшла така страшная перемяна! Все тое сердечное бажанье, щобы разъ уже при помочи Москвы освободитись зъ-подъ ярма ляцкаго, все тое природное стремленье, щобы роздѣленнымъ двомъ половицамъ Руси соединитись въ одну могущу самостоятельную державу — все тое пропало на-теперъ для Русинѣвъ Украины, Волиня, Подбля и Галича, та и не было вже надѣи, щобы пожаданную цѣль сію при Иванѣ Грозномъ можъ осягнути. — Видно то Богъ, Судія праведный, насылалъ за грѣхи предковъ нашихъ, за ихъ роздоры и межусобицѣ, се тяжкое искушеніе на землю русску, наказуючи однихъ злымъ Царемъ Грознымъ, а другимъ не дозволяючи передъ часомъ исполненной покуты добитись зъ-подъ чужого гнета на волю. *(Дальше буде.)*

Г О В О Р Ъ

ПОВѢСТЬ ЗЪ КРЕПАЦКИХЪ ЧАСОВЪ.

(Продолженіе.)

Говоръ вышелъ до своего кабинета и принесъ зѣ-оттамъ по хвилѣ до-мовый кафтанчикъ и паучи. Вернувшись назадъ, указавъ онъ своему гостеву на дядьки, и просилъ его, розгостинитися и взяти на себе и на ноги выгод-найшую одежу. На тоѣ не дался панъ Шевалье много просити; лише чобѣтъ не хотѣлъ онъ жаднымъ свѣтомъ скидати изъ ногъ, а то будѣтъ тому, щобы быти все готовымъ утѣкати, на-правду же тому, що не малъ на ногахъ почѣтокъ.

Незабавомъ пересвѣдчился Говоръ, що его гѣсть малъ гдѣсь жити въ омыхъ найвысшихъ кругахъ Парижского товариства, а такъ выпался онъ передъ нимъ съ своею ненавистію противъ володавшой тогды въ Россіи си-стемѣ палованья однихъ а крепацтва другихъ изъ всей души.

„А якоже несправедливости дознали вы ѣтъ вашего правительства?“ — запыталъ Французъ.

Говоръ посмѣхнулся горестно и сказалъ:

„Правду рекши, не маю я чога жаловатися на кого другого, но на мене самого. Видите ось мене.... Я родился крепакомъ, а помню всего мого усер-дія, монхъ словесныхъ борьбъ, и — могу се сказати — помню всего мого образованья и моего въ Нѣмеччинѣ одержанного ступни докторского маете все таки зъ мене простого крѣпостного челоувка, невѣльника нелюдского мого пана.“

Коли Французъ на тоѣ здумѣлся, вкликнулъ ктось изъ улицъ Говора по имени. Говоръ глянулъ хутенько скрѣзь ѣкно, но обернулся незабавомъ на-задъ и сказалъ:

„Не бѣйтеся ничего; се мой найлѣпшій другъ.“

„Но вы таки щось затревожены!“ сказалъ Французъ.

„Не знаю, якое несчастье пѣнукало его, иди такъ пѣзною порою до мене;“ — отвѣвалъ Говоръ.

„Може оно менѣ не повадитъ, сховатися передъ нимъ.“

„Передъ милымъ монимъ другомъ-батюшкою?“ посмѣхнулся Говоръ; — „который самъ першій стане вамъ подмогою!“

За тымъ словомъ вышелъ Говоръ новому своему гостеву на встрѣчу. Незабавомъ стануль въ сѣняхъ передъ нимъ знакомый вамъ Митрофанъ Ива-новичъ Юрѣвъ.

„Эт-отим такъ видно Сатушина?“ — замыталъ поклономъ Говоръ. — „Цей же не сталося нягнни Софія ничего злого!“

„Ничого, ничего; слава Тебѣ, Христе Спасителю!“ — отвѣчалъ Митрофанъ. — „Матушка Борисса каже мнѣ, що она тамъ здорова и весела, якъ тогда, коли вы были у ней. Я малъ нынѣ дуже богато орудою, а Борисса не могла васъ нынѣка нигде подымати. Была ту, то вы были у якогось недужного; поехала опбсиа до княгини Лединьской, где ей знову казали, що вы що-нио выѣхали отъ ней. До недавна сидѣлъ я на полиціи, моя же старенька ждала на мене.“

„Якое же дѣло было вамъ на полиціи?“

„Ось дуралячка... О томъ побѣтѣше. Знаете, що нынѣ домогалася графиня Городецка отъ княгини Софія по разъ послѣдній, щобышла за капитана Городецкого; въ противнѣмъ бо случаю мае она здѣлати тое, що васъ вышлютъ простымъ солдатомъ на Кавказъ. О той-ось грозьба не згадовала передъ вами княгиня, щобы васъ не зажуриги.“

Говоръ подумалъ хвильку и сказалъ:

„Надѣюся, що панъ мой, князь Кабхарай, схоче на стѣлько поставити на своемъ, що не выдасть мене въ рекруты. Гадаю, що бнъ не буде такій лютой, выставляти мене на двадцять-лѣтній муки въ войску.“

„Не безвечуся тѣмъ;“ — сказалъ Митрофанъ; — „но вся моя надѣя въ одномъ Царю. А такъ будьте готовы Борисса мае вамъ тоо-ось сказати: Царь велѣлъ, щобы вы отанули передъ нимъ завтра о осмой годнѣ.“

Говоръ, и такъ блѣдный на виду, побѣлѣлъ на тую повинну еще бѣльше, востхнулъ и перекрестился. Видѣлося, що бнъ въ души молится. Митрофанъ взялъ его за руку и сказалъ:

„Я прійшовъ до васъ тому такъ побною порою, щобы мали коли на тую авдѣяцію приготовитися. Коли Вамъ допомогъ Богъ и святой Николай, спасли княгиню Софію и старенькую Бориссу отъ смерти, то Онъ не залишить васъ и при леченью Великой княгини.“

Говоръ застороналъ; Митрофанъ сталъ дальше:

„А теперъ скажу вамъ гдѣщо о своихъ клопотяхъ. Но я утопилося, та хѣба спбичу собѣ у васъ одробнну.“

„Прошу близше, та и представлю вамъ еще дуже интересного человека.“

Колѣ Говоръ вступалъ со старымъ до комнаты, переходился нашъ Французъ дуже не-свѣй зъ одного кута до другого, та пускалъ цѣлыми хмары чорного дыму изъ губы. Отъ разу скрикнули двери, Французъ обернулся, и увидѣлъ туй передъ собою старого Митрофана.

„Проналъ козаче!“ — крикнулъ бнъ, и ухопилъ за шаблю. — „Се безчестная зрада!“

„Сама правда, що проналъ!“ — крикнулъ въ отвѣтъ Митрофанъ и ста- нулъ ему сильно поперекъ дороги. — „Теперь, сыну, не пушу я тебе отъ

мастца, хочъ-бы малъ ты птица крыла. Книйте-но мусіе тую шаблюку красненько отъ себе! Чулъ я о вашихъ штукахъ съ будочниками, но ту не могли бы тоба ява пушки, ая сама наша велика матушка зъ блококаменной Москвы. Положатъ мена ту сейчасъ мои гроши, то еще поможетъ вамъ вылабудетса зъ вами бѣдн.“

Говоръ остолпѣлъ на тую встрячу; онъ вырозумѣлъ зъ тон бесѣды, що Французъ малъ старого обманути або и обкрасти.

„Ей Богу!“ — скликнулъ Французъ: — „Божуся вамъ на слово чести, шо я въ той справѣ и крыхты не виноватъ. Резникую впрочемъ на оборону, доки еще не ма ту полиціи. Ту-ось маєте ваши гроши!“ — тай подавъ старому свою калитку. — „Не хибне тамъ ничего, кромѣ колъцохъ рублей. Лише прошу мена отдати мѣй паспортъ.“

„Радуйся Ниволаю, великій чудотворче!“ — скликнулъ весело Митрофанъ, и поднесъ калитку къ небу. — „Добре, шо хочъ тое повелоса мена выхопити изъ рукъ полиціи. Видно, шо вы еще не зовеситъ злодѣй, мусіе шеваляе! Но, шо-до вашего паспорта, то онъ находится у графа Орлова.“

„То одия!“ — сказалъ Французъ, который поволи помѣрковалъ, шо се съ плохими людьми ему дѣло. — „Но сираведливый мѣй паспортъ на Шевалье де Маркасъ маєте тамъ-ось въ калитцѣ.“

Митрофанъ выдобылъ изъ калитки банкноты, и отдалъ калитку Французови, который урадованный распостеръ свой паспортъ на столѣ.

„Теперь же“ — сказалъ де Маркасъ голосомъ безпечнымъ; — „теперь обертаяся до васъ, мои паны, и прошу додержати свою обѣтницю, та помочи мена выдобитися отъ васъ за границу; а я докажу вамъ, шо мене самого тымъ векслемъ обманули.“

Говоръ захиурился на мантяря. Но ту пригадалъ собѣ онъ, шо онъ уже выхопился передъ нимъ съ своими, полиціи противными гадками шо-до тогдашнихъ російскихъ установъ на тѣлько, шо уже на-безпечно мѣгъ бы достатися на далекую Сибирь, если бы лише Маркасъ схотѣлъ его заденуциовати. Зъ другой стороны вришло и Митрофанови на гадку, шо онъ и не малъ права отбрати выманенныхъ у себе грошей, понеже уже полиція взяла тую справу въ свои руки. Пѣсля буквы закона повиненъ онъ былъ теперь поджити свои гроши на зеленый урядовой столликъ, чтобы ихъ одбѣля здесяткованныхъ изъ рукъ полиціи отбрати.

Нашъ Шевалье де Маркасъ догадался того всего, и пресился у своего теперашного господаря дуже ченно въ гостѣ.

Въ-конецъ нагадался Митрофанъ, и сказалъ:

„Давайте сюда свое волосье. Обстрижу и обголю васъ, шо лише мога, и возьму до себе. У мене не буде никто глядати за вами.“

„Ah c' est trop! Того уже за много! За велика кара!“ — кричалъ нашъ нерасудженный Французъ, и сталъ собѣ крутити усы, та гладити бороду.

„Може, що велика; але таки менша, якъ робота въ сибирійскихъ конняхъ!“ — сказала Митрофанъ, и взялся до пожити.

Со слезами въ очахъ дался въ-конецъ Французъ обстричи. Обсмушенный по саму скору походилъ бнз теперь съ своимъ не-тыкавшимъ еще усми и бородою на якогъ дворянина англійской царицы Елисаветы. Дальше настало голенье, та Маркасъ пообтнналъ собъ съ дѣйственнымъ героизмомъ всъ роды своихъ запустовъ волосъ, одинъ по другбмъ. Обголенный въ-конецъ до чиста, пригадовалъ бнз съ пухлыми своимъ яками на бородѣ и губахъ дуже жшео старого Наполеона. Словомъ, бнз змѣнился теперь такъ, що станувши передъ зеркаломъ, охаменулся самъ передъ собою, гейбы передъ якою другою личностію. Обвинувшися въ-конецъ плащемъ, выйшовъ бнз съ Митрофаномъ изъ обитадіи лѣкаря. Станувши передъ домою Митрофана, сказавъ бнз:

„Честный зъ васъ человекъ, пане Юрїевъ! Вы указали доверіе до мнѣ, бо не боялися, маючи гроши въ калитцѣ, идти со мною въ-двойку середъ пбзномъ ночи. Mordious! На мою честь! Того вамъ не забуду, скоро лишь укажеса случайность до того.“ — Случай той, задвнати свою вдяку, надався; скорше, якъ Маркасъ тое собъ гадавъ.

IV. THE PARANT.

Кто хотѣлъ тое, на першій взоръ невозможнымъ видающееся дѣло, оное (the parant^a), або инакше the lamant (the безъ апострофы) видѣти, той по-требовалъ пойдти до великомъ лейбгвардійской касарнѣ.

Маемъ около полъ до семои рано; убранныи гей лальки плечистыи здець, котормъ здалися бы въ пересѣчи лишъ не такъ дуже новыгнанныи ко-лѣна и интересовнѣйшии лица, зоскакують ось изъ вышнихъ своихъ колей, котормъ отдають слугамъ. Они вертаются назадъ до своеи огромнои касарнѣ на „пляцъ-парадъ“, почитуючи тое за рѣчь излишню, оглядаются за Царемъ, котормъ нынѣ по разъ першій муштровалъ своихъ любимцевъ.

Тамъ по адмиральтейской набережной летить простая дорожка, до которомъ запряжена лишъ пара коней. Позираючи на величавыхъ тыхъ рыстакбвъ, якъ они втрормъ садять на передъ, видится, що цѣлая тота дорожка въ-купѣ изъ Царемъ всероссійскимъ, котормъ не попускался, якъ звѣстно, и на хвилию всемъ своеи царскои поваги, не заважать анѣ полъ лута.

Але-жь бо то поводитъ коньми найславнѣйшій кучеръ, съ изытїемъ хоба погоничевъ старо-греческихъ, котормъ такъ не будемъ звати кучерами; — поводитъ ось Илія, славный кучеръ красивого Александра I.

^a) Буквально: чай съ приборами; въ настоящомъ значеню: чай фехтовальный.

Кто бы то не зная старого Илію? могущого того царского кучера, который, добродушнейшій отъ голибороды французского Людовика XI, по-при низкомъ своемъ становищи не меньше малъ вліянія якъ тойже.

Якъ уже сказалося, не обзиралися гвардейца за Царемъ. Они знали добре, що Государь того самого еще для прійде до нихъ съ-тричи, а що вай-меньше, двачи: разъ на равншню инспекцію, а другій разъ въ полудне, по-мандровати стражничую парадю, где сильный, звучный его голосъ порушалъ осми-тысячии людей безъ вліянихъ другихъ знаковъ и сигналовъ.

Но за старыхъ Илію обзиралися гвардійца.

„А чему-то нынѣ аде Илія?“ — запыталъ одинъ.

„Ему воля вхати съ Царемъ, або съ кѣмъ лише схоже;“ — отповѣлъ другій.

„А съ тобою такожь Тургиневъ?“ — посмѣхался третій гвардаецъ.

„А такъ, если на тое позволю.“

„Або то Царевн неволя, на тое пристати, если съ нимъ хоче вхати Илія?“ — сказалъ молодой янійсь хиурный гвардійецъ въ униформѣ гвардіи черкесском.

„А такъ, Адрианъ Колѣновъ;“ — отповѣлъ Тургиневъ; — „ему неволя пристати на тое.“

„Коли такъ, то не Царь есть Царемъ, ино Илія.“

Бесѣда тая велася межъ гвардійскими офицерами, которми теперь взя-лися отъ портала въ-право, и пустилися къ выставающему на-передъ веже-образному крайному павилону лѣвого крыла, званого крыломъ В.

Въ томъ ось павилонѣ станули гвардейца въ великой долгой комнатѣ, въ которой стояли всего на-всего два желѣзные полевые ложка и кольки сиривъ, но въ которой висалъ на стѣнахъ цѣлый арсеналъ розмантого оружія, карты краевъ и битвъ и цѣлое собраніе различныхъ людѣвъ, цибуховъ и вар-дмшлѣвъ.

Еще распостирался по-подъ одну стѣну широкій, пухкій, оріентальный диванъ, близъ него же лежали приборы до письма, кощепты, раппорты и рус-скіи газеты.

Еще мы забыли о одномъ украшенію томъ комнаты, которое характери-зовало дуже точно тамошнихъ обитателей. Было то округлое зеркало, кото-рого скло было не бѣлое, но огненно-червоное. Станувши передъ тымъ зер-каломъ, видко было въ немъ свѣй образъ, ослѣненный хиурно-червоню зорею, а найдивачнейшее свѣло отбывалося отъ него. Рамы того зеркала, широкіи на три цаля, было всъ массивного серебра, въ горѣ же по-верхъ зеркала вырблennyй былъ въ серебрѣ дуже удачно образъ пукающою бомбы. Ступив-шому до комнаты видѣлося, що бачить передъ собою тысяче-фунтовую бомбу, котора туй-туй береса експлодовати.

Зеркало тое было концептомъ и власностію Абу-Массиръ-Адиръ, высокаго Чеченца въ блестящей униформѣ, того самого, который сказалъ, что не Царь Царствъ, но Илія. Отецъ его убитый былъ русскою бомбою, когда его взяли въ пленъ. Одного разу стануль Царь Николай I. съ удивленьемъ перелъ тмъ зеркаломъ, и отъ того часу былъ у него Абу Массиръ-Адиръ въ великахъ ласкахъ.

Другій офицеръ былъ не величкого, дуже красиваго росту. Онъ налъ на себя желтый шелковый жупаникъ, переперезанный дорогими камширскими шалемъ. По-верхъ того заодягненый былъ темно-синій контушь съ вылетами, подшитыми желтою шелковою матеріею. Ноги его стремили въ панцирь съ серебрянными ланцушкѡвъ. Запоясаны пистоля и кривая шабля блищали дорогими камнями. Девятнадцатъ-лѣтній той офицеръ былъ то Кабхарай, князь Гуріельскій изъ Мингреліи, послѣдній потомокъ того княжескаго роду, который поддался былъ Великой Царицѣ Екатерины; онъ былъ такожъ въ великихъ ласкахъ у Царя Николая.

Потомокъ Адиговъ, найблагороднѣйшаго роду тмъ племенъ, которыхъ мы называемъ Черкессами, и реченый Мингрелецъ обитали купно въ той самой комнатѣ. Кроме того малъ нашъ князь Гуріельскій еще зовсамъ монтированную обитацию на шестой перспективѣ въ масть, а то на той случай, если ему когда захотѣлось кидати свое воинское занятіе на дкую хвилю; въ оной бо комнатѣ не уторопалъ бы онъ и за всѣ сокровища Великаго Могула роздобыти хочъ-бы одну свободную минуту,

До нашихъ вѣоокородныхъ Черкессовъ прибыли товарищи отъ гвардейской драгоны и кирассирѡвъ. Они звалися: Тургиневъ, Колѣновъ и Бѣловскій, потомки самыхъ высвородныхъ родинъ, а що-до достоинства штабовыи офицеры а la suite, якими ось были и наши Черкессы.

Офицеры тѣи зачали свой Thé parant тмъ, що поперезовалися твснѣше и порозбиралися до сорочки. Пѡсля того взялися они до оружія, а незабавомъ чути было звонкое „чахъ-чахъ-чахъ“, выходящее изъ падающихъ на себе ударѡвъ шаблей и шпалъ, и рѡвнодушное „разъ-два-три“, которымъ одитъ изъ товаришей на весь голосъ удары вычислялъ.

Заголовный Thé (чай) приносили денщица подъ видомъ шампанскаго и мадерскаго вина. Фехтованье ставало чѣмъ разъ живѣйше, энергичнѣйше, пристрастнѣйше. Поволи-поволи забралъ каждый изъ фехтующихъ по колька разъ рашироу; одного Кабхараю, онаго не-величкого Мингрельца, не усядъ жаденъ и разу торкнулися.

Се не былъ Thé paré, но Thé parant, пародія такъ званыхъ Thé-ѡвъ великаго свѣта Петербурга; онъ былъ Thé lamant а l'amateur, при которѡмъ грала головную ролю la lame, шпадовая клинка. Дивачныи тѣи чай мали широкую славу, наши бо Азіятцы не допускали до нихъ якъ лишь дуже отличныхъ борцевъ. Анатолий Тургиневъ, котораго ударъ пригадываетъ носорога,

добразся сюда не так зручностію, як великанскою силою. Адріянъ Колѣновъ, стрункій, 28-лѣтній офицеръ бѣ драгоновъ, надѣялся нинѣ притати крмль Черкеосамъ, и стануль на шаблю съ Мингрельцемъ, противъ которого бѣ однакожъ незабавемъ за два удара два тысячи рублей о закладъ програть. Петро Бѣлевскій стануль противъ Чеченца, который показовалъ, якъ маневровати лѣвою рукою пистолемъ, чтобы ударъ шаблѣ кулею подратовати. Бѣлевскому ходило ту наибѣльше о науку, хотя и бѣ самъ фехтовался дуже добре, а кромѣ того еще и о чай.

„Аву еще разъ, на три удары!“ — крикнуль Тургиневъ до своего противника Кабхарая.

„Добре!“ — сказалъ Кабхарай. — „На три удары съ двома парадми або фиятами*). Однакъ заплатишь мевъ три тысячи рублей, если тебе лизну подъ тими условіями.“

„Най такъ буде;“ — кликнуль Тургиневъ. — „Надѣюся, що буду достойнымъ удара.“

Оба противники станули до борьбы. Тургиневъ приложилъ свою клинку твердо до клинки Мингрельца, ударилъ укосно, черезъ що подалася шпада Кабхарая на бѣкъ, и пустиль ему свою шпаду просто ко грудемъ. Кабхарай ударилъ зъ горы на выштренную противъ собѣ клинку, и пхнулъ, заквѣвъ его противникъ малъ коли отямнѣтися, свою шпаду противъ него такъ, що тааже ему точно поверхъ сердца зъупнилася.

„Ура!“ — сиркинулъ князь Кабхарай. — „Буде зъ чого заплатити музыкантовъ!“ — Свѣдома рѣчь, що въ Россіи удержують войсковую музыку офицеры.

Тургиневъ кинуль шпадою о землю.

„Зъ Кабхарая кѣтъ якійсь треклятый!“ — отказовалъ бѣвъ. — „Онъ вертѣтися, гей той слизъ, по-за своею шпадою.“

„Сама правда!“ — сказалъ поважно Чеченець. „Но бѣвъ не годенъ научити другого своен штуки.“

„Тому бо она и една!“ — величался Кабхарай, и нальляль чарку шампанского. — „Vive notre thé parant.“

„Приде оно еще свой на своего!“ — сказалъ Чеченець, и взялся поважно до своего вина.

„Але той другій „свой“ еще далеко на Кавказѣ, та еще не на томъ свѣтъ;“ — отповѣль Кабхарай.

Ту вступилъ до комнаты молодой, долговогій, бѣловолосый капитанъ бѣ гвардейскихъ драгоновъ, придивлятися тому Thé parant. (Д. 6.)

*) Парадами и фиятами зовутся романтичны роды ударовъ при фехтованью.

Прену-
меруєт-
ся
только
зривъ со
„Словомъ.“

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешрисничная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 4.

Львовъ 14. Февруарія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ и ПОСЛѢДНІИ ЯГАЙЛОНЧИКИ.

И по-правдѣ-жь сумно стало на Руси нашей, коли за переходомъ князя Курбского и Дмитра Вишневецкого въ г. 1563 до Польши, нарѣдъ русскій увѣрился, що о освобоженіи русскихъ земель зъ-подъ владычества Литвы и Польши на-теперь годъ вже и подумати. Насталъ бо зъ сего года такой часъ, що русскіи вельможи не переходили уже зъ Польши до Москвы, а напротивъ, ѳтъ Ивана Грозного убѣгали Москвичи подъ Польшу. И звѣстно, бѣда велика была русскимъ людемъ при Полякахъ, но всежь таки король Жигмонтъ-Августъ принаймнѣй не розбивалъ своихъ подданныхъ такъ, якъ се дѣлалъ теперь въ озлобленіи своемъ Царь Иванъ Грозный. Переходовцъ изъ Москвы находили навѣтъ особенныи взгляды у польского короля, который дозволялъ имъ свободно жити въ богатыхъ земляхъ русскихъ. Такъ князь Курбскій поселился межи православною братією на Волюню, где заприязнившись съ нашимъ княземъ Константиномъ Острожскимъ, съ тѣмъ же въ-купъ усердно трудился надъ улучшеньемъ долъ русского народа, а особливо много добра дѣлалъ для святой православной церкви. При его то содѣйствіи князь Константинъ устроилъ при своемъ замку въ Островѣ славну русскую печатню, где въ первый разъ для нашей Руси печатались церковныи книги, именно же священное писаніе или такъ звана Библия на славянскомъ языкѣ. -- Второй переходовецъ изъ Москвы, князь Дмитро Вишневецкій, хотя ѳтъ короля дуже ласкаво принятъ, не хотѣлъ заняться дѣлами мира, но глядалъ собѣ славы на военномъ поли, куда влекло его козацкое сердце. Онъ прибывши недужный изъ Москвы (кажутъ, що заушники Грозного дали ему отруи), якъ лишь подужалъ на-стѣлько, що мѳгъ на ноги поднятися, сейчасъ погналъ на Украину до своихъ козаковъ, та сталъ думати о новыхъ выправахъ на Татаръ и Турковъ. Но межи тѣмъ нечаянная доля постигла его въ г. 1564: къ нему явились бояре изъ

Молдавіи, которы жалуючись на недоброго Господаря своего Стефана IX, упрошали нашего князя Гетмана, абы ишолъ владѣти надъ ними, а весь народъ молдавскій прилягне до него и поможе прогнати ненавистного Стефана зъ престола. Князь Дмитро Вишневецкій, хотя уже старый лѣтами и ослабый тѣломъ, не воздержался отъ честолюбія и жажды за славою; собравши не много козацкого войска, онъ вступилъ въ Молдавію, однакожь тамъ вмѣсто почестей найшолъ оковы и страшную зраду. Молдавяне не хотѣли до него пристати, а Господарь Стефанъ захвативши его хитро въ неволю, отправилъ къ турецкому султану до Царгорода. Тамъ султанъ приказалъ зъ высокои башты скинути его на кѣлья; зацѣпившись ребромъ на одинъ кѣль, князь Дмитро три doby висѣлъ на немъ, и на-перекоръ Туркамъ черезъ три doby славилъ Христа, а проклиналъ бисурманского ихъ пророка Магомета. Одинъ Турокъ, учувши тѣи проклятїя, розбѣсился та прокололъ нашего князя-козака затруенною стрѣлою. Тогда князь Дмитро испустилъ духъ, а Турки розрѣзали грудь трупа, выняли оттуда сердце, подѣлились и зѣдали его, надѣючись, що ѳтъ того дѣстануть и они хоробрость и мужество славного начальника козацкого!

По несчастливой кончинѣ Гетмана Дмитра Вишневецкого зновъ у насъ нестало дѣльныхъ военачальникѳвъ, которы бы Русь нашу на боевомъ поли славно заступали, и которыхъ бы сусѣды наши якъ-нибудь боялися. Были вправдѣ тогда знакомитыи мужи русского роду, вѣры православной, яко князь Константинъ Острожскій, воевода Кіевскій, князь Александръ Чарторыйскій, воевода Виленскій, князь Евстафій Ружинскій и князь Михаилъ Вишневецкій (братаничъ Дмитра), атаманы полковъ козацкихъ; однакожь никто изъ нихъ въ тую пору не достигъ еще такомъ громкой всенародной славы, чтобы вороги наши мали ихъ обавлятися. Тожъ король Жигмонтъ-Августъ, видячи наглядно розслабленіе Руси нашей, и будучи увѣреннымъ, що Русь Велика, пригнетенная теперъ Царемъ Грознымъ, за нами ніякъ не уймеса, задумалъ въ то время выправити одну штуку Русинамъ и Литовцямъ, якои ѳтъ его слабодушной головы годъ было и сподѣвагися. Штука тая состояла въ произведенью новой державной уніи Руси и Литвы съ Польщею, которая то унія тала была настати уже разъ по-правдѣ унією, а не самою тѣнію ея, якъ то были попередніи двѣ уніи — Городельска (1413 г.) и Александровска (1501 г.).

А была у Жигмонта-Августа побудка до той новой уніи така: що онъ до теперъ ніякихъ не имѣючи потомковъ, коли уже постарѣлся и ослабъ на силахъ, предвидѣлъ надто добре, що зѳйде въ могилу яко послѣдній Ягайлончикъ, по которомъ и слѣду не мало бы остати на престолѣ Польщи. Тая сумная мысль вывѣдрилась глубоко

въ сердце короля, у которого не было ни одного близкого сродника, ни одной доброй души въ Польшѣ, що бы готова была по всей щирости печаль его подъяти. Тое то сумное настроеніе душевне своего короля замыслили панове Поляки якъ налучше ужити въ свою корысть, та и взялись настойчиво представляти ему, якъ то великое благо для Польши сотворилъ бы онъ — послѣдній Ягайлончикъ, если бы посредствомъ тѣснѣйшой уніи соединилъ вѣрныи ему народы въ одну нерозрывную цѣлость, и затѣмъ оставилъ бы по собѣ славу сотворителя одной зъ найсильнѣйшихъ державъ сего свѣта. При тѣмъ указовали ему подстрекатель Ляхи на то, що до исполненія такой уніи настала теперъ якъ найспособнѣйша хвиля, понеже зъ одной стороны Малая Русь на-крѣпко уже обезсилена, а зъ другой стороны Русь Велика власне обезсиляется дикими поступками Ивана Грозного и не здужаетъ совершенному переможеню мало-русской братіи черезъ Поляковъ запобѣгнути. — Тѣи представленья и настойчивыи подстрекательства Ляховъ побудили унылую душу короля Жигмонта II на дѣло, и онъ инялся мысли той о сотвореню новой уніи въ Польшѣ съ такою рѣшимостію, якъ того и самы Поляки по немъ не ожидали. А провадилъ онъ трудное дѣло се дуже хитро, розважно, проворно — въ такой ото способъ:

Насампередъ Жигмонтъ-Августъ звернулъ увагу на тое, що абы сотворити тѣснѣйшу унію Польши съ Литво-Русію, не потреба надто оглядатись на Литовцевъ, яко народа не-численного, но належить задобрити Русинѣвъ, которыхъ въ литовско-русскихъ земляхъ (на Волыню, Подбѣлю и Украинѣ) было около пять разы стѣлько душъ, що всякъ Литовець. Затѣмъ король польскій уже зъ г. 1563 началъ гласкати тѣхъ Русинѣвъ, та надавалъ ихъ дворянамъ и многимъ зъубожлымъ людямъ русско-боярского роду такіи права и привилеи, якіи до-теперъ имѣли лишъ одни знакомитшіи вельможи Литовць и буйная шляхта польска. Именно онъ дозволилъ тѣмъ русскимъ дворянамъ выберати зъ-посередъ себе и посылати своихъ депутатѣвъ на соймъ до Вильна, въ которомъ до сихъ поръ засѣдали тѣлько найбогатшіи паны литовскіи; также дозволилъ онъ русскому дворянству называтись зъ-польска шляхтою, приберати собѣ гербы и всякіи блискотки польско-шляхоцкіи, та загаломъ зрѣвналъ нашихъ дворянъ съ шляхтою Литвы и Польши. Тѣи права и привилеи русского дворянства приказалъ король записати до книги законѣвъ, котора называлась „Литовскимъ Статутомъ“, а въ которой находились всѣ стародавныи права русски и литовскіи, якіи установлялись еще за нашихъ русскихъ Князей, а потомъ въ одну цѣлость собраны были за литовского Князя Гедимина. Той-то Литовскій, а властиво Русскій Статутъ цѣлый былъ списанный

по русски, и на первой-же строчцъ его стоялъ такой важный законъ: що въ права для Руси должны быти выдаваны по вѣчныи часы едино въ языцъ русскомъ и письмомъ едино русскимъ.

Наданьемъ новыхъ привилеѣвъ русскому дворянству яко и затверженіемъ Литовского Статута, Русинами всегда высоко поважаемого, король лядцій учинилъ первый, еще несмѣлый крокъ до униі, а бттакъ забрался до второго, ббльше ршительного. Но на томъ-то второмъ кроку встрѣтилъ онъ отъ стороны Литвы и Руси важную перепопу. Ходило тутъ о немалую рѣчь, именно о переимаченъ одного великого закона въ Литовскомъ Статутѣ, що-ниво свѣжо королемъ затверженного. Въ законъ семъ Польша была названа чужою землею, чужиною, и Полякамъ, яко чужинцамъ, не дозволялось на Литвъ и литовской Руси ани занимати який-будъ урядъ, ани набывати маєткѣвъ; ба не дозволялось имъ навѣтъ женитись съ Русинками, хибанъ лише въ яковыхъ надзвычайныхъ случаяхъ за особеннымъ приказомъ королевскимъ. Такой законъ очевидно якъ найббрише не подобался Полякамъ, и они уже бтъ часѣвъ Ягайла о ничѣмъ такъ усиленно не хлопотали, якъ лише абы законъ той русской уничтожити. Справа се однакомъ не была такъ легка, якъ бы то кому здавалось, понеже на Литвъ была така добра установа: що законѣвъ народныхъ не смѣлъ ани самъ король змѣняти ни уничтожати безъ воли и согласія литовского сойма. А соймъ литовскій за ніякіи скарбы свѣта не хотѣлъ до-теперъ отказатися сего закона, и за его нарушенъ готовъ бы былъ народъ литовско-русскій цѣлою землею станути до бунту.

Выйшло отже такъ, що хотя Жигмонть-Августъ уже и задобрилъ собъ немного дворянъ русскихъ въ г. 1563, но потомъ еще цѣлыхъ 6 лѣтъ раздумывалъ надъ тѣмъ, якъ бы ту приступити до найважнѣйшого своего дѣла: до скасованья нелюбыхъ установъ Литовского Статута. Ажъ наконецъ въ г. 1569, власне въ томъ несчастномъ для всей Руси роцѣ, коли то въ Москвѣ лютилось самое найстрашнѣйше грозное время, постановилъ король Жигмонть, неустаяно пбдстрекаемый до того Ляхами, здѣлати крокъ ршительный для перетворенья литовской Руси въ область польску. А се дѣло Ляхи накрутили такъ:

Въ оноу то году 1569 въ мѣсяци Свѣчю король созвалъ до Люблина на всепбльный соймъ шляхту польску, русску и литовску, заявляя всемъ торжественно, що жаеае передъ смертію соединити посредствомъ тѣсной братерской униі три сусѣдныи народы въ одну нерозрывную цѣлость. На се заявленъе шляхта трехъ народѣвъ, зъхавшиися въ Люблинъ, приступила сейчасъ до нарадъ надъ великимъ дѣломъ униі. Первая рада, на котору все згодилися, была така: абы Литовцѣ вкупу съ Русинами списали свѣй проектъ униі, а По-

ляки свѣй, потомъ же абы надъ обома сими проектами вспѣльно розсуджати, а на тое, що для всѣхъ буде добре, дружно згодитися. Списано отже два такіи проекты, одинъ литво-русскій, другій польскій, — а коли ихъ въ соймѣ отчитано, увидѣль король и всѣ депутаты, що якъ небо ѳтъ земли далеко, такъ далеко стояли ѳтъ себе тіи два розличныи проекты уніи. Ото бо чога хотѣли Литовць и Русины въ своємъ проектѣ: 1) абы для Польщи, Литвы и Руси былъ одинъ вспѣльный владѣтель, вспѣльно всѣма выбраый, который однакожь не смѣе нарушати ніякихъ правъ, до-теперъ тутъ и тамъ существующихъ, владѣе въ Польшѣ яко король, въ Литвѣ же и на Руси яко Великій Князь, и если послѣ польской коронаціи за чверть года не пріѣде для пріятія литовской короны на Литву, то и не уважается владѣтелемъ Литвы; 2) областныи соймы мають быти якъ до-теперъ отдѣльны для Польщи и для Литвы; кромѣ того для вспѣльныхъ справъ могутъ быти соймы такожь вспѣльныи, однакожь такіи соймы разъ должны быти въ Польшѣ, другій разъ въ Литвѣ; 3) Поляки въ Литвѣ а Литовць въ Польшѣ, если устоится щира унія, могутъ взаимно набывати маетки; однакожь уряды въ Литвѣ и на Руси мають надаватись всегда тѣлько Русинамъ и Литовцамъ, въ Польшѣ же самымъ Полякамъ; 4) монета мае быти въ обохъ державахъ (въ Польшѣ и Литвѣ) еднака; однакожь литовска должна имѣти литво-русскій гербъ; 5) король Польщи не смѣе выберати особенныхъ дачокъ ѳтъ дворянъ Литвы и Руси безъ дозволенья литовского сойма, ани не смѣе ѳтберати ѳтъ тыхъ дворянъ наследственныи маетки и надавати ихъ Полякамъ, — иначе унія Литвы и Руси съ Польщею на вѣки разрывается.

Насупротивъ того панове Ноляки поставили свѣй проектъ такіи:

1) Польша, Литва и Русь складають одну нероздѣльну, на-скрѣзь еднолитую державу, надъ которою владѣе король польскій съ наследнымъ титуломъ литовского Князя; однакожь отдѣльне литво-русское Велике княжество ѳтъ-нынѣ на вѣки касуется, также избраніе литовского Великого Князя и наследственность литовского престола на-всегда уничтожается, такъ, чтобы изъ сего ни слѣду не осталось; 2) соймы всегда мають быти тѣлько вспѣльныи, а о соймахъ областныхъ для Литвы и Руси абы навѣтъ поминки николи не было; 3) всѣ русскіи законы, не дозволяющіи Полякамъ на Литвѣ и Руси набывати маеткѣвъ земскихъ и помѣшатись на урядахъ, во вѣчныи часы уничтожаются; 4) монета мае быти для всѣхъ еднака, т. е. польска; 5) король Польщи надае высшимъ достойникамъ державнымъ нагороды въ земляхъ, въ которыхъ - будь они служатъ, т. е. такъ въ польскихъ, яко и въ русскихъ и литовскихъ; — а кто бы посмѣлъ сіи постановленія уніи нарушити, уважается измѣнникомъ и буде каранъ яко ворогъ Польщи.

Якъ лишь отчитано въ соймъ Любельскомъ той польскій проектъ уніи, сейчасъ Литовць и Русины подяли противъ него сильный ропоть, и стали съ негодованіемъ упрекати Ляховъ, що ти не жаляють щирою братерскою унію, а требуютъ совершенной заглады не лишь самостоятельного Великого княжества, но даже имени Литвы и Руси. Жаркими бесѣдниками противъ сего проекта выступили тутъ особливо вельможи литовскіи (русскихъ велькожь зъвхалось тогда до Люблина мало), которы въ терпкихъ выраженяхъ заявили Полякамъ, яко литовскій проектъ уніи вже и такъ надъ мѣру есть уступчивый для Польщи, та що Литовць подали тутъ Ляхамъ не то одинъ палець, а цѣлу руку, но- Ляхи тую руку безошадно имъ отрубують, ба и жытье ихъ народно-державное своимъ проектомъ на зъки убиваютъ. — На тое отвѣтили Поляки, що они отъ Литвы ничего бльше не требуютъ, якъ лише того, що уже установлено было унією Городельскою и Александровою, а понеже Польща съ Литвою конечно должна быти еднолитою державою, то въ такой державѣ не ма мѣстця для двохъ или трехъ народовъ, но мае быти и владѣти одинъ народъ, розумѣется польскій. — Литовць же зновъ изъ своей стороны возразили Ляхамъ, що ни они ни Русины николи не признавали уніи Городельской ни Александровой якъ-бы договоромъ на дѣль существующимъ, а уважали ю просто лише старымъ актомъ, кускомъ паперу, не мающимъ для народа Литвы и Руси ни найменьшой силы ни ваги. А що до „еднолитой державы польской“, примѣтили Литовць, яко така держава истинно существуе надъ Вислою, где и есть досыть мѣстця для нечисленного народа польского; до той державы Литовць и Русины николи не впрошались та и теперъ до ней не пхаются, а толькo хотятъ исполнити волю своего владѣтеля, Великого Князя Жигмонта-Августа, въ такомъ змыслѣ, що готовы заключити унію съ Польщею на условіяхъ честныхъ и никого не оскорбляющихъ. Въ соединяющихся черезъ таку унію державахъ — толковали Литовць дальше — живутъ зъ-поконвѣка три народы: Русины, Поляки и Литовць; ти три народы — се не людске дѣло, а твореніе премудрости Божой, та уже изъ трехъ народовъ николи не здылаете одного, хибань вы Ляхи захотѣли подняти руку противъ самого Господа вселенной, — а тогда мы уже съ вами на такой бунтъ не соединимся, на таку унію не подпишемся. — Тыми рѣзкими бесѣдами Литовцевъ Ляхи незмѣрно оскорбившись, загрозили имъ въ-конецъ войною; а коли и тая грозьба не переломила твердого упорства Литовцевъ, то панове Поляки завозвали короля, абы онъ сейже часъ подпisałъ всѣ три грамоты уніи, т. е. Городельску, Александрову и сію найновѣйшу Любельску, та абы принудилъ Литовцевъ своею властію оныи три уніи тутъ-же наразъ приняти. Тогда то

увидѣли Литовцѣ и Русины, що имъ ничего въ Люблинѣ и дѣлати, та уже въ Недѣлю Православія (д. 18. Лютого 1569) розвѣхались въ свои, вергаючи на Ляшню громы гнѣва и проклятій.

По отъѣздѣ Литовцѣвъ изъ Люблина Ляхи въ первой хвили зажурились дуже, увидѣвши, що вже и нема съ кѣмъ унію заключати; однакожь вскорѣ потомъ они ободрились и придумали таку страшину измѣническую ивру супротивъ Литвы, що имъ вже не потребно было о взгляды Литовцѣвъ за-для сей уніи убѣгаться. Ото панове Ляхи, оставши самы съ своимъ королемъ въ Люблинѣ, урадили такѣ: абы Литву съ городомъ Вильномъ уважати и на-даль особнымъ будьто княжествомъ литовскимъ, однакожь ѳтъ того княжества ѳтдѣлити всѣ земли русскіи, т. е. Подлясье (съ городомъ Холмомъ), Волинь, Подбѣе и Кіевъ, и тіеже земли прилучити яко власность до Польши. Затѣмъ побудили они короля Жигмонта-Августа до выданья такой грамоты, въ которой сей король не соромячись заявилъ передъ цѣлымъ свѣтомъ: що ото я, будучи въ моей особѣ разомъ и Великимъ Княземъ литовскимъ, и яко такіи, уважаючи земли русскіи, съ Литвою соединенны, за мою власность, ѳтдѣляю тіеже земли на-всегда ѳтъ литовского княжества и прилучаю ихъ до короны польской. — Абы однакъ при тѣмъ своему безправному дѣлу надати якій-то позоръ честноты, король Жигмонтъ-Августъ въ тоежь время росписалъ указъ: щобы вельможи-заступники земель русскихъ чѣмъ скорыйше зѣхали на соймъ до Люблина, та щобы заявили тутъ, пристають ли они на ѳтдѣленіе своихъ земель ѳтъ Литвы и прилученіе ихъ до Польши. Вразъ-же съ тѣмъ приказалъ король, абы всѣ высшіи урядники литовского или русского роду, противны уніи съ Польщею, сейчасъ удалились изъ земель русскихъ, на ихъ же мѣстце понаставлялъ онъ воеводъ и старшихъ урядникѳвъ самыхъ латинянь или перекинчикѳвъ зъ Руси, та велѣлъ тѣмъ-же прибыти на соймъ до Люблина мовь-бы то депутатамъ ѳтъ земель русскихъ. Выбрати же на той соймъ природныхъ заступникѳвъ Руси не дозволилъ онъ ни вельможамъ ни народу русскому, знаючи о тѣмъ добре, що такіи выбранныи депутаты русскіи поднесутъ вѣчный свѣій протестъ противъ владычеству Польши. Лише кѳлькохъ знакомитыхъ вельможъ русскихъ, яко именно князя Константина Острожского и князя Александра Черторыйского, призвалъ король на тойже соймъ Любельскій нарочно для того, абы все таки свѣтови здавалося, що были въ той чередѣ латинянь-депутатѳвъ ложно-русокиихъ, также и справедливыи Русины, духа и вѣры православно-русской. Симъ однакожь вельможамъ яко и всѣмъ старшинамъ въ земляхъ русскихъ было строго приказано: що если они не схотятъ присягнути на унію съ Польщею, то будутъ позбавлены своихъ урядѳвъ и маекѳвъ. — Такимъ

отже чиномъ король Жигмонтъ и панове Ляхи уже на-скрбъзъ были увърены, що претрудная впередъ справа уніи теперь легонько буде въ житъе переведена.

Якъ ино Литовць довѣдались о той ужасной зрадѣ, яку Ляшня пополнила супротивъ ихъ Литвы, сейчасъ выслали они изъ Вильна кѣлькихъ найумнѣйшихъ мужей въ посольствѣ до короля Жигмонта въ Люблинъ, абы противъ ѳтдѣленія земель русскихъ ѳтъ литовского княжества торжественно запротестовати, при томъ же Ляхамъ заявити: що Литва готова въ своемъ проектѣ уніи еще гдѣ-кии бѣльшии уступки на ихъ корысть здѣлати, абы тѣлько Волынъ, Подѣлье и Кіевъ оставали и на-далъ при Литвѣ. Переговоры сего литовского посольства съ Ляхами въ Люблинъ ледви-що были распочалися, коли межъ тѣмъ стали уже звѣздитися такъ званнии депутаты земель русскихъ, завозванныи черезъ короля въ цѣли складанья присяги на унію съ Польщею. Король затѣмъ отправивши съ ничѣмъ послѣвъ литовскихъ, велѣлъ якъ найсутнѣйше приняти депутатѣвъ русскихъ, а межъ тѣмъ польскіи сенаторы взялись всѣми силами обрабляти тѣхъ-же депутатѣвъ то пѣдмовами то неустанними угощеньями, абы такъ не дати имъ ани часу до якого лучшего розмыслу, ни способности до порозумѣньяся съ Литовцями.

Было то въ мѣсяци Маю 1569 г.. коли звѣхали до Люблина въ-конецъ и найзнакомитіи зъ депутатѣвъ русскихъ, князь Константиинъ Константиновичъ Острожскій и Александеръ Черторыскій съ горсткою еще иннихъ вельможъ Руси, справъ своего народа широ спріяющихъ. Тіи мужи одни, хотя нечисленныи почетомъ, но великіи славою и повагою, прибыли до Люблина не съ такою цѣлю, абы съ Ляхами банкетовати и на-слѣпо на унію съ Польщею пѣдписатися; но явились они туда съ тою мыслию, абы по всесторонной зрѣлой розвазъ здѣлати для несчастной Руси хотьбы лише тое, що по ихъ розумнѣю здѣлати тогда было возможнымъ. Они затѣмъ мало сходилися съ Ляхами, а тѣлько собираясь окреме черезъ кѣлька недѣль, радилися своего власного розуму и совести, що имъ тутъ въ Люблинѣ удѣяти: чи пѣдписатися на учиненное вже черезъ короля присоединеніе къ Польщѣ, чи старатися назадъ прилучитися до Литвы? Голосы въ той справѣ были пѣдѣлены: одни бѣльше противны были Польщѣ, другіи бѣльше Литвѣ; всѣ однакожь годились на тую мысль: що давнѣйше Русинамъ при Литвѣ бывало лучше, але ѳтъ той поры, якъ Великіи Князь Литвы (Ягайловичи) въ одной особѣ стали разомъ королями Польщи, а Литовць значно уже переляжились, — ѳтъ той-то поры Литва чи Польша — все бѣда еднака. Помимо того найбѣльшими противниками якон-будъ уніи съ Польщею были оба найповажнѣйшии князь

русскіи, Острожскій и Черторыйскій, которы рашительно больше потягали за Литвою, полагаючи на то, що съ Лютрами Литовцами все таки лучше ужіются православными, нежь съ завзятыми Ляхами-католиками.

Коли такъ наши русскіи депутаты въ Люблинѣ колыбались въ мысляхъ, що тутъ имъ удвяти, поражала ихъ непотышна вѣсть одна за другою, якихъ богато приходило тогда то изъ Руси то изъ Литвы. Якъ въ несчастное лѣто по Городельской униі, такъ и теиерь въ зетмляхъ русскихъ выбухла моровая язва, котора особливо на Подбѣлю и въ Галичинѣ такъ страшно на людяхъ лютилася, що по мѣстахъ затворено суды, и не вольно было на торги збиратися. Кромѣ того на Волинь и Подбѣлю уже знову забѣгали Татары и грозили новымъ, еще бѣльшимъ нападкомъ на всѣ русскіи земли. Въ тоежь время присла изъ Литвы сумная вѣсть, що латинскій бискупъ Валеріанъ Протасевичъ въ Вильнѣ спровадилъ зъ римскихъ краевъ до себе мниховъ езуитовъ наибѣльшихъ тыхъ вороговъ просвѣты и св. православія, абы они лютерскихъ Литовцевъ назадъ наvertsали на папешскую вѣру. Также изъ Москвы повѣсти доносились самыя недобрыи: Иванъ Грозный власне тогда бѣсился за пѣдожныи польски грамоты, та якъ скотину рѣзалъ невинно заподозрѣнныхъ людей и бояръ Московскихъ. До того-жь о сейже порѣ король Жигмонтъ — Августъ, занятый дѣлами Люблинскаго сойма, заключилъ съ Москвою перемирие на 3 лѣта, а черезъ се уже и нестало на-теперъ ни наименьшой надѣи нашимъ Русинамъ, абы оружіемъ Москвы зъ-пѣдъ Польщи отбитися. А кобѣ навѣтъ и возможно было отъ Польщи отбитися, то куда же нашимъ Русинамъ тогда было обернутися? Самымъ о собѣ стояти было трудно, а въ Москвѣ — Иванъ Грозный!.... Такии то печальныи извѣстія и за-скрѣзь отчаянныи мысли лягли нашимъ депутатамъ въ Люблинѣ тяжкою зморюю на душу, такъ що они бѣдныи сироты зауныли, замыслиа совершенно, та и не придумали, що дальше съ собою почати. — А межи тѣмъ Ляхи усиленно наставляли на короля, чтобы уже разъ побичити дѣло съ Русинами, и король самъ лично удался до нашихъ князей, Острожского и Черторыйского, абы наклонити ихъ на приняті униі съ Польщею. Онъ то представлялъ имъ, що въ самой рѣчи зъ та поры, якъ Великій Князь Литвы есть вразъ-же и королемъ Польщи, Русь литовска уже и такъ не уважается самодѣльною землею, а сорше ино областію — все одно пѣдрядною чи Литвѣ, чи Польщѣ. Вдай бо король Польщи тутъ и тамъ есть вспѣльнымъ владѣтелемъ, а Русь тому-же королю повинуется. Впрочемъ черезъ соединеніе Руси съ Польщею, панове Ляхи, которы такъ безвзглядно презирають Русинѣвъ, може съ часомъ якосъ подобрують и станутъ чейже для собратого русскаго народа справедливыми. Тѣми пред-

ставленными и самыми умильными просьбами король Жигмонтъ привелъ нашихъ обохъ князей наконецъ до того, що они заколебались и — грамоту униі Любельской подписали. За ними же стали дальі подписовати сію грамоту и другіи делегаты рускіи, такъ що лишлось ино кольканадцять межъ ними такихъ, которы ни грозбою ни просьбою не дали наклонити себе до подпису, и которымъ за то зъ королевского наказы отнято сейчасъ ихъ уряды и ихъ маєтки.

Якъ только Литовцѣ въ Вильнѣ дождались о томъ, що ббольшая часть депутатѣвъ русскихъ подписала Любельскую унию, сейчасъ же поспынили и ихъ депутаты знову до Люблина, и тѣи въ полномъ числѣ предстали передъ королемъ, абы уже не протестомъ, а найпокорнѣйшею просьбою наклонити его до уничтоженія польской униі. Тутъ у королевского престола всѣ они со слезами и крайниимъ смиреніемъ пали на колѣна, а одинъ изъ нихъ славный бесѣдникъ, староста Жмудскій Юрій Котковичъ, произнесъ отъ имени Литвы трогательную рѣчь, въ которой умолялъ короля, заклиная на данную присягу, абы онъ, если уже конечно мае быти униа съ Польшею, повелъ дѣло такъ, чтобы тая униа не сталась неволею, униженіемъ и соромомъ для Литвы, но чтобы Литва вразъ съ своими русскими землями имѣла и на всю будущность такіи-же свободы и значеніе Великого княжества, якъ се было за часѣвъ славного Гедимина и за первыхъ Ягайлонѣвъ. Бесѣда старосты Котковича, выражающа всю горечь и все отчаяніе Литвы зъ поводу отдѣленія отъ ней земель русскихъ, тронула до слезъ и самого короля; однакожь онъ уступивши потомъ на поруду съ Ляхами, таки розрѣшилъ дѣло въ той способъ, що приказалъ Литовцамъ приняти унию и присягнути на вѣрность коронѣ польской. И Литовцѣ, приведенныи теперь до крайности, мовь-бы тѣи оружіемъ покоренныи рабы, присягли на Любельску унию дня 1. Юлія 1569 г.

Такимъ-то измѣнническимъ, приневольнымъ способомъ повстала она униа Любельска — униа несчастной Руси и обманенной Литвы съ властелюбною Польшею! А не смотря на великую кривду Литвы, на крайню неохоту, съ якою и Русины принуждены были на тую унию поднисатися, король польскій якъ-бы на порыцаніе историчной правды, выдалъ особную грамоту о Любельской униі, въ которой самохвально говорилъ таке, що будь-то онъ „соединилъ, связалъ, здружилъ Литовцѣвъ и Русинѣвъ съ Поляками добровольною, непринужденною униєю, яко равныхъ съ равными, свободныхъ со свободными“! А панове Ляхи, скрутивши такъ хитро се многокорыстное для нихъ дѣло униі, трубили по свѣту та и въ историчныхъ книгахъ своихъ записали такую ложь: що будто Русь и Литва соединились съ польскою короною свободно и добровольно, якъ рѣдная братія съ рѣдною братією. —

И оно — тая дожъ уходила Ляхамъ якихъ зъ 50 лѣтъ, ажъ доки наши Русины не запротестовали противъ ней козацкими войнами, о которыхъ буде бесѣда дальше въ нашей Исторіи. *(Дальше буде.)*

Г О В О Р Ъ

ПОВѢСТЬ ЗЪ КРЕПАЦКИХЪ ЧАСОВЪ.

(Продолженіе.)

„Кабхарай!“ — сказалъ новый гость. — „Маю до тебе двѣ словъ.“

„Ты Городецкій? Чи може Христосъ воскресъ? Чи може уже прійшла опять охота закладатися? Ты, который такой скупый, що еще нынѣ шунаешся по калитцѣ по тыхъ колькохъ рубляхъ, которые програвъ оными двома секундами!“

„Княже!“ — сказалъ Городецкій важно. — „Новина моя дуже-дуже важна.“

„Що же! Може ты остане адъютантомъ людозда?“ — смѣялся Кабхарай. — „А где же твои еюлеты?“

У гвардіи называли Николая людоздомъ; онъ же самъ сказалъ на тое одного разу: „Вы называет мене людоздомъ. Пристаю на тое; лише прошу, чтобы дѣлали по долгу свое дѣло, и мене помагали, побѣсти всѣхъ враговъ святой Руси.“

Городецкій, кузинъ кнѣзя Софіи Лединской, поступилъ ближе, а сивавыи его очи зажарѣли. По хвили сказала онъ:

„Правда, що ты приркъ не пускати своего крепака Говора на оброкъ!“

Оброкомъ называлася за часовъ крепачтва данина, которую платилъ крѣпостный своему панови за тое, що тойже позволилъ ему, зарабатывать на себе такъ и тамъ, якъ и где бы самъ того хотѣлъ; — розумѣлся, що панови свободно было поклонати сого крепака каждой хвилѣ назадъ.

„Говоръ?“ — зачудониса Кабхарай. — „Якое же тобѣ все дѣло до ного крепака, господине капитанъ? Я не роблю такъ якъ твоѣ отецъ, который высылае своихъ крепачъ за заробкомъ для себе. Я поставилъ Царевнѣ въ двоухъ лѣтахъ полтора тыща рекрутѣвъ и около три тыщи офицерскихъ коней, и то все безплати; а я бы малъ посылати своихъ крепачѣвъ на оброкъ?!“

„Не знаю того!“ — казалъ Городецкій. — „Но Говоръ жѣ ту, гей на оброку. Онъ лѣчитъ недунныхъ...“

„То дайся и самъ смужыльчати, капитане! Онъ жѣ себе ту, гей-бы на волѣ. А треба знати, що онъ и достоинъ того: Но, воки жикъ, не позволю

я на тоє, щоби онъ и чуль себе свободнымъ! Онъ позволяль собѣ домагаться отъ мене свободы, гей-бы якого долгу або права, вмѣсто того, щоби малъ о тоє просити; тожъ теперъ увидимъ, кто поставитъ на своємъ. Я молодшій отъ Говора; но если-бъ и умеръ передъ нимъ, то запишу его свосму наследникови въ тестаментъ. Въ-конецъ скажу вамъ еще тоє, господине капитанъ, що менъ тоє дуже мило, що мѣй крепакъ стаетъ вамъ поперекъ вашою женитьбы съ княгинею Софією. Го, го! Гвардейскій капитанъ и мѣй крепакъ! Ура!»

Графъ Городецкій почорнѣль отъ гнѣву и сказалъ ѣдко: „Твоѣй крепакъ стоить теперъ въ антишамбрѣ Ея императорского Высочества, Великой княгини Александры Николаевны, а такъ можешь, брате, теперъ учути що неприязного, що не пустиль своего крепака на оброкъ. А ну! вышелъ его теперъ назадъ до Крыму, если воля....“

„Щоды тобъ можъ было подружитися съ княгинею Лединьскою!“ — отповѣль Кабхарай посмихаючися. Но зъ души ею изникли теперъ смѣхи и шутки. Незабавомъ споваживъ онъ и сказалъ сквепно: „Що? Онъ лѣчить Царевну? А я маю его высылати въ Крымъ? А ин ты треклятый Искаріоте напосылся на мою погибель, та хочешъ мене выправити на Сибирь, чи що?“

„Не забуду я на твои слова!“ — сказалъ Городецкій и поѣшолъ.

Но Кабхарай схопцлся, и сталъ убиратися. Видѣль на себе кафтанъ, приперезалъ шаблю, и полетѣль до царского дворца.

V. УМИРАЮЩАЯ.

Князь Кабхарай надѣялся надѣбати своего крепака, заклявъ тойже буде у авдѣнціи. По хвилѣ прѣйшолъ онъ изъ первого перепудженья до себе, та сталъ пригадовати собѣ, що не здѣлалъ дося Говорови ніякомъ кривды. Онъ бы его былъ може коли и пустиль на волю, если-бъ не былъ Говоръ одного разу, а то въ недобрую годину, самъ домагався того и не доказовалъ своего права до свободы доказами, которыхъ Кабхарай не розумѣль и розумѣти не хотѣль, та которыми ему видѣлися великимъ оскореньемъ. Правничѣи тіи выводи торкнули такъ неприязно молодого Мингрелья, що опѣсля не помогли у него уже и просьбы; а коли одного разу нашъ Говоръ, доведенный до роспуки, припалъ ему до нѣгъ и просилъ о волю, щоби ему можъ было ожени-тися съ княгинею Лединьскою, то отвернулся отъ него Кабхарай, которому были въ головѣ лишь конъ и шабля, та крикнулъ посмихаючися: „Про мене! не бороню тобъ женитися и съ адмиральтейскою вежею!“

За часѣвъ крепачтва не вольно было крепачови женитися съ дамою дворянского сословія, хіба бы его освободилъ самъ Царь.

Кабхарай сталъ шось тей не свой. Онъ чулъ, що Говоръ, дуже богатый крепакъ, которого отвяз его не хотѣлъ пустити на волю, щобы сынъ его Кабхарай маъ зъ него пораду, бо Говоръ былъ дуже глубоко ученый чело-вѣкомъ. Але шо тамъ говорити двадцять-лѣтнему офицеру отъ черкесской гвардіи, который володѣе безмѣрнымъ майномъ, о глубокихъ наукахъ!

Кабхарай гадалъ теперь, пустити Говора на волю; ему бо видѣлося, шо сей теперьшній крепакъ може прійти до большихъ ласкъ и большои вла-сти, якъ самъ графъ Несельроде або Канкринъ.

Выйшовши мраморными сходами на гору, надыбалъ тамъ Кабхарай кромѣ дежурныхъ одного лишь профессора Ромберга, старенького, мирного человека, подходящего на ученого, но не на дворянина, отъ которого онъ дознался, шо Говоръ пребываетъ уже съ полъ години въ комнатахъ Царевны.

„Вылзчить онъ ю?“ — зашепотѣлъ тихенько Кабхарай

Нѣмец глянулъ на Мингрельца холодно и рѣвнодушно; гвардейскіи же козаки у дверей настрошили цѣкаво уха, а дежурный адъютантъ князь Голицынъ змѣрилъ хмурнымъ окомъ Кабхарая.

Кабхарай повернулся назадъ и пустился по сходахъ въ долину. На той дорожѣ прійшло ему на гадку, шо на границы Имеретіи жие его далекий своякъ, который теперь буде мѣгъ добратися на его мѣстце. Теперь сталъ онъ за-ходить въ голову, чому то онъ давно уже не выслалъ того своего крепака, который знае лѣчити Царевны, въ Кавказъ, або где инде до чорта. Пойшоъ опѣсля до офицерской комнаты дворцовой стражи, дожидати кѣнца той ав-дїенціи. Самъ написалъ онъ грамоту, освобождающую Говора. Але чи не было оно може уже по це-вчасъ? Чи не освободилъ его може уже самъ Царь? Роздеръ карточку и ждалъ.

Смѣъ часомъ стоялъ Говоръ съ Митрофаномъ во внутренней антишамбрѣ. Тамъ было тихо, гей-бы тамъ не стало живой души. Минуло долгои полъ години, где жадець зъ нашихъ не посмѣлъ пустити и пары зъ усть. Въ-ко-нецъ слазъ ктось покваннымъ смѣлымъ ходомъ приближатися до нихъ.

„Царь!“ — зашепотѣлъ Митрофанъ и перекрестился.

Царь Николай нагъ на себя долгу, широку, сѣрую шинель съ грубыми золотыми еполетами. Благородная, царская его голова не была покрыта. Уста быги твердо затворены. Ясныи зинныи очи глянули на-передъ на старого Ми-трофана, опѣсля же на Говора.

„Чи се твой лѣкаръ, батюшка?“ — сказалъ Царь и стануль, не ожида-ючи отвѣта, передъ Говоромъ. Опѣсля змѣрилъ онъ послѣднего отъ стѣпъ до головы, такъ, шо тому же видѣлося, мовъ-бы лѣкій сильный прудъ электричний переходилъ его изъ долу до горы.

„Ты лікарь, а не маешь достоинства докторского?“ — запытаъ Николай, позираючи на долгиѣ кафтанѣ Говора, который тойже взялъ былъ вместо фрака на себе.

„Я достигилъ достоинства Доктора, Ваше Величество!“ — оказалъ Говоръ спокойно.

„А чому же не стануль отвѣтно своему чину въ французской одежи?“ — спросилъ Царь зъ горы. — „Такъ не мали-бъ ты люде за комедіанта!“

„Ваше Величество“ — отвѣдъ Говоръ важко. — „Я бы ту былъ стануль въ французской одежи, если-бъ менѣ было свободно голити бороду.“

„Або ты далъ на тое обѣтъ?“

„Нѣтъ, Ваше Величество; я крепакъ!“

Треба знати, що крепакамъ не вольно было безъ позволенья своихъ пановъ голити бородъ, которые на Велико - Руси носятъ хлопы, заробинки и купца.

„А явниъ же ты свѣтомъ крепакъ, будучи Докторомъ?“

„Мене промовали на Доктора въ Геттингенъ въ Нѣмеччинѣ; на русскѣмъ бо всеучилищи не достигилъ бы я николи того достоинства, которое было-бъ мене здѣлао свободнымъ, чого не хотѣлъ мой панъ.“

„Чій ты?“

„Князя Павла Кабхарая Гуріельского.“

„А знае онъ, що ты прійшоъ сюда?“

„Нѣтъ, милостивый Государь! Онъ не пустилъ бы мене сюда, бо може мене черезъ тое пострадати.“

Царь глянулъ еще важче, и сказалъ:

„Твоимъ успѣхомъ въ лѣченью тебе пострадати? Но въ томъ заключаея великое обвиненье!“

„Ваше Величество высказали тое самы!“ — сказалъ Говоръ твердо.

„Но ты погадалъ собѣ тое обвиненье, а такъ вышло оно изъ тебе. Чи не тому може не казалъ намъ ничего Ромбергъ о твоємъ крепацтвѣ? Но Великая княгиня надѣеся помочи ътъ тебе...“

Царь застогналъ на згадку о своей миленькой дочцѣ, и зазвонилъ. Красная Ляховка Ядвига Иганъецка вступила въ комнату.

„Маешь-ось Крымского лікаря! Чи Великая княгиня може его принять?“

Вмѣсто отвѣта отворила почетная дама двери.

Говоръ ступилъ съ Царемъ въ великую темрявую комнату. Недужная лежала тамъ на своемъ ложи, пообвивана шалими. Передъ нею сидѣла на креслѣ сухая, змарнѣлая дама, которой зболѣло лице дрожало часами гѣстцемъ. Позираючи на обѣ тѣи дамы, можъ было нагадоватися, котора зъ нихъ недужною, чи старша на креслѣ, Царица, чи молодшая на ложи, Царевна. Живымъ контрастомъ были ту обѣ почетныи дамы съ красивыми своими губками и ясными живыми очима.

Царь склонилъ рукою, по чемъ Говоръ приступилъ цѣловать до ложа. Великая княгиня поднесла одробину голову и глянула слабымъ окомъ на Говора. Видно было, що видъ его торкнулъ ю приязно; она бо понукала его рукою, приступити ближе. Говоръ поступился и сталъ уважно приглядываться Царевнѣ. Часами хваталъ ю ядушливый кашель; тогда бралъ ю Царь за руку, мовь-бытъ прядявалася ей цѣловая сила. Въ комнату не пустили никто и слова зъ усть.

Якихъ десять минутъ позиралъ Говоръ на красенькую тую, близкую смерти невесту; оидося склонился онъ и отступился въ задъ. Царь далъ ему знакъ, по чемъ они оба явились до антишамбры. Тамъ отворилъ Николай бѣжныя двери, а незабавомъ станули они оба въ четыре очи.

„Що же видится тебѣ?“ — запыталъ Николай тихенькимъ голосомъ, и глянулъ на Говора милосерднымъ окомъ. — „Памятай, що Би царское Высочество рада бы знати весь твои дотычныя гадки. Чи есть еще яка надья житья?“

Говоръ замолкъ.

Стало тихо долгую хвилю. Всесильный Царь отвернулся подъ бременемъ горестныхъ гадокъ къ окну, и позиралъ задумчиво на широкую Неву, павнущую по-подъ дворомъ.

„Чи долго еще подумашь удержовати ю при житью?“

„Зарозумелостію было бы, опредѣлити тое точно напередъ. Но я надьюсь, що Великая княгиня поже шо-найменьше два мѣсяца, если буде дѣлати тое, шо заорданую.“

Николай задумался еще бѣльше. По хвили сказалъ онъ:

„Милосердный Господи! всего лишь два мѣсяца! — Чи ты може го- меснать?“

„Нѣтъ, Ваше Величество!“

„Дворцовый лекаръ Докторъ Мандтъ повѣдае, шо Великая княгиня всего лишь двѣ недѣли.....“

Царь не могъ скѣпчнати своего слова. По хвили сказалъ онъ:

„Чи не можъ бы якимъ святомъ перевести искусно въ тѣлесный организмъ тыхъ первородовъ, которыхъ онъ потребуе? Хемикъ, который зналъ бы весь тѣлесныя первороды и весь вліянія ихъ одного на другого, возвышѣлъ бы уторопати увѣщнати той микрокосмосъ, додаваячи тое, чого не стае, а вы- даваячи тое, чого тамъ не потреба.“

„Ваше Величество!“ — сказалъ Говоръ съ почтеньемъ. — „Изъ хемическихъ ретортъ не выйде николи органичное тѣло. Лѣкарскій хемизмъ не въ силѣ, много слабостей самыхъ зъ себе познати и вытолковать; а татъ далеко еще у насъ до математичного опредѣленья, якъ долго той або сей осла- бѣлый организмъ буде еще фунціоновати.“

„До чого же ты тое повѣдаешь?“

„Щоб оправдати мій лжк. Такъ, якъ медицинальная хемія не въ силѣ съ математичною теорією опредѣлити, якихъ потреба лжкбв, такъ само не подужае она въ тысячахъ случаяхъ вытолковать, чому який лжк такія а не другіи длае слѣдствія. На тую истину покличуся я, ординуючи лжки для Ен императорского Высочества.“

Царь піднявъ руку до горы, показуючи тѣмъ Говорюви, щоби тихше говоривъ. Самому Царевни не вольно было ту, где вся стѣны слухали, говорити на голосъ. По хвили сказавъ Царь :

„Поговоришь о тѣмъ съ Докторомъ Мандтомъ и Касаль-Дерикуромъ, — а то въ моеи притомности. Они суть не того мнзнія.“

Говоръ ажъ затрепетавъ зъ радости по тыхъ словахъ. Онъ прийнявъ, що самодержецъ всеи Россіи згадавъ теперъ по разъ першій о собѣ. Былъ то знакъ безпечный, що Говоръ ему уподобался.

Оборотныи дипломаты доспали того, що тайна, которою покойный Царь Николай державъ говорящихъ съ нимъ въ почительномъ ѳдадаленью, состояла въ тѣмъ, що онъ середъ бесѣды такъ себе, якъ и свое правительство и Россію николи по имени не называвъ. Такимъ свѣтомъ стававъ онъ самъ, якъ и святая Россія, тая огромная матушка, которой душею былъ Царь, бесѣдою не доступными. Часами умѣлъ онъ правда дуже зручно употребляти слова „я“, и „Россія“; но тогда малъ онъ до того великіи якісь причины, такъ, якъ онъ самъ и вся его гадки должны назватися великими. „Черный народъ“ былъ ему дуже ближшій, якъ першій вельможа державы. Въ очахъ простого народа былъ Николай самымъ виднимъ Богомъ. Но вельможи знали, що тая людяность Царя для простого народа была лишь насильнымъ сдержованьемся, и що межъ тымъ ѳдолахю, которому „батюшка-царь“ тримавъ до кресту дитину — Николай стававъ при такихъ случаяхъ самъ лично, — а межъ Царемъ былъ такий самый огромный непереступаемый простѳръ, який простирался межъ вельможами а Царемъ; который-ось простѳръ убдльшался тѣмъ дальше, чѣмъ бдльше кто силывался перестугити его духовно.

„А який же твой лжк?“ — запытавъ Царь.

„Кровь!“ — ѳтповѣвъ Говоръ.

Николай глянулъ твердо на лжкаря и сказавъ :

„Ты гадаешь трансфузію крови.. а и тое лишь на два мѣсяцѣ!...“

„Богоспасаемой Царевнѣ дастся дыхати парю свѣжой крови зъ животныхъ;“ — ѳтповѣвъ Говоръ.

Николай задумался. По хвили сказавъ онъ :

„Она того не выдержитъ. — Она - а кровь! Не може быти! А много потреба буде крови?“

Говоръ затрепетавъ. Онъ слухавъ, чи не вымовится коли Царь съ словомъ „Докторъ“, черезъ що признане бы было докторское его достоинство, а такъ ставъ бы онъ свободнымъ человекомъ. (Д. 6.)

Прену-
меру-
ется
только
вразъ со
„Словомъ.“

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
въ Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешприсичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 3.

Львовъ 24. Февруаря 1868.

РОЧНИКЪ II.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ и ПОСЛѢДНИИ ЯГАЙЛОНЧИКИ,

Послѣ того, коли въ городъ Люблинъ по-неволю присягнули на унію съ Польщею депутаты Литвы и значная часть депутатѣвъ русскіихъ, панове Поляки, таки недоверяя поведенію своей крутой справы, затребовали кромѣ того, чтобы на тую-жь унію Любельску присягали еще не только оныи русскіи вельможи, которы до Люблина на тотъ часъ не явились, но также и все духовенство и мѣщанство земель литво-русскихъ. Для той-то цѣли король Жигмонть-Августъ въ семь-же году 1569 выдалъ универсалъ (королевскій указъ) до всѣхъ жителей литовской Руси, приказуя имъ подъ загроженьемъ конфискации маєткѣвъ присягати на Любельску унію. Универсалъ той розосланъ былъ по всѣмъ землямъ литво-русскимъ, а хотя въ немъ-же заporučена была русскому народу вѣра православна и исклѣчно языкъ русскій въ судахъ и урядахъ, та хотя до тогожь для не-хотящихъ присягати на унію вызначена была страшная кара утраты маєткѣвъ: но всежь таки навѣтъ и въ высшихъ сословіяхъ русскаго народа, наймаетивѣйшихъ а затѣмъ наибольше симъ универсаломъ загроженныхъ, нашлося дуже мало такихъ, которы на ту ненавистную унію подписались. Ббольшая же часть вельможъ и дворянъ нашихъ, що не были на соймѣ въ Люблинѣ, также мѣщанство русское, а особливо все наше православное духовенство ничего ани слухати не хотѣли о уніи съ Польщею, а простый народъ нашъ таки грозно ропоталъ противу всѣхъ такъ званыхъ депутатѣвъ русскіихъ, которы, приневолены грозьбами и наговорами, унію тую въ Люблинъ приняли.

Слѣдствіемъ Любельской уніи было прежде всего тое, що иногнѣ вельможамъ русскимъ отнято ихъ маєтки и поодавано тіижь панамъ Полякамъ або лизунамъ яцкиимъ, а кромѣ того на-слано изъ Польщи воеводѣ, старостѣ, каштелянѣвъ и всякихъ дру-гихъ высшихъ урядникѣвъ на Воынь, Подбѣля и Украину, т. е.

въ тѣхъ земляхъ Малой-Руси, въ которыхъ до того часу высшими достоянниками и урядниками не смѣли были Поляки, ино сами Русины наци та Литовць. Таковую-же саму бѣду направила она злопамятна унія Любельска такожь на край литовскій, где вправдѣ оставлено еще до якогось часу отдѣльный найвысшій урядъ, яко то: маршаловъ, гетмановъ и каштеляновъ литовскихъ. однакожь тѣхъ урядовъ роздавано теперь не такъ, якъ давнѣйше, самымъ Литовцамъ, но такожь Полякамъ, а до того еще спроважено на Литву мниховъ римскихъ езуитовъ, которыя вскорѣ стались для сего трагъ грѣшныи еще несчастнѣи, иди въ унїи и урядники польскїи. Тѣхъ бо то езуиты, поставивши собѣ цѣлю навертати Лютровъ и православныхъ на католичество, уживали для тойже цѣли средствъ самыхъ поганскихъ, яко: насилїя, обману, лести, отемннїи душъ людскихъ и морального убійства. Изъ Литвы же оныи езуиты незадолго потомъ розширились якъ то-та египетская язва по святой нащѣ Руси, та дѣйствующи тутъ весьма лукавыми способами на користь католичества и Польщи, натворили съ часомъ такъ много всякаго лиха, що дальше вже не въ моготу стало русскому народу съ езуитами и съ ихъ Польщею выдержати. Шо оттакъ изъ сего лиха наступило для Руси а вконецъ и для Польщи, все тое росповѣсть дальше наша народная Исторїя; а теперь еще намъ розказати подобае о томъ, що за часу Любельской унїи дѣялося въ рѣдной нащѣ русскої Галичинѣ.

Галичина наша, уважаема изъ-давня Поляками областїю ляцкою, не входила вовсе до счоту тѣхъ русскихъ земель, для которыхъ унїя Любельска въ г. 1569 заводилася. Тожъ изъ галицкихъ Русиновъ никто ни на соймѣ до Люблина не ѣздилъ, ни Любельской унїи не подписовалъ. Затѣмъ на нашу Галичину и не ростягались такъ званнїи свободы унїи, якими были именно: ненарушенїе святой русско-православной вѣры и сохраненїе русскаго языка въ судахъ и урѣдахъ. Тѣхъ то природныи правъ всякаго народа до своей вѣры и языка, названнїи въ одной тѣлько Польщѣ не правами природными, а „привилеями и свободами“, давно уже были Галичина нашей отняты; и затѣмъ Галичина въ часъ Любельской унїи была собѣ якъ то-та убоженька кругомъ сиротка, изъ всего бѣткѣвскаго имущества обдертая, не имьюща уже ничего ни до страченїя, ни до отзысканья. — И справдѣ-жь то ажъ сумъ было спотрати на нашихъ Галичанъ, на яку нужду зѣйшли они вже за оныхъ лѣтъ, коли то Литву и литовскую Русь еще яко-такѣ гласкано и примановано до Любельской унїи. О той-то порѣ въ столицѣ нашего краю, во Львовѣ, где былъ колїсь престолъ нашихъ князей русскихъ, где за князя Льва жила и володѣла сама исключительно Русь православная, — въ томъ Львовѣ запановали теперь Ляхи уже такъ безчелдно, що первобытнѣи русскимъ согражданамъ не дозволяли де

то вже будувати новии будинки, але наввѣ посѣдати якій домъ или часть дома въ серединѣ города, ба не дозволяли имъ держати який склепъ купецкій ни провѣдати якую-будь торговлю въ рѣдному рускомъ Львовѣ. Таке ограначенье самого простого права, прислужашого впрочемъ въ самомъ таки Львовѣ вже и жидамъ, цыганамъ и бисурманамъ (Сарацинамъ), боляло натпихъ Русинбвъ надъ всякую мѣру, — и посередѣ нихъ нашлось двоихъ такихъ смѣлыхъ людей, Васько Тыновичъ и Хома Бабичъ, которы въ два лѣта по заведенью унїи Любельской поехали до самого короля съ такою цѣлю: абы выжебрати для православныхъ Русинбвъ „привилею“ на свободное житье и торговлю въ своемъ рѣдному Львовѣ. Сїи то два старшии русского народа, окупивши многими гроши дозволенье на авдиенцію (послухъ) у короля, росповѣли передъ тѣмъ-же про все кривды и нужды, які бѣ католикбвъ-Ляхбвъ переновятъ Русины православнии въ Галичинѣ, та ссылаючися на Любельску унїю, по кѣторой Русинамъ другихъ областей рѣвнии съ Поляками права суть запоручены, умоляли Жигмонта-Августа, абы бѣ такижъ рѣвнии права надалъ и Русинамъ въ Галичинѣ. И король въ самомъ дѣлѣ выдалъ подъ днемъ 10. Мая 1572 г. таку грамоту (дипломъ), кѣторою дозволилъ Львовскїи Русинамъ вѣры православной (унїятбвъ тогда на Русїи еще нигде не было) уживати рѣвнихъ правъ и свободъ, які до-теперъ прислужали ино латинникамъ, также и всякую торговлю провѣдати и дома въ серединѣ города посѣдати, въ тойже грамотѣ король запретилъ подъ карою 20.000 золотыхъ венгерскихъ утискати або прѣславовати Русинбвъ во Львовѣ и ихъ православное духовенство, препоручая сильное достереганье установъ сей грамоты Львовскому старостѣ и городской радѣ. Одержавши таку королевскую грамоту, Русины наши Львовскїи потышились нею въ своей крайней нуждѣ, — однакожъ не на-долго. Такъ бо якъ все подобии грамоты и дипломы королей польскихъ, выдаваны для нашей Русїи, были на нїсьмѣ не збѣрши, але на дѣлѣ николи не исполнялись; такъ и она грамота Жигмонта-Августа была красно списана на пергаментѣ, але въ житью публичному нїякой не имѣла ваги. Панъ староста Ляхъ и нѣйская рада (во Львовѣ, зложена зъ самыхъ католикбвъ, ани крыты не зважали на нїсьмо королевске, но якъ передъ тѣмъ, такъ и теперь кривдили и оскорбляли нашихъ Русинбвъ, не дозволяя имъ наввѣ такихъ правъ, якіи пользовались жиды и всячїи нехрїсты въ русской нашей Галичинѣ.

Одно лише, що по-правдѣ утѣшити могло въ се время не только нашихъ Галичанъ, но и всехъ Русинбвъ, остававшихъ подъ владѣнїемъ Польши, было именно ось-тѣе: що бѣ чаеу унїи Любельской стала чѣмъ-разъ больше розмогатись козацкія Украина, котора передъ

тѣмъ уже мало-що цѣлкомъ была не извелася. За такого бо зовсѣмъ не военного короля, якъ былъ Жигмонтъ-Августъ, скучало наше русское козачество въ степахъ за Днѣпромъ, и за-для совершенного бездѣлія по смерти славного Гетмана Дмитра Вишневецкого многіи полки козацкіи покидали буйну свою Сѣчь, та одни принимались за земледѣльство, а другіи шли далеко ажъ надъ синій Донъ до братьей-козакѣвъ велико-русскихъ. Такъ и доходило вже до того, що наша козацкая Украина мала была туй-туй таки распастися. Однакомъ Господь Богъ, Судія народѣвъ премудрый, повелѣ дѣло Руси такъ, що въ саму най-опаснѣйшую пору не только поддѣржалъ Сѣчь козацку — тую едину тогда головную твердню мало-русского народа, але еще и укрѣпилъ ю на такъ великій розмѣръ, що бѣтъ того часу козацкая Украина начала творити мовь-бы то отдѣльну якусь войсковую державу. Стадо бо ся таке по недослѣдимымъ судьбамъ Божиимъ, що власне Любельская унія, придуманная Ляхами на умертвленіе Малою-Руси, послужила якъ наилучше до розмноженья и скрѣпленія мало-русской козацкины. Народъ бо русскій Воляня, Подѣлья и особливо земель при-Днѣпровыхъ, до крайности неудоволень установами Любельской унії, а также многіи вельможи и дворяне русскіи, що то за непринятіе сей унії позбавлены были урядѣвъ и своихъ маєткѣвъ, переходили теперъ зъ г. 1569 численными толпами за Днѣперъ-рѣку жити въ буйныхъ степахъ русскихъ, где то ни панѣвъ Полякѣвъ ни ихъ унії духу-сладу ніякого не было. Такъ и загоднилась знову Сѣчь-матеръ русска полками козацкими, зашумѣла жизнь военна такою силою, якъ передъ тѣмъ еще не бывало. Козакѣвъ тутъ набралось теперъ якихъ до 30.000 мужа, и они, не оглядаясъ вже на Польшу и на ей слабодушного короля, зъ власной воли и выбору поставили собѣ Гетманомъ дѣльного Ивана Свирговского, дворянина зъ русской земли Любельской.

А той-то Гетманъ Свирговскій началъ свое козацке дѣло такъ, що не важилъ собѣ короля Польщи просто ничѣмъ, та не взирая на дружбу Жигмонта-Августа съ ханомъ Крымскимъ и турецкимъ султаномъ, провадилъ неустанную вѣйну съ обома тѣми бисурманскими владѣтелями на власну руку, безъ дозволенья соймѣвъ ляхскихъ, на перекоръ и противъ воли цѣлой Польщи. Надаремно ханъ Крыму и султанъ Селимъ II жаловались на Свирговского передъ королемъ Жигмонтомъ; надаремно король Жигмонтъ посылалъ въ Украину грозныи свои письма и универзалы, запрещаая козакамъ безпокоити земли Татаръ и Туркѣвъ: Гетманъ Свирговскій со своими Запорожцями на-падалъ таки по якихъ-десять разы до-року на области хана Крымского, а найменьше по два разы каждого лѣта спускался Днѣпромъ въ Черное море, щобы безпокоити и опустошити побережія могущи тогда Турціи.

И казаки украинскіи охотно поднимались за своего любимымъ батькомъ Гетманомъ на борьбу противъ бисурманъ; знаючи о томъ добре, що головною священною ихъ задачею должно быти: сторожати Русь православну и весь міръ христіанскій отъ дикихъ племенъ азійскихъ, а въ той то цѣли необходимо было имъ силы тыхъ племенъ истребляти и истребляти въ каждой мѣстци и при всякой способности. До тогожь кезани наши истрковали и се, що воюючи съ бисурманами, они не только добывають себя розгодось въ свѣтъ и военную славу, но еще заговляють свои силы до военного дѣла и на той припадокъ, если прійшло би имъ коли боротись съ ненавистною Польщею. Звѣстно бо, що въ нашей Руси жила непрерывно та завѣтная гадка: чтобы высвободитися разъ съ-подъ ярма лядского, а соединитися въ одну цѣлость съ Великою Русію. Та хотя теперь, за часовъ Грозного Царя Ивана, не была на то поря способна; но всежь таки Малая Русь наша, устроивши себя кряпкое средоточіе въ козацкой Украинѣ, выжидала лучшего времени для достиженія своей завѣтной цѣли, и на-теперь упражнялась въ военномъ искусствѣ черезъ частыя походы на земли бисурманскіи.

Розмоганься украинского козачества, особливо же совершенное неуваженіе королевской воли изъ стороны дѣльного Гетмана Свирговского затрували послѣдніи лѣта жизни короля Жигмонта-Августа, который не смотря на произведенную нимъ унію Любельску, таки увѣрился передъ своею смертію, що таяже унія не только що супротивъ Руси не удалася, але еще грозила нанести Польшѣ больше лиха, нежь добра въ будущиѣ. Уже зъ г. 1570 король Жигмонтъ II пріиѣтно хирѣль и мадалъ на сляхъ, ажъ наконецъ тяжкая недуга прекратила животь его на дню 18 Юлія 1572 г. Онъ былъ послѣдній король Польщи зъ дожу Ягайлонбвъ, зъ которого то дому не остало теперь ни одного мужеского потомка; а только жили еще двѣ доньки Жигмонта I (Старого), зъ которыхъ старина Катерина была за-нужель за шведскимъ королемъ Иоанномъ Вазою; а молодшая Анна (тогда уже 47-лѣтная), яко болъзнующа калѣка, проживала дѣвцею въ Варшавѣ.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ И ЕГО ВѢЙНА СЪ МОСКЕВОЮ.

По смерти послѣднаго Ягайлончика великіи безпорядки настали въ Польшѣ. Черезъ цѣлый годъ не было тамъ короля ніякого, а въ часъ того безкоролевства нанове Поляки сварились и толклися на-забѣи нежи собою о те: кому быти королемъ? Шляхта подѣлилася на богато партій, въ числѣ которыхъ найсильнѣйши были четыре: одна хотѣла избрати королемъ Польщи нѣмецкого принца Эрнеста, друга шведского короля Юяна або сына его Жигмонта, третья потягала за французскимъ

королевичемъ Генрикомъ зъ Анжу, а четверта (литво-русская партія) за Царемъ Иваномъ Грознымъ. Колижь собрался въ Варшаву особый соймъ для выбору короля, явился сюда также послы зъ Намецъ, Швеція и Франціи (зъ Москвы Царь Иванъ не прислалъ никого), и тѣмъ стали дѣйствовать на Поляковъ наговорами, обѣщаніями и подкупствомъ, желая каждый особно пересадити своего принца при выборѣ. Понавально однакожь, що наибольше заплатилъ и обѣтовалъ дати посоль французскій, понеже ббльшостію польскихъ голосовъ избраю королемъ Генрика зъ Анжу.

Той Генрикъ зъ Анжу не спышилъ, однакожь съ вздохомъ до Польщи, бо прибылъ до Кракова ажъ въ полъ года по своемъ выборѣ, та проживши тутъ черезъ три мѣсяца, забажалъ назадъ вертати до своей Франціи, где власне по его вызвѣдъ умеръ король французскій. Полякамъ бытъ не подобался, ни тѣмъ-меньше Поляки ему; но мирного намы въ Краковѣ увидавши о замыслѣ нового короля, що хозе ихъ новинути, здержовали его и стерегли въ замку мовъ-бы того явня. Затѣмъ Генрикъ зъ Анжу ужилъ на нихъ хитрости: дня 18 Юнія 1574 г. даль бытъ въ королевской палатѣ великій балъ для пановъ шляхты, а коли угостилъ ихъ до пьана, ухалъ тайкомъ ночью изъ Кракова. Зачѣмъ Ляхи промчались отъ верешюу, король былъ уже за границами ихъ маленькой Польщи.

Такъ послѣ трехъ мѣсяцевъ Генрикового владѣнья нестало знову короля въ Польщѣ. Зойшомъ знову цѣлый рѣкъ на спорахъ и роздорахъ шляхты, ажъ лѣтомъ 1575 г. собрался избирательный соймъ въ Варшавѣ, и панове Поляки, обѣщувши уже тѣмъ разомъ всѣхъ убійцелей зъ королевского роду, выбрали незаможного, но умного и хороброго князя одного зъ Семигороду, именовъ Стефана Баторія. Выборъ сего князя пересадили особливо два высоко-поважанныи мужи, Гетманъ коронный Іоаннъ Заойскій и бискупъ Краковскій, которы знали Стефана Баторія особисто и не могли досытъ нахвалитись передъ Поляками его ученость, отвагу, а надо все его прекрасну мужественну поверковность.

Новый король Стефанъ Баторій, прибывши до Кракова, оправдалъ собою тѣ похвалы, якіи о его особѣ въ Польшѣ были носилися. Былъ бо то мужъ въ самомъ розивѣту лѣтъ (43 - лѣтній), дордний, высокій, ростомъ, и поважный зъ лица и одаренный умомъ великимъ! Ръшившиися принати польскую корону, онъ подписалъ и всѣ условія, подъ якими Поляки корону ту ю ему вручали. А были то-ть условія не леда які на выгоду, а на самое тяженькое бремя королеви; ото бо послѣ тѣхъ условійъ бытъ было обвязанъ: 1) оженились съ 50-лѣтною сестрою Жигмонта - Августа недугующою Анною; 2) заключити союзъ

и тѣснѣйшую дружбу съ султаномъ бисурманскихъ Турковъ; 3) освободити мечемъ или выкупити грѣшныи всѣхъ христіанскихъ полонниковъ въ Крыму; 4) на всѣхъ войнахъ начальствовать особито, и що найважнѣйше; 5) прилучити до Польши всѣ земли, отнятыи отъ Литвы русскими Царями и остающіи подъ Москвою.

Подписавши сіи претрудныи условія, король Стефанъ исполнилъ сейчасъ два первыи зъ нихъ, т. е. по-неволѣ оженился съ королевою Анною и заключилъ союзъ съ султаномъ турецкимъ. Для выкананья прочихъ трехъ условій, которыхъ никакъ не можъ было безъ войны исполнить, сталъ бѣтъ разглядатися за средствами, т. е. за грѣшныи а еще больше за людьми, на войну способными. Не долго раздвигался бѣтъ по Польшу, а яко мужъ прозорного ума вскорѣ увѣрился, що пѣннове шляхта люда добре знаютъ бити, спорити на сойтахъ та гдекогда межъ собою и почубитися, но до войны они цѣлкомъ не годятся. Тожъ оставивши Ляховъ на боку, Стефанъ Баторій обернулъ всю увагу свою на козаковъ украинскихъ, про которыхъ уже зъ-дѣвна чуватъ бѣтъ много славного и достохваляного, и которыхъ теперъ бѣтъ задумалъ устроить такъ, щобы всегда имѣти зъ нихъ наибольшую помочъ и користь на часъ военный.

А случилось на Украинѣ власне тогда такъ, що по кѣлькохъ лѣтахъ военного счастья стало козакамъ напимъ зновъ якъсь не найлучше поводитися. Вище бо въ г. 1574 хоробрый Гетманъ Свирговскій, отправивши на-перекоръ Польшу надъ Дунай, абы помагати православному Молдаванамъ въ войнѣ ихъ противъ турецкого султана, побилъ вправдѣ бисурманъ въ кѣлькохъ славныхъ битвахъ (подъ Браиловоу и Бѣлоградомъ у Днѣстра), но наконецъ таки погибъ черезъ зраду Волоховъ на кровавомъ поли; съ нимъ-же разомъ полягло и около 2000 найдѣльнѣйшихъ козаковъ, которы были въ той славно начатой, но несчастливо скѣнчившойся выправѣ. — Незадолго потомъ постигло Украинѣ та и всю Малу Русь еще бѣльнее зоключеніе: Осеню 1575-г., коли еще не было короля въ Польшѣ, крикъ дикихъ птицъ, летѣвшихъ отъ Чорного моря, возвѣстилъ Украинѣ о приближеніи Татаръ, которы сейчасъ и явились въ незмѣрениомъ множествѣ тутъ-же у самыхъ береговъ Днѣпра. Запорожскіи козаки, у которыхъ на ту пору Гетмана не было, якъ-стой дали знати о приближеніи Татары Кіевскому воеводѣ, князю Константину Острожскому, призывая тогожъ, абы чымъ-скорше спѣшилъ съ ними соединитися. Воевода князь Острожскій собралъ скѣлько мѣгъ войска русского въ Кіевъ, Чигиринъ, Каневъ, соединилъ съ Запорожцами, та такъ и попалили полки наши на козацкихъ чайкахъ (лодяхъ) по Днѣпру прямо на таберъ татарскій. Въ первой хвилѣ наши козаки наглымъ нападомъ праведъ Татаръ въ великое замѣцательство;

вскорь однакожь бисурмане змърковавши, що въ ихъ таборъ огромная перевага — было бо Татаръ около десять разы больше, чымъ всего войска у Острожского, кинулись съ цѣлою неизчислимою силою на нашихъ, та прогнали ихъ отъ Днѣпра. Тогда татарскіи полчища, переправившись безъ перепоны черезъ нашу рѣку, вторгли на Волинь, опустошили оную землю и взяли въ добычу около 60.000 людей, способныхъ къ работѣ, 150.000 коней, 500.000 рогатого скота и 200.000 овецъ. Въ тойже самъ часъ поединокіи отряды Крымцевъ распустили свои загоны и по Подолью и Галичинъ, загонялись ажъ за Перемишль и Решовъ, та закымъ соймъ Варшавскій собрался на раду, абы спасти польске королевство, уже поганць - бисурмане съ огромною добычею въ дояхъ и скотинъ находились за Днѣпромъ.

Якъ и великимъ ударомъ было для земель русскихъ то нашествіе Татаръ, но мимо того многолюдная Русь-мати наша, привыкшая уже изъ-давня до подобныхъ погромовъ, не упала на духу, а на-скорь собралася знову красная ей сила въ степахъ Украины. Козаки згромандились въ Сечи, та сейчасъ и урадили: за нападь отомстити бисурманамъ нападомъ на ихъ Крымъ. А былъ тогда межъ ними хоробрый одинъ мужъ изъ княжеского роду, Богданъ Ружинскій, который въ Крымскихъ походахъ за Свирговского всегда, славно рубался яко простой козакъ, и которого товариши дружелюбно кликали не княземъ, а братомъ Богданкомъ. Того-то Богданка Запорожцъ оголосили теперь своимъ Гетманомъ, и препоручили ему, щобъ провадилъ ихъ на Крымъ. Такъ Гетманъ Богданко еще на исходъ 1575 г., коли Крымцъ выправились опустошати Молдавію, ворвался съ своею дружиною въ ихъ татарскую землю, предалъ жестокой смерти колька тысячъ бисурманокъ и ихъ дѣтей, высвободилъ многихъ христіанць, томившихся въ татарской неволѣ, и вернулъ съ богатою добычею скота счастливо въ свою Сечь. — Така, хоть неполна была на-теперь отплата Татарамъ отъ нашихъ козакбъ, у которыхъ на саму ту згадку, що знову разъ погуляли въ Крымъ, росло сердце и душа закрѣпилась на новыи подвиги.

(Дальше буде).

Г О В О Р Ъ

ПОВѢСТЬ ЗЪ КРЕПАЦКИХЪ ЧАСОВЪ.

(Конецъ.)

„О много! Ваше Величество!“ отповѣль Говоръ посулавши, що годъ ему дослухатися того спасительного слова: Докторъ. — „Животимъ треба буде

убивати из антишамбра. Сама найпершая пара мае найбольшую оилу. Шестидесяць фунтовъ крови стане на пять минутъ. Великую княгиню ведишита на прищико до того ложе, щобы пара достукала до самого тѣла; въ гора же ованится ложе завасант, щобы пара не уходила.

„Давай якую другую раду. Александра не вытернать того ни одною секундан.“

„Того не на чога боятсѣя. Она и не буде видѣти, що се изъ кровли; а по задаху не можъ того познати.“

„Чогс же тобѣ потреба; возбѣ, темѣ, чи оленѣ?“

„Чыи сильтѣйшій организмъ, темъ сильтѣйшая помѣчь. Прешу возбѣ!“

„Оставь тутка!“ — оказалъ Царь. — „Царевна менѣ похребуе.“

Малѣйшая дочка Царя заввадила, а Царь, который перазъ несилъ ю на своихъ рукахъ, долѣ она, дякуюся смерти, хотѣла перейти до другоу комнаты, Царь послушалъ ея, и поишлогъ. Въ десять минутъ послѣ того вернулея отъ съ гарнимъ молодымъ мужемъ недужином, княземъ Дейхтенбергскимъ.

„Ту об отонты той гварь!“ — оказалъ Царь до князя. — „Спаси-Богъ за пощую минуту, которую она по-за оврадженнани ея отъ Мандта и Дрикура долѣ недѣлами прожѣ.“

Царь поишлогъ до Говора и оказалъ:

„Твоя резервжелья уже сдѣлала; всё уже готова. Ходи побачити первую пробу. Великая княгиня закамдалася дуже сильно...“

Въ самѣ рѣчи принесли теперь слуги великинъ серебрянымъ посудомъ, въ которыхъ замышлю носили середѣ леду враздичное шампанское вино, наполненнани теперь парующою кровію.

„Скорошор!“ — крикнулъ Говоръ, а самъ Царь ухонилъ за сѣдину и ненесъ ю съ княземъ Дейхтенбергскимъ до комнаты, въ которой царствовала теперь крайная тѣнота.

„Не бойсѣя длино, не бойсѣя! — укрѣпчалъ Царь. — „Отдыхи тѣмъ воздухомъ, а буде тѣмъ лекше.“

„А то ще твое?“ — зашепетѣла Великая княгиня. — „Що за двѣдѣ вода?“

„Но кашель престалъ!“ — оказалъ князь.

„Охъ! менѣ тѣмъ добре! лекше на грудяхъ! Чи то всемъ такъ тяженько отдыхати!“ — скала слабымъ голосомъ Великая княгиня. — „Возьмѣтъ мене за голову, щобыодробину подместисѣя! Охъ, великая даска Господня! Я здужаю дыхати!“

„Назадъ!“ — крикнулъ Говоръ. — „Свѣжон!“

И знову причалъ свѣжон парующою кровію, а недужна Царевна набрала на только силы, що огла сказати:

„Чи се лѣки Кимского лѣкаря? Великое спаси-Богъ ему... Якъ же то чило свободно отдыхти!“

— „Так; так!“ — сказала Николай: — „Еще одробинку, милая дитино!“
 Она сама подперла вь руки.
 „Спаси-Бога! спаси-Бога! Но у мене нать чого, лише той образецъ Евгения и перстень... Той перстень отъ Ваизъ, отче... Теперь не боятся уже мене, и она позираете на мене такими всеамовитыми окомъ, якъ досл... И може еще не умру... А той перстень, милый татунечку, прошу дати бланому сему лбарю: за то, що мене за его дѣлами такъ полекнало.“

Царь Николай взялъ перстень изъ рукъ Великой княгини, и отдалъ его Говорови. После того вышло отъ съ Говоровъ до передкока, надзираги готовленя шефу.

По разь другой отажуи Царь и пренанъ въ чотырѣ очи.
 „Слоудесный лант!“ — сказала Царь съ чувствомъ. — „Надѣюся, що съ часомъ подумашь додати до оныхъ двоухъ Масацовъ еще опрыи куеенъ пасу.“

Говоръ не сказала ничего.
 „Не потребую жадныхъ точныхъ обещанъ; но отъ нынѣ будешь лареней Великой княгини. Попроверю съ княземъ Куріемскимъ. Мишомъ такъ, чтобы кромѣ службы никто не дознался, яко средотокъ Великой княгини, но давалося. А теперь радъ бы я, чтобы ты мене осмотрѣлъ. Я изъ чужа недужниа; або слаббильныа; або мене видится, что ворогъ мои житѣя такъ, где оперезуея сабля... Чисе не въ утробы, если чути, що ту-рѣ выноце стегна шо въ акогось часу по трохи калгасъ?“

— „Такъ, Ваше Величество!“ — сказала Говоръ. — „Но нишото цалганья Ваше Величество не умрутъ.“
 „Что оно придетъ колѣсатой часъ, мои тако выповсти жель службу моей души. Чоже ти тако безопаситъ, що не утроба и поставитъ колѣ тѣлесной махны?“

„Утробы не здылае того на-безпечно.“
 „Докторъ Мандтъ и Дрикуръ суть въ томъ такоже съ того мизна, що ты!“ — сказала Царь, задумавшись еще больше. — „И вероятно не кажутъ они всего того, що гадаютъ. Однакоже если ты знаеъ, который органъ не буде у мене подносити матежи противъ царствованя души, то будешь и знати, который то изъ нихъ выправитъ мене въ покланю зъ того свята дѣроту.“

Царь Николай перекрестился боговаийю.
 „Чому же не отвѣчаешь?“
 „Видится, що Ваше Величество...“
 „Скажи лише назвиско органа; больше ничего. Если можешь собѣ иди. Ну...“

„Того я не скажу“, — отвѣзалъ Говоръ твердымъ голосомъ. — „Бо и шо же пришло бы Вашому Величеству изъ того, если дознался о моемъ“

князя, прогнать которого станут другим князем. Эх, мена, немощный человек. Нема Богови брата. Прошу здатися на Господа, съ тымъ, што велмился.

Царь разгивался и сказалъ: „Шо? не скажешь? А Говоръ, зложидь руки на груди, и глумуль покорно на Царя. „Где нѣ одномъ вѣро сармащонъ души!“ — муркотѣлъ Царь гневно и поійшоъ хмурный до своего кабинета. Тамъ сѣлъ бѣвъ на престолъ свое лѣбно и задумался:

„Въ округѣ, одишь обманъ и манта! И той мелодный человекъ съ дѣлицъ на перахъ, дѣль благородный лицемъ, съ учеными сломи фразами, талантственныи сломи дѣломъ, съ видимомъ своею покорю и привнесию, — одѣ обманъ и обманъ, обчисленный на тое, забаламутити легковѣрного Царя, шоби пре него шарунитъ законъ, и далъ ему съ криводоу законного его вѣдителя келю. Все тое обманомъ такъ само, якъ вся тѣ попытка жолноватого западе, поднести рѣдъ члвчвнскій самъ изъ себе. Натъ! все тое манта и лѣлицъ. Въ природа члвчвнсконъ нае границе тое, тѣло тѣлько влѣвля, шѣ дѣлами его руководитъ бѣльшою — дуже бѣльшою частію память на выгоды тѣмъ, и страхъ, шоби тыхъ же не пострадати. Одиша мнѣ вѣра, то естѣ, память, амы году душа истраха передъ, утратѣмъ ея, одишлншь вѣра, показана доси, на тѣлько силы, благородити дѣйстно человека, то естѣ, довести до того, шо человекъ перестане быти на томъ свѣтъ работъ тѣлесноя выгоды; а шо найважнѣйше, она дѣлае тое не ино на гдѣоторыхъ, борюицихся въ души келю житѣ самыхъ съ собою, но на дѣвнн массѣ народѣвъ. А уличарей, оше до того таштвнннхъ шаратабѣвъ — нѣтъ вѣра, нѣтъ вѣра.“ — Но кавнн вызовишь бѣльшо

„Князя Касхарай!“ — кликнулъ бѣвъ на дежурного.

Незабавишь ставуль Касхарай передъ Царемъ, который сказалъ ему:

„Шиволь Игнѣвичъ! Выидѣши мена томъ еше годннн своего вренана Говора до Минграла. А если-бъ бѣвъ коли поважился, передъ кѣмъ выговннннн, шо ту-ошь бѣльшѣ дворци; то пѣль соби твое твердо зашипе въ своей голова, шо се со мною жу сирава. — Пращай!“

VI. МИЛОНЕРЪ

Митрофанъ Юрѣвъ поійшоъ съ Говоромъ до своей обитѣнн; положенѣвъ на лѣвнѣ берегу Невы. Тамъ надѣбали они старую Ворассу и княгиню Софію. Последняя зркнула ино на Говора, такъ и догадалася всего. Зашлѣлася бѣдненька слезамъ и кинулася Говорови на шею.

„Утѣкаймо до Англїи або Франціи!“ — склинула она, нѣли почувла, шо се-ошь сталосѣя. — „Колнѣ такъ гнѣвъ Царя усмирнѣся. Въ нѣонецъ и ему свѣта не перекѣти. А теперь пѣль соби забирае все мое майно, пѣль шѣ хоче дѣлае; мѣль дѣмѣ быти съ тобою въ купѣ; но того не дамъ боѣ выдернн; хочъ-бмъ не знанъ шо!“

За тым словамъ затурнотала на улицѣ дорожка, а за маленькую хвильку надобилось: кийсь Мингрелецъ.

„Ага! Попался жучку въ ручку!“ — крикнулъ Мингрелецъ на Говора. — „Ту-ось маєшь письмо отъ князя Кабарая. Поѣдешь батважа, поѣдешь! Ей! тамъ те закоиститъ лишь за нами, коли поженемъ къ нашимъ гористымъ аудамъ, къ нашимъ зеленымъ колонинамъ!“

Софія упиралася вхати съ Говоромъ, доки ажъ тойже за понутой Мингрела не заявилъ, що теи жертвы не приѣме. Митрофанъ доказавъ имъ, що такое дѣло было бы явнымъ противленьемъ волѣ самого Царя, который за тое выправилъ бы вѣроятно княжню до монастыря. Ажъ тогда было бы: „нашии провало!“

Еще побаякали собѣ наши молодята долго, именько съ собою; поговорили и поплакали собѣ, въ-конецъ попрацалася, розсталися, а незабавомъ гинабнулъ Мингрелецъ на конѣ; трѣйка ударила цупкѣ подношмию улочнымъ поכותъ и полетѣла втрѣмъ съ нашимъ Говоромъ къ его обитаци. Тамъ вьязъ Говоръ, що въ грубна, съ собою, позасувадъ все, що лишилось, и отдалъ мнотъ Митрофанови. Попрацалася ея послѣднимъ, сьѣзъ на вбокъ, та погнался середъ гуздѣвъ и свѣзѣвъ мингрелаского шевоника дорогомъ къ Покта.

Самъ часомъ не сдѣлаъ нашъ Митрофанъ межъ Борисеемъ дерномъ, но они дѣбала и мѣрковали на всѣ способы, якъ бы ось милому своему Говоромъ помоча. Одного разу радилася они о той справѣ дуже долгу въ палате княгини Леднянской. Вернувши зъ-оттамъ дуже поздною порамъ себѣ, пустился Митрофанъ на гору до обитаци своего французского гостя.

Французъ положился уже бытъ на лѣжку, але не спавъ еще, ле курилъ, и читалъ джусь французскую газету, та покрадился отъ часу до часу румомъ. Умалѣвши Митрофана, схоицелъ нашъ Маркасъ, и скрипѣлъ: „А, що тамъ нового? Не цыкава тамъ може полиція, возмакомитася со мною? Шо тамъ приводитъ васъ до мене такъ поздною годиною?“

„Не подивѣйше“, — отповѣлъ Митрофанъ — „якъ тогда коли и вы по разъ першій отвѣдали Говора. Я ирѣйшолъ задитати васъ, чи не мали-бъ охоты, быти милионеромъ?“

„Шо?“ — крикнулъ Французъ, и схоицелъ, кинувши газетомъ далеко отъ себе, на ровныи ноги.

„Кажу вамъ разъ еще: чи хочете стати милионеромъ?“

„Sarcoblan! И вамъ еще того не знати? Але чога же штребуете за тое отъ мене? Чи маю може выправити къ чортовой матеря того низа татарина?“

„Не потребуу отъ васъ больше ничего, якъ лишь, чтобы робили то само, що и доси. Вы ва будете чей отъ тѣго, пофехтовадъ собѣ а дѣнь годичку або и зо двѣ, если останете милионеромъ; — не правда?“

„Разумѣся! Если-бъ я былъ миліонеромъ, то и на робилъ бы ничего другого, какъ лишь гулялъ шаблею та на кони. Тогда волѣлъ бы я тысячу разъ вмѣсто читать романы, запускаться самъ въ романтичныя авантюрки. *Ventre saint gris!* Але где же той эссенціальный реквиантъ миліонера, то есть миліонъ, который чей-же буде не нужденными франками, но полными русскими рублями?“

„То уже не вашей головы разумъ! Але чи вы уже таки на правду безпечны, що не подастеся никому на шаблѣ?“

„О!“ — скликнулъ Французъ охочо: — „Що-до того, то не надбѣлы я еще доси себя робного; хотя оно тогда ось довелося, передъ перемагающею силою будочниковъ изъ стратегичныхъ причинъ ретироватися.“

„Коли такъ, то будьте на завтра готовы перенестися до палаты, отъвѣтноя достоианству миліонера. Добра нѣчь!“

„Але прощу еще кочъ на хвалю, милый *monsieur* Жириевъ! Прощу-не сказати, чи долго мѣтъ быти въ интереснибѣхъ томъ состоянію миліонера? Чи се буде до смерти? Ово было бы дуже не людяно, инсталѣвати мѣвелшь провизорично.“

„Не журятся; якось оно буде!“ — сказалъ Юриевъ и отбыль.

Другого дня полъ вечеръ стануль Митрофанъ опять въ дюпочѣ нашего Француза, и сталъ раскладати ровличну елегантную одежду, перстены, голдинники и ведку череватую калитку.

„Берѣтъ се на себе, *monsie* шевадь!“ — сказалъ Митрофанъ. — „Передъ воротами захвалъ шо-вино човозъ, завезти васъ до новой обитачи. Лишь прощу не забыти на свой паспортъ; съ прочимъ адѣйтеся на насъ.“

За якусь хвалю стануль нашъ Де Маркасъ въ безпорочной эщіонабельной одежи, и приглядался радостно хорошенькой берлинской карета, де котарон запряжена была пара гладонькихъ вороньвъ, повожденныхъ руками удалого красиво прибранного кучера. Митрофанъ сѣлъ коло Француза, а незабавомъ погналася карета вѣтромъ, и ззупинилася передъ прекраснымъ дворцемъ недалеко Исакиевского собора.

„Се ваша новая обитачія!“ — сказалъ Митрофанъ и повель Француза до палаты. Тамъ представилъ онъ Де-Маркасови новыхъ его слугъ, которыхъ великое число ажъ наподоухало его. Передъ всеми стоялъ дворецкій, а за нимъ, презентовалося мало не полъ сотня камердирьвъ, лакеевъ, бфуетчикьвъ; мебельмаистровъ, штальмаистровъ, форрейтеровъ, кучеровъ, портіерьвъ, поварьвъ, кондитерьвъ, гардеробьерьвъ и пр., межъ которыми было не мало и бздочельди. Тамъ дождадася данъ шевадь, що у него есть теперь десять коней, четыре човозы, сарей и пр. Онъ перейшолся по доброй своей библиотечѣ, переглядулъ прекрасныи свои образы, елегантную гардеробу, роскошную ехтовальную сажу, дорогочанную збрѣвну и пр. Де-Маркасъ не вѣрль самъ

своими очами, та въ-конецъ взяла его гадка, що се може патата якогось русского вельможи, котораго случайно нѣтъ дома. Ажъ коли Митрофанъ показалъ ему контрактъ найма, квиты платнѣ за вся дѣтскими предметы и списъ угоды слугъ, — ажъ тогда увѣрилъ Французъ, що се на правду для него всѣ тѣ роскоши. Незабавомъ понесъ ему секретарь паспортъ на полицію, и вернулся по хвѣли съ дѣтскими дозволеніемъ, обитати въ Петербургъ доки воля.

Другого дня стояло въ газетѣ „Journal de Petersbourg“ слѣдующее заглавие:

„Заграничный. одинъ дворянинъ, навѣишій що-дезь завѣяться по дѣвѣ годины фехтованьемъ, проситъ молодыхъ людей ословія дворянскаго, которыми умѣеъ уже отлично фехтоватися, щоби нечтнинъ его своимъ отвѣдываемъ.“

Слѣдующаго раня глотилося въ сали фехтовальной нашего Француза веле офицеромъ въ романтихъ униформахъ. Буфетчикъ расчищая отъ своихъ подручныхъ за своимъ дѣломъ, и подавалъ прибывшимъ гостямъ розничныя похлепцелья. Въ-конецъ становъ татъ в Де-Марнасъ. Склонился своимъ гостямъ и скинулъ зъ себе верхню одежду.

„*Sans gêne!*“ — кликнулъ онъ. — „*Прошу до дела!*“

За тымъ словомъ зиврился той то сей съ нашимъ Французомъ, но и одинъ зъ нихъ не подумалъ успати що противъ него. Въ-конецъ выступилъ свидѣишій нашъ высокій Чеченецъ Абу-Массиръ-Адиръ и взялъ до рукъ кольца рапиромъ. Но хвѣли добралъ онъ собѣ одну до рукъ, натянулъ рукавицю, и становъ просто нашего Француза. Князови Кабхараю стало слышнѣе кидатися сердце, коли повидѣлъ, якъ мѣтно и граціозно ударилъ по разъ першій Де-Марнасъ. Ему видѣлося, що еще не бачилъ такомъ пружистомъ верткости Чеченецъ держаломъ дуже добре; коли отъ-разу потисъ Французъ подступилъ ударомъ, скрутилъ на половинѣ дороги на бокъ, и ударилъ той же секунды татъ мѣтко и сильно въ грудь своего противника, шо ажъ половина рапиръ уломившися, пороскаковалася на всѣ бока. Притомный стали плескати и славити безъ конца.

Ту уже годъ было сдержатися в Кабхараеви. Скинулъ изъ себе верхнюю шинель и становъ до борьбы.

„*Прошу о честь одного выступления!*“ — сказалъ онъ, и поставился.

Де-Марнасъ держался якыхъ десять минутъ; но въ-конецъ спознися онъ съ однимъ ударомъ, а князь Кабхарай обнималъ его рапиромъ:

„*Ура!*“ — тривнулъ розохоченый Мингрелецъ, и склонился. — „Зналъ я, шо оно такъ буде; но не перечу, шо еще не малъ такъ сильного и мѣткого противника.“

Новоли-поволи поставали офицеры парами одинъ противъ другого, а цѣла сая загудѣла звоннымъ шастаньемъ молодець. Офицерамъ минулъ часъ въ-громъ, та всѣ не могли нахвалитися рыцарскою тою охоты. Нашъ Французъ видѣлся имъ взоромъ фешионабельного господари; згно у него было ска-

вное, та не забаромъ заповидалася фехтовальная его осязательная безъ камишекъ другихъ принаукъ.

Въ не-долгомъ часе познакомился нашъ Де-Маркасъ съ численными дворянскими родителями, а поволи-поволи оставило ему уже за-черезъ густыя виваты пазу на фехтовальную охоту. Дальше заявилъ бивъ, що фехтовальне само въ себя не мае уже примани для него, и предложилъ своимъ товарищамъ фехтованье о закладъ. Незабаромъ завладѣвъ хмарный дѣйсъ духъ въ фехтовальномъ его салонѣ, а за кѣлька недѣль парыгравля тамъ одинъ а подпрогравля другія такъ великіи суммы, що Царь запретила своимъ офицерамъ закладатися при фехтованью о гроши. Но и тѣмъ не застановилися дотыныи заклады; теперь фехтовалася офицеры о коню, ружьица, дороговальности и пр.

Изъ всѣхъ фехтующихъ рѣшилася одинъ Кабхарай Де-Маркасови шо до фехтовальной зручности. Разъ побѣждалъ Мингрелецъ, другій разъ знову Французъ своего противника. Кабхарай имѣлъ прекрасного кавказского коня, найкрасшого на цѣлый Петербургъ. Десять разъ уже выгравлялъ едо то Де-Маркасъ, то бивъ самъ. Въ-конецъ заявилъ прѣсвѣдній, шо не выстанять его на закладъ.

„Говорѣтъ, шо хочете; а тани буде бивъ еще мой!“ — сказалъ Де-Маркасъ, — „хочь-бы мена прѣйшло ставити сто-тысячь рублей на него.“

„Ничого въ того!“ — отвѣчалъ Кабхарай. — „И за тѣ гроши не купитъ такого моня. Говорѣтъ о чемъ другомъ.“

„То я прѣймаюся ударити васъ тричи, закамъ успеете хочь-бы доткнутися мене!“ — крикнулъ Де-Маркасъ страстно. — „Що больше: Ударю васъ пять разъ, або и осмь разъ — разъ за разомъ. Чи и теперь не будете закладатися?“

„Що-же дѣлати?“ — сказалъ Кабхарай. — „Ну, ходитъ уже о мою честь. Но разъ еще кажу вамъ: я тому не виненъ, шо выкидаете марно свои гроши. Прощу ставати!“

Незабаромъ обслушана нашихъ удалыцѣвъ густая громада офицеровъ и другихъ дворянъ; вси же придержовали въ собѣ духъ, ожидаючи конця той справы.

Наши борца приложили свои рации въ-куду и стали ними одинъ на другого ударати. Но по перыхъ ужъ-броскахъ, попыталася гѣй-бы живши чарени, рука Кабхарая, а Де-Маркасъ ударилъ его просто въ груди.

„Разъ!“ — крикнулъ Французъ.

Не минуло три напады, коли Де-Маркасъ шмергнулъ своего противника, по разъ другій и третій. Въ Кабхарая разкидала молодецкая кровь, коли-побачаь, шо его, противника неприступный для него, гѣй той второй Ахиль. Якимъ святомъ зумѣлъ Де-Маркасъ такъ дуже замасковатися съ непонятною цѣткостью. Помимо всѣго силыванься Кабхарая падали на него противники удары

одинъ за другия. Выдалось, що былъ противъ Француза гей-бы не малъ ничего въ рукахъ.

Побивши шестой разъ раширомъ, кинулъ былъ своимъ оруженъ о землю.

„Победили мусье шеваля!“ — оказалъ былъ со слезами гнѣву въ очкахъ. „Вы сделали собѣ страшную забавку изъ моей незручности. Но вы знаете тое добре, якъ дуже пропадаю я за конемъ конемъ; а такъ будете такъ чемны, по старому рыцарскому обычаю не позбавляти побѣжденного его коня. Я готовъ дати за него, що сами схочете...“

„Меня не потреба грошей, милый княже!“

„Знаю я тое на мое несчастье. Но прошу взяти собѣ за него, що лише воля. Сей перстень стоить для рѣдного брата 30.000 рублей!... Не хотите его? Вы хотали одного разу кунити у мене образъ Горация Вернета: „русская санна.“ Берѣть, если воля, той образъ, до которого додамъ вамъ, що вамъ лише злюбится.“

„Най буде по вашому!“ — сказалъ Де-Маркасъ. — „Не хочу докѣнче напосѣдаться на вашего коня, та пристану на щось другого, чѣмъ буду мѣтъ, прислужитися гарной одной дамѣ.“

„Чого же домагаєтеся до мене?“ — сказалъ Кабхарай.

„Ба! Опѣсля готовы вы опять сказать, чтобы я тое кидаль, а другое що за него прѣймаль. Теперь снажу вамъ лишь только, що тое, чего я домагаюся хочу, не мае для васъ жадной ведкико чужности.“

„Пристаю на тое, коли такъ, и даю вамъ на се мое слово. Прошу казати!“

„Messieurs!“ — сказалъ Де-Маркасъ — „Беру васъ за свидѣль. Прошу о свободу вашего крепака, Доктора Говора!“

Кабхарай остолпелъ, гей-бы удареный громомъ.

„Не може быти“, — крикнулъ былъ. — „Скорше уже берѣть собѣ коня! Се дѣйстви систематичная зрада.“

„Мая ваше слово, и не дамъ собѣ его выдерти ничемъ на святѣ. Прошу подписати догичную грамоту.“

Кабхарай подписалъ, и попрощался.

Другого дня не было уже въ фектовальномъ салонѣ Француза и одного гостя. Въ-конецъ были-бы они и не надѣбали тамъ нашего Де-Маркаса, который гостился тогда съ Митрофаномъ и Бориссою у княгини Лединьской. Последняя выложила ему сто-тысячъ рублей, то есть только, колько Говоръ дѣвалъ Кабхаряеву за свою свободу. Одного лише жалъ было нашему Французову, а-то того, що уже не малъ надыти, побачитися съ Говоромъ; въ две годины бо по слѣдней его борьбѣ съ Мингрельцемъ вѣйшлому ему въ полудни приказъ, выноситися до двоухъ лобъ изъ Россіи.

Въ колько недель послѣ того вернулъ Говоръ, свободный, панъ своен воля, до Петербурга. Тамъ покликать его Царь до себе и сказалъ:

„Слово твое сбылось. Великая княгиня же и прѣситъ за тобою. Пращай и бери собѣ съ Богомъ княгиню Лединьску за жену. Най васъ Господь благословить!“

Въ четыре недель послѣ того было весѣлье.

Препну-
руется
только
вразъ со
„Словомъ.“

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешприсичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 6.

Львовъ 2. Марта 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ И ЕГО ВѢЙНА СЪ МОСКВОЮ.

Въ туюже пору, коли Гетманъ Богданко вернулъ зъ Крымского похода, былъ уже на престолъ польскомъ Стефанъ Баторій, и той — якъ сказано — носился уже съ мыслию, устроить нашихъ козабвъ на Украинъ такимъ ладомъ, чтобы отъ нихъ наибольшу имѣти прислугу на часть военныхъ. Оттакъ король Стефанъ, довѣдавшись о хоробрости Гетманъ Богданку, послалъ ему въ знакъ найвысшой почести бунчукъ и булаву гетманску, заявляя тѣмъ самымъ, що признае его первымъ и головнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ козацкихъ. Вразъ съ тѣмъ-же Стефанъ Баторій переслалъ Гетманови Украини свою грамоту, въ которой препоручилъ учинити новое устройство войскъ козацкихъ. А было то устройство дуже прозорно и хорошо задумано, и оттакъ оно вполне подобалося нашимъ Запорожцамъ.

По сему устройству роздѣлено всю нашу козачину, состоящую тогда зъ 20.000 мужа, на 10 полкбвъ, а каждый зъ тыхъ полкбвъ малъ свою особенну область, въ которой проживалъ и зъ которой заедно свѣжими силами дополнялся. Области или повѣты сѣя зъ той стороны Дняпра были: Чигиринскій, Корсунскій, Черкасскій, Уманскій, Лодыжинскій, Богуславскій, Кіевскій; а зъ другой стороны: Переяславскій, Полтавскій и Миргородскій. Каждый полкъ носилъ имя своего повѣта, и въ каждомъ были свои старшины козацкіи, яко: полковникъ, обозный, судія, писарь, есаулъ, хорунжій, атаманъ и сотникъ; были и два суды: одинъ военный, составленный изъ самыхъ старшинъ козацкихъ, который судилъ въ дѣлахъ военной службы, а другій судъ мирскій (повѣтовый), который рѣшалъ въ справахъ земскихъ по литовскому Статуту. Козаки всѣ безъизытно были свободны отъ всякихъ роббтъ и податкбвъ, а тѣи зъ нихъ, которы составляли постоянну пограничную стражу и назывались выборными или реестровыми, дбствовали — каждый коня, стрѣльбу, спису, а къ тому одного червбнца и кожухъ за одинъ

годъ службы. Реестровыхъ козаковъ было за Баторіа лишь 6000 мужа, и служба ихъ уважалась сама собою достоинствомъ, зачѣмъ и назывались они выборными. Що до старшинъ козацкихъ порядокъ былъ установленъ такий, що Гетмана выбирали козаки всѣхъ полковъ зъ-посередъ цѣлой громады козачества, и того Гетмана затвердити або не принять малъ право самъ король; прочихъ же генеральныхъ и полковыхъ старшинъ выбирали полки каждый про себе, а право затверженія ихъ прислужало Гетманови.

Запровадивши таке устройство въ полкахъ козацкихъ, король Стефанъ подарилъ козакамъ городъ Трехтимировъ на Днѣпръ и дозволилъ имъ селитись до самого Кіева; а для приличного помѣщенія Гетмана збудовалъ онъ особый городъ надъ рѣкою Сеймомъ, назвавши сей городъ въ память своего имени Батуриномъ. Въ городахъ и по селахъ Украины жили, якъ и впередъ, козаки ббльшою частію женатыи, въ Сѣчи же самыи безженныи.

За свои особенныи ласки для козаковъ Стефанъ Баторій требовалъ отъ нихъ лише того, чтобы они на каждое его возванье ставились до вѣины за Польшу, та чтобы здержовались на-теперь отъ всякихъ нападѣвъ на Татаръ, особливо же на земли турецкого султана, съ которымъ, якъ сказано, Польша що-ино недавно заключила тѣсный союзъ и дружбу. Однакожь не смотря на тое скромное будьто требованіе короля Баторія, козаки наши сейже часъ по своемъ новомъ устроеньюся о ничѣмъ такъ и не думали, якъ лишь о новыхъ якихъ походахъ противъ бисурманства. Бачиши бо, думали они тогда: „Доброе дѣло сотворилъ Баторій, що устроилъ насъ въ крѣпкое войско; однакожь обманное онъ самъ себе, если гадае, що Русь перестане поборяти орды бисурманскіи. Въдай не жити Руси въ миръ, доки горою сила бисурманска, и якъ скоро залишимо поконывати Туркѣвъ и Татаръ, то они насъ поконають.“ Такою мыслію веденый Гетманъ Богданко Ружинскій, еще въ тоежь лѣто, коли Баторій устроилъ козачество, т. е. въ г. 1576, двинулся съ лучшими полками своихъ козаковъ противу Татаръ, подѣлалъ великіи опустошенія въ Крымъ и у побережій приморскіихъ, належацихъ до турецкого султана, а потомъ окружилъ бисурманскую крѣпость Исламъ-городъ, желая туоужъ или до Украины прилучити или же до-основанія зруйновати. Дѣло се однакожь ему не посчастлилося: въ самомъ бо розгаръ борьбы, коли козаки наши уже взбирались на стѣны крѣпости, Гетманъ Богданко загнался надъ самъ подкопъ непріятельскій, который тойже хвилѣ взорванъ порохомъ, поднялъ нашего богатыря на воздухъ.

По такой несчастной кончинѣ батька своего Гетмана козаки отступили отъ облоги Исламъ-города, та повернувши опечалены въ свою Сѣчь,

выбрали себя въ году 1577 Гетманомъ генеральнаго есаула Шаха. Тойже Гетманъ Шахъ, хотя не былъ затверженъ королею Польщи (бачишь, Баторій сердился тогда на козаковъ за ихъ самовольныя походы на бисурманъ), приговаривалъ теми же дорогами, якими ходили Вишневецкій, Свирговскій и Богданко. Изъ числа многихъ выправъ военныхъ противъ бисурманства найславнѣйша была война сего Шаха съ Турками въ Молдавіи. А велася тая война на перекоръ волю Стефана Баторія и за-дѣя такой-ото причины: Жилъ тогда межъ козаками Молдавіинимъ Иванъ, удалецъ на всю Сѣчь, одаренный такою чрезвычайною силою, що въ двохъ пальцяхъ ломилъ найгрубши конскіи пѣдковы, и затѣмъ братьями козаками названъ былъ Пѣдковою. Той Иванъ Пѣдкова былъ природнымъ братомъ молдавскаго Господаря Ивонія, котораго Турки еще въ г. 1574 зрадою житя позбавили, и по смерти котораго султанъ турецкій поставилъ въ Молдавіи князя Петра Волошина. Молдавяне, неудоволены правленіемъ Волошина, послали на Сѣчь таке запрошеніе къ Ивану Пѣдкову, абы ѓнъ, яко правый наследникъ молдавскаго престола, ишолъ до нихъ володѣти княжествомъ. На тѣи запросини поднялся самъ Гетманъ Шахъ съ козаками сопроводити добраго и воины любленнаго товарища Пѣдкову на престолъ молдавскій, та вторгнувши пачишю супротивленія польскихъ пограничныхъ войскъ въ предѣлы Молдавіи, якъ-стѣи разбилъ тутъ полчища Турковъ и Волошинъ, прогналъ Господаря Петра и посадилъ на престолъ въ Ясахъ хоробраго брата-козака Пѣдкову. — Но межъ тѣмъ султанъ турецкій Амуратъ на-чѣмъ свѣтъ сталъ жаловаться передъ Польщею на Гетмана Шаха, и заклиналъ Баторія пѣдъ утратою заключенной съ нимъ дружбы, абы ѓнъ помѣгъ Туркамъ прогнати зъ Ясъ Господаря Пѣдкову, и абы безъ проволоки укарагъ дерзкаго Гетмана козацкаго, который посмѣлъ въ теченіи кѣлькохъ недѣль разбити турецкую силу въ Молдавіи. Тогда король Баторій наславъ богато войска польскаго на край Молдавскій, а Господарь Пѣдкова зирковавши ѓтакъ, що противъ соединенныхъ силъ Польщи и султана ему годъ буде удержатися, сталъ уступати зъ Ясъ назадъ въ нашу Сѣчь, намеряя собрати тамъ-же для дальшаго веденія войны еще больше силъ козацкихъ. Однакъ въ дорозъ задержалъ его начальникъ войска польскаго, панъ Янушъ Збаражскій, и той по дружески будѣто далъ таку раду панюму Пѣдкову, щобы ѓнъ, залишя дальшую вѣйну, повѣршилъ свою справу самому-жъ королю Баторію, который одинъ и выеднае для него молдавское княжество по доброй воли у друга своего султана. И Пѣдкова, якъ и могучій былъ тѣлесною силою, а показался слабосильнымъ супротивъ лискомъ хитрости: ѓтославши бо ѓтъ себе козаковъ на Сѣчь и подаривши до того ляхамъ все пушки, на Туркамъ здобитыи, ѓнъ прилу-

чился до пана Януша Збаражского, та прельщенный надьями, съ полною довърчивостію вхалъ до короля Баторія въ Польшу. Тутъ однакожь Баторій велѣлъ оковати его въ тяжкіи пута, и помимо данного своего слова, що житье ему даруе, послѣ колькомѣсячного вѣзненія лѣтомъ 1578 г. приказалъ могучому Пѣдкова ѳтрубати голову на рынку во Львовъ, въ притомности численнаго народа и посланника Турціи. Передъ смертію Пѣдкова вырекъ еще сіи памятныи слова: „Голову и руки свои, которыи я такъ частократно поганскою кровію освятилъ, складаю теперъ охотно на жертву имени христіанскому!“ Тѣло его похоронили сперва православныи Львовскіи Русины въ своей Успенской церкви, потомъ же прибывшіи изъ Украины нарочно по то-ежь братья-козакки увезли туловъ и голову Пѣдкова до Каиева, где и погребли въ мѣстцевомъ монастырѣ. — Такъ погибъ Иванъ Пѣдкова — первый мученикъ за борьбу Украины съ ворогами Христіанства, казненъ соромною смертію ѳтъ христіанской Польщи.

Лютая казнь Пѣдкова не удержала Гетмана Шаха ѳтъ дальшаго веденія войны съ Турками; такъ въ г. 1578 якъ и 1579 ѳнъ съ полками козацкими нападалъ на земли турецкаго султана, наносилъ неустанно тяжкіи удары бисурманамъ въ Крымъ, безпокоилъ и опустошалъ турецкіи города далеко ажъ у азійскихъ береговъ Чернаго моря. Султанъ Амуратъ и ханъ Крымскій уже не могли вытерпѣти своего соромна а еще бѣльше утратъ чувствительныхъ, козаками имъ задаваемыхъ, та удалисъ знову до короля Стефана Баторія съ настойчивымъ требованіемъ, абы ѳнъ непременно уничтожилъ козакѳвъ, иначе Турція зрѣе союзъ съ Ляхами и поїде войною на ихъ Польшу. Тогда то увидѣлъ Баторій, яко для Польщи годъ надѣятисъ доброй прислуги ѳтъ русскихъ козакѳвъ, если таяжь Польша вступае въ дружбу съ Татарами и Турками; затѣмъ король Баторій на-широ покаялся теперъ, що самъ-же наибѣльше причинился до устроенья нашои козачины. Якъ бо и часто упоминалъ ѳнъ Гетманѳвъ и старшину козацку, абы пѳдъ утратою своихъ достоинствъ здержовали Запорожцѳвъ ѳтъ походѳвъ военныхъ на Крымъ и на турецкаго султана, но всѣ тїи упомненія и угрозы не имѣли ни наименьшаго успѣха; Гетманы козацкіи, якъ Богданко и Шахъ, не тѣлько не спинали козакѳвъ ѳтъ нападѳвъ на земли бисурманскіи, но еще и сами туда ихъ провадили. Такъ и вышло теперъ, що король Баторій, якъ впрочемъ и непритворно любилъ нашихъ козакѳвъ, а таки малъ съ ними настоящій клопѳтъ. Надѣючисъ однакожь, що чейже съ часомъ добере собъ такого козацкаго Гетмана, который цѣлкомъ воля его повиноватися буде, ѳнъ послалъ ѳтъ себе на-теперъ строгій наказъ козакамъ: чтобы они конечно ѳтняли Шахови гетманство, иначе бо всѣ ихъ полки будутъ розвизаны. Козакки ѳттакъ

собралися на раду, и самъ же Гетманъ Шахъ, желючи спасти ихъ жертвою своею, зложилъ булаву гетманску и удалился зъ Батурина въ Каневскій монастырь, где на молитвахъ у могилы друга своего Подковы доживалъ въку своего яко смиренный монахъ.

Посль того король Баторій, готовячись до великои войны съ Москвою, выслалъ на Украинну польского шляхтича Самуила Зборовского, препоручая томужь, абы онъ, обнявши гетманство, старался козакѣвъ не только воздержати отъ походѣвъ на Татаръ и Туркѣвъ, не еще и склонити ихъ до борьбы съ Москвою. Козаки однакожь не хотѣли признати того Самуила Зборовского своимъ Гетманомъ, та хотѣла маленькая часть изъ нихъ, бо только 2500 мужа, выбралися были идти за нимъ въ походъ на области Царя русского, но и тѣ, дойшовши только до Путивля, завернули зъ дороги назадъ въ свою Сечь, оставивши своего предводителя самъсенького въ поли подъ Путивлемъ. Тогда панъ Зборовскій, Гетманъ безъ войска, зъехалъ знову на Украинну, и стараячись весьма способами позыскати дружбу козакѣвъ, роздалъ межи нихъ все свои гроши и дорогоценности, умоляя ихъ, щобы, если вже не хотѣтъ уважати его своимъ Гетманомъ и идти войною на Москву, принаймнѣй вздержались отъ нападѣвъ на Крымъ. Но козаки байдуже ни за гроши ни за все дорогоценности не хотѣли отказатись отъ своего завѣтнаго права до борьбы съ Татарами, и панъ Зборовскій якъ прійшоу такъ и вернулъ собъ назадъ до короля Баторія съ ничымъ инымъ, лишъ съ пустымъ титуломъ козацкого Гетмана, у котороу козакѣвъ своихъ ни одной души не было.

Изъ того всего, що приключилось пану Зборовскому на Украинну, увѣрился король Баторій надто основно, що на помощь и прислугу русскихъ козакѣвъ супротивъ Москвы ему годъ полагатися. Затѣмъ замышлялъ онъ дальше пересправляти съ козаками, а оглянувся теперь за границу, именно въ Угорщину и на Нѣмцъ, откуда за великіи гроши спровадилъ наешныи полки кѣнницъ и пѣхоты, желая тѣми заступити нашихъ козакѣвъ, которы до войны съ Москвою никакъ не давали склонитися. Такъ собравши наконецъ многочисленное войско зъ Польщи, Литвы и зъ заграницъ, и заключивши до того союзъ противъ Москвы со Шведами, Баторій выповѣлъ войну Царю Ивану Грозному, и подъ осень 1579 г. двинулся къ предѣламъ Великой Руси, въ область Полоцкую.

А зазвѣсто же, що въ Москвѣ тогда все еще продолжалось грозное время, и Царь Иванъ заедно таки одержимый былъ лютою душевною недугою ляхосердія и кровопійства. Въ такомъ расположеніи несчастный Царь уже никакъ не умѣлъ дѣйствовать съ огадностію и розвагою, та вовсе и не дбалъ на тое, що въ крѣпостяхъ его войска

мело, а добрыхъ начальниковъ военныхъ нигде и найти, бо однихъ поубивали царскіи опричники, другихъ выслано на заточенье въ мѣстныя закуты Руси. Тоже и не диво, що коли Иванъ Грозный въ своемъ Александровскомъ дворцѣ подъ Москвою занимался отрубаваньемъ головъ людскихъ, Стефанъ Баторій вступивши въ Полоцкую землю, забиралъ ему крѣпость за крѣпостію, городъ за городомъ, которы на тотъ часъ оставлены были майже безъ защиты. Такъ въ г. 1579 занялъ онъ сильный городъ Полоцкъ и выпалилъ 2000 селъ въ Смоленской области; въ г. 1580 здобылъ онъ Великіи Луки, завоевалъ Сѣверный Холмъ, спалилъ Старую Русу, и оттакъ подвигался уже въ землю Псковскую и Новгородскую. — Современню напали союзники его Шведы на при-Балтійскіи земли Руси; однакожь такъ не велось такъ счастливо, якъ Литовцямъ и Полякамъ, понеже войска русскія побили ихъ на голову подъ Нарвою и гнали ажъ до Ревеля за границъ русскія.

Въ г. 1581, коли Баторій съ 100.000 свѣжо собранного войска двигался скорымъ походомъ уже ко Пскову, опамитался Иванъ Грозный отъ своей нерадивости, и нагромадивши скѣлько мѣгъ на-скорости силъ военныхъ, выслалъ тѣмъ до Пскова, препоручая своимъ воеводамъ, братьямъ Шуйскимъ и Плещееву, щобы обороняли сію важную крѣпость Руси: всѣмъ житьемъ своимъ, и не дали бы ніякъ занятыю Баторію. А въ туюже пору Царь Иванъ отправилъ до Баторія пословъ своихъ съ предложеніемъ мира, соглашался вже и на значительныи уступки въ карысть Польши. Но король Баторій, ставши гордымъ на свои дотеперьшні великіи побѣды, не хотѣлъ навѣтъ говорити съ русскими послами, прогналъ ихъ изъ своего военного табора, и ступалъ дальше и все дальше ко Пскову. Однакожь тутъ счастье ему измѣнилось. Твердость и хороброе супротивленье русскѣи залогіи Пскова принудили Баторія перервати жестокою осадю сего города. Онъ постановилъ изнурити упорныхъ Псковитявъ голодомъ, не зважая на то, що голодъ завладѣлъ уже и въ его таборѣ, та губилъ тутъ щоденно по звышъ тысячу мужа.

Межи тѣмъ Царь Иванъ придумовалъ надъ новыми способами, якъ бы на честное перемирие наклонити своего противника Баторія. А захалъ власне тогда до Москвы посоль отъ папы римского, езуитъ Антоній Поссевинъ, которого папа Григорій XIII, надѣявшисъ присоединити Великую Русь до своей обширной паствы, выслалъ къ Баторію и въ Москву для примиренія воюющихъ двохъ державъ христіанскихъ. Той Антоній Поссевинъ, представши передъ Иваномъ, предложилъ ему свои услуги для заключенья перемирія съ Баторіемъ, требуючи за то, абы Царь Иванъ обернулъ свой мечъ на поганъ въ краяхъ азійскихъ, которы вѣчно Христіанъ беспокоили. Царь Иванъ

принялъ предложенье Поссевина, и выслалъ его со своими полномочниками подъ Псковъ въ таборъ короля Баторія. И въ добрую пору зайшолъ туда папскій езуитъ съ послами Ивана, понеже власне о томъ часть русская залога Пскова уже по сорокъ-шестой разъ счастливо отбила напады Поляковъ отъ стѣнъ крѣпости, а сто-тысячна армія короля Баторія черезъ голодъ и всякіи страты при облозѣ Пскова уменьшилася такъ, що осталось зъ нею здѣльныхъ до бою лишь 26.000 мужа. Затѣмъ Баторій, требовавшій въ своей гордости еще недавно отъ Ивана уступленія не только занятыхъ нимъ русскихъ областей, но еще навѣтъ Пскова и Новгорода, смирилъ теперь свои требованія и приставалъ уже на то, что полномочники Ивана ему дати не отказовалися. Заключено отже дня 6. Сѣчня 1582 г. подъ Псковомъ перемиріе межъ Москвою и Польщею на цѣлыхъ десять лѣтъ, а то подъ такимъ условіемъ, що Царь Иванъ уступилъ Польшу Ливонскую землю и русскій городъ Полоцкъ, а Баторій звернулъ ему Великіи Луки, Свѣрный Холмъ и всѣ другіи города въ земли Псковской, занятыи его войскомъ. После того полки Баторія, сильно изрѣдѣвши въ 3-лѣтней войнѣ съ Москвою, повернули въ свояси, прославляя походы истинно мужественного владѣтеля Польши.

Межи тѣмъ Царь Иванъ Грозный, хотя и бажалъ непременно сего перемирія, но окупивши его стратою Полоцка и Ливоніи, сталъ теперь наскрѣзь сумный, присмирѣлый, якъ той на часъ роскаившійся грѣшникъ. Въ счастливомъ поведенью своего врага Баторія якъ и во власномъ своемъ претяжкомъ посоромленью видѣлъ онъ примѣтно всемогущую руку Божу, котора такимъ чуткимъ ударомъ прикоснулася его за все то зло, какое онъ на Руси пополнялъ. Затѣмъ Царь Иванъ по цѣлыхъ дняхъ молился теперь, говѣлъ, билъ поклоны и творилъ всякое покаяніе съ такимъ смиреніемъ духа, якъ въ-передъ николи. Тѣмъ то его набожнымъ расположеніемъ сердца задумалъ воспользоваться езуитъ Антоній Поссевинъ, который по заключенью перемирія съ Польщею изъ-подъ Пскова завернулъ еще разъ въ Москву, усиленно глядя тутъ способности, съ Иваномъ о дѣлахъ вѣры святой переговоритися. Для той цѣли пробылъ онъ черезъ два мѣсяца въ Москвѣ и удостоился по кілька разы бесѣдовати съ Царемъ Грознымъ и съ его боярами, а тѣх-то разговоры описалъ онъ въ особой книжцѣ, котору потомъ на вѣчную память передалъ своему папежу въ Римъ. — Разговоры тѣхъ Ивана съ езуитомъ Поссевиномъ о святой вѣрѣ были дуже примѣчательны, и мы затѣмъ наведемъ тутъ въ нашей Исторіи ихъ главную основу слѣдующимъ способомъ:

Прежде всего езуитъ Поссевинъ, доручивши Царю Ивану папескіи грамоты, которыми папа римскій запрошалъ Ивана до присту-

пленія къ уніи съ Римомъ, сталъ величати свою католическую вѣру, превозносячи ю надъ всѣ инныя въ свѣтъ. На тоѣ Царь Иванъ, который впрочемъ имѣлъ великія знанія въ дѣлахъ св. богословія, перервавши бесѣду Поссевина, заявилъ рѣшительно, що о святой вѣрѣ толковати съ нимъ не хоче, разъ для того, що се ему, Царю, яко мірскому челоуѣку, дѣло непригоже, а во вторыхъ, що розговоръ такіи православнаго съ католикомъ безъ роздорныхъ словъ не обійдется. Мимо того Антоній Поссевинъ, заporučая торжественно, що бѣтъ ніякимъ роздорнымъ словомъ не оскорбится, просилъ настойчиво Ивана, абы розговоръ о вѣрѣ провадился. Тогда Царь Иванъ сталъ говорити такъ: „Антоніе! намъ съ вами по вѣрѣ не сойтися! Вѣра наша православна изъ давныхъ лѣтъ была собѣ, а римска собѣ, и съ нашою вѣрою ваша римска во многомъ расходится. Мы Великій Государь Руси въ православной вѣрѣ родились, въ нейже жіемъ 51 лѣтъ, и мимо неі ніякою другою вѣрою уже до смерти приняти не хочемъ. У насъ же вѣра православна сама исконно христіянская, принесена отъ сторонѣ, где Христось родился, затѣмъ и законъ и обычаи у насъ первобытно христіянскіи, сохраняемыи невредимо и по истинѣ; у васъ же напротивъ въ римской церквѣ розновѣрій сѣмдесять, и законы устанавлиются новыи не Богомъ, а челоуѣкомъ-папою... А тѣлько мы о томъ говорити не хочемъ за-для супротивныхъ словъ, щобы розни и гнѣву межъ нами съ папою за то не было, и дружба бы наша, що теперъ съ Григоріемъ папою началась, тѣмъ не порвалася.“

Послѣ того Царь Иванъ замолкъ; но езуитъ Поссевинъ сталъ еще тѣмъ усильнѣйше допрашивать о продолженъе розговора, повтарающа неустанно, що за супротивныи слова гнѣву у него не буде. Тогда Царь Иванъ говорилъ дальше такъ: „У васъ папа римскій сидитъ на престолѣ, и носятъ его на престолѣ, а цѣлуютъ его въ ногу въ сапогъ, а на сапозѣ у папы крестъ, а на крестѣ распятіе Господа Бога нашего. Пригоже ли таке дѣло? Въ нашей вѣрѣ православной крестъ Христовъ на враги побѣда, и у насъ того не ведеться, щобы крестъ святыи нижеше пояса носити, а въ ногахъ ставити его уже ніякъ не годится. Таже и престолы въ церквахъ нашихъ дѣлають по грудь челоуѣку, ибо нижеше пояса всякой святыи быти не подобае. А то у папы римского крестъ на сапозѣ ногъ не черезъ уставъ святыхъ Апостоловъ, но отъ гордости людской установленъ. А Святителямъ не подобае тако гордиться, но яко апостольскимъ ученикамъ должно смиреніе показовати, а не возноситися и превыше Царей земскихъ гордостію не обноситися. Царская же убо Царямъ достойная есть, а Святителемъ, папамъ и Патриархамъ честь святительская. Вашъ же папа по земли не ходитъ, а велитъ себе носити на престолѣ, и себе называти сопре-

стольникомъ Апостола Петра, а по Петръ Христа сопредстольникомъ и намѣстникомъ; но папа не Христось, а престоль, на немъ-же папу носятъ, не облакъ, а который его носятъ, ти не Ангелы. Таже и Петръ, голова во Апостолахъ, верховный ученикъ Христа, по заповѣдямъ Его ходилъ, а таки и Петра Апостола ровнати Христу не подобае. И Апостоль Петръ такъ не дѣлалъ, яко папу вашего на престоль носятъ, и цѣлуютъ въ ногу, но ходилъ Петро пѣшій и босый, и творилъ дѣла святительскіи, не гордостныи. И который папа по Христову ученію и по апостольскому преданію стане ходити, тотъ да буде уже и названъ великииъ папою и ровнопостольнымъ; который же папа не по ученію Христа и не по преданію Апостоловъ почне жити, тотъ папа волкъ есть, а не пастырь.“

На ти слова езуитъ Поссевинъ воскликнулъ съ досадою: „Коли уже папа волкъ, то менѣ ничего вже и говорити!“ А Царь Иванъ на сіе: „Антоніе! я-жъ тобѣ и говорилъ, яко не подобае намъ въ дѣлахъ святой вѣры толкъ провадити, ибо своей вѣрѣ кождый есть ревнитель. И я-жъ не вашего папу Григорія называю волкомъ, но который папа не захоче ученію Христа и преданію Апостоловъ послѣдовати, а того папу называлъ волкомъ, а не пастыремъ.“ — Потомъ Царь Иванъ отправляясь въ церковь, сказалъ еще къ Поссевину: „Мы нынѣ идемъ въ церковь Пречистыя Богородицы для исповѣди нашей православной вѣры; такъ ходи и ты съ нами и посмотри, яко мы почитаемъ Отца своего и Богомольца Митрополита, и отъ него благословенія просимъ. А чтимъ мы его впочетъ ему святительскую воздаемъ, та не обожаемъ его такъ, яко еси съ нами о папѣ твоємъ прежде говорилъ, що папу носятъ на престоли и въ ногу его цѣлуютъ.“ — А Поссевинъ на тое сказалъ: „Зѣ церковь съ тобою, Государь, иду и смотрѣти на вашъ чинъ церковный хочу; однакъ про папу и теперъ говорю, що бнѣ сопредстольникъ Петра и Намѣстникъ Христовъ; то и якъ же намъ всѣмъ его не чтити, и достойныи чести папешскіи ему на приносити? А отъ, и у тебе Государя-Царя есть свой Митрополитъ, и ты Государь якую честь ему воздаешь! Умые бнѣ при Службѣ руки, а тою водою ты Государь очи свои мажешь.“ — На то Царь Иванъ возразилъ Поссевину: „Называешь себе учителемъ духовнымъ и говоришь, що прийшло еси нсѣ учити, а ты и того не знаешь, що толкують уставы. Читалъ ли еси толковую обяденную Службу?“ — Поссевинъ замолчалъ, отвѣту Царемъ не далъ. Тогда Иванъ рекъ ему дальше: „Коли не выдаешь, то я гобѣ скажу: що Митрополитъ на обяднѣ руки умывши, тою водою си свои просвѣщае; тогда и мы водою сею свои очи просвѣщаемъ, и во всю церковь тую воду Митрополитъ велитъ носити ко всѣмъ людемъ и то есть преобразование страсти Господней, що при страсти

своей Господь Иисусъ Христосъ руки умылъ и очи свои помазаль, а не почеть Митрополита.“ — И езуитъ Поссевицъ поссоромленъ передъ Царемъ стоялъ, а отвѣта уже не далъ ніякого.

Такимъ отже способомъ Царь Иванъ, опровергнувши прельщенія езуитскія, отправилъ отъ себе палежскаго посланника Поссевина, котораго впрочемъ нагородилъ щедрымъ даромъ за его посредничество въ заключеніи мира съ Баторіемъ. Езуитъ же Поссевицъ ухалъ изъ Москвы съ тѣмъ душевнымъ увѣреніемъ: що якъ долго на престолѣ русскомъ засядати будутъ Цари, которы въ святомъ богословію такіи мають знанія, якъ Иванъ Грозный, унии Руси съ Римомъ николи не можъ сподѣваться.

Межи тѣмъ Царь Иванъ, проведши нѣкоторое время на молитвахъ и раскаянію, попалъ знова въ прежнюю недугу свою, недугу ярости и злобы. Наконецъ онъ дойшовъ до того, що въ гнѣвъ самъ себе не помнилъ. Лѣтомъ бо 1582 г. розсердившись разъ на старшаго своего сына, царевича Ивана Ивацовича, онъ въ розъяреніи ударилъ его желзнымъ костью по головѣ такъ спльно, що царевичъ за чотыре дни отъ того и померъ. Иванъ Грозный, опамятавшись послѣ того убійства, чрезвычайно скорбѣлъ, каялся, служилъ папахиды, тысячами посылалъ гроши на поминанье въ Ерусалимъ и въ другіи святыи мѣста. Тажкая тоска одолевала его, онъ не мѣгъ собѣ найти мѣстця: по ночамъ зрывался изъ постели, съ крикомъ кидался на землю, и лежалъ безъ движенія, мовъ цѣлкомъ запамороченный. Вскорѣ потомъ показалась въ немъ тяжкая болѣзь тѣлесная: во внутри онъ сталъ гнити, а зъ-верху пухнути. Онъ розослалъ по монастырямъ грамоты, просилъ, чтобы все духовенство о его окаянствѣ Богу молилося, а въ чемъ онъ передъ людьми виноватъ, то иди бы ему простили.

(Дальше буде).

ДВѢ МОГИЛЫ.

ПРАВДИВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

I.

Великій свѣтъ, бѣда еще болѣе —
Своеи хаты не має,
Та по людяхъ ся пхает. — *Пословиця.*

На зеленомъ степѣ, помежи розваленими вургами и порохявци кресты, куда рыскають дичини, голосами, уносачи густыми туманыи пылу, бѣдѣто

высидеу жуиоуа суиуа, узануа, еице ласонну о чорной дош, лонитъ убо-
гоу селце Ошнцы ядъ береганц неведичного озера, котороу воды те под-
мывають берегъ, разбиваючися гдехула о его камешныи сналы, те усширив-
шися творять одиелтое зерказо, въ которомъ явбывается силитрое небо.
Балыви хатинки, расположены по незмарной пространн стелу, выдаются
зъ-дала, якъ бы разметанная жменя быдхъ перелъ.

Сумне тое село; — не красить его ни то царковдя съ высокими ба-
щями, на которыхъ сверкають позолоченныи кресты, ни то господскій дѣръ-
це отличаеся высокци бѣлыи стѣнами помежъ нрвонькими хатами. Оподалн
ино за селомъ — гень-гень на выгонѣ — видно капличку деревянну въ клад-
бищъ, созданную — якъ здаеся — недавно, неконче вкусно построивну — отъ,
про подивальную требу для померницкхъ дѣлать, а подалше томъ, середъ не-
вого, окономъ обмеженого кладбища высокй крестъ съ распятіемъ.

Дядюе кладбище, заполене гробамъ, поросло великми зелесъ, где бу-
ддъ оубенно подытъ и высокн бодяки; межъ тѣмъ новое кладбище, устрѣ-
еннре на выгонѣ съ капличею, и крестомъ, еше не поросло бураномъ. Не
видно ту еше ни одной могилы, — знати, никто еше не померъ, никому еше
не зарыдали въ той добѣ. Одиъ крестъ съ распятіемъ, протгнущи свои
рмѣна, здавался проявляти: „прійдте ко мнѣ вси обремененныи, азъ упо-
кою вы.“

Не далече озера стояла просторна нбвы ново построивна хата, бѣденкѣ
опрятана, на широмъ подвѣрью; оподаль за нею высока стодола и дѣв-
щовы; два сильныи стоги пѣблчъ ней посвящала о заможности газды, а на
стодола великое гавило, въ которомъ два бубьки о доброй доли шось новѣ-
го ялали.

Уже зашелъ вечерній поморокъ; ясныи ясыдъ въ-полнѣ выплынулъ на
погодное небо, и освѣтилъ сумное селце ясныи променями, а собранная
въ хатѣ семья спочивала по дневной работѣ. Не лавъ коло печи сидѣлъ ста-
рельскй съ свою бородоу дѣдуеъ, и овершился на падици звѣсилъ свою го-
лову задумчиво. Коло него молодой сынъ, газда томъ хаты, направлялъ упряжь
на конѣ, а дѣвочка чернобрыва крутилася коло печи, будучи занята пригото-
вленіемъ вечерн.

„Тату! а где Настуя?“ запыталъ сынъ газда, которй, якъ здаеся,
недавно повернулъ зъ-откнсь.

„Отъ, тамъ!“ отрекъ дѣдуеъ, вдивившися недвижимо въ огонь, горящй
въ печи.

„Дядуню! а вы поедете завтра съ нами?“ запытала дѣвочка.

„Що? чѣ я шѣду на праздникъ?“ озвался старикъ: „дѣтъ Ирнко, —
нать моя голубка! Мой часъ уже промиуль. Вѣдай мой пора отъѣхати уже
пбдъ высокй крестъ на кладбище, а не то праздниковаги съ дядми!“

„О, не ідти вамъ туди еще, дедуницю любезний, не ідти! А если хочете конечно вже перейти на кладбище, то возьміть же и мене съ собою! Бо и щожъ я годна безъ васъ ни семь свѣтъ?“

То рѣши Ирина обидѣлася до старика, и стала передъ нимъ съ очами полными слезъ. Огонь зъ печи освѣтлялъ ея румяное личко, а рожевыи уста подвигались мимо воль, гей-бы зъ боязни несвѣдомой еще будущности. Была она въ той хвилѣ красою не выхуханныхъ на салонахъ лялѣкъ, но красою свѣжого стенового цвѣту, который освѣтленный лучами раннего солнца, съ каплею опламененной росы розколысаяся на былинѣ и роскошно къ небу звернулася.

Старець глянулъ на ню съ любовію, съ якою глядѣть отецъ на отроча свое, съ чувствомъ умиленія отцевскою гордости, и придивлялся пристально въ ея чудно-красное лице.

Замолкли всѣ, и никто не осмѣялся перервати молчаніе, произведенное словами Ириной; ажъ по хвилѣ отворидаяся двери, и Настуля, мать Ирины, вступила въ святлицю, принесла спорый звой одежи, и заговзвала Ирину, абы выбрала собѣ що найкрасшого, убраться на завтрашній праздникъ.

Ирина приступила ближе къ мамѣ, но безъ найменьшой охоты, гей-бы единю для того, щобы заспокоити ея волю, глянула на одѣжь совсѣмъ обоглятно. Тѣмъ часомъ почала Настуля раскладати на лавѣ аскравыи крайовыи хустинки, резнобарвыи споднячки, корзья, Кіевскіи цвѣты и ирепышныи по-лосы зъ Одесы.

„Ай, ай, мамулю! кѣлькожь то грошей змарновалосъ на тую одѣжь!“ рекла Ирина, не думаячи далѣй переглядати приборы и опустивши голову. То побачивши мати, неинного огорчилася, вмовляючи въ дѣвча, що она, яко гарна господарска донька, повинна якъ найкрасше пристроитися на праздникъ, щобы оттакъ и найбогатшого до себе завити молодця.

„Ей, на що ей найбогатшого!“ озвался смяенькій дѣдуся: „Дайте ей и найбѣднѣйшого, но найчестнѣйшого молодця, а Богъ самъ помыслить о достаткахъ для нихъ!“

„А вжежь не выдамо ю никакше, якъ лишъ за гарного и чешного гадѣвского сына; бо встыдъ и ганьба была бы, выдати ю за якого волоцюгу або проидисвѣта!“

„Я бо тобѣ такъ не мовлю,“ озвался знову дѣдуся: „я лишъ кажу, глядѣть найперше честноты, а не грошей и богатства, бо то рѣчь марна. Такъ и еще кажу: Настую, не перебирай дуже!“

Ирина глянула на дѣдуся взоромъ, въ которомъ явилася живѣйшая благодарность; и была бы она ноги его клявала за тѣи слова, но не видячи potrzeby, мѣшатися до далъшой ихъ розмовы, вернулася до своей работы: спорядила вечеру, попрыгала начинья, позмѣтала огонь, а коли старшіи лягли на спочинокъ и уснули, Ирина выхопидася тихенько изъ хаты на Божій свѣтъ.

III.

Ночь была ясна: мѣсяцъ свѣтилъ весело, погода красила всю природу; одна ино маленька хларка, гейбы крыло ангела, блудила по небу, засѣяномъ збрищками. Всяда было тихо; въ далѣ ино чути было туркотъ млына, а голось какойсь жалостной пѣсни котился по росѣ сюда. Мусьла знати Юрия той голось и тую пѣсню, бо похиливши голову на свои долонь, заплакала речно.

Жилъ тогда въ томъ селѣ молоденькій цыганъ сирота; родители отъумерли его дитиною, и маленькимъ еще окрестили его побожными люди въ русской церквѣ, давши ему имя Остапъ. Несчастый сирота Остапъ, лишень родительского попеченія, кормился въ дитинныхъ своихъ лѣтахъ прошенымъ хлѣбомъ, который давали ему люди часто-густо съ поруганіемъ; но Остапъ принималъ рѣвно поруганіе якъ и хлѣбъ смиренно, бо голодъ сильнѣйшій надъ славу, и зносили терпливо свое поношеніе ажъ до лѣтъ, въ которыхъ мѣгъ уже себя хлѣба заробити. Служилъ онъ по газдахъ за наймита, и работалъ шире и охоче; но сиротинство его выпячивало ему на челя якусь тескливу задуму, гей-бы пятно свободному соколову, увязанному въ клетцѣ. Лице темняве, волосъ кручій посвѣдчали о его порадѣ; но въ очахъ его ясняли якась — режъ бысь — княжеская гордость; тожь и постава его, якъ и все поведеніе его съ людьми было такъ поважче и достойне, що нимо воля наказовало почестъ дѣи него всѣмъ и всюда. Понеже однако язва пыки находить приступъ и до найпростѣйшого сердца и умыслу, тожь нашъ Остапъ дознавалъ часто-густо укоризны и насмѣшокъ отъ своихъ лучшихъ назвъ товарищей. Неразъ те газдовскіи сыны давали ему сильно почувствовать его сиротинство и низкую будьто породу черезъ всякого рода посмѣши, забывая о томъ, що на сиротахъ святъ стоить. Якъ видно, и сезане мають свою аристокрацію на подобіе благородной толпы панскихъ и шляхетскихъ сыновъ, та оказываютъ пренебреженіе для немущахъ своихъ собратіи. Бѣдный Остапъ, лишень всякого покровительства, выставленъ у всѣхъ и всюда на поруганіе, не малъ ни найменьшого прибѣжища, абы утулити безчестіемъ зраженное сердце. Ни отецъ ни мати не притулили его до своей печальной груди, а срединковъ у него не было нѣякихъ, которые бы ему дружествомъ уделили сумную его долю.

Болезно сердце и гладало охолоды; слезы одни слызвали на потаху, а стисменная грудь прохолождалася пѣснями народными. Остапъ заспѣвалъ себя и заплакатъ, и только было всего гаразду для него на свѣтъ. Въ пѣсняхъ находилъ онъ для себя науку и потаху, и надежду и всю жизнь свою. Тожь онъ зналъ тыхъ пѣсенъ безъ числа, и сумны и весели они добывалися зъ его грудей, за-якъ усопособленіе его до того было. И дѣйстно, никто не заспѣвалъ такъ чувственно, якъ Остапъ, и никто не завелъ такъ звучно пѣсеньки, якъ онъ. Заспѣвалъ онъ и скротъ и богачевы, и гордому и укоренному, — на всякіи случаи ималъ готовую пѣсню.

И по той то причине был Остап первым спявцомъ въ селѣ. Неразъ онъ по цѣлодневной работѣ выходилъ собѣ вечеромъ надъ озеро, та надъ берегами его заспѣвалъ собѣ свои думки, певный тою, що тутъ никто не перешептеть ему, не помѣшае, не обругае. Ходячи свободно туда вечеромъ, зацѣпнувъ бивъ своимъ улюбленнымъ напѣвомъ, а голосъ его розливался по далекихъ берегахъ и губился въ далекыхъ степяхъ. — Ажъ одного вечера, не знаю, нарочно, чи припадкомъ, заблудилъ бивъ и подѣ загороду знаемого намъ газды:

„Добрый вечеръ вамъ, Ирино!“

„Дай Боже здоровья! О, якъ же вы мене перепудили, Остапе! зъ-откижъ то такъ поздно вертаете?“

„Отъ, я выйшовъ отъ Григорія, где былъ емъ на работѣ черезъ день, — а самъ не знаю, якъ и по що и сюда прійшовъ. — Но вы, Ирино, такъ поздно на дворъ?“

„Въ хатѣ дуже душно, а я выйшла прохолодитися по цѣлодневномъ сварѣ, та хотѣла трохи прохолодитися, тамъ больше, шо завтра свято, и ле треба рано вставати до работы.“

„Ну, то ходѣвъ ближе надъ воду, тамъ холодѣйше.“

Не много дала Ирина проситися; легкою якъ перепеличка збѣгла надъ берегъ озера. Мѣсяць приглядался водѣ; серебрянна, та дробныи волны по карбована поверхня воды блищали пренѣйшо; ясравыи звѣзды мовъ-то дрожали на небосклонѣ, а мовъ съжогать надводныхъ розливалася повсюду и крапила змысли и духа.

„Якъ я люблю въ такой красной добѣ молитися!“ шепнула Ирина.

„А якъ я люблю спѣвати!“ озвался Остапъ.

„Заспѣвайтежь! Остапе! Вы такъ много знаете пѣсень, а я не чула еще ни одной зъ близка.“

„Добре! но сѣдайте въ лоденьку, а отплынемъ греха. — Отъ, лоденька при березѣ!“

„О, о! такъ поздно?“

„А вы бовтаете мене? Ирино!“

„Нѣтъ, нѣтъ! однакъ...“ и скочила въ лоденьку.

Остапъ ухватилъ весло, потрунувъ лодку отъ берега, и тихонько и легкою, мовъ стеновая чайка, стругнула лодка на глубѣжь. Дробниекимъ водны, въ которыхъ пробивался мѣсяць и звѣзды и все свято, розливались якъ у-вонькимъ застѣжкамъ по-за лодку; незадолго счезли береги и хаты зъ очей, осталось озеро якъ море, и небо. Тогда то заспѣвалъ Остапъ, гей-бы по причинѣ случаю, пѣсню:

„Летѣлъ орелъ по-надъ море, таи стала голодети,

О, якъ тяжко убогому богату любити..“

„Ей! я тои не хочу, Остапе!“ река Ирина, „вы знаете лѣшчя!“

„Добре!“ озадался Остапъ, и зачалъ спѣвати вниую, а по той другую и третю и далъ. — а Ирина сидѣла якъ-бы очарована, оперла голову на руку, и глядѣла сумно то на лице Остапа, то на небо. Не было ей скучно икрыхты; слухала и слухала, и наслушалася много, чего вперед не знала; слухала, якъ одна пѣсня отвѣщае нужду сиротки, тужащей по отгумершихъ родичахъ и зашшейной всѣми, итъ инная отвѣала несчастную любовь, пина несчастную долю, а зноу пина счастливую любовь и счастливую долю; — коротко сказавши, наслушалася всего, що въ свѣтѣ въ людяхъ дѣется. Остапъ, счастливый зъ Пригоди, видѣти дѣвчѣ, що подивляе его пѣсни и подѣлае чувства, заводилъ чувственно любовныя пѣсни, якъ то „полетѣлъ свѣтый голубъ голубки глядати“, якъ у бѣлой керниченьки дѣвчици стоить въ задумью о шилохъ, якъ уведенна дѣвчица тошится въ слезахъ, бо наслѣомъ нелюбови обрученна, — и много шныхъ, которыя розчувствили молодое сердце Ирины, и розпламенили любовь жо счастливой долѣ. Не дивота, що сидѣла она якъ прикована до лодочки, и не свестерегаеся, якъ проминала нѣчь. Такъ само дѣлялося съ Остапомъ; — чувствовала онъ такъ якъ Ирина, не зважаючи, якъ часъ проминае. И были бы до бѣлого дня не забывалися зъ того очарованья, еслибы не были ихъ пробудилъ голосъ свавольной пѣсни коблякохъ зъ корчмы повертаючихъ людей.

„Ирино, они не повинны видѣти насъ тутъ со мною, они не повинны знати о ничѣмъ — то злимъ люде!“

„То прибѣйте борзо до берега!“ озадалася Ирина, — и скоро тое послѣдовало, выскочила лѣгбенько якъ серна на берегъ.

„Ирино, чѣ будете и завтра молитися на своемъ подворью?“

„А вы будете завтра спѣвати?“

„Буду!... тожъ до завтра!“

„До завтра, Остапе!“ и побѣгла до дому.

И зноу не было никого на берегахъ озера, -- лишь мѣсяцъ купалъ, якъ въ-передъ, свой образъ въ глубинахъ водѣ, лодочка спочивала на волнахъ и колысалася нимъ легонько, а здалека доходилъ ино голосъ Остаповой пѣсни.

III.

Если двое людей, которыми благоволитъ Богъ полюбитися, подыбаются на земли и познаются, чи то въ высшихъ чи въ низшихъ сословияхъ семейного житья, чи середѣ тихонькой простоты подѣ сельскою страхомъ, разливаеся заедно зъ того получевія якомсь радостное свѣтло духа, которое розлучае тыхъ залюбленныхъ отъ всѣхъ и отъ всего, шо есть на свѣтѣ. Двое людей, которыя полюбилися чистою любовію, данною зъ небеси, чувствуются быти новъ-вышними надъ другихъ, и для того праснутъ выключитися отъ нихъ, и унигають всего посторонного сообщения. Такъ было съ Остапомъ и При-

ною. Всегда они отъособнялись, всегда избѣгали людей и вѣлок, хогайбы и веселой забавы. Межи ними самими было все счастье, въ собѣ самихъ находили они свое небо, где отдыхали самими солодкимъ воздухомъ, думали одну гадку, одну думу, — прочее все а все было для нихъ излишнимъ. По дневной работѣ глядѣли весело, якъ хилится солнце къ западу и уживается въ рожевомъ леговищи, и счастливыми надѣялись уживати своего счастья; бо знали, що темна нѣчь принесе имъ радостную хвищку; знали, що побачутся зновъ надъ берегомъ, где лодочка ихъ спочивае на водѣ. И въ Остаповой груди ронлось неизчерпаемое число пѣсней, а въ души Ирины непереправный скорбъ любви и умиленія.

Родичи Ирины не припускали николи той мысли, щоби ихъ единичка могла полюбити бѣднаго сироту; гадка ихъ возносилася зрѣвно съ ихъ достаткомъ, который чѣмъ больше умножался, тѣмъ численнѣйшихъ находилъ друзей поклонниковъ. Засыплючи по цѣлодневной работѣ, не спостерегали они, якъ Ирина выходила шо вечера зъ хаты. Старенькій ино дѣдушъ провидѣлъ щось троха, а прочее догадался; но знаючи честноту своей внучки и поважуючи чистый обычай Остапа, не ставилъ имъ перещны. Страхался ино того, шо скажутъ на тое родичи, якъ дохвадаются, и шо станется съ обонима любящимися, если на супружество ихъ не сонзвоятъ.

Не задолго потомъ требовалъ газда-сынъ наймита. Дѣдушъ надѣявалъ Остапа, яко добре знаниго зъ работы и честноты. Сынъ не надумалася долго, заводвалъ Остапа, и вскорѣ стала угода на весы рокъ.

Щожъ то за счастье заблмыло нашимъ молодятамъ, коли побачидися подѣ одною страхомъ! Дни ушывали имъ якъ чиста вода, и переплѣталися якъ рожевый вѣлокъ. Не спостереглися, якъ проминуло колька недѣль найпрасшого счастья въ ихъ житію. Бѣдный Остапъ омалъ не удуртъ зъ радости, коли подумалъ, шо найшолъ сердце, которое подальше его горе и всю долю, чувствуе рѣвно съ нимъ, и отплачуе любовь за любовь, не ругаючися ему; но по немъ не увидалъ есь ніякомъ пережвны ни притворства. Часомъ только при тяжкой работѣ сплынула слеза радости по его лицу, и змѣшалася съ кervавымъ отъ работы потомъ; часомъ заблмыла въ очахъ его гадка надежды, якъ блискавица въ хмарѣ, и знову потому былъ онъ однакій — сумный и думный. Ирина не укрывала своей радости, спѣвала и сиѣлася на пережвну, и можна было зъ ея весолого личка легонько вычитати, якъ ей усмѣхаеся счастлива будущность. Тожъ рута и бирвинокъ зеленѣлися теперъ крѣпчайше передъ окнами, она ополола зѣлля и дозирала старанно, бо надѣялася колись ушлести собѣ вѣночокъ до слюбу.

(Дальше буде.)

Презюме-
рата въ годъ
1 пр. 80 кр.
со „Сло-
во“ 10 ар.

ГАЛИЧАННЪ

Редація
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешрискичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 7.

Львовъ 13. Марта 1868.

РОЧНИКЪ IV.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ И ЕГО ВОЙНА СЪ МОСКВОЮ.

За годъ передъ смертію Ивана Грозного Богъ милосердный, якъ бы утѣшенъ сокрушеньемъ и раскаяньемъ грѣшника, послалъ ему и державъ его одну великую радость, котора тѣмъ и больше была, що случилася цѣломъ нежданно-неподьянно. Было то завоеванье огромныхъ просторовъ земли въ далекой Сибирь (въ сѣверной Азіи), которое произвелся въ такій ото способъ: Жилъ надъ Дономъ русскій козакъ Ермакъ Тимофеевичъ, человекъ крѣпкій, буйный а такъ неспокойного чорова, що подвигался и на самого Ивана Грозного. Много той Ермакъ говорилъ пакостей царскимъ слугамъ та и людямъ богатного сословія, згоняясь со своею козацкою шайкою за грабежию и добычами въ глубину русскаго царства. Иванъ Грозный такъ уже розсердился былъ на Ермака, що выслалъ противъ него сильный отрядъ войска, приказути и чѣмъ съвѣтъ живцежъ его къ собѣ представить. Тогда Ермакъ, видяи наглядно, що для него на Руси не стае уже мѣстца, собралъ вѣрныхъ своихъ 540 Донцевъ та и удалился съ ними далеко на сѣверный востокъ, въ державу Сибирскую, нацрѣяя обернути свой мечъ на поганъ, которы жили тамъ подъ могучимъ княземъ Кучумомъ. Въ то время были на Руси богаты и предприимчивыи купцы, два братья Строгановы, которы запровадивши соляныи варницы у предѣловъ Сибири, удежовали тамъ-же 300 людей своей стражи, абы тѣмъ отъ частыхъ нападений Сибиряковъ обороняться. До тыхъ-то Строгановыхъ зайшолъ атаманъ Ермакъ, и былъ тутъ принятъ съ честью и со многими подарками. Два годы прожилъ онъ у Строгановыхъ, оборонялъ землю отъ Сибирскихъ народовъ и ходилъ ихъ воевати въ ихъ-же власный край. Наконецъ въ г. 1582 онъ положилъ собѣ такую пресмыслую задачу: пойти добывати Сибирскую державу, а якъ Богъ поблагодословитъ, отдати туюжъ дежаву за-для перепросиятъ Царю Ивану Грозному. Такъ и двинулся Ермакъ съ 800 людьми русскими противъ

князя Кучума, у котораго было своего войска звышь 30.000 мужа Татарь, Остякбъвъ, Бапкирбъвъ и всякихъ другихъ азійскихъ народбъвъ. Противъ такой то силы пѣднялся отчайдушный козаць со своею горсткою людей, та хотя сперва потерпѣлъ кѣльна доемныхъ пораженій, но наконецъ въ г. 1583 розбилъ на голову все войско Кучума, взялъ его престольный городъ Искеръ, поленилъ княжича-наслѣдника Маметкула, а самого Кучума загналъ далеко въ степи, — однимъ словомъ: завладѣлъ всю Сибирскую державу.

Здѣлавши такъ великое дѣло, атаманъ Ермакъ послалъ съ грамотою въ Москву своего товарища Кольца, который прежде вразъ исъ Ермакомъ за розбѣйничіи походы въ земляхъ русскихъ, былъ засужденъ на смертную казнь. Прочитавши присланную грамоту Царь Иванъ сильно возрадовался, простилъ козакамъ все ихъ прежніи вѣпы, нарекъ Ермака княземъ Сибирскимъ и велѣлъ по исъхъ церквахъ служить благодарственны молебны. Радостная новина пролетѣла цѣлую Русь, и народъ всюда обходилъ славне торжество докоренія Сибири, котора зъ того часу стала власностію русского царства. — По-при двохъ державахъ татарскихъ, Казанской и Астраханской, тая Сибирь была третья изъ числа поганескихъ державъ, которыхъ покореніе совершилось за владѣнья Ивана Грозного.

Въ годъ послѣ того достославного событія Царь Иванъ, страдаючи уже и такъ сильною душевною бользнію, занемогъ на цѣломъ тѣлѣ такъ страшенно, що ажъ ужасъ былъ на него и дивитися. Лежачи на смертной постели, бѣтъ здѣлался дуже мягкосердець и ласкавъ для бояръ, приказывалъ сыну своему наслѣднику Феодру царствовать благочестиво, съ милостию и любовію, а въ хвильхъ горьчки все кликалъ убитого сына Ивана. Дня 18. Марта 1584 г. Царь Иванъ Васильевичъ IV отдалъ Богу свою грѣшную душу. Онъ владѣлъ на престолѣ Руси 51 лѣтъ, и льтописецъ рускин за его жестокость назвали его Грознымъ, хотя еще справедливише можно бы назвати его недужнымъ и несчастнымъ. Онъ оставилъ по собѣ дѣхъ сыновъ: Феодера отъ первой жены Анастасіи Ромоновы, и Димитрія отъ сеной своей жены Маріи Нагой.

Задытъ росповадати станемъ о томъ, що въ Москвѣ дальше дѣлялося по смерти Ивана Грозного, завернемъ еще до Польщи, абы розказати омии собитія, якимъ по заключеніи войнъ съ Москвою (1582 г.) происходили тутъ при Степанѣ Баторію.

А оно королю Баторію въ той Польщѣ шоводилось не згбрше, алежъ все таки не такъ добре, якъ бѣтъ собѣ того бажалъ. Насамцедѣтъ бо само перемиріе съ Москвою, заключенное въ г. 1582 пѣдъ Псковомъ, хотя и забезпечило для Польши на якійсь часъ посѣданіе

Ливоніи и Полоцка, но оно никакъ не задоволило Баторія, который ставши гордымъ на свое счастье и славу воину, хотѣлъ было завоевать не лишь кусникъ намецкон земли или одинъ городъ Руен, а цѣлу таки велико-русскую державу. Вѣдай до тон-то войны съ Москвою готовился бнѣ цѣлыхъ четыре лѣтъ, собралъ войска ажъ изъ трехъ державъ (зѣ Польщи, зѣ Угорь и Намецъ), выдалъ всѣ грошевыи окарбы Польщи и Литвы, а наконецъ вышло ему таке, що стративши около 70.000 мужа подъ однимъ Псковомъ, принужденъ былъ съ Грознымъ Царемъ Москвы перепроситись, та и ноперестати на зруйкованомъ Полоцку и псковотой Ливоніи. Ба, що горше, не успѣлъ бнѣ въ той войнѣ отняти бнѣ Москвы нивѣтъ тыхъ земель (именно Черниговщину и Северщину), которы колинь-то до литво-русского княжества належали, и которы бнѣ при своей-же коронаціи до Польщи заняты обоважася. Такъ и не дивно было то, що король Баторій, заключивши на доотъ лѣтъ перемиріе съ Москвою, вовсе не радовался, а напротивъ, засмутился еще на саму туи чыслъ: що если вже бнѣ съ такъ великими силами ничего не удасть Москвѣ за владѣнья недоброго, и можѣ сказати, недособного Царя, жинѣ въ то время былъ Иванъ Грозный, то уже Москвѣ во вѣкъ никог не боитися, во вѣкъ никому не покоритися.

Задумавши зарѣдъ же на - всегда военніи менпріятельскіи замары противу Москвы, король Баторій, яко мужъ дзятельный и честнлюбивый, ницлѣ бнѣ-теперъ другои великою мысли: именно задумалъ бнѣ обернути свой жечъ на Туркбѣвъ, желая черезъ прогнаніе турецкого султана за море освободити Христіанѣвъ въ Европѣ въ-нѣдѣ зря отъ бисурманского. И по-правдѣ, велика то была она мысль Баторія, достойна похвалы и наибольшого сочувствія отъ всѣхъ Христіанѣвъ, такъ восточныхъ якъ и западныхъ; а толькo се было для ней настоящій несчастіемъ, що съ такиль-же замысломъ противъ Туркбѣвъ носидися власнѣ тогда также нападъ имскій и его найревнѣйшіи слуги, ксѣнды-езуиты. Водилася же съ тми езуитани така недода, режѣ-бысь, потная клятва Бога, що куда лиѣ они вышадися, то хотѣли и найкрасное дадо псавалось въ ихъ руахъ, цортилось отъ самого ихъ духу. Таке оно, сталося и тутъ, а то слѣдующиѣ способѣтъ:

Езритъ Антоній Посевинъ, посоль папы римского Григорія XIII, не успавши прельстити Цзя Ивана Грозного, верталъ весною 1582 г. изъ Москвы черезъ Польшу, и задержался тутъ якійсь часъ въ цѣли твснѣйшого порозумѣнья съ братьями-езуитами, которыхъ тогда въ Польшѣ и на Литвѣ (особиво въ Вильнѣ) была уже великое множество. При томъ Посевинъ зносидъ и съ королемъ Баторіемъ и съ найзаконитѣвими пацанами короны польской, та розглянувши ихъ замыслы, поддѣлѣ имъ такую отъ раду для розширенѣя славы и власти дядкою далеко-

широко по свѣтъ: Прежде всего, радиль бнѣ, належить наклонити, если вже не цѣлкомъ на папезскую вѣру, то принаймнѣй на унію съ Римомъ тѣхъ православныхъ Русинѣвъ, которыя жють подъ державою короля польского, и для которыхъ найвысшия Владыкою есть Митрополитъ Кіевскій. Якъ скоро же тѣ Русины стануть уніятами, то изъ сего легко уже може послѣдовати, що перейдутъ на унію также всѣ братья ихъ Русины въ державѣ Московской, понеже извѣстна то рѣчь; но еще до недавныхъ часѣвъ Владыки Московскіи были поставляемы Кіевскимъ Митрополитомъ, та еще и теперь всѣ люде велико-русского царства смотрять на Кіевъ якъ-бы на священную столицю своего православія. Колиж заведется разъ унія съ Римомъ и въ Кіевъ и въ Москву; коли всѣ Русины міра сего признають папу римского своимъ найсвятѣйшимъ Отцемъ и верховнымъ намѣстникомъ самого Христа; тогда папа-отець не потребуе якъ лише пикути словце, а вся Русь по его приказу подвигнется на Турка, и сама вже одна своею великанскою силою освободитъ Христіанъ зъ бисурманскомъ неволѣ.

Ряда тая езуита Поссевина показалаь дуже хороною панамъ Полякамъ; однакомъ они, хотя и были смѣлы въ своихъ замыслахъ и горничковы до всего, а таки высказали свое недѣвріе въ удачу подобного дѣла на Русю. Тогда хитрый езуитъ заручилъ ихъ торжественно, що подасть на тѣ самыя заводныи способы, а най бы они лише старались все за его порадою точно поступати. Способы тѣ езуитскіи Поссевина были ось-такіи: 1) розослалъ якъ наибольшее число езуитѣвъ во все русскіи краи, которыи остають подъ владѣніемъ Польщи, и препоручити тѣмъ-же езуитамъ все школы и все семинаріи, где обучаются дѣти русскіи; 2) поставляти Владыками на Русю лише такихъ людей, которыхъ самыи езуиты укажутъ на той чинѣ достойными; 3) заводячи унію межи православными, не преступати жарко, загонисто, но осторожно и уступчиво, а то имено такъ: оставити до часу ненарушимо все восточныи обряды, въ которыхъ православныи такъ дуже любятъ, и загаломъ не требовати бѣтъ нихъ зъ-начала никакой другой измѣны, а только той одной, щобы при Службахъ Божіихъ молились не за свѣтѣ Цареградского Патріарха, но за папежа римского. Якъ ино таке дѣло вы учините, говоритъ Поссевина Полякамъ, то прочее все уже дано вамъ буде на Русю трудомъ и молитвами езуитѣвъ и папы римского.

Розсмотрѣвши тѣ езуитскіи способы, панове Поляки по-правдѣ увѣрилися, що лише такимъ чиномъ завести можъ не только постоянную унію Руси съ Римомъ, но еще вразъ съ тою-же забезпечити навсегда панованье Польщи надъ Русію. Затѣмъ и удались они сейчасъ

до короля своего съ настойчивымъ требованіемъ, абы бнъ сталъ прова-
дити дѣло такъ, якъ радить езуитъ Поссевинъ. Однакожь король Ба-
торій, якъ и горячо бжаль славы и величія своей Польщѣ, а такъ
сперва не приставалъ на хитро-задуманную езуитску раду; былъ бо
той Баторій мужъ свободного ума, и не терпѣлъ насидія, кому буди
оно бы ни творилося. Розважилъ бнъ, що унія, якъ ю радять завести
на Руси езуиты, буде заведена обманствомъ и насидіемъ, та що затѣмъ
бтъ такой уніи, якъ стъ плода лукавого, ни для Польши ни для Руси
ничого доброго на будущность не сподѣваться. Веденный отже такъ ро-
зумною мыслию, Стефанъ Баторій черезъ якийсь часъ уклонялся отъ
езуитской лести; однакожь неустанно понукаемый Ляхами, бнъ нако-
нецъ, абы не здѣлати истивыхъ езуитбъ собъ ворогами, пѣйполю въ
нѣкоторыхъ взглядахъ за ихъ порокою. Первое дѣло, яке бнъ тутъ за
побудкою Ляхбвъ противъ Руси учинилъ, было то, що выслалъ до По-
лоцка, що-ино недавно у Москвы занятого, цѣлую толпу римско-па-
ляцкихъ езуитбвъ, и бѣдалъ тѣмъ же большую часть православ-
ныхъ Полоцкихъ церквей для перетворенья ихъ въ латинскіи костелы.
Якъ лишь зѣхали езуиты до Полоцка и стали добиратись до святыхъ
Божихъ храмовъ русскихъ, весь городъ, ба вся Полоцкая земля съ дво-
рянствомъ своимъ на чѣль загудѣла негодованіемъ и гнѣвомъ чрезвы-
чайнымъ, що и годъ было езуитской душѣ на улицу показатись. Двои-
ряне, духовнии Отцы и горожане Полоцка выправили сейчасъ особое
посольство до короля Баторія, представляя тому, що се великій грѣхъ
передъ Господомъ творити такъ вопіющее насиліе христіанскому народу
Руси. „Якъ Полоцкъ Полоцкомъ, говорили послы городовскіи Стефану
королю, николи у насъ костела не бывало; всь наши святіи храмы,
въ которыхъ Богу поклоняемся, были отъ вѣка и суть до-нынѣ церкви
православны русскіи; предки наши, православны Русины, збудовали
тѣ святіи, а надѣлявши ихъ щедро всякими приходами, на каждую
церковь оставили запись, що приходъ во вѣчныи часы має належати
лишь православнымъ Русинамъ.“ Король Баторій призналъ жалобы Полочанъ
справедливими, однакожь учинивши вже разъ неумудрое дѣло по волѣ Поля-
кбвъ, приказалъ бѣдати езуитамъ въ Полоцку принаймнѣй тѣмъ церквямъ,
которы въ часъ войны найбільше были зруйнованы.

Другое дѣло противъ Руси предпринялъ Баторій съ новымъ, такъ
названнымъ Григоріанскимъ календаремъ, съ которымъ справа
завелася въ такой ото способъ: Папа римскій Григорій XIII довадался
бтъ ученыхъ людей, що календарь, такъ званный Юліанскій, которого
держались всь Христіане міра сего, не сходится съ солнцемъ, а опб-
знился уже супротивъ планетъ небесныхъ о цѣлыхъ 11 дней. Прика-
залъ затѣмъ тойже папа календарь Юліанскій поправити, та и сей по-

правильнѣй, названный по его имени Григоріанскій, завести для всѣхъ своихъ католиковъ. На дню 5. Октября 1582 г. приняли той новый календарь также католики Польши, начавши зъ того дня числти день 16. Октября. Сею поправкою календаря ни наименьше не журились наши Русины, которы, задержавши и на-дале старе Юліанское численіе, толковали собою такъ: что се навѣтъ лучше для нихъ выйде на будущность, если не лише вѣрью, но и календаремъ различатись будутъ отъ Польшкѣ. Порозумѣли Ляхи добре, яка то беда може послѣдовати для нихъ, если наша Русь постоянно остане при старомъ лѣточисленіи; ширковали они, что будутъ въ ихъ державѣ два различныи календари, отже и двойныи свята, польскии и русскіи, а тая „едность“ съ Русинами, которую они такъ горячково достигнути бажали, отъ-теперь черезъ два календари еще больше розбѣрется. Затѣмъ то повудили они короля Баторія, что тойже въ г. 1583 выдалъ строгій наказъ до всѣхъ Русинѣвъ, подъ его властію живущихъ, абы они новый Григоріанскій календарь безъ проволочки у себе заводили и всѣ свята рѣвночасно съ католиками праздновали.

Ледви о томъ наказѣ Баторія пронеслася чутка въ земли русскіи, уже православный нарѣдъ по всѣхъ концахъ Руси откликнулся громкимъ негодованьемъ, заявляя свѣй вѣчный протестъ противу Польши и всякои ей новизны. Ослабно же Святитель-Владыки и духовныи Отцы русскаго народа, которыхъ тая справа наибльше обходила, оказали претивъ новаго календаря такъ рѣзкое супротивленье, что и самъ Баторій того отъ нихъ не надѣялся. Они то собравшись въ великомъ числѣ на духовный Соборъ, уговорили межъ собою въ той справѣ такъ: Новый календарь, кобы тамъ былъ собою и наилучшій въ свѣтѣ, не мае николи принятися на Руси; его не смее накидати Русинамъ ни король Польши ни папа римскій, помеже ни той ни сей николи не былъ и не буде головою православнои церкви русскои. Вирочетъ ни наименьшой новизны въ лѣточисленіи церковномъ не подобае заводити на Руси до той поры, доки старое численіе держатся Греки, Сербы, Болгаре, и Царь русскій и всѣ прочіи православныи, где лишь якии живутъ на томъ свѣтѣ. А кобы навѣтъ колись съ часомъ самъ Патріархъ Цареградскій и Царь русскій новый календарь у себе приняли, то еще и тогда наша Малая Русь, доки остане подъ владѣньемъ Польши, мае обходити свои свята по старому, по греко-славянскому календарю, а то за-для вѣчнаго рѣзкаго различенія себе отъ католической Польши. — Такъ вамъ думали въ той справѣ наши Старшіи народа, Владыки и Отцы духовныи, и такій-же былъ у всеи Руси духъ навзгнѣй противъ всего, что лишь ишло отъ гордаго Рима и ненавистнои Польши

Понимо такъ рьяннѣе супротивленіе духовныхъ Пастырей Руси, король Баторій не отступалъ отъ своего разъ выданнаго наказу, и розослалъ до Владыки русскихъ нарочныя грамоты, требуючи отъ нихъ безусловнаго повиновенія. И былъ бы той король, мужъ твердаго характера, може еще усильнѣе настаивалъ на выконанье своей воли, если бы случайно не зайшли были на Русь такіе событія, которые вскоре привели его до лучшей розваги. Въ многихъ бо мѣстахъ Руси, особливо же въ Галичинѣ, где то Липня уже на-крѣпко была розмоглася, сталося таке въ околѣ г. 1583, що польскіи ксендзы, насльдующи способомъ езуитскіи, начали зъ поводу нового календаря великіи насилиа творити православнымъ Русинамъ, приволяючи ихъ обходити праздники по новому численію. Найббольшою въ тѣмъ взглядъ завзятію отличался латинскій Арцибискупъ Соликовскій во Львовѣ, который такъ далеко загнался въ своей дерзости, що на дню 24. русск. Грудня 1583 г., коли у католицѣвъ былъ день будный а у Русинѣвъ само навечеріе свѣтлаго праздника Рѣдзвѣ Христового, здылалъ мападъ збройною силою на русскіи церкви во Львовѣ, розогналъ молящихся тамъ-же православныхъ Христіянъ, а церкви ихъ, яко имено Успенску, свѣтѣ-Юрску, Николаевску и другіи приказалъ насильно затворити и двери печаткии своими запечатати. Якъ на тое не было тогда въ мѣстѣ русскаго Владыки Гедеона Балабана, который на свѣта выхалъ былъ до родины на село; но понимо того православныи Русины во Львовѣ, которыекъ тогда еще много было межѣ канцїанствомъ и въ низшихъ верствахъ робучаго народа, видячи такъ ужасное оскорбленіе своей вѣры и свѣтыхъ своихъ церквей, учинили въ городѣ на саме Рѣдзвѣ великій бунтъ противъ Арцибискупа и всѣхъ его латинниковѣвъ. Завзятіи бѣйки продолжалсь черезъ колька дней, ажъ доки не зъхалъ русскій Владыка Балабанъ, который усмирилъ наконецъ ероикъ вѣрниковѣвъ тѣмъ заперученіемъ, що на Соликовского ѡбъ самъ занесе жалобу до короля Баторія и возве противъ него помочи могущаго князя Константина Острожскаго и всѣхъ знакомитыхъ дворянъ и Владыкъ православнаи Руси.

На саму вѣсть о тѣмъ событіи во Львовѣ пѣдїнался и въ другіихъ русскихъ городахъ народныи бунты противъ нового календаря, и неспокойї въ краю зъ того поводу взматался съ кождимъ днемъ такъ, що приходилося обавлятися всенароднаго востанья Руси противъ короны польской. Тогда то увидѣлъ король Баторій наглядно, въ аке болото заведи его езуитскіи рады, и бѣтъ, аке человекъ розснанаго ума, уже не пѣддался на понуканья Ляхѣвъ, но сейже часъ уничтожилъ свой прежній наказъ о календарю, а выдалъ въ г. 1584 нове таке роспоряженье: абы никто не посмѣлъ якимъ-будъ способомъ споровати

Русиновъ до принятія Григоріанскаго лѣточисленія, та абы Русины, яко есть ихъ воля, обходили свои свята по старинному уставу боже милой отъ якого перепови. Кромя того Баторій, желая знову задобрити себе нагнанныхъ Русиновъ, выдалъ для нихъ еще одну королевскую грамоту, которою заporučалъ торжественно, що втру православному почитае зарбно, якъ и католическу, що дае подную свободу православнымъ Русинамъ будовати свои церкви, заводити высшія училища (гимназій) и загаломъ уживати всякихъ правъ и привилежій, якимъ изъ давнихъ давень на Руси имъ прислужали. Вразъ же съ тымъ запретилъ быти подъ тяжкою грошевою карою мирскимъ властямъ вмешиватись въ дѣла и суды духовныхъ исповѣдниковъ русско-православной церкви, предъоставляя всякімъ справы тонше церкви самимъ-же русскимъ Владыкамъ.

Отъ той-то поры, якъ король Баторій оказался знову такъ ласавымъ для православныхъ, усмирились народныя возмущенія въ земляхъ русскихъ, та уже и польскіи ксѣнды погамовались на якісь часъ въ своей разбуянной завязтости. Яки не сивли дальне безжонкити насъ своимъ новымъ каледаремъ, аезуиты попускали уха и носкремивали тамъ больше, понеже на нихъ то особенно гвѣнымъ сталъ Баторій за бывшіи бунты въ русскихъ городахъ. Тожъ отъ сего часу король Баторій не только не насылалъ больше езуитовъ на нашу Русь, но еще ограничилъ ихъ вліяіе и повагу въ тыхъ мѣстахъ Литвы и Польшы, где они найбільше были загнѣздилися. Такъ нагнанный на езуитовъ и вразъ-же не наилучше расположенный для порядкхъ нацѣвъ Поляковъ, сей дѣльный владѣтель уже на-всегда покинулъ свою задушевную мысль о покоренія Турковъ, знаючи о томъ добре, що до такъ великаго дѣла быти въ Польшѣ не найде ни достаточно силъ ни тыхъ меньше людей способныхъ и готовыхъ до бою съ размогшимся бисурманствомъ.

Затимъ то король Баторій, занимавшійся въ первыхъ лѣтахъ своего владѣнія такъ ревне устроеньемъ силъ военныхъ, теперъ зъ г. 1584 уже цѣломъ охолодѣлъ для войсковои sprawy та навѣтъ ни наименьше не вмѣшивался до того, що тамъ на Украинѣ дѣляли его колись-то умюблєнныи полки козацкіи. А хотя часами и довадался быти зъ боку, ще наши козакы, выбравши собѣ по уступленія Шаха Гетманомъ полковника своего Деяна Скалзуба, но-старому неустанно нападаютъ на Крымскихъ Татаръ и непокомтъ турецкаго султана, то смотрѣлъ на ти своевольства будныхъ козаковъ всегда черезъ пальць, а въ душѣ таки и радовался, що зъ лєски козацкихъ силъ и мечей кождою року уменьшается число душъ бисурманскихъ. На жалобы турецкаго султана король Баторій теперъ уже не свертѣлъ на козаковъ, но просто отвѣчалъ султанскому послу, що козаки знаютъ свою волю и своего

Гетмана, которого Польша въ послушаніи удержати не може въ той найбільше привиди, можеже бнѣ съ своими полками жіе далеко ѳтъ Польши въ степахъ за-Днѣпровыхъ. И козаки по-правдѣ за тыхъ часѳвъ Баторія были собѣ въ степахъ своихъ якъ оны свободныи птицы, незалежны ѳтъ никого, не нааастоваши ѳтъ Польши. Буали-жь они собѣ до вѣла, ходили частенько на тенець съ Крымиами, та въ козацкихъ пѣ-оняхъ своихъ славили доброго короля Баторія, що помѳгъ имъ ладно устроитись и не боронилъ русской дунѣ потышитися карою своихъ помочачныхъ вороговъ.

За послѣднихъ лѣтъ владѣнья короля Баторія случилось на Русь нашей еще одно памятное событіе, которое много добра и велику за-щиту принесло для святаго православія. Было то устроеніе рус-скихъ церковныхъ Братствъ, произведенное въ такой ото спо-сѳбъ: Въ знакомитшихъ городахъ Руси и Литвы существовали ѳтъ давнихъ часѳвъ при русскихъ церквахъ добровольныи товариства, на-званныи Братствами, которыхъ мѣлю было: дбати о порядочное состо-яніе церкви и творити благоучинныи дѣла людемъ православнымъ, особливе же своихъ членамъ-братчикамъ. Дѣятельность сихъ Братствъ, якъ и благотворна была въ своемъ зародѣ, однакожь ограничалась лише на тѳловый кругъ при поединковыхъ церквахъ, а не много несла пользы для цѣлости народа. Коже бо Братство дѣйствовало собѣ особнякомъ, принимало членѳвъ лише зъ одной своей парохіи, а съ другими ніякъ не зносилось ни визалось, ба часомъ навѣтъ одно Братство съ другимъ заводило тяжбы и споры, — словомъ сказавши, въ Братствахъ нашихъ не было еще тогда умного ладу, устройства. Ажъ въ тое время, коли Польша направила на насъ езуитѳвъ, начавшихъ хитро устроенымъ спосѳбомъ пѳдкопыватись пѳдъ православную Церковь, змѣрковали наши Братья, що имъ бы належало такожь не ино порядочно устроитися, но еще и вѳполно съ собою повязатися, абы такъ стройными соеди-ненными силами тѣмъ легче ѳтбиватись ѳтъ лядско-езуитской напасти. Потребу такого розумного устроенья нашихъ русскихъ Братствъ увидѣлъ теѣперъ также и самъ голова православной Церкви, Цареградскій Патріархъ Іеремія, который, користаючи зъ тогдашного доброго росче-ложенья для Руси короля Баторія, выслалъ ѳтъ себе на Русь Анти-охійского Патріарха Іоакима, препоручая ему зъанятися у насъ лучшимъ упорядкованьемъ дѣлъ православной Церкви.

Патріархъ Антиохійскій Іоакимъ прибылъ на Русь въ г. 1586, и розсмотрѣвши тутъ дѣла нашей русско-православной Церкви, увѣ-рился достаточно, що по-правдѣ самую лучшую сградюю ей прѣгнѣтъ взыгающагося католичества и козней лядныхъ: служити бы могли цер-ковными нашими Братства. А можеже при томъ: удавалъ бнѣ, що межи тѣми

Братствами наибольшую надъ собою славу и похвалу нае Успенское Братство во Львовъ, то сейже часъ зъяхая оны оюда до Львова съ тою мыслию, що если неведется ему хорошо устроить се наиславнѣйшее на Руси Братство, то другиѣ Братства уже легко ийдутъ за даннымъ образцемъ и добрымъ примѣромъ. И въ самомъ дѣлѣ почастилось Патриарху Іоакиму якъ наилучше упорядковати и поднести наие Львовское Братство: самъ оны власною рукою списалъ для товариства братей уставы или статуты, которыми установленъ омыъ правильный ладъ; якимъ собранія и наряды Братства отбыватись мають, и вразъ-же показаны были средства, якими наилучнѣйше цѣль опасительную для поднесенія Церкви русской осягнути можно. Средствами теми были имено: школа, печатня и пріютъ для нищой братіи. Школу братоку устроилъ Святитель Іоакимъ въ домѣ при Успенской церкви, поставивши въ ней добрыхъ учителей для всехъ наукъ, особливо же для церковно-славянскаго и греческаго языка; при тойже школѣ наие Братство учредило пріютъ для убогихъ дѣтей, такъ званную бурсу, зъ которой выводились наилучнѣйшіи защитники святого православія. А имено наибольшее благодѣтельное дѣло для нашей Руси учинило тоеже Братство за перадою Патриарха Іоакима черезъ заведеніе русской печатни, въ которой печатались церковно-славянскіи книги для всенароднаго ужитку, и зъ которой великіи доходы вливали на братскую церковь и школу и бурсу. Та и справдъ печатня сія Львовскаго Братства сталась вскорѣ истиннымъ сокровищемъ духовнымъ нашоу Руси, бо хотя вже за прежнихъ часовъ существовали русскіи печатни въ другихъ городахъ Руси, Польши и Литвы, якъ то въ Острозѣ, Києвѣ, Краковѣ (отъ г. 1491) и Вильнѣ (отъ г. 1525), но ни одна изъ тыхъ не выдавала такъ богато добрыхъ книгъ для Руси, яко она Львовскаго нашого Братства. Черезъ свою то печатню и образцевую школу поднеслося тоеже Братство до такъ вышочинитой похвалы и значенія во всехъ земляхъ Руси, що наиславнѣйшіи князи нашого роду и вѣры, яко князь Острожскій, Вишневецкій, Ружинскій и другиѣ, уважали собѣ то за наивышнюю честь записатись въ члены Львовскаго Братства. Такъ и завязовалась черезъ се разумнее устройство товариства Львовской Братіи сама тѣстнѣйшая дружба и освященная Патриархомъ связь съ православномъ міръ Руси такъ широко и повсемѣстно, якъ сего передъ тымъ еще николи не бывало. Подобны Братства устроились теперь и во другихъ большихъ и меньшихъ городахъ, инакъ и по селахъ русскихъ, а въ-нежи нахъ по-при Львовскемъ наилучше процвѣтали Братства: Вилежское на Литвѣ, Луцкое на Волини и Києвское на Украинѣ.

На той возрастъ русской силы въ устроившихся повсюду церковныхъ Братствахъ смотрѣли оочевидно Ляхи и езуиты съ наибольшою

завистью та злобою; однакожь доки жилъ король Баторій они не посмѣли вредити Русинамъ въ дѣлѣ ихъ единенія и собирающаея для блага своей церкви. Иначе то дѣлалось по смерти Баторія, котора, къ великому сожалѣнію Руси, постигла сего истинно добраго и найхоробрайшаго владѣтеля Польши на дню 12 Декабря 1586 г. Съ кончиною Баторія потрѣпилась на-скрѣзь доля Русинѣвъ, и зайшли потомъ такіи событія, которы чѣмъ-разъ болѣе оскорбляли нашу Русь, а Польшу чѣмъ-разъ насильнѣйше перли до упадку.

(Дальше буде.)

ДВѢ МОГИЛЫ.

ПРАВДИВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

(Продолженіе.)

IV.

По дорожѣ, що веде зъ села Краснаго, повертавъ молодой человекъ верхомъ, пустивши недбало коневн узды, раздвѣлялся въ-округъ, ятъ-бы глядѣлъ чого очима по стѣнѣ. Видко, щось иншого оиъ думалъ, а не о рослыхъ бодякахъ, на которыхъ спочивало его око, моля зближался къ селу Ошиянамъ; часто бо воздихалъ оиъ и спускалъ голову на груди съ явнымъ доказомъ смутку и неудовольствія. Былъ то молодой панъ дѣдичъ степового села, где обитали родичи пановъ Ирши; паномъ Станиславъ. Закупивши недавно тое село, оиъ зачалъ класти для себе нову нахатку, а будучи неженатымъ, вѣсталося тѣмчасомъ въ тѣсной низенькой хатанѣ, до которой зиралъ войти, повертаючи зъ гостямъ нѣтъ соседства.

„Панъ їде, панъ їде!“ крикнулъ маленький козачокъ, и отворилъ ворота. Молодой панъ Станиславъ спочить зъ коня, а отдавши его козачкови, вступилъ до низенькой своей хаты, пройшовся нару разъ сюда и туда, и закликалъ: „Тарасе!“

„Слухаю, пане.“

„А где панъ Фадювскій?“

„Отъ тамъ ходить еще коло громадѣльничѣвъ.“

„А чимъ громадѣтъ еще въ такъ поздеи добѣ?“

„Громадѣтъ.“

„Иди до пана Фадювского, и скажи, що я прїѣхалъ, и прѣси, пай прїйде до мене.“

Козачокъ выбѣгъ, а панъ Станиславъ усль на старосвѣтское кресло съ поручемъ, и задумался на-ново. Очи его сплочивали на образъ Пренистой, що висѣлъ на стѣнѣ; лице его мужское, прикрашенное повагою, выражало явно печальный непокѣй. Такъ сидѣлъ цѣль хвильку, кози далися чути ступы мужского ходу, и голосъ яконь песни на мелодію старосвѣтского вальса. Двери розтворилися, а до хатины вступилъ высокій, но якъ лалка гладонько вымусканный молодець.

„Добрый вечеръ, Стасю! Якъ же ся маешь? Отъ, видишь, не засталъ есь мене въ твоей хатины! Алежь бо до чорта — красны маешь громадальнички!“

„Ей! мои громадальничъ красны? Истно, и не придивился имъ еще?“

„Ого! го! а ктожь бы вѣрилъ въ твою побожную лицемѣрность?“

Но съ тѣмъ всѣмъ, знаешь Стасю, одна зъ нихъ — о! вѣрь мей, чудесной красоты дѣвочка! Увѣрю тя, що жадна акторка Варшавска не вырываетъ ей! Только що незручна, якъ всѣ на селѣ!“

„А чи и мене причислаешь до тыхъ всѣхъ на селѣ?“

„А може... може! Но признайся мей, що ю знаешь — тую лалку, о которой бесѣда.“

„Богъ знает, що ты мечтаешь Фѣдкосу! Отколи я ту обитаю, не видѣлъ я никого, кромѣ газдобъ и дѣтей. Такъ много маю работы, що жалую часу подвигтися въ поле, а при томъ тяжить на сердце должность для чело-вѣчества, доси еще не исполнена. О, еще...“

„Що? що? и ты Стасю не исполнилъ еще тыхъ мечтательныхъ обязанностей для чело-вѣчества? ты? ты, що по цѣлыхъ дняхъ трудился надъ заведеніемъ порядочной школы, а половинку маелку выкидаешь межъ хлопство, и по дѣньхъ вочахъ списуешь народныя пѣсни и сказки?“

„А чижъ колька тыхъ хвиль, що я посвящаю для нихъ, чижъ те есть достаточна уже надгорода за ихъ долголѣтніи терпѣнія и труды около насъ? Чижъ то не моя должность, просвятити ихъ умъ, поднести и укрѣпити межъ ними нравственность, на которой загабель въ чередѣ такъ много працювалося? И чижъ надармо далъ мей ихъ Господь Богъ?“

„Та зацѣдне не надармо; але ты братку, ажъ до мечтанія перевозносишь твою должность.“

„Я? а може! но тобъ Фѣдкосу не закине никто того, або щось подобного!“

„Ахъ! запевне вѣтъ, бо я не чую себе сотвореннымъ на Апостола просвѣщенія. Я не посвящу моего життя бакаларству или дозорованью хорыхъ. Но думаешь, що тѣ люди узнають твою заслугу, оцѣнятъ твою ласку и твою працю? Хвань Боже!“

„Я не думаю о нихъ такъ зле. Впрочемъ, кто добре чинить зъ власного пересвѣдченія, той не числитъ на вѣчность. Пересвѣдченіе, що тое дѣлается,

що даяти потреба, есть уже достаточна надгорода всьхъ трудбъ а навѣтъ и выдатоубъ. На тоуъ пристае каждый честный человекъ и не wymagaе больше.“

„Ха, ха, ха! Превосходный зъ тебе ораторъ, Стасю! Бесѣдуешь якъ небощикъ ксендзъ Фабианъ Барковскій, помершій еще въ 17 столѣтію; но ты не розчувствившь мене, мой ты монаше! Впрочемъ, я не приганяю тебя твоихъ школъ; есть то все такъ новый способъ, звернути на себе увагу другихъ. Хочешь мати школу — добре, — дай себя, сколько воля; то сходно съ нынѣшною модою; но загребатися посередъ хлопства, помежи людьми безъ образованья, безъ сердца, безъ чувства, то переходить всякое понятіе!“

„Фадковскій! на Бога! а тебя що сталося? що ты говоришь? Иди, и запознайся съ народомъ лѣпше, но не съ теми людьми съ вытертыми челомъ, що то лжуть тебя руки, кланяются низенько безъ числа, а бесѣдуютъ ангельскими словами, зовучи тебе майже своимъ божищемъ; а познакомись съ теми, що стоятъ имъ по-за плечи, що крыются по-за другихъ, но не рекли тобѣ ни найменьшого слова лести; съ теми, що въ скромности своей опускаютъ въ землю очи, но для исполненья добраго дѣла всегда оказываютъ смѣлость и охоту; — тыхъ то познай, а побачишь, чи они мають розумъ, чи мають сердце и чувство. Повтаряю тобѣ: ты въ обманъ, но то старый грахъ — дуже старый, а помимо того не вся мы свободны отъ него. И нынѣ поглянь, якъ многія зъ нашихъ прагнуть будьто получитьися позорно съ народомъ, и несутъ ему на словахъ братерство, но тѣмъ многія, майже все, чинятъ тое лишь для людского ока, для порожной хвалы, едино щобы позыскати похвалу отъ честныхъ и правыхъ людей. Перехваляются добродѣяніями, которыхъ не творить, любовію братною, которой въ ихъ сердцахъ ни искры. — а все кончится у нихъ на солодкозвучныхъ, высокопарныхъ словахъ, бо на душѣ у нихъ велика перожа. Не тѣ, що истинно любятъ народъ, тахъ нынѣ у насъ еще дуже мало. Тыхъ то правдивыхъ учениковъ Христовыхъ, которые возлюбили, якъ Огъ, медельныхъ и убогихъ; можешь почислети на пальцахъ; но они крыются передъ обществомъ. Истно, можна ту сказати слова Христовы: много званыхъ, мало же избранныхъ“.

Фадковскій молчалъ, кинулся въ старое кресло, закурилъ цигаро, и задумалъ, думалъ надъ тѣмъ, що слышалъ. А Станиславъ продолжалъ: „Суди самъ зъ ничимного моего приключенія при моей гостини у господиноу М. — Ты знаешь, я ѣздилъ тамъ въ намѣренію, щобы принести ему помощь и услугу въ заведенію школы, бо въ добрахъ его нема еще жадной; а почтенный обыватель извинялся, що не мае на тоѣ ни часу ни грошей! Поблухай! Я прѣвзаю, и застаю господина М. въ препитномъ аксамитовомъ шляерку, сидящего на софѣ, выбиванной предорогими адамашкой; где онъ налушнѣтися, курить ароматной цигаро; застаю его сонругу и доньки въ шолковыхъ буфястыхъ убранныхъ, хотля то былъ день будный. По вступной бесѣдѣ повѣдаю госпо-

дну М., що я готовъ пожертвовать ему помощь и услугу мою въ заведеніи школы, которую zapewно въ своемъ селѣ запровадити дамърае. Господице М. позръѣ на мене съ наибольшимъ удивленіемъ, и — омайтѣ! Наконецъ по долгомъ молчанію промовилъ: „Алежъ мой пане добродію, а.. а.. не думаю закладати школы.“

— „А то чему, честный господине?“

— „Бо уважаешь, мой добродію, бо... бо на що хлопови розуму? Абожъ ему такъ дуже зле безъ него, чи що?“

— „Ахъ, почтенный господине, — озвалася старша донечка: абожъ то ихъ простота не есть самое счастье? Тажъ то она хоронитъ ихъ отъ всахъ терзаний моральныхъ, на которыи наражаются вса просвѣщенные люде. Що до мене, признаюсь широ, що съ охотою зашъяла бы я мои чувства за ихъ обоятное безчувствіе.“

— „Тожъ вы, госпожо, признаете, що просвѣщеніе на завадѣ до счастья и причина до несчастья, и желали бысьте собѣ, щобы люде вернулись до первобытного простаства!“

„Змѣшалася чувствителъна дѣвица на мои слова, а мама добродію похватила варазъ мою сторону, и выпала слѣдующимъ слова, завертаючи грациозно бурни очи:

— „О добрый, о честный, ласкавый господине! о, кобысьте знали, сколько разъ я уже говорила и повторала моему мужеци, що просвѣщеніе нашихъ селницъ принесло бы намъ великии — дуже великии користи. Они должи бы тогда наши добрыи намеренія, они опалили бы наши ширини для нашихъ дѣданія, узнали бы наше посвященіе для нихъ безъ грацие, правъ безъ давати на наши дѣточки! — ахъ!“

„Ахъ злосливо жартуешь собѣ, Стасю!“ деревалъ Фѣдковскій: „Чи то подобна рѣчь, абы господство М. выхвалялися такъ смѣло о своихъ добрыхъ дѣлаицъ для селянъ, коли дальшій свѣтъ знае, що у нихъ дѣется, ажъ такъ все противъ селницъ настроено!“

„Не жартую Фѣдковскій! Знаешь, що я въ такихъ случаяхъ и въ такихъ обстоятельствахъ жартуетъ не строю, и знаешь, какъ твоя роострапанка веселость гнавала мене; хотяи и то правда, що кто насъ двадцать и кілька лѣтъ, заодно жития леговько важитъ. Не тѣ люде, що пережили уже болышую половину своего вѣка, чи они повинни мати монше понятія, какъ дѣти? — те превосходятъ всякую терпѣливость!“ И збрался ажъ кресле, и прехажался скорить крокомъ по тѣсной хатинѣ про неудовольствіе.

„Ну, то все добре, що ты о достойныхъ сосѣдахъ говоришь; но тоя не опровергаетъ еще ніякъ моего мнѣнія. Господство М. могутъ быти чему-бездумныи, но азъ того не думаю еще, що прѣстѣи, отъ всякого просвѣщенія удавленый народъ; хлопи, цыганы, шиди мають розумъ и чувство сердца.“

„Межи нами такожь суть всякія усопособленія, якъ и въ іншихъ есло-
віяхъ людскихъ. Отъ видить: я, ты и господство сосѣды М. творить три
розлични партіи що до благородумія. Каждый зъ насъ має свое пересвѣд-
ченіе, свою правду, свои доводи и поводы, которыхъ держитос. Не дай мена
слово, що признаешь мое мнѣніе и пріймешь мою сторону, скоро мена несе-
деса перекапати тебе, що моде простима, непросвѣщенна, мають сильне чув-
ство, а гдемои в омильайшо, якъ мы просвѣщенна!“

„Прешу! сиробуй, сиробуй!“ озвался Фадковскій.

„А пристанешъ на мое пересвѣдченъе, если докажу того, и будешъ мы-
слити якъ я?“

„Скоро докажешь того, то запевно!“

„Гей Тарасъ! дай самоваръ, а запьемъ чаетъ добровольну угоду!“ кри-
кнулъ Станиславъ, и повеселявши на лицѣ, рекъ далѣй:

„Скажи-жь мена, друже, що то была за красавица, о которой вспоми-
наль есь?“

„Тяя одна зъ грошедальницъ? А то виста красавица! Дородна якъ то-
пома, очи якъ збринчии!“

„Що за сила поровнательна въ твоей бесѣда! А якъ на ния твоей кра-
савица?“

„Ирина! Я самъ пытался ю, и засмѣялся до мена такъ красно, такъ
миленько, що еще ей усмѣху забыти не могу!“

„Но! но! ждаю тебя счастья, шось видѣлъ ей бѣленькии зубы; бо я,
справда, не маю на тоє часу!“

„О, ты менаще! какедуго огидный!“ озвался Фадковскій, неисталъ зъ
кресла, началъ ходити по хатинѣ, мусклячи молодый усъ и вышивуючи ста-
рорусскато вальде, которого зановно въ снадѣниа по своей бабуци отабралъ.

Поздѣйше ближше тѣхъ двохъ молодикѣвъ, суверечныхъ межи собою, и
згадаймо, для чого то они такъ розлично думали о народѣ, ослобожденномъ
недавно отъ крѣпацтва.

Кароль Фадковскій, единакъ одновъ богатомъ вдовинци дѣдуцки, былъ вес-
нитаннѣйшій дома; мамуша и бабуша занимались его образованіемъ и просвѣ-
щеніемъ — однакъ не своему: годовали цумерками, поблажали всю сваволю,
и приучали ничѣвъ не трудитися. Тежь не дивота, що выросъ молодець на
истного даршовада, а той штуки выучилъ его стареньный человекъ, домовый
учитель, добрый якъ ангель, ба все поблажающий, ничего не згаившиѣ. Коли
поздѣйше хотѣла мамуля, щобы Кароль шшелъ на всеучелище, занедужалъ
быъ такъ сильво, що нана рѣшала, абы онъ продолжалъ свои науки впрятно
дома, якъ ихъ распочалъ. Потомъ Кароль поѣхалъ на одно лѣто до Варшавы,

пріучился тамъ еще больше дармовати, танцювати, грати въ карты и стронгитися впрямую, — ще для него за поворотомъ до дому очевидно дуже было мало, но для заслѣженной мануны дуже много.

Станиславъ, сынъ мудрыхъ и розумныхъ родителей, добре воспитанный, набралъ еще въ молодомъ вѣку здоровыхъ понятій. Честнымъ ио учителямъ поваряли родичи своего сына, который не просталъ свавольныхъ погрѣшностей и склонностей. Тожь онъ прійшовши до лѣтъ дорзрѣлыхъ, навикъ до честного житья, полюбить правду, презаралъ лицемеріе, не дармовалъ, но посвящался трудолюбію ко общему благу. Цѣлымъ сердцемъ жертвовалъ онъ для блага своихъ селянъ, старался о ихъ просвѣщеніе, порядковалъ sprawy громадскіи, за що отбевалъ отъ селянъ не ино сердечную подяку, но они величали его передъ свѣтомъ, яко мудрого и доброго пана. Теперь закупили онъ знаемое намъ село, и поселился тутъ нарочно, щобы унорядковати громаду, виправити ея добробытъ чтрезъ заробокъ, и выкоренити весь неладъ, который тутъ водворился.

Кароль и Станиславъ любилися дружески, не зважаючи на розличный поглядъ своихъ мнѣній, якого черезъ обстоятельства набыли. Мы чули ихъ суперечку, побачио дагдѣ, на чемъ она скончится.

V.

Певного погодного дня мрака якась прозрачна носилася по-надъ озеро; солнце клонилося къ западу, и въ далекомъ поли чути было рыкъ товару и блекотъ череды, которая повертала въ село до дому. Въ поли было со всѣмъ тихонько, бо то была свята Недѣленька Божа.

На курганѣ въ поли стояла Ирина, похиливши голову, устроивши въ прекраснымъ косы, переплетеннымъ свѣжымъ цвѣточками и вѣстичками; втрещъ вглядъ ея бѣдами, шо свадали на ей рамена, и красилъ уста усмѣхающеюся Ирине. Она же стояла при Остапѣ, зложивши свою ручку въ его долони.

Остапъ споглядалъ смѣло и гордо, якъ-бы былъ властелиномъ всего свята; оновъ радости стотралъ онъ на ея лице, якъ коли хотѣлъ бы ея видомъ насытитися; видко, душа его въ ея оку утонута. Колоски зббжа въ близкомъ поли, позолоченнымъ вечернимъ променемъ сохнѣли, колѣсалися повозьмо етъ ветру, новъ-бы отдавали пещестъ любви и красоты.

„Любезная Ирина!“ озвался Остапъ, „кобы то можно такъ во ванъ притобъ стояти! Долонь въ долонь, око въ око...! Кобы заманилъ насъ Богъ обою въ двѣ тополи або березки, побѣчь себѣ стоящимъ, якъ та исьонина важе! Ни: кто-бы насъ не розлучилъ уже на земли, никто-бы не отвернулъ тебе отъ моей груди сиротиньской, никто не отругнулъ бы мене отъ тебе!... Знаешь ты, моя мила, шо то значить быти сиротомъ? а сиротомъ оуцещкомъ отъ всѣхъ, якъ сумная быльница, шо те сама рѣете генъ на далекомъ курганѣ въ поли?...“

(Дальше буде.)

Пренуме-
рата въ годъ
1 ар. 50 кр.,
со „Сло-
вома“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белетрисшична прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 8.

Львовъ 20. Марта 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ ФЕОДОРЪ ИВАНОВИЧЪ И ЖИГМОНТЪ Ш ВАЗА.

Послѣ Ивана Грозного на Московскій престолъ вступилъ старшій сынъ его Феодоръ Ивановичъ, рожденный отъ Царицы Анастасіи Романовны; второй же сынъ Ивана, малолѣтній Димитрій, имѣлъ удѣльный городъ Угличъ, и жилъ тамъ съ матерью своею, Царицею Маріею. Царь Феодоръ Ивановичъ былъ уже женатъ съ Приною, сестрою боярина Бориса Годунова, но будучи тѣломъ немощенъ и надто смиренный духомъ, онъ уступилъ правленіе царства Верховной Думѣ, состоящей зъ 5 избранныхъ вельможъ.

А былъ въ той Верховной Думѣ членомъ также братъ Царицы Ирины, бояринъ Борисъ Годуновъ, человекъ чрезвычайно быстрого ума и надъ всѣхъ до дѣлъ правленія найспособнѣйшій. Сей то Годуновъ походилъ зъ роду одного татарского вельможи (мурзы), вступившаго еще за Царя Димитрія Донского въ Московскую службу. У покойного Царя Ивана Грозного той Годуновъ былъ однимъ зъ первыхъ его любимцевъ; но помимо того онъ рукъ своихъ не кровавилъ, съ опричниками не злочинствовалъ. Онъ навѣтъ отважился обороняти Царевича Ивана Ивановича, и за то вынѣсъ отъ Грозного тяжкіи побои и раны. Годуновъ былъ женатъ съ донькою самого найстаршого опричника, Малюты Скуратова; тѣмъ то онъ и избѣгъ отъ всеи бѣды, та остался цѣлый, коли боярскіи головы валилися безъ счету. Иванъ Грозный такъ высоко почиталъ родину Годуновыхъ, що своего сына наслѣдника оженилъ съ рѣдною сестрою Бориса. А коли грозный Царь умиралъ, то Борисъ Годуновъ былъ у него вже въ такой милости, що одинъ изъ всѣхъ бояръ находился на послѣдней исповѣди царской, и Царь препоручилъ ему опѣку надъ своими дѣтьми и надъ Царицею.

Новый Царь Феодоръ Ивановичъ, здѣлавши того Годунова головою Верховной Думы боярской, отдалъ ему найвысшу царскую власть, велѣлъ ему правити русскою державою и о всякихъ дѣ-

лахъ промышляти. Годуновъ не отказался отъ той великой, но тяжелой чести, и яко мужъ разважнаго ума, провадилъ дѣло управленія такъ, що удовольены были нимъ и Царь и народъ велико-русскій. Первымъ его славнымъ чиномъ было усмиреніе збунтовавшихся народѣвъ Сибирскихъ, которыя только-що недавно Ермакомъ побиты, якъ ино спостереглися; що то надъ ними доказала горстка Донскихъ козаковъ, не стѣрпѣли своего есрему та постановили отдѣлится отъ русскаго царства. Но Годуновъ послалъ туда сильный отрядъ войска, и той соединившись съ Донцами Ермака, занялъ по другій разъ Сибирскую столицю Искеръ и покорилъ уже на всегда цѣлу Сибирскую державу подъ власть Царя русскаго. Для забезпеченія Сибири отъ новыхъ podobныхъ бунтовъ Годуновъ велѣлъ тамъ-же построити сильныя крѣпости, и основалъ города Тобольскъ, Березовъ и другія, заселяя ихъ русскими жителями. — Послѣ того Годуновъ обернулъ свое вниманіе на Крымскихъ Татаръ, которыя, хотя и добре стережены были козаками отъ Дняпра и Дону, но все таки, яко хищное племя, забгали неразъ за грабежю ажъ въ крайнимъ предѣлы русскаго царства. Щобы затѣмъ положить таму татарскимъ загонамъ, Годуновъ збудовалъ на южной границѣ тогдашняго Московскаго царства твердыя крѣпости: Воронежъ, Бѣлгородъ, Ливны, Кромы и Валуйки, а кроми того отъ Брянска ажъ до Муромъ устроилъ такъ званную засѣку, т. е. непрерывное укрѣпленіе изъ земляныхъ насыпѣвъ, ровѣвъ и курганѣвъ.

Въ то время, коли Борисъ Годуновъ ставлялъ на окраинахъ русскаго царства крѣпости и твердыни противъ поганскихъ народѣвъ, зайшло въ Польшѣ знову безкоролье, а отъ того и всякаго рода нестройства и безпорядки, которыя по смерти Баторія, умершаго бездѣтно, продолжались черезъ цѣлый годъ. Панамъ Полякамъ не легко приходилось добрати собѣ короля, который бы згодился на ихъ прегордыя требованія и который имѣлъ бы охоту владѣти надъ такъ неспокойными людьми, яко была вся шляхта лянца. Но середъ многихъ партій, яки знову потворились въ Польшѣ за-дѣя выбору новаго короля, были двѣ найсильнѣйши: одна литво-русска подъ начальствомъ князя Льва Сапѣги и Константина Острожскаго, друга широ-лянца съ бискупамъ и езуитамъ на челя. Перва изъ тыхъ партій хотѣла вынести на престолъ Польшы русскаго Царя Феодора Ивановича, втора же шведскаго королевича Жигмонта Вазу, котораго мати была донькою польскаго короля Жигмонта Старога Ягайлончика, и который затѣмъ больше надъ всѣхъ другихъ кандидатѣвъ до короны былъ въ уподобу панамъ Полякамъ. А помимо того, що Ляшня и могущимъ своимъ влияниемъ езуиты усиленно обставали за онымъ Жигмонтомъ Вазою, таки зъ початку самого оказалась партія литовска о много, надъ нихъ силь-

нѣйшою; и зъ той-то причины проворныи Ляхи самы будьто охотно и добровольно прилучились до сторонникѣвъ Льва Сапѣги, замѣривши собѣ попровадити дѣло такъ, абы выборъ русскаго Царя на короля Польши стался невозможнымъ. Въ той цѣли они на Варшавскомъ соитѣ уложили для Царя Феодора такіи свои условія, на которыи не то вже русскій Царь, але навѣтъ якій-нибудь православный князь за всѣ короны свѣта не былъ бы согласился. Ото бо чого вамъ требовали Ляхи отъ русскаго Царя за поднесенну ему польскую корону: 1) щобы бнѣ короновался въ Краковѣ въ римскомъ костелѣ, та принялъ бы отъ польскаго Арцїепискупа миропомазаніе и опрѣсночное причастіе; 2) щобы не толькы самъ призналъ надъ собою верховную власть папы римскаго, но щобы еще и всю русско-православную Церковъ соединилъ съ Римомъ; 3) щобы именовалъ себе на-передъ королемъ Польши, потомъ Великимъ Княземъ Литвы, а въ-конецъ ажъ Царемъ Московскимъ; 4) щобы далъ Польшѣ 100.000 рублей на оборону противъ Туркѣвъ и поставилъ вѣчный миръ со Шведами.

Съ тыми то условіями, изъ которыхъ лише послѣднєе было хоть не дурне, Ляхи послали въ Москву особое посольство, которое вскорѣ же и вернуло оттуда съ тымъ, чого можъ было ожидать: съ рѣшительнымъ отказомъ отъ Царя Феодора. Тогда польско-езуитска партія восторжествовала: якъ-стойъ выправила до Швеции своихъ посланникѣвъ, которыи осенію 1587 г. спровадили оттамъ королевича Жигмонта Вазу до Кракова, а тутъ Гнѣзненскій Арцїепискупъ короновалъ тогожь на короля Польши подъ именемъ Жигмонта III.

Новый король Польши Жигмонтъ Ваза оказался владѣтелемъ цѣлкомъ по сердцу шляхты ляцкой и ксендзѣвъ езуитѣвъ. Слаболушный отъ природы и выкоханный матерью, котора бѣльше чѣвъ въ Бога, вѣрила въ скапльри и въ папу римскаго, бнѣ подавался на все ужити, до чого лише хотѣли навести его лицемѣры и лженабожныи люде. Тожъ первое дѣло, яке бнѣ учинилъ, засѣвши на престолѣ Польши, было то: що за порадою езуитѣвъ побтдалалъ зъ королевскаго двора всѣхъ способнѣйшихъ людей, которыи мали значенье за дѣльного Стефана Баторія, а окружилъ себе самыми лестниками и негодаями, которыи вразъ и съ нимъ-же стали вѣрными орудіями хитрыхъ езуитѣвъ. Устроившись такимъ ладомъ при королѣ, езуиты надо все обернули свѣй ласый взоръ на святую Русь, надючись теперъ здымати изъ неи вже на вѣки богатую добычу для себе, для Польши и для папы римскаго. А се трудное дѣло противу Руси завели они такимъ ото способомъ:

Знаючи о томъ добре, що найважнѣйшая сила русскаго народа состоитъ въ украинскихъ козакахъ, которыи яко записяженныи защитники православія николи съ католиками не збратаются, Ляхи и

*

орудия поставили насампередъ: уничтожить козацкое войско, або — якъ се было бы не легко — принаймнѣй оноежь войско такъ ограничити и обезсилити, щобы его нѣкъ Польшь боятися. Для том-то цѣли король ихъ Жигмонтъ III заразъ на первыхъ лѣтахъ своего владѣнья (1589) выдалъ, слѣдующій строгій наказъ: 1) всего козацкого войска мае быти не больше лишь 4.000 мужа, и тѣмъ на вѣки запрещается выберати своего Гетмана и старшинъ козацкихъ; 2) Гетманомъ отъ-теперь буде для козаковъ назначаемый отъ короны польской Гетманъ коронный, которого самъ король пришле имъ изъ Польщи, а той вже и поставитъ всѣхъ старшинъ въ полкахъ козацкихъ, якихъ самъ захоче, безъ выбору и вѣшателства громады Запорожской; 3) всѣмъ панамъ, дѣдичамъ на Украинь, Волиню и Подолью наказуется якъ найстрожше, абы своихъ подданныхъ, русскихъ селянъ, не пускали за Дпьеръ до козаковъ, а економы и гайдуки у тѣхъ-же дѣдичевъ, если не здолють удержати хлоповъ русскихъ отъ переходу на Сьчъ, будутъ караны смертію; 4) никто въ земляхъ русскихъ не смѣе подъ карою смерти продавати козакамъ порохъ, сѣрку, оружіе, а навѣтъ хлѣбъ и соль; 5) паны дѣдичи католической вѣры мають право накладати на своихъ подданныхъ не, лишь податки, роботы, якіи захочуть, но также и кары грошевыи и тѣлесныи, навѣтъ и смертную кару, за переходъ на Сьчъ, або яку-нибудь подмогу козакамъ русскимъ,

Приказъ той королевскій, вымѣренный на выгубленье козаковъ, и всего хлопства Руси, отчитанный былъ въ соймъ Варшавскомъ при радостныхъ восклицахъ шляхты и бискуповъ ляцкихъ, та сейже, часть, и высланный въ край русскій для оголошенья народу. На счастье однакожь Руси, еще тогда было хлопства нашего хоть въ два разы стѣлько душъ, що всѣхъ католиковъ въ Польщи, а козачого войска, хорошо до бою заправленного, звышь 20.000 мужа. Такую силу изломити приходилось не въ моготу не то коронъ польской, но и самому папъ римскому, и оный то строгій приказъ Жигмунта Вазы, дышащій злобою и кровопійствомъ, встрѣченный былъ отъ народа Руси осмѣяніемъ и поруганьями. Вправдъ паны дѣдичи католической вѣры, которыхъ тогда уже немало напхалось было въ земли русскіи, одержарши за повьсшіи приказомъ неограниченную власть надъ русскимъ хлопствомъ, стали отъ того часу якъ наибольше обременяти народъ нашъ панщиною, всякими дачками и карани безъ кѣнца и мѣры; однакожь за то хлопство русске тѣмъ численнѣйше горнулось теперъ до козаковъ, и Сьчъ Запорожска чѣмъ-разъ примѣтнѣйше становилась военнымъ средоточіемъ русского народа, все бѣльше и бѣльше страшнымъ для зрадливой Польщи. Тожъ и легко догадатися, що помянутымъ королевскимъ приказомъ ни наименьше не зажурились наши украинскіи козаки, та они

не только что съ соромомъ прогнали отъ себе польскихъ воеводъ, бывшихъ къ нимъ съ тѣмъ-же королевскимъ указомъ, но еще дали знати до Варшавы, что они николи въ свѣтъ не примуть у себе коронного Гетмана зъ Польщи, а будутъ собъ и далѣй самы выбирать такъ Гетмана якъ и всѣхъ старшинъ козацкихъ, не оглядаясь на волю польской короны.

А былъ тогда Гетманомъ на Сѣчи Демянь Скалозубъ, который послѣдуючи примѣру своихъ предшественниковъ, распорядился у себе безъ оглядки на Польшу, и яко-бы независимый отъ никого князь державный, на свою руку провадилъ неустанныя войны съ бисурманами то въ Крымъ, то на побережяхъ европейской и азійской Турціи. На одношъ зъ такихъ походошъ сей Демянь Скалозубъ попался небога въ турецкую неволю, и бисурмане, отвезши его до Цареграда, уморили тамъ-же голодомъ. На его мѣстце Сѣчовыи козаки выбрали Гетманомъ своего генеральнаго есаула Христофора Косинского, который былъ родомъ изъ Подлесья (отъ земли Холмской), и дуже подобался козакамъ чинимъ черезъ то, что отъ цѣлой души ненавидѣлъ езуитовъ и гордую Польшу. Такого Гетмана Запорожцамъ теперъ власно и треба было, бо видѣли они уже зъ первыхъ поступковъ новаго короля Жигмонта Вазы, что на-далъ безъ войны съ Польщею у нихъ не обидеся.

Межи тѣмъ въ Польшѣ вельможныи паны заклопотались немало симъ, что русское хлопство строгому указу ихъ короля нѣкъ не повинуется, а козаки стаются чѣмъ-разъ то буйнѣйши та грознѣйши. Но журбу Ляховъ вскорѣ розсѣяли ксендзы езуиты, уковавши въ своей кузнь новый прехитрый замысль противъ нашей Руси. Видячи бо наглядно, яко съ русскими хлопствомъ годъ что для Польщи и для Рима удѣяти, ти езуиты постановили теперъ подступити подъ Русь нашу зъ инного боку, зъ выдатнѣйшого та затѣмъ и податлившого кѣнця! Просто оказавши: они задумали добратися теперъ до нашихъ найвысшихъ Пастырей духовныхъ, до Митрополита и его Владыкъ.

А было тогда у насъ на Малой Руси 9 Пастырей-Святителей Церкви православной, именно: Митрополитъ Кіевскій, Архіепископъ Полоцкій, и Епископы: Владимірскій, Луцкій, Львовскій, Перемишскій, Холмскій, Пинскій и Могилевскій. Каждый изъ тыхъ Святителей имѣлъ въ своей діецезіи найвысшу власть и судъ надъ подчиненнымъ духовенствомъ, надъ собою же Епископы узнавали высшую власть Митрополита, и всѣ они въ-купъ, т. е. Митрополитъ, Архіепископы и Епископы такъ Малой якъ и Великой Руси уважали своимъ найстаршимъ головою Патріарха Цареградскаго. Патріархъ сей по-свящалъ нашихъ Митрополитовъ (въ Кіевъ и Москвѣ), надавая имъ власть посвящати отъ себе Епископовъ, розрѣшалъ заходящи якія споры

въ важнѣйшихъ дѣлахъ церковныхъ и держалъ найвысшій судъ надъ поведѣньемъ и норовственнымъ житьемъ всѣхъ нашихъ Святителей. Сія то права и обовязки патриаршой власти вымагали постоянного сообщенія православной Руси съ Цареградомъ, и оно сообщеніе велось цѣлкомъ добре еще за того времени, коли въ Греціи володѣли свои греко-православныи Императоры. Коли однакожь Цареградомъ и всѣми другими святыми мѣстами на Востоцѣ завладѣли нехристы Турки, то сообщеніе съ Цареградскимъ Патриархомъ здѣлалось для насъ затруднительно, и отъ того нерѣдко была остановка въ дѣлахъ церковныхъ. А кромѣ того навѣтъ неприлично было православной Руси, особливо же могущему велико-русскому царству за разрѣшеніемъ въ церковныхъ дѣлахъ посылати въ бисурманскій край къ жившому тамъ Патриарку. По той причинѣ Царь Феодоръ Ивановичъ за порадомъ Бориса Годунова рѣшился поставити для Руси особно, своего власного русскаго Патриарха. Всѣ православныи Патриархи, которыхъ вразѣ съ Цареградскимъ было на Востоцѣ пять, згодились на той замыслъ русскаго Царя, и отъ Собора всѣхъ греческихъ Святителей отправился въ Москву Цареградскій Патриархъ Іеремія, который на дню 26. Свчия 1589 г. и посвятилъ въ Москвѣ первого русскаго Патриарха Іова. Однакожь Патриархъ Іеремія, совершая той святительскій чинъ, забезпечилъ собѣ для власной своей корысти таке условіе: абы до той поры, доки Малая Русь остане подъ Польщею, ново-поставленный Патриархъ въ Москвѣ былъ Патриархомъ лишь для Великой Руси, а Киевскій Митрополитъ со всѣми 8 своими Владыками абы належалъ и на-далѣ подъ власть Патриарха Цареградскаго. — Тоѣ усковіе, якъ и недогодне казалось для Малой Руси, но оно подавало немалую корысть Цареградскому Патриарху, отбывавшому за свои патриаршійи обовязки отъ Малой Руси гдѣякіи подарки; а вжежь наибѣльше подобалось оно условіе панамъ Ляхамъ и езуитамъ въ Польщѣ, которы за поставленіемъ отдѣльнаго Патриарха въ Москвѣ, не имѣющаго ніякомъ власти надъ Малою Русію, розсчитывали на тѣмъ певнѣйшее роздвоеніе одной и нероздѣльной до сего времени русско-православной Церкви.

И по-правдѣ, розсчеты и горячіи желанія езуитовъ исполнилися скорше, нежь якъ того самы они сподѣвалися. Роздвоеніе въ русско-православной Церкви заготовлялось такъ поспѣшно, що теперъ уже въ теченью кѣлькохъ лѣтъ произведено было дѣло, якого не змогли сотворити два съ окладомъ столѣтїя. А до того то роздвоенья нашей Церкви причинился по части вже и самъ Цареградскій Патриархъ Іеремія, который мимо наилучшой воли, абы спасати насъ отъ ухищренїй езуитской Польщи, починилъ гдѣкоторыи такіи перемѣны въ нашей Руси, що они вмѣсто спасенія, несли намъ погибель. Сей бо Патриархъ,

перевратами изъ Москвы въ г. 1589, захватъ во дорожъ до нашего Кіева, та замърилъ тутъ держати патріаршій судъ надъ русскими Владыками, желая усторонити нѣкоторыхъ изъ нихъ недостойныхъ. Отъ часу бо, якъ езуиты зайшли до Польши, лянцкій король, присвоивши собѣ неогрѣженную власть поставляти православныхъ Епископѣвъ (которыхъ передъ тѣмъ само наше духовенство вразѣ съ русскими вельможами собѣ выбирало), надавали имъ меразъ Владыкъ такихъ, зъ которыхъ не одинъ, якъ то Царь Иванъ сказалъ разъ о папѣ, былъ волкомъ, а не пастыремъ стада. Затѣмъ то и рѣшилъ теперь Патріархъ Іеремія розсмотрѣти близше поровственны дѣла нашихъ Святителей, абы, кто изъ нихъ окажется недостойнымъ, того удалити. А былъ тогда межъ нашими Владыками одинъ, Луцкій Епископъ Кирило Терлецкій, на котораго цѣла Русь указывала яко на чловѣка распутного, сластелюбного и дуже необычайного. Той Терлецкій, закѣмъ осталъ Владыкою, былъ два разы женатъ, отже яко двоеженецъ не малъ навѣтъ права по церковному уставу убѣгатися о епископство; однакожъ онъ не уважая на святыхъ уставы, подкупствомъ позыскалъ собѣ езуитскую партію при королевскомъ дворѣ, и такъ сталъ Епископомъ въ Луцку. Яко Епископъ онъ провадилъ житье надъ мѣру выставне и збытковне, та разъ навѣтъ обзынежъ былъ передъ судомъ мірскимъ за насилуванье дѣвицы, отъ которой то вины онъ знову освободился лишь подкупствомъ. Такойъ Владыка, очевидно, годенъ былъ наибольшой кары теперь отъ суду патріаршого. Но якъ на то, къ немалому потъшенію Терлецкого, показалось передъ судомъ Патріарха въ Кіевѣ, що и тогдашній Митрополитъ нанѣ Кіевскій Онисифоръ, названный Дѣвочка, впрочемъ мужъ честный и твердый Русинъ, былъ также двоеженецъ, затѣмъ также неправно сидѣлъ на святительскомъ престолѣ. И Патріархъ Іеремія адѣлалъ въ справѣ сихъ двоухъ Святителей такойъ дивный засудъ, що Онисифора отрѣшилъ отъ митрополіи и поставилъ новаго Митрополита, слабодушнаго чловѣка Михаила Рагозу, а наибольшого грѣшника Кирила Терлецкого не тѣмъ оставилъ и на-далъ Луцкимъ Владыкою, но еще наименовалъ его своимъ Екзархомъ, т. е. намѣстникомъ патріаршого престола для всѣхъ 9 діецезіи нашей Руси. Такъ хитро умѣлъ сей Терлецкій обманити судъ самого Патріарха!

Отъ того часу Кирило Терлецкій, уважаючи себе мовъ-то найстаршимъ межъ русскими Владыками, сталъ превозносити себе вже и надъ самого Митрополита. На несчастье, новый Митрополитъ Михаилъ Рагоза былъ чловѣкъ надто простодушный и боязливый, а до того и за нимъ водились старыи грѣхи, о которыхъ зналъ Терлецкій, и которые могли Рагозу такожъ позбавити митрополіи, если бы Патріархъ Царградскій о нихъ що увадалъ. Не дивно затѣмъ, що такойъ Митро-

политъ боялся Терлецкого, и весь повиновался ему, какъ шовинуется виновный должникъ своему злосердному заимодалею. А зъ другой стороны и Терлецкій, хотя на той часъ такъ высоко почтенъ отъ Патріарха, но маючи все таки передъ нимъ совѣсть нечисту и заедно живючи въ томъ страху, щобы колись обманъ его въ Цареградѣ не открылся, былъ въ душѣ самымъ лукавѣйшимъ ворогомъ Патріарха, и ажель о ничѣмъ такъ не думалъ, якъ лишь абы отъ якои возможной кары зъ Цареграда на всегда освободитися. Чорная мысль зрады овладѣла нимъ на-скрѣзь, и оттакъ бнѣ чымъ-разъ больше сталъ зноситися съ езуитами. Пбдѣ предложомъ болѣзни сей преворотный человекъ часто ѣздилъ до Варшавы, и шилъ тамъ съ Ляхами и езуитами поганую сътъ на пагубу своей родной православной матери-Руси. Въ г. 1592 езуиты додали ему до оной трудной работы еще помбчника-товариша, якого лучшего годъ было найти на тое въ цѣлой католической Польщѣ. Былъ се Игнатій Поцъй, шляхтичъ зъ роду, но на-скрѣзь збанкрутованный, и до того человекъ, такъ мало поважающій святую вѣру, що уже по три разы былъ и католикомъ и православнымъ, та теперь готовъ былъ для зыску стати навѣтъ и бисурманцемъ. Того-то Поцъя зъ простого мірянина король Жигмонтъ III назначилъ русско-православнымъ Владыкою, надавши ему опорожненное тогда епископство Владимірске, а Митрополитъ Рагоза по наущенію Терлецкого посвятилъ его на чинъ святительскій.

Такъ и добралась вамъ теперь трійка людей, якихъ въ Исторіи нашей Церкви еще не запам'ятано. Поцъй, яко новый ихъ начальникъ, Терлецкій, яко его помагачъ, и Рагоза, яко слѣпе сихъ обохъ орудіе, стали теперь чымъ-разъ отвертѣйше толковати о потребѣ отлученья русско-православной Церкви отъ Цареградского Патріарха, а при томъ намекали — зъ перва еще несмѣло — о уніи съ Римомъ. Однакожь ледви первая звѣстка о томъ зраднѣмъ замыслѣ трехъ православныхъ Пастырей пронеслася по Руси нашей, сейчасъ откликнулся народъ вѣрный негодованіемъ и угрозами, заповѣдающими приближеніе бури. Наши Братства церковны, на чель которыхъ, яко ихъ найщедрѣйшій Покровитель, стоялъ православный князь Константинъ Острожскій, начали теперь частѣйше собиратися на раду, стараючися приспособити себе до борьбы противу хищныхъ волкѣвъ, закравшихся въ самъ найвысшій вертоградъ святого православія. Якъ-стой дали они о всѣмъ знати въ Царгородъ до Патріарха, и просили тогожь, абы бнѣ поспѣшилъ запобѣгчи злomu черезъ низложеніе Владыкѣ, ковающихъ измѣну.

Въ тоежь время и козаки наши на Украинѣ заявили свою крѣпкую волю обороняти вѣру святой Руси супротивъ лукавыхъ навѣтѣвъ езуитскихъ. И туюжь волю буйныи Запорожце задумали сейже

часть таки доказати живимъ нагляднымъ дѣломъ. Былъ бо тогда у нихъ Гетманомъ смѣлый козакъ Христофоръ Косинскій, который еще за строгій указъ короля Жигмонта III, выданный въ г. 1589 на погибель козаковъ и русскаго хлопства, поклялся было отмстити на Польшу за зраду и оскорбленіе чести козацкой. Цѣлыхъ три роки той Гетманъ Косинскій не пускался въ борьбу ни съ Татарами ни съ турецкимъ султаномъ, а черезъ той часъ зберегалъ и совокупалъ козацкіи сяды до замѣрившей войны противъ короля Польши. Въ лѣто 1593, коли доносился уже глухій слухъ по Руси о задуманной Поцѣвѣ и Терлецкимъ уніи съ гордымъ Римомъ, двинулся Гетманъ Косинскій съ козацкими полками въ походъ на Польшу, поставивши собѣ, освободити нашу Русь отъ тяжкаго ярма лядскаго, та вразъ и отъ свей езуитскихъ. Велика то была мысль Косинскаго, спасительная гадка для всего люду святой Руси; а только жаль дуже того, що не зъумѣлъ Косинскій мысль свою розважно и оборотно попровадити. Несчатѣе уже было таке, що бѣ не постарался за-для своихъ замыслѣвъ porozумѣтись съ лучшими мужами православной Руси, а насупротивъ, таки и началъ свое дѣло отъ того, що идучи войною на Польшу, опустошалъ на Подолью маетки найзнакомитшого защитника вѣры православной, князя Ковстантина Острожскаго. Былъ бо сей князь Острожскій личный недругъ Косинскаго, и, хотя великій ревнитель святого православія, но яко пребогатый вельможа, перемѣнявшій гдѣкимъ гордыи норovy отъ шляхты польской, смотрѣлъ на козаковъ зъ-высока, уважая ихъ просто голыщами, изъ грабежи татарскаго добра живущими. За то и козакъ недолюбливали Острожскаго, та еще и сего не могли даровати ему, що за короля Жигмонта-Августа бѣ подписалъ ненавистну унію Любельску, котора отворила Ляхамъ на-стежъ ворота въ земли русскіи и положила основу до новой, еще погубнѣйшой уніи съ езуитами. Но мимо всей той вины князя Острожскаго непорядно было Гетману Косинскому вымѣрять свою мечь на немъ теперъ, коли власне князь сей могущій, якъ-бы роскаившись за принятіе уніи Любельской, зъвлался въ то небезпечное для Руси время майлучшимъ другомъ православнаго народа, щетиннымъ Отцемъ и Покровителемъ русскихъ нацихъ Братствъ, которы тогочъ самого бажали для Руси, чого съ оружіемъ въ рукахъ поднялся достигнути Косинскій.

И горе! вышло-жъ у насъ теперъ таке, що православный русскій богатырь поборалъ своего брата-богатыря, подвизавщогоса также за Русь и за православіе, а Ляхи и езуиты обомъ зарѣвно ненавистны, радовались той борьбѣ отъ всего сердца! — Въ началъ войны счастье спрідало Гетману Косинскому, который на скоромъ походѣ черезъ Подолье разбиравши всюду высланцыи противъ него отряды польскіи, явился подѣ

городомъ Тернополею, где и разложился укрепленимъ таборомъ. Сюда прибылъ за нимъ съ 6000 мужа свѣжихъ козацкихъ силъ хоробрый атаманъ Иванъ Лобода, а до того нагромадилось около него въ-друге столько мужа изъ Подольскихъ селянъ, которы толпами приставали до братьей козаковъ, уважая ихъ избавителями своими зъ лицю неволь. — Межи тѣмъ, коли Косинскій устроилъ свои свѣжо собраніи силы подъ Тернополею, Польша, затревоженная его возстаніемъ, выслала вспомогательное войско князю Константину Острожскому, который собравши дворянски и королевскіи полки, где яки лишь были въ земляхъ Волыня и Подолья, ступалъ уже до бою противъ Косинского. Тогда Косинскій отъ Тернополя двинулся къ мѣстечку Пятку, куда приближался Острожскій, и выслалъ къ тому-же князю посла отъ себе, абы съ нимъ, яко съ братомъ-Русиномъ, вполноно порозумѣтися. Но князь Острожскій не змѣнилъ своего гордаго нерова, и сказалъ посламъ козацкимъ: „Я Русинъ, и готовъ обороняти святое православіе законными средствами; вы же увязались спасати оное мѣтежемъ; а хлопскіи мятежи не могутъ быти полезны для отечества.“ Отвѣтъ сей князя еще больше розгнѣвалъ Косинского, и онъ съ всею наглостію запустился съ нимъ въ борьбу подъ Пяткою. На помощь Косинскому подослали сюда еще новыи козацкіи отряды, прибывшіи изъ Запорожія; однако уже пѣвно. Козаки бились хоробро, но были побѣждены. Подъ Пяткою полягъ и Гетманъ Косинскій; тѣло его выставили Ляхи на сороміе позорище, а пойманыхъ четырехъ старшинъ Запорожскихъ закопали живыми въ землю. Вразъ съ Косинскимъ пало около 4000 мужа козаковъ, а прочіи отряды, на-скрѣвъ засумованы, повернули съ атаманомъ Лободою назадъ въ свою рѣдную Сѣчь.

Такъ несчастливо закончилась военная выправа Гетмана Косинского, котора могла быти задати смертныи ударъ тогдашней езуитской Польшѣ, если бы насупротивъ русскихъ козацкихъ силъ не были поднимались русскіи же силы могущаго князя Константина Острожского. А всежь таки, мимо пораженія подъ Пяткою, подвигъ Косинского славный сталъ для русскаго міра тѣмъ именно, що былъ се первый мятежь Руси, первое русско-народное возстаніе противъ беззаконнаго владычества Польши надъ Русію; и вже сама она высокая цель сего подвига освятила имя Христофора Косинского честною памятію въ народной нашѣй Исторіи. Отъ часу бо, якъ лишь настали въ степахъ у Днѣпра украинскіи козаки, они ажъ до гетманства Косинского уважаны были просто якъ-бы слугами Польши, которы по приказу лицю короли стерегли земли его отъ нападѣвъ татарскихъ, та неразъ и поминѣ своей воли нили за Ляхами воевати области православнаго Царя, заселенныи единокровнымъ и единовѣрнымъ народомъ

русскими. Были затѣмъ козаки наши рабами-сторожами Польши, кланя за нѣю головы и проливали кровь свою козацку, достаячи за то по мер-вонцевѣ и по кожуху на весь годъ, та и се не зъ польскаго добра, а зъ податку отъ власныхъ земель русскихъ. Не были-ль козаки наши такъ на-скрѣзь простоумны, необачныи люде, абы не чувствовали весь соромъ такого своего рабства; однакожь не дослѣдно въ Исторіи нашей того, абы отъ времени первого Атамана Дашковича ажъ до Косинскаго который зъ ихъ начальниковъ на-правду задумалъ быль освободити народъ козацкій отъ постыднаго ярма ляцкого. Первый былъ Гетманъ Косинскій, который повзаялъ такую смѣлую мысль, — а хотя она ему и не удалася, но разъ одинъ явившися живою въ свѣтъ, уже не мала быти убитою нѣякими силами, и только осужена была Провидѣньемъ Божиимъ ожидать поры, доки грѣхи нашихъ предковъ не будутъ нами до кбнця отпокутованы.

По усмиренью первого козацкаго возстанья черезъ пораженіе Косинскаго подъ Пяткою, Ляхи, якъ то звычайно побѣдители, ужиди противъ козачества нашего самыхъ строгихъ мѣръ, абы подобными мятужи на будущность здѣлати невозможными. Они затѣмъ выслали численно войско на Украину, и розставили сильныи залогии по всякъ важнѣйшихъ мѣстахъ русскихъ, особенно въ тѣхъ, до которыхъ заходили козаки за купномъ своихъ припасовъ войсковыхъ. Жители сихъ городовъ а также и старшины козацкіи, на которыхъ чель стоялъ теперъ Иванъ Лобода (мужъ надзвычай великаго росту и силы), переслали вправдѣ отъ своей стороны жалобу до короля Польши, що по запорученнымъ правамъ и привилеямъ русскаго народа войска ляцкіи николи не мають стояти постоемъ въ городахъ Украины; однакожь король ни найменьше не важилъ уже правъ русско-народныхъ, а напротивъ, приказалъ еще начальникамъ своего воинства, чтобы суровымъ поступаньемъ въ земляхъ козацкихъ держали въ страху всякую душу русску. И начальники польскихъ залогъ по городахъ Украины исполняли королевскій наказъ съ наибольшою точностию: грабили жителей, насилдовали женщинъ, ругались святой русскою вѣръ — словомъ, збытковались до крайности надъ православнымъ людемъ. Нѣкоторые города украински не стерпали того ляцкого насильствія, и въ началѣ 1594 г. збунтовались Кіевъ, Переяславъ и Лубны. Пало тамъ немало головъ польскихъ отъ козацкихъ списъ и топорѣвъ жьщанскихъ; однакожь наконецъ возстанцъ въ сихъ городахъ были переижены, и знову Ляхи своевольничали по прежнему, та еще смѣльише прохажались по улицамъ русскихъ мѣсть, гордо бренокючи шабельками. А мимо того мѣрковали они вже теперъ, що и русскій народъ на Украину, не смотря на неудачи въ своихъ бунтахъ, цѣлкомъ не походить на смиреннаго раба, якимъ — здавалось — былъ быъ за Евстафія Дашковича, найвѣрнѣйше служившаго справъ короны

польской. И отбивалась вше тогда о слухи пановъ Ляховъ украинская
прсна, зложена за тыхъ-же часовъ ихъ постоя въ при-Днѣпровыхъ го-
редахъ, въ которой ось-такъ спѣвалось бѣтъ томленнаго сердца козацкаго:

Ходить Ляшокъ по улицѣ, шабелку стискае,
Козакъ Лаха не боится, шапки не знимает.

(Дальше буде.)

ДВѢ МОГИЛЫ.

ПРАВДИВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

(Продолженье.)

И Остапъ говорилъ къ Иринѣ дальше:

„Чи знаешь ты, що то значить не мати ніякои родини, не мати своєю хатины, щобы по тяжкой дневной работѣ на спочинокъ голову склонити! Не мати одной души, щобы матерними заплакала слезами надъ сиротою, и приголубила до себе? — Будучи дитиною, донавалъ я всего лиха, и никто мня не приголубилъ, никто не притулилъ до своего сердца. Отъ хаты до хаты скитался я, просячи со слезами о кусень сухого хлѣба, о милосердіе, — и никто не сожалѣлъ надо мною! Теперъ доросъ я, та за тяжку цѣлодневну працю дають менѣ ложку стравы, — но никто не приголубитъ бѣднаго заволоку — не притулитъ до своєю груди!... Искучилася менѣ той свѣтъ, бо овъ для мене пустый, нужденный... и я отвращаюся отъ тыхъ людей, що не понимаютъ моея печали, моея тоски, що не отерли ни одной слезы бѣдному сиротѣ!... Неразъ я хорый, въ горячихъ слезахъ лежалъ передъ порогомъ, и никто не пожаловалъ бѣдака бодай словами: бѣдный сирото, жаль менѣ тебе! Ты первая, Ирино! ты чейже и послѣдня въ томъ житью, изрекла до мене слово любви; ты одна, що не бачилася на мою нужденну одежь; ты не шарила мой дорожокъ, коли твоя рука на моея спочивала груди. Най тобѣ Богъ надгородитъ всякъ добромъ, най ти дае зъ росы и зъ воды за тую хвалку счастья, щось даровала бѣдному сиротѣ... Но що же зъ того всего? Я предчувствую, мой мила, що мое счастье уже скѣчилось... Ирино любезна! мене розлучать отъ тебе!“

„Кто насъ розлучитъ, кто? О нѣтъ! никто на свѣтъ не годенъ насъ розлучити! А якъ родичи не хотѣли бы насъ принять долюбъ, пойду за тобою въ свѣтъ, куда ты пойдешь, куда менѣ скажешь — пойду край свѣта, або и подъ сыру землю, и буду благословити той день, въ который сочеталъ насъ Богъ и злучилъ сердца наши.“

„Нѣтъ, Ирино солодка! ты не пойдешь за мною! Судьба сироты чорна и тяжка, якъ сыра земляца въ могилѣ, которою присыплютъ мою грудь. Тому повѣдаю, ты не пойдешь за мною; бо тогда былъ бы я счастливый, якъ въ небѣ; — а ту счастья нѣтъ для мене, для сироты-протисвѣта!“

Дробяньги́я слезы, якъ перлы радной росы, покотилися рѣсно по красномъ дичку Ирины. Она стояла при боку Остапа, держащи его за руку, глянула на него съ чувствомъ сильной рѣшимости и отваги, якую, надае любовь невинного сердца, и рекла съ одушевленіемъ: „Остап! свидѣлся Богомъ, що добровольно, сама не опушу тебе, доки жити буду! Абымъ Бога не видѣла при сконанью, если не правду кажу!“

Остапъ востхнулъ тяжко, якъ бы увѣривъ о ей словахъ, но уверивъ разомъ о невозможности своего счастья, и озвался:

„Ахъ, Ирино! а якъ родичи прокленуть тебе?“

Девича вздрогнула, якъ-бы на видъ страшной зміи, опустила голову и озвалася по короткомъ намислѣ: „Хотяй насъ люде розлучать, то насъ Богъ снова злучитъ!“

Такое сознание непоколебимой любви тронуло знову Остапа, якъ, молнія радости и страхомъ. Онъ притулилъ Ирину до своей печальной груди, и забыть на хвильку свой смутокъ и свое сиротничество.

VI.

Недолго тревало тоє счастье молодятъ, — бо колижъ и где треваетъ счастье долго на свѣтѣ? А если загоститъ оно где-коли до когось на якій часъ, заедно найдеться кто-и такій, що выполошить его прочь. Долгий свѣтъ, каже пословица, на беда еще долша — своєю хатю не має, та по людяхъ ся пхає!

Вскоръ прорвалася радость красноразва, якъ дуга, Остапа и Ирины, а причину до того дада одна морчемна забава. Говоравица кумы выявила отцу Ирины любовь ей до Остапа, а при чардѣ не шадли ничего, не вно, щоби отца до гнѣву возбудило, но надто судили все по своему, и посуджали Ирину о нечестѣ для родичей, що посмѣла она сирывати передъ ними свою любовь. И такъ очернили тѣмъ люде бѣду Ирину и честного Остапа о нечестии дѣвченя. Досытъ того было на несчастье двоихъ невинныхъ сердець.

Познымъ уже вечеромъ повернулъ отецъ Ирининъ зъ корчмы. Старенькій дѣдунь шепталъ свои вечерніи молитвы, коли сынъ газда вступилъ въ свѣтлицю. Будучи розъяренный по части горьлюю, по части доносами бесѣдливыхъ кумовъ, а не бачивши никого кромѣ дѣдуни въ хатѣ, запыталъ онъ гнѣвливо за Ирину.

„Не знаю, сыну, где она;“ отвѣтилъ дѣдунь лагодно.

„А Остапъ? где Ослпъ?“

Въ той хвили отворилася дверь, и Остапъ вступилъ до хаты съ вопросомъ, чога бы его требовао.

„Ты волоцюга! ты црпане! якъ ты смѣешь заирати до моей доньки?“ загремѣлъ дютый газда и крудся на Остапа.

„Стѣй, батьку! озвала Остапъ смѣло, поступилъ ближе и зарыгавъ спокойно: „Чога хочете отъ мене?“

„Чого я хочу? На що баламутити мою дитину, ти заволоко!“

Очи Остапа зашекерилися гнаною. Онъ выпрямился, поднесъ чело, и гордо позрѣлъ на газду. Поставъ его, зъ природы поважна, набрала такъ разомъ такъ сильномъ гордостю, якъ коли бы онъ зъ дитинства навикъ отберати уклони.

„Якнѣ правомъ прозиваете мене такъ огидно, газдо! Чи жь я просилъ васъ о ласку, о хлѣбъ? Вы сами просились мене, абымъ служилъ у васъ, и тѣмъ чиномъ замешкалъ я въ вашей хатѣ!“

Тотъ отвѣтъ и сильная поставъ Остапа подѣйствовали на газду. Онъ не зналъ, що на тое отвѣтити, принаймѣй не повторилъ уже словъ оскорбительныхъ.

„Не виганяй мене, батьку, зъ твоей хаты,“ озвался далѣй Остапъ: „не виганяй! бо слезы сиротински упали бы якъ тяжкій камень на ваші груди! Не забывай, батьку! ты отецъ Ирины!.. Отъ, зробишь лѣпше такъ: извольте, абы я добровольно выдалися зъ вашей хаты, и поійшоу въ далекій Божій свѣтъ, куда мене моя чорная судьба заведе. Такъ буде лучше для васъ и для славы моей Ирины.“

„Твоей Ирины?... Врешъ, недобитку!.. Знай, що она дочка первшого газды въ нашомъ селѣ!“

„Ей, що ей по томъ первенствѣ! Она не гадае о пустомъ счастьѣ богатства; лучшего она смотритъ — она присягла метѣ, що кромѣ мене никого на селѣ свѣта любити не буде!“

Въ бесѣдѣ той Остапа было такъ много рѣшительности, а въ поставѣ его такъ много поваги, приказующей почтеніе, що газда охвѣлъ: Охладнувши зъ своего гнѣву, озвался онъ по хвилѣ уже ласковѣе:

„Знаешь що, Остапе! отъ, добре алазаеть: иди собі отъ насъ въ свѣтъ за очи, если не хочешь, щобы люди обсмѣяли метѣ тѣй Ирины, котору, якъ ты кажешь, такъ дуже любишь. Я говорилъ нынѣ отъ старика Григоріенка; его сынъ дерѣсь уже, — и цѣле село знае уже за наши змовини. Въ Недѣлю прійдуть въ свѣтъ.“

„Що?...“

„Прійдуть въ свѣтъ до насъ.“

„Та якъ? кого сватати?“

„Ирину.“

„А она жь що на тое?“

„Ирина не знае еще ничего, то жь и не мовила ничего.“

„Не знае? а якъ же могли вы пререкати ю безъ ея воли?“

„А тоба що до того?... Такъ, Остапе, иди собі въ Божій свѣтъ, куда ты очи поведуть, бо якъ будешь туда дальше влючитися, то я вымѣщу мою месть не на тоба, а на Ирину, — и се забудь тебе еще горше, если ю любишь...“

„Ей, батьку! що се вы мовите!“

„Не жартую.“

„Я пойду,“ рекъ Остапъ, „зѣ-бѣси, — не гибайтеся безъ потребы! Я пойду, не извольте мнѣ до завтра ту остатъ, тай попрощатися съ немъ.“

„Нѣтъ, нѣтъ! намъ таки сейчасъ!“

„Эй, батьку, помилуйте; дайте упростишь! Не прогаивайте бѣдного сироту недѣ ночь!... ино до завтра!“

Видячи Остапъ неумолимого газду, рекъ по хвнан: „Га! коли уже така моя доля, — то шожь маю робити? Треба жити съ бѣдою якъ съ рѣдною сестрою. Бывайте-жъ мена здоровы всѣ, котормхъ я по першый разъ полюбилъ въ жытѣю носитъ,“ рекъ Остапъ жалостно, — „бывайте здоровы! — прашайте!“ — и приступилъ къ дядушкѣ.

Дядушъ сидѣлъ на лавѣ вѣдь часъ всего того явленія, и съ болястныиъ сердцемъ слушалъ весь той ссорный разговоръ. Коли приступилъ къ нему Остапъ, повсталъ оиъ зъ лавы, сложилъ руки на голову Остапа, и промовилъ перерывнымъ отъ жалости голосомъ: „Иди сыну, съ Богомъ! най ты Богъ благословитъ и провадитъ въ счастливу дорогу! Иди сыну, — а я буду молитися за твою долю и за Ирину.“

Остапъ укланялъ дядушъ, закрылъ лице свое руками и вышодъ за хаты, изъ выхолодѣть сваванный на смерть въ послѣдній разъ изъ своей вяннице.

VII.

Слѣдующого дня прійшоу Остапъ попрощати Ирину. Венеромо, — и наю звезду показалося на небѣ. Надъ озеромъ уносилася ирака, лоденька стояла тхонько, все а все было по давному, — одного лише неставало — давного хъ счастья.

„А правде, Ирину! що я не обманулся! Наше счастье буде для насъ дуже кортеньке! Га, шожь дзяти... Богъ надѣлалъ мена порну и душе ташкую долю. Тюдодна на свѣтъ хотѣла осолодити мою сумну судьбу, ... ти один хотѣла притати сироту до своей груди, — тай шожь зъ того?... Теперь мушу тебе помутити, мушу иди въ далекий свѣтъ отъ тебе; шобъ мои очи не видѣлиуже твоего красного личка, а мои уши не чули твоего маленьго голосу. Уже не узрю тебе больше, любезна Ирину, на семъ свѣтъ, ажъ колисъ замкнуть еиъ очи чужимъ люде, и засыплютъ ихъ землею, шобъ перестали за тобою плати! Бывай мнѣ здорова! — прашай!“

„Нѣтъ, не иди! озвалася Ирина, — уже послѣдній разъ видимоея, — а ты такъ сришь! Пожди! пожди!“

Рѣсьи слезъ перервали еи бесѣду, личко поблѣдало изъ стѣна, а бѣлая рука стисна долоню Остапа, гей-бы боялася лѣжная дѣвнина, шобъ ей не уйшоу. Нимала силы прашатися и розлучитися съ нимъ....

„Осте, Остапе!“ промовила она плачучи: „чому не сотворилъ мена Господь Бъ сиротою бѣдною, яко ты еси! Ахъ, нимаъ пошла бы я за то-“

бою край свѣта, и никто не боронилъ бы меня того; — а теперь — теперь я згину въ тяжелой тоски за тобою... Остап! о, кобикъ то Господь выслушалъ мене, тай дѣлъ меня умерти таки тутъ при тебѣ, — тогда бы мнѣ легче было: ты усыпалъ бы варными руками могилу твоей Ирины!... Ахъ, Боже! умилосердись на де мною!...“

„Не плачь, миленька, не плачь, любезна Ирина! Слезы уже тутъ не поможутъ! Все мае сложится такъ, какъ Богъ призначилъ. У мене нѣтъ силъ, чтобы огойти отъ тебе — однакожь я мушу ити, мушу тебе покинуть, дорога Ирина! Бывай здорова!“

„Я згину, я умру!...“ заговорила вновь Ирина и склонила голову на грудь Остапа. Слезы лилися горячою струею; сердце прошибалъ тяжелый жаль, а передъ очима сталъ ей свѣтъ черный. Ирина упала на колѣна.

Остап побѣдѣ, какъ смерть, стоялъ недвижимый; ино очима блудилъ дико по-за себе; — ни одна слеза не оросила его лице — онѣтилъ — остолбѣлъ.

Въ-тоиъ появился дѣдуны на подворью, и побачавши нашихъ молодыхъ, поспѣшилъ до нихъ, бо догадался всего. Приблизившись къ Ирину, онъ обнялъ ю оmlвшую — и заговорилъ умильно: „А щожь тебѣ, моя милая дитинно, моя ты голубкѣ!“ И поднесъ ей голову, — но отвѣта отъ ей не учулъ... Ирина оmlла:

„Ратуй, дѣдуно! ратуй!“ скрикнулъ Остапъ.

„Иди сыну! иди теперь! она оmlла — ей треба супокою...“

„Ахъ, дѣдуно, дѣдуно! какъ я побѣду! Я вижу ю послѣдній разъ на семь свѣтъ!“

„Есть еще другій свѣтъ, сыну, — тамъ правда и миръ и любовь! Тамъ Богъ и святая Ангелы его влучать васъ на вѣки! Бо надъ сиротю Богъ милосердный безъ мѣры, какъ безмрное небо, що надъ нами!“

Остап уцѣловалъ дѣдуна и Ирину, и отдалившись росплакался въ голось.

Дѣдуны оставъ съ Ирину, — но она была на его рукахъ безъ силы, безъ жгтя. Дѣдуны призвалъ Настуню, мать Ирину, — занесли Ирину до хаты, и уклали на постель. Долго — ажъ до полночи не озвалася Ирина, — на-дбнемъ отворила очи и потлянула дико... Мати, печальна о ю жизнь, роспытвала ю многократно, щѣ ей — чому недужна — чѣмъ ей помочи. — Но Ирина шептала лишь зъ-тиха: „Я бѣдна... ахъ бѣдна!“ и вновь затворяла сонныя очи. Перемогла ю горячка, спалила уста и объявилася сильнымъ румянцемъ на лицѣ, который шо-по-хвилъ на перемѣну былъ то слабшій, то сильшій. Въ часъ той недуги произносила Ирина гдеякю неозумѣдыя слова, и кликала Остапа. — Такъ тревало колька дней...

(Конецъ слѣдуе.)

Науково-белешристочная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 9.

Львовѣ 30. Марта 1868.

РОЧНИКЪ ИИ.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЛУКАВОЕ ДѢЛО ГОДУНОВА И БЕРЕСТЕЙСКА УНІЯ.

Въ то время, коли езуиты въ Польшѣ весьма хитрыми способами добивались до православныхъ Владыкъ Малой Руси, абы при ихъ помощи завести у насъ церковную унію съ Римомъ, случилось также и въ велико-русскомъ царствѣ одно дуже непотышнее событіе, отъ котораго много лиха на Москву мало послѣдовати въ будущности. Видно, Богъ праведный Судія, недеспядимый въ путяхъ своего вѣчнаго промысла, хотѣлъ испытати русскій родъ нашъ еще однимъ тяжкимъ искушеніемъ, щобы оттакъ дорогое покаянiя за грѣхи предковъ нашихъ довести насъ до лучшаго размыслу и омытанья. Затѣмъ то на послѣднихъ годахъ сего 16. столѣтiя князю послалъ. Онъ на насъ язуу уніи, а на озверную Русь великіи бѣдствiя въ родинѣ царской, которыи такимъ ото способомъ начались за владѣнья Феодора Ивановича:

Вмѣсто слабодушнаго и заедно недугующаго Царя Феодора Ивановича управлялъ державою братъ его жены, бояринъ Борисъ Годуновъ, голова Верховной Думы и первый любянецъ царскій. Въ первыхъ лѣтахъ своего управительства Годуновъ впровадилъ дѣло такъ, що вся Русь благословила его высокій умъ и разумныи мѣры, подытаныи для обезпеченiя державы отъ нашествiй всякаго супостата, особливо же отъ хищныхъ Татаръ, которыи за тыхъ часовъ уже ніакъ не смели безпокоити велико-русскіи области. Нарѣдъ русскій въ Москвѣ уже на-всегда освобожденъ былъ отъ страха передъ Татарани, понеже три бисурманскіи державы уже яко поддавчiи области належали до русскаго царства, а отъ Крымскихъ Татаръ Москву на-вруги стерегли сильныи крѣпости и твердыи засѣки, Борисомъ густо на границахъ построены. Такъ за сію благодатную предъосторожностъ, якъ и за другіи добрыи дѣла, произведенныи Борисомъ Годуновымъ для поддѣсенья народнаго быту посредствомъ улучшенномъ господарки, свободномъ торговли и промышленности, иродъ русскій воздавалъ найвысшую честь упр-

вители державы, сему Годунову, величал его щиросердно Ватопшкою Руси. Еще-жь больше полюбила его православная Москва въ те время, коли за его стараньемъ установленъ былъ (въ г. 1589) для Церкви русской особый Патріархъ въ Москвѣ, который своимъ высшимъ достоинствомъ и властію надалъ теперь еще тѣмъ-больше чести и блеску тѣмъ святой церкви якъ и державѣ русско-православной. — Здавалосьъ отже, что така слава и любовь всенародна, якую позыскалъ собою тогда въ русскомъ царствѣ Борисъ Годуновъ, уже мали-бъ достаточны быти навѣтъ и для наиблизшаго честилюбца та и должнъ бы выстарчити ему найкрасшою нагородою на семь свѣтъ до скончанія жизни. Однакожь оно сталося съ Борисомъ не такъ. Бачите, завистный ворогъ людского роду, лукавый духъ гордыни, навѣстилъ его сердце и пробудилъ вконецъ пренебрегчи доброту Руси и любовь народную.

Ото бо, яки то мысли не давали Борису spokoя: бытъ котя и учравлялъ державою цѣлкою по своей воли, однакъ не своимъ именемъ; котя и стоялъ выше всѣхъ русскихъ людей, однакъ всевокорно бытъ Царь немолъ, яко его подданный. Онъ чувствовалъ и видѣлъ, что есть мольто Царемъ въ державѣ, а на дѣла ни по имени Царемъ не пишется, ни Царемъ его не кличуть. Мысль о царскомъ престолѣ и о самодержавной власти закрамась въ его голову и засла въ ней на ширшо. Добратиса до престола — была свирва не легка, однакъ все: такъ не то, щобъ совсѣмъ не возможно. Царь Феодоръ былъ наменный, не долговечный, до тогожь и бездѣльный, а Царица была Борису сестра и уснала бы много ему помогчи. Дорога къ царскому престолу такъ и мерещилась Годунову, такъ и манила его, — и только одна торчала водика на шей черепома: Царевичъ Димитрій. Борисъ Годуновъ полежа въ мысляхъ своихъ: избавитиса отъ той докучной пережома.

А былъ сей Царевичъ Димитрій тогда прекрасный 10-лѣтній мальчикъ, и жилъ подъ опякою матери своей Царицы Маріи въ городѣ Угличѣ, куда засла ихъ Годуновъ нарочно для того, щобъ въ отдаленнѣи отъ Москвы тѣмъ складнѣише подалось ему свершпиви дѣло, которое свѣла Божого боялось. А однакъ хотя мальчикъ Димитрій проживалъ съ матерію въ скрытомъ закутѣ Руси, моль-бы на изгнаніи, но всежь тѣмъ видный былъ онъ для народу, уже самимъ своимъ царскимъ родомъ, та и дѣла Русь уважала его наследникомъ престола, а тѣ тѣмъ варнѣише, що старшій его братъ, Царь Феодоръ, былъ недугующій и бездѣтень. — Тожъ ятъ-бы отъ удару грома потряслася вся русская земля, коли въ мѣсяци Маѣ 1591 г. рознаслася отъ Углича ужасная вѣсть, що Царевичъ Димитрій тамъ-же — убитъ. Царица Марія и все люде въ Угличѣ знала о томъ точно, що Царевича

зарезали ножемъ три служальца Бориса, надосланныя изъ Москвы, та зарезали власно въ той хвиль, коли Царевичъ врызъ съ своею нянею выходилъ изъ царскихъ хоромбъ поигратисъ на подворью. Народъ въ Углича сейчасъ по томъ страшеномъ злочинствъ кинулся даже на тыхъ убийцѣвъ, и таки на мѣсти ростерзалъ ихъ на куски, увѣдавши отъ нихъ еще передъ ихъ смертію, що на то лукавое дѣло ишли они приказъ отъ Бориса Годунова.

И вѣсть тая о убійствѣ Царевича Дмитрія вскорѣ донеслася до самого Царя; однакожь постарался о то Борисъ Годуновъ, шо Царь о событію въ Углича не увѣдалъ правды. Коли бо прибылъ до Москвы изъ Углича гонецъ съ письмомъ отъ начальныхъ Угличскихъ людей, которы въ томъ-же письмѣ доносили Царю о всемъ дѣлѣ безъ утайки: то Борисъ Годуновъ перехватилъ гонца, отобралъ отъ него письмо, а вмѣсто сего написалъ другую грамоту, поддѣлавши на ней и подписи Угличскихъ начальниковъ. Въ той грамотѣ говорилось, шо будто Царевичъ въ нападѣ падучой недуги самъ закололся ножемъ, и шо вина того несчастья наибольше падае на Царицу Марію, понеже она не доглянула недужного дитяти. Грамоту сію Борисъ самъ занѣсъ къ Царю; Царь горько заплакалъ, но всему повѣрилъ, сказавши жалобно лишь то: „Да будетъ воля Божя!“ — Послеъ того Борисъ Годуновъ, видячи, шо дѣло въ Углича не цѣкомъ ему удалося, повѣже Царица Марія и всѣ Угличане остають живыми свидками противъ него, задумалъ привести еще и тыхъ свидковъ на вѣкъ до молчанія. Въ той цѣли быъ, забывши уже страхъ и судъ Божій, послалъ своихъ доверенныхъ бояръ въ Угличъ будто на слѣдствѣ, а властиво на укаранье всѣхъ тыхъ людей, которы о убійствѣ Царевича знали говорить саму истинную правду. Повѣренники Бориса поступили такъ, якъ имъ было приказано: Царицу Марію насильно постригли въ монахиню, и переименовавши ю Марѳою, затворили въ монастырь; братьей ея, князей Нагихъ, розослали въ дальній города Руси, а придворныхъ людей Царицъ заключили по вязницяхъ; Угличанъ же 200 душъ казнили смертію, другихъ отрезали языки, иныхъ засадили подъ стражу, а наибольшую часть загнали на Сибирь. — Въ того часу городъ Угличъ цѣкомъ запустилъ.

Весь той неправый судъ на рѣдинѣ Натихъ и на Угличаныхъ якъ и успокоилъ на время затревоженную душу Годунова, но быъ и ѿ обвинулъ народа. Народъ зналъ, шо Царевича Дмитрія велель убити Борисъ, и не простилъ Борису того злочинного дѣла. Любовь народна для Бориса уже на-всегда устала, и не было вже для него въ мирѣ русскомъ широко-преданной души ни дружеского сердца. Зъ той поры во всякой бѣдѣ народной ставалъ Годуновъ хотъ и безъ вины на-скрѣзь виноватъ. Такъ въ лѣто по убійствѣ Дмитрія поторѣла

Москва: Борисъ забудовалъ на-ново цѣлыя улицы, раздавалъ погоральцямъ гроши и льготныя грамоты, а народъ таки говорилъ, що Москву западалъ Борисъ, щобы потомъ ласками задобрить народъ Руси и не пустити Царя въ Угличъ доходити правды. Знову потомъ Крымскій ханъ вдерся разъ случайно въ предѣлы Москвы: Борисъ якъ-стбѣй прогналъ Крымского хана, а все таки говорилось въ земли русской, що Борисъ самъ напровадилъ Татаръ на Москву, боичись ем за убійство Царевича. Потомъ у Царя Феодора народилась донька Феодосія, но за годъ умерла: въ Москвѣ толковали, що уморилъ ю Борисъ. Наконецъ, коли и самъ Царь Феодоръ Ивановичъ западалъ чѣмъ-разъ больше на здоровью и майже не оставялъ ложа болѣзни, то и тутъ русскій народъ не-доброшъ згадавъ про Бориса: говорено бо въ Москвѣ всенародно, що се Борисъ позбавляе Царя жизни. — Такъ убійство Царевича Димитрія не пройшло Борису даромъ. Онъ житьемъ цѣлою родины своей заплатилъ за свое страшное преступленіе, и Богъ Святій знае, якъ то еще нымъ душъ его на тамтомъ свѣтъ!...

Такую то пору, коли Царь въ Москвѣ уже близкій былъ смерти а наследника зъ его роду нестало ніякого, — такую пору выбрали собѣ езуиты въ Польшѣ для окончательного роздѣленья Малои Руси отъ Великой за посредствомъ церковной уніи съ Римомъ. Уже бо отъ г. 1593 имали они до того дѣла свого двоухъ самыхъ способныхъ сотрудниковъ, якими именно были русскіи Владыки Кирило Терлецкій и Ипатій Поцѣй. А зъ тогожъ самого года ихъ Польша уже и не мала чога боятись ани козакѣвъ украинскихъ, бо по несчастномъ розбитію Косинского подъ Пяткою поставлена была на Украинѣ цѣла лядца армія, котора стерегла всякіи будъ найменьшіи движенья козакѣвъ и не давала имъ ни на-ново въ полки устроитись ни выбрати старшинъ и нового Гетмана. Такъ и дали теперъ езуиты польскіи знакъ обоцъ своимъ сотрудникамъ-Владыкамъ, абы тѣи чѣмъ-скорше принались за роботу, понеже часъ до того на всѣ боки спріяе якъ наилучшій.

Повидаючи понуканью Ляхѣвъ и ксендзѣвъ-езуитѣвъ, Терлецкій и Поцѣй побудили Митрополита Рагозу, що тойже въ г. 1595 созвалъ до Кіева всѣхъ Владыкъ нашихъ на духовный Соборъ, заявляя въ своемъ возваніи, що будьто на Соборѣ буде рада о томъ: якъ бы помогчи нѣкоторымъ нуждамъ православной Церкви, и якъ бы добыти разъ для русскихъ Владыкъ такіи-же права, якихъ уживають латинскіи бискупы въ Польшѣ. — Была бо изъ давныхъ часѣвъ така установа въ Польшѣ, що всѣ Святители-Епископы мали право засѣдати и радити аъ державномъ Соймѣ; тое же право хотя въ засадѣ прислужало такожъ и русскимъ Владыкамъ, именно зъ того времени, якъ русскіи земли прилучены были до Польши, однакожъ нанове Ляхи

увѣли дѣло такъ провадити, що мимо королевскихъ привелебъ; заиручяючихъ православною вѣрѣ зовсѣмъ рѣвнии права съ католицкою, таки ни одинъ Владыка русскій не былъ допущенъ до державного Сойма. И хотя Святители наши часто упоминались у Польши о тое важное для нихъ право, однакъ упоминались они о се не соборно (не въ вкупѣ), но поединоко, каждый за себе по-особно, та и въ тои-то — здавалось — была вся причина, що справедливыи ихъ домагательства не были увзгляднены Польщею. Затѣмъ-то наши Владыки, призванныи въ г. 1595 Митрополитомъ Рагозоу на Соборъ до Кіева, всѣ охотно спѣшили туда, надѣючись, що ихъ требованія, коли разъ уже будутъ списаны соборно, несомнѣнно найдутъ послухъ у Сойма и у короля Польши. Такою надѣею были исполнены именованніи Владыки, которыи еще ничего не знали о властивыхъ замыслахъ Поцѣя и Терлецкого, а вѣрили лише запросительному письму Митрополита Рагозы, толкующому о цѣли Собора самымъ начестнѣйшимъ способомъ.

Явились отже на той Соборъ въ Кіевъ слѣдующіи Владыки: Митрополитъ Михаилъ Рагоза, Архіепископъ Ермогенъ изъ Полоцка, Епископы же: зъ Владиміра Ипатій Поцѣй, изъ Луцка Кирилъ Терлецкій, изъ Львова Гедеонъ Балабанъ, зъ Перемишля Михаилъ Копыстинскій, зъ Холма Денисъ Збируйскій и зъ Пинска Леонтій Пелчинскій. Такъ всѣхъ собравшихся Владыкъ было въ Кіевѣ 8; девятый изъ полного числа, Могилевскій Епископъ, не явился зъ той причины, понеже не признавалъ надъ собою ніякой инной власти, лишь одного Патріарха православныхъ въ Москвѣ. — На тои-то Соборѣ Митрополитъ Рагоза заявилъ прежде всего, що Епископы Поцѣй и Терлецкій имѣють полновластіе отъ короля Польши предложити одно внесенє, которое якъ найбільше достойно естъ увзглядненія. Тогда Терлецкій, забравши первый голосъ, сталъ широко толковати о томъ, якъ то недогодно для Руси, въ справахъ святой Церкви относитись до Цареградского Патріарха, который жіе въ державѣ, черезъ невѣрныхъ занятой; оттакъ указатъ отъ на католиквѣ, яко ниъ добре дѣється въ Польщѣ черезъ то, що они мають своего голову въ Римѣ, где не владѣють нехристы-Турки. Дальше заручалъ отъ, що Соймъ и король Польши признали бы также русской Церкви всѣ права и привилеи, якіи до-теперъ прислужали лишь католикамъ, если бы только русскіи Владыки отреклися отъ Цареградского Патріарха, а признали надъ собою найвышшую власть папы римского. Въ-конецъ поставилъ отъ таке внесенє: написати соборно смиренную просьбу до короля и до папы римского, абы они приняли русскую Церковь подъ свою опѣку, и такъ абы завелася на Руси церковная уніа съ Римомъ — На саме слово уніа поднялися два Владыки наши, Львовскій Бала-

баяъ и Перемыскій Копыстинскій, съ негодованіемъ противу Терлецкаго, и особливо первый сталъ основно доказовати передъ Соборомъ: що черезъ принятіе уніи съ Римомъ Русь нема ничего добраго не скорыстае, бо Ляхи заробяно остануть и на-дадъ несправедливими для Русинѣвъ, чи то православныхъ чи уніятѣвъ, хибань бы Русины коли здѣлались ажъ на-скрѣзь Ляхами; дальше пригадоваль тойже Епископъ Балабанъ, що уже три уніи заключались съ Польшею, а кожда зъ нихъ все лишъ бѣльшу и бѣльшу бѣду наводила на народъ русскій, такъ що по всей Руси само имя „уніи“ сталося мовъ-бѣ найстрашнѣйшою клятвою, отъ якої всякій Русинъ якъ отъ моровой язвы во вѣкъ избѣгати буде. Наконецъ заявилъ смѣлый сей бесѣдникъ, яко русская Церковь есть на стѣлько сидѣща, що опакъ надъ собою ни отъ Польщи ни отъ Рима не потребуе, а отлученъе еи отъ Царградскаго Патріарха назваль бѣтъ просто измѣною Іуды, зрадою противъ русскаго народа и противъ всей ея Исторіи, такъ церковной якъ и гражданской, надъ которою строгимъ Судією вѣчно есть самъ Господь всевышній.

Послѣ такого рѣзкаго заявленья противъ уніи, Терлецкій и Поцѣй устрашилися свога власнаго дѣла, а то тѣмъ бѣльше, що вѣдали они надто добре, якъ дуже народъ русскій ненавидить якую-нибудь унію съ Польшею, и яка то трудна справа съ тѣмъ народомъ, если кто осмѣлится подобнаго рода унію Руси накидати. Мѣркуючи при томъ, и се на Соборъ, що также другіи Владыки наши бѣльше таки готовы ити за унимъ Епископомъ Балабаномъ, чѣмъ за ними двома, они сей-же часъ подобрали свѣій хвѣстъ пѣдъ ноги, и прилучившись будто цѣлкомъ до мнѣнія Львѣвскаго Владыки, пустились на круту дорогу обманства и езуитскои лести. Тогда то хитроумный Поцѣй сталъ за-ручати якъ найторжественнѣйше, що о уніи съ Римомъ — сохрани Боже — ни бѣтъ не думаетъ ни другъ его Терлецкій; а только предлагаютъ они оба то, що вѣдай есть и цѣлю Собора и на що всѣ Владыки несомнѣвно згодятся: абы написати просьбу, одну до короля, другу до Сейма Варшавскаго, чтобы русскіи Святители допущены были засѣдати и радити въ Сенатѣ. При томъ извѣстивъ Поцѣй, що понеже самъ бѣтъ и другъ его Терлецкій заразъ-же на другій день отправляются въ дорогу до Варшавы, то наилучше было-бъ таковыи просьбы черезъ нихъ-же туда переслати. Всѣ Владыки, навѣтъ Балабанъ и Копыстинскій, не подозрѣвая въ томъ ніякого обмана, згодилися безусловно на се предложенъе Поцѣя, а понеже часъ до списованья просьбъ былъ уже надто короткій, то всѣ они дружно уловилися такъ; абы самы тиже два Епископы, которы здутъ въ Варшаву, списали онымъ просьбы въ такѣмъ точио змыслѣ, яко предложилъ Поцѣй. Для той-то цѣли принесено два листы чистаго паперу, тащъ зваными бланкеты

(на протрѣсѣхъ просьбы мали списатися), а въ Владыкъ на тыхъ-же бланкеткахъ, у споду подписали власноручно свои имена; такъ, какъ се замѣтно на такого рода поданьяхъ имена просителей вънизу издписуются.

Взявши тѣхъ бланкеты, Поцѣй и Терлецкій жъ райсердечнѣе попращались съ братією Владыками, та же другой день уехали изъ Кіева. Вскорѣ они въ самотъ дѣль явились въ Варшаву, и тутъ при помощи друзей своихъ езуитовъ описали на чистыхъ двухъ бланкетахъ въ самотъ дѣль прошеніе отъ всехъ русскимъ Святителемъ, тамъ-же у споду подписавшихся, однакожъ списали тѣхъ прошеній цѣлкоу не въ такомъ змѣслѣ, яко на Кіевскомъ Соборѣ были уговорились, и то одно до короля, а другое не до Сенату, но до — папы римского. Въ этихъ прошеніяхъ Поцѣй и Терлецкій, исполняя найчорнѣйшую извѣсту рускомъ православной вѣрѣ и рускому роду, заявили отъ имени всехъ Владыкъ и наряда Руси, що ибдвергаютъ нашу свату и православную Церкву въ у ибдн омія папы римского, и затѣмъ просятъ я в (благше, тутъ еще треба было еще проситися) тогоже папу, абы днѣхъ принявъ о насъ: русскій народъ подъ себе въ службу, и словомъ, абы всечаснѣйше дозволилъ называть на насъ Русинѣвъ у нѣмъ съ католиками и езуитами. — Якъ днѣхъ въ Варшавѣ доведальсь палево Дяки, яну, то просьбу до короля и до папы уложилъ Поцѣй и Терлецкій сайчасъ кинулись обнимати этихъ двухъ сердечныхъ прѣтелей своихъ, а цловатися съ ними, а обносити ихъ со славою и воскликани радости по мѣстѣ, ивъ здавалось, якобы въ сей дѣнь Польща всѣ торжествовала найсвятѣйшу яну побѣду, покоривши будѣто на вѣницкѣй великій народъ святой Руси. Самъ король Жигментъ III не могъ до смѣхъ натѣшится Поцѣемъ и Терлецкимъ, утешалъ ихъ, притумалъ до сердца, голубилъ, якъ-бы наилучшихъ своихъ любимцевъ. Наконецъ, коли вже недарная утѣха насытила всехъ ажъ до истощенія, езуиты дѣцкіи та и самъ король стали усильно просити Поцѣя и Терлецкого, щобы они тую-же радость, яку справили въ Варшавѣ, особисто перевезли ажъ до Рима, где самъ-же папа римскій не воздержится отъ чувствъ восторга, якъ скоро зъ ихъ-же власныхъ устъ учуе садѣдкую вѣсть о подданью Руси нашей въ его службу.

Поцѣй и Терлецкій не дали Махамъ долге проситися, бо мркували собі, що се дѣя для нихъ-же самыхъ наибольша буде корысть, если переняи отъ всей Руси они ибдвергнутся подъ ноги папы римского, постановили якъ-стой похватити до Рима, абы лично зложить тамъ оный второй записанный бланкетъ просьбы, увезенный ними отъ владычого Собору, въ Кіевѣ. Одержавши затѣмъ подорожницъ гроши отъ короля дѣцкого и благословеніе на дорогу отъ епископовъ-езуитовъ, они на-

скоро отправились до Рима, куда и прибыли въ мѣсяцѣ Ноябрьн г. 1595. — Въ Римѣ ксендзы латинскіи и всякіи мнѣхи, которыхъ тамъ больше душъ, чѣмъ войска и свѣтскаго люду, приняли ихъ съ процессіями и запровадили до роскошной господа, где и кормили ихъ великими сластями, та дорогими стравани, приготавлиа ихъ черезъ цѣлый мѣсяць до приличногo предстанія передъ престолъ папы римскаго. — А былъ тогда нашоу въ Римѣ Климентій VIII, и той хотя въ сіе время не малъ съ жаднымъ сусадомъ ни войнѣ ни якои другой важной справы, но его кардиналы (бачишь, жайстаршіи бискупы-слуги панскіи) черезъ цѣлый мѣсяць не допускали нашихъ двоухъ Владыкъ до палаты належа, даючи тѣмъ самымъ почувствовать имъ, яко то не легко хотѣ якимъ достойникамъ Руси поступити въ слуги римскаго сватителя. Черезъ той мѣсяць своего побыту въ Римѣ Поцѣй и Терлецкій учились всякикъ церемоній, якіи належало имъ выконати при встрѣчи съ папоу, и за тойже часъ они уложили собѣ на письмѣ тѣи условія, подѣ якими хотѣли были навязати Руси нашоу унию съ Римомъ. А якіи вѣже и бѣдали они люде на-скрѣзь переданныи Ляхамъ и езуитамъ, однакожь коли тѣмъ въ Римѣ молилися еще по православному (лиши латинской они бачишь правити не знали), то таки чи объявля ихъ своейскій духъ родивный отъ святой Руси, чи може охватилъ ихъ сердца якій-то страхъ передъ гнѣвомъ сего православнаго духа Руси, та они затѣмъ списали вамъ условія униі, въ которыхъ по-правдѣ сохранилась гдѣяка любовь для святой русскои Церкви.

Послѣ цѣло-мѣсячнаго ожиданія въ Римѣ наши два Владыки наконецъ допущены были до палаты Ватиканской, где посередѣ провѣхбѣ и блесну міра сего жіе папа римскій. Былъ то день Суботній, 23. Декабря 1595 г. Поцѣй и Терлецкій, проводимыи кардиналами, вступивши въ престольную комнату и увидѣвши изъ-далека папу, поверглися у самыхъ дверей плазомъ на землю; одержавши же повелѣніе встати и приступити къ его престолу, въ другой разъ съ такинь-же смиреніемъ и страхомъ пали передъ его стопы и поцѣловали сапогъ на носѣ его, сперва Поцѣй, а потомъ Терлецкій. По совершеніи сего обряда, подали они папѣ привезенную съ собою грамоту, которая на-передъ перечитана была въ явищѣ рускомъ (по русски бо она и была вся списана), а потомъ переведена для врозумѣнія папѣ на языкъ латинскій. За тѣмъ они перечитали передъ папоу свои условія, подѣ якими до униі съ нимъ приступити рѣшились. А были тѣи условія отъ такіи: 1) дабы таинство святого Причастія, яко православныи Христіане досель употребляли подѣ обома видами хлѣба и вина, всецѣло и ненарушимо хранилось, а рѣвно и таинство Крещенія безъ всякой перемены по православному уставу во вѣкъ бы осталось; 2) дабы вся греческіи

церковныи обряды, якъ всегда совершались въ славянскомъ языкѣ, остались по вышнимъ часамъ точно сохранены, зарѣшано и всѣ греко-русскіи праздники и свята въ ничѣмъ абы не измѣнялись; а также абы не принужданы уніятѣвъ-Русинѣвъ ни до крестного ходу, якій въ свято Божого тѣла у латинникѣвъ бывае, ни ко освященію огня передъ праздникомъ Пасхи, по обычаю латиникѣвъ, ни загаломъ не привождутъ ихъ до никакихъ другихъ обрядѣвъ, яковыхъ нѣтъ въ греко-православной Церкви; 3) дабы не нарушати церковныхъ уставѣвъ, порядковъ и зычавѣвъ, якіи на Руси зъ давнихъ-давенъ были для Владыкъ, ихъ Соборѣвъ и для всего духовенства; 4) дабы законную женитьбу русскимъ священникамъ оставити безъ перемѣны, исключая двоеженство; 5) дабы русскіи Владыки не были обвязаны ани вздети въ Римъ за подтвердительными на епископство грамотами, ани платити за тѣ грамоты акую-будь дангину. — Кромя сихъ условій, которыи впрочемъ поданы были также на висьма, Поцѣй и Терлецкій осмѣлились предложити еще одно требованіе, а то таже: абы папа римскій постарался выеднати у короля Жигмонта III для всѣхъ Епископѣвъ, до уніи приступающихъ, мѣстце и голесъ въ Варшавскомъ Соймѣ, такъ яко се мають и бискупы латинскіи. . . . Колько послѣ того папа римскій заявилъ нашимъ Владыкамъ, что всѣ ихъ условія принимае и подѣ святою клятвою сохраняетъ ихъ для уніятѣвъ обвязуется: тогда одинъ зъ кардиналѣвъ папскихъ сталъ читати по латинѣ доугую роту присяги, яка для ново-приступающихъ уніятѣвъ въ Римъ нарочно была уложена. Въ сей присяжной рѣчь прешироко толковалось о томъ, яко папа римскій — понеже есть (имѣетъ) Христа и наслѣдникъ Апостола Петра на земли — муситъ быти первый и единый голова во всей вселенной, а до того и непограничный; и яко лише тая вѣра и тая церковь, въ которой онъ головою величается, есть едино правдива и веде едино до спасенія. На тую то присягу подписались — сперва Поцѣй, а потомъ Терлецкій, заявляя притомъ по кілька разы такъ самому папѣ яко и его слугамъ, що они въ папу римского и въ папешскую вѣну наскрозъ вѣрують. — По исполненію тѣхъ взаимныхъ увѣреній и записканій Поцѣй и Терлецкій повторили передъ папою еще разъ всю церемонію колынопреломленія и ного-цѣлованія, а потомъ вернули назадъ до своей господои въ мѣсто. — Передъ ихъ отъездомъ изъ Рима папа Климентій VIII приказалъ на памятку томъ уніи Поцѣя и Терлецкого выдѣлати искусный медаль изъ мѣди и всякой инной бляхи, и роздати тойже помощи найверѣйшихъ слугъ своихъ для милон згадки о покоренію Руси. На онѣмъ-то медалью представлено было въ одной сторонѣ погрудіе (образъ по грудь) папы Климента VIII, а на другой сторонѣ изобразенъ тойже Климентъ, сидящій на тронѣ, а у его ногъ лежащій плазюкъ русскій Вла-

дима въ греческихъ ризахъ, съ бородою, походящій въ лица на Царя. На тойже медаль была латинская надпись: *Ruthenia receptis 1596* (т. е. на воспріятіе Русинѣвъ, мовъ-то воспріятіе поерженного у нѣтъ польскихъ Поля). . . . .

Въ первыхъ дняхъ 1596 г. Поцѣй и Терлецкій, попрашавшия съ Римлянами, уехали назадъ до Польши. Прѣзжая черезъ Краковъ, они тутъ уже яко унїаты правили свои набоженства въ достоянствѣхъ купъ съ польскими коендванъ, та вже и въ мѣстнѣхъ своихъ кликала имя папы римского. Частѣйше гавать, кѣмъ самымъ латинскими, стареючися черезъ то показати изряднѣйшую приверженность свою для Рима передъ всею Польщею. Радость Ляхѣвъ, а особенно мнѣхѣвъ свунтскихъ была въ того поводу безъ трагиды; тутъ бо то они на Помяю и Терлецкомъ въ первый разъ бачили наладно, яко „Русинъ и Полякъ — то мнѣство одно!“ Польски латинскѣ въ своихъ исторїяхъ описана то событіе яко найславнѣйшую победу католикомъ Польши надъ православною Русію, а латкїи пренепрѣци величави и подъ небеса возносили тое чудо, ему же имя: унїа.

Однакожь — яко всякая радость на томъ свѣтъ мнѣ-идеть, а всякое величіе міра есть ничтожно: такъ было и съ тою радостію та величавіемъ унїа Поцѣя и Терлецкого. Ледва бо первая вѣсть пронеслася въ Русію, оубо, что то за штуку удали они два отступники святого православїа, якъ сейже часъ поднялся проливу мнѣхъ грозныи тогда въ цѣломъ русскомъ мірѣ, и повстали на нихъ съ наибольшимъ обуреваніемъ не токмо духовными, но и свѣтскїи высокіи достойники. Изъ числа духовныхъ найгрознѣйше выступилъ Львовскїи Епископъ Гедесидъ Балабанъ, мужъ свѣтлого ума и доброго имени у православныхъ Той Владима: еще тогда, якъ Поцѣй и Терлецкій въ Римъ не вернули, выдалъ отъ себя пастырское письмо до вѣрныхъ надъ Церкви русской, въ которомъ передъ цѣлою Русію роснѣвъ оную исторїю о прелуканомъ обманетѣ Поцѣя, и пополненномъ на благовѣстїахъ Кіевского владычюго Собора, а дальше заявилъ всенародно такъ: „Сїи два предатели, Поцѣй и Терлецкій, дерзнули безъ вѣдома и согласїа народу и духовныхъ властей клятво-преступное учинити отступленіе отъ прслушанїа истиннаго своего Пастыря, Патріарха въ Цароградѣ; откуда вся Русь ваша пресвѣтилась крещеніемъ, приведена къ познанію Евангелїа, и сверхъ шести сотъ лѣтъ управляема была посвященными тамо единими другими Митрополитами. А отступники тїи прїняли во всемъ римскую вѣру, оставивши лишь для виду одни греческіи обряды въ церемонїи, до когорыхъ и сами не весьма привержены. Я же извѣщая клятвоенно, яко ни я, ни другїи Святители русскїи никогда во томъ не шески: ни до коралъ, ни до калъ римского, а если таковыи писана

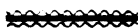
ныя написаны и отъ всахъ полани, то сѣе учинило Поцзя, коварно и издѣйнически, — Письмо тое Епископа Балабана розсѣдано было во всѣ отороды Руси, и власце въ тойже часъ, коли Поцзя и Терлецкій, повертая изъ Рима, радовались съ Ляхами въ Краковѣ, уже цѣла Русь точно знала о томъ, какими то дорогами баукалися они, чтобы дойти до унѣ.

Понятно изъ сего, що письмо Балабана, розсѣрившее всю тайну поганого езуитскаго подвига, поразило Поцзя и Терлецкаго мольбы, громомъ зъ неба, та не дало имъ вже докончати посередъ Ляховъ веселого дикованія и триумфу. Однакомъ и се навѣть письмо, которое могло бы до смерти загрызти двоихъ оныхъ людей, естество была у нихъ совѣсть и якоесь чувство чести, — се письмо было что начадомъ безконечныхъ бѣдъ, якіи на Русь для нихъ теперь заготовилася. Кроме бо Епископа Балабана выступилъ противу нихъ, еще знакомиціи бо рать, а то найславнѣйшій мужъ русскаго роду, воевода Киевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій. Сей то князь, хотя що-ино передъ двома лѣты спасъ корону польску отъ погибели, побѣдивши Гетмана Косинскаго пѣдъ Пяткою, сталъ теперь самъ такимъ же небезпечнымъ противникомъ Польши, яко бѣдъ Косинскій. За сихъ бо двоихъ лѣтъ, не битвъ пѣдъ Пяткою, увѣрилася князь Острожскій до-статочно, яко велике здымадъ бѣдъ дурачество, именне тѣмъ, що для спасенія Польши розгромилъ рѣдныхъ братьевъ, козаковъ, которы дѣлалася было за Русь, и за святое православіе. Видѣлъ бо той князь теперь наглядно, якъ Ляхи и езуиты по усмиренію Украины власце съ тѣмъ бѣднѣю дѣрастоію дриналися за роботу, абы змивечити святу Русь, позбавляя ей вѣры православной. А якъ и предащій былъ тойже князь особъ польскаго короля, которому обѣщавалъ вѣрно цѣлу жизнь служить, однакъ еще бѣднѣе надъ свою жизнь, любилъ бѣдъ святу православу вѣру, въ которой родился бѣдъ и котору всецѣло и коварничице завѣщалъ ему сохранять до смерти отенъ его Константинъ, потомокъ славнаго роду равноапостольнаго Князя Владимира. Тожъ не было другого вельможи въ земляхъ русскихъ, который бы надъ поступками Поцзя и Терлецкаго бѣднѣе огорчился, якъ сей князь Острожскій; и бѣдъ то рѣшился теперь отверто и грозно станути на чело всахъ завзятыхъ противниковъ унѣ, т. е. именне всахъ православныхъ Русинѣ. Яко голова княжескихъ родовъ Русь, яко докровитель и старѣйшина найславнѣйшихъ Братствъ церковныхъ русскихъ, яко высокій достопыникъ и сенаторъ королевскаго Сейма, наконецъ яко найбогатшій вельможа въ державѣ (въ три разы богатшій отъ омаго короля Польши), князь Острожскій вполнѣ былъ мужъ до того способный, абы стояти на чело цѣлого народа.

Затѣмъ князь Острожскій, призвавши до себе въ замокъ на Острозѣ гдѣкихъ найзнакомѣйшихъ вельможъ а къ тому и найславнѣйшихъ сего времени ученыхъ мужей русскихъ, началъ свое дѣло противъ уніи отъ того, що розслалъ отъ себе до всѣхъ Братствъ церковныхъ и до православнаго народа грамоту съ такимъ заявленіемъ: що быъ стае въ оборонѣ святого православія противъ ухищреній уніи Поцая и Терлецкого. Въ тойже грамотѣ пояснялъ князь Острожскій и тое народу, що хотя бы и всѣ русскіи Владыки задумали принять унію съ Римомъ, то ихъ поступокъ никакъ не обовязуе свѣтскихъ людей и всего народу, понеже такъ важное дѣло, яко есть измѣна вѣры, не може совершитись безъ воли, безъ участія и согласія народу. Кроме того въ такой справѣ має еще послѣдній рывительный надъ всеми голосъ Патріархъ въ Цареградѣ, которому православныи Владыки Руси, а за ними все духовенство и цѣлый народъ русскій присягли вѣчно пребывать въ православіи, а кроме Христа Спасителя не признавати никого другого святымъ головою Церкви. Въ заключеніи князь Острожскій, выражаясь еще разъ съ негодованіемъ о обманствѣ и зрадѣ Поцая и Терлецкого, изъявилъ во всеуслышаніе народу: „Я же изъ моей стороны якъ никогда не думалъ о соединеніи съ Римомъ, и яко отъ роду подобное ухищреніе и въ мысль мѣнь не приходило: такъ и до скончанія жизни противъ уніи протестую, не приѣмлю ей и на всегда отвергаю. Тако да позоужетъ Богъ мѣнь и всему православному народу греческой вѣры въ земляхъ русскихъ!“

Послѣдуючи примѣру благочестиваго князя Константина Острожскаго, и маючи такъ важнаго для себе защитника, возстали противъ уніи также и другіи вельможи, бояре и именитыи люди русскіи, якіи лишь остави еще тогда вѣрны православію, та всѣ они толковали о Поцая и Терлецкомъ, яко-бы о найподлѣйшихъ злодѣятеляхъ и извергахъ человеческого роду. Мѣщане же наши а сельскій народъ весь, также и все низшее духовенство ани слухати не хотѣли ничего о той уніи съ Римомъ; и выразно се записали наши лѣтописцы того времени: що якъ где въ якомъ мѣстци собралися русскіи люди для розговора, а кто-нибудь выголосилъ одно только имя уніи, заразъ всѣ отворачивались отъ того съ недовольствіемъ и гнѣвомъ, якобы при появленіи духа злобы и неправды. А що до нашихъ козаковъ украинскихъ, то тіи власне въ сіе время ажъ ожили житіемъ новымъ на самую згадку, що зъ причины уніи прійдется имъ знову выступити до дѣла противу Польщи. Они то выглядали лише поры-времени, коли піднялися въ походъ на помочь православныхъ и князю Острожскому.

(Далше буде.)

ДВѢ МОГИЛЫ.

ПРАВДИВОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

(Конецъ.)

VIII.

Въ тыждень послѣ заведужанья Ирины зазвонили звонъ въ капищѣ на кладбищи, — а подъ великимъ крестомъ выкопали первый гробъ. Видно, ктось утрудился въ семь житью, прійде ту на спочинокъ — далеко отъ села и людей, подъ покровъ распятаго на крестѣ! Вѣчная ему память!

На знаемомъ намъ подвѣрью собралось множество людей, всѣ по праздничному прибранныи, съ горящими свѣтлами въ рукахъ, — а отъ хаты шесть чорныхъ воловъ тягнули погребовый вѣзъ. Передъ возомъ ишли паробки и несли трунну. Первый межъ ними былъ Остапъ, сумный, блѣдный и кѣтый яко той гробъ.... Въ труннѣ лежала Ирина. По обычаю трунна не была затворена, видно было прекрасное, но совсѣмъ изблѣдое лице Ирины, косы роспущенны спадали на рамена, зеленый вѣнчочекъ красилъ ей чело; руки зложенны на грудь, а въ рукахъ крестикъ съ распятіемъ.

Тужъ за трунною ишли родичи и родина; мати заводила дивными голосами жалобы за утратою дочкы, сродники подвлади жалъ и роспуку печальной матери, плакали въ годось, а съ ними весь народъ того села....

Солнце клонилось къ западу, коцъ спустили трунну до гробу; — а коцъ первая задудила грудка на домовина, зойкъ и плачь матери розлягался по кладбищи — всѣ заплакали надъ нею... Одинъ Остапъ не плакалъ; онъ будто не чувствовалъ ничего. И еще разъ звернули люди очи свои на гробъ, надъ которымъ уже уросла могила — и еще разъ зирнула мати и всѣ съ нею за помершою, змовили послѣдню молитву, и розойшлися домомъ. Одинъ Остапъ лишился на кладбищи. Сумный, блѣдный яко смерть, онъ усѣлъ на могилѣ, подперъ голову рукою, послѣ склонился на могилѣ и шепнулъ: „Моя мила.. моя любезна....“

Проминуло сѣдѣлка дней по томъ жалостномъ похоронѣ, но за Остапа не зналъ никто ничего, не мовилъ никто ничего; бо кокого обходило тѣр, где Остапъ, або що онъ робить? Ажъ одного дня прибѣгъ сторожъ отъ кладбища до двора, и ознаймилъ панови, що лежить тамъ якійсь молодой человекъ дуже хорый. Добродичинный панъ Станиславъ удался съ сторожемъ на кладбище, и уарылъ Остапа сидящего на могилѣ, приспавующего хриплымъ голосомъ псалъ улюбленную Ирину.

„Человекъ той, рекъ сторожъ, сидитъ ту неотступно уже кѣлька дней, не асть ничего, и не хоче ничего пріймати,“ — и закливалъ Остапа по имени,

„Не будать Ирину, не будать!... най спить!...“ озвался Остапъ дикимъ голосомъ.

„А встань-но хлопче! маю тобъ що сказати!“ заговорилъ добротливый панъ Станиславъ.

Молодой сирота поднесъ голову, розгорнувъ рукою кучерявый волосъ, и спозрвалъ сумнымъ, но слабымъ окомъ въ-около.

„Дяду, дяду! мовилъ Остапъ: а дивять дяду, моя мила убрана уже до слюбу!... розпустила косы, тай вложила Зелений вѣночокъ... А свѣтла такъ много въ хатѣ! а все блѣде!... А чуєте, дяду!... мати плаче... люде насъ розлучають... Вы знаєте, я сирота... самъ одинъ якъ былинка — самъ... мене розлучили и вытругили прочь отъ людей... якъ листокъ отъ трепети, що его втеръ занесъ гень-гень — далеко въ поле... А кто мене пригорне до себе? ...А где ты? Ирину!“

„Треба его перенести до найблизшой хаты, озвался чувственно Станиславъ: онъ уже не самовить!“

„Ахъ, пановьку ласкавий, его хата буде ту! А дивять, якъ онъ смертельно блѣдый!“ прихватилъ сторожъ.

„Ирину моя любезна, заговорилъ знову Остапъ: Ирину! ты полюбила мене.. на щожъ было лишати бѣднаго сироту?... А тамъ — кто на могилѣ? то она!... то Ирина!... така прекрасна... така блѣда, якъ белги.. а въ-около неш облаки... Отъ и лодовька на водѣ... озерце такѣ красне, синяве гей небо!... Поплынешь, поплынешь, будете спивати наши пѣсоньки... Яка ты ясна... промениста!... на що мѣтаешъ билин цвѣтки на воду?... Та? ты мене кличешь?... Иду, иду сейчасъ, но заберу пѣсоньки наши!“

И опустилъ голову на груди, повалу поднесъ руку и положилъ на сердце, гей бы ему тху не ставало. Добрый панъ Станиславъ позналъ сумное состояние корого, сожальлъ сердечко, и радъ былъ спасти несчастного. При помочи сторожа онъ занесъ недужного до поблизкой хатини и призвалъ гварка. Той осмотрѣлъ Остапа, подумалъ, стиснулъ потому плечима, и отойшовъ, не оставяя никакъ надѣи для недужного.

Въ два дни потому знову зазвонили званы на кладбища, и рознесли сумную вѣсть о упокоенію Остапа. И знову тянули шесть черныхъ воловъ погребовый вѣзъ, и знову собрался много народа со свѣтломъ; бо добротливый панъ Станиславъ хотѣлъ прекраснымъ похорономъ почтти сиротинство и изытную любовь.

При могилѣ Ирины выкопали гробъ, и зложили въ нѣмъ молодого ея друга, усыпавши тутъ-же вторую могилу. Ныня растутъ тамъ польскыи цвѣты на обохъ гробахъ, а Зелений повѣи вѣетъ по нихъ. Степовый вѣтеръ зарѣве часомъ жалостно надъ ними, загудитъ и зашумитъ по трепетѣ, якъ-бы духъ вбдзѣмый, що жиє ту на покуть. Чымъ разъ умножаються гробы больше и больше подѣ великимъ крестомъ, и тутъ соединяе Богъ тыхъ, которыхъ люди

родучили. Однакъ преста стоять недвижимый, съ разложенныхъ рашемки, какъ бы называть всахъ мѣдъ свой конпровъ: „Прійдете конья вся обремененнѣи, и азъ упокою мѣ!“

ИЖ.

Вечеромъ того дня были окна комнаты каролъ палаты слабо освѣтленѣи. Въ комнатѣ горѣлъ огонь на каминку, и освѣтлялъ главныиъ блескомъ все предметы жилища. Сама комната востробна не койче пышно, но вкусно. Старая денова вся дубова, въ вутѣ шафа волка, въ напжкахъ, и кѣлька приличныхъ образцовъ красили комнату. Тако было въ комнатѣ, часомъ тѣмъ заедѣжля върмий хорть, що дремлетъ коло каминна, або старосѣтский часосказъ удиралъ повольне гедину.

Кароль отворился двери, и наини оба друзья, Кароль и Станиславъ, вступили въ комнату: тѣмъ-бы немногю сердити. Хорть, що спочивалъ коло каминна, заскочилъ къ своему пану, мовъ-бы хотѣлъ его привѣтати; но тынъ разомъ павъ не былъ для него ласкавъ, потрутилъ его, и хорть повернуть не довольный на свое мѣсто. Друзья наши пройшлися кѣлька разы въ молчанію по комнатѣ, оба щось сумли и задумны; на щипяхъ ихъ видно было якійсь горестный жалъ и неудовольствіе.

Исвѣщи погасъ при каминну, озвался Станиславъ, весь мовъ-бы возводъ кованый тацкыиъ барель:

„А що, Кароль! зае я мовилъ, що люди неперевѣщенны здѣбны бутъ до превосходныхъ чувствъ сердца?“

„А я може зае мовилъ, Остаю! ще то суть твердосерды, дини, нѣкъ заѣри, мѣде?“

„Якъ то, Кароль! щель може быть превосходнѣйшого надъ любовь и смерть тыхъ двоихъ люблящихъ?“

„Якъ то, Остаю!— може ли были щось горшого надъ безчувствіе отца Ирины, который волялъ погребати доньку, якъ участвивати ю? Одиъ Сатурнъ у старосѣтскихъ поганъ мѣлъ пожерати свои дѣти, а нынѣ не творять того ужа и Самозды.“

„Дивный: зъ тебе человекъ, Кароль! признаеся на отца за смерть его дитины, не разважачѣт тебѣ, що онъ тебѣ училилъ безъ найменьшого розмыслу, а властво зъ слѣпоты, по которой онъ больше почталъ себе худѣ богатство, якъ превосходнии свойства душевыи бѣдныи-опроты. Если бы онъ былъ предвидѣтъ смерть Ирины, былъ бы не отганялъ Остаю, и на супружество ихъ былъ бы сонзволить.“

„Съ тымъ вседъ думаю, що чувства таин, яко были у Остаю и Ирини, надежати до назятіи.“

Кароль востигнулъ шимозельно, и ревъ дальше:

„Запевно тыхъ двоѣ людей становять незаперечывое мѣзлягіе; бо такъ любитися, якъ они умѣють только избранныи. Вообще сказавши, серапа на-

ниги селамъ суть те якъ перлы укрита въ своихъ мушляхъ: цѣле море темноты: дѣлать ихъ отъ мѣра и свѣта — отъ добротныхъ лучей солнечныхъ. Они дремятъ въ укритію своемъ, не видими отъ свѣта.“

„Такъ есть, друже любезный, овался Станиславъ, они суть, якъ поломанъ придушена попельмъ. Хочешъ поломать добыти, мусишь попель рѣзгоркути. Намъ поварялъ Богъ туя роботу, отгребати туя поломанъ небесну, то есть, удалити темноту, щобы свѣто воспламенилось не хвалѣ Божой.“

Кароль слухалъ съ увагою своего друга, и здавалося, понималъ его со всѣмъ; — а Станиславъ продолжалъ:

„Истинно, ваше посланничество, друже! есть дуже важне и велике. Прекрасне есть оно по той причинѣ, абысьмо познали заблужденіе наше, и навѣо чрезъ покуту направали, щосьмо пощовали. Но стократно есть оно арасне чрезъ апостольство пресвѣщенія, котореѣ Богъ намъ повѣрилъ. Блаженъ, кто позналъ свой путь, но стократно блаженнѣйшій, кто иде вѣрно путемъ тамъ, кто трудится для просвѣщенія помежь народомъ.“

„Алежъ, мой дружъ! не каждый хоче и не каждый може быти бакалремъ, тай не каждый мае гроши и средства до заведенія школы!“

„Абожъ то отъ школы самои залежить все просвѣщеніе? Чижъ кроми шкоты не ма способу, уарачати обычай, крапити моральность народа? Изволь тѣлько приблизитися къ тобѣ селланамъ, но не понижайся до того, абы съ ними въ корчмѣ запивати згуду и братерство, ая то робать тѣ, що братерство погрѣшно розумють, а еще бѣльше, що погрѣшно проповѣдуютъ, — нѣтъ! но поднеси ихъ къ тоба, прійми ихъ честно подъ свой кровъ, выслухай ихъ справедливыи желанія и жалобы, при томъ учи ихъ не ино словомъ, але и дѣломъ, — самъ своимъ примѣромъ учи ихъ наблюдать тое, що имъ творити препоручаешь, а побачишь, що въ короткомъ часѣ уладдишь и украсишь ихъ обычай не до познанія, и присвоишь собѣ великій моральной впливъ надъ ними. Зде я мовлю?“

На тѣ слова скопился Кароль изъ своего кресла, кинулся чувственно въ объятіе друга своего, и устискалъ его сердечно, рекши: „Правду мовишь, друже! истну правду! Если бы мы скорше были начали такъ для добра народу дѣлать, може — шкода Иррини! не было бы такъ трагично скончалось — житье несчастной Иррини и ея друга!“

Отъ того часу постановилъ собѣ Кароль поступати, якъ другъ его Станиславъ. Набравши у него пересвѣдченія, выработалъ Кароль свой характеръ на честного человека, научи всегда за радю Станислава. Отъ тогда злагодилъ онъ прежнюю свою легкодущную навичку, пересталъ спѣвати старосвѣтского вальца, занялся просвѣщеніемъ народа, и въ короткомъ часѣ стояли наши друзья яко примѣръ для тыхъ, що надъ просвѣщеніемъ народа трудятся. Тожъ и Богъ благословилъ ямъ, и народъ величалъ ихъ добрыи дѣла. — Кобы мали мы много такихъ!

Михайль Винницкій.

Пренумерата въ годъ
1 ар. 50 кр.
50 „Сло-
вомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
143. н.

Научно-беллетристичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 10,

Львовъ 13. Мая 1868.

РОЧНИКЪ № 1.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ВЕРЕСТЕЙСКАЯ УНІЯ ВЪ Р. 1596.

Въ тоежь время, коли грамота князя Острожскаго зводновала противъ уни народъ русскій съ сей стороны Днѣпра, замглади такожь и за Днѣпромъ козацкіи сердца, надѣю новыхъ подвиговъ противу Польщи. Тамъ бо на степяхъ украинскихъ нагримадилса знову чистыи полки, самыхъ найтвердайшихъ защитниковъ святаго православія, та не смотря на то, що ватаги людног воинства еще вездю стояди въ при-Днѣпровыхъ горадахъ и збороняли кровавомъ ванникомъ подъ новымъ якимъ Гетманомъ устроитиса, таки найболса въ Сичи смѣлый козакъ Павло Наливайко, который вразъ съ дальнимъ полковникомъ Лободою успялъ о сей поръ знову поставити около 20.000 козацкого войска. А былъ тамъ той Наливайко человекъ, надъвычайно силен и кряцкого русскаго духа, та походилъ съ такою же родины, что то людей сего рода называютъ на Руси „запекми“. Отець его былъ кудцаремъ въ Острозъ на Вдольцу, а старшій братъ соборнымъ священникомъ въ Острожскомъ замку; и сей послѣдній такъ отъ всего сердца не любилъ католикѣвъ Ляхѣвъ, что передъ своею смертію запретилъ хоронити себе при церкви, представляя тому слѣдующую причину: „Знаю, говорилъ бнъ, що въ Острозѣ заданое кодысь латинская вѣра; для тогожь и похоронитъ мене въ чистомъ поди, дабы и кости мои не сбиджидисъ съ датинскимъ костѣломъ!“ Съ даного го роду русскыхъ запекъ былъ онъ Павло Наливайко, и не диво затѣмъ, що якъ лише дѣлса бнъ на Сичи, козаки наши приаггли до него якъ до батька, почитая его за велику хоробрость и за бойрый умъ, съ якимъ бнъ устроилъ военныи дѣла собирающагося на ново козачества. Въ началъ г. 1596, коли то Поцый а Терлепкій повертали съ Рима, Запорожцѣ наши выбрали того Павла Наливайка своимъ Гетманомъ, и знаючи его сердце, якъ наскрѣвъ оно мѣстю на Ляхѣвъ дѣлало, вы-

глядали, дше поры - времени, коли имъ придется въ походъ ступати на помѣхъ православной брати и князю Острожскому.

Такое грозное настроеніе умовъ всего русскаго народа противу униі сильно затревожило Ляховъ, та вразъ съ ними и Подая и Терлецкаго, которы на-теперь навѣтъ и не важились показати лица своего середъ Рубинбовъ, но задержавшия въ Польщи, придумывали тамъ съ езуитами новыя хитрости для приведенья своихъ коварныхъ замысловъ. Прежде всего они старались успокоити якъ-нибудь князя Константина Острожскаго, понеже именно его уважали войскальщиками и найнебезпечнѣйшимъ своимъ противникомъ. Съ той-то причины Ипатій Поцкій писалъ областныя письма до сего князя, представляючи ему: що будьто дѣло съ униєю еще не такъ страшне, якъ думаютъ православныя, бо вѣдай уния втастиво еще и не заведена на Русь, та вѣтъ и не заведется она безъ такого Собора, якого самъ-же князь собъ жае. Затѣмъ упевнялъ Поцкій князя, що Соборъ духовныхъ и мирскихъ лицъ отъ всей Руси буде конечно для той sprawy созванъ, а що на ономъ Соборѣ за добровольнымъ порозумѣньемъ установится, то и буде для всѣхъ святыхъ законовъ. — За подущеньемъ Поцкя писалъ до князя Острожскаго въ подобный способъ также и самъ Митрополитъ Рагоза, а той слабодушка, хотя вже и зараженъ былъ духомъ униі, таки осмѣлился уврѣтити князя подъ словомъ чести и подъ клятвомъ, що бнѣ, яко начальный Святитель православныхъ Русинбовъ, ани гадки ніякой не мае о униі, та навѣтъ постарается также и другихъ отъ оной грѣшной мысли отвести. — Князь же Острожскій зъ своей стороны якъ и мало важила письма сихъ лицъ, которыхъ вся Русь уже тогда называла „нечестивыми“, но всежь таки имѣлъ твердую вѣру, що якъ скоро созванъ буде русско-народный Соборъ, то никто не новѣе за ненавистною униєю хотьбы однимъ словомъ оббзватися. Для того-то бнѣ и наставалъ на Митрополита, щобъ сей чымъ скорѣйше росписалъ для Руси день народнаго Собора, заявивъ рѣшительно, що якъ-бы кто-нибудь изъ Владыкъ русскихъ безъ Собора держалъ унию въ краю заводити, то бнѣ, могущій князь зъ Острога, пбиде на такихъ Владыкъ войною, а тогда побачитъ цѣлый свѣтъ, кто сильнѣйшій на Руси: униа чи православіе.

О тойже порѣ, коли велась она переписка межъ Митрополитомъ Рагозою а княземъ Острожскимъ, случилось во Львовѣ сильное землетрясеніе, которое, яко явленіе природное, хотя не имѣло съ униєю ніякой связи, но побудило въ народѣ различни толки, якъ найнеприятнѣйшія для униі. Было бо се потрясеніе земли въ саму Великую русскую Пятницю 1596 г., с. е. въ такой день, коли найболѣе обходится страсть Господня. Изъ сего затѣмъ обстоятельства заключалъ повѣрчивый народъ, що якась-то великая стрѣсть готовится для Руси

нашней, и что такою-то страстию буде именно унїя. Случалось бо таже за каждыиъ разомъ, коли ино мала настати яка унїя съ Польщею, що въ тобжь лѣто унїи бывали у насъ хоробы, неурожаи, голодъ и широваая изва (таке было по-правдъ за унїи Городельской и Любельской). Тожъ и теперъ, коли затрясаяся земля руска въ несчастной Галичинѣ, воробжили люде наши уже наибольшую недолю, яка тутъ-же и зближа-лаєь до насъ съ новою сею унїею Поцїя и его собратей-езуитовъ.

А нежитиъ сей голова унїятской тройца, преворотный Пецъ, при помочи польскихъ езуитовъ провадилъ дальше дѣло унїи такъ, що унїа лѣтомъ 1596 г. приманилъ на свою сторону еще трехъ православныхъ Владыкъ, уживши до того самыхъ нечестивыхъ способъ. Владыки тѣи были именно: Полодкій Ермогея, Пяцкїй Іоаннъ Гоголь и Хелмскїй Денисъ Збируйскїй — все три поставлены не по выбору духовенства и не по воли народа, но престо по самовольному наказу короля Польща. До сихъ-то трехъ Владыкъ, которы уже и такъ свое возвышенїе завдѣтали ино Польща та и не весьма люблены были народомъ, написавъ Поцїй потайно таке заявленїе будто отъ имени короны польской: что если они пристануть на унїю съ Римомъ, то Польща не только оцѣ дозволитъ имъ засѣдати въ державномъ сойзѣ, але еще дастъ имъ — три золотыи геры; напротивъ же, если они стоиати будутъ укорно прирусской православной вѣрѣ, то король польскїй, который самъ-же поставилъ ихъ Владыками, сейчасъ и скинетъ ихъ зъ владыцтва. Така обманца и вразы и грозьба она Поцїю иудѣйствовала такъ успешно, да все трии три Владыки русскїи (жалъ сказати — русскїи!) прирочили ему принятии унїю, якъ скоро ино тажъ буде пороченъ въ краю оголошенок — Осталось затѣмъ еще лише трехъ Владыкъ на Руси: Могилевскїй, Львовскїй, Гедеевъ Балабанъ и Перемыслий Михаилъ Кошчутинскїй, которы не только не дали прельстити себе хитрому Поцїю, но затѣмъ больше постановили ревновати за святое православіе и тѣмъ упорнѣше поборати нечестивыхъ святелей ровдора и унїи.

— Коли такъ Иштїй Поцїй уже забезпечилъ, що за принїтїемъ унїи есть 6 владычехъ голосовъ, а противъ унїи лише три, далъ бы знакъ Митрополиту Рагозъ, аби той приступалъ до созванїя Собора. Ино по-правдъ Митрополитъ Рагоза выдалъ лѣтомъ 1596 г. своею грамотою, которою заповѣлъ оный Соборъ на день 6-го Октября сегожь года, а мѣстцеиъ же собранїя означилъ не Кїевъ, где то завычайно русскїи церковныи Соборы зъ-помонвѣка отбывалися, но незнакомый городъ Берестъ литовскїй, лежащїй у самого пограничїя Польща. Хитрость унїятввъ въ выборъ сего мѣста для отправленїя Собору была: надто очевидна: разъ бо принадлежалъ Берестъ до діецезїи Епископа Поцїя, а отъ него и шель тутъ Поцїя и найвысшюю власть свѣтительскую, а гво-вторилъ,

блвона тутъ была уніятать помбчь ътъ сусѣднои Польщи на той именно привадожь, деслибы православныи вѣдъ начальствомъ могущаго князя Острожскаго захотѣли здѣлати приверженцямъ уніи якого збытца. А щобы дѣло езуитской хитрости въ отповѣднѣи способъ довершити, изъ явилъ Митрополитъ Рагоза въ тойже своей грамотѣ, що будьто назначенный мерезъ него Соборъ имѣе тую честную задачу: щобы межѣ приступающими до уніи а противниками уніи здѣлати примиреніе, поседаванье и святую згуду во честь и въ примарь, вакань, потомниць. Задача — разумѣется — така, о якой никто въ уніятѣвъ, якъ се вскорѣ показалось, на-широ ани не думалъ.

Межи тамъ наступилъ мѣсяць Октобрий, и городъ Берестъ замунѣлъ отъ неввычайнаго стеченія духовныхъ и мірокихъ людей, которыи изъ всехъ конщѣвъ нашои Руси громадно гуда съѣздилися. Таборъ уніятѣвъ въ составляи слѣдующии Владыки: Рагоза, Поцѣй, Терлецкій, Ермогенъ, Гоголь и Збируйскай; бѣльше изъ знакомитыхъ Русинѣвъ никого при нихъ не было. За то находились по ихъ сторонѣ още: павѣжскій посланикъ и его слуги, запеченный езуитъ Петро Скарга, польскіи послы короля Жигмонта и толца коенздѣвъ и панкѣвъ лядскихъ, прибывшихъ марочно на той Соборъ съ своими нахожками ътъ Кракова и Варшавы. Изъ стороны же православныхъ явились въ Берестю Владыки: Гедзонъ Балабанъ и Михаилъ Комыстицкай, посолъ патриаршій Грекъ Никифоръ, найстаршій предстоитель славнаго Острожскаго училища Кириль Лукарий (который потомъ сталъ Патриархомъ Царградскимъ) и великое число духовныхъ Отцѣвъ всякаго чина. Изъ мірянъ же вравъ съ княземъ Острожскимъ прѣхало до Берестя, авынь 40 князей, бѣлька тысячь бояръ, дворянъ, сенаторѣвъ и сановитыхъ рыцарей русскихъ, къ тому посланики отъ всехъ аригнѣиныхъ Братствъ, царскихъ, множество людей отъ мѣщанства и отъ всякихъ соловій, якии динѣ были тогда въ православной Руси. Загадомъ народу отъ русскихъ земель собралось въ Берестю такъ богато, що для многочисленней службы вельможъ православныхъ ани мѣстца нестывало въ городъ; и затѣмъ весь поле докола покрывшеся обозами, въ которыхъ размѣщались такъ слуги княжескии якъ и все дворяне, що съ привадожь немного сибзнилися.

На оимъ видѣ такъ незырного числа мірянъ русскихъ, межѣ которыми князь и дворяне все одѣты были по военному, законеконилися. Лаки та уніятъ, а королевскіи послы затребовали чавѣть ътъ князя Острожскаго, щобы днѣ отправилъ изъ города людей военныхъ, понеже чавѣть Соборъ отбытеся не може. Но князь Острожскій заручилъ словомъ чести, що люде рускии все знаютъ, ано прѣхали сюда не для войны, а за-для духовнаго Собора, и затѣмъ микто въ нихъ о шикомъ

бунтъ не гадае, а всякій радъ лише въ справѣ вѣчного спасенія дати свой голосъ по своей совѣсти мирно, богобоязливо, якъ се пристоятъ православнымъ Христіянамъ. На се завѣренье князю охолоудили уніаты и католики отъ перестраха, полагали бо исполнѣ на то, що мужъ найвысшюи чести, якимъ былъ всегда Константинъ Острожскій, не дасть кровавоу слова хотьбы и самому, воруу.

Наконецъ приспѣлъ и день 6. Октобрія; всѣ прийшли на Соборъ, а только не является ни ономъ Митрополитѣ, безъ котораго и самоежь дѣло годъ распочати. Подъ вечеръ православныи подлали отъ себе къ Митрополиту запытати его о причинѣ неявленія; но коли посланники повернувши донесли, що они Митрополита нигде отыддати не могли, то православныи выбрали зъ посередъ себе двоухъ предьсдателей, духовного и мирского, открыли тымчасово свой отдѣльный Соборъ, на двючись, що на другій день и самъ Митрополитъ межъ ними явится. Однакожь минулъ день второй, минулъ и третій, а Митрополитъ православнымъ якъ не показуется такъ и не показуется. Видно то бытъ бѣдника, хотя и записался до сторонниковъ уніи, но всежь такъ яко-бы угнетаемый совѣстію и крайнимъ стыдомъ, черезъ цѣлыхъ три дни не отважился лицемъ въ лице предстати передъ собраньемъ братіи Русскихъ, которы до сей поры были вѣрными чадами его православнаго стада. Наконецъ ажъ на дню 9. Октобрія бытъ припустилъ до себе посланниковъ отъ князя Острожского, и съ сокрушеннымъ сердцемъ признался передъ ними, яко не только Поцѣй и Терлецкій, но также и бытъ самъ уже присягнули на унію. А коли посланники князя Острожского приѣхали ему на то, що оттакъ бытъ уже не Митрополитъ Кіева и Руси, понеже Кіевъ и Русь не належать до уніи, но остають непоколебимо вѣрныи святому православію: тогда Рагоза, якъ-бы ужаснувшись своего дѣла, сердился на себе и на посланниковъ, металъ въ ярости безумныи слова и отпустилъ отъ себе православныхъ послѣвъ съ гнѣвомъ и злобою.

Тогоже дня 9. Октобрія Митрополитъ Рагоза явился также и на Соборъ, однакожь и тутъ былъ бытъ яко-бы помѣшанный, наскрѣзь ростерянный, та не зъумѣлъ и слова розумного сказати. Православныи же, собранныи въ великомъ числѣ, видячи наглядно, яко съ такимъ Митрополитомъ радити ничего, внесли на Соборъ письменное заявленіе или такъ званный манифестъ, въ которомъ отъ имени всего русскаго народа высказали такъ: „Хотя мы призваны были нарадѣтися надъ тѣмъ, возможно ли ученіе православной Церкви безъ нарушенія восточной греческой вѣры съ римскимъ костеломъ согласити, но увидѣвши тутъ, що Митрополитъ яко уже безъ насъ и безъ вѣрднаго согласія принялъ унію съ Римомъ: то мы послали къ нему нарочныхъ людей съ увѣщаньемъ, щобы отсталъ отъ такого дѣла, а дасть бы Со-

борави въ той справѣ свободно волю свою высказати. Коли однакожь посланники наши съ гнѣвомъ и яростію были отъ него опущены, а Соборъ подъ его председательствомъ не може свободно отбыватися, то мы сами, православныи заступники Руси, составивши отдельное собраніе, установили слѣдующее: 1) дабы все духовныи, которыи лишь отступили отъ Цареградскаго Патріарха, низвержены были и отдалены отъ свѣихъ чинѣвъ; 2) дабы никто не носилъ въ дѣлѣ переименія веры ничего предпріймати безъ вѣдома и согласія оногожь Цареградскаго Патріарха; 3) дабы уніи и новаго каландаря, переданнаго римскимъ папою, во вѣкъ вѣковъ николи на Руси не правяти.“ Силадаючи сей манифестъ на стѣлѣ передъ собраніемъ, князь Острожскій заявилъ при томъ торжественно, що венеже Митрополитъ присталъ же на унію, то православныи люде Руси не только шо не признають уже его своимъ Пастыремъ, взиначи собъ безчестіемъ ему дальше новиковатися, но кромъ того съ негодованіемъ уступають изъ собора нечестивыхъ, въ которомъ находятся отверженныи изменники народа, яко Поцѣй, Рагоза и Терлецкій. — Послѣ того все православныи удалились изъ Собора, въ которомъ осталась лишь маленькая горстка уніятѣвъ, и открани въ Берестю свой отдельный православный Соборъ для того цѣли, абы наградитись: якъ укарати лукавыхъ отступникѣвъ своей веры, изменникѣвъ святой Руси.

Межи тѣмъ уніяты, видячи, яка непорядна прийшла на нихъ година, попали въ крайное смущеніе, та и не стѣмидись въ первой свѣль, шо имъ дальше дѣлати. Но тутъ Поцѣй, оборотная голова на всѣкѣи хитрости, выпроводилъ ихъ изъ тягостнаго сего положенія такимъ ото способомъ, шо собравши на-скоро всехъ латинскихъ ксендзѣвъ и панѣвъ Ляхѣвъ, якимъ лишь были въ мѣстѣ, препоручилъ Митрополиту Рагозѣ ити съ процесією до городской церкви св. Николая, абы тамъ зъ звоны оголосити унію Руси съ Римомъ. Процесія та, въ которой кромъ шести отступникѣвъ Владыкъ майже никто больше въ Руинѣвъ не участвовалъ, вступила въ церковь св. Николая, и тутъ Пелюцкій Владыка Еригогѣвъ передъ толпою ксендзѣвъ и панѣвъ Ляхѣвъ отчитвалъ грамоту уніи, списанную на ослиной кожѣ, въ которой облестно завывалось таке: шо будто вся Русь православна соединяется съ востеломъ католицкимъ и признае головою своей Церкви римскаго папска. Се дѣвалось на дню 9. Октобрія 1596 г. въ городѣ Берестю, отъ котораго то города также и сама уніа названа въ Исторіи унією Берестейскою. Уніяты оголосили ю середъ священныхъ стѣвъ православнаго храма русскаго, думаючи собъ, шо такимъ способомъ же и дѣло ихъ буде освященіе, и православныи Святыи Божи, которыхъ иконы украшали церковь, стануть уніятами; однакожь не въ силахъ

они были, не вать въ храмъ Господа, святити тоє, що въ очадъ народа рувалася, почистити, ани осквернити се, що для всей Руси зъ-поноу зъва святытъ было и неоскверненнымъ.

Народъ бо Руси, помимо Берестейской униі, заявилъ себе всегда народомъ крѣпко-православнымъ, и власне въ той самой часъ, коли грамота униі читалася въ Николаевской церкви, тойже народа Руси, собранный въ явнѣхъ 10.000 представителей отъ всякъ своихъ сословій, списовалъ въ томъ же самѣхъ Берестѣ друую грамоту, содержащу вѣчный протестъ Руси противъ всякой униі ни то съ Римомъ ни съ Польщею. Князь бо Константинъ Острожскій яредъ съ благочестивыми Владиками Львовскимъ и Перемыскимъ созвалъ всѣхъ до Берестѣ зъхавшихъ князей, бояръ и людей всякого званія на отдаленый Соборъ православныхъ, та тутъ весь соборъ обдѣливалъ въ яднѣхъ потомныхъ вѣкѣхъ грамоту отъ того же за суда противъ унионикѣхъ роздвоенія единой вѣры русской. Въ сей то грамотѣ было между прочимъ сказано: „Мы благочестивыи представители вѣрного русского народа осуждаемъ Митрополита Михаила Рогозу со всеми Владиками; принявшия унию, отъ ихъ святительскихъ чинѣхъ, и устававаломъ: чтобы тѣхъ отступникѣхъ отъ православной греческой вѣры, яко порочныхъ пастырей, яко вѣрь христіанской упорствующихъ, яко живомъ неправедного ученія напоенныхъ, и яко ложь своего зловѣго сердца за правду розсвѣощихъ, миряне по всей Руси въ члѣмъ не слухали и не повиновалися; она совѣсть же и души сихъ измѣнильцѣхъ святой нашей вѣры вылагаемъ великое трамлятіє, еже есть млядва Бжека: анаеена!“ Кроме сей грамоты православный Соборъ въ Берестѣ выдалъ до русского народа письменное поученіє о всемъ, що удали нечестивыми униаты, и яко ихъ коварства и злобы всегда остерегати ся подобе. — А яко и остроумны и учены были гѣ писанія православныхъ, то во всякъ таки межѣ участниками Собора было премного такихъ, особливо же молоде молодшого вѣку и горячого чувства, которы всею тою писаниною не задовольнялись, а наставали ко мечу на то, чтобы противъ езуитѣхъ и униатѣхъ ужити не то пера, но скорше меча и козацкой саблы. Та и по-правдѣ быть бы уже въ Берестѣ таки доконче прійшло судный день на нечестивыхъ, еслибы не былъ перенинать тому своею повагою самъ же князь Острожскій, который яко наибольше важнѣхъ дѣлное свое слово, та весьма силами здерживалъ жаркость и военный духъ младшой своей брати, абы дѣше весь Соборъ отбился безъ бунту.

Грозное дѣйствіє многочисленныхъ православныхъ въ Берестѣ хотя чрезвычайно наполохло Ляхѣхъ та Владыкѣхъ-униатѣхъ, однакожь и они, увърившись достаточно, що православныи лише прозять и живуть, а не внаются оружія, вались и собѣ писати. Собираюць съ

польскими кондами на парады въ катедральномъ храмѣ, иже инии — уніаты уложили такожъ клятвенную грамоту, въ которой латинскими православныхъ шизматиками и еретиками, пописали самы неправды и клеветы, яко и пр. таку: „що будеть „греческіи Патріархи, побѣдвши подъ владычье Турковъ, стали заводити еретическіи обряды, христіянству противны,“ и що будеть „наша святая вѣра черезъ иже стѣи вѣки была въ совершенномъ единствѣ съ римскою, но пошеже Царградскій Патріархъ Фогій оторгнулъ шо отъ Рима, то за сею кара Божя прійшла на Греки и на ихъ Церковь черезъ нещесствіе Турковъ.“ Тако очевидное очернение греческихъ Патріарховъ, ба и тако грубое богохульство похваляли якъ наилучше о томъ, шо Владыки-уніаты навѣтъ на стѣлько не знали Исторіи православной Церкви, шо латинскіи Римляне, которы и самы тогда о греческихъ Патріархахъ о и нашей святой Церкви такъ безбожно не выражались. Тоже грамота уніатовъ, списанная въ Берестю, якъ дѣль оголошена была въ нашомъ краю, возбудила загалное негодование всѣхъ разумныхъ людей, а народъ православный сталъ еще тѣмъ ненавидѣти тѣхъ преступныхъ Владыкъ, которы на той грамотѣ клеветъ и невѣжества власноручно подписались.

Такъ отже стало въ Берестю, шо вѣсто одного отбывался два Соборы, т. е. православный и уніатскій, и такъ одинъ якъ другій списовалъ свои клятвенны грамоты, одинъ на другого металъ свои засуды, обвиненія и наваемы. Въ того то часу родилось наименованье унітѣвъ или уніатѣвъ, т. е. присоединенныхъ (до Рима), и неунитѣвъ, т. е. несоединенныхъ; уніаты начали укорително называть неунитѣвъ шизматиками, т. е. расколѣниками, бывши сами таковыми, неуниты же назвали уніатѣвъ перекивчниками, а себе самихъ благочестивыми Русинами, яко тѣми они и по правдѣ бѣли. Въ того часу отже началось въ цѣлой малой Руси совершенное несогласіе и роздвоеніе въ вѣрѣ, насталъ великій роздоръ въ одномъ и томъ-же самомъ родѣ русскомъ, почалась вражда и борьба Руси домашня жестока, яко подобнои у насъ нередъ тѣмъ еще никогда не бывало. Отвѣчный ворогъ человеческого рода, иже есть сатана, возрадовался въ своемъ лукавствѣ, видячи такъ пагубную вражду и роздраженіе въ сердцахъ людскихъ, а езуиты и вся Латиня торжествовали сую оконечную побѣду надъ нашою Русію, увѣрившись довольно теперъ, шо ажъ за онымъ совершеннымъ роздвоеніемъ русскаго народа въ дѣль вѣры игоущая сила Руси буде наконецъ изломлена.

Произшедшій на ономъ Берестейскомъ Соборѣ роздоръ побудилъ православныхъ отправить до короля особое посольство съ прошеніемъ, щобы бѣнъ, уважаючи на права и привилегіи дарованныи русско-православной вѣрѣ такъ нимъ-же самимъ якъ и прежними крѣ-

Молвице, невольны волеи правящихъ унїи Владыкъ, яко преза-
 ласности възираю русскому, выгнавши епархїи, а на ихъ
 мѣстахъ ошобы оставилъ Владыкины тѣхъ Пастырей, вторично изберуть
 себѣ сами православныи: «Образивши также посольство коу королю въ
 Варшаву, благочестивыи заступники Руси рѣдѣхалися съ Берестѣи, по-
 становивши за ворадоу князя Острожского ожидать съ терпѣнїемъ и
 безмятежно рѣшенїа королевского. Такъ бо на-скрбѣзъ честныи и добро-
 душныи были они все сыны православной Церкви, що еще ани не до-
 пускали той мысли, абы король, яко Верховный иудатель народовъ,
 ибгъ розрѣшити ихъ правое дѣло не по законамъ человеческимъ и Бо-
 жїимъ. Однакожь якъ жестоко завѣлися они въ своихъ ожиданїяхъ, по-
 казалось въкорѣне потопъ, коли король Жигмонъ, Криверѣнецъ езу-
 итѣвъ, не толькы откинулъ ихъ прошенїе, но еще выдалъ строгїи наказъ,
 абы никого изъ прївзжающихъ отъ Цареградского Патріарха не впу-
 скати въ земли наши русскїи, ба навѣтъ запретилъ въ тѣхъ-же земляхъ
 будовати новыи церкви православныи або обновлати и исправлати старыи,
 хотѣбы приходилось имъ и развалитися на мѣстцї. Напротивъ же того,
 унїятѣвъ взялъ сей король подъ свою, найстаранцѣйшую опѣку:
 дозволилъ тѣмъ шести Владыкамъ, которыи унїю приняли, перетворятъ
 русско-православныи храмы на ихъ діецезїи въ унїятскїи и народъ
 волею-неволею превращати въ унїю, а вразѣ съ тѣмъ-же препоручилъ
 всемъ воеводамъ и урядникамъ королевскимъ въ земляхъ русскїихъ, абы
 они навѣтъ силою войсковою помагали унїятскимъ Владыкамъ ширити
 унїю на Руси.

Оттакъ то Владыки унїаты, довернувши въ концѣ 1596 г.
 изъ Берестя до своихъ діецезїй, вспоможенныи королевскою властію и
 лятскимъ воинствомъ, стали заводити у себя унїю насилїемъ, уживая для
 той цѣли меча, палокъ и вязницъ. Вправдѣ духовенство православне
 нижшихъ чинѣвъ и весь народъ русскїй съ наибольшимъ завзятїемъ
 опирались повсюду принятїю унїи; однакожь тутъ дѣлося такъ, якъ то
 старинно бывае съ народомъ, где умныхъ предводителей, нестаете, шо
 кожде село, кожда громада стояла отдельно за себя, боролась особня-
 очно за себе, а порозумѣнїа межи всеми, и соединенїа всѣхъ силъ у
 нихъ нїякъ не было. Толь коли бунты шо делахъ и городахъ поднимались
 на разазъ совокупно, но по-очередно, тутка скорше, тамъ поздѣше: то
 лятскїи войска усмиралъ ихъ съ великимъ трудомъ, кончи отъ громады
 до громады и приводили ружницами та самопалами народъ до подушанїа
 и спокойствїа. Такимъ то насильнымъ способомъ унїаты прїсвоили собѣ
 знатнѣйшыи монастыри и церкви православныхъ, другїи же храмы тѣхъ-
 же особливо, по мѣстахъ они резервали, або запечатовали, священникѣвъ
 благочестивыхъ ловили и мучили, а народъ вѣрнїи, собиравшїйся на

свѣдѣнствують, постройникъ за городомъ илланакъ, они разсказали тай-
 ную, близкую и побывали илланакъ. Такъ елико по истинѣ въ леген-
 дахъ нашихъ оного времени сказано: що унѣ на Русѣ заводилась
 въ грѣхонъ великииъ, говомятъ бо и побываюиъ и великииъ на-
 селенъ на людяхъ, яко бо она и плодомъ была грѣха и великииъ
 и худшаго.

(Далше буде.)

ЛѢБАРЬ ПО НЕВОЛИ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3. ДѢЙСТВІЯХЪ

дѣла Малиера написалъ *И. Гаермиховичъ.*

Дѣйствующіи лица:

ГРИГОРІЙ ПОДКОВА, богатый кметъ.

ЦЕЛАРИЯ, дочка тогоже.

ЛЕВЪ ЯГОДНИЦКІЙ, молодой парубій.

ПРОЦЬ ЛЕГКОДУХЪ, халушникъ

МАРІЯ, его жена.

ИВАНЪ ЧЕПѢГА, суздѣ Легкодуха.

МАТВІЙ,

ЛУЦЬКО, } слуги Подковы.

ТАНЬКА, жена Луцка, мамка у Подковы.

ПРІЙМА, селяиниъ.

ПЕТРУНЬО, сынъ тогоже.

Рѣчь дѣлаетъ на селѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Легкодухъ и Марія.

Легкодухъ. Отже не видѣть зыбъ не буду работи ничего; щобысь
 знала, шо я тутъ какъ и господарь на своемъ свѣтѣ.

Марія. А я тебѣ покажу, шо мусишь ожидать, якъ я тебя зыряю.
 Я не за тымъшла за тебе, щобы дивитися на твои вытрибенки!

Легкодухъ. Але-жъ то тяжелое лихо и нужда съ тими ребяками!
 Добре казалъ старый Аристотель, шо баба горитъ яко зорта!

Марія. Озъ-ва! Якій новъ мудрагель съ двоимъ дуримъ Аристотомъ!

Легкодухъ. Або може не мудрагель? Покажи мена другого халу-
 шника, который уторопалъ бы говорити о чѣмъ ибудь такъ мудре якъ я, который
 служилъ шесть лѣтъ у одного славного лѣкаря, и колѣсь за молоду увѣлъ
 склады читати по верху.

Марія. Ты, видурний салабай!

Легкодухъ. Ты, невѣжливое палаццо!

Марія. Несчастная тая година, котерой мени оправивило де головы переступати съ тебѣю порогъ.

Легкодухъ. А шобъ морока добиле того шаштара и старосту, шо насъ звалъ обоа до-куди.

Марія. И тебѣ то жадоватися на тое? Тебѣ, шо повиснешъ вегаючи и лягаючи дяковати Богу на коленцахъ, шо потривашъ на тату дурну, шо пойдеша за тебѣ! Дригляйся же ты себя, чи стоишь ги жодь за ктой наленькій палець такой честной жѣнки, якъ я?

Легкодухъ. О правда, шо я преступилъ черезъ тебѣя дуже великою чести на котерой я дознался въ одну добу по нашій зсѣдью! Гей, къ бзсовой матері! Не тяни мене за языкъ! бо можно наслукавися еда чого...

Марія. Гей! и чого же самъ такого спавного?

Легкодухъ. Цить! Даймо телу святый сумокѣй! На той разъ буде з насъ, коли скажу, шо знаємъ мы тое, шо ось знаємъ, та шо дини тебѣ было се великое счастье, шо уторопала приантита мене дурное да сербѣ!

Марія. А где-жь тое великое! счастье? рада би я знати. Зѣбілка, котрый мени день въ-день обрѣае здрорье, гулама, водудиникъ, котерый ничего не робить, та дерезъ воѣ, шо даше менѣ...

Легкодухъ. Побрехалася небоже, побрехалась; бо оно и переплюся немало.

Марія. Розпрѣае воѣ, шо шир есть въ хатѣ.

Легкодухъ. Бо твоѣй мужикъ не ось прѣстий хлѣвъ, шног промышловый человекъ.

Марія. Котрый продалъ мени послѣдню подушку зъ-пѣдъ головы.

Легкодухъ. Ты будешъ рашше вставати.

Марія. Порозволадъ все, шо цю было въ хатѣ.

Легкодухъ. Буде нить мнѣще чамъ журитися.

Марія. Котрый Атъ всходу сонца до побаню дня не робить ничего, та лишь пѣе и гудѣе.

Легкодухъ. То за тымъ, шобъ не журитися.

Марія. А шо же я мен робити, сама середъ чотырохъ стѣндъ.

Легкодухъ. Не берони тебѣ робити, шо тебѣ нище заждѣтеса.

Марія. Съ двоа дѣтми на рукахъ.

Легкодухъ. То посади ихъ на землю.

Марія. Которы плачуть разъ-въ-разъ: хлѣба!

Легкодухъ. То дай по спитъ по спитъ! Коли господарь самъ на-зѣстеса и напѣсѣа, то повиним быти въ смѣ въ его хатѣ.

Марія. И ты собѣ гадасешъ, когданій пидачиде, шо оно все такъ буде, якъ доси?

Легкодухъ. Ленше-но, милая чешото, дешше, соли дима!

Марія. Шо я вчачо! Буду дивитися, заложивши руки, на твою гуля-
нтиную и твою негодное обкодаешься?

Легкодухъ. Не забывайноса, честная супруга!

Марія. И што я не уторожаю съ тобою вывести конда?

Легкодухъ. Жёнок! Знаешь ты добре, што у мене терпѣливость на
челуша слабавшой узлае, и дуже твердый нястукъ.

Марія. Не мене, тѣмъ челохати.

Легкодухъ. Мое ты сердцево иленьеное, шось вась нынѣ опять
свербать спина.

Марія. Овъ-ва! Який мене? Знай, шо тебе я тпавничко не боюся!

Легкодухъ. Моя ты голубко! Ты хочешь доконче одно зъ вась до-
воести де клевету.

Марія. Страшенъ я не ползуъ з на члещъ дивитися!

Легкодухъ. Моя ты гасудовныо, якъ ты не гуду подъ носикъ
ладибудьки!

Марія. Иди пѣку, шди!

Легкодухъ. Якъ ты пѣку!

Марія. Иди, бездокая божомъ горажу!

Легкодухъ. Га! коли того хочешь доконче! (Бере за носуры и бье

Марія.)

Марія. Ой, ой, ой, ой!

Легкодухъ. А шо, вде добра вчиснакъ? Моешь! маеть! А будешь
кдеа теперь тако? А тако, а шед а шеть!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Чепъга, Легкодухъ, Марія.

Чепъга. Итру! Говъ! Гей, шо то зноу за дурна работа! Тѣу,
стыдъ и ганьба! Кто се видаль, бити такъ свою жёнку?

Марія (до Чепъги). А коли мей самой хочеть, шобы мей билъ.

Чепъга. А! коли такъ, то перепрашаю, сто разъ перепрашаю.

Марія. Якомъ колымъ тынится тобѣ мейн вась.

Чепъга. Какъси теперь того твлымъ сердцець!

Марія. Чого ты вась ченился, гей той сльпый оवादъ.

Чепъга. Простать, забылся.

Марія. Чи тебе то грѣ, чи тече?

Чепъга. Сама правда.

Марія. Дивять! Який ми пербъгаило, шо изшася до того, шо за-
ходитъ мейи человѣкомъ и жёнкою.

Чепъга. Отдаю вась Вову.

Марія. По-шо тобѣ устроили пальце псови у зубы?

Чеп'яга. Нічо, нічо.

Марія. Що тобі хотіли бачити своїм носом із наших домашніх справ?

Чеп'яга. Признаюся, дивуватъ.

Марія. Що тобі заважає дивитися на мене?

Чеп'яга. Не кажу уже й слова.

Марія. Коли мені хочеш бачити?

Чеп'яга. Згода!

Марія. Чи оно тебе може болить, чи що?

Чеп'яга. Правда, що в'ять.

Марія. А чого ж, собачій смуту, сажаєш свої ноги в чужі діжки?

Чеп'яга. А чого ж, собачій смуту, сажаєш свої ноги в чужі діжки? (Дає ему по за-ушю.)

Чеп'яга. (до Легкодуха.) Бач, як він куде; та не гнівайся на мене за мою добру волю.

Легкодухъ. Бійте собі вашу дівку дором, колько вамъ спочетася; а то вамъ я ще допоможу, коли вамъ се до душі.

Чеп'яга. А чого ж, собачій смуту, сажаєш свої ноги в чужі діжки?

Легкодухъ. А чого ж, собачій смуту, сажаєш свої ноги в чужі діжки?

Чеп'яга. Но! коли такъ, то що лишого?

Легкодухъ. Буду бити, коли мені спочетася; а коли не спочучу, то нікто мене на тоє не приволожить.

Чеп'яга. Правда, правда.

Легкодухъ. То моя жінка, а не твоя.

Чеп'яга. Не на що казати.

Легкодухъ. Коли не Кирило, то не наставляй рило.

Чеп'яга. Добре, добре.

Легкодухъ. Ктo тебе ту потребовавъ, та!

Чеп'яга. Правда, що нікто.

Легкодухъ. То чого ж єсущє палцемъ межъ двері! Знаєш, що каже старий Сенека: „Мозги дурню, и держися зъ далека!“ (Выгавляє Чеп'ягу.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Легкодухъ и Марія.

Легкодухъ. Ось, знаєш, що, стара: Най насъ тамъ Господь обрадує! Прибій! (Прострає къ ней руку, котрою она не хоче прибити.)

Марія. Ага, теперъ! коли мене тольке набилася!

Легкодухъ. Е, то дурница! прибій!

Марія. Не хопу.

Легкодухъ. Ей!

Марія. Коли в'ять, то в'ять.

Легкодухъ. Моя ти зазуденько!

Марія. Нічо зъ того.

Легкодухъ. Ось, не дивайся цимало, просити!

Марія. Ой! дурна-бъ была!

Легкодухъ. Овъ, коли-но, миная мой побочнице, ходи!

Марія. А коли менѣ хочеса быти бардиню.

Легкодухъ. Теу! за тату мариню, що не варто и пилонуть!

Марія. Ага, добре-добре!

Легкодухъ. Но, прибий-но уже рызъ, прибий!

Марія. Такъ, такъ! коли мене такъ немилосердно побить.

Легкодухъ. Но, ний тамъ наши бордги сварити нежи собью! Перепрашаю тя, коли того доконче забавля! Но, прибий!

Марія. Ний же тобѣ Господь отпуская; я тобѣ отпущаю. (Самъ до себе) Пожди-но! зарыпнешь ты мене еще за тое!

Легкодухъ. Иди навѣдженя, иди! Кто би тамъ припущалъ собѣ такіи мариницѣ такъ дуже до головы? Безъ такіихъ дробныхъ переплютокъ не зидеся жадная дружба; а тыхъ тамъ маринихъ кельми штурсавѣ додаютъ яинь въ пріязни ббльше охоты. Здоровя будь! иду до лѣса, та нарублю тобѣ таку куну хворосту, що буде не що подивитися.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Марія (сама).

Иди здоровъ, иди! Но ний мене нечистый забере, если тобѣ не одянуся за тое, що мене, не знати за що, такъ тяжко покарады. Жѣнка мае правда каждого часу въ своихъ рукахъ способъ, поиставися на своемъ чедовѣку; но на ного ледяца была бы се за догкая кара. Треба ему буде такъ заграти, щобы мене добре попомыгалъ.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Матвій, Луцько, Марія.

Луцько (до Матвія, не зважаючи на Марію). До сто кулѣкъ! Тамъ то насъ господарь заставилъ до собачои работы! Нечистый его знае, якимъ свѣтомъ въ тобѣ вывести конця.

Матвій (не зважаючи на Марію). Та, не поможе! Скачи браже, якъ павъ каже. Та въ-конецъ, кобы лишъ якъ прійшло до весалья, то надолужили бы мы собѣ за наши труды добре. Богъ вѣдае, що за будя и нужды допята-лася дочка нашего господаря. Кобъ то якъ допоможе ей въ еи недугъ, было-бъ намъ небо отъ еи княжика Богачевича. Оно правда, що она троха лѣже за Ягодицкимъ; но далеко кудому до заяця; старый Подкова якъ свѣтъ свѣтомъ не дасть ея за него.

Марія (сама до себе). Якъ бы то съ нимъ розплатитися?

Луцько (до Матвія). Але яка то ганьба вситилася въ ню, що всѣ високучени докторы и цилырики не уторопали съ нею вывести лѣду.

Матвій. (до Луцька). Ось бачите, не разь бачите за'вождь священик, а разь ось подь вистом; та старши людє повадять: лучший розумь при-рожденый джз наученый.

Марія. (сама до себе). Буде, що буде, а жель доконць помститься на немъ. Мель цало тяжко на сердцю оть тыхъ басмановъ; та и не поможу, доки не дамь я ему покушати, який въ иньхъ сманъ... (до Матвія и Луцька). А — переираньлю! Я и не звязала, що ту кто есть; такъ заперула собі голову своими клопотами.

Матвій. Нема кутяка безь крещика; та и ми сушико собь такожь розумъ свовни брудники.

Марія. А не могла бы може мои дурни головы въ томъ що помочи?

Матвій. Та кто се може знати? Ось мы рощибиеся за який до-брыи лікарь, щоби роздобыл гдеяке на лажь для дочки нишого господара, котора ни зь того ни зь сего оныала. Старый возилъ ю по всахъ выско-ученыхъ докторахъ, которые однакожь не помогли ей и одробинки. Але-жь не разь бачите есть въ сватъ прости, но таинственый лікарь, та несабови-тыи шептухи, що-то мають зь дьда прадада своимъ чудотворнымъ лажь, оть которыхъ помагалося такому, на которого школьный докторъ спроваждае пона. Отже-жь такого рады ми где отпытати.

Марія. (сама до себе). Ага! Що за прекрасный случай, помститься на косьмъ ледаци! (изъ голосъ) Ей! та вы не могли выбратися на тое въ сча-стливую годину; а я вамъ покажу лжкара, надь которого нема лучшого, та оть которого помагалося такимъ, що уже одною ногою были на тамтѣмъ свята.

Матвій. Гей! если ласка! А где же той славный лікарь проживае?

Марія. Идаты ось-тамъ до того лжса, то подыбете его тамъ руба-ющого хворостъ.

Луцько. Лікарь, що рубае хворостъ?

Матвій. Може хочете сказати, що бнз тамъ збирае залъ?

Марія. Где-тамъ! То вамъ бачите не який звычайный человекъ, но печуваный дивакъ, шептухъ, угадко, голова, якои не подыбете въ цаломъ враю, а по которомъ бы някто и не сказалъ, що бнз такій вшчунъ. Онъ вамъ неситя по-просту, здаеся не разь, що ничего не знае, и угаивъ оть всякого случая, где бы могъ пописатися съ своею наукою, гей той нехристь оть свяченой воды.

Матвій. Дивна то рчь, що мало не все мудрыи людє мають доконць въ голове оковы нухи, та ще по-при ихъ наука амвдагъ все аблясь ворщяка дуромьетомъ.

Марія. О! на нашого лжкаря приходитъ вамъ не разь такожь такая планета, що и тяжко тому вярнти. Такъ на пр.: занатуритя бнз не разь, и не признаеться вамъ, що бнз лікарь, доки не вельного до руи несутя, и

егинать добре не вышеруете. Отже, если бы был и передь вами Може задалася, што ничего не знае, то дае вамъ леку раду, чтобы выгатыи себе и добрыи якимъ букомъ на вся боки, а увидите небавомъ, што-то у него-ваго инаварный роаумъ. Такъ ось радимо собі, ми съ нимъ всь, если вриамъ потребуемъ его помочи.

Матвій. А то вамъ неувадный явійсь дивакъ!

Марія. Сама правда; но при всёмъ томъ увидите вы на нямъ действительное чудеса.

Матвій. А якъ ему на имя?

Марія. Онъ зовеса Легкодухъ, а познати его легкодыко по ось тому: у него густыи чорныи хуса, очи сини: мае на собі по-старый сьракъ, на ногахъ пастолы, а на голова каптуромъ съ дояскомъ жолтыи и зеленыи.

Дудько. Подсокъ жолтый и зеленыи? То явійсь дивакъ зъ роду чужбывъ, чи може папугъ!

Матвій. Ало чи то онъ за-дйствне такой мудрый?

Марія. Го! то вамъ цалый чудотворецъ! Буде тому якихъ двадцать недель, коли одну невесту отступали всь докторы. Уже ю убрали на смерть, т взядся робити деревиско, та всь казали, що она уже отъ колькохъ годныи нежива. Случайно запутался зъ-откись въ тамтыхъ сторонахъ нашъ дивакъ. Онъ бере вамъ якусь баньку, пускае зъ неи каплю — чортъ зна — яком росчины бабъ до губы, — тай якъ стой схлапуеся вамъ баба зъ постель, и переходится по хатъ, гей-бы ей ничего на свьтъ не было.

Дудько. Ой!

Матвій. А що се была за така росчина? може пташое молоко?

Марія. Нечистый тамъ его знае! Передъ трома недьлами упалъ вамъ одинъ хлодакъ изъ звонницъ на землю, та поломилъ собі руки, ноги, и разбилъ голову. Привели нашего дивака; той взялъ вамъ и помастилъ хлопчиска якусь мастю своєю работы по двьомъ тьв. Незабавомъ стае вамъ хловецъ и бжнть чемъ хутше бавитися съ другими дьтьми.

Дудько. Ой!

Матвій. Онъ гдесъ мае знати, зъ которого боку хоробу заходати.

Марія. Вся такъ повьдають.

Дудько. Крестъ-сонечко святе, шо намъ то-то такого хлопа потреба! Ану ходьмъ глядати за нимъ.

Матвій. Спаси-Богъ за добрую новину!

Марія. Лише прошу не забудьте на мою науку, якъ ось съ нимъ выете заходитися!

Дудько. Ой, сто-десять мушкетъ его иагери! Если лань-е все-идае, чтобы его прочухати, то можете съ тьвъ сдаться на насъ на-божечко.

Матвій. То баучу самъ Господь спровадитъ до насъ тую честную невесту. Меня шось въ души повьдае, шо зъ того выйде для насъ всьхъ великая утѣха!

(Дальше буде.)

Пренумера-
та въ годъ
1 ар. 50 кр.,
со „Сло-
вомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИИЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешристицкая прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 11.

Львовъ 24. Цвѣтня 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ГЕТМАНЪ КОЗАЦКІЙ ПАВЛО НАЛИВАЙКО (отъ г. 1596—1597).

Здавалось уже — якъ то дальше повѣдаютъ льтописцы наши, що будьто вѣчно-злюбивый ворогъ человеческого рода на-всегда покорилъ, подь нозь свои богобоязное русское племя, наславни на масть язву такъ званого „соединенія“ (уніи), которое, праведно рекши, было не соединеніемъ, а паче розъединеніемъ, розвращеніемъ и крайнимъ роздоромъ. Но помимо того, сей ворогъ челоуковъ не на-долго ута-шалася своею побѣдою, яко убо не дано ему зъ-выше посоромляти людскіи роды до конца и до изнеможенія. Всемогущій Господь поста-вилъ предѣль его подвигамъ, и затѣмъ не въ силахъ сатана грѣшити въ народахъ надъ мѣру. Таке сталося теперь и у насъ на Руси: мѣра злочинствъ супостатовъ нашихъ уже была перебралася, такъ ишло до того, на время низвергнути ихъ силу, укорити гордость ихъ и буйство. Отъ степѣвъ Украины повъзало карою Божою на гонителей народа, и возсталъ съ оружіемъ мести за свое племя, за русскую вѣру, славный Гетманъ козацкій Павло Наливайко.

А былъ той Гетманъ Наливайко якъ-бы самымъ небомъ зсланъ намъ на тое, абы порожденіе уніи въ земляхъ русскихъ здѣлати не такъ ото легкимъ, якъ се Ляхи а езуиты были собѣ забажали. А же былъ онъ сынъ простого роду (сынъ Острожского кушнѣра), то поста-вивши собѣ цѣлю боротись за святую Русь съ Ляхами, онъ не вда-вался въ марную писанину, не посылалъ протѣствъ и челобитныхъ грамотъ до короля ни до Союму Варшавского, но просто принялся за козацкую работу такимъ ладомъ, що взявши въ руки спису и при-пнявши острый мечъ до боку, двинулся съ своими Запорожцами въ походъ на Поляковъ. Видѣлъ бо сей дальный мужъ быстрымъ своимъ умомъ, що се зближается таке время для Руси, где то не по-добае уже полагатись на вельможъ и могущихъ міра сего, ловкихъ на

слова, а не отважныхъ на дѣло; но потребно самому-же народу стати за себе крѣпкимъ муромъ и оплотомъ противъ супостатовъ, выступити на поле дѣланій, на которомъ до сей поры подвизались токмо высокородныи привилейники. Видѣлъ Гетманъ Наливайко, що Старшин нашего народу, яко именно Владыки а князь и дворяне, одни уже цѣлкомъ измѣнили Руси, ставши ей врагами и гонителями, другіи же, исполненныи страха людского или обмеженныи Ляхами въ своей власти, не успѣвали ничего лучшого здѣлати для Руси, якъ лише списати отъ ей имени смиренную жалобу или протестацію, которыи цѣлыми стосами залегали въ заперошенныхъ скриняхъ соймовой палаты въ Варшавѣ. Затѣмъ то увѣрился нашъ Наливайко, що если вже конечно приходится потреба писати противъ Польщи протестацію отъ имени Руси нашей, то належитъ писати тѣмъ же перомъ вѣдомыхъ, а мечемъ козацкого народа, стальными ножами и списками простого люду Руси, всегда готового идти на Ляховъ войною. Жила бо въ томъ народѣ нашомъ отъ давна така завѣтная мысль: що святая Русь въ отношеніи до сусѣдной Польщи лишь такъ долго удержатись може сильною и цѣло независимою, доки съ тою-же Польщею воюе и борется, а въ ніякіи съ нею пріятельства и уніи не входитъ. Такъ бо то и во-истину, могущею была Русь наша за славныхъ Князей Романа и Данила, неустанно съ Ляхами воевавшихъ; непобѣдимою была она долгій часъ и за Князя Свидригайла, доки той не заключилъ перемирія съ короною польскою. А хотя послѣ Свидригайла Ляхи та езуиты навязали намъ уже не меньше, якъ четыре свои уніи (згоды), и хотя за днѣи Берестейского Собора уже не было у насъ ни Романа ни Данила: то однакожь остались еще тѣмъ же самыи силы русского народа, съ которыми колись-то оны хоробрыи Князь чуда-дива на Ляхахъ доказали, и съ помочію которыхъ можъ было еще и десять такихъ насильныхъ ляцкихъ уніи на кусочки порвати.

Такими то думками наскрѣзь перенявшись, Гетманъ нашъ Наливайко собралъ летомъ 1596 г. около 20.000 мужа козацкого войска и множество селянъ русскихъ охотниковъ, та въ оную пору, коли писалась унія церковна въ Берестю, порозганялъ ляцкіи полчища изъ всѣхъ городовъ Украины, и выповѣлъ настоящую войну королю польскому. Вразъ же съ тѣмъ онъ выдалъ такіи наказъ до всѣхъ жителей при-Днѣпринской земли, абы никто не вахился пристати на унію, выдуманную Ляхами и врагомъ челоувчского рода на пагубу православной Руси, та щобы никто не признавалъ больше Святителей русской Церкви Митрополита Рагозу, который ставши перекинчикомъ, звязался съ папою на погибель святого православія. Священникамъ же русскимъ препоручилъ Гетманъ Наливайко, щобы они неустрашимо стояли за

вару нашихъ предковъ, и чтобы никому другому не послушали, лишь Патриарху Цареградскому, а Владыками Руси не признавали никого иного, лишь Епископовъ Львовскаго, Перемыскаго и Могилевскаго.

Якъ скоро Ляхи въ Варшавѣ дождалися о подвигахъ Гетмана Наливайка, сейчасъ король Жигмонтъ III выслалъ — сколько лишь могъ наибольше войска польскаго на Украинну, та и приказалъ коронному Гетману Станиславу Жолкевскому, который тогда ишолъ въ походъ на Молдавію, абы той завернулъ зъ дороги а спышалъ чымъ-сперше надъ Днѣпръ усмирятъ збунтовавшихся козаковъ оружіемъ. Осенію 1596 г. численными людьми войска подъ начальствомъ Жолкевскаго вторгнули въ украинскую землю. Розважный Гетманъ Наливайко не занускался съ ними зъ-начала въ ніяку великую битву, а толькo непокоялъ ихъ по дорожъ нечаянными перепалками, дразнячи и заманивалъ ихъ въ глубину украинской земли, къ рѣцѣ Днѣпру, где то собралась голова козацкая сила. Были вправдѣ малы военныи стычки подъ Брицлавомъ и подъ Уманемъ, однакожъ тутъ и тамъ козацкіи отряды, недоудачная битвы, разбѣгались передъ Ляхами, показуючи буцымъ-те якесь роустройство чи тревогу въ своихъ рядахъ, що и понукало пана Жолкевскаго ступати съ добрыми надьями на-передъ, къ головному пристанищу Гетмана Наливайка, къ городу Чигирину надъ рѣкою Тясминомъ (що плыве до Днѣпра).

Векоръ панъ Жолкевскій со всею силою Ляховъ стануль подъ Чигириномъ, где козаки наши ожидали его, розставившись укрѣпленнымъ таборомъ надъ рѣкою Тясминомъ. Козаковъ было тутъ около 20 тысячь мужа, люцкаго же воинства мало не въ-двое стѣлько. Уставляясь до бою, козаки наши роздѣлились на три отряды: Наливайко прииялъ начальство надъ головнымъ отрядомъ въ серединѣ, правое крыло препоручилъ онъ удалому полковнику Лободѣ, а лѣвое полковнику Оварѣ. На окопахъ же у козацкаго табора росположены были семискии поля охотниковъ, которыхъ Поляки называли „гайдамаками“, и которы исполняли службу при козацкихъ пушкахъ. — Передъ начатиємъ битвы Гетманъ Наливайко велѣлъ выставити на найвысшемъ горбку у Тясмина три бѣлыи хоругви съ золочеными крестами и съ такою надписію: „Миръ Христіянамъ, а на зачинщяковъ вражды Богъ и Его крестъ!“ За водруженіемъ сихъ хоругвей козаки всѣхъ полковъ и охотини на окопахъ вознимали шапки зъ головъ, и крести себе по православному, возносили къ небу свои молитвы. — Поляки же зъ своей стороны, вмѣсто знаменъ Христіянства, выставили на боющии передъ лицемъ всѣго козачества три шибениць съ надписію: „Кара бунтовцѣвъ“; на одной зъ тѣхъ шибениць повѣсили они жертвое тѣло козацкаго старшини Богуна, на другой козака Сутигу, а третью

*

оставили пустою, угрожая повѣсѣти на ней того, кто зъ козацкихъ старшинъ первый попадется въ ихъ руки.

Послѣ такой взаимной выставки своихъ знаменъ два войска стояли еще хвилью супокѣбно, ожидая на се, кто первый буде „зачинщикомъ“. Оттакъ наступилъ первый нападъ изъ стороны польскихъ войскъ, которы цѣлымъ здвигомъ ступали на укрѣпленный таборъ козацкій. Громкая пальба изъ пушокъ, сильный огонь рупнищъ и самопаловъ вскорѣ покрыли густымъ дымомъ все боевище. Найчортвѣйша же хмара того дыму налягла власне на саме ядро войска ляцкого, где находились найдоборвѣйшии полки шляхоцки и коронныи. Крыстаючи зъ оного задымненія, Гетманъ Наливайко вывелъ изъ засады наилучшу свою Запорожскую дружину, врзался съ нею въ само сердце польской арміи, коли межѣ тѣмъ полковники его, Лобода и Овара, взяли непріятеля въ два огня. Тогда-то козаки, по данному знаку, цѣлымъ вшпоромъ нагрянули на оба крыла ляцкой арміи, принудили ихъ податися въ тылъ, и затѣмъ оба сіи крыла уступаючи къ серединѣ, привели себе и средоточный отрядъ Жолкевского въ совершенный беспорядокъ. Борьба закипѣла тутъ ужасная. Цѣлыхъ 7 годинъ продолжалась рязня, якої не запамятано еще въ земли той у береговъ Тясмина. Козаки и селянеохотники, подоспѣвши изъ окоповъ на боевище, перли всею силою Поляковъ къ тому мѣстцу, где стояли три ихъ шибенищъ. И онымъ-то видомъ шибенищъ войны наши розъярались до такои степени, що ани слухати не хотѣли ничего о пощадѣ: раненныхъ Ляховъ, упадавшихъ на землю, добивали списами, а кидавшихся въ Тясминъ вытаскивали арканами (долгими мотузьями), и рубали въ куски. Спаслся изъ Поляковъ лише панъ Жолкевскій а съ нимъ и тѣи, у которыхъ были лучшии конь. — Лѣтопись русска зъ тѣхъ часовъ, описующа сію Чигиринску битву, говоритъ во память потомкамъ: що козаки накарбовали на своихъ карбахъ 17.330 убитыхъ Ляховъ; стащивши къ шибенищамъ тую купу мертвецевъ, они тамъ прикидали ихъ землею, а потомъ знявши тѣла Старшинъ своихъ, погребали ихъ съ торжествомъ въ Чигиринской Преображенской церкви, на ихъ же гробницяхъ Гетманъ далъ вырвати таку надпись: „Пострадали неповинно мученическою смертію за вѣру и за рѣдную землю русскую“. — Козаковъ пало въ той битвѣ 5000 мужа.

Такъ вамъ забичилась совершеннымъ поражениемъ Ляховъ она славна Чигиринская битва, о которой народъ русскій утворилъ прекрасну козацкую думу и сохранилъ туюжь въ сторонахъ Днѣпра даже и до сего дне. Въ оной-то думѣ величаютъ козаки Гетмана Павла Наливайка Батькомъ своимъ сердешнымъ, та воспѣвають съ довѣреннымъ сердцемъ таке: що сію великую побѣду ибѣ Чиги-

риноиъ даровалъ Наливайкъ самъ Господь Богъ въ нагороду за то, що бить во имя Господне поставилъ три знамена съ крестами, посвященными въ церкви православной. — Сія то дума про Наливайку есть одна зъ найстаршихъ пѣсней козацко-русскихъ, яка ажъ до нашихъ часовъ въ устахъ народа доховалася; та она то и была первою думою военного ладу, по которому потомъ пѣснопавць, лирники и бандуристы козацкии складали множество подобныхъ пѣсней, якими Украина наша на весь свѣтъ съ наибольшою славомъ величается.

Чигиринская побѣда произвела самое благотворное дѣйствіе въ земляхъ русскихъ: она бо якъ на-скрѣзь ободрила православный народъ Руси, такъ знову нагнала Ляхамъ и уніятамъ такого страху, що тѣи отчайдушно выносились изъ городѣвъ и поселеній не только украинскихъ, где ихъ тогда уже и такъ немного приосталось, но убѣгали цѣлыми толпами навѣтъ изъ Волыни и Подѣлья, уносячи жите и маетки свои въ околицы, пограничныя съ Польщею. Оттакъ и насильственное ипреніе уніи повсюду на-разъ перервалося, а уніятскіи Владыки одни совершенно присмирѣли, другіи поховалися въ якихъ-то закутахъ такъ старанно, що и слѣдѣвъ по нихъ не оставо. Самъ Митрополитъ Рагоза, человекъ слабосильного духа, утѣкъ въ тую пору ажъ до Вильна на Литву, и зъ-ѣттамъ писалъ смиреннѣйшіи письма къ православному князю Острожскому, увѣщая тогожь пѣдъ словомъ чести, що бить, Митрополитъ Руси, лишь по принужденію приступивши до уніи, готовъ есть каждой хвалѣ ѣтъ неи отступити, и назадъ на православіе навернутися. — Народъ же русскій и все православное духовенство по счастливой битвѣ Чигиринской ѣтдыхнули свободнѣйше, та обходячи повсемѣстно съ великимъ торжествомъ память славной побѣды, молились за Наливайка въ храмахъ Божихъ, желая полнымъ сердцемъ лишь того одного, абы онъ хоробрый Гетманъ Украины всецѣло истребилъ унію и лятки вакорѣяки въ земляхъ русскихъ.

Послѣ Чигиринской битвы Гетманъ Наливайко таки ни на хвилию не ѣтпывалъ меча ѣтъ своего боку, а сейже часъ принялся до дальнейшей работы. Выславши полковника Лободу съ однимъ отрядомъ козаковъ въ доокрестныя стороны, щобы карати всюду Ляхѣвъ, где якии еще по городахъ и селахъ приосталися, самъ бить двинулся на Волынь, ступаючи дорогою къ рыцъ Случи въ слѣдъ за розбитками пана Жолкевского. На томъ походѣ розгромилъ бить знову Ляхѣвъ въ двоухъ битвахъ, разъ пѣдъ Могилевомъ на Днѣпрѣ, другій разъ у Случка надъ рѣкою Случію. Оба тѣи города спалилъ Наливайко до тла, бо хотя жители въ нихъ были таки наши русскіи, однакожь Ляхи, бывавши зъ поля битвы, запералися въ сихъ городахъ, и не можъ было ѣттуда выкурити ихъ иначе, якъ лишь жаркимъ полемьѣмъ.

На четвертомъ мѣсяци по Чигиринской битвѣ Гетманъ Наливайко стануль надъ рѣкою Случію. Тутъ соединился съ нимъ и полковникъ Лобода, который другимъ шляхомъ дотеръ до рѣки Случи, очистивши по дорогѣ все русскіи мѣста отъ завѣтныхъ вороговъ нашего отечества. Отъ Случи заирилъ Наливайко завернути къ городу Острогу; надѣючись подняти тутъ до вспомолаго дѣла противу Польщи также и самого князя Константина Острожского, который помимо преклонныхъ уже лѣтъ своихъ таки готовъ былъ станути въ рядахъ поборниковъ святаго православія. Однакожь отъ того завѣру Наливайко знебодень былъ вскорѣ отстати, понеже власне тогда донеслася къ нему вѣсть изъ за-Случи, що Ляхи, собравшись знову въ великомъ числѣ пѣдъ начальствомъ Жолкевского, тягнутъ къ рѣцѣ Случи, щобъ заступити козакамъ дорогу до Острога. Бачишь, залежало Ляхамъ на тѣмъ много, абы не дати Наливайцѣ соединитись съ могучиимъ Русь княземъ. — Походъ Жолкевского къ рѣцѣ Случи былъ такъ поспѣшнѣй, що не устигли еще козаки наши порядочно таборъ свой укрѣпити, а уже передобны стражи люцкого войска распочали съ ними сильную перепалку. У береговъ Случи на урочищи Солоницѣ завязавсь кровопролитная борьба, въ которой зъ-начала — здавалось — перевага была на сторонѣ Наливайка. Вскорѣ однакожь показалось таки, що въ войску козацкиимъ неставало того добре заготовленного ладу, якимъ отличилось оно пѣдъ Чигириномъ. Въ слѣдствіе того Ляхи, хотя тѣмъ разомъ не переважны силою, преодолѣли нашихъ у Солоницѣ, та искуснымъ заходомъ окружили со всехъ сторонъ именно той отдѣль козацкого войска, въ которомъ находилса самъ Гетманъ Наливайко вразѣ со знаменитыми полковниками Лободою, Мазепою и Кизиимъ. Видячи себе кругомъ въ отсѣчи, Гетманъ Наливайко и Старшины козацкии кинулись на отчаянный перебой, бажючи все лучше умерти съ мечемъ въ рукахъ, нѣжь попастися Ляхамъ въ неволю. Однакожь польскій Гетманъ коронный, панъ Жолкевскій, стараючись всеконечно начальниковъ козацкихъ живцемъ въ руки свои поймати, приказалъ жаразъ войскамъ своимъ бойку застановити, и якъ-бы на знакъ примиренія устремилъ бѣлый штандаръ середъ боевища. Оттакъ борьба на всехъ мѣстцахъ прервалася, а панъ Жолкевскій послалъ къ Наливайцѣ своего отпоручника съ такимъ заявленіемъ: що если онъ, Гетманъ Украины, со своими козаками уступитъ за Днѣперъ, въ Запорожскую Сечь, то король Польщи и сойми Варшавскій, даруючи ему на-всегда свободу, заключать съ нимъ честный миръ и по вѣчнымъ часамъ не будутъ напастовати русскіи земли.

Сіе предложеніе мира изъ стороны пана Жолкевского было здѣлано въ способъ такъ нѣбы на-скрозъ щиродушный, що Гетманъ На-

дядько не уважалъ причинить со своимъ согласіемъ на то долше отягаться. Онъ принялъ перемиріе съ паномъ Жолкевскимъ тѣмъ охотнѣе, понеже видѣлъ небога, що такъ онъ-же самъ якъ и другіи найдальнѣйшіи Старшины козацкіи, будучи окружены докола лядскими войнами, еще таки находятся въ ихъ неволи. — Необачный! вскорь-жъ пожалѣвъ онъ своей доврчивости, съ якою услухалъ лѣстныхъ словъ пана Жолкевского. Ляхи бо, представивши Наливайца, що для окончательной умовы взглядомъ перемирія потребно ему и Старщинамъ его конечно ѣхати до самого-жъ короля въ Польшу, перепроводили нашихъ начальниковъ въ таборъ пана Жолкевского, а той оковавши ихъ тѣдками путами, подъ численною стражею отослалъ яко планиковъ до Варшавы. — Въ Варшавѣ панове Поляки осадили Наливайка и его товарищей въ темной вѣзницѣ, та придумали для нихъ такъ страшный родъ мученія, якого въ народахъ славянскихъ передъ тѣмъ никогди еще не бывало. Черезъ три дни и три ноци каты лядскіи, стоячи чередою у рогожи, на которой сидѣлъ закованный Наливайко, не давали ему ни на хвильку задремнути: лишь только сонъ начиналъ примыкати его повѣки, тѣ люди пробужали его обухомъ соковы и некли по тѣмъ раскаленнымъ гвоздямъ. Потомъ четвертого дня, увѣчавши чело его розжареннымъ желзнымъ вѣнцемъ, вывели его на площадь казни, и тутъ посадивши въ мѣдяного быка, испекли повольнымъ огнемъ на смерть. Такою-же мученическою смертію погибли въ Варшавѣ и вѣрныи товарищи Гетмана Наливайка, козацкіи Старщины: Иванъ Лобода, Теодоръ Мазепа и Яковъ Кизима. Черезъ кѣлька годинъ, говорить русская лѣтопись въ тѣхъ часѣвъ, были слышны войки и стоны сихъ страдальцевъ за Русь и святую вѣру, сожженныхъ въ мѣдяномъ быку. — Казнь она мелодская происходила лѣтомъ 1597 г., и въ то-жъ годъ ажъ по нынѣшній день улица въ Варшавѣ, которою провадили Наливайка на площадь смерти, называется „улицею Налевки“ (се бачишь было Ляхами испорченное имя нашего Гетмана).

Такъ то несчастливая битва надъ рѣкою Случію и благодушная доврчивость Гетмана Наливайка въ областныи слова пана Жолкевского являди для Руси нашей якъ найбѣршіи послѣдствія. Козацкое войско, разбитое у урочища Солоничъ и позбавленное своего Гетмана и найлучшихъ Старщинъ, подынялось на кѣлька помельшихъ отрядѣвъ, зъ которыхъ одни на-сирѣжь, опечаленыи повертали въ свою рѣдну Сечь, другіи же разбрелися по вѣсьмъ окрестностямъ та изъ отчаянья начали промышляти разбоями. — А межи тѣмъ Ляхи и уніаты, видячи такъ напрасное пораженіе православной Руси, вѣднесли теперь знову свои головы та принялись за прежнюю роботу, съ бѣльшимъ еще усердіемъ и жаромъ, чѣмъ коли-будь передъ тѣмъ. Тожъ еще никогди передъ тѣмъ Малая

Русь не претерпѣла столько бѣдствій, якъ въ онѣ часть по казнинѣ Наливайка. Поляки истощали всю терпѣливость нашего несчастнаго народа, принуждая его различными муками чувствовати въ полной мѣрѣ бремя неволи, какое на него наложили.

Абы имѣти вѣрный образъ о томъ, що зъ оного злопамятнаго лѣта 1597 дѣялося на Руси напой, досыть есть перечитати лѣтопись русску, списанну за тѣхъ-же часѣвъ жившими свидками очевидцами, котора такіи ото описанія переае потомству: „По истребленіи несмыханннмъ варварствомъ Гетмана Наливайка, вельможи польскіи на соймѣ въ Варшавѣ превозгласили народъ русскій отступннмъ, вѣроломннмъ, бунтующнмъ, осуженнмъ на рабство, преслѣдованье и всемірное гоненіе. Слѣдствіемъ того Нероновскаго приговора было се, що дворянъ и вельможъ русеннхъ выключено на-всегда отъ выборѣвъ и урядѣвъ воинскихъ и судебныхъ, та названо ихъ просто хлопами. Отъ всѣхъ же высшихъ сановникѣвъ, якіи еще были зъ русскаго роду, ѣтобрано староства, села и другіи наданныи доходы, а на ихъ мѣстце поставлено всюда Полякѣвъ. Рыцарство русске удалено отъ всякихъ достоинствъ въ военной службѣ; въ городахъ русскихъ укрѣплено польскіи залогн, и самымъ-же воинамъ лянцкимъ надано полную власть надъ народомъ такъ селянскаго якъ и мѣщанскаго стану. Що лншь вымыслити може злого самовольна, надменна и пьяная немудекость, все то дѣлали ови воины лянцкіи надъ несчастнмъ народомъ русскнмъ безъ угрызѣння совѣсти. Грабежи, насилуванье женщинъ и самыхъ дѣтей, побой, мучительства и убійства превзѣшло всякую мѣру, до якої не доходятъ нравъ и дикіи народы. Воины лянцкіи, уважая народъ русскій невѣльниками Польщи, признавали все его имѣнне своимъ, а также душу его и тѣло почитали власностію своєю такъ само, якъ-бы своего коня и вола. Людямъ русскимъ по селахъ и городахъ запрещено было собиратись на якіи-будь хоть и найневнннѣшнн сходбища; где лншь зѣйшлося до-купки кѣлька Русинѣвъ чи то для звычайныхъ господарскихъ работъ, чи для увеселенія въ праздники, сейчасъ нахолки лянцкіи розгоняли ихъ палками и слѣдили всякимъ катованьемъ за предметомъ ихъ розговорѣвъ. Церкви русскіи были насиліемъ обрацаемы на унію. Ксендзѣвъ польскихъ, которы съ триумфомъ ѣздили по краю русскомъ для подсмотру и понужденія къ уніятству, мусили по-неволи отъ церкви до церкви возити наши люде, запряженнн до ксендзѣвскихъ повозѣвъ по 20 мужа и болше въ цугъ; на прислугу же тымъ ксендзамъ добираны были Ляхони самы найкраснѣшнн зъ дѣвицъ русскихъ. Церкви прихожанъ, не хотѣвшихъ приняти уніи, ѣтдавано жиданъ въ арѣнду, и на тѣмъ церкви наложена была за всякую отправу грошевая плата отъ одного до пяти таларѣвъ, а за крещеніе дѣтей и

за похороны мертвыхъ отъ одного до пяти злотыхъ польскиххъ. Жиды, тѣ непримиримыя враги Христїанства, съ наибольшою радостію принялись за такъ многокорыстную для нихъ аренду, и сейже часъ ключи церковныи и посторонки отъ звоновъ забрали до себе въ корчмы. За для всякой отправки церковной люде русскїи шли въ корчму торговаться съ жидомъ, а той-же, обругавши до-воли христїанское богослуженіе, выдавалъ ключи и посторонки за зложенную плату и по отобранью присяги, що въ церкви Божой ничего въ запасъ не буде отправлено. Видячи таке осоромленье святого православїа а цѣлымъ сердцемъ ненавидячи унию, дворянство и вельможи русскїи по-неволи и зъ отчаянїа переходили не на унию, но радше на вѣру латинску.“

Таке то лихо дѣялось въ то время русскому народу по несчастной кончинѣ Гетмана Наливайка! — А помимо того, сей народъ русскїй, переносячи на собѣ весь роды мукъ, гоненїй и бѣдствїй, якіи лишь само пекло придумати може, — сей народъ не только на однихъ недобрыхъ словомъ не злорычилъ памяти Батька Наливайка, который именно своимъ козацкимъ возстаньемъ допровадилъ Ляховъ до такого бышенства противъ Руси, но сей народъ таки благословилъ пресмылое дѣло того Гетмана, который поплатился вправдѣ за се своимъ житьемъ, однакожь вразъ съ тѣмъ-же поклялъ основанїе и начало до козацкихъ военъ, зруйновавшихъ въ-конецъ самую Польшу. Народъ русскїй вѣдалъ о томъ добре, що разъ поставивши добывати свою волю не просьбами, а войною, потреба такожь приготовленнымъ быти на великіи жертвы и страданїа и муки, та ещежь потреба не то щобъ упасти духомъ подъ глагою всѣхъ мукъ и бѣдствїй, а радше уважати ихъ неустаннымъ будиломъ до новыхъ дѣлъ военныхъ и до вѣчной мести. А же нестало тогда уже нашему народу достаточно поборщивъ въ вышнихъ его верствахъ, во Владыкахъ и въ дворянствѣ, то избралъ бѣ съ собѣ проводаторами и первыми воинами святой своей справы сильныхъ сыновъ Украинны, вольнодумныхъ русокихъ козаковъ, которы на чель его во имя Руси и въ защиту вѣры православной цѣлыхъ 200 лѣтъ войну съ Польщею провадилъ, и наконецъ тууже Польшу во пробъ положили. — Отже то не злорычїемъ помянулъ русскїй народъ отчаянное возстанье Наливайка, ани не падалъ на духу отъ сумныхъ того возстанья послѣдствїй, но напротивъ, бодрился бѣ на власныхъ мукахъ, и готовилъ твердо свою русскую силу до новыхъ подвиговъ противу Польщѣ. И зъ тогожь времени настала такий зворотъ въ нашей Исторїи, що лѣтъ прежде бывало дѣйствовали за всю Русь самыи Князя и знатныи вельможи, такъ теперъ отъ часовъ Наливайка стала за себе дѣйствовать русскїй народъ, садъ, списуючи Исторїю своей жизни черезъ два столѣтїа стальными еписами, немольемъ и — кровїю воровъ!

ЛЪКАРЬ ПО НЕВОЛИ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3. ДѢЙСТВІЯХЪ

иболя Молиера написана І. Гавриловичъ.

○○○○○○

(Продолженіе.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Легкодухъ, Матвій, Луцько.

Легкодухъ (спѣваетъ по радѣ). Гай-я-я, гай-я-я!

Матвій. Чуешь? Тамъ то собѣ кто съ высидѣе!

Легкодухъ (выходитъ на сцену съ банькою горькая въ рукахъ, не сваявша на Матвія или Луцька). Гай-я-я! Ей Богу! Шо-то я який собака, щобы, наробишася горьки вода, не маѣ одробля покрѣпится? Заорова была старѣ! (всмѣхаея и пѣе.) Тамъ то друзь теперь за лѣсъ до сто мать! (спѣваетъ):

Банько любя, банько мила,
Колько разъ ты испустила
Рай на горло и языкъ,
Давшись чути языкъ, языкъ, языкъ!

Ще хотѣла-бъ лишъ душа,
Щобъ все поля ты была.

Мала банько, гей чому
Бачу ты вѣразъ суху.

Гей! на-перѣдъ! Мае журба мене вѣтъ, то лучше менѣ подѣ ноги, та о землю неѣ дуся!

Матвій (тихо до Луцька). Дивя! та не бѣзъ саны!

Луцько. Най мене сто болынокъ, еслѣ же бѣдай чи не правда!

Матвій. Проступень-но бѣзъ мене!

Легкодухъ (объясняючи бѣтъку). Охъ, нов ты сердечныя мнѣнькѣе, мая ты малевьяя щѣбѣтущечко! (Спѣваетъ уарѣвшы же Луца и Матвія, свѣстаетъ годѣсомъ чѣмъ-разъ больше.)

Ще хотѣла-бъ... лишъ... душа... До сто пирога! Яков марш ант до мене!

Матвій (до Луцька). Ей Богу, то бѣзъ саны!

Луцько (до Матвія). То або бѣзъ саны, або роданы братъ тега, которого она вѣтъ раны.

Легкодухъ (ставитъ баньку на землю. Роки Матвію ему кланяея, бере Легкодухъ, тиданя, шо бѣзъ кое ухвѣтитъ баньку, тумше до рунъ, и вѣтаняею

не другомъ боцѣ. Но же въ-отси владнися ему своему Луцкѣ, то бѣра бѣчи онять баньку, притискае ю до себе, и кидаетъ романтизмъ комичнымъ способомъ). Щось позиряютъ на мене въ-подъ ода, и радятся межи-собою. Чогось то нѣ до мене?

Матвѣй. За позволеньемъ: Чи не вамъ то на имя Легкодухъ?

Легкодухъ. Або шо?

Матвѣй. Та я бы ридъ знати, чи не вамъ то на имя Легкодухъ?

Легкодухъ (Обертаючися то до Матвѣя, то до Луцкѣ). И такъ, чѣ не такъ; послѣ того, чого-то вы отъ него потребуете?

Матвѣй. Мы бы рады отдати ему глубокий поклонъ.

Легкодухъ. Коли такъ, то скажу вамъ, шо се я самъ Прокопій Легкодухъ.

Матвѣй. Мы дуже тому рады, шо васъ отагнали. Фѣ, насѣ до васъ дуже важную орудку, та просимо, добы намъ своєю мѣсто не отказали.

Легкодухъ. Скажѣть днѣш, въ чѣмъ дѣло; а я готовъ зрѣбити всё, если лишъ до того мои головы разумъ.

Матвѣй. Спаси-Богъ за доброе слово. Но, прошу, варядѣтся, бо-ось якъ солнце пече.

Легкодухъ (самъ до себе). Дѣлѣсь дуже чинны дюдзска. (Наряджу-еса каптуромъ.)

Матвѣй. Не гнѣвайтесь на насъ, шо звадуемъ за вами. Сспособныхъ людей потребуять всюда, а слава вашихъ здобностей дѣйшла ажъ до насъ.

Легкодухъ. Нема съ тѣмъ шо закрыватися, шо не плохо надьблете другого, который бы умѣлъ такъ чисто добирати хворосту, якъ я,

Матвѣй. Эй, ей, шо вамъ такое...!

Легкодухъ. У мене якъ шо робити, то робити такъ, щобъ на немъ не было хибы и на волосъ.

Матвѣй. Ъ! кто тамъ за тое пытае!

Легкодухъ. Адеж знову треба за него дати: възъ крухи по сорокъ новыхъ, а възъ лозы по пятьдесятъ новыхъ. Если же бы потребовали чистого верболозу, то треба буде дати еще больше.

Матвѣй. По-шо то таке говорити?

Легкодухъ. Эй Богу! Не спущу вамъ зъ того енѣ чверть гроша.

Матвѣй. Не бойтеса; знаемъ мы на васъ, знаемъ.

Легкодухъ. Ну, то коли мене зваете, то будете и тое знати, по чему я продаю.

Матвѣй. Буде уже тыхъ жартѣвъ...

Легкодухъ. Ту нема жадныхъ жартѣвъ, нѣ смѣховъ; Богъ видить, шо не могу вамъ ничого спустити.

Матвѣй. Прошу-но взятися зъ другимъ боцѣ...

Легкодухъ. Где нигде можете жулики и таньше; хворость хворостови не ровня; но мой хворостикъ, то вамъ...

Матвѣй. Гей прошу, заиштьте но такую беседу.

Легкодухъ. Бѣгме — великое слово! — Такого хворосту не докупитея нигде, ночь-бы заплатили и двѣчи только, що у мене.

Матвѣй. Тю, пекъ и осина!

Легкодухъ. Натъ, на сумданице! Хотите моего хворосту, то заплатъ, якъ повѣдаю. Кажу вамъ, якъ на сповѣди: я не люблю торговатися.

Матвѣй. Але до чого то тая робота, щобы такой ученый человекъ, якъ вы, пускался на такую манту, та повижался такую беседу! щобы такой мудрый человекъ, такой здобный докторъ, якъ вы, ховался передъ людьми, та закоповалъ прекрасный свой талантъ!

Легкодухъ. То якийсь дуракъ, чи щось.

Матвѣй. Прощу-но, не задавайтея передъ нами.

Легкодухъ. А то знову якъ?

Луцько. Все тое базвканье не придалося до ничего; знаемъ мы се добре, шо-ось знаемъ.

Легкодухъ. А шо же тамъ такое знаете? Шо до васъ приступило? За якого то маєте вы мене?

Матвѣй. За того, чымъ вы бѣете въ нощъ — за славного доктора.

Легкодухъ. Ты самъ славный докторъ! я не докторъ, и не бытъ, якъ свѣтъ свѣтомъ, докторомъ ани я, ани мой отецъ, ани дѣдъ, ани прадѣдъ.

Матвѣй (до себе). Несчастлива намъ година съ тымъ планетникомъ! (на голосъ) Прощу-но уже разъ перестати баламутити, щобы намъ не доведося прійти до якого клопоту.

Легкодухъ. Та до якого?

Матвѣй. До такого, где бы намъ могло быти не до соли.

Легкодухъ. Е! чортъ васъ бери! та ний тамъ доводится, до чого хоче! Я не лѣкаръ, та и не знаю, чого вы мене уселилися.

Матвѣй (самъ до себе). Уже-жъ бачу не зайдеся безъ нашего крайного способу. (на голосъ) Но прощу васъ еще по разъ остатній, признайтея, чымъ-ось вы орудуете!

Легкодухъ. Та чымъ-же, якъ не хворостомъ...

Луцько. Гей, до сто мать! Буде уже тыхъ перебендовъ; та лучше признайтея по доброй воли, шо зъ васъ лѣкаръ.

Легкодухъ (до себе). Трохи не зѣвнися отъ злости.

Матвѣй. До чого то выператися того, шо ся знае?

Луцько. Дурна робота! До чого то все тое придалося?

Легкодухъ. Чуете, чи не чуете? Разъ вамъ еще кажу, разъ за сто разъ: я не лѣкаръ, и на томъ конецъ.

Матвѣй. Шо? вы не лѣкаръ?

Легкодухъ Нѣтъ.

Луцько. Вы не докторъ?

Легкодухъ. Нѣтъ, и еще разъ, нѣтъ.

Матвѣй. Ну, то коли вамъ того до-конце забагаеся, шаешы! а шаешы! а бій го! а бій! а бій! (беруть за костуры и бьютъ Легкодуха.)

Легкодухъ. Ой, ой, ой! нанюльку! золотюнку, рыбною! буду уже, чымъ самы схочете.

Матвѣй. И до чого-же насъ было силувати до той неделниціи?

Луцько. Но що намъ было задавати толькы заходу съ костурами?

Матвѣй. Варте ли, що менѣ васъ жалѣ, якъ не-знати кого!

Луцько. Покари мя Боже, если мене самого не болить душа за вами.

Легкодухъ. А якого тамъ черта понавадился вы нинѣ! Чи се вамъ до смѣху, ли може полпереверталося що въ головахъ, що захотѣлося конечно зроби ти зъ мене доктора.

Матвѣй. Що? еще вамъ того мало? Чи вы еще не перестанете выператися того, що вы лікаръ?

Легкодухъ. Ний мене нечистый возьме, если я доктор!

Луцько. Що? Вы таки не докторъ?

Легкодухъ. Нѣтъ, щобъ мене сѣмъ рогатыхъ бѣсѣвъ... (Матвѣй и Луцько бьютъ его опять) Ой, ой! Гей буде! буде! Чуєте, чи нѣтъ? Ний васъ тамъ лхій мае! Буду уже лікаремъ, докторемъ, цѣлѣрикомъ, або и айтекаромъ, если вамъ того доконце хочеса. Уже пристану на всѣ, що мне принаше жете, лише не выймайте зъ мене думи.

Матвѣй. А! видите, якъ то вышлодосѣ шлю зъ машиа! Тамуся тамъ дуже, що таки разъ перестали жартовати.

Луцько. Тамъ то менѣ ажъ сердце смиче отъ радости, що заговорили разъ по людски.

Матвѣй. Перекрашаю васъ за тое, до чого мене самы привевблили.

Луцько. Простать, що позволили собѣ, нагнати розумъ до головы!

Матвѣй. Не бѣйтеся! Не покаетеся вы, що помажете тое, що умаете; та увидите еще, що за вашу роботу надолужитъ вамъ съ верхкомъ.

Легкодухъ. Але прошу васъ, честныи людовьки! Чи не зблином ан може зъ добромъ дороги? Чи знаете вы тое на-безпечню, що то я самъ той славный лікаръ?

Луцько. Крестъ-сонечко святе, що то вы!

Легкодухъ. Таки такъ на правду?

Матвѣй. Не шнаше.

Легкодухъ. Чортъ мене бери, если тое прийшло мене коли до головы.

Матвѣй. Якъ то? Може еще разъ схочете дурити насъ своимъ запраньемся.

Легкодухъ. Хорони Боже! нѣтъ, нѣтъ!

Луцько. Не бойтесь, знаемъ мы вся ваша чудотворныя лѣченья.

Легкодухъ. Дивѣть, дивѣть!

Матвѣй. Одна баба лежала уже кѣлька годикъ, гдѣ та жежила. Вы прійшли, улустили ей въ губу якогось заморского лехвору, таѣ баба подвѣ-
ошася якъ-стѣй, и стала переходитися на хатъ.

Легкодухъ. Тамъ до сто бѣсовъ!

Луцько. Однѣ хлопчиско грымнули зъ бѣжа нѣзъ бабинцѣ, и розбили
собѣ голову, поломили руки, ноги и ребра. Вы намастили его якоюсь мастію,
отъ которой бѣзъ стануль здоровѣсеннѣй, и погнался бабитися съ адеви.

Легкодухъ. На, са!

Матвѣй. Въ конецъ не буде самъ привда, если насъ послушаете. По-
нажѣть лѣше тѣе, що умзете, то нашѣ господарѣ заплатитъ намъ, цѣбъ лѣны
самы схочете.

Легкодухъ. Онъ заплатитъ, шо лѣше самъ схочу.

Матвѣй. На-безпечно.

Легкодухъ. Коли такъ, то все добре: Я лѣкаръ, докторъ, безъ най-
меньшой суперечки. Осъ бачите, забылося троха на тѣе; но теперь пригадаъ
я себѣ есе дуже добре. А о шо тамъ ходитъ? Куда менѣ теперь повер-
нутася?

Матвѣй. Ходѣть за нами. Маемъ ось бѣдную дѣвчину, котѣра, не
знати зъ чога, ошѣла.

Легкодухъ. Ага! А я ось не догадаася!

Матвѣй (до Луцька). Бачу, бѣзъ любить перебѣндывати. (до Легкодуха)
Ану, прошу за собою

Легкодухъ. Ба! а якъ-же се буде? безъ докторской одежи?

Матвѣй. Въ томъ уже наша голова; постараемся уже о тѣе.

Легкодухъ (подѣе Матвѣевѣ баинку). Маешъ ось нѣвъ аптеку. Стережи
жеши, якъ ошѣ въ полова. (до Луцька съ превидною повагою) А ны ступай
по-укаку докторскому.

Луцько. Трѣта-бѣ его ману! Тѣ у мене лѣкаръ! людашѣй; и бесъ-
дѣшнѣй; гѣй той проотнѣй хлопъ! Танѣй, вѣкъ возьмѣся до намотѣ молодѣи на-
шеи господинѣ, то ли просто зъ моста, чи зъ майки, вытѣде лю зъ неѣ, ажъ
холѣтъ поде.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Пѣдкова, Матвѣй, Луцько, Танька.

Матвѣй. Такъ, такъ, пане господарю; въ Бозѣ надѣя, шо будете за-
доволены; мы привели вамъ лѣкарѣ, надѣ которого нема тѣшшого на сто милъ
въ-должъ и поперекъ.

Луцько. То вамъ птици єв добре захованыє носомъ; все наши докторы на годины у него стоиць за порогомъ.

Матвій. То вамъ пыймь чудотворецъ.

Луцько. Онъ вамъ выдичилъ людей, которымъ уже душа была на тамтѣмъ свѣтѣ.

Матвій. Онъ прарда часами одробяну бѣсноватый; та гей-бы выпаде зъ розуму, такъ, що и не познати, що се за человекъ.

Луцько. Ось бачите, онъ любять собѣ неразъ помутити; та тогды казаль бы хрестяничъ, що — цановавцимъ солнце въ васъ крещенныхъ — но вѣ его голова матъ уму за дурную баци.

Матвій. Але разговоры на ся одичилъ, та вамъ засветить розумешъ, гей-бы ему еро видки виказати.

Луцько. Коли ему языкъ розвяжеся, то буде вамъ говорити, гей-бы тои горькѣ розсыпавать.

Матвій. Его знаютъ по цаломъ свѣтѣ, та збѣгають до него изъ всѣхъ концевъ землѣ.

Пѣдкова. Тамъ то мене розцакавили! Приведать его сюда чамъ скорше.

Матвій. Иду за нимъ, и приведу якъ-стой.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Пѣдкова, Луцько, Тянька.

Тянька. Якъ ми Богъ милый! Сей-ось докаже то само, що и тамтѣмъ. Будете видѣти, що тамтѣмъ были за осьминадцать, а сей ось стане за двадцать безъ двохъ. Найлѣпшимъ їзкомъ для вашої дочки было бы посла моеї дурной головы тое, щобы ей дали хвацкогo а доброго человека, который бы былъ по ей пазусъ.

Пѣдкова. Ого, моя ты мамочко, щось вамъ захочесъ мшатиця до всѣго.

Луцько. Цыть навѣджена! По що тобѣ балакати такѣ, що не розумѣешь.

Тянька. А я вамъ такѣ кажу, що все ваши дѣла не уйдуть тѣ ничего и за макове зерно. Вашей дочкѣ потреба чого нищого, якъ сенечу и сахватнымъ; а гарный якій хлопчикъ естѣ вамъ найдучшимъ їзкомъ на все недуги молодыхъ дѣвчатъ.

Пѣдкова. Але що тамъ до тебе приступило? Где же можна котъ-бы погадати о ей вестыю, дѣки така слаба? — Та чи ты не чула, какъ она отиргалася того, коли я ей сказати, щобы ишла за-мужъ?

Танька. Тое не тудя-де! Вы давали ю за такого, которого она не хотѣла. А нужь но спробуйте вы, та вѣдѣть ей вѣди за Ягодницкого, чѣм не стане она якъ-стой послушною? Задожуся съ вами, о що схочете, шо она поїде за него безъ жадныхъ короводѣвъ.

Пѣдкава. Ягодницкій не придался для нея; у него нѣтъ жадного майна.

Танька. Але у него есть старый богатый дядько, по которомъ прійдутъ колѣсь на него великіи богатства.

Пѣдкава. Ти спадщини по старыхъ дядькахъ, то въ моихъ очахъ чистый вѣтеръ въ поли. Только твоего, шо ось тримаешь въ рукахъ; а добре кажутъ люде: Обѣдѣлъ панъ, кожухъ дамъ, та тепле его слово. Смерть бячшиш не скоро, дослуховатися прошеній мимыхъ наследниковъ; а оне треба на-передъ долго поострити собѣ зубы, заквѣвъ дождеши смерти богатого дядька.

Танька. А до чого же повѣдають старии люде, шо чо веселью жобовь лучша бѣтъ богатства? Батьки та матери мають той невѣдженый замчай, допытовати „а колько бѣтъ мае?“ або „а колько тамъ она мае?“; а кумъ Петро выдалъ свою Горшину за грубого Томка, за-черезъ марный не-величкій кусничокъ луговинны, который бѣтъ малъ зъ выше надъ молодого Романа, за которымъ она такъ дуже пропадала. И шо же зъ того вышло доброго? Ось она пожолгла бѣдняка, та изсохла, гей той листокъ въ осени, та не може прійти до себе по минашній день. Возьмѣтъ собѣ тое на умъ, если ласка, пане господарю. Только то всен нашом утѣхи на томъ грѣшникъ свѣтъ; та я волѣла-бъ сто разы мати для своей дочки доброго человека, который прѣсталъ бы ей до сердца, якъ всъ гроши и богатства, якѣмъ нѣсть на свѣтъ.

Пѣдкава. Гей, дивѣтъ-но, дивѣтъ, шось нѣкъ ся нѣкъ дуже розбалакали. Ось лучше пидѣлуй-но ты своего, шобъ где-може молока не засушила!

Луцько (поплескуючи Пѣдкуву за каждымъ полженіемъ по плечахъ). Прѣста бѣтъ тобѣ! Молчи необтесаная кустрище! Павови потреба такъ твоеи безглуздой бесѣды, якъ середъ гѣта савей; у нихъ въ маюмъ пальци розуму бѣльше, якъ у тебе пѣдъ твоими долгими косами. Ось лучше погустѣй дитину, якъ маешь базѣкати тое, чого не розумѣешь гѣршь того чобота. Або то панъ не батько своей дитинѣ? Отже они сами наилучше тое знаютъ, шо для ней потреба.

Пѣдкава. Поволи-но, гей поволи!

Луцько (поплескуючи разъ еще Пѣдкуву по плечахъ). Треба ей научити розуму, шобъ знала, шо то панъ, а шо Иванъ.

Пѣдкава. Добре, добре; але тѣя движенія тѣя суть зовсѣмъ не-потребны. (Дальше буде.)

Пренумерація въ годъ
1 вр. 80кр.,
со „Словомъ“ 10вр.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белетрисшичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 12.

Львовъ 4. Мая 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ И ЛЖЕ-ДИМИТРІЙ ВЪ МОСКВѢ (отъ 1598—1606 г.).

Въ то время, коли въ земляхъ мало-русскихъ Ляхи и ксендзы езуиты всякимъ насиліемъ заводили злопамятную унію, дѣялись въ сусѣдной Москвѣ такіи событія, которы на долшій часъ замутили спокойной могущаго велико-русского царства та и не дозволяли сему царству нѣякимъ помочнымъ подвигомъ станути за насъ противу Польщи. — Царь Θεодоръ Ивановичъ (сынъ Грозного) послѣ долшой недуги скончался въ началъ 1598 г., не оставивши нѣякого потомка. Съ его смертію пересѣклось Рюрикове поколѣнье Царей велико-русскихъ зъ родины Ивана Калиты; а хотя жили еще въ Москвѣ князѣ зъ роду св. Владиміра, правнука Рюриковаго, однакожь всѣ они давно уже стояли въ ряду подданныхъ Царя Московского и никто зъ нихъ николи ани не дерзалъ мыслити о царской коронѣ, принадлежавшой исключительно дому славного Ивана Калиты. Затѣмъ то Царь Θεодоръ Ивановичъ, змираючи зъ того свѣта съ печальною мыслию, що онъ послѣдній потомокъ коренно-русской родины царской, въ хвилю кончины своей гбрько заплакалъ надъ будущностию Руси, и на запросъ Патріарха и бояръ, кому поручае царство, отрекъ въ словахъ послѣднихъ: „Предоставляю все на волю Божу.“ — И видно, чей уже за грѣхи предковъ, въ наказаніе роду Ивана Грозного, така была воля Божя, що по смерти Царя Θεодора настало для Москвы такъ названое „смутное время,“ которе черезъ лѣтъ 15 продолжалоса и за которого много смутку и возмущеній было въ народъ велико-русскомъ. А оноже смутное время такъ ото распочалоса:

По смерти Царя Θεодора Патріархъ и бояре въ Москвѣ, видячи царской престолъ осироченнымъ, рѣшили таке: абы на престолъ семъ возсѣла вдова по Θεодорѣ, Царица Ирина, а державными дѣлами шобы и дальше управлялъ братъ еи Борисъ Годуновъ. За такимъ рѣ-

пешіємъ нарѣдъ и бояре сейчасъ присягнули Царицѣ Иринѣ; однакожь она, жена лагѣднаго и побожнаго сердца, не захотѣла царствовать, а удалившись въ Новодѣвичій монастырь (въ Москвѣ), постриглась тамъ въ монахини пѣдъ именемъ Александры. Вразъ съ Царицею-монахинею заключился въ Новодѣвичѣмъ монастырь также и братъ ея Борисъ Годуновъ. Звѣстно же, що сей Борисъ Годуновъ при Царѣ Феодорѣ черезъ 14 лѣтъ управлялъ русскою державою, та можъ сказати, управлялъ не дурно и не лихо, кобы ино не допустился былъ лукавого того дѣла, яке учинилъ на жизни малолѣтнаго царевича Димитрія въ Угличѣ. Теперь, тойже Борисъ Годуновъ, хотя уже позыскалъ собѣ дружбу многихъ боярь и самого Патріарха Московскаго Іова, таки ѣтказался зовсѣмъ ѣтъ власти въ державѣ, знаючи хорошо русскій обычай и пословицу: „Чѣмъ бѣльше ѣтъ чести отказуемся, тѣмъ бѣльше насѣ чествуютъ и до власти просятъ.“ Нарѣдъ Московскій, узнавши о тѣмъ, собрался у царскихъ палатъ (въ Кремль), и ѣттуда численною толпою, съ боярами и съ Патріархомъ Іовомъ на чель, устремился къ Новодѣвичюму монастырю просити Бориса на царство. Борисъ Годуновъ казался удивленнымъ такою будто неѣжданною просьбою, и рѣшительно отказался ѣтъ царской короны. Послѣ того Патріархъ и бояре послали во всѣ города Руси созывати въ Москву на великій Соборъ выборныхъ людей изъ духовенства, дворянства и мѣщанъ; а коли выборныи люди, зверхъ 500 мужа, за 6 недѣль собралися въ Москву, тогда всѣмъ соборомъ пѣйшли опять къ Борису просити его, щобъ ѣнъ принялъ царскую корону; но Борисъ, опять таки ѣтказался. Ажь за третимъ разомъ, коли нарѣдъ цѣлой Москвы, взявши изъ храмовъ Божихъ святыи иконы и хоругви, при звуку всѣхъ церковныхъ звонѣвъ и съ пѣніемъ молитвеннымъ явился передъ Годунова, щобы не тѣлько ѣтъ лица отечества, но и ѣтъ лица Церкви просити его на царство; коли Патріархъ Іовъ, надъ всѣхъ найбѣльше стоявній за Годунова, со слезами началъ просити и заклинати его именемъ Господнимъ, щобы не отказывался ѣтъ царства: тогда уже Борисъ, якъ будто на-силу, согласился въ-конецъ быти Царемъ державы русской.

Послѣ того Борисъ Годуновъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, где вскорѣ потомъ въячался царскою короною, а во время коронаціи въ церкви громогласно ѣбывалъ народу: що въ его царствѣ не буде нищого ни сироты, и що ѣнъ никого не буде казнити смертію. — ѣттакъ Борисъ Годуновъ началъ царствовать такъ само, якъ и прежде царствовалъ безъ имени Царя, розважно и умно. Въ самомъ бо дѣль, за онѣго времени никто изъ знатныхъ людей русскихъ въ Москвѣ не былъ до державнаго правленія такъ годный и способный, яко онъ Борисъ. Въ первыхъ двоухъ лѣтахъ своего царствованія

онъ былъ милостивъ и справедливъ, якъ рѣдкій кто зъ Царей сего міра; онъ уменьшилъ податки державныи, не давалъ вельможамъ наносить кривды народу, держалъ надъ всѣма царскій судъ по правдѣ и по Божому закону. Для пѣднесенія земледѣльства и торговли на Руси онъ надавалъ людямъ робучимъ и промысловымъ всякіи льготы, снижилъ оплату мыта и по всѣхъ городахъ заводилъ торжища публичныи. Знаючи же, що для блага народнаго мало одного насущнаго хлѣба, Борисъ Годуновъ ложилъ много старанья на то, чтобы русскіи люде перенимали всяку добрую науку ътъ тѣхъ земель, въ которыхъ народы были бѣльше образованы и отличны промысломъ. Такъ и воевати онъ ни съ кѣмъ не хотѣлъ, а дбалъ лише о то, чтобы русская держава безъ войны находила якую-будь выгоду ътъ всякаго сусѣднаго народа. Входячи въ пріязнь съ заграничными владѣтелями, онъ изъ всѣхъ нихъ былъ въ самой тѣснѣйшой дружбѣ съ англійскою королевою Елисаветою, и позволилъ Англичанамъ торговати на Руси безъ всякой оплаты мыта.

При такъ хорошихъ дѣлахъ въ началѣ царствованія Бориса можно было надѣяться, що русская земля прожѣ пѣдъ нимъ счастливо и спокойно, та що она отдохне ътъ прежнихъ своихъ бѣдъ и неуройствъ. На-вѣрно оно такъ и вышло бы, еслибы Борисъ былъ Царемъ Руси природнымъ. Онъ тогда правилъ бы державою со спокойною душою, не ждалъ бы собѣ ни ътъ кого ніякаго зла, не боялся бы за свѣй царскій престолъ. Однакожь съ Борисомъ было не такъ: онъ сълъ на царство хитроетію и лукавствомъ, и все думалъ лишь о томъ, якъ бы на немъ удержатися. Зъ г. 1600 овладѣла нимъ яка-то незвычайная тревога, и хотя еще никто не дерзалъ оспоривати его власти, но ему все таки казалось, що цѣлый свѣтъ уважае его незаконнымъ владѣтелемъ, неправымъ похитителемъ престола. Не довѣря боярамъ, онъ сталъ супротивъ нихъ строгимъ и суровымъ мало не такъ само, якъ былъ Иванъ Грозный. Зъ другой же стороны онъ, стараючися послѣдовати лихому примѣру Польши, началъ также и для селянскаго народа въ своей державѣ заводити такіи мѣры, якіи передъ тѣмъ еще николи не бывали и которые возбудили въ селянахъ великое неудовольство. Ото бо онъ выдалъ таке право: що никто изъ селянъ, хотя бы ему и лихо было съ его помѣщикомъ (дѣдичемъ), не смѣе переселатися до другого села на житѣ пѣдъ иннаго помѣщика, но всякій пѣдданный мае на-всегда оставати въ своемъ родинномъ селѣ и выполнати всѣ обовязки такъ званной боярщины или барщины (т. е. панщины). Сіе право, уложенное по образцу давнѣйшаго польскаго, названо на Великой Руси „крѣпостнымъ правомъ“, для того, що оно прикрѣпило нѣяко на-всегда селянъ до земли въ одномъ и томъ-же

сель, а самых-же селянъ зъ того часу стали называти „крѣпостными людьми“ или зъ-проста „крепаками“, такъ яко въ Польши называно ихъ просто „хлопами“. Очевидно, такое право, стѣсняющее личную свободу селянъ, роздражнито тѣхъ-же противу Бориса, та еще и сталося оно поводомъ до новыхъ бѣдствій въ земляхъ русскихъ. Въ многихъ бо сторонахъ селяне начали пѣдниматися на бунтъ, повязались въ розбѣйничіи шайки та бродили за грабежемъ по краю, такъ, що гдекуда по святой Руси и провзду безпечного не было.

До одного несчастья прилучились вскорѣ еще два другіи, а то именно: горѣлка и голодъ. Въ царствованіе бо Годунова Великая Русь переняла ътъ чужихъ европейскихъ народѣвъ злыи звычай пѣянства, научившись изъ Божого дару полей дѣлати горѣлку (бачишь, передъ тѣмъ на всей Руси пили тѣлько медъ и пиво). Се новое изобрѣтеніе чрезвычайно подобалося русскимъ людьямъ, и многіи зъ нихъ начинали уже предаватися сильному пѣянству, а другіи стали заниматись корчемствомъ. Борисъ Годуновъ преслѣдовалъ якъ найстрожше сіи поганьи норovy, однакъ за то пѣднйялъ противъ себе всѣхъ пѣяницъ и корчемникѣвъ, которыхъ на бѣду набралось тогда въ великомъ царствѣ русскомъ весьма богато. — До тогожь г. 1600 Богъ наказалъ сѣверную Русь загальнымъ неурожаемъ и страшнымъ голодомъ. Всѣ запасы хлѣба были истощены, и голодный народъ ътъ всѣхъ кончинъ Руси устремился въ Москву. Царь Борисъ дѣлалъ все, що лише мѣгъ: даромъ роздалъ всѣ склады зббжа изъ царскихъ житницъ, и щоденно сыпалъ народу грошей безъ мѣры; но хѣть и были гроши, а за нихъ нигде было купити хлѣба. Люде вли сѣно, собакъ, падалину, всякую нечистоту, та не тѣлько грабили и убивали за лѣмѣть хлѣба, но и пожирали другъ друга. Такое бѣдствіе продолжалось два лѣта, и за се время въ одной Москвѣ умерло ътъ голоду до 500.000 людей!

Такъ то несчастье за несчастьемъ приходило на Москву въ царствованіе Бориса, особливо-же зъ того часу (ътъ г. 1600), якъ онъ Царь Борисъ повзялъ черную мысль вражды и недовѣрія къ русскому народу. Въ г. 1603 скѣнчилась въ-правдѣ язва голоду, но за то явилось еще одно лихо, изъ всѣхъ другихъ для Царя Бориса якъ найгѣршое. Ото бо на-разъ рознесся слухъ въ Москвѣ, що будто Царевичъ Димитрій Ивановичъ не былъ убитъ въ Угличѣ (въ 1591 г.), но будто ънъ спасся ътъ убійцѣвъ, а власне теперъ, пришедши до своихъ лѣтъ, собирае въ Польшѣ и Литвѣ войско, та иде на Москву ътняти у Бориса Годунова свѣй прародительскій престолъ. Поголоска та чрезвычайно поразила Царя Бориса, хотя ънъ и показовалъ такій видъ, яко-бы ей зовемъ не вѣрилъ. А пѣйшла-жь она поголоска ътъ зъ такой дивной причины:

Былъ въ Москвѣ въ Чудовомъ монастырѣ молодой монахъ, именемъ Григорій (зѣ-проста названъ Грицько) Отрѣпьевъ; бнѣ умиль хорошо читати и писати, и для того Патріархъ Іовъ взялъ его до себе на книжное дѣло. Съ Патріархомъ неразъ той Григорій Отрѣпьевъ вздиль въ царскій дворецъ, и прельстился тамъ царскою жизнію; тамъ возмѣтилась душа молодого чернеца, и бнѣ началъ вслуховатись въ бесѣды людей о томъ, якъ умеръ Царевичъ Димитрій, отъ чіей руки и по чіему приказу его убито. Нѣкоторые монахи Чудова монастыря неразъ чули, якъ Григорій послѣ такихъ разговорѣвъ похвалялся передъ ними, що „ото я буду Царемъ Московскимъ“⁴. Одни уважали се за дурную шутку, а другіи сказали о такихъ перехвадкахъ Григорія Старшимъ; такъ уже и приказано было выслати его за безумныи рчи въ дальній Соловецкій монастырь на покаяніе. Но Грицько Отрѣпьевъ убѣжалъ зѣ Москвы, та добравши собѣ еще двоухъ товаришей, такихъ-же волокитѣ-монахѣвъ, отправился съ ними на Литву, прпуская всюду по дорозѣмъ такой слухъ: що Царь Борисъ Годуновъ неправедно сидитъ на престолѣ, що жіе еще законный наслѣдникъ Царевичъ Димитрій, которого будто не убили въ Угличѣ, но вмѣсто него зарѣзали тамъ инного мальчика. Отрѣпьевъ, перебравшись на Литву, скинулъ монашеске одѣвье, и поїшолъ до Запорожскихъ козакоѣвъ, где на-скорѣ выучился где-чого зѣ военного искусства. Потомъ бнѣ завернулъ на Подблѣ, и вступилъ въ службу до ополяченного князя Адама Вишневецкого. Тутъ бнѣ, притворившись смертельно хорымъ, бѣкрылся, будто бнѣ Московскій Царевичъ Димитрій, спасшійся бѣтъ убійства. Адамъ Вишневецкій извѣстилъ о томъ брату своему Константину, а сей знову своему тѣстю Юрію Мишке, воеводу Сандомирскому. Опъ-же Юрій Мишекъ, хотя проглянулъ обманство, однакожь будучи въ долгахъ по уши, постановилъ пробовати счастья въ каламужныхъ подвигахъ, та и взялъ Отрѣпьева въ свою опѣку. Змовившись съ другими польскими панями и съ езуитами, бнѣ предложилъ цѣлу справу легковѣрному королю Жигмонту III, та и такъ вся Польша прійняла въ волненіе. Всякій видѣлъ тутъ свою власную корысть въ самозванцѣ Лже-Димитрію. Ксендзы польскіи приняли его, того Грицька розстригу (т. е. розстриженого монаха-бѣступника) пѣдъ свѣй покровъ за то, що бнѣ обѣтовалъ завести католическую вѣру въ цѣломъ великорусскомъ царствѣ, а папа римскій не устыдался прислати оному-же розстризѣ свою грамоту и благословеніе. Король Жигмонтъ величался тымъ, що ото бнѣ отъ себе дастъ Великой Руси Царя, а Мишекъ и другіи ляцкіи паны острили зубы на то, що здѣланныи ними Царь заплатитъ ихъ долги та дастъ еще при собѣ не одному зѣ нихъ роскошно пожити. До того пріймшалось еще и честолюбіе: Грицько бо

Отрепьевъ обовязался подъ клятвою, що за вступленіемъ своимъ на русскій престолъ онъ оженится съ донькою Юрія Мнишка Мариною, а тестя прирекъ поставити удѣльнымъ княземъ Сѣверщины (т. е. русскихъ земель у сѣверныхъ береговъ Днѣпра).

Затѣмъ паны польскіи почали на-скоро собирати войско изъ своихъ хлоповъ и всякихъ бродягъ, а до нихъ прилучилось еще кѣлька сотъ Запорожскихъ и Донскихъ козаковъ, та всеи той голоты набралось до 4000 хлопа. Съ тою ватагою Самозванецъ рѣшился добывать русскаго царства и звергнути Годунова зъ престола. — Борисъ Годуновъ зъ своей стороны принялъ всѣ нужныя мѣры противъ того безбожнаго пройдохи: оставилъ крѣпкую стражу на литовской границѣ, щобъ ловити сторонникѣвъ Грицька; послалъ къ польскому королю извѣщеніе, що самозванецъ, которому Польша помагае, есть бѣглый монахъ Чудова монастыря; послалъ навѣтъ рѣднаго дядька Грицьковаго, щобы той переконалъ своего братанца въ самозванствѣ, а Патріархъ Москвы съ своимъ духовенствомъ, предавши анаѣмъ Грицька Отрепьева, переслалъ о томъ извѣстительную грамоту къ Архіереямъ литовско-русскихъ епархій. Но всѣ тѣ мѣры, якъ и были справедливы, не помогли уже ничего. Самозванецъ съ ватагою своею въ мѣсяци Октобрь 1604 г. вступилъ въ велико-русскіи предѣлы ѳтъ стороны сѣвернаго Днѣпра, и Борисъ Годуновъ приказалъ собиратись русскому войску около города Брянска. Поки войска тѣи собрались, уже многіи города въ Сѣверщинѣ встрѣтили самозванца съ хлѣбомъ-солю, и признали его своимъ Царемъ Димитріемъ. Одинъ только Новгородъ-Сѣверскій не поддался: тамъ доводилъ залогою мужественный и хоробрый воевода Петро Басмановъ, который мѣгъ бы спасти теперь отечество ѳтъ самозванца, еслибы имѣлъ онъ на то твердую волю и совѣсть. Межи русскимъ войскомъ а шайкою самозванца происходило кѣлька потычокъ, въ которыхъ Русь перемогла врага; въ слѣдствіе того Грицькова ватага весьма уменьшилась, многіи Поляки оставили его, навѣтъ нареченный тесть его Юрій Мнишекъ ухалъ въ свояси, та и самъ Грицько Отрепьевъ хотѣлъ уже бѣжати въ Польшу, — коли на-разъ нечаянная смерть Царя Бориса все переѣнила. Дня 13. Цвѣтня 1605 г. Царю сему случился внезапный ударъ: коли бо пообѣдавши онъ вставалъ изъ-за стола, кровь на-разъ бухнула изъ рота, ушей и носа, та за двѣ годинь его и нестало. Тѣлько лише успѣлъ онъ, що передъ смертію благословилъ на царство сына своего Θεодора.

По внезапной кончинѣ Царя Бориса русскій народъ и войско въ Москвѣ присягнули сынови его, Θεодору Борисовичу. Первымъ кѣнечнымъ дѣломъ новаго Царя было: спасти себе и русское царство ѳтъ самозванца Лже-Димитрія. А же найдѣльнѣйшимъ изъ всѣхъ вое-

водъ оказался тогда Петро Басмановъ, то молодой Царь здѣлалъ его головнымъ начальникомъ русскихъ войскъ противъ самозванца, и тѣмъ — здавалось — обезпечилъ бнѣ долю цѣлой русской державы. Но бѣда прійшла власне зъ той стороны, зъ которой никто ей не ждалъ: головный воевода Басмановъ, пріѣхавши къ войску подъ городъ Кромь, вмѣсто того, чтобы оправдати положенное на него довѣріе, объявилъ своимъ воинамъ, що бнѣ признае самозванца справедливымъ Димитріемъ, сыномъ Ивана Грозного. Оттакъ Басмановъ не только самъ присягнулъ, но понудилъ и войско присягнути Лже-Димитрію. Послѣ такого поганого предательства, вже и ничего было думати о дальшомъ супротивленіи. Самозванецъ отъ Путивля ажъ до Тулы ишолъ собѣ якъ на праздникъ: всюду встрѣчали его съ хлѣбомъ-солію и всюду присятали ему, яко законному и природному Царю. Изъ Тулы бнѣ послалъ въ Москву своихъ приверженцевъ, чтобы тѣ „очистили для него царскій престолъ.“ Оныи нелюды начали справу зъ Патріарха: скинули его зъ патріаршества и заточили въ монастырь, а се для того, понеже онъ Патріархъ Іовъ постригалъ Грицька Отрепьева въ діаконъ, и теперь мѣгъ бы спѣзнати своего бѣглого монаха подъ царскою короною. Послѣ Патріарха катове самозванца посягнули на невинного, юного и доброго Царя Феодора Борисовича, и на дню 10. Юнія (1605 г.) умертвили его вразъ съ его матерію.

Такъ вамъ за грѣхи предковъ Богъ допустилъ на Великую Русь страшное событіе: розстрига, преданный анаѣемъ, внійшолъ торжественно въ Москву яко Царь, сълъ на царскомъ престолѣ и вѣнчался на царство. Найшолъ же сатана върное средство отуманити очи и розсудокъ добрыхъ русскихъ людей: прикинулся бачишь сыномъ царскимъ, потомкомъ царского племени, . зналъ бо проклятый, що народъ русскій благодворитъ царскую кровь, и готовъ душу свою положить за племя своихъ Царей. А чтобы еще больше утвердити въру, що бнѣ истинный Димитрій, то сей Грицько Отрепьевъ призвалъ изъ заточенья всѣхъ сродниковъ угасшого царского рода, Романовыхъ и другихъ, а вмѣсто низверженного Патріарха Іова бнѣ приказалъ посвятити Патріархомъ Грека Игнатія, который долго жилъ въ Римѣ и который больше старался о свои корысти, нежъ о чистоту православной въры. Матерь же убитого Царевича Димитрія, проживавшую тогда въ дальномъ женскомъ монастырь монахинею подъ именемъ Марѣы, призвали такожъ изъ заточенія въ Москву, и самозванецъ встрѣтилъ ю подъ Москвою на полѣ въ обозѣ. Що они тамъ говорили на-единѣ, осталось тайною; но Царица-мати потомъ уже призналась, що самозванецъ предложилъ ей одно изъ двохъ: або признати его своимъ сыномъ Димитріемъ, и жити по царски, або въ противномъ разѣ погибнути ей и

всему ей роду тяжкою смертію. Царица убоялась смерти и на соблазнъ всеи Руси признала окаянного розстригу своимъ сыномъ; а хотя то она словами ничего не сказала, но выведенная изъ обозу самозванця, принуждена была передъ народомъ обняти его, та при томъ гбрько и заплакала. Люде тогда думали, що Царица плакала отъ радости; а она-жь сама въдала и потомъ призналася, що плакала отъ сорама и тяженькой горести.

А еще остался одинъ, и то найнебезпечнѣйшій свѣдокъ обмана — князь Василій Шуйскій, который еще въ г. 1591 видѣлъ таки въ трумнѣ убитого Царевича Димитрія и самъ-же провадилъ слѣдство о его убійствѣ, хотя и покривилъ тогда душою въ угодность Борису Годунову: Теперь сей князь Шуйскій началъ по-тихоньку розказовати своимъ приближеннымъ, якъ было съ онымъ дѣломъ, и подѣ клятвою увѣрялъ всѣхъ, що новый Царь ніякъ таки не Димитрій Ивановичъ. Слова Шуйского переходили зъ усть до усть, та и дѣйшли до самозванця. По его приказу князя Шуйского схватили и ѳдали подѣ судѣ. Колижь несчастного князя осудили на смерть и уже каты приступили къ нему, щобы голову ему ѳтрубати, на-разъ прискакалъ гонецъ ѳтъ самозванця на площадь смерти, и объявилъ Шуйскому прощеніе за просьбою Царицы-матери Марѣы. Послѣ того самозванецъ, абы повелѣчатись передъ народомъ, якъ ѳнъ не мстивый навѣтъ для личныхъ своихъ ворогѣвъ, принялъ тогожь князя Василя Шуйского въ особенную милость, здѣлалъ его совѣтникомъ царской Думы и самымъ высшимъ сановникомъ державы.

Не успѣвши еще утвердиться на престолѣ, Лже-Димитрій началъ уже озлобляти противъ себе новыхъ своихъ подданныхъ: у монастырей и духовенства хотѣлъ ѳнъ ѳтобрати ихъ маетки; надѣ боярами таки въ очи смѣялся и называлъ ихъ дураками; не сохранялъ старинныхъ русскихъ обычаѣвъ, а що найгѣрше, сталъ предаватися распустѣ, та обезчестилъ нѣкоторыхъ благородныхъ женъ и дѣвиць. Къ тому оказался ѳнъ надѣ всякую мѣру розтратный: на подарки своей невѣстѣ Маринѣ, нареченному тестю и другимъ Полякамъ, та на приготовленья къ веселью ѳнъ роскинулъ въ самое короткое время около 10 миліонѣвъ рублей. Старики въ Москвѣ начали со згѣршенъемъ посматривати на нового Царя, та якось и недоувѣріе ихъ къ нему чѣмъ-разъ то бѣльше взмагалося. А хотя ѳнъ николи не заходилъ въ Чудовъ монастырь, боячись подыбатися тамъ съ давними своимъ знакомцами, однакожь многіа узнали въ немъ бывшего монаха - діакона Григорія Отрепьева. Ба одинъ изъ чернцѣвъ Чудова монастыря, именемъ Тимоѣей Осиповъ, нарочно говѣлъ, исповѣдался, а причастившись святыхъ Таинъ, зайшолъ въ царскую палату и тамъ передъ всѣма боярами сказалъ таки

въ лице самозванцу, що се „ты обманщикъ Царицко Острепьевъ, океаннй еретикъ“. Осипова убили, — но не могли убить сказанныхъ нимъ словъ, которы не давали спокойно спать Царю-самозванцу.

Наконецъ въ началѣ г. 1606 прѣехала въ Москву и невеста Же-Димитрія, Марина Мнишкѣвна, съ отцемъ своимъ и съ многими панами ляцкими. Всѣхъ Поляковъ прѣехало на свадьбу около 2000 люда, а всѣ они были узброены, якъ будто прѣехали на войну. — Марина остановилась въ одномъ женскомъ монастырѣ; а чтобы ей тамъ не было скучно, то Же-Димитрій велѣлъ отъ рана до вечера играти музыкантамъ въ монастырѣ — на великій соромъ православныхъ Христіанъ. Ба бнѣ допустился еще и бблшого соблазна: еще бо передъ шлюбомъ своимъ съ Мариною, приказалъ бнѣ короновати ю въ соборномъ храмѣ Москвы яко Царицу, а потомъ пбдѣ саму Пятницу, пбдѣ празникъ св. Николая Чудотворца (д. 8. Мая) обвнчался съ нею противъ устава святой православной Церкви. За-для той свадьбы въ палатѣ царской цѣлую недѣлю неустанно было пированье, палба и музыка. Пьяныи Поляки ходили по Москвѣ съ обнаженными саблями та буйствовали по улицяхъ, що и годъ было того вытерпѣти. И въ завоеванномъ городѣ другіи непріатели не дѣлають того, що дѣлали тогда въ Мѣсквѣ тіи ляцкіи гости.

Нарѣдъ Московскій не стерпѣлъ дальше тыхъ збытковъ ляцкихъ; та собравшись громадно у дворца князя Василия Шуйскаго, просилъ его избавити православную церковь и русское царство отъ самозванца и отъ нашествія Ляхѣвъ. Шуйскій взявши въ одну руку мечъ а въ другую святой крестъ, поишолъ на чель народа прямо на царскую палату. Се было що-ино въ девятый день послѣ свадьбы Же-Димитрія съ Мариною. Узброенная толпа ворвалась въ дворець царскій, и тутъ якъ-стой расправилась съ обманщиками. Тѣлохранителей царскихъ перевязали, измѣнника Петра Басманова убили, та добрались въ комнату самого Же-Димитрія. Онъ скочилъ зъ бѣна на задній дворъ, вывихнулъ собъ ногу и ушибнулъ грудь. Тутъ его подняли царскіи стрельцы и повели до Царицы-матери Марѣы респытати, чи справдѣ се сыйъ еи Димитрій. Царица Марѣа всенародно отрекась его; тогда нарѣдъ убилъ самозванца, а трупъ его спалили на кострѣ, попель собравшии змѣшали съ порохомъ, зарядили въ пушку и выстрѣлили на втеръ въ тую сторону (къ Польшѣ), откъоль бнѣ прійшолъ. Такъ и память его погибла съ шумомъ. — Бблвшую часть Поляковъ въ той-же часъ перерезала розлюченная чернь; но Мнишка и дошку его Же-царицу Марину, а также и другихъ панѣвъ ляцкихъ, Шуйскій и бояре не дали жару убивати, лишь приставили къ нимъ крѣпкую стражу; самы же послѣ того на другій день занялись избраніемъ нового Царя.

ЛѢКАРЬ ПО НЕВОЛИ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3. ДѢЙСТВІЯХЪ

послѣ Молиера написалъ А. Гавришиковичъ.

◇◇◇◇◇◇◇◇

(Продолженіе.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Пѣдкова, Легкодухъ, Матвѣй, Луцъко, Танька.

Матвѣй. Пане господарь, маете ось славного нашего доктора!

Пѣдкова. Тѣшуся, якъ незнаги-чѣмъ, що маю честь, бачити васъ у себе. Маемъ до васъ великую орудку.

Легкодухъ (убрачый по мѣйски, но одежда не пристае добре на него, а барвы ен дуже дикіи). Гипократъ наже... щобы наградитися.

Пѣдкова. Гипократъ такъ каже?

Легкодухъ. Такъ.

Пѣдкова. А въ которой то главъ, если ласка?

Легкодухъ. Въ главъ... о кадецоухахъ.

Пѣдкова. Га, коли такъ Гипократъ приказуе, то треба буде его слухати.

Легкодухъ. Пане докторъ! Дѣзнавщиця о пречудесныхъ нашихъ лѣ-
кахъ...

Пѣдкова. А до кого вы се говорите?

Легкодухъ. До васъ.

Пѣдкова. Або то я лѣкаръ?

Легкодухъ. Що? вы не лѣкаръ?

Пѣдкова. Нѣтъ.

Легкодухъ. На правду нѣтъ?

Пѣдкова. Ей Богу, на правду! (Легкодухъ бере за кестуръ, и бѣе нимъ Пѣдкову). Ой, ой, ой!

Легкодухъ. Теперь вы такимъ самымъ докторомъ, що и я; я бо не робилъ такожь нишихъ ригорозѣвъ.

Матвѣй. Я вамъ казалъ, що бмъ одробинку бѣсноватый.

Пѣдкова. Але мене бере охота, впрогнати его до сто маъ съ его бѣсноватостію.

Луцъко. Не прадускайте себя того, дуже до годовы; се дмшь такъ на жарты.

Пѣдкова. Але тм жарты болять таки на правду.

Легкодухъ. Не гавжайтеся прошу на мене, що собъ тое позволилъ.

Пѣдкова. Ну-ну, добре, добре!

Легкодухъ. Жаль менѣ дуже....

Пѣдкова. Дурница, дурница.

Легкодухъ. Тыхъ вѣлька штусанѣвъ....

Пѣдкова. Ничо, ничо.

Легкодухъ. Которыма я маѣ честь васъ обслужити.

Пѣдкова. Шкода уже о томъ и говорити. Теперь зъ другой бочки. Ось у мене есть дочка, которой допыталася давня якась недуга.

Легкодухъ. Твѣщуся твѣмъ дуже, що ваша дочка мене потребуе; та дай Господи, щобы такъ само и вы мене потребовали и цѣла ваша родина; щобы увидѣли, якій я радъ всѣмъ вамъ служити.

Пѣдкова. Дякую вамъ за вашу добрую къ намъ волю.

Легкодухъ. Вѣрте менѣ, що я говорю се изъ широкого сердца.

Пѣдкова. Се велика честь для мене.

Легкодухъ. А якъ называеся ваша дочка?

Пѣдкова. Палазя.

Легкодухъ. Палазя! Гей прекрасное имя до любви! Палазя!

Пѣдкова. Пойду на хвилику до неѣ.

Легкодухъ. А се що-за якась невѣста?

Пѣдкова. То матеръ отъ моего маленького хлопця.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Легкодухъ, Луцько, Танька.

Легкодухъ (до себе). Тамъ то ласый кусочокъ. (на весь голосъ) Гей мамцю, милая мамочко! Вся моя медицина есть смиреннѣйшою рабынею твоего мамчества! Я бы лишь радъ быти маленькимъ пендрачкомъ, щобы могъ наласоватися солоденькимъ молочкомъ изъ твоихъ пречудесныхъ груденячь. (Бере рукою пѣдъ шею) Вся моя лѣка, вся наука, вся здѣбности готовы на твоѣ углуги, та....

Луцько. За позволѣнемъ, пане Докторъ! О — далеко отъ моей жены!

Легкодухъ. Що? То се твоя жѣнка?

Луцько. А, добре той казати, такъ.

Легкодухъ. Гей! Ей Богу, я того не зналъ. Теперь же радуюся твѣмъ дуже, а то изъ любви къ одному и другому. (Берсе обнимати буцѣмъ Луцька, та обнимае Таньку.)

Луцько (отпыхает Легкодуха и ставъ межъ нимъ и жѣнкою). Поводи-но, пане Докторъ, поводи.

Легкодухъ. Вѣрте менѣ; никто въ свѣтъ не твѣщитъ такъ твѣмъ, шо вы обоѣ вѣ-купъ, явѣ я. Поздоровляю тебе съ такъ миленькою жѣночкомъ! Тебе же поздоровляю такожъ съ такъ удалимъ человекомъ. (Берсе опять обнимати буцѣмъ Луцька, который простирае противъ него руки; Легкодухъ минаетъ его, и обнимае Таньку.)

Луцько (отпыхаючи его). Гей до сто мать! Прошу-но васъ; по-що толькѣношплиментѣвъ.

Легкодухъ. Або то въ томъ що злого, що я тѣшуся съ тобою изъ такъ гарного супружества.

Луцько. Тѣштесь со мною, кѣлько лишь схочеса; но съ моею жѣнкою! — сто десять копѣ чортѣвъ...!

Легкодухъ. Коли-жъ бачишь, я не радъ бы кому изъ васъ зробити кривды. А такъ цѣлую тебе, чтобы показати тобѣ мое доброе къ тобѣ сердце, та и цѣлую ю такожь за-черезъ тое саме. (Повторяе свои коперчакы опять.)

Луцько (отпыхаючи его). Гей, кадукъ бы твому батькови! Пане докторъ, по яку бѣду тѣм дурныи перебенды!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Пѣдкова, Легкодухъ, Луцько, Танька.

Пѣдкова. Моя дочка прѣйде сюда незабавомъ.

Легкодухъ. Ожидая ея изъ весьма мовныи лѣвами.

Пѣдкова. А где же тѣм лѣви.

Легкодухъ (указуючи на свою голову). Ось-ту!

Пѣдкова. Дуже добре.

Легкодухъ. Симъ часомъ осмотрю яко правдивый другъ вашою родины молоко и паузуху вашою мамки. (Пѣдходить къ Таньцѣ.)

Луцько (хапае его за руку, и обкручуе нимъ въ-коло). Говъ, птру! а вамъ до того засѣ!

Легкодухъ. Каждый докторъ мае право, осмотрювати кормительныи срсуды мамокъ.

Луцько. Ная бнѣ пильнуе своего права до своем! Будьмо собѣ здоровы!

Легкодухъ. Що то, ты смѣешь противитися предписаньямъ доктора?

Луцько. Смѣюся зъ того.

Легкодухъ (мѣрять его ѣтъ стѣпъ до головы). Наведу на тебе про-пастицю!

Танька (бере Луцька за руку, и обкручуе нимъ въ-округъ). Вступиися ему зъ очей. Або то я така маленькая дитина, чтобы не здужала сама оборонитися, если-бъ собѣ що на збытки позволилъ?

Луцько. Коли я не хочу, чтобы бнѣ тебе дотыгался!

Легкодухъ. Лю-тю на простачиска, завистного на свою жѣнку.

Пѣдкова. Ось иде дочка.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Палазя, Пѣдкова, Легкодухъ, Матвѣй, Луцько, Танька.

Легкодухъ. Чи се наша недужна?

Пѣдкова. Такъ, пане докторъ. Толькѣ моеи потѣхи. Наложитъ бы, бачите, головою, еслибы ей молоденькой прѣйшлося умирати.

Легкодушъ. Ний ю Господь отъ того хоронить, сумирати брѣзь ординаціи доктора.

Пѣдкова. Прошу-но съдати.

Легкодушъ (усѣвши межъ Пѣдковою и Палазю). Бачу, моя недужна собѣ надбненька; здоровому не было бы чого отъ нем утѣкати.

Пѣдкова. Посмѣхнулася щось на вашу бесѣду.

Легкодушъ. Тамъ лучше. Се дуже добрый знакъ, если лѣкаръ доведе до смѣху пациента. (до Палазѣ) Но, о що ту-ось ходить? Чого вамъ вѣстаетъ? Где болить?

Палазя (показуючи рукою на губу, голову и горло). Га, ге, ги, го.

Легкодушъ. Що такое, що?

Палазя (показуючи знову то само). Ги, ге, го, гу.

Легкодушъ. Що?

Палазя. Ги, га, ге.

Легкодушъ. Ги, га, ге, гу, птру! Кадукъ тамъ розумѣе, такую бесѣду!

Пѣдкова. Така то ось тая несчастная ея недуга: Не знати, зъ-отки вселлиася: якась нужда въ бѣдное дѣвчатко, та я прислговала насъ, отложити на дальше ея веселье.

Легкодушъ. А то чому?

Пѣдкова. Бачите, ея женихъ хоче ждати, доки не побдужаетъ.

Легкодушъ. Тамъ то якийсь дуракъ, що бонтоя нѣмною жѣнкою! Що бы я далъ за тое, щобы моя жѣнка была нѣмною! Онъ, не былъ бы я такой дурный, вѣдати ю зъ того!

Пѣдкова. Но мы просили васъ таки, щобы якийсь свѣтомъ допомогли що нашоу дѣтнѣ.

Легкодушъ. Но, не сушѣть собѣ уже тѣмъ головы! Сняжѣть-но мѣнѣ, чи ота нѣмота дуже ей доскулюе?

Пѣдкова. Онъ дуже, дуже.

Легкодушъ. Тамъ лѣпше. А дуже ю тое болить?

Пѣдкова. Еще якъ дуже!

Легкодушъ. Того лишь мѣнѣ треба. А ходить она тамъ, где знаете?

Пѣдкова. Ходить.

Легкодушъ. А богато?

Пѣдкова. Того я не знаю.

Легкодушъ (до Палазѣ). Подайте-но мѣнѣ руку. (до Пѣдковы) Пульсъ ея покажъ, що она нѣма.

Пѣдкова. А такъ, такъ, пане докторъ; въ томъ-ось вся ея недуга; угадали же отъ першого разу.

Легкодушъ. Га, га, га!

Палазя. Дивѣтъ, дивѣтъ, якъ бызъ отгадалъ ея недугу.

Легкодухъ. Ученый основно лѣкаръ познаеся на недугахъ отъ першого разу. Недоукъ былъ бы ту заходить въ голову, ажъ страхъ, та бы крутиль-вертиль передъ вами, то сякъ, то такъ. Но я вамъ занюхаю отъ першого разу кобасу въ борщи, и кажу, що ваша дочка нѣма.

Пѣдкова. Добре; але чи не были бы таки ченны, та сказали намъ, отки тотя недуга?

Легкодухъ. На тое дуже проста причина: недуга тая выводитъ зъ того, що ваша дочка утратила бесѣду.

Пѣдкова. Сама правда. Але чи не сказали-бъ того, чому то она утратила бесѣду?

Легкодухъ. Каждый основно ученый лѣкаръ скаже вамъ на тое, що у неи зопсовалося орудіе, которымъ ся говорить.

Пѣдкова. Ба, але якимъ же святомъ зопсовалося у неи тое орудіе?

Легкодухъ. Аристотель каже на тое... дуже красныи и мудрыи рѣчи.

Пѣдкова. Вѣрю вамъ тое.

Легкодухъ. О! то вамъ былъ человекъ, якого съ свѣчкою пшукати.

Пѣдкова. Не перечу.

Легкодухъ. Цѣло великій человекъ (пѣдноситъ руку до горы), большій, якъ ось то! Вертаючися назадъ до нашої справы, скажу вамъ, що тое зопсованье орудій бесѣды выводитъ отъ такихъ соковъ, которыхъ мы ученныи лѣкаръ называемъ пекантесъ; пекантесъ, се есть... гуморесъ декантесъ. Ось бачите, пара, выходящая изъ парованья соковъ, пѣдносячися въ сторону недуговъ, переходячи... сице рекши... до... Розумѣете вы по латиня?

Пѣдкова. Правду сказавши, не розумѣю.

Легкодухъ (схлупеся живо). Що? вы не умѣете по латиня?

Пѣдкова. Нѣтъ.

Легкодухъ (съ энтузіазмомъ). Кабриціасъ арци турамъ, калалямусъ, сингуляритеръ, номинативо, гекъ муза, бонусъ, боня, бонумъ. Деусъ санктусъ, есть-не ораціо латинясъ? епіамъ, такъ. Кваре? Чому? Квіа субстантивъ кумъ генитивусъ конкордатъ и нумеро генери етъ казусъ.

Пѣдкова. Гей, гей! кобъ то християнинъ былъ ходилъ до школы!

Танька. Дивѣтъ, що-за мудрая голова!

Луцько. А! Шкода — що и казати: страхъ мудра бесѣда, що и капъ зъ неи не розумѣю.

Легкодухъ. И такъ, коли тая пара, о которой я говорилъ переходить изъ лѣвого боку, где есть утроба, на правый бокъ, где естъ сердце; то легкіи печѣнки, которыи мы называемъ зъ-латиньска аршіанъ, мають сношеніе съ мозгомъ, который называется зъ-латиньска назжусъ, посредствомъ великой жилы, зовимой зъ-латиньска кубиле, надыбуютъ на евоей дорожѣ реченную пару, которой естъ полно въ закажаркахъ лопатки; а же реченная пара...

уважайте добре на холь доказа... а же реченная пара мае въ собѣ щось вадливаго... слушайте же, прошу...

Пѣдкова. Добре, добре.

Легкодухъ. Мае въ собѣ щось вадливаго, которе выходить... уважаєте ви...?

Пѣдкова. Ага, ага!

Легкодухъ. Которое выходить изъ остроты сокобъ, нагромадженыхъ въ ликахъ перепонной скоры; то бывае, що тотя пара... оссабундусъ, исквенсь, неперъ, ветаршнумъ, квиспа, мляюсь. И тому то-ось онъшла ваша дочка!

Танька. Тамъ то премудра голова! Меле язкомъ, гей той втракъ крымамъ.

Луцько. Гей, чому то у мене нтъ такого письменного языка?

Пѣдкова. Не ма що казати, мудрая бесѣда, еще и якъ! Одно лише не хочеса якось въ моей головѣ помъстити, а то згадка о утробѣ и сердци. Меня ся видить, що вы ставите ихъ не на гѣмъ мѣстци, где они суць; у насъ бо християнъ есть сердце на лѣвомъ боцѣ, а утроба на правомъ, а не на лѣвомъ.

Легкодухъ. Добре; такъ оно было давнѣйше; но всё тое взяло теперь новый оборотъ; та мы лѣчимо теперь на зо всамъ новую методу.

Пѣдкова. Такъ? то що нишого; не гнѣвайтесь, що того не зналъ.

Легкодухъ. Дурница. Годъ домагатися бѣтъ каждого, щобы зналъ всё тое, що мы-ось знаемъ.

Пѣдкова. Сама правда! Але прошу, що же намъ робити на тую слаббсть?

Легкодухъ. Що бы на тое робити?

Пѣдкова. Ага!

Легкодухъ. На тое рада моя така: Положити пациентку до лѣжка, и давати ей по куснику хлѣба мочевого въ винъ.

Пѣдкова. А се на що, пане докторъ?

Легкодухъ. Бо хлѣбъ, умоченный въ винъ, мае тую симпатичную силу, що понукуе говорити того, который тое заживае. Або то вы не знаете, що папугамъ, которыхъ учать говорити, не даютъ такожь ничого бѣльше, якъ хлѣбъ моченый въ винъ?

Пѣдкова. Сама правда. Що-за премудра голова! Гей, хутнѣйко: хлѣба и вина!

Легкодухъ. Около вечера прѣйду подивитися, якъ ей буде.

ЯВЛЕНИЕ СЕМОЕ.

Пѣдкова, Легкодухъ, Танька.

Легкодухъ (до Таньки). Моя ты зазуденько! — (до Пѣдковы) Теперь же треба буде заоранжирати для ось-той мамки где яли лѣки.

Танька. Кому? мені? Мені славити Госнода, нічого.

Легкодухъ. Тимъ гѣрше, мамочко, тимъ гѣрше! Такое сильное здорье есть дуже небезпечне, а такъ не завадитъ оно, зробити тобѣ гѣякімъ любовно докторскімъ окладамъ.

Пѣдкова. Того годъ мені якось розмѣрковати. По-що робити оклады, коли человекъ здоровъ.

Легкодухъ. Не знаете, що каже пословиця: „Здоровъ надѣйся хоробъ“; та такъ, якъ не-разъ пься, хоть человекъ не прагнуцій, лишъ тому, щоби опѣся не хотѣлося пити, такъ само роблятьса здоровому оклады на тое, щоби опѣся не занедужати.

Танька. Смиѣйтесь зъ того; не дурна я дати зъ себе зробити антикарскую судину.

Легкодухъ. Зъ тебе, бачу, якась уперта; но мы чей уторопаемъ окульбачити поровятого коня.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Пѣдкова, Легкодухъ.

Легкодухъ. Но! теперъ майтесь гараздъ!

Пѣдкова. Пождѣть-но, прошу, одробинѣ.

Легкодухъ. А що тамъ скажете новаго?

Пѣдкова. Я бы радъ дати вамъ, що ся належить.

Легкодухъ (наставляе по-заду руки, коли Пѣдкова добывае грошей). О! хорони Боже! Я не беру отъ васъ и крейцара.

Пѣдкова. Пана докторъ....!

Легкодухъ. Нячо, ничо!

Пѣдкова. Лише маленькую хвилѣчку.

Легкодухъ. Ніякихъ свѣтомъ!

Пѣдкова. Прошу-но!

Легкодухъ. Смиѣйтесь зъ того!

Пѣдкова. Але-жь прошу!

Легкодухъ. Не може быти.

Пѣдкова. Ей!

Легкодухъ. Я гѣчу не за-черезъ марную мамону.

Пѣдкова. Не перечу.

Легкодухъ (взявши гроши). Або то що такъ дуже великого?

Пѣдкова. Таки великого.

Легкодухъ. Я не який тамъ заробникъ.

Пѣдкова. Знаю се дуже добре.

Легкодухъ. Я не хожу за жадными барышами.

Пѣдкова. А кто бы смѣлъ тое казати? (отходитъ)

Легкодухъ (самъ; позираючи на отобранны гроши). Ей Богу! Та се иде не згѣрше; а коли.... (Дальше буде.)

Редакторъ Б. А. Дѣдицій.

Зъ печатнѣ Ставропигійской.

Пренумерата въ годъ
№ 49
со „Слово“
№ 103.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Научно-беллетристичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 13. Львовъ 25. Мая 1868. РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

БОРЬБА МОСКВЫ СЪ ПОЛЬЩЕЮ И СЪ НОВЫМИ ЕЩЕ САМОЗВАНЦАМИ (отъ г. 1606 до 1613).

Въ ту пору, коли въ Москвѣ не стало такъ названне смутное время, невесело было также и въ нашей Малой Руси. Вправдѣ Ляшня, занявъ теперь, якъ наибольше справою поврежденіа Москвѣ посредствомъ лукаваго и покорного собѣ орудіа, жимъ въ рукахъ польскихъ езуитовъ былъ самозванецъ Лже-Димитрій I, тая Ляшня явось уняла была на часъ свои гоненія противъ русскаго народа на Волыню, Подолью и Украину; но за то вразъ съ тѣмъ-же и чей въ слѣдствіе сего присмиралъ также и духъ буйный тогожъ русскаго народа, та отъзкъ черезъ все оныи лѣта, коли то въ Москвѣ все кипѣло бурною живнію; у насъ было тихо и безжизненно, мовъ-бы не стало для насъ своего дѣла, якныи могли бы мы у народѣвъ пописатися. Здавалось, сумота загальна овладѣла тогда предкѣвъ нашихъ за-черезъ то, що они видѣли и почувли, яко не добре братной Москвѣ дѣется, и яко головною причиною того лиха была не такъ бы сказати Польша (бачишь, Польша была собою надто слабосильна), а таки сама Москва, попавшая мовъ-бы то отъ янихъ чарѣвъ злого духа въ настоящее одурьне за-для своихъ клятыхъ самозванцевъ.

Унылое настроеніе умбѣвъ въ мало-русскомъ народѣ за той поры такъ сталося повсюдное, що навѣтъ украинскіи козаки, хотя и завѣщаніе мали отъ покойного Гетмана Наливайка на вѣчную борьбу противу Польщи, таки черезъ кѣлька лѣтъ ничего не дѣляли, а сидѣли въ своихъ роздольныхъ степяхъ зовсѣмъ майже безчинно. Лишь кѣлька сотень изъ нихъ, заманенныи волокитею Лже-Димитріемъ, погналися за нимъ далеко въ московскій край, та пропали тамъ безслѣдно, якъ пропалъ и самъ-же внутренній начальникъ ихъ Лже-Димитрій. Ажь въ г. 1606, коли то самъ король польскій Жигмонтъ III готовился идти на

Москву а въ его краяхъ все будто загуло войною, ажъ тогда козакѣ наши якось схаменулись немного отъ бездѣйствія, та яко-такѣ дѣла знати о собѣ землямъ сусѣднымъ. Однакожь и теперъ заводили они еще дѣло военне якъ-бы отъ нехотѣнья, якъ-бы лишь для того, щобы до часу къ поважнѣйшимъ борбамъ заправлятися; а до тогожь допустились они и такого грѣха, що роздѣлили свою силу на три части, зъ которыхъ кождашла собѣ своимъ отдѣльнымъ шляхомъ. Ото бо въ се время, коли Ляхи по смерти Лже-Димитрія I заготовляли великій походъ свой на Москву, король Жигмонтъ III, жедучи яко-такѣ въ спокѣю удержати нашихъ козакѣвъ та еще и противъ Москвы ихъ на-строити, объявилъ загалное прощенье и прирекъ давати порядочную плату для тыхъ полковъ козацкаго войска, которы поддадутся подъ розказы польскаго коронного Гетмана. Найшлося отже промѣжъ козаками около 4000 такихъ, которы приставши до коронного Гетмана, записались въ польскій реестръ, та отъ того и назвались козаками реестровыми. Сія реестровыя полки рознастились по городахъ Украини изъ сего боку Дняпра, и надъ ними поставленъ былъ зъ руни короля Атанашомъ полковникъ Костка, который однакожь пристаючи на вѣрную службу Польщѣ, застерѣгъ собѣ условіе: що воевати буде противъ всѣхъ вороговъ польскои короны, а тѣльно накомѣ претивъ Московскаго царства. Друга часть козакѣвъ, числомъ до 15.000 мужи, не входила въ никакія договоры съ Польщею, но оставая и далше въ своей Запорожской Сѣчи за Дняпромъ, выбрала собѣ Гетманомъ Петра Кошаневича-Сагайдачнаго, яко начальника козацкии самостоятельнаго и отъ никакой державы независимаго. Ти то Запорожца, по складу и числу найсильнѣйшии, такъ сказавши, самѣ цвѣтъ и ядро русскаго козацтва, постановили собѣ теперъ таже: абы до часу, якъ долго въ Москвѣ лютится бѣда (смутное время), не воевати никого иншого, лише заклятыхъ вероговъ Христіанства, Татаръ и Туркѣвъ. Кромѣ сихъ двохъ знакомитшихъ дѣловъ козацтва, т. е. кромѣ реестровыхъ и Запорожцѣвъ, набралось еще зъ-рѣлька тысячь бездомныхъ дѣтей Украини, которы ставали на службу у всякого, кто лишь давалъ большую плату або прирекалъ яку добычу. Сія то третя часть козакѣвъ, числомъ найслабѣйша, приставала то до отчайдушнаго Атамана Заруцкаго, то до ополаченыхъ шляхтичей Ружинскаго и Лисовскаго, записывая тѣмъ-же ити за Ляхами всюда, хотѣбы и на Москву, лишь абы кромѣ звыклои платѣ еще и грабити имъ дозволено. Такъ отже русско-козацкая сила въ оно время розстрѣлилась на три таборы, зъ которыхъ одинъ ещежь и былъ такий необачный, що свизавившись съ полчищами Ляхѣвъ, ходилъ безпомогти братне великорусскую землю!

А таки — пошмо сего роздѣленья нашихъ козаковъ на три части, далъ намъ милосердный Богъ вскоре дожити того, що надъ всеми тремя дѣлами верхъ взяла одна сторона, сама праведна русская; уже бо въ колька лѣтъ послѣ того роздѣданившіеся братья-козакъ собралися знову въ одну великую громаду, а надъ всѣма въ-купъ сталъ Гетманомъ славный батько-козакъ Конашевичъ-Сагайдачный, который и гетманилъ на Украинѣ дально и счастливо ажъ до 1622 г. — За-къмъ однакожь станемъ розказовати въ нашей Исторіи о дѣлахъ до-стохвальныхъ оного Гетмана Сагайдачного, слѣдуе завернути намъ еще до сусѣднои Москвы, щобы росповѣсти про крутую борьбу ея съ Ляхами и съ новыми лже-царями самозванцами.

А въ Москвѣ тогда отъ що дѣялося: По убіеніи самозванца Лже-Димитрія (Грицька Отрепьева) весной 1606 г. русскій народъ и бояре въ Москвѣ приступили сейчасъ до выбору нового Царя, и всѣ згодились на князя Василія Ивановича Шуйскаго, тогожь самого, который збунтовавши Москву противъ самозванца низвергуль его изъ царскаго престола. Избравши сего князя Шуйскаго Царемъ, народъ и бояре повели его въ Успенскую Церковь, где Митрополитъ и другиі Святители благословили его на царство: Се было дня 19 Мая 1606 г.

Новый Царь Василій Ивановичъ Шуйскій началъ свое владѣніе тѣмъ, що приказалъ сейчасъ перевезти изъ Углича въ Москву тѣло убитого Царевича Димитрія, абы тутъ всѣ тѣ, що вѣрили самозванцю, устыдѣлись своего заблужденія. Колижъ въ Угличѣ раскопали могилу сего правдивого Царевича Димитрія, то всѣ пристоявшіи у гроба увидѣли чудо: Божой благодати, що мощи его были нетлѣнны. Народъ съ удивленіемъ цѣловалъ тутъ святые мощи и молился ревно, а въ то время по милости Божой многіи были чудесныя знаменія у гроба, и для того Соборъ русскихъ Святителей, по перенесенію оногоя гроба въ Москву, препоручилъ поклоненіе святымъ мощамъ страсготернца Царевича Димитрія въ соборной Архангелской церкви. — Въ туюже пору овъ Соборъ русскихъ Святителей и выборныи люде зъ ирскихъ сословій низвергли зъ патриаршества слабодушнаго Игнатія, поставленнаго Грицькомъ Отрепьевымъ, а на его мѣстце посвятили Патриархомъ Казанскаго Митрополита Ермогена, мужа святой жизни, съ твердою волею и съ любовію для Руси.

Не смотря на добре и богобоязное сердце нового Царя Василія, который особенно старался угожати высшому духовенству и боярамъ, таки вскоре показалось, що бнъ не имѣлъ на столько прозорности и рѣшительнаго духа, якъ того за такъ званого „смутнаго времени“ у Царя Москвы конечно потреба было. Зъ необачности бнъ уже на первомъ году своего владѣнья попаллялъ одно погрѣшеніе, которое незн-

долго сталою причиною его власного паденія. Жилъ бо въ Москвѣ тогда одинъ преворотный князь, именовъ Шаховскій, бывший первыиъ любимцемъ Огренѣва и дуже ненавидѣнный народомъ; того человека вележало было теперь заслати куда-будь подальше хоть на край Сибири, щобы такъ здѣлати его невреднымъ. Однакожь Царь Василій Шуйскій по неумѣрной добротѣ своей принялъ того Шаховского до себе въ милость, та ещежь поставилъ его воеводою въ Путивлю, въ томъ городѣ, который колись-то первый призналъ обманщика Огренѣва Царемъ Димитріемъ. Такъ и вышшла изъ того така нужда, що онъ Шаховскій, прѣхавши на воеводство до Путивля, розослалъ грамоты по всѣхъ городахъ Сѣверчины о томъ, що будьто Царь Димитрій никакъ не убить въ Москвѣ во время бывшего бунта, но спасся и убѣжалъ въ Польшу, откуда онъ снова поверне съ новымъ войскомъ и блинне свѣи престолю у Шуйского. Шаховскій былъ вамъ отже настоющій Иуда; онъ самъ видѣлъ въ Москвѣ, якъ убили Огренѣва и якъ прахъ его розметали по вѣтру; но ему хотѣлось одурачити легковѣрный народъ, собрати ватагу и подставивши когъ-будь на мѣсто убитого Грицька, звергнути Шуйского зъ престола. Вся Сѣверская земля збунтовалася послѣ грамотъ Шаховского, а то тѣмъ большѣ, що найшолся тутъ и начальникъ особенного рода, за которымъ и повлеклося множество простонародія та и численное ополченье русскаго ковачества. Начальникомъ такимъ въ Сѣверчинѣ явился селянинъ изъ Черниговской земли Иванъ Болотниковъ, который тѣмъ именно поднялъ братію селянъ и вольныхъ козаковъ на великій бунтъ, що обѣтовалъ будьто отъ имени Царя Димитрія сельскому народу не тѣлько найполнѣйшую свободу жизни, но еще и панскіи земли, села та и все то, що лишъ ватаги его со списками и съ ножами въ рукахъ собѣ здобудутъ. Отчаядушныи толпица Болотникова розсыпалась широко по русскому краю, та густою чернявою загонялись ажъ подъ саму Москву, а около города Крокъ успѣли навѣтъ розбити одинъ отрядъ царскаго войска. — Заочеченныи удачею той ватаги и другіи земли Руси почали бунтоватися. Въ Рязани также составилася шайка, и подъ начальствомъ дворянина Прокопія Лапунова повнеслась также прямо къ Москвѣ. Обѣ шайки соединялись подъ Москвою, уставились тутъ таборомъ, и безъ пощады опустошали весь окрестности. Ватаги сіи воевали все во имя якогъ-то Димитрія, но оногъ Димитрія нигде и духу не было. Затѣмъ то дворянинъ Прокопій Лапуновъ скоро отягился, отсталъ отъ своей шайки и явился въ Москву къ Царю съ повинною головою. Царь Василій простилъ ему и принялъ его въ свою милость. Братанецъ же царскій, молодой князь Михайло Скопинъ-Шуйскій, взявши сильный отрядъ войска, ударилъ крѣпко на Болотникова, и поражаа его на всѣхъ

точкахъ, загналъ шайку его сперва до Калуги, а потомъ ажъ до Тулы, где и разбилъ бѣгъ ю въ-конецъ на голову (въ г. 1608).

По разгромѣ мятежной шайки Болотникова здавалось уже, що вся бѣда тутъ-же и скѣнчилась; — але где-тамъ! показалось вскорѣ, що властива бѣда теперь только начиналася. Ото бо що дальше наступило: Царь Василій якъ и строго укаралъ Болотникова и другихъ начальниковъ его ватаги, приказавши всѣхъ подъ Тулою смертию казнити, но показалъ себе знову слабосерднымъ супротивъ найголовнѣйшого бунтовника, князя Шаховского, которому не только даровалъ житье, а еще и полную волю. Шаховскій удалися въ Сѣверщину, а незадолго поднялся тамъ-же новый бунтъ, еще грозившій, чѣмъ за Болотникова. Въ одномъ бо городѣ Сѣверкой земли, въ Стародубѣ, явился человекъ, якового давно уже выглядали собѣ всѣ безбожники и волокиты, жившіи численными громадами власне въ той-же Сѣверщинѣ. Человекъ, явившійся въ Стародубѣ, былъ якій-то пройдисвѣтъ, похожій на польского жидка, который назвалъ себе Димитріемъ, Царемъ Московскимъ, и говорилъ, що бѣгъ будто спасся въ Москву во время бывшего тамъ бунта. Сей новый самозванецъ былъ подосланъ сюда Ляхами на пагубу Руси. Полякъ Мъховецкій, передъ тѣмъ вѣрный другъ Огренѣева, взялъ въ свое рукородство и сего Лже-Димитрія второго. Другіи паны польскіи рады были тому, що могли погарцовати по Руси и пограбити ю бадную: князь Сапѣга, Вишневекій, Тышкевичи, также ополечены Русины Рожинскій и Лисовскій — каждый съ отрядомъ буйной и сильно узброенной шайки пріишли въ Сѣверскую землю. Лже-Димитрій II въ товариствѣ сихъ шляхетныхъ панѣвъ Лаховъ свободно дійшовъ до Брянска, потомъ дальше ажъ до Болхова подъ Москву, и тутъ побѣдилъ бѣгъ одну часть царского войска, выступившую противъ него подъ начальствомъ неспособного воеводы, царского брата Димитрія Шуйского. Несчастье бо таке было, що сей Димитрій Шуйскій, завистный славъ братавця своего Михаила Скопина-Шуйского, вайдальнѣйшого тогда воеводы русского, не допустилъ тогожъ до начальства въ битвѣ подъ Болховомъ, а самъ таки бажалъ взыскати собѣ честь первого богатыря. Однакожъ разбитый тутъ на голову, бѣгъ съ остатками своего воинства бѣжалъ безъ памяти въ Москву, а по его слѣдамъ ишовъ Самозванецъ съ Поляками и остановился въ селѣ Тушинѣ, на двѣ милѣ отъ Москвы.

За одну ошибку следовала друга, еще горшая. Царь Василій Шуйскій, спасшій житье Ляха Мнишка и его доньки отъ ярости народныхъ толпъ въ часъ Московского бунта, отпустилъ теперь до Польши ону лже-царицу Марину съ еи отцемъ Мнишкою; но Марина, вмѣсто чтобы вертати до Польши, поехала въ село Тушино къ Самозванцу.

Тутъ она, забывши стыдъ женскій и страхъ Божій, признала своихъ мужемъ волокиту и чей таки чи не жиды, а признала для того, що оны волокита назвалъ себе Царемъ Димитріемъ. Для успокоенія совѣсти польскій ксендзъ потайно обвинчалъ ю съ тымъ - же Самозванцемъ. Соблазнъ отъ того для всей Руси была велика, но вразъ съ тымъ и чрезвычайно небезпечна. Люде русскіи начали горорити и думати такъ: „Въдай еслибъ се былъ не той Димитрій, который сидѣлъ уже на престолѣ въ Москвѣ, то таки Марина не признала бы его своимъ мужемъ.“ Такъ думали въ самой навѣтъ Москвѣ, и толпами переходили оттуда къ Тушинскому самозванцу. Къ нему-же пріишли сюда еще и многіи отчадушныи козаки отъ Днѣпра и Дону, а надъ тымъ сталъ тутъ Атаманомъ запека-козакъ грозного вида и сурового сердца, именовъ Заруцкій, изъ-давня прославившійся разбоями по всей Сѣверщинѣ.

Таке отже настало теперъ въ велико-русскомъ царствѣ, що были тутъ нѣяко два Цари та и двѣ столицѣ: одна въ бѣлокаменной Москвѣ, друга въ селѣ Тушинѣ. А же счастье военное не спрѣяло полкамъ Московского Царя Василя въ битвѣ подъ Болховомъ, то отвернулись отъ него многіи его прежніи пріятель, а уже бѣльшая часть русскихъ городобъ пристала на сторону Тушинского самозванца. Тожъ коли Тушинскій таборъ щоденно умножался свѣжими толпами народа, и коли въ селѣ Тушинѣ все шумѣло розгульнымъ веселіемъ и пьяною радостію, въ Москвѣ о тойже порѣ пустѣли улицы и стало въ ней смутно кругомъ и прискорбно. Москва мовъ-бы оторвалася отъ русской земли; ни откуда не было ей пѣдмоги, а Царь Василій, не подумавши передъ часомъ о собраніи бѣльшихъ силъ войсковыхъ, сидѣлъ въ своей столицѣ якъ-бы въ заключеню, понеже разбѣйничіи шайки отъ Тушина развѣзжали подъ самыми стѣнами Московскими. Бѣда затѣмъ грозила велика, та надто близкая; Царь рѣшился просити помочи у найблизшого сусѣда, короля шведского Кароля, и за снѣмъ дѣломъ поѣхалъ въ Швецію братанецъ царскій, князь Михайло Скопиаъ-Шуйскій.

Межи тымъ Лже-Димитрій, скрѣпляючись въ Тушинѣ, дѣлалъ розвѣзды по всемъ околицамъ за-для грабежа и доставленья поживы своимъ хищнымъ дружинамъ. Весь край докола Москвы былъ уже въ его рукахъ, а тѣлько одна свята Троицко-Сѣргіева Лавра, т. е. твердая крѣпость съ церквами и монастыремъ, была еще для него неприступною. Сія Сѣргіева Лавра славилася по всей Руси великими богатствами въ грошахъ и дорогочѣпныхъ сосудахъ церковныхъ. А понеже самозванецъ и все его шайки пріишли на святую Русь, щобы лише грабити, то вмѣсто того, абы итти прямо въ Москву, онъ постановилъ сперва розграбити святую Лавру. За се нехристіанское дѣло взялись именно польскіи паны, князь Вишневецкій, Лисовскій, а бѣльше надъ

всѣхъ князь Сапѣга, и они то съ 30.000 мужа Тушинскихъ полчищъ подошли къ Лаврѣ. Черезъ 16 мѣсяцевъ Поляки осадили священную Русь твердыню, и безъ умолку палили въ ню изъ 60 пушокъ; но молитвами великаго основателя сего, святого Сергія Радонежскаго, Лавра устояла, показавши всей Руси безсмертный примѣръ бодрости и любви къ отечеству. Былъ же въ сей Лаврѣ тогда лишь одинъ полкъ русскихъ стрельцовъ, а все прочее воинство состояло изъ монаховъ и монастырскихъ слугъ, всего на-всего люду до 3000. Молитва и пѣніе во всѣхъ церквахъ Лавры не умолкали ни днемъ ни ночью; вмѣсто отпочинка носѣ молитвъ старцы и иноки черницъ шли на монастырскій стѣны, сами разставляли пушки, сами палили зъ нихъ, и отражали неприятеля. Надъ всѣхъ же монаховъ святой Лавры наибольшю отвагою и силою духа отличались два ихъ Старшии: Архимандритъ Іоаннъ и Келарь Авраамій Палицынъ. Тѣ два мужа были середъ русско-православнаго духовенства одними зъ первыхъ, которы въ оно время таковаго испытанія стояли на стражъ чести и правды, и подали великій образецъ любви та и мученическаго терпѣнія для блага святой Руси. За примѣромъ тѣхъ хоробрыхъ монаховъ Сергіевои Лавры стали подвизатись и другіи духовныи Отцы и Святители Руси, та своиѣ ревныѣ дѣйствованіемъ за недолгое время допродавили до того, що заблужденный по всѣхъ городахъ народъ мало-помалу началъ умудряться, и дальши толпами отставалъ отъ обманщика Лже-Димитрія та его ящичныхъ приверженцевъ.

Виде въ ту пору, коли самозванецъ тратилъ свои силы и время на осадъ Лавры, приспѣла на Русь пожаданная помѣчь отъ шведскаго короля, который прислалъ туда 5000 своихъ воиновъ съ генераломъ Дюльгардиенъ. Князь Михайло Скопинъ-Шуйскій, прилучивши до того отряда колька тысячь русскихъ воиновъ, двинулся съ ними противъ всѣхъ шаекъ самозванца, и въ короткое время очистилъ отъ нихъ вся мѣста отъ Новгорода до Москвы, самого же князя Сапѣгу, головнаго полководца въ Тушинскомъ таборѣ, разбилъ онъ при Колязинскомъ монастырѣ такъ страшно на прахъ, що изъ Сапѣжинской шайки ледви кольканадцать людей спасло житье бѣгствомъ. Московская Русь якъ будто ожила послѣ тѣхъ славныхъ побѣдъ Скопина-Шуйскаго. Вся ободрилась надѣєю, що съ такимъ дальнымъ и счастливымъ воеводою ладъ и тишина въ царствѣ скоро будутъ восстановлены. Было то въ концѣ г. 1609, коли князь Скопинъ-Шуйскій, разбивши уже большую часть шаекъ самозванца, захвалъ въ Москву, чтобы тутъ скрытати себе и своихъ новыми силами. Въ Москву встрѣчалъ его народъ яко своего спасителя; Патріархъ, мѣщанство и бояре не могли нарадоватись и нахвалятися хоробрымъ, добрымъ и красивымъ воеводою,

который, хотя молодець только що 23-лѣтній, а уже два разы снесъ Царя и державу. Тожь повеселѣла теперь знову матушка Москва, народъ ожилъ бодримъ духомъ, полагаѣя съ упованіемъ, що такіи дѣльный богатырь, яко былъ на-скрѣзь онъ Михайло Скопинъ, усцѣе на-ново собрати докупы розрозненныи силы Руси и розгромить въ-конецъ всехъ дѣлтыхъ враговъ русскаго царства.

А тыхъ-то враговъ русскаго царства хотя уже значно уменьшилось тогда подъ Тушиномъ, но за то набралось еще далеко больше въ другой сторону Руси, именно подъ Смоленскомъ. Стадо бо ея таке въ ономъ-же 1609 г., що король ляцкій Жигмонтъ III, корыстаючи зъ неурядиць, якіи уже зверхъ 10 лѣтъ водились въ Москвѣ, задумалъ теперь добывати Великую Русь для самого себе, та собравши много воинства изъ всеи Польщи, вступилъ въ предѣлы царства и осадилъ могущую крѣпость Смоленскъ. Вышла же изъ того страшная бѣда для самозванца Лже-Димитрія II, который за-черезъ туя манячу ляцкаго короля видѣлъ себе надѣи свойхъ на царство, позбаденнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, якъ лишь Жигмонтъ III станудъ съ своимъ войскомъ подъ Смоленскомъ, сейчасъ бѣольшая часть Поляковъ, бывшихъ при самозванцѣ, перебѣжала отъ сего до своего короля, а самозванецъ, бо-дчись еще горшою зрады, утѣкъ на-скоро съ своею Мариною изъ Тушина въ Калугу. Русскіи измѣнники, оставши безъ начальника въ Тушинскомъ таборѣ, не знали теперь, що имъ и дѣлати; Царя Василя Шуйскаго они боялись, щобъ не казнилъ ихъ за бѣздунничество, Самозванцю больше не вѣрили, а все добры русскіи люде гнуцались ними, якъ предателями. Вразъ съ тѣми предателями русскаго царства въ таборъ подъ Тушиномъ пріостали также оны Донскіи и Украинскіи козаки, которыи привлеклись было сюда съ Атаманомъ Заруцкимъ, и которыи отставши теперь отъ самозванца и отъ Поляковъ, сами вже и не вѣдали, до кого бы имъ далѣи прилучитися. Находячись въ такомъ непевномъ положеніи, нѣкоторые русскіи измѣнники и дѣлскіи зъ нашихъ козаковъ задумали уже просити ляцкаго короля Жигмонта, щобы той далъ имъ своего сына Владислава Царемъ въ Москву, отнявши престолъ у Василя Шуйскаго.

Межи тѣмъ король Жигмонтъ стоялъ вже нѣсколько мѣсяцовъ подъ Смоленскомъ, намагаючись всема силами заняти сию претвердую Русь крѣпость. Всякіи однакожь его усилія оказались надаремными; въ Смоленску бо заперся неустрашимый воевода русскій Шейнъ, который мужественно отражалъ все нападенія Ляховъ и задерживалъ тутъ далѣи походъ Жигмонта въ предѣлы Московскіи. Затѣмъ здавалось, счастье уже мало перейти на сторону Руси: уже Царь Василій при содѣйствіи Скопина успѣлъ собрати свѣзкого войска до 80.000 мужа, а король

Жигмонту, дождавшись о томъ уже хотѣлъ было просити мира; — но на-разъ Господь Богъ znovu покаралъ Великую Русь за грѣхи ей предѣтъ: Юный богатырь Москвы, хоробрый воевода Михайло Скопинъ-Шуйскій, умеръ наглою смертію въ Москвѣ; — и надъ русскаго народа вновь печально изгасла...

А причину наглои смерти Скопинъ Шуйскаго мала быти по народному преданію ось-яна несчастная оклѣчность: У Царя Василия не было дѣтей, и Оттакъ послѣ него приходилось его брату; князю Дмитрію Шуйскому, свѣти на царскомъ престолѣ Сей же Дмитрій Шуйскій, видѣвъ, какъ велика любовь народа къ царекѣму братицѣ, сталъ сильно боѣтись, щобъ царство не досталось тому же, т. е. вмѣсто Михайлови Скопину-Шуйскому. Отъ того бѣтъ страшно знепа-видѣлъ Скопинъ, и да еще о личности такъ не думалъ, какъ лишь щобы поудити своего великаго соперника, любимого Руси богатыря. Разъ — въ день 23-го Апрѣля 1610 г. были крестины у князя Воротынскаго; на крестинахъ была и Скопинъ, была и жена Дмитрія Шуйскаго; донька Мадоты Скуратова (бачишь, тогожь самого Мадоты, ще то яко родова опричникѣвъ служилъ еще при Царѣ Иванѣ Грозномъ). Престрадная жена Дмитрія почастовала тутъ молодого Скопинъ медомъ, — онь видѣлъ и тутъ же на престинахъ тишно заперѣлъ. Кровь ручемѣ бухнула ему изъ рота, и за колька хвилѣ его не стало. Вѣстро рознесся слухъ о его отруешью; говорили, ще се дѣло князя Дмитрія Шуйскаго. Великій переполохъ началъ на народѣ, а нетошь и простѣ; толпы почали на дворець князя Дмитрія для расправы, — не бего князя опасна отъ ярости народа царская дружина.

По смерти хороброто воеводи Скопинъ Царь Василій поручилъ начальство надъ всѣмъ русскимъ войскомъ брату своему Дмитрію; котораго не любилъ ни народѣ, ни войско, и котораго зовсѣмъ не зналъ войскаго дѣла. Пѣлъ его начальствомъ было около 50.000 мужа, и король польскій Жигмонту выслалъ противъ той арміи лишь 3000 воиновъ съ кориннымъ Гетманомъ Желковскимъ, та еще къ Гетману придучилися всякихъ шаствъ до 6000 люда; зачѣмъ русская армія все таи была по крайней мѣрѣ въ четверо силѣвѣишъ противъ отряда Желковскаго. И поже вышло? Поляна встрѣтили съ войскомъ князя Дмитрія подъ Кудулинномъ, и чедви ще начали вѣйну, сей часъ 5000 мведокныхъ воиновъ, коишь то вѣрно стоялихъ при Михайлѣ Скопинѣ, передалсь тутъ на сторону Ляхѣвъ, и произвели въ русскихъ дождяхъ великое замѣшательство. Ляхи користовали зъ зего; а почали русское войско якъ беззащитное стадо; сто тысячъ тысячу, — родовый же воевода русскій Дмитрій Шуйскій бѣжалъ зъ поля битвы, та за нимъ и все армія царска розсыалась. — Таиъ сумный

конецъ послѣдовалъ нѣтъ того дѣла, что такъ прекрасныя очи Русь повѣрдо неспособному, нѣтъ нѣлюбленному начальнику!

До сего несчастья приключилось и другое, еще болыное. Якъ скоро бо узнали люди и въ дальнихъ сторонахъ Руси о смерти любимого воеводы Михайла Скопина-Шуйскаго, сейчасъ Прокопій Ляпуновъ абунтовалъ опять противъ Царя въ Рязанскіи города, и началъ знову собирать шайку, а братъ его Захаръ Ляпуновъ, находячися въ Москвѣ, сталъ поднимати Москвитанъ на зраду. И Тушинскій Самозванецъ, що убавалъ въ Калугу, также задумалъ еще разъ добивати еобъ престола, и при немочи двоухъ достойныхъ его товарищей, князя Салтыги и Атамана Заруцкаго, изъ-нова къ нему приставилыхъ, подѣйшолъ ажъ подѣ саму Москву за стануль таборомъ въ оелъ Коломенскомъ. Шведскій же генералъ Делагардій, изманивши Царю Василию, напалъ на Новгородскую область, ограбилъ ю до-шеста и уишолъ въ свою Швецію. — Такъ то намъ страдала тогда честна Матушка, Великая Русь: Жигмонтъ, Самозванецъ, Жолневскій, Делагардій и Ляпуновъ въ одно и тоужь время тарали ю бѣдную отъ всахъ концевъ, и въ серединѣ во всахъ областяхъ началъ народный бунтъ. Но безбожнѣйшій надѣ всахъ овцхъ проповѣдць былъ Москвитъ Захаръ Ляпуновъ, братъ Прокопія, человекъ чрезвычайно бурного духа; оей то заклатый бунтовщикъ собралъ въ Москвѣ Раду или такъ звану противъ царскую Думу, состоящую изъ такихъ-же безбожниковъ, якъ бнѣ самъ; и таи нечестивая Дума, подобно Іерусалимскому совѣщю, осудившю на смерть Господа нашего Исуса Христа, отсудила Царя Василия Ивановича Шуйскаго отъ престола, и насильно постригла его въ монахи. Святѣйшій Патриархъ Ермогенъ, прибѣжавши на площадь, велѣлъ противъ той Думы, та въ драгъ проклиналъ безбожнхъ мятежнхъ; но чюдоды тѣм, дерзнувши на Господа и на Царя, уже не боялись Архидіея Божяго. — Такъ до всахъ бѣдствій отрадающей Москвы приключилсь оице и се наибольшее: новое безцарствіе. А монхи тѣмъ Тушинскій самозванецъ со своими шайками стоялъ зъ одной стороны Москвы въ селѣ Коломенскомъ, Жолневскій же таки подѣ сакомъ Москвою у Ступнскаго приселка. Погибель державъ угрожала крайня. — Математика Москооскій, близокимши Царя Василия, металась во вса стороны, якъ угорьани, та и кругомъ же знали оми, що нѣтъ дальнѣ дѣлати. Патриархъ Ермогенъ, видати, що уже годъ возвращути престолъ Василию Шуйскому, предложилъ народу избраи Царемъ еродника послѣднихъ русскихъ Царей въ роду Рюриковаго, именно внуку Михайла Романова, сына Митрополита Филарета; Гетманъ же Лиховъ, нагъ Жолневскій, цѣстувавши уже Москвѣ — такъ сказавши — на горю, домогался шедошнцво, шербъ Москвитане избраи соба Царемъ польскаго королевича

Владислава. После долгихъ криковъ а споровъ наибольшаиное сторициство въ Москвѣ выбрали наконецъ Царемъ Владислава, однакожъ съ тѣмъ условіемъ: чтобы онъ принялъ русско-православну вѣру, чтобы не держалъ при собѣ Поляковъ и чтобы не вводилъ на Руси ніякихъ лядскихъ обычаевъ. Утвердившись въ такой способъ съ паномъ Жолкевскимъ, Москвитяне послали пословъ своихъ къ польскому королю Жигмонту съ просьбою: чтобы онъ пересталъ осаждати Смоленскъ та чтобы отпустилъ сына своего на царство въ Москву. Въ число сихъ пословъ панъ Жолкевскій поимъстилъ и Митрополита Филарета Романова, чтобы такъ удалити изъ Москвы оного великого мужа, которого сынъ Михайло имѣлъ наиблизкое право на осиротѣлый царско-русскій престолъ; а самъ онъ, панъ Жолкевскій, представляя посломъ того Москвитянамъ, що належить въ ихъ городе возстановити тишину и порядокъ, впровадилъ въ-легоныа свое войско въ Мосеву, занявъ все стражницъ, потомъ и царскую кассу и все сокровища — однимъ словомъ: подобралъ Москву въ свои руки, та ожидалъ въ ней королевича Владислава.

Въ тоже время, коли Жолкевскій усадовился въ Москвѣ, все Поляки и майже все Велико-Русы, служившии самозванцю Лже-Димитрію II, отступились уже отъ оного некреста — первыи для того, що ожидали своего королевича, а другіи уже не боялись Царя Василия и надеялись, що новый Царь Владиславъ проститъ имъ все убійства и буйствы. Останцы при самозванцѣ теперь лишь возаки съ Атаманомъ Заруцкимъ, и самозванецъ съ тою ватагою и съ женою Мариною бѣжали отъ Коломенского села назадъ въ Калугу, намирая тамъ-же обратити для себе вновь яку новую шайку. Но славити Бога, тамъ онъ уже недолго туманилъ свѣтомъ: одинъ бо князѣкъ татарскій, именемъ Урусомъ, бывшій при немъ за дрятеля, повернулся съ шимъ та зарѣзалъ его кинжаломъ (долгамъ ножомъ). Марина же его и тутъ еще не потерялася. Уродивши сына, которого мѣшучи въ Калузѣ, окрестили Иваномъ и въ своемъ ослабленіи назвали царевичемъ, она передалася зовсѣмъ на распутную жизнь, ставши на якійсь часъ любкою козацкого Атамана Заруцкого. — Освободившись вже разъ отъ второго Лже-Димитрія самозванця, Московская Русь ожидала теперь какой-такой перемены къ лучшему, а то тѣмъ певнѣйше, що вѣдай уже и выбраный былъ самю Москвою новый Царь, королевичъ Владиславъ, на имя которого многіи бояре и мѣщане въ Москвѣ уже навіть и зложили были подданную присягу. Вся перещона, яка теперь еще заходила, состояла ось въ тоби: що нового Царя еще и не было въ Москва, а только що-нио отпраивались за нимъ послове Москвы подъ Смоленскъ до короля Жигмонта, щобъ отъ того, яко отъ отца, королевича Владислава на царство себя упросити.

(Далше буде.)

ЛѢКАРЬ ПО НЕВОЛИ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3. ДѢЙСТВІЯХЪ

сочиненіи *Моліера* написалъ *А. Гавришковичъ*.

(Продолженіе.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Ягодницкій, Легкодухъ.

Ягодницкій. Паже докторъ! Я ось стою и мау на васъ така долго; та прихожу пресити васъ о вашу помочъ.

Легкодухъ (берє его за пульсъ). Вашъ пульсъ видѣлся дуже небезпечно.

Ягодницкій. Я не слабій, та прихожу за зовсѣтъ нишою сарваню.

Легкодухъ. Якоже же рога того чорта не кажете вы, ще не слабій?

Ягодницкій. Щобъ бовато не говорити, скажу вамъ, що мені на мнѣ Ягодницкій, та що пропадаю за Назазелю, котору вамъ ось личило. Отець ея, не хотѣчи ю дати за мене, затарасовалъ жона всю дорожку до мене; а такъ держилъ я, пресити васъ, щобъ меню допомогли въ любовныхъ могахъ зачѣреніяхъ, и діли мене збѣйти съ нею, та сказати два слова, на которыхъ дежить всѣ мое будущее счастье и шитье.

Легкодухъ. Що? За якого то маєте вы мене? То вы смѣете приходить до мене, щобъ я поддерживалъ ваши любовныя штуки, и займилъ та злоупотребилъ достоинство докторское до того рода орудень?

Ягодницкій. Милый паже докторе, прошу, не кричать но такъ дуже!

Легкодухъ. Коли мене то-то хочєся кричати. Простачиско якийсь ходять!

Ягодницкій. Гей-лоши, паже докторъ, такше!

Легкодухъ. Дуракъ!

Ягодницкій. Ва позволенієнь!

Легкодухъ. Я самъ покажу, що се не до мене приходити съ такими предложеніями; шо се крайняя безотыдѣсть.

Ягодницкій (дає ему гроши). Прощу...

Легкодухъ. Хотѣти мене уживати... (взявши гроши) Не говорю того до васъ, азъ васъ бо естѣ бачу честный человекъ, та буду тому дуже радъ, если буду нѣкъ вамъ якъ прислужитися. Але-жь, бачите, приде вамъ неразъ гавій простачиско, шо то має человека за такого, який бнѣ не естѣ; а признаєся вамъ, шо тоє гавієе мене шо-не-мѣра.

Ягодницкій. Перепрашаю васъ дуже, шо такой смѣлый...

Легкодухъ. Дурманя. А о, що, оно ходить? Ягодицкій. Вы уже може и догадались, що могола Палаза, которую ячтите, задаеся лишь недужною. Докера, разговора о томъ, Буга знае шо, та доказовали, шо тотъ недуга выходитъ то зъ мозгу, то зъ кишочкы, то зъ печенюкъ, то зъ седежаки; на правду не ма ту однакажъ жини; другой причины, якъ лишь одна любовь, а Палаза выгадала лишь: тоту недугу, шобы не иди за того, за которого, ей кажутъ, а которого она не хоче. Не ходимъ где въ безпечнейшоу частце, шобы насъ ту не повидали въ-куды. По дорожъ розскажу вамъ, о шо я хочу васъ просити, к...

Легкодухъ. Ходимъ! Ваша любовь обходитъ мене такъ, шобы, шо, годъ того и высказали. Не бойтеса, не пожадую, а для дев-медичины; и — або она буде вашою, або если итъ, то вывчу ю на тантой, сватъ!

ДВІЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Ягодицкій, Легкодухъ, Палаза.

Ягодицкій. А шо? буде итъ мене добрый полбрикъ? Отреть ен не бачиъ мене еще дося на свои ома; а такъ гадаю, не придедену ли до головы, кте се ось въ перебраной той одежы и подъ той перушко до него приходитъ.

Легкодухъ. Розумтеса.

Ягодицкій. Кобъ лишь якъ еще научитися якихъ колька сабъ докторенихъ, то былъ бы уже зорсамъ безвечетъ.

Легкодухъ. Идтъ! Де чога вамъ всего того? Буде зъ вась, коли а перебралися такъ якъ треба; та я знаю зъ медицины саме-только, шо дивы.

Ягодицкій. Язъ то?

Легкодухъ. Чортъ мене бери, если у мене только лекарской науки, колька вѣтае на конецъ шила. Бачу, зъ вась якийсь людяный человекъ, тр не хочу съ тымъ передъ вами закрыватися.

Ягодицкій. Шо? То вы не на правду...?

Легкодухъ. Где-тамъ! Предсказали мене, быта докодаче лѣваремъ, а хотя того отмагался больше, якъ чортъ свашенной воды. Мене и не присенило дося якъ сватъ сватомъ, вдаватися зъ такіи высокіи науки, та всего на всего, выучился я хлопцемъ лѣвати одробнии на псалтырѣ по-верку. Но коли зазвѣтиса докочаче, зробити зъ мене лѣкаря, то не лишидова мене ничего, якъ лишь, и нимъ-остати; най-тамъ собѣ выйде азъ того, шо хоче. Самъ часомъ както бы, и не поварили, якъ хутиенько моя дава на вся бѣги равнесала, и якъ-вои въ-округъ позанатуровалися, та мають мене ад-Буга-зна-шо, Изъ всякой кобицы свѣта сходатся до мене недужныи; та если такъ выйде дальше, та...

треба буде держатися лачення до смерті. Тепер бачу я, що не на дившого ретесай надъ ось-тоє; бо, чи выгчишь, чи выгчешь на пѣдра Авраама, пѣткѣ не мане ты. Ту не откинуть тобі яколи ледащюя роботы, та шій и пори на-безпечно, ять лишь душа млобать. Швець, если въ робота зопсуе хочь-бы прищину, кусить тоє господареви надолужити; но тутка можь на-сильно погубати чюловека, та никто не снаже „рыш“! Мылки не для насъ на свѣта; а если умре някъ которий въ рукахъ, то не вы тому винны, яко бы самъ, небощая. И тоє еще дужь добре въ нашомъ станѣ, що ять на свѣта такихъ терпалывыхъ мрукбъ, якъ небощия; доси бо не жаловался еще жа-домъ зъ нихъ на теширя, которий его задумать.

Яго дѣжджкѣи. Сама правда, що небощики знають въ тій справѣ до-держувати тайны.

Легкодухъ (показуючи на приходящихъ къ нему людей). Ось опять идуть до мене на лѣки. Идѣть же теперъ, та ждѣть на мене около обитациѣ вашом ильеньков.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Прійма, Петруньо, Легкодухъ.

Прійма. Ниже докторъ! Мнѣмо до вѣсь орудку, мой хлопѣць и я.

Легкодухъ. А що тамъ такого?

Прійма. Мѣн стара, а ея памура навишаеся — шанувашинъ васъ —

Мегредорка — цѣзве шось и цѣзве бѣтъ полъ року.

Легкодухъ (наставляе руку на гроши). А чого то хотѣли бы вы бѣтъ мене?

Прійма. Мы бы хотѣли, щоби лѣный някъ докторъ збюначили някъ якого лѣшюру бѣтъ телъ зидѣтъ.

Легкодухъ. Будесть видѣти. А що то ей нестаетъ?

Прійма. Вона реве на гипокризю, шанувашинъ якого пана доктора.

Легкодухъ. На гипокризю?

Прійма. Вотъ, щоби не брехати, сяжку вымъ всю правду, ять на святой сповади. Та вотъ воно ей тѣе, що цѣла запукла, мовъ та слянка; та люде повѣдають, що то збюначила въ ней сировица, и що въ ей печыикахъ и трунку, чи тамъ сележанѣцъ не выводится кровь, яко вода. Воно някъ мае шо другий день щодневную пропастницю; у ей горлѣ грае, шо трохи ей не задумать, а няравъ возьмутъ ю бульбульсѣи; втогда затисне вѣтъ зубами и посинѣе, шо казалъ бы, шо уже по лей. Въ нашомъ мѣстѣ сидѣтъ одинъ цѣ-люрикъ, которий зидѣвалъ ю чортъ-зна який болтугана, та не одинъ мой карбованецъ пошомъ за розмантыи якимъ — шанувашинъ Господа и день и сонце — хляпачинами, някчурами, мапуками, хвезикаторами. Але бѣтъ вѣсѣе того помоглося ей тѣлько, шо погачому бѣтъ зернами. Въ-конецъ дѣтъ бѣтъ ей янулось бѣду, котору назывѣтъ Мирозомѣтъ. Але правду рекше, я

збавляе даче ей того спожити; ась бо назван, що уже нѣтъ и чого тѣмъ людямъ, котрымъ за-черезъ тотѣ клатыи галушки пошли подѣ сирую землю!

Легкодухъ. (вирмаючи все еще руки). Но якій же всему тому конецъ?

Прийня. Та такій-ось князь, що вы просячи коното пана дохтора о раду.

Легкодухъ. Тирь-тыр-тыр! дурнаа болтанна! кватеря зерна а нахъ додам! Самъ чортъ не розбаре въ тѣмъ глазду!

Петрульо. Ясний пане дохторъ! Ось стара навмитае аяже уже ладановъ, та мы принесли вамъ два нарбованцѣ, щоби дати яку раду! (дае ему гроши).

Легкодухъ. А! такъ, то що вишого. То у мене хлопецъ! То у мене розумная бесѣда! То ты кажешь, що мати слаба на гидросцію, що пала спухла, а мае пропастяцию и конвульсию, то есть, що ю перазъ выкидае зъ памяти?

Петрульо. То-то-то! то самъсеяке само!

Легкодухъ. Та такъ же неіть говорять! Твоѣй отаць мене а вѣсте, самъ не знае що. Оуже вы рады бы мати отъ мене якій лѣкъ?

Петрульо. А такъ пане дохторъ.

Легкодухъ. Якій лѣкъ, щоби она поддужала?

Петрульо. Та, щоби не збрехати, такъ!

Легкодухъ. Шаешь-ось кусникъ сыра, дайте ей того пожити.

Петрульо. Сыра? ясний пане?

Легкодухъ. Ага; сыръ роблений изъ вташого молока, препарований съ цвѣтомъ шапортины, золотомъ и другими заморскими рѣчями.

Петрульо. Дай вамъ Господи здорovie и многая лѣта, що насъ такъ добре порадили! Идемъ, якъ стѣи, дати ей се пожити.

Легкодухъ. Идѣтъ здоровы; а если, не дай Боже, умре, то щоби ей замовили красненькій похоронъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Танька, Легкодухъ, Луцько (по-задѣ сцѣны).

Легкодухъ. Гей дивать! Се-ось гарная моя мамочка! Охъ, милая мамцю, кормильницю моего сердца! Тѣшуся, гей незнати-чымъ, що тебе подымбалъ! Видъ твоѣй для мене то само, що сенесь, румбарбарумъ и асса фетиды, которымъ перечишуютъ меня душу изъ всей мелликои.

Танька. Оно якесь гарное, тое ваше итмецкое кокотавье; бо Господь видѣтъ, що зъ всего того не розумѣю ничо; хочъ-бы за макове зерно.

Легкодухъ. Гей, бѣйся Бога! Знедужай - но якъ, милая мамочко! Знедужай якъ изъ любви для мене! Танъ то былъ бы менѣ рай, лѣчить тебе мамцю!

Танька. Дамую вамъ за вашу добрую охоту. Но я волю дужатися по Божомъ волѣ, та заходится безъ вашихъ лѣковъ.

Легкодухъ. Гей, якъ же мѣлъ тебе маля, що у тебе такий завистный а дурный человекъ!

Танька. Га, прошу ясного пана доктора! Ний тамъ Господь Богъ пріймає за оупущеніє грѣховъ. Коли разъ уже переступила съ-внѣть окръжъ церковный порѣгъ, то треба пріймати має за велике.

Легкодухъ. Що? Такий простачиско! Такий мудъ, который не спутить тебе зъ ока, та не дасть тебе промовати до някого жарного слова?

Танька. Та шожъ! Ой но бачили вы еще-всѣго! Се была зипь маленькая частыночка того, якъ нѣ бы умѣе быти лютыя.

Легкодухъ. Гей! и може-жъ тое быти! щобы у христіянина было тѣкве каменное сердце, которое могло бы заходитися не-добре съ такою честною невестою, якъ-ось ты! Гей, гей! Знаю я, милая мамочко такого, а то зъ-отси не далеко, который маля бы собѣ се великимъ счастьемъ, есди-бъ мѣгъ лишь поцѣловати твое личико. Якимъ свѣтомъ могла така гарная дѣвуста попастися у руки такому простачискови, такому злиденнику, такому дурневи, такому беусю... Не гизвайтеса мамочко, що дозволяѣь собѣ я гворити такъ на твого человека...

Танька. Гей пане докторъ! Знаю я тое дуже добре, що оля заслужилъ собѣ на всѣ ти назвища.

Легкодухъ. Добре кажешь, милая мамко; та оля заслужилъ собѣ еще на тое, щобы причепила ему до головы, що ось знаешь, та покараєа его за тое, що такий завистный.

Танька. Сама правда, що, есди-бъ такъ не заважала на Бога и на людскіи языки, то готова-бъ зробиши шо дивного!

Легкодухъ. Ей Богу! часъ бы уже, помститися на немъ, мѣтъ кидъ другимъ. Ему паскудикови треба было давно уже такъ зробиши. И есди-бъ, милая мамочко, я мѣгъ быти такий счастливый, шо-бъ мене выбрала за... (Коли симъ часомъ Легкодухъ простирає руку, щобы обняти Таньку, устромає Луцько голову межъ нихъ. Легкодухъ и Танька выбалушуются на Луцька, и уходятъ кожде въ свою сторону.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Пѣдкова, Луцько.

Пѣдкова. Гей! Луцьку! Не бачилъ ты где нашого доктора?

Луцько. Ой бачилъ, бачилъ, столесать копъ рогатильничковъ ему! бачилъ его, та и мою жѣнку.

Пѣдкова. А куда же дѣлся оль теперъ?

Луцько. Грѣхъ тамъ его знає! Я бы лишь радъ, щобы его замесло тамъ, где зимуютъ бузъки.

Пѣдкова. Пѣйд-но, водивитися, якъ тамъ теперъ моей дочкѣ!

(Конєць сѣдусѣ.)

Пренуме-
рата въ годъ
1 рр. 80кр.,
со „Сло-
вомъ“ 10 рр.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белештрисичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 14.

Львовъ 1. Юнія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

БОРЬБА МОСКВЫ СЪ ПОЛЬЩЕЮ И СЪ НОВЫМИ ЕЩЕ САМОЗВАНЦЯМИ
(отъ г. 1606 до 1613).

Московскіи послы, прїѣхавши до короля Жигмонта подъ Смоленскъ, предстали передъ него съ полнымъ увѣреніемъ, що новина, яку они привезли сюда о избраніи королевича Владислава на царско-русскій престолъ, произведе якъ наибольшу радость не лишь въ сердцѣ Жигмонта, но и въ цѣломъ таборѣ яцкомъ. Они затѣмъ поздоровая короля Польщи съ искреннимъ русскимъ добродушіемъ, говорили ему дружелюбно: „Москва наша, почитая славный литовско-русскій родъ твоихъ предковъ (литво-русскихъ Ягайлондовъ), и уважая народъ польскій, надъ которымъ ты нынѣ владѣешь, племенемъ братнимъ-славянскимъ, выбрала сына твоего, юного Владислава, собъ Царемъ, абы тѣмъ дѣломъ заявити всему свѣту, яко старинная вражда межи Русію а Польщею найшла уже свѣй конецъ и перетворилась въ ширую пріязнь. Изъ врага отже мы желаемъ имѣти тебе отъ нынѣ добрымъ другомъ нашимъ, та и просимъ благосердно: перестань насъ воевати, отступи отъ осады Смоленска; вдай бо рѣдному твоему сыну отдаемъ мы сами добровольно не одинъ лише Смоленскъ, а всё русское царство.“ — Послѣ такой промовы, якъ-же удивились Московскіи послы, коли увидѣли, що король Жигмонтъ не только не возрадовался ихъ новиною, но еще съ гнѣвнымъ видомъ сталъ укоряти Москву за то, що она безъ его вѣдома осмѣлилась избрати Царемъ своимъ его сына. Така бо, бачите, нерозумная мысль овладѣла сердцемъ короля Жигмонта, що бнѣ завидуючи власному сыну царского престола, забажалъ добыти тойже престолъ самъ для себе, уповая на то, що при помочи римского папы и яцкихъ езуитовъ бнѣ здѣлае Великую Русь такою-же областію Польщи, якою сталася тогда уже наша Малая Русь, именно Галичъ, Волинь, Подблье и Украина. Заслѣпленный такииъ прегордыиъ бажа-

нѣмъ, онъ настойчиво требовалъ отъ Московскихъ пословъ, чтобы они признали его Царемъ всеи Руси; а коли тѣ рѣшительно сему противились, приказалъ онъ отправить ихъ въ Варшаву и тамъ-же якъ невѣдливиковъ держати подъ стражею.

Межи тѣмъ Гетманъ Жолкевскій, стоячи залогомъ въ Москвѣ, долго уводилъ Москвитянъ, що если не нынѣ, такъ завтра Владиславъ прїѣдетъ до нихъ и сядетъ на престолъ; но Жигмонтъ все таки не прислалъ сына, а Московскій народъ, подозрѣвая обманство, началъ волноватися. Тогда Жолкевскій, поручивши Москву товаришу своему, пану Гонсевскому, самъ поѣхалъ до Смоленска, чтобы оброзумити короля Жигмонта и чѣмъ-скорше выпросити у него Владислава. Вразъ съ собою отвѣзъ Жолкевскій къ Жигмонту и несчастного пльнника - Царя Василія Шуйского, который долго томился въ неволѣ и умеръ потомъ въ Варшавѣ. — Скоро по отъѣздѣ Жолкевского всѣ хитрости открылись: въ Москвѣ узнали, що Жигмонтъ хоче завоевати Великую Русь для себе, та еще замышляе и вѣру католическу накинуги православному Руси святой мїру. Негодованье на Поляковъ въ Москвѣ повстало велике, и народъ православный обступивши своихъ бояръ, которые первыи присягли уже были на имя Владислава, домогался усиленно, щобъ они отреклися своей присяги, яко зложенной передъ Гетманомъ Жолкевскимъ по принужденію и безъ согласія другихъ городовъ Великой Руси. Послѣ того самъ святѣйшій Патріархъ Ермогенъ на просьбу народа и бояръ освободилъ найвысшою своею властію духовною жителей Москвы отъ сеи присяги Владиславу, и призывалъ особливою грамотою всѣхъ православныхъ чадъ святой Руси, чтобы вооружившись, яко подобае, изгнали Ляховъ изъ Москвы, и выбрали бы собъ Царя православного, русскаго роду и духа. На тую грамоту Патріарха прежде всѣхъ откликнулся Прокопій Ляпуновъ, который собравши численными полчища изъ 25 дальнѣйшихъ городовъ Руси, спѣшилъ въ Москву, чтобы подати помощь братіи. Озлобленный за то на Патріарха панъ Гонсевскій, начальникъ ляхкои залогии въ Москвѣ, заключилъ тогожъ въ тюрьму, и на его мѣстце вывелъ изъ монастыря прежнего Патріарха, Грека Игнатія.

Но гроза на Ляховъ собиралась все ббльша и ббльша отъ всѣхъ сторонъ. Прокопій Ляпуновъ по дорожъ въ Москву соединился съ Атаманомъ Зарудкимъ и съ Димитріемъ Трубецкимъ, прежними товарищами самозванца, и такимъ способомъ изъ трехъ шаекъ утворилось одно великое войско, числящее до 100.000 мужа. Правда, що ббльшая часть того войска складалась изъ людей нечистой совѣсти, волокитовъ и грабителей, которые еще недавно служили лукавому Лже-Димитрію; однакожъ нашлись межъ ними также честныи мужи, добрыи

воины, стоящи за честь Руси и за матку-правду, которы добросердннмъ увщанемъ и самыхъ разбйникбвъ привели до того, що они на той часъ въ грѣхахъ своихъ раскаялись, та и весь единодушно задумали освободити Москву бтъ Полякбвъ.

Еще сія полчища не успѣли приблизитися къ Москвѣ, а уже въ томъ городѣ таки передъ часомъ зайшли велики, ужасныи страсти. Межи Поляками и Москвитянами началась люгая сварня, котора якъ-стой дбйшла и до рзнь. Цѣла Москва повсталала. Поляки увидѣли, що имъ съ народомъ не упоратись, и они задумали выкурити его огнемъ. Они запалили Москву на всѣхъ концахъ и стали грабити; кидались въ храмы Божіи, обдирали ризы изъ святыхъ иконъ, и рсхвщали священныи сосуды, всякіи дорогоценности и скарбы царскіи. Москвитяне рзали ихъ безъ пощады, и въ стѣнахъ Москвы середъ пламени и дыму происходило найстрашнвйшее кровопролитіе. На помбчь Москвитянаѣвъ подеспѣлъ съ легкимъ отрядомъ дльный воевода князь Пожарскій, и той не скорше пересталъ обороняти несчастную Москву, ажъ коли уже самого его, тяжко пораненного, подняли добрыи люде и отвезли для излченія въ Сергіеву Лавру. Черезъ два дни и двѣ ночи не уймался пожаръ въ Москвѣ, нѣ переставала рзня отчаянна. Вся Москва выгорѣла до тла; устоялся цѣло лише одинъ неприступный Кремль, где сидѣли Поляки; и туда-то къ нимъ успѣли еще пробратися съ отрядомъ свѣжихъ войскъ лядцій Гетманъ Ходкевичъ и павъ Струсь, подосланныи сюда бтъ Смоленска.

Уже лежала Москва у стбпъ каменного Кремля широкимъ пепелнщемъ, коли на свѣтлой недѣль 1611 г. русскіи ополченія подъ проводомъ трехъ начальникбвъ обступили потгорьлицю-матушку зо всѣхъ сторонъ. Тутъ же имъ належало было на видъ пострадавшей такъ страшно Москвы душевно рсзчувствоватись, та и якъ-стой совокупннми силами ударити на Кремль, где затворились передъ ними вороги Поляки, — а оно къ несчастью, бачишь, не такъ вышло. Въ могущомъ ополченіи русскбмъ, состоящемъ изъ 100.000 люда, было на бѣду ажъ три начальники: Ляпуновъ, Заруцкій и Трубецкій, та и въ нихъ то почивало сего великого воинства безсиліе. Были бо то весь три люде мало образованны, и межъ ними повстали ненависть и роздоры изъ-за того одного, що каждый хотѣлъ быти старшимъ надъ другихъ. Проконпій Ляпуновъ былъ еще и розумнвйшій и во всемъ лучшій бтъ своихъ товарищей, однакомъ при томъ и дуже гордый, неуживчивый та надъ мру строгій. Онъ попрекалъ Трубецкого и Заруцкого за ихъ прежню службу при Тушинскомъ волокитѣ, а ихъ-же козаковъ каралъ надто жестоко хоть и за якіи-тамъ не-дужій проступокъ, та бтъ того и невлюбленъ былъ всею козацкою громадою. Поляки, що сидѣли

*

въ Кремль, увѣдали о всѣмъ томъ, и задумали Ляпунова погубити. Они написали грамоту, въ которой будто приказуется всѣхъ козаковъ убивати, безъ пощады, и подъ тою грамотою искусно поддѣляли подпись Ляпунова. Грамоту ону Ляхи подослали козакамъ; козаки забунтовались, собралися въ громаду, позвали Ляпунова на судъ, и не давши ему боронитись, зарубали его саблями.

Съ Ляпуновымъ погубло и дѣло, которое онъ замыслилъ. Въ таборъ русскихъ ополченій подъ Москвою поднялась неурядица, якой еще не бывало. Козаки Заруцкого и Трубецкого, которыхъ тутъ набралось дуже много, завели бѣйку съ пѣхотнымъ войскомъ Ляпунова; одни другихъ прогнали изъ табора, такъ, що-наконецъ подъ Москвою мало-кто остался. — Тогда настали еще большіи страсти: Атаманъ Заруцкій задумалъ здѣлати Царемъ малолѣтнего сына Марины, Ивана, чтобы ѣттакъ самъ онъ съ его матерью могъ царствовать до его полнѣтности; во Псковѣ же явился новый Самозванецъ, якій-то Сидорко, и объявилъ себе Царемъ Димитріемъ, которого будто-бы не убилъ въ Калузѣ татарскій князёкъ Урусовъ. И, найшлися такіи безумицы, которы повѣрили в тому Самозванцю, а воевода Трубецкій уже не ѣт самого безумія, а таки и по крайной безумности, также врисягнулъ сему Лже-Димитрію III. — Не хорошо было и въ другихъ сторонахъ Великой Руси. Смоленскъ, отбиваючись ѣт лядского короля черезъ 20 мѣсяцевъ, въ-конецъ уже цѣлкомъ изнемогъ; ѣт недостатка здоровои стравы пошла моровая болѣзнь, и зъ 80.000 жителей ледви осталось 8000. Поляки пробили городскую стѣну, и ночью взяли крѣпость приступомъ; Смоленяне заперлись въ церкви, подпалили въ подкопахъ порохъ и взлетѣли на воздухъ, а воевода Шейнъ съ немногими товарищами попался въ неволю. Въ тоежь время шведскій генералъ Делягардій, корыстаючи зъ Московскихъ неурядиць, напалъ на Новгородскую область, взялъ Новгородъ, и принудилъ жителей признати своимъ царемъ шведского королевича Филипа. — Однимъ словомъ, вся Великая Русь была тогда на-скрѣзь терзаема врагами не только чужеземными, но и своими-же домашними.

Великіи были бѣды, тяжкіи невзгоды, — однакъ они не одолѣли русскую землю. Найшлися межи дворянами и мѣщанствомъ Великой Руси честныи люде, которы не потеряли розума, не опустили рукъ бездѣльно. Натерпѣвшисъ горя, они наконецъ увидѣли, що всѣмъ русскимъ людемъ потреба быти въ согласіи и не жалѣти ничего для спасенія Отчины. Духовенство и монастыри сильно поддерживали честныхъ мірянъ въ томъ святомъ дѣлѣ, особенно Троицко-Сергіева Лавра. Архимандритъ сен Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ розсылали по мѣстахъ грамоту за грамотою, поднимая нарѣдъ

на оборону православной вѣры и отечества. Пронеслося по всей земли сказаніе, будто въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ богобоязный человекъ, именовъ Кузьма Мининъ, видѣлъ дивное чудо: явились два старца и сказали, що русская земля не спасется, поки не покается и не очистится. Во всѣхъ городахъ всенародно постановили такъ: постити черезъ три дни и старому и малому, и навѣтъ груднымъ дѣтямъ. И весь православный народъ черезъ три дни ничего не ѣлъ, а потомъ еще два дни сохранялъ строгій постъ. Всѣ готовились на великое дѣло; всякій мовъ-то розумѣлъ, що приближается время, коли русская земля либо спасется, либо зовсѣмъ погибне.

Народное возстанье началось зъ Нижнего-Новгорода. Въ мѣсяцъ Октобрь 1611 г. прійшла туда изъ Сергіевой Лавры грамота; старшии люде собралися на раду. Прійшолъ на раду также городскій староста, рѣзникъ по ремеслу, Кузьма Мининъ, человекъ на-скрѣзь честный, еъ великимъ розумомъ, чистымъ душою и твердый волею. Видячи, що несчастная Русь зо всѣхъ сторонъ погибаетъ, онъ созвалъ кругомъ себе Нижегородскихъ людей и сказалъ рѣшительно: „Братья! прійшла наша пора обороняти православную вѣру и мать нашу — Русь святую. Вооружься всѣ и наймѣмъ воинствъ; продаймо свои дома, свои мѣтки; заложемъ женъ и дѣтей, — а отобьемъ и выкупимъ изъ бѣды рѣдную мать Русь!“ — Добрыи Нижегородцы послушали Кузьму Минина, и приступили къ освобоженью отчины съ молитвою. Отпѣвши молебени въ храмахъ Божихъ, всѣ жители, Отцы духовныи, дворяне и мѣщане начали зносить на городскую площадь золото, серебро, гроши и всякіи драгоценности, якіи кто имѣлъ; жены и дѣвицы приносили свои перлы, дорогіи нашіишки и кольца зъ рукъ, чтобы было чѣмъ содержать войско; а мужчины, которы могли лишь двигати оружіе, всѣ до одного узбрались, и такимъ способомъ составилось русско-народное воинство изъ благочестивыхъ и вѣрныхъ людей. А чтобы для сего воинства добрати крѣпкого и надежного начальника, то Кузьма Мининъ спровадилъ въ Нижній-Новгородъ славного воеводу князя Пожарского, который тогда що-ино выльчился былъ изъ ранъ, одержанныхъ на съчи пѣдъ Москвою. Самого же Минина Нижегородцы нарекли „выборнымъ человекомъ всего русского царства“, и поручили ему воинскую кассу всего ополченія русскои земли.

Вѣсть о всѣмъ томъ живо рознеслася по Великой Руси; военные люде зо всѣхъ сторонъ стали толпами сходиться въ Нижній-Новгородъ, а русскіи мѣста и села присылали грошей на содержанье воинства. Устроивши полки, воевода Пожарскій и выборный человекъ Мининъ сейчасъ-же двинулися въ походъ. Коли они уже приближались къ Москвѣ, то Поляки, засѣвши въ Кремль Московскѣмъ, съ ножами

приступили къ заключенному въ темницѣ Патріарху Ермогену, и домогались насильно, чтобы онъ запретилъ Пожарскому идти на Москву; но Патріархъ Ермогенъ, не убоявшись угрозъ ни мученія, сказалъ въ лице Полякамъ: „Да будутъ блатословенны тѣи, которые идутъ на спасеніе святой Руси, а вы, лиходѣи, будьте прокляты!“ Поляки такъ озлобились за то на Ермогена, що въ темницѣ же уморили его голодомъ. — Кромѣ Поляковъ переполошились теперь также козаки Заруцкаго и Требецкаго, которы тогда еще были приостаи въ таборѣ подъ Москвою; понимали бо они, що Пожарскій и Мининъ не дадутъ имъ дальше своевольничати, грабити и мутити русскую землю. Съ такою то, неспокойными людьми приходилось теперь князю Пожарскому прежде всего управитись та що - нибудь змудити, щобъ они не мѣшали приступити къ пораженію Ляховъ. Но слава Богу, сталося таке, що за приближеніемъ полковъ Пожарскаго, измѣнчивый Трубецкій скоро оброзумился, и отставши отъ самозванця Сидорка, присоединилъ свою шайку къ ополченію Пожарскаго; Заруцкій же взялъ съ собою Марину съ ея сыномъ и уйшолъ въ далекіи степы до Донскихъ козаковъ.

Въ половинѣ мѣсяця Августа 1612 г. князь Трубецкій подступилъ подъ саму Москву, и сейже часъ распочалъ борьбу съ Поляками, которыми доводилъ тутъ коронный Гетманъ Ходкевичъ. У згарищъ Москвы оба войска билися завзято черезъ три doby, не злзаяючи зъ коней. Уже было Гетманъ ляцкій мало-що не перемагалъ голову силу войска русскаго, — но тутъ Кузьма Мининъ съ трема сотнями найдѣльнѣйшихъ воиновъ зайшолъ имъ нечаянно въ тылъ, и могущимъ напоромъ привелъ Ляховъ въ безпорядокъ. Ходкевичъ былъ розбитый, та вже и не здужалъ дѣстатись назадъ до Кремля, но уходилъ бездорожиями въ Литву. — Остался еще хоробрый Полякъ Струсь, который со своими воинами засѣлъ въ укрѣпленномъ Кремлѣ и поставилъ тутъ боронитись до послѣдней крайности. Пожарскій окружилъ Кремль докола войскамъ, и морилъ Ляховъ голодомъ. Полки ляцкіи, запертыи въ тѣснотѣ, терпѣли наибольшую нужду, изъ голоду зли чловѣческое мясо, — а таки не поддавались.

На несчастье Руси, власне въ тоежь время козаки изъ шайки Трубецкаго завели роздоръ съ Нижегородскими воинами, та и самъ Трубецкій не хотѣлъ дальше слухати Пожарскаго. Бѣда народной русскай справѣ угрожала зновъ велика, бо уже ишло до того, що случилось было за Прокопія Ляпунова. Но еще въ пору явился межи козаками келарь Сергіевой Лавры Авраамій Палицынъ, яко истинный ангель-примиритель; онъ со слезами сталъ просити козаковъ, щобъ отложили всякую вражду и спасали бы Москву; а коли и слезы не помогди, то онъ предложилъ козакамъ весь сокровища Сергіеваго мона-

стыря, отдавалъ имъ навѣтъ святыя чаши и кресты; только щобъ они не поднимали роздору. И козаки роскадись душевно: церковное добро они звернули назадъ Сергіевой Лавръ, а по доброй волѣ прирекли уже выстояти подъ Москвою до кѣнца. — А до кѣнца было уже недалеко. Въ Кремль ужасный голодъ привелъ Ляховъ до послѣднаго изнеможенія. Оставшии при жизни дѣлились человѣческимъ мясомъ свѣжо умирающихъ; батьки ѣли детей своихъ, паны пожирали слугъ; ба въ-конецъ таки другъ друга избгаль, боячись, щобы не быти жертвѣмъ. Тожъ якъ ни быстры были собъ Поляки, но при такой бѣдѣ не могли долго держатися. Въ концѣ мѣсяца Октобрѣя 1612 г. козаки русскіи поѣшли на приступъ, и якъ-стой здобили Московскій Кремль. Воевода яцкій пайтъ Струсь съ горсткою недобитковъ бѣжалъ изъ Москвы, та не збундился вже, ажъ за границею Литвы. — Въ тожь время король польскій Жигмѣнтъ III, не знаючи еще ничего о прогнаію пана Струсѣ зъ Москвы, посыпалъ туда отъ Смоленска съ численнымъ войскомъ и съ королевичемъ Владиславомъ; однакожь дошедши до Вязмы и дождавшисъ тутъ о бѣдѣ, яка постигла Ходкевича и Струсѣ, завернуль зъ дороги та якъ непышный уйшолъ въ свою Польшу.

Такъ отже совершилось въ Москвѣ великое дѣло: выборный человекъ Кузьма Мининъ и воевода князь Дмитрій Пожарскій очистили Москву отъ чужеземцевъ, спасли русскую державу! — Исполнивши такъ славную задачу не по якому-то царскому приказу, бо Царя тогда въ Москвѣ вовсе и не было, но по власной доброй волѣ, за одобреніемъ и при помочи всего русского народа, тѣ два великіи мужи Руси розослали по всѣхъ городахъ свои грамоты, извѣщая о счастливомъ прогнаіи Ляховъ изъ Московского Кремля, и призывая всѣхъ добрыхъ и разумныхъ людей собраться въ Москву, щобы всею землею русскою избрати Царя. Коли же выборныи люде зъ цѣлого русского царства собралися въ Москву, то прежде всего установленъ былъ трехъ-дневный постъ, а потомъ по молитвахъ началися соборы. Всѣ выборныи люде згодилися тутъ сперва на то, щобы зъ иноземныхъ королей и королевичей Царя не выберати, а выбрати природного русского Князя вѣры православной; але кого изъ князей выбрати Царемъ, о томъ никакъ не могли согласитися, и уже туй-туй начинали спорити. Но Богъ, по молитвамъ святыхъ угодниковъ своихъ, не допустилъ теиерь людей русскихъ до бѣльшого несогласія; на-разъ бо всею пригадали собъ, що замученный недавно Ляхами святыишій Патрїархъ Ермогенъ заповѣдалъ избрати Царемъ молодого князя Михаила Романова, — и всея голосы единодушно были даны за Михаиломъ. И такъ, дня 21 Лютотого 1613 г. вся Русь черезъ своихъ выборныхъ людей избрала Царемъ своимъ „благодѣтельную отрасль царского кореня“, юношу Михаила Феодоровича.

доровича Романова, внука въкопной Царицы Анастаси Романовны, первой жены Ивана Грозного, — той-же самой Анастасии, за житя и за вліяніемъ которой Царь Грозный въ началъ своего владѣнія черезъ 13 лѣтъ былъ истиннымъ ангеломъ-благотворителемъ для Руси. Когда совершился выборъ, вся Москва тогожъ самого дня присягнула на имя нового Царя, а вскорѣ за тѣмъ зложила присягу и цѣла Великая Русь.

Ново избранный Царь Михаилъ Романовъ жилъ тогда въ Костромѣ въ Ипатіевскомъ монастырѣ при своей матери инокинѣ Марѣ, ничего не знаючи о своемъ избраніи и не помышляя о царской коронѣ. Ему было тогда всего 16 лѣтъ. Выборный Соборъ отправилъ до него изъ Москвы послѣвъ, чтобы вручить ему избирательную грамоту и просити его на царство. — А въ то время случилось было такъ, що юный Михаилъ Романовъ переехалъ на короткій часъ зъ Ипатіевского монастыря въ свое отчинное село недалеко Костромы; для того-то шайка Ляхѣвъ, бродившая еще около сего мѣста, постановила захватити его въ свои руки. Но разбѣйники збилися зъ дороги, и не знали, куда идти въ село Романова. Имъ нужно было взяти проводника. Такъ и надарился имъ тутъ за проводника одинъ русскій старикъ, селянинъ Иванъ Сусанинъ; онъ якъ-разъ догадался того, для чого сіи опрышки глядають князя Михаила Романова, и тайкомъ подослалъ своего пареня найблизшою дорогою къ молодому Царю сказать, чтобы онъ поскорѣйше спасался въ Кострому. Самъ же онъ, той хитроумный старикъ, повелъ Ляхѣвъ лѣсами, водилъ ихъ и водилъ цѣлую нѣчь вѣсьма бездорожьями, та наконецъ запровадилъ ихъ въ такую тущобу, що и око выбери — ничего не видати, а снѣгъ по колына. Коли потохъ уже Сусанинъ розсчиталъ, що Михаилъ Романовъ долженъ былъ изъ своего села дохати до Костромы, тогда онъ остановился и сказалъ Полякамъ: „Ну теперь, братчики, идѣте собѣ, куда хотите, а я мое дѣло уже здѣлалъ; не видати вамъ нашего юного орла, Царя Михайла, — онъ уже улетѣлъ изъ своего гнѣзда, и спасся отъ васъ разбѣйникѣвъ подъ крылами матери и русского народа въ Костромѣ!“ Поляки кинулись на Сусанина и порубали его на куски; но вскорѣ-же збѣглися сюда русскіи люди, та перебили всѣхъ ихъ на мѣстци до послѣднего.

Межи тѣмъ Московскіи послы прибыли въ Кострому, ударили челомъ Михаилу та просили, чтобы по приговору всей русской земли принялъ царскую корону. Мати Михаила, инокиня Марѣа, утрашилась незвѣрно, зарыдала, и ніякъ не хотѣла отпустить сына на престолъ; она говорила: що люди Московского царства по грѣхамъ своимъ зовсѣмъ испортились, стали на Царей лукавы; що до того вся земля русска зруйнована, и идти теперь молодому Михаилу на царство, зна-

читать то, что мати на погибель. Михаилъ также плакалъ и рѣшительно отказывался отъ короны, а то не лише за-дѣя своей молодости, но еще больше для того, что отецъ его Митрополитъ Филаретъ находился тогда въ неволѣ у Поляковъ, и мѣгъ бы затѣмъ подвергнуться еще большоу нуждѣ, если Ляхи узнаютъ, что сынъ его насталь Царемъ Московскимъ. Тогда послове Москвы, а съ ними духовенство и бояре зъ Костромы и другихъ городѣвъ Руси прибѣгли къ послѣднему средству: они поднявши святыя иконы и хоругви, пали передъ Михаиломъ на колѣна, и угрожали ему страшнымъ судомъ Божиимъ, если онъ откажется отъ предлагаемаго ему престола; весь нарѣдъ такожь палъ на колѣна, и громко восклицалъ тутъ передъ Михаиломъ: „Будь намъ Батькомъ - Царемъ, — не дай погнати святой Матери-Руси!“ — Михаилъ не мѣгъ долше противитися, и заливаясь слезами, сказалъ: „Если того хощетъ Богъ, да будетъ тако.“ — Се дѣялось въ соборной церкви Костромскаго Ипатіевскаго монастыря дня 3 Марта 1613 г. Послѣ того молодой Царь Михаилъ перѣхалъ изъ Костромы въ Москву, и лѣтомъ тогожь 1613 г. ввѣчался съ торжествомъ на царство.

ЦАРЬ МИХАИЛЪ РОМАНОВЪ И ГЕТМАНЪ КОНАШЕВИЧЪ-САГАЙДАЧНЫЙ.

Съ возшествіемъ Царя Михаила на престолъ положенъ былъ конецъ такъ званому „смутному времени“ и мятежамъ Самозванцевъ, а вся Русь послѣ тяжкихъ 15-лѣтнихъ страданій увѣрилась теперь, что царскій престолъ есть святыня, доступная лише тому, кого избрало Божье провидѣніе. И по правдѣ, новый Царь Михаилъ былъ для Руси спасительнымъ даромъ неба. При вступленіи его на царство земля русска кругомъ была розорена, города попалены, скарбона царска пуста, а всюду еще были грабежи и разбои; люде на-скрѣзь попортились, отъ всякою порядка отвыкли. Безцарственное время напустило на русскую землю такъ много зла, що за короткій часть его не можъ бы было и выкоренити. До тогожь по всемъ областямъ Руси бродили мятежныя шайки: гуть Атаманъ Заруцкій, тамъ Полякъ Лисовскій а дальше Крымскіи Гатаре. Молодому Царю Михаилу приходилось теперь истребляти всѣ тѣи шайки, а еще зверхъ того вести войну съ королями шведскимъ и лядскимъ, понеже у сего короля и у другого былъ свой королевичъ, который хотѣлъ быти русскимъ Царемъ.

Первымъ дѣломъ Царя Михаила было то, що онъ призвалъ до себе въ совѣтъ и въ царскую Думу мужей самыхъ честныхъ, опытныхъ и разумныхъ, межъ которыми найзнакомѣтшимъ мѣстца держали князь Пожарскій и Кузьма Мининъ, славныи освободители Москвы. Устроивши порядочно свой придворный совѣтъ и царскую Думу,

онъ сейчасъ-же занялся покореніемъ шатемныхъ шаекъ. А началъ бить сію справу отъ Атамана Заруцкаго. Той Атаманъ съ своею Мариною и съ ея сыномъ Ивашкомъ убѣжалъ было къ Донскимъ козакамъ, надѣясь у нихъ найти себѣ подмоги; но Царь послалъ за нимъ отрядъ своего войска, котораго разбило его около Воронежа. Тогда Заруцкій погнался ажъ въ Астрахань, овладѣлъ тѣмъ городомъ и объявилъ тутъ маленькаго Ивашка царемъ, Марину царицею, а себе правителемъ царства; однакожь царскій воевода князь Одоевскій выгналъ его изъ Астрахани, загналъ ажъ до самого моря и схвативши его съ Мариною и ея сыномъ, приставилъ всехъ ихъ въ Москву. Заруцкаго и маленькаго Ивашка казнили позорною смертію, а саму Марину заперли въ тюрьму, где она скоро и умерла.

Въ тожь время самъ найзнаменитѣйшій воевода Руси, князь Пожарскій, обернулъ свои силы противъ другого, немаленькаго опаснаго ватажка Поляка Лисовскаго, который непокоилъ русскую область около Пскова. А сей-то Лисовскій имѣлъ подъ своимъ начальствомъ розбойничую шайку, составлену изъ людей различныхъ вѣръ и народностей, которыя присягали жити самымъ грабежемъ и разбоемъ и никакъ не щадити жителей русскаго царства. Незвычайно быстрыми переходами и тоньюбою Лисовскій съ своею шайкою долго спасался отъ преслѣдованія полковъ русскихъ, и не давалъ покою самому храброму полководцю князю Пожарскому. Онъ нападалъ на города: Угличъ, Ярославль, Кострому, Владиміръ и Муромъ; ажъ наконецъ (въ г. 1616) той розбойникъ — славити Бога — умеръ, и шайка его розсылась безслѣдно.

Що до Крымскихъ Татаръ, которыя творили всякія пакости на найдалнѣйшихъ южно-восточныхъ окраинахъ Руси, то Царь Михайлъ, увѣрившись, яко не возможно ему такъ далеко идти на нихъ войною, старался задобрити ихъ цѣнными подарками и гршевымъ окупомъ. Но поганые бисурмане брали отъ Царя подарки, а таки землю его грабли, народъ русскій у граничныхъ окраинъ сильно безпокоили. Тогда Царь Михайлъ приказалъ построить тамъ противъ Татаръ укрѣпленными стражничіи города: Тамбовъ, Козловъ, Нижній Ломовъ, Верхній Ломовъ и Осколь, та оттакъ хищныи Крымцы якъ на часъ и присмирѣли. До тогожь и Донскіи козаки вразъ съ Запорожцами также покрьпче натерли тогда на бисурманъ, та здобывали у нихъ велику Азовскую крѣпость, держали ихъ въ такомъ постраху, що черезъ цѣлыхъ 6 лѣтъ оныи хищники не посмѣли въ своихъ гнѣздахъ ани заворушиться.

Дальше чергою шла война со Шведами. Шведскій бо король Густавъ Адольфъ, видячи невозможность здѣлати своего королевича Царемъ русскимъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ удержати за собою на-всегда

Новгородъ и всю Новгородскую область. По той причинѣ поставилъ бнѣ въ Новгородъ своего генерала Делягардія, который маючи подъ собою численное войско, обходился съ Новгородцами яко-бы съ подданными шведского короля и ани не думалъ уступати оттуда доброю волею. Тогда Царь Михаилъ выслалъ сильный отрядъ своего войска подъ начальствомъ князя Трубецкогѣ для пресѣнанія Шведѣвъ изъ русской земли. Однакожь Шведы не только розбили отрядъ Трубецкогѣ, но еще стали подвигатись дальше ажъ ко Пскову, Самъ король Густавъ Адольфъ, уважаемый тогда въ цѣлой Европѣ найдѣльнѣйшимъ полководцемъ, явился на мѣстци военныхъ дѣйствій и лично осадилъ городъ Псковъ. На счастье, Псковитяне не устрашились ни самого найславнѣйшого полководца Европы, но обороняли свой городъ противъ него съ такимъ мужествомъ, що надъ Шведѣвъ на скорое добытіе Пскова цѣлкомъ остыгли, и король Густавъ Адольфъ самъ приеволень былъ пуститись на дорогу мирныхъ переговоровъ. Въ справу тую вдались еще и Англичане, которы бажали собъ мира межи Шведами и Русію за-для торговыхъ своихъ интересѣвъ, та за ихъ-же содѣйствіемъ наконецъ и заключенъ былъ миръ въ селѣ Столбовѣ въ г. 1617. По условіямъ сего мира король шведскій звернулъ Царю Михаилу Новгородскую землю, отказавшись при томъ отъ всякого притязанія на русскій престолъ; а собъ взялъ бнѣ отъ Руси тую область, котору занимае нынѣ Нетербургская губернія, та еще Царь Михаилъ обязался заплатить Шведамъ 20.000 рублей за ихъ страты военныи. Той миръ Столбовскій, хотя и дорого былъ Русію окупленный, но всежь таки урадовалъ русскихъ людей именно для того, що однимъ непріателемъ стало для нихъ меньше.

Труднѣйше было зладити съ головнымъ, непримиримымъ врагомъ Руси, ляцкимъ королемъ Жигмонтомъ III, который все еще не переставалъ маячити о Московскожъ престолѣ, и которого полки еще таки стояли залогою въ Смоленску. Была-жь тутъ для Руси съ вражою Польщею тѣмъ труднѣйша справа именно за-черезъ то, що не только король та королевичъ, но также и весь шляхотный нарѣдъ ляцкій, подбужаемый неустанно Римомъ и ксендзами езуитами, увязяся на-чѣмъ-свѣтъ покарати православне Московское царство наибѣльше для того, щобы въ цѣлѣмъ ономъ царствѣ завести римско-ляцкіи порядки и папешскую вѣру. До того-жь Ляхи, вспоираючи зверху 10 лѣтъ русскихъ самозванцѣвъ та стративши черезъ то народу своего и маеткѣвъ богато, бажали теперь съ цѣлою горячковою жаждою сердца якъ-нибудь страты свои на Москвѣ собъ надолужити, та хотя вже и видѣли, що на Московскомъ престолѣ засѣлъ природный, цѣлымъ народомъ единодушно избранный русскій Царь, но таки поставили собъ:

всѣми силами и съ наибольшимъ завзятіемъ продолжати войну противъ „шизматицкой“ Москвы, котора ихъ съ такимъ соромомъ недавно отъ себе прогнала.

(Дальше буде.)

ЛѢКАРЬ ПО НЕВОЛИ.

КОМЕДИЯ ВЪ 3. ДѢЙСТВІЯХЪ

посля Молиера написалъ *И. Гавришковиць.*

○○○○○○

(Конецъ.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Легкодухъ, Пѣдкова, Ягодицкій.

Пѣдкова. Вы ту, пане докторъ? Що-нио звядовался я за вами.

Легкодухъ. Ось я забавлялся отшумованьемъ лишнихъ шумовинъ. А якъ тамъ маеся наша пациентка?

Пѣдкова. Ея еще погѣршилося чогось пѣсля вашей медицинны

Легкодухъ. Тымъ лѣпше; видко, що медицина свое робить.

Пѣдкова. Ба, але если она тою своею роботою забавить мене дочки!

Легкодухъ. Смѣйтесь зъ того. У мене есть вамъ лѣки, которымъ всё тое байдуже! хочъ-бы до нея приштильгугалася сама бѣлокостая смерть.

Пѣдкова (показуячи на Ягодицкого). А то що-за якій?

Легкодухъ (робить знаки рукою, що се цилюрикъ). Се ось....

Пѣдкова. Що же?

Легкодухъ. Такой ось; знаете...?

Пѣдкова. Якій, якій?

Легкодухъ. Та ось, що тое....

Пѣдкова. Знаю теперъ, знаю.

Легкодухъ. Придасться бачите для вашей дочки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Палазя, Пѣдкова, Ягодицкій, Танька, Легкодухъ.

Танька. Прошу васъ, пане господарь, ваша дочка рада бы одробину перейтися.

Легкодухъ. Дуже добре. Пойдѣть же пане цилюрикъ, осмотрѣти ея пульсъ, мы же поговоримъ ту где-шо о ея недузѣ (Веде Пѣдкову изъ бѣкъ и бере его рукою за шею, цѣбы не дати ему повернутися головою къ Ягодицкому и Палазѣ.) Видите, пане Пѣдково, учены докторы перечатся дуже за тое, кого лекше лѣчити; чи нужей, чи лѣвше? Отжемы прошу послухати одро-

близку, що вамъ о томъ скажу. Одни кажутъ вамъ шо-до той справы, шо такъ, а другіи, шо не такъ; а я кажу, шо и такъ и не такъ; а то тому, шо несорозмѣрность густыхъ соковъ, стоящихъ противу собѣ въ природномъ темпераментѣ невасть, будучи причиною, шо звѣрячая ихъ натура все хоче вѣрхъ брати надъ натурою чувствительною, дѣлае тое, шо неностойнѣсть ихъ гадокъ залежитъ отъ укасаго движенья мѣсячного круга. А же солнце, пускаючи свои лучи на землю, надыбуе....

Палазя (до Ягодицкаго). Нѣтъ! Чувство мое не змѣнится, якъ свѣтъ свѣтомъ!

Пѣдкова. Шо чую! Она проговорила! Шо за пречудесный лѣкъ! Шо за славный лѣкаръ! Якій же я вамъ вячный за пречудесное тое вылаченье! И чѣмъ же буду я мѣтъ вамъ за тое отплатитися?!

Легкодухъ (переходячи по сценѣ и холодячи капелюхомъ). Сказавши всю правду, малъ я немало клопоту и журбы съ ось-тою недугою.

Палазя. Такъ, милый татулечко, меня повернула назадъ бесѣда; но лишь на тое, щобы вамъ связати, шо во пойдю никакимъ свѣтомъ за Бога-чынча, та шо однимъ на свѣтъ для мене человекомъ есть Ягодицкій.

Пѣдкова. Але....

Палазя. Ничо на широнѣ свѣтъ не подужае поколебати того, на шо уже разъ нагадалася....

Пѣдкова. Шо....

Палазя. Не гнѣвайтесь; но вся ваши замидання не будутъ въ свѣтъ, отвести мене отъ того....

Пѣдкова. Слухай же....

Палазя. Шкода бесѣды.

Пѣдкова. Я бо....

Палазя. Я уже нагадалася твердо.

Пѣдкова. Коли-жь....

Палазя. Чей не схочете употребляти своем отцѣвскою власти на тое, словати мене, щобы ишла по-неволи.

Пѣдкова. Маю....

Палазя. Покиньте прошу тѣм гадки!

Пѣдкова. Бачишь....

Палазя. Чи хочете, щобы я передъ часомъ молоденька ишла у сырую землю?

Пѣдкова. Та бо....

Палазя. Радше закопайте мене живцемъ въ монастырь.

Пѣдкова. Та най-же....

Палазя. Нѣтъ! Милый татулечку! золотейко! сердечко! Не убивайте вашоу дитини!

Пѣдкова. Гей! А то шо знову за якоесь тарапало! Гала-драла, говъ-птру! (до Легкодуха) Пане докторъ, прошу, зробать ю назадъ итмомъ.

Легкодухъ. Того не уторопаю я уже жаднымъ свѣтомъ. Одиныиъ
лншъ мбгъ бы я вамъ въ той справѣ помочи, а те тншъ, що зроблю васъ,
если на тое пристанете, глухншъ.

Пбдкова. Дякую! (до Палааъ) То ты собѣ гадаешъ....

Палааа. Простаетъ; но той разъ нѣтъ у мене силъ, зробити вамъ вблю.

Пбдкова. Е! де чого тое багвакаашъ! Нынѣ заручишся съ Богачо-
вичемъ, и на томъ конецъ.

Палааа. Радше заручитися съ ангеломъ смерти.

Легкодухъ (до Пбдковъ). Говъ! пождатъ-но, та дайте мене взя-
тися до мовхъ лѣковъ. Бачу, она попала въ другую недугу, которой я зараджу
якъ-стбмъ.

Пбдкова. Чи може се быти, щобы вы вылѣчили ю изъ той ду-
шевною недуги?

Легкодухъ. Не ббйтеся, та дайте ю лишь мавъ въ руки; у мене
есть докторскія спсбры на все а все недуги; а подмогомъ тое-ошь цнлю-
рика выкуримо ми зъ неа хочъ-бы незнати шо. (До Ягодницкого) Прошу на
слово! Видите пане цнлюрикъ, шо любовь, которую она мае для Ягодницкого,
протнматся зовсамъ воль еи отна. Засыплати зя ту не може, все бб соки
у ней поцсованы; а такъ треба буде взятися до лѣку герончново, щобы
откладаньемъ лаченья не дати недузъ убблштитися. Рвзгляднчншя по всему
туда и сюди, бачу, шо ту не поможе якъ одншъ лѣкъ, а то перцнѣ пурга-
тивной утечи, съ которою змѣшати двѣ драхмы матрнмонншмъ, рекшн супру-
жества. Може быти, шо она зъ-разу не схоче поживати той медицины; но
я надѣюся по вашей способности до такихъ дѣлъ, шо уторопаете довести
до того, якъ тамъ самы тое найлучше порозумѣете. А такъ ншѣ она напередъ
перейдеша по огородъ, и тамъ приготовить на сей лѣкъ зопсованыи соки.
Сншъ часомъ забавлюся я, якъ мога, съ отцемъ. А такъ хутнейко до дѣла! до
дѣла безъ проволокн!

ЯВЛЕНИЕ СѢМОЕ.

Пбдкова, Легкодухъ.

Пбдкова. Якіи то лѣки записали вы теперъ моей дочцѣ? Я не чулъ
о нихъ еще зъ роду.

Легкодухъ. Тнѣ лѣки ординуются лишь въ крайной нуждѣ.

Пбдкова. Але чи бачили вы коли такую упертую дочку?

Легкодухъ. Оно лучитя неразъ, шо дѣвчнна буде трохи пороннста.

Пбдкова. Чортъ-зна, чого она собѣ такъ дуже врипустила до го-
ловы навѣдженого того Ягодницкого!

Легкодухъ. Се выходитъ зъ-отси, шо ю гдешъ мали першій разъ
купати въ горячей водѣ, въ которой бѣла хочъ-бѣ трасочка лѣсчнны.

Пóдкава. Не гадайте себѣ, що се може я самъ причинилъ до тои нѣхъ любви. Не бóйтеся. Скоро лишъ дознался я о томъ, ше пустилъ ю и на крокъ саму изъ хаты.

Легкодухъ. Дуже добрый способъ.

Пóдкава. Та не даль нѣхъ зóйтися, хочъ-бы одинъ разъ.

Легкодухъ. Дуже добре.

Пóдкава. Было бы прійшло до чего великого, если-бы былъ коли повидѣлъ, що они где зóйшися обою.

Легкодухъ. Розумѣся.

Пóдкава. Бо бачите, уважалъ я добре, що она готова бы пойти за нимъ въ свѣтъ.

Легкодухъ. Дуже мудрая увага.

Пóдкава. Менѣ дали знати, що онъ пробовалъ всякъхъ способъ, щобы могли съ нею говорити.

Легкодухъ. Дивѣть, дивѣть!

Пóдкава. Але то все ему не поможе.

Легкодухъ. Ха, ха, ха!

Пóдкава. Хутше увидитъ онъ свое ухо, якъ мою дочку.

Легкодухъ. Божь-то ему справа не ось съ якимъ дурнемъ, та онъ не мае въ годовѣ того, що вы у пятахъ. Вы бачу такъ, якъ та сова, що спить, а куры видѣть.

ЯВЛЕНИЕ ОСМОЕ.

Луцько, Пóдкава, Легкодухъ.

Луцько. Гей до собачою матери! Тамъ-то вамъ загралъ хвѣйного козака! Ваша дочка погналася свѣтами съ Ягодникимъ. Та то былъ той самъ, що задался цѣлюрюкомъ. Тамъ то гарного маєте дохтора, що вамъ наболталъ собачою тою саламахи.

Пóдкава. Що? Такъ мене запродати! Гей хутнейше по войта! Пильнуйте его добре, щобы не утѣкъ. Га пожда-но Юдо! дамъ я тобѣ бобу!

Луцько. Ага! няне дохторъ; потрапила разъ коса на кашанъ! Теперь поїде одному зъ насъ горло по-верхъ мотуза! Не пушу зъ-оуся и на волосъ.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Марія, Легкодухъ, Луцько.

Марія (до Луцька). Гей, що-то я не находилася по всякъхъ убюдахъ, заказъ потрапила на сей хуторъ. А що тамъ робить той закаръ, которого вамъ нараила?

Луцько. Ого! Ему поїдеса просто на шибеницю.

Марія. Що? Мой человекъ на шибеницю? А що же онъ такого правилъ?

Луцько. Ось допомігъ викрасти дочку нашого господаря.

Марія. Гей, милий мій соколику! Чи с'я правда, що ты пойдеш на шибеницю?

Легкодухъ. Ось видишь! Охъ!

Марія. И треба же тобъ умирати передъ тількома людьми?

Легкодухъ. Що же маю несчастний длати!

Марія. Кобы лишъ хочъ былъ скібичилъ свою роботу въ твѣ, не было менѣ такого жалю.

Легкодухъ. Иди собі съ Богомъ; бо менѣ сердце трохи не трясне.

Марія. Натъ! Остану, щобы додати тобъ духа передъ смертю, и не бступлю, доки не увижу тебе гень на горѣ.

Легкодухъ. Охъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Підкова, Легкодухъ, Марія.

Підкова. Незабавомъ приїде вѣйтъ; та научимо мы тебе, викрадати людямъ дѣти.

Легкодухъ (припавши на колѣна). Гей, може бы было зъ мене кілька буквѣвъ?

Підкова. Ничо зъ того. Здаюсь съ твѣ на справедливый судъ.

ЯВЛЕНИЕ ОДИНАДЦАТОЕ.

Підкова, Ягодницькій, Палазя, Легкодухъ, Луцько, Марія.

Ягодницькій. Милый пане! Представляю вамъ ось Ягодницького, и отдаю вамъ вашу дочку. Мы хотѣли, зъ-разу уткати за границу и тамъ побратися; но Богъ далъ, що справа тотя залагодится пріязнѣйшимъ способомъ. Не хочу вамъ викрадати дочку, но радъ бы ю мати изъ вашихъ рукъ. Се-ось прійшло до мене изъ почты письмо, въ которомъ пише менѣ дядько, що, чуючися безсиьнымъ и неспособнымъ до трудѣвъ, отдае менѣ цѣле свое майно, пѣдъ условіемъ, щобы его до смерти прилично удержовати.

Підкова. Почитаю высоко честное ваше дѣло, и отдаю вамъ цѣлымъ сердцемъ свою дочку за жѣнку.

Легкодухъ. Таки вилабудается еще якое мое докторство зъ бѣды.

Марія. Коли уже не пойдеш на столпъ, то подякуй менѣ, що вынесла ты на высокой ступень докторскій.

Легкодухъ. Ага, то ты спровадила на мою спину Богъ-зна сколько буквѣвъ.

Ягодницькій (до Легкодуха). Но, коли Богъ далъ, що всё такъ счастливо пошло, то уже тамъ не треба ей того панятати.

Легкодухъ. Ний буде и такъ. (до Маріи) Отпускаю тобъ за тѣ буквы, изъ взгляду на высокое достоинство, до которого мене вынесла. Но памятай, щобы отъ вынъ мала должную честь для человека такъ высоко поставленого якъ я; та щобы не забула, що се не смѣхи, зачѣпatisя съ лѣкаремъ.

Пренуме-
рата въ годъ
1 рр. 50 кр.,
со „Сло-
вомъ“ 10 рр.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
въ Львовѣ
подъ ч.
113. м.

Научно-белетрисичная прилога до „Слова“.
Число 15. Львовъ 12 Юнія 1868. РОДНИКЪ ДИ.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ МИХАИЛЬ РОМАНОВЪ И ГЕТЬМАНЪ КОНАШЕВИЧЪ-САГАЙДАЧНЫЙ.

Аспривно военъ заломъ жарды Ляховъ, сабы по керити, собы
ве дѣла Русскіе се царство, анъ саранамъ для той цали недоставило
одного, а на малюкшайного — сына. Якъ бо и на малю была тогда
держава, котора перодъ мнѣшь всего оцѣна мѣсяца гордое названіе
Малюга, а егда се была набблжна, бѣда для той Палачи, ицо Палачомъ
и іней: походилась задко малюга, бо люди протина: всего жителство
Бѣдѣ а егда для третиахъ частей народонаселенія въ тайно полковою
державою составалася самая коренная Русина, а Литовца, которыя всѣхъ
вѣдуца мнѣшлось: мнѣшь 16 миліонъ, коли рѣки тѣхъ Палачомъ: всѣхъ
на бѣдо — тушь болше: якъ 7 миліонъ, душъ. Дѣ: войны же протину
Малюга: новы: были: даны: мнѣшь: одинъ: Полки; а: новод: на: Литовца: ни
такъ: мнѣшно: Русина, которы: етъ: всѣхъ: всѣхъ: уважили: Москву: рѣдкомъ:
на: се: стронъ, а: полки: русскій: народъ: мнѣшал: крылайшнѣть, новы: бы: тѣ:
старшинъ: своимъ: братомъ, отъ которого: прійде: колѣс: и: для: Малюга:
Руси: пѣдбога: въ: нуждѣ: и: отъ: зря: дѣлаго: вѣчное: избавленіе:

Палача: Малюга: за: ихъ: король: Жигмонте III: звали: о: тѣхъ: думе:
добро: ицо: Малюга: Русь: на: Москву: вѣднати: годъ; однакожъ:
они: не: тратили: нады, не: таки: удасться: имъ: вѣстію: на: новыни: обѣ-
цѣнкамъ: одну: часть: малюга: народа: для: своимъ: цѣлей: возмекати, другую:
же: на: небезопаснѣй: части: войны: приняи: яко: тако: въ: спокон: удор-
жани. Затѣмъ: то: еще: во: время: оно: коли: явилос: между: ними: первый:
Московский: самозванецъ: Грицко: Опреньскъ (къ: 1604 г.), палачо: Ляхи:
задумали: оружіемъ: своимъ: его: восприти, стали: лагодчи: супротивъ:
Руси: малюга: гданинъ: хитрыи: способы; абы: насъ: котъ: на: части: задон-
браты; се: собонно: же: абы: оманѣй: еще: и: глубокий: гнѣвъ: православному:
за: вѣденіе: конаниской: Берестейской: уни: до: янегодъ: часу: усмиритъ:
Тожъ: препоручили: оны: тогда: асиръ: нашинъ: отогуживаня, улитаскитъ

Владыкамъ, чтобы иже въ свѣтъ шло на мнѣ много себе дога-
мывали, та чтобы старались до всякого часу православный народъ по-
дражнити, а радише представляти ему въ лестныхъ словахъ доброту
лицкого короля, который, буда до того времени Русъ латишабы
лише мы Русины разъ отъ цѣлого сердца зненавидѣли Москву, родну
подбегстру нашу. И въ самыя же дѣла не лишъ уняты, але навіть и
польскии епископы, евангелиты, порозумѣвши наглую потребу и смутьи Польши,
якось за того времени притихли значно, а гдѣкуда, яко именно въ сто-
ронахъ поблизости Давришскаго и Вафорскаго оубога на-скрѣзь были
успокоились, що здавалося, яко-бы язва унии и католичества зовомъ
тамъ мала перерватися. До успокоенія зволнованныхъ недавно умръ на
Руси нашей причинилась вскорь потомъ еще и та околничность, що
въ годахъ отъ 1605 до 1607 вымерли первыи и головныи выношени
Берейстейской унии: Митрополить Рагоза, Терлецкій и преворотный
Иодай. По томъ въ г. 1607 умръ епископъ самостоятелъ защит-
никъ святого православнаго, Владыка Гедьонъ. Была бо въ то время, за
мѣсяца въ мѣсяцъ 608 купокъ Редьмъ Киевъ явилъ ибѣжати и бы-
рѣди за рускою православную веру, а именно: Володаря
Руби, князя Константина Константиновича Острожскя, переписавъ
оная 100 летъ неподражаемой, на-срѣзь блжтославныи митрополитъ
и митрополитъ оный умръ, а именно князь князь Кривошеинъ вѣр-
стойскои Собора, и настало на Руси умръ: тамъ же умръ: умръ:
супротивъ за православную веру, а дабы ради различнаго ссорения и
дѣла: и шна твердилъ, свѣдѣнъ: переписавъ: сумыи ризи: и еще - сегобы
никъ: такъ: богатыи шму: и шму: по: земль: руской: и шму: баводъ:
за Рагозу: и шму: Моквою: Однѣи: сегобы: склавныи: приушныи: и шму:
Русь: стада, и шму: въ: Московскя: Руси: буда: сегобы: и шму: члавны:
сегобы: и шму:

Ради: быи: Дьяк: етеу: внутреннему: уоимрѣю: Милоу: Руси: поди: Ч:
никъ: оны: бакала: еще: И: того: збоу: оны: Русь: цѣлымъ: возмущиль: дви-
гошь: ибднати: разъ: на: шобратнику: Москви, та: Ч: такими: способны:
рукошни: и шму: ибднети: еяму: далеко: славно: и шму: и шму: и шму:
гедонца: сила: надъ: русского: народа: достоянъ: въ: священно: и шму:
у: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
до: той: одной: и шму: збоу: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
идеякъ: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
для: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
чав: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
ханы: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
три: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:
и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму: и шму:

А тея-то дуквовъ цали на войнахъ назыве Дихи! достигнути: такыя это спесомъ, што еще въ г. 1604, коли собирались впервати сарованца Отрепьева; они отогосили за гяльное прощенье тымъ воякамъ, которы отдалившись отъ такъ званыхъ „козакѣвъ-бутовскихѣвъ“, т. е. отъ Запорожцевъ, черейдутъ на королевскую службу: до Киева и другихъ русско-украинскихъ городовъ въ той стороны Днѣпра, и какъ вояки польского короля дядуть себе записати въ коронныя реестры. Для сихъ-то реестровыхъ козакѣвъ прирекъ король латвий выдавати годовую платню по червенцеви и по кожуху на каждого, а хотя еще отъ г. 1589 были тайнъ приказъ сейма Варшавского, шобы реестровыи козакы всегда находились подъ начальствомъ польского Гетмана коронного; но генеръ король Жигмонтъ III, старшой еще больше тымъ людямъ для Польши задобрити, дозволилъ имъ избрати зъ-посереды себе навъть и особноа начальника, которого однакожь велелъ называти не Гетманомъ, а просто Атаманомъ. Найшлось отже за 4000 тымыхъ козакѣвъ, которы поселились въ русскихъ городахъ въ сей стороне Днѣпра, записались въ коронныя реестры и избрали себе Атаманомъ великого полковника Костка. Той Костко хотя не соришлся одинакъ съ Дикими, однакожь человекъ сей былъ впротыкъ ко дурной, шъ доказавъ се много тымъ деломъ, шдо атаманство надъ реестровыми вояками принялъ лише подъ тымимъ условіемъ: шбо самъ былъ своєю особою много въ войне на Москву, но за те въ случаю потребы всегда готовъ идти на Турки, на Фолому и на Шведеи.

Кромѣ реестровыхъ козакѣвъ утвердилъ Дихи еще одинъ родъ козацкого табора, который ихъ цалимъ служилъ далеко лучше тымъ войскамъ Атамана Костка. Были то именно сборъ и озаидныхъ сирѣмакъ, бездомникъ влохитъ и отчаидухѣвъ, которы за-для своей нурсидивости и мелкаго поведениа часто прогоняемы бывали навъть изъ Запорожя, та приставали на кий часъ будъ за тайдукѣвъ при тамошнихъ дворахъ, будъ вызалисъ до кихъ-тамъ вятемныхъ ватеръ въ цали грабежи и разбоя. На сихъ-то воякахъ-сирѣмахъ чинилишиширше Дихи дикъ шайтераннейшу долю, особливо за той пера, коли пришлося имъ высылати наемныи шайки на вѣдногу самованцакъ. Такъ бычте, гордая Дикина, котора вѣртайно серовилася и кащмензаного приближенна съ хлемекою черни, не успывши теперь никакго лучшого набери здлати на Украину, приехала до себе ивѣтъ послѣдныи дракъ изъ нашего простацтва, та браталася навъть съ опришканы-душегубчицми, шбы только повредити тымъ когда великому русскому царству. Таки тошты отъ дикихъ стеновъ Запорожя набралосъ у Дихѣвъ кодыка тысячъ клопа; и зъ-накъ то составлялась онымъ нечестивымъ шайкамъ

Заруцкого, Роживского, Лисовского и других атаманов - атамановъ, которы много лихъ напасли Москву и братьевъ великаго русскому народу. Были то затаиъ они саронами люди на-скрѣзь невер- ченыя и безбожны, которы однакожъ тѣмъ одними таки заглажи свои русскую породу, що во время наибольшаго несчастья Москвы совѣщанно отвѣщали отъ своихъ атамановъ, а прилучались до громады честныхъ людей русскихъ, чтобы вразъ съ тѣми-же матушку Москву отъ нашествия Ляховъ обогнати и освободити.

Третий, наибольшій таборъ русского незначества составляли славныи наши Запорожцы, которы живучи въ своей Бѣлѣ за Днѣ- промъ въ числѣ до 15.000 мужа, даны не подавались къ службу Ляхамъ ни ихъ королю Жимонту III; но еще придумовали всякия сво- собы, какъ бы невзвѣстной. Помыслили чѣмъ и вредити: А быти у тѣхъ Запорожцевъ Гетманомъ тогда ушныи козакъ Петра Коцакъ вѣдѣлъ Сагайдачныи, о которомъ говорить народная пѣсня русская, что бы променялъ жѣнку на тютюна и мовку, а бы прѣстать до безбожничья Запорожничья, абы живень не журитися. Сей Гетманъ Сагайдачныи былъ человекъ великаго ума, начальникъ добрый, бодрый, проворный, осясь мось бы солворашь да-кое, абы козациному народу быти Старшиномъ и Батькомъ. Мало бывало говорить быти въ громаду, но для рѣдкее, хатьбы и въ неоструднѣише дѣлѣ, то вѣже и сподвигъ своею дѣятель- ствиемъ, — По правде до свѣдѣти: дужа глѣбисто было доложено козациной Украины въ то время, коли Гетманомъ настать Коцакъ и Сагайдачныи (около 1606 г.). Шо-ино недавно одна часть козачествъ блгучившая отъ громады та шебачья дружилися съ Ляхами, которы еще и вѣлку радость мали зъ того, що кромѣ козачина для оередного грабежа проливалась въ дѣлѣхъ земляхъ Московскаго царства. Зъ другой вѣлоу стороны Турки и Татары, дождавшыся шоры для себе пригодной, доми те козачина наша по несчастной коннинѣ Намивайце была осла- блена а Польша обернула свои снаны на Москву, стали теперь да- кого загодатись въ предѣлы наши русскыи, оустошая майже шоромъ то Волны, то Подолье, те Галицкую землю. До тогожъ зъ одного часу, какъ Цѣлани завели дѣло про Московскаго самозванца, ходи шорана отъ ушней немного у насъ была приутихла, однакожъ все таки велико- майже повсемѣстно шоры и родоры съ Ляхами и русскими шоренни- чиками по шоруду тожже злощастной ушны, насильное ширеніе которой было теперь въ наказу королевскаго же то дѣло на-всегда залишено, а только до часу отречено.

Такое отио за всѣхъ шоренъ невыгодное состояніе было Рус- ской вѣлоу въ то время, коли Запорожскыи козакы, пробывши отъ г. 1597 до 1606 майже въ совершенной безчуждѣ снаны, выбради наказы

своему Гетману Петру Кочубевичу Сагайдачного. Примиши бунчуку побудувати рукъ козацкое народа, Сагайдачний назвалъ себе Голъничемъ, обохъ свироятъ Дивира и вбегаетъ войска Запорожского, зятая побудовилъ себе начальство и правителей во львизь одной Сани, но также и во всьхъ козацкихъ земляхъ Украины, звать и в клякъ, до которыхъ украинское право притязалъ собою король Польскій. Молчаливо здалъ Сагайдачнийъ отъ себе и отъ цесаря русскаго народа, проувавши ихъ чулководию на короле Жигмонте III (протв иноуедаю), съ которима не-тогда въ правду Батько оставати въ перелънри, не-которого нима владывати надъ собою (не признае, ани збавишия детидасна своа отъ него ани просити и не-грабуе). Уже сего годъ первый, зесьма сизлиъ в: разительний поступокъ многоу Гетмана Сагайдачного, зрезвычайно подобаетъ рашинъ козацкыхъ, и те не лише незвоинимъ Запорожцямъ, але и такъ зовимъ реостровцямъ, котры жили зъ сего боку Дунаю и саидались были ан-слубу кердовскому. Сяг-то несладивъ — реострови козаци — хети еще и на-далъ отаради независимости отъ лицаго короля, едновременно за того часу, нма на Сиче зладаль Гетманъ Сагайдачний, етаки називати себя также Зиперемцями, а то не ино за-ды наданья себе тма ббашней мести въ мръ русскому, но вразъ и для того, щобъ самими оными названіемъ выразити и справити свое принадлежность до великой козацкой громады, надъ которою закономъ былъ еданъ Батько, избраний Гетманъ „сего войска Запорожского“.

Поступокъ сей козацкъ украинскихъ и Гетмана Сагайдачного якъ и думе огорчатъ павбъ Полькбвъ, по-тм будучи тогда на-скрбъ звалти справою Меслевского самозванца, не рашались заводити перение вдало съ Украинскою, а удоволились на-теперь лише тма одини, що написали отъ имени короля в Варшавского ообиа протестацію: яко не признають Сагайдачного Гетманомъ козацкимъ, ани не хотять знати о-тбиъ ничого, щобъ козаци украинскія сизли безъ воли польского короля в корони выберати собу Гетмана чи яко-будь пачащаника. Однакъ Сагайдачний байдуме — ничемъ не закладъ себя дачи протестацію, а не омадасъ на волю короля и корони, признавъ за свое дело яко мужъ умиый и доспыый, не потребуючий надъ собою молскоу опки. Зятки созналъ быт на раду вохъ стариниъ козацкихъ, абы поголковать съ ними: чымъ за сизъ чобвъ за-итисъ падебое Запорожцямъ, щобъ вже на-далъ безчинно не засиже-варисъ на имени козацкого не-досоромлати. За умию промовою Сагайдачного на радъ украинено ваво: абы де-вѣдми съ Москвою никакъ не-выжноватисъ, чей бо дасть Господь Богъ, що Москва сама съ-Лан-ками управисъ; абы однакомъ черезъ ту время, дола идурадичия

страдною помощію царства, оборотили всю силу Запорожскія балкаскіхъ бунурманъ, которы такъ одне вродили земли Малой Руси, якъ и собратію намъ Москвъ (суть на-далго еще небезвечны). Нама того же — тамъ толкавал Сагайдачный и стариннимъ козацкімъ — поимъ яко-такъ усмирить Татарску, приймемъ мы або наши молоддики на-ново и до Полквбъ; а тогда уже, че сшидемши бисурманами, асково покладають гордую Липику та проженемъ ю ажъ до ея глезда, та Вислу».

Постановили отже повести на-заперъ однихъ лише бисурманцѣмъ, Гетманъ Сагайдачный со своими Запорожцями исполнивъ сію задачу черезъ цѣлихъ 12 лѣтъ съ такъ важною славою, що по-правде превзойшли бы въ толькѣ дѣль войскъ своихъ попередниківъ, херобрили Гетманцѣмъ Украинны Сагайдачю и вѣтоише козацка въ око часѣвъ такъ вся переполнена описаніями вренновихъ а самихъ побѣдоносныхъ выправъ на Татаръ и Туркѣвъ, що нынѣшнимъ шекреннимъ людемъ нашей Руси, читаячиши Исторію Гетмана Сагайдачного, съ трудомъ приходило на-вѣсть и вѣстити, якъ то одиць и ровне военначальникъ успѣвалъ черезъ 42 лѣтъ вытравляти по-вѣлька и кѣльканадыть битвъ що-року такъ на сушу якъ и на-воду, а еще до того ста-ошамъ невеликими противъ пяти и десять-кратно численнѣшого непривода! Тожъ-либи хотъ короткою згадкою и въ нашей Исторіи пощнути про военны дѣла славного Гетмана Сагайдачного, инъ змишемъ тутъ — отъ сладоуюцего.

Въ г. 1606, коли то лѣткімъ шайки в такъ званымъ козацк-сарамаки толкали по Москвъ за левцаря Дмитрия І, Гетманъ Сагайдачный съ одинымъ отрядомъ Запорожцѣвъ спустившисъ на козацкихъ чайкахъ по рѣцѣ Днѣпръ, вышлывъ сѣло на Чорно-е морѣ, где влассе тогда плывали велики вренны корабли турецкого султана, стерегущи устїи Днѣпровыхъ. Сагайдачный, одруживши Туркѣвъ свѣими утлами модкари, ударилъ на нихъ съ такою нагдетію, що зъ первого шанора розбилъ непривода и захватилъ у него 10 кораблей вренныхъ. Въ войскъ саме лѣте Сагайдачный навалъ, здобилъ и зруйновалъ до-гдѣ турецкуи крепость Варшу, лежащу далесю отъ крайхъ бисурманского султана у берегѣвъ Черного моря. Червартачи со славою азь-вѣдъ Варши моремъ, козаки Запорожскіи по дорозѣ одержали знова шитную побѣду надъ турецкими кораблями, направивъ зъ нихъ богато колона въ модакъ и всякой добычи. — Въ г. 1607 Сагайдачный модилъ на Крымъ, розбилъ татарскимъ войска подъ Очаковомъ и вѣдъ Перекопшю, зинвечилъ оба сіи крепости и принудилъ самого Крымского хана бѣжати въ Турцію. — Въ г. 1608 и 1609 Сагайдачный съ численнѣшимъ отрядомъ козацкѣвъ предпринималъ выправы на-лѣвъ турецкого султана, выицилъ знову турецкіи корабли на Черномъ морѣ, та оттакъ отвѣривши себе свободную дорогу моремъ, затосидою ажъ на береги Ана-

земли (въ Азіи), и мнѣше, земль присягнути и крашесть турецкого
 султана, но мѣсто се не могло быти, а вѣдѣвши, что не могло быти,
 оныи. Поустоивши оныи напади и опустошенія, чинеными Сагайдачичемъ
 не рече, но нѣкогда рази въ земляхъ бисурманскихъ, побужае тѣхъ
 Крымского, хана ажъ и турецкого султана до пастыхъ жалобъ и
 угрозъ на Польшу, которой бисурмане присылали вину, снѣги ко-
 закныхъ нападей, думючи, замышляе, что козаки Сагайдачного влад-
 дельцы суть яничину королеви. Такъ въ р. 1608 и 1609 султаны
 Турція прислали до короля Жигмента майсаранешнузу грамоту, что
 есмы Польшу не уймуть буйстве Запорожцѣхъ, га бы, могущий сул-
 танъ всахъ Татаръ и Турковъ, дейде общаю на нихъ даркашу и са-
 бару, абы себе даде польское королевство. Грамота такъ такъ пореугала
 короля Польши, что бы, хотя эта и не рать, была вѣда на воевой
 динь, войны съ Москвою драхити на себе Запорожцѣхъ, а такъ вы-
 сая, на остро до воеды старшину, козацкого войска, абы оны не
 валились и нападети на Крымъ, и на земли турецкого султана, иначе
 бы, король ихъ и владеть, прикаже всахъ козаковъ до чюмъ истра-
 бить. Вразуми въ тѣхъ король Жигмонтъ писалъ повѣнчательное письмо
 до султана и просятъ погоди, а король абы быт своими войскачи по-
 магадъ Польшу козаковъ безвѣщально выгубити. Сии прозьбы и письма
 такъ султаны, какъ и королевскіи люди, престо еказали, что таже
 естъ послѣдствіе, что Гетманъ Сагайдачичий еше съ тѣхъ бѣльшими
 завязіеи дрихити воевати Турковъ и Татаръ, а коли король снѣхъ
 бывало ходитъ на ихъ земли, не два три рази до речу, то быт гетманъ
 нечюмидъ ажъ безвѣрными нападая быт, первыхъ динь воены ажъ
 до глубокой осени. Таже дѣялося въ г. 1610 и 1611, а воежи най-
 славнѣйшее дадо, учинилъ Сагайдачичий съ хоробрями Запорожцями
 вѣтомъ 1612 г., ат коли те, поборячи бисурманъ, въ разъ на суходъ
 земли и быт моря здобылъ въ найдалнейей окраинѣ Крымского ханства
 непрестудную крепость Казу, где середь ридистыхъ дошаръ города
 затворены быди, несчастными полонники, еблѣже динь ихъ набрали Та-
 тары аъ давнѣйшихъ датъ быт Руси, Польши, Греціи, Болгаріи и дру-
 гихъ земель, христіанскихъ. Здобыши Казу, Сагайдачичий освободилъ
 всахъ полонниковъ, а татарскихъ жителей, велье маробити до неслѣ-
 дного в городъ ихъ арудновати. Быт Казу пройшло быт, потомъ самою
 серединою Крыма, аничилъ киескую столицю Жезлеву, а повернулъ
 съ уводящими толпами христіанскихъ полонниковъ, а съ преборитомъ
 татарскою добычею, навалъ въ свою Сечь. Ешеже и осеню догожь
 года ходилъ быт ажъ надъ Донъ, а немагадъ, единоврименно брамантъ
 русскимъ, Донскимъ козакамъ, добывати Буджакскихъ Татаръ и гонялъ
 туда за врагами ажъ въ предѣлы Азіи.

Въ началѣ г. 1613 Гетманъ Сагайдачный разбилъ у Копенскихъ Водъ полчища Крымскихъ Татаръ, которыя по приказу самого турецкаго султана въ великомъ числѣ шли на Польшу съ тою цѣлю, абы опустошати области польскаго короля, который власно тогда съ своими войсками еще воевалъ съ великимъ велико-русскимъ, желая добыти собою престола Московскаго. Счастливая победа Сагайдачнаго у Копенскихъ Водъ спасла затаить Польшу отъ новаго напада татарскаго; но именно того вѣнове Ляхи оказались для нашихъ козаковъ такъ невдалеки; что о тойде порѣ выдали законъ: абы козаки до чиста погребши, веруши короннымъ Гетманамъ лядскимъ по одну часть побуждати съ ними ять съ простыми злочинцами и избиивиками дѣржавы. За то самъ Господь Богъ строго наказалъ яну злобу и гордость Ляховъ, повеле въкорѣ ятому (еще весной 1618 г.) лядскій король съ недобитыми своими войсками померталъ отъ Москвы назадъ до Варшавы, предоставляя по поволѣи съ великимъ боронитъ царскорусскій престолъ избранному народомъ Царю Михаилоу Романову.

Въ тогоже часу, ять король Жигмонтъ III съ ничемъ повернулъ изъ Московскон выправы, настать великй клопѣтъ въ Польшу, а съ именно для того: что вѣнове Ляхи страхъ якъ уменьшася далше воевати „пизматницкую“ Москву, а межѣ тѣмъ сѣтъ у нихъ на то не ствало. Разглядансе они вправдѣ на вся стороны, чи не удастся имъ где-либо изъ субоды на Москву подбунтовати; однакожь тутъ они не только не найшли никого, кто бы якъ-нибудь изъ охоту съ Москвою вратисе, но еще угрожали ихъ Польшѣ двѣ близки еуеды: султанъ турецкй и король шведскй, первый за напады козаковъ на его край, второй за прибалтйскія области Польши; до которыхъ Шведы притязали собою старинное право. До тогожь настѣгла на Польшу по Московской выправѣ еще одна немала беда, котора власно такъ была сьдѣствиемъ сей нечастной выправы. Отъ бо толпы рѣзвитыхъ вѣдъ Московю лядскихъ козаковъ и шакѣ; повернувши теперь назадъ до Польши и не получая платня зъ выпорѣниеннаго до чиста дѣржавнаго скарбу, разбрелися по всему краю, та стали промышляти грабежемъ и разбойни. Лупежники тѣ въ великомъ числѣ загниздилисе особливо въ нашой Галичинѣ, где они корыстаючи зъ болышн свободою яку отъ давня имали тутъ Поляки, устраивали въ настоящее войско опришкѣвъ, та творили въ сей области такой неладъ и опустошенье, что король Жигмонтъ уварь себе принужденнымъ выслати противу нихъ самого Гетмана корѣннаго, пана Жолкевскаго, который черезъ яныхъ три роки провадилъ съ ними завязатую войну въ окрестцахъ Жолкви и Львова.

Таки хлопоты и неурядица Польши привели на конец короля Ягелонга усмирить свою гордость супротивъ такъ званыхъ бунтовниковъ и извнниковъ польской державы, т. е. именно супротивъ брати нашей, козаковъ Запорожскихъ. Еще бо лѣтомъ 1613 г. панове Ляхи, не смотря на выданный недавно ими истребительный законъ противу козачества, дали знати Запорожцямъ, что король Польши готовъ признати Конашевича-Сагайдачного Гетманомъ козацкихъ войскъ съ обохъ сторонъ Днѣпра, если только Сагайдачный рѣшится помагати Польщѣ въ войнѣ еи на Царя Московского. При томъ же Ляхи не щадили прелестныхъ словъ и всякихъ обѣщаній козакамъ и всему русскому народу, абы лише позыскати нашу Русь для гордыхъ своихъ замысловъ. Однакожъ Сагайдачный, увѣрившись наглядно, яко въ самой дѣлѣ уже в тѣхъ есть оны санобитныя Гетманомъ съ обохъ сторонъ Днѣпра и безъ ласки Польши, не увлекался лживыми обѣщаніями, но гетманствовалъ и дальше надъ всю Украину та провадилъ на свою руку военныя выправы на Татарь и Турковъ. Вѣдѣвъ отъ г. 1614 черезъ палачъ дальшихъ 4 лѣтъ погройдалъ оны нехристы бисурмань ю на сушѣ то на морѣ, то въ Европѣ то въ Азії, а черезъ тѣхъ же цѣныхъ 4 лѣтъ Польша въ своихъ беснѣнѣ не смала шати Москву воевати ни чѣмъ ей вредити.

(Дальше буде.)

Гонимія православной Руси

за время

ЮСАФА КУНЦЕВИЧА.

Известно, что страданія православной Руси во время владычествъ короля Ягелонга II (1596 г.) за канаконного короля Ягелонга III православныя вѣрующія иже были въ Русіи. И хотя въ 14 лѣтъ по владычествіи томше уишъ помѣщеніи короля Ягелонга и его правительству по вѣдѣду война съ Москвою съ 1609—1618, при томъ была супротивъ православныя вѣрующія Малю Русіи ливное усмиряющее направлєніе, хомъ въ то время видны были дѣла содѣлающія, цѣлкомъ усмиреніи съ пощю православныя вѣрующія в сегоднѣшнѣ, справедливое направлєніе латинскыя и уише въ прѣтвѣ православынхъ, разъ выдѣсь усмиреніи православное молушани, воеросле вѣдѣло оза томъ порядкѣ сакиахъ размарокъ, что вѣдѣю въ поше удвѣлятися, аже вѣдуватися вѣдѣю направлєніи. Филі: вѣдѣю вѣдѣю (1618 г.) вѣдѣю Дирефа Кунцевича.

Исторические документы относятся къ примечательному лицу Юсаата Кунцевича яко и къ притязанію православной Церкви въ его время, хотя по большей части известныя данной публици были публикованы для только ушниками, для отдаленно и безъ связи въ новременныхъ издавіяхъ. Мы рѣшились напечатать тутъ, на каждыи изъ нихъ въ той подложѣ, какъ она записана въ аутентичныхъ сочиненіяхъ Николая Бантына-Каменского, Николая Марквиче, Г. Козловича и другихъ.

Прежде всего, наводимъ рѣчь православнаго Депутата Яврелтіа Дреянцкога, державшуръ на Варшавскомъ сейма въ 1620 г. въ оборонѣ русской Церкви и народа православнаго. Помянутый Я. Дреянцкій, Депутатъ и Чашникъ земли Волынской, въ присутствіи сенаторовъ и пословъ обоего народа польскаго и литво-русскаго, переть гдѣномъ королѣмъ Жигмонта III говорилъ съ трогательными и тогдашномъ плечеломъ состояніи русской Церкви выраженіями слѣдующими:

Велики не столь важная опасность Ресублицѣ угрожаетъ, а не о ней судити теперь надлежитъ, а бы не рѣшился для властныхъ пріятокъ середъ престоловъ Вашего королевскаго Величества возвестити сакъ слово: приближилася Церковь Восточная, даки наша къ своему паденію, но кѣмъ и какакими причинами — а потому и благодѣтельной оказывается, даки плоды истинныиъ смыслимъ своимъ, предвѣщая. Но ежели бы члвчествъ изъ духовенства нашего отступленіе отъ законнаго своего во верѣ Пастыря (Цареградскаго Патріарха) не поблждовитъ; ежели бы, говорю, отъ насъ изшедшии на насъ не возстали: то такими науки, такими училища, только достойными и члвчнми, иже въ народѣ члвчнми выйдутъ бы не открылись. Ученіе въ церквахъ нашихъ было бы по прежнему прахомъ нерадѣнія покрыто. Но я, по убеженію самой совѣсти и характера моего, будучи избранъ отъ братіи моеи въ Послы, дажко къ тому, еже о благо Ресублики благо требуетъ, Вашому королевскому Величеству возвестити. Въ следствіе сего испрашивая позволеніе господина Маршалка, нѣсколько словъ произнесу. Время сіе для формирования и всеобщаго соглашения не а дружитъ, прелесть напечатано: еже дабы снмъ, единична, оборона державъ Вашего королевскаго Величества по согласному законномъ вѣровѣданіямъ Вашего Величества иже Короля и Величества Князства Австрійскаго, въ сіе отъ сего, Соинутъ, единично, добровольно, даки на оферте уаверисора была могла. Помянутый Арибутилъ, иже вѣдалъ отъ брлвнъ Польски данна, даки воіе свое воспріимъ. Въ повеленіи нашихъ протому главному крапѣ прелесть единично, предпріимъ даки иже вѣдалъ, иже Ваше величество, Величество, даки не бо больше, часть ратниковъ, поспрѣбуемъ отъ народа иже русскаго исповѣданія, народа сего, даки вѣдалъ, еже не удамстваренъ, иже прелесть въ народѣ, иже вѣдалъ, еже прелесть, еже не можетъ, въ защиту Вашего державы прелесть, еже вѣдалъ, еже прелесть. Якъ можетъ усиліе свое къ доставленію вѣчнаго мира уаверисора, иже вѣдалъ.

известно отъ того, что Ваше Корол. Величество противу справедливости, правду друзей и вельмож наших шляхетскихъ, на высокіи санѣ власти духовныхъ, яко наследующъ король нашъ, производить изволило. Кто о семъ поведаетъ, что былъ мажоранъ Архіепископа Полоцкїи, родившійся въ Владимірской землѣ сына вуйца вандога Симоновича, а оттуда образовавши себя единымъ шляхетскую Мушкетера чина титулуемъ себе? — Кто сего глазами поведаетъ, что Перелашинскій Владыка, прозванный Пшшка, родился отъ папула, и даже родной братъ отца его въ селѣнїи Влоку въ хлебахъ у Кіевскаго Воеводы живетъ? Кто о семъ не знаетъ, что Владимірскій Владыка сынъ есть вуйчки Явовской Степковій? Кому (свидѣтельствуюсь Богомъ живымъ) не известно, что Холмскій Владыка есть чинъ прозванный Покость, Вышегородскаго вуйца сынъ, который у одного Бурмистра Виленскаго ученья сучко, и воеводу его же сына вьшавскій купуи, дабы бы онъ пошелъ на вьшавскій ярлыкъ? Такому-то пользу отъ Уни вѣдѣи вьшавскіе Ваше Величество, что двадцать лѣтъ возмущенїи сего Уни не могутъ Униги доставити нбго либо или урожденнаго шляхетства для возведенїя по доблѣстиву на высокіи санѣ. — Да и никакъ дать намъ въ Луцку, въ прѣдѣлность правъ и волю воеводъ Намшихъ, чинъ Пшшавской, чинъ Пшшавской король хотя я не отрицаю, на въ разсужденїи лѣтъ его не только не доблѣстивъ онъ такового сана, а иже дьявольскаго, не говори о священствѣ, а потому называти его вѣдомъ не можемъ; ибо онъ не двадцать лѣтъ не вѣдѣтъ. Все же сіе устройство происходитъ отъ того, что не отъ правнаго Пшшавскаго покаянїи приносимъ Отцунада сынъ онъ отъ Патриарха Константинопольскаго, поспу: Исходъ на семъ государствѣ Вашего Корол. Величества власти сія принадлежали Свидѣтельству то вѣдомъ, свидѣтельствуютъ привилегїи предшествовашии Вашего Корол. Величества, а что болѣе, свидѣтельствуютъ наша привилегїа, въ 1590 году данная сему Патриарху Константинопольскому на одностепенное управление въ семъ государствѣ греко-русскаго духовенства; свидѣлствуютъ и другая данная въ 1607 г. привилегїи, въ которой Ваше Величество, не чинъ правъ и волю воеводъ, первонимъ нѣтъ на комуу времени нации роздати обществу благовольнїи; свидѣлствуютъ законца Кодегнупали, во томъ же и въ прочихъ годахъ учиненныи.

Итакъ, набовердїи ради Божїи, именовъ всемъ Братїи нашей всенїишнѣ прашу: Ваше Корол. Величество, сжалитѣя въ обидѣ не чинѣи, но Божїей. Уже отъ двадцати лѣтъ на вѣдомъ Сойшину, на вѣдомъ Сойшъ и главнѣи обидѣ горьшнн слезамъ молимъ, но попросити не можемъ, дабы мы при правнѣи вѣдѣи вѣдѣи вѣдѣи созранны: остались; дабы Братїи наша Часовннхъ несправдливостей не претерывала; дабы по послѣней жарѣ, нѣтъшнн Митрополитъ и Владыка въ послушанїи правою обоего изъ вѣдѣи Пшшавскаго Константинопольскаго Патриарха, а чинѣи церковнн хотя не парать за санѣ, то испросило по чинѣи вѣдѣи до законннхъ пененннхъ своимъ

приращены были. Въ противномъ случаѣ (кто бы осмѣлился Божю, если непеременимое успокоеніе на содеяна въ уврачованіе такъ заключитъ, какъ въ послѣдній дуетъ, то принужденныхъ себе увидѣти, съ Пророкомъ домыслитъ: «оуд а вѣн Божъ, и разсуди ярю кому».

Что до личности Иосафата Кунцевича, смѣяются о немъ Н. Баггининъ Каледскій на основаніи Исторіи Валя (стр. 133) следующее: „Вѣкъ этотъ больше подвизался въ угнетеніи православныхъ, соображая еретическимъ иконопеченно велможамъ доискивать послѣдствія его дряхлону. Иосафатъ Кунцевичъ, униатскій Архіепископъ Подольскій, который въкрывалъ своей свирѣпый, бранно-ловачный порокъ смилеріемъ святостию, носилъ шубу, колесообразную елову, во время литургіи длиннѣйшіе жезлы въ полехъ, а сорока два: бичевалъ себе плечи. Сей кроткій, по властному яду, пастырѣ, пылалъ въ душѣ православию чуждыми православной Руси весь въ злобы перепорочилъ: отъсвятилъ, повелевалъ храмы, принуждалъ благочестивыхъ жити безъ церковныхъ требъ, безъ богоословенія браковъ, умирати безъ исповѣданія, обидѣлъ, Пиркама на каждомъ Христiанина налагаемыхъ; приказывалъ мертвыхъ выносить на соросы черныя воща; творилъ одну только калятоту, выгонялъ жидовъ, а духовникова шкуру кидяше къ унїи, ружбачитъ, священниковъ, дообстоятелей, совершалъ въ нѣтъ родъ родотъ д. мнѣнію“.

Симпатіи Иосафата Кунцевича, протѣхъ, истребитель православнаго свѣтлоряднаго чувства, даже у людей, исповѣдающихъ ривскую веру, вызвали неалялись его поступками, чинили ему строгіе выговоры. Такъ о немъ Василь Каницерь Антовскій, Девъ Садъ въ, до котораго Кунцевичъ съ жалобомъ въ православныхъ удавался, написалъ къ нему свой письменный Отвѣтъ, который сохранился доселе на посоромленіе памяти сего духовнаго конитале, а также казалие, какъ великія мученія, претерпѣвало тогда православное Умолчаніе. Состраданельная о ближнихъ душахъ иронія, безъ словъ, какъ выражени, которыми святскій сей мужъ употреблялъ, усознываетъ духовнаго себе неограничъ, челоушества, вышедшую. Оши письменный Отвѣтъ, князя Льва Садлю, писанный въ Иосафату Кунцевичу въ 162 г., звучитъ такъ:

„Преосвѣщеннаго Ший Владыко, Архимандритре Подольскій! Не охотю бы, вслущитъ я съ Вашими Пресвященствомъ въ деревенку а елову: до ядла, столь угодно въ домысляхъ словъ пребываетъ, что являніи отъсвяти дашъ отъ еного отвѣчи не могутъ, принужденныхъ себе противъ вамъ своей делерь нахожу отвѣчати на неосновательное ваше дискло.“

„Безспорно, что я самъ объ Унїи рилгалъ попеченіе, и останита оно было бы неблагоорозумно; но мнѣ никогда и въ мысль тогдѣ не приходилъ, чтобъ Ваше Пресвященство е рашинное выведитъ людей къ еной; стои насильственными оредѣлми.“ Всейшій вытѣшнеть къ себѣ видѣтъ притки: прїидите ко мнѣ, и проч., но насильствъ работъ влекомыхъ не требуютъ и не прїемлетъ. Вы же снїз неосмотрительными усилемъ подвиги, ягазъ

спасены; и радили царю Русскому жестоко и отвергнути учиненную Его Императорскому Величеству присягу¹⁾. Трудно вамъ въ томъ запертиса, когда удачаютьъ вѣтъ въ сѣнь вознесенныя отъ нихъ писемною Чинаначальниканъ Польскій и великого Княжества Литовскаго жалоби. Развѣ не извѣстны нынѣ работы неросудитѣльнаго народа и ихъ глупеніе, что они лучше желаютъ быти въ Турецкомъ подданствѣ, нежели терпѣти такое варь и благочестіи нѣхъ прятаселія?

«На словеса вашихъ только некоторые монахи епархіи Борецкаго²⁾ и Смерницкаго³⁾ и двоболко Киевскихъ Дворянъ противоборствуютъ Ули; но сіе не есть еще добрый доводъ о уличеніи отщепенныхъ отъ насъ. Напротивъ того просьба Королю подана не отъ некоторыхъ только Киевскихъ чернецовъ, но отъ всего народа Запорожскаго съ требованіемъ, чтобы Борцаго и Смерницкаго иу ихъ епархіяхъ утвердили, а васъ и другихъ свернули.»

«Въ розсужденіи объявленія Сагайдачнаго⁴⁾ можно сказать, что сочинено сего предрабѣванное; о томъ же кто вамъ уврѣянъ своимъ изумаетъ. Буди предъ нами духъ истины; собственно же о семъ оману: жалко тѣхъ, кто заговоренъ, обо собою иныя иныя обстоятельство оказывають въ выше мною упомянутыя злобахъ; и на Сойнахъ мало ли имѣють о томъ жалобъ отъ всей Украйны, и отъ всей Руси, а не отъ несколькихъ малыхъ чернецовъ? Не доверять того, что Козаки ожидаютъ въ Києвѣ рѣшенія о сѣнь въ конноіа, отъ Короля назначеной, но въ томъ силѣ, кончатся ли они въ пользу? Слѣдствіа рѣшенія сей консиіа отверзають намъ только надежду еще неизвѣстнаго вѣста. Слѣдственно, безрассудно есть надѣльннхъ умовъ прерывать и столь возжеланно согласіе, и чрезъ то добавко Королю вознесенна. Вы, злоупотребленіемъ вашей власти, и поступки ваши водилимъ лаче ищеліебелъ и частию несправедливо желали любви къ ближнему, въ провинности священноіа воли даже и запрещенія Ресублики быліа причиною и подлогоу тѣхъ бласныхъ искръ, которыя угрожаютъ всѣмъ вамъ, или весьма погубнымъ и всестребительнымъ пожаромъ.»

«Вы видите, что и поблгнн живеть къ чинъ уваженіе; а я прѣбавъ, что не только политика, но и Государство: обь отъ ихъ поименованъ больше Государству пользы, нежели отъ вашей Ули. Почему и долженствуетъ вы имѣти сѣбѣ и долъ вашу Патриарскій соборжати съ волю Короля и съ назревлія Государственнаго, Надя, что власть ваша ограничена, и что

¹⁾ Сіе выраженіе относится къ тѣмъ, которые приехали съ уличеніемъ епископа Мовшея сълучно: избранъ былъ Царемъ Польскімъ Козацкимъ Владиславомъ.

²⁾ Митрополитъ Киевскій.

³⁾ Архіепископъ Полоцкій.

⁴⁾ Гетманъ Запорожскій.

воздадите Кесарева Кесареви, а Божія Богови. При томъ какъ вѣтъ, такъ и каждому весьма памятно должно, что храни законъ Божій, долженъ весь народъ повиноваться воли Государя.

Говорите вы, что вѣра есть даръ Божій, но католическая, а не отщенившихся и пр., но безъ доказательства. Павелъ святой въ одномъ словѣхъ: вѣра даръ Божій, не кривоверующимъ католическая; и кто знаетъ про себѣ, достоинъ ли любви или милости, когда и святое писаніе говоритъ: мнози звалии, иже до же и з брачныхъ. Но если (пишете), неправарци, дастъ удасть на мѣсто чужахъ; то и до не вода приуждетъ, а обороняется и пррр. По истине не такъ училъ насъ Христосъ; онъ ведомый, кто оцѣ на закованіе, и вѣрѣ для зашнженія, своего гнѣ Ангеломъ, молится о своихъ гонителяхъ; такъ и должно поступати и Вашему Пресвященству. Мудрого долсъ испитати всѣ способы, благоумія, прежде, нежели коснется оружіе. Не писати, какихъ писемъ къ начальству Его корол. Величества, не отрнати съ угрозами, такъ, какъ вы, знаете; Апостоли и другиі святыи никогда такъ не поступали.

Продолжаетъ: что вѣдѣно, какъ погнѣтаетъ годиль, рубати нѣтъ голови и проч. Никъ! такъ съ нѣми destiny не должно, для того, что заповѣдъ Господня строго всѣмъ мотталымъ слѣдуетъ заповѣдѣ, которое и до насъ касается; нѣтъ отщепеніе, а зъ дождае. Крѣпко Апостоловъ, колико учениковъ Господнихъ, колико Християнъ, аще не гонимыхъ, иже сего срею учение распитого Господа, и претерпѣвшихъ за оное, величайшіи мученіи? однако ни на Персозовъ, ни на Таворіатъ, ни на Джиконію, такъ въ святыхъ писаніяхъ ни одной отъ нихъ жалобы или ехъ добрыхъ протестаций (объявленій); но паче радеху радующеся, о зъ одна себѣ, а не зъ нѣя Господя Исуса, сподобившаа безчестіе, яридіе.

Еще пишете: на Союзъ на дольке, предсудительныи го досмъ подають отъ Уліи, но и на все благочестивое Радкоба духовенство и проч. Кто же грнхъ причини? Ома Уліи явившиа лѣтъ сѣхъ несчастій. Когда наследствуете ованги явленіи; когда запросто, лорна, дабы иже безъ благочестія, безъ Християнскихъ обрядовъ, безъ священника, грѣбъ пропадаи, какъ неварни; когда ессосодне, езуевоубѣдате, мыслони и преимуществъ королевскіи; то это обходится и безъ насъ; а когда по поводу сѣхъ, безпутствъ пронайдеть въ народа, неустройство, которое усмирять должно, тогда нами дыри заткати. Почему противная сторона и считають, что имъ съ нами сѣзлани заговоръ ко притасненію народной совѣсти и тѣ нарушеніи ея, чего никто не бинило. Довольно и чортъ, Ваше Пресвященство, что вы съ нами въ Уліи, иному бы нами бернги: для себе; и въ званіи, въ неже явнѣ быте, проиваи бы, сплѣдчи, и не подвергали бы насъ общенародной ненависти, себе же самихъ опасарни и такому передъ всѣмъ народомъ предсужденію.

(Дальше будетъ)

Редакторъ Б. А. Дѣдицій.

Въ печати въ Ставропгійской.

Пренумерата въ годъ
1 ар. 50 ар.
со „Сло-
вомъ“ 1 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. ж.

Науково-белетрисичичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 10.

Львовъ 19. Юнія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ МИХАИЛЪ РОМАНОВЪ И ГЕТМАНЪ КОНАШЕВИЧЬ-САГАЙДАЧНЫЙ.

Военныи дѣйствія Гетмана Сагайдачнаго противъ бисурманъ прибрали отъ г. 1614 еще ббльшій развѣръ, а те именно зъ причины, що о той порѣ войско Запороженое вѣсто щобы зменьшитисъ черезъ 8-лѣтню неустанну боръбу съ Турками и Татарамъ, еще умножилосъ и найже подвоилось черезъ огромный наплывъ свѣжихъ козацкихъ силъ отъ всѣхъ кончинъ Руси. Славныи бо подвиги Сагайдачнаго зъ одной стороны, а крайнѣе нераднѣи, яке завладѣло тогда въ Польшѣ, зъ другой стороны, побудили всѣхъ такъ званыхъ реестровыхъ козакбвъ зъ сего боку Днѣпра признати надъ собою верховное начальство Гетмана Сагайдачнаго уже не только по имени, а таки и на самомъ дѣлѣ. До тогожъ въ сію пору понавѣртились еще зъ-подъ Москвы и зъ другихъ сторонъ Великой Руси разбитки оныхъ козацкихъ шаякъ, що те возочились было за самозванцями, та привели съ собою довольное число подобныхъ собі саромъ-ахъ зъ народу велико-русского; ти люде всѣ приставали тецерь въ службу до Сагайдачнаго, присягая на порядочне козацкое поведеніе, яко се подобае честнымъ Запорожцямъ. Такъ отже сталося за сего времени, що великая козацкая громада, недавно передъ тѣмъ роздѣлена на три особныи дѣлы, содѣвилася янову подъ однимъ Батькомъ-Гетманомъ, у которого таиниъ способиъ было до росперядности около 30.000 мужа козацкого войска:

Имѣючи такъ поважную силу, Гетманъ Сагайдачный выправилъ лютю 1614 г. одну часть своего войска на опустошенъе Крыма, а самъ съ крѣпкимъ отрядомъ поплылъ на Черное море для розоренъя прибережныхъ земель турецкого султана. На севѣ походъ зруйновали бнѣ много городбвъ въ Анатоліи; межъ прочими также могущую крѣпость Синѣпу; въ слѣдующихъ же годахъ 1615 и 1616 провадилъ

колька наморскихъ военъ съ Турками, а въ каждой заберать ить велики военныя корабли, и наконецъ опустошилъ до-гла приморскую крѣпость ихъ Требизонду. Въ г. 1617 началъ онъ свое дѣло противъ Турковъ съ рѣвно счастливымъ успѣхомъ, однакожь въ половинѣ лѣта приневолень былъ повернути зъ похода на Украину, понеже Ляхи, кѣрыстующи зъ его неустанныхъ отлучекъ, успѣли здѣлати тутъ вновь такую штуку, отъ которой могло произойти новое роздвоенье козачества. Ото бо они грѣшми и намовами позыскавши для себе одну часть украинскихъ козакѣвъ, преобрѣчили ить видѣто Сагайдачного избрати собѣ двоухъ Гетманѣвъ, а то приверженцѣвъ Польщи: Самойла Кушку и Бородавку. Зъ-той то причины Гетманъ Сагайдачный, вернувши зъ Черно-морской выправы скорше, нежь звычайно, замѣсть выпочинку принужденъ былъ дома расправятись со лже-гетманами, якихъ Польша на перекоръ ему тутъ была поставила. На счастье, клопѣтъ Сагайдачного не тревалъ долго, понеже еще тогожь лѣта одинъ лже-гетманъ Самойло Кушка, попался въ полонъ Туркамъ, а другого — Бородавку; захватили сами Запорожцѣ у береговъ Днѣпра, и по рѣшенію своего военнаго суда розстрѣляли его яко самозванца и народнаго возмутителя.

Такимъ способомъ Сагайдачный, освободившись отъ обоухъ недолящкѣвъ лже-гетманѣвъ, сталъ знову однимъ полновластнымъ правителемъ всей Украины зъ обоухъ сторонъ Днѣпра, и оттакъ здавалося уже, що лукавыи дѣйствія Ляхѣвъ въ земляхъ козацкихъ на-всегда церервутся. Однакожь не таке оно сталося. Панове Ляхи власне що-ино тогда (въ г. 1617) распочали о своихъ-же силахъ нову войну съ Москвою, и для того-то устремили они въ свои пронырства на Украину, желая знову черезъ роздвоенье козакѣвъ утворити и для себе якую-будь подмогу. Колижь справа съ двома лже-гетманами цѣлкомъ лихо для нихъ закѣчилась, то задумали они теперь пробовати еще и самого найтрудѣйшаго средства, т. е. прииялись предъцѣтъ самогоже Сагайдачного. Въ той цѣли выслали они до него на Сѣчь посольниковѣвъ своихъ съ дорогими подарками и съ тѣмъ завѣщеніемъ: що король Польши признае его вполне самобитнымъ и независимымъ Гетманомъ цѣлой Украины, нарицае его не то подвластнымъ начальникомъ войскъ, а своимъ наилучшимъ союзникомъ та другомъ; и яко такого просить о помочъ въ войнѣ съ Москвою. Вскорѣ послѣ того прибыли въ таборъ Сагайдачного еще послы и отъ самого короля зъ Варшавы, которы зъ самымъ дѣлъ привезли съ собою затвердителную грамоту, булаву и 20.000 золотыхъ для Гетмана; а для козакѣвъ многоцѣнныи дары и всякіи знаки войскового отличія.

Изъ оныхъ-то лаяцкихъ посольствъ и подаркѣвъ видѣнно наконецъ таке дѣло на Украинѣ, що Гетманъ Сагайдачный, той мужъ твердо

русского духа и сердца, который уже 12 лѣтъ свято исполнял заветный укавъ честнаго русского козачества: абы съ Ляхами не дружити бы а братной Москвы не воевати, — той мужъ наскрѣвъ военный и православный, прельстившися теперь лицюю намоною, заключилъ союзъ съ загорѣлымъ католикомъ, королежъ Жигмонтожъ III, а выловель войну православному Царю святой Руси, Михаилу Романову! И хотя въ козацкой громадѣ поднялися тогда голоса, такому начинаню Гетмана весьма противныи, но якъ сказано, Сагайдачный былъ человекъ сильной, непреклонной воли, и що онъ задумалъ, то вже и успивалъ сполнити, найбы тамъ хоть цѣлый свѣтъ поперекъ ему ставился. Тожъ якъ ино настала весна въ 1618 г., онъ сейчасъ собравъ козацкій полкъ съ обоухъ сторонъ Днѣпра, та знаючи своихъ людей, яко они претивны суть борбѣ съ Москвою, угомонялъ русекую ихъ совѣсть весьма хитро придуманнымъ способомъ. Ото бо заявилъ онъ братия козакамъ таке: што се пбйдежъ до войны не еъ враждебною, а съ самою наилучшою для Руси цѣлюю; поставимъ бо въ Москву Царемъ королевича Владислава, который не тѣлько самъ перейде на св. православие, но еще приторне до себе нашу Украину и Галичь и всю Русь литовскую. Тогда же — такъ заключалъ Сагайдачный: все мы, сколько насъ на свѣтъ Русинбвъ отъ Ледоватого моря ажъ по-за Карпаты, все належати будемъ до одной громады, до одного Батька-Царя, и ніякій ворогъ не посме насъ покоити, а напротивъ еще мы, Русь Велика и Мала, обединивши наши силы, грозны станемъ для Польши и для всего бисурманства! — Таки толки Гетмана Сагайдачного очевидно приняли до сердца нашихъ Запорожцямъ, такъ, що они тутъ-же и постановили: ити ажъ въ саму Москву, чтобы поставити вѣпбльняго для всей Руси Царя въ особъ королевича Владислава. Така-то, впрочемъ щиросердна, русская мысль одушевляла въ сіе время Украину и литовскую Русь, и побудила нашихъ козаковъ до несенія помощи лицюму королевичу въ борбѣ его о престолъ Московскій.

И такъ Сагайдачный съ 20.000 козаковъ двинулся къ предѣламъ Московскимъ, и подъ осень (20. Сентября 1618 г.) дойшовъ до села Тушина подъ Москвою; где соединился съ польскими войсками королевича Владислава, пришедшими сюда отъ Смоленска. Отъ Тушина Владиславъ и Сагайдачный соединенными силами подступили подъ саму Москву, и рѣшили военную осаду сей столицъ. — Въ виду такого небезпеченства Царь Михайлъ въ Москвѣ созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и всякого чину людей; все они поклялися ему крѣпко стоять и битися за православную вѣру и за своего Царя, а ніякъ не поддаватися Владиславу. Приступы польскихъ и козацкихъ войскъ были презвѣрно насильны, но Москвитане отбивали ихъ съ зарвными муже-

ствомъ. Ночевать въ само казначеіе русскаго праздника св. Похвала Ляхи назначили головный приступъ на городъ; козаки неохотно ишши до дѣла, подѣ такъ великій праздникъ, и затѣмъ первый нападѣ на головницы ворота Москвы производили полки Владислава. Ворота уже были порохоми взорваны и Ляхи пробирались уже въ городъ, коли Москвитяне подѣ начальствомъ дѣльного воеводы Никиты Годунова ударили на нихъ съ такимъ напоромъ, що докола головницхъ воротъ станула непроходная стѣна изъ ляцкихъ труповъ, и неприятель заволенъ былъ съ великою стратою отъ осады отступить. Такъ не удался Ляхамъ и другій нападѣ на Троицкую Лавру, где о тойжѣ порѣ на голову пораженъ былъ ляцкій Гетманъ Ходкевичъ.

Тогда королевичъ Владиславъ якъ непышный вступилъ въ переговоры съ Царемъ Михаиломъ, и затѣмъ въ селѣ Деулинѣ недалеко Москвы заключено перемиріе на 14 лѣтъ, по которому Смоленскъ и одна часть Сѣверской области уступлены были Польшѣ, а Польша за то выдала Москвѣ захваченныхъ въ прежней войнѣ (въ 1612 г.) великорусскихъ пльнниковъ, въ числѣ которыхъ были именно Смоленскій воевода Шенцъ и Митрополитъ Филаретъ, отецъ Царя Михаила. — По заключеніи того перемирія, не такъ корыстного, якъ въ се время всегда пригодного для русской державы, ляцкіи войска уступили зъ Московскихъ предѣловъ дорогою къ Литвѣ, а Гетманъ Сагайдачный со своимъ таборомъ простоялъ еще черезъ зиму въ русскихъ селахъ подѣ Москвою, и въ тойже часѣ заключилъ отъ съ Царемъ Михаиломъ не то перемиріе, а таки настоящій дружескій союзъ, котораго свято сохранялъ уже до скончанія жизни. Случилось бо такъ, що затѣмъ тогда до Москвы греческій Патріархъ Теофанъ изъ Ерусалима, который яко добрый Пастырь православной Церкви съ великимъ жаломъ смотрѣлъ на то, що козаки украинскіи, славны на весь свѣтъ защитники Руси и св. православія, дерзнули поднати мечъ свой на наилучшого Батька православныхъ, Царя Великой Руси. Той-же Патріархъ Теофанъ запросилъ до себе въ Москву Сагайдачнаго и Старшицъ козацкихъ, та яко Отецъ св. Церкви добросердно укорялъ ихъ за сей грѣхъ, и совѣтовалъ имъ отъ широи души покаяться. Тогда Сагайдачный и его товариши съ раскаяніемъ признали свою вину, потомъ торжественнымъ способомъ въ св. церкви приняли разрешеніе отъ сего грѣха, и за посредствомъ Патріарха Теофана заключили съ Царемъ Михаиломъ вѣчную дружбу. Въ знакъ такои дружбы Сагайдачный, отъѣзжая въ 1619 г. изъ Москвы, отпустилъ три сотни своихъ козаковъ на почетную службу къ Царю Михаилу, а Патріарха Теофана запросилъ съ поворотомъ до себе въ Кіевъ для устройства церковныхъ дѣлъ Малои Руси.

(Дальше буде.)

Гоненія православной Руси

за время

ЮСАФАТА КУНЦЕВИЧА.

(Продолженіе.)

Отвѣтъ князя Льва Садыги къ Юсафату Полоцкому звучитъ каковыя слѣдуютъ:

«Такимъ непріемлющимъ Уніи — продолжете Вы — слѣдуетъ бы во всемъ адпреженіе и мзгнати бы ихъ изъ Государства и пр. Да не содѣется сіе въ отечествѣ нашемъ, яко величайшее беззаконіе! Давно въ сихъ областяхъ водворилась святая Римская католическая вѣра; и покуда не имѣла она подражательницы благочестія и повиновенія своего святому Отцу, до тѣхъ поръ славилась она миролюбіемъ своимъ и могуществомъ якъ внутри, такъ въ Государства: теперь, принявши въ сообщество свое нѣкоторую свѣрдливую и безпокойную подругу, терпѣть, по ея причинѣ, на каждомъ уздномъ засѣданіи многочисленныя роздоры и поношенія. Лучшее и полезнѣйшее кажется бы было для общества слѣдати разрывъ съ сею неугомонною союзницею; ибо мы никогда такихъ въ отечествѣ нашемъ не имѣли роздоровъ, яковы родила намъ сія благовидная Унія.

«Могилевскіи, скажете, жители имѣютъ отпертыя церкви да въ оныхъ молятся и проч. Но опомнитесь Бога ради, что у насъ за преимущество больше, нежели самого Христа? Христось сказалъ: никтоже приде ко мнѣ, аще не Отець привлечетъ его; но вы хотите, да по словамъ вашимъ, каменіе отштетившихся отъ вѣры хлѣбы будутъ... Христось не печаталъ и не запыралъ церквей, такъ какъ вы сіе дѣлаете.

«Имѣютъ, говорите, священниковъ благочинныхъ и проч. Дай Богъ, чтобъ ихъ было довольно! Но того не довольно, что вы сами ихъ хвалите: собственная хвала всегда подозрительна... Надобно, чтобы инваріанци видѣли добрыя дѣла, и прославляя Отца, иже есть на небесахъ, последовали бы стезямъ ихъ. Но я слышу, якихъ вы священниковъ рукополагаете! такихъ то есть, отъ коихъ приключится можетъ церкви большое разореніе, нежели воздѣланіе. Общій то нашъ есть порокъ, что нѣтъ у васъ священниковъ породичныхъ, а больше слѣпыхъ. И такъ ваши попы невѣжды влекутъ народъ въ пагубу.

«Отдавати, видите, церкви на поруганіе и проч. Но печатати и запырати церкви и ругатися надъ нѣтъ либе есть толико же пагубное разореніе братскаго единомыслія и взаимнаго согласія... Но покажете, Ваше Преосвященство, кого вы приобрѣли? кого уловили такою вашою суровостію,

толькою строгостию, печатаніемъ и запираніемъ церквей? И часто того от-
врънется, что вы потеряли и тѣхъ, которые въ Польшку у васъ въ послу-
шаніи были. Изъ овецъ сотворили вы ихъ козлищами, навлекли опасность Го-
сударству, а можетъ быть и гибель всемъ намъ Католикамъ. Въсто радости
причинила намъ ваша столь лстящая Унія скорби, безпокойства и неустрой-
ства, и только она огорчительна, что лучше бы мы желали быть безъ нея; ибо
ея причиною терпимъ мы всегдашніи безпокойства, огорченія и досады. Вотъ
плоды вашей хвальной Уніи! Изрядная по истинѣ она виновница толликихъ
въ людяхъ и въ отечества раздоръ и нестроеній! Ибо (сохрани Боже) есть
ли отечество потрясена (къ чему вы своєю суровостию столь удобнѣи от-
крываете путь), не знаю, что въ то время въ нашей Уніи будетъ.

„По крайней мѣрѣ, пишете, сдѣлалъ мнѣ въ томъ предпи-
саніе верховный Пастырь, или его намѣстникъ и проч. Противи-
тися верховному Пастырю есть проклятое покушеніе; но я смѣю сказать, что
если бы святой Отецъ въдалъ, яки по причинѣ Уніи вашей происходятъ
въ отечества нашемъ неустройства; безъ сомнѣнія позволилъ бы быти тому,
чему вы столь упорно противоборствуете. Мы имѣемъ примѣръ снисхожденія
сего святого Отца, уважающаго въ некоторыхъ Государствахъ столь благо-
розсудительно Церковь Христову (которой онъ есть мати, а не мачиха), что
для общаго въ нихъ благоденствія весьма многое тамъ розршилъ, что у
насъ подъ смертнымъ грѣхомъ запрещено....

„А по всему сему Король приказываетъ церковь ихъ въ Могилевѣ
роспечатати и отперти, о чемъ я по его повелѣнію къ Вашему Преосвященству
и пишу. И если вы по сему моему напоинанію не исполните; то я, по при-
казанію Его корол. Величества велю самъ оную распечатати и имъ отдать,
дабы они, по благочестію своему, въ оныхъ церквахъ требы свои исправляли.
Жидамъ и Татарамъ не возбраняется въ областяхъ Королевскихъ имати свои
Синагоги и Мечети, а вы Христіанскіи печатаете Церкви! По сему поводу и
идеть уже всюду поголовка, что они соглашаются лучше быти у маврскихъ
Турковъ въ подданствѣ, нежели терпѣти такое совѣсти своей притѣсненіе....

„Но, возражаете, справедливо ли будетъ оказывать
такое снисхожденіе для неизвѣстнаго будущаго спо-
койствія? и проч. Не только справедливо, но и нужно; поедку немину-
емое родится въ общества неустройство, козъ скоро ставемъ мы въ ихъ
благочестіи еще большіи дѣлати притѣсненія. Уже гремѣтъ всюду слухъ, что
они хотѣтъ навсегда розорвати съ нами всякій союзъ...

„Что касается Польшанъ и иныхъ противъ насъ крамольниковъ,
то можетъ статься, они въ самомъ дѣлѣ и таковы; но сами мы подвигли ихъ
въ возмущеніи. Они были до всенъ намъ послушны, церкви вашей не оста-
вили; по что же вы сами ихъ отъ себе отарали?..

Новгородъ Сяверскій, также Стародубъ, Киевскъ и прочія многиа крѣпости Унія отъ насъ отторгуема, да и теперь она не естъ годозна наипредна, что наредъ Московскій отъ Королевича устраниается, какъ сіе очевидно для Россійскихъ въ Вельможамъ Государственнымъ и прочимъ великого Княжества Литовскаго чиновачальникамъ являемыхъ писемъ. И для того не желаетъ больше, чтобъ сія, только для насъ погубная Унія въ конецъ насъ разорила.

Сіи судъ на письмо ваше объясненія! Желаю на будущиесты оставшиа спокойныи отъ сестазанія съ вами; а токмо прошу отъ Всевышняго самопомыслимыхъ вамъ благъ, а купно съ оными духа кротости и любви ии блажену, пребывая съ моими почтеніемъ. — Въ Варшавѣ, 12 Марта 1622 г. — Князь Левъ Сапѣга, Великій Князь В. К. Литовскаго собственною рукою¹⁾.

Въ г. 1623 дворяне православныи отъ имени всего народа литовской Руси подали къ польскому Союму прошеніе, въ которомъ между прочими говорятъ слѣдующее:

„Въ Бѣлоруссіи, Оршѣ и Могилевѣ Владыка Полоцкій Юсафатъ Куницеви чъ запечаталъ церкви и уже 5 лѣтъ держитъ ихъ тако. Въ Полоцку и Витебску мы не можемъ имѣти для Богослуженія ни церкви ни дома. Мѣшано тамошніи въ Недѣля и праздники, чтобы не оставались безъ богослуженія, выходятъ за городъ въ поле и совершаютъ тожь, да и то безъ священника, для того, что не дозволено имѣти священника ни въ городѣ, ни въ близи города. Бѣдный народъ, не желая оставити вѣры, въ которой родился, и предатися другой, возитъ дѣтей для крещенія дальше, чѣмъ за 10 миль, при чемъ многиа дѣти умираютъ безъ крещенія отъ дальности и неудобности дорогъ. Точно такъ далеко должны вѣдти вступающіи въ бракъ. Много уже естъ такихъ, что во всю жизнь не могли сподобитися ни исповѣди, ни причастія, и отходятъ на другій свѣтъ безъ христіанскаго напутствія. Но что всего горше, что составляетъ варварство и зварство выше вѣроятія;

¹⁾ Сей достопамятный Отвѣтъ кн. Льва Сапѣги былъ найденъ въ числѣ рунискихъ бумагъ Куницеви чъ, и то найденъ униітскимъ монахомъ и живеописателемъ О. Кульчинскимъ, который собиралъ матеріалы для Исторіи русской Церкви и въ первый разъ запечаталъ повисшор Отвѣтне письмо кн. Л. Сапѣги въ сей Исторіи (см. Кульчинскій, Specimen Eccl. Ruth.). Тотже монахъ Кульчинскій помѣстилъ въ своемъ „Синописѣ“ также и письмо Куницеви чъ, главное содержаніе котораго обозначено въ выше наведенномъ Отвѣтѣ кн. Л. Сапѣги. Польскій ученый М. Вишневскій, наводячи сей Отвѣтъ кн. Льва Сапѣги въ VIII томіи своей Исторіи литературы польской, говоритъ о томъ-же: Nie znam w całej literaturze polskiej nic nad ten list piękniejszego i coby o wysokim Polaków oświeceniu w epoce Zygmuntowskiej wznioslejsze i prawdziwsze dawało świadectwo, jak ten złoty prawdziwie list Leona Sapiehy (см. Wiśniowski, Hist. lit. polsk. T. VIII, str. 347).

въ томъ-же белорусскомъ Полоцку, тотъ-же отступивъ Владыка Полоцкій, чтобы досадити тамошнимъ мѣщанамъ, приказалъ вырѣчь недавно покоренными подлѣ церкви христіанскій тѣла умершихъ и вынудити на вздѣніе соблазнами, якобы якую падаю. О нечестіе! О невыносимая неволя! И подобнымъ беззаконіямъ и притѣсненіямъ, подобную неволю, горшую турецкой неволи, терпѣть не возмѣ воеводствамъ и повѣтамъ мы, народъ русскій, не здѣлавшии ничего злого ни противъ Его Величества, ни противъ отечества! Двадцать осмь лѣтъ уже терпѣмъ мы тѣхъ гоненій; двадцать осмь лѣтъ каждаго Сойма говоримъ о милѣ, плачемъ, умоляемъ о милосердіи, справедливости — и не можемъ получить ихъ. — Ничто не причиняетъ такъ скоро ослабленія и паденія государства, говорилъ король Батерій, якъ несправедливое преслѣдованіе веры. Дай Боже, чтобы далеко было отъ насъ исполненіе того королевскаго предвѣщенія!⁴

Въ томъ-же году 1623, коли православныи дворяне отъ имени литовской Руси подали повышую жалобу къ польскому Сойму, слѣдовала мучительская смерть Полоцкаго Архіепископа Юсафата Кунцевича. Звѣсть наведемъ дальшій рядъ документовъ, относящихся къ послѣдствіямъ сего замученія, уважаемъ умѣстнымъ сообщить Жизнеописаніе Юсафата Кунцевича, сочиненное К. Говорскимъ на основаніи такъ автентичныхъ актовъ Полоцкой духовной Консисторіи, якъ и біографическаго сочиненія о томъ-же Юсафатѣ, которое составилъ уніятскій монахъ ч св. Василія В., О. Кульчинскій (Kulczyński, Monologium Bazylijskie). Это сіе Жизнеописаніе:

Юсафатъ Кунцевичъ родился въ 1580 году, во Владимірѣ-Волинскомъ, отъ православныхъ родителей Гавріила и Марины, и въ крещеніи названъ Ивановъ²). Отецъ его по ремеслу швецъ, обучивши Юсафата польской и русской грамотѣ, отдалъ одному богатому Влденскому купцу на услуженіе въ прикащики. — Въ то время происходили въ Вильнѣ величайшіи смуты, въ слѣдствіе борьбы православныхъ съ уніятами. Молодой прикащикъ Кунцевичъ, жившии вблизи Свято-Троицкаго православнаго монастыря, постоянно ходилъ въ монастырскую церковь на богослуженіе, и познакомившись съ монахами, любилъ проводить съ ними свободное отъ торговли время: бесѣдовалъ, прислуживалъ некоторымъ изъ нихъ, пѣлъ въ церкви, а не рѣдко исправлялъ должность звонаря³). Въ послѣдствіи, когда монастырь былъ силою отнятъ и обращенъ на унію, Кунцевичъ, по призыву большей части иноковъ той обители, сдѣлался послѣдователемъ той новой секты. Вслѣдъ за тѣмъ Кунцевичъ оставилъ домъ купца и перешолъ на жительство въ монастырь, откуда, въ званіи послушника,

²) Крещенъ въ церкви св. Параскевіи во Владимірѣ-Волинскомъ.

³) Архивъ Полоцк. дух. консисторіи, свѣдка 30-а.

долгое время ходилъ въ иезуитскую "колегію" — обучитися различнымъ наукамъ⁴⁾. Здесь-то ему и внушена непримиримая ненависть къ вѣрѣ предковъ. По окончаніи въ колегіи курса наукъ, Куицевичъ, въ 1604 г., постриженъ былъ въ монахи тогоже Свято-Троицкаго монастыря, съ именемъ Иосафата, а въ 5 лѣтъ потомъ посвященъ въ Иеромонаха. Въ томъ санѣ объявилъ онъ такую ревность къ униі, что написалъ на польскомъ языкѣ, въ защиту ея, извѣстную книгу: „Obgona wiary“, а унию проповѣдывалъ повсюду: на улицахъ, площадяхъ, въ церкви и въ частныхъ домахъ — съ такимъ фанатизмомъ и увлеченіемъ, что въ самое короткое время совратилъ въ ню половину Вильна, за что православныя прозвали его „душехватомъ“, и кто-то изъ нихъ нарисовалъ огромнаго розмѣра картину, на которой были изображены: тогдашній уніятскій митрополитъ Ипатій Поцѣй и Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ Рутскій, въ собственныхъ ихъ сану одеждахъ, а Иосафатъ съ рогами на головѣ, страшнымъ лицемъ и крюкомъ въ правой рукѣ, которымъ тащитъ къ себѣ души православныхъ, а надъ головою его сдѣлана была надпись: „душехватъ“. За такую ревность Иосафата къ униі, Поцѣй сдѣлалъ его настоятелемъ, сперва Битягскаго, а потомъ и Жировицкаго монастыря. Тутъ пропаганда его сопровождалась такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Вильнѣ, такъ что въ непродолжительное время Иосафатъ совратилъ въ унию многихъ православныхъ литовско-русскихъ вельможъ, межъ прочими Тризну, Мелешка и Солтана, предки которыхъ были основателями сихъ двохъ монастырей. Коли послѣ смерти митрополита Поцѣя возведенъ былъ въ тотъ санъ Виленскій архимандритъ Іосифъ Рутскій, то сей послѣдній (около 1614 г.) на свое мѣсто поставилъ архимандритомъ Виленскаго Троицкаго монастыря Иосафата. Отправляясь въ Кіевъ, Рутскій взялъ его съ собою для успѣшнаго совращенія въ унию стоящихъ въ православіи Кіевлянъ. Здесь Иосафатъ, забравшись однажды въ Кіево-печерскій монастырь, вызвалъ на публичную диспуту о вѣрѣ тамошняго архимандрита и настоятеля Іосифа Курцевича, но наглými насмѣшками и злостными выходками противъ православія произвелъ такое возмущеніе между иноками, что избитый ими, едва спасъ жизнь свою торопливымъ бѣгствомъ. То отбыло у него охоту къ дальнѣйшимъ попыткамъ совращати въ унию жителей Кіева⁵⁾. Но за то, возвратившись въ Вильню, Иосафатъ проповѣдалъ унию еще съ болѣею запальчивостію, чѣмъ прежде, и проповѣдь его сопровождалась такимъ успѣхомъ, что приобрѣла для униі, кромѣ безчисленнаго множества послѣдователей изъ середняго и низшаго сословія, некоторыхъ

4) Главными руководителями и оставившими его были: Валентинъ Фибрицій и Гамриль Прушевскій, въ послѣдствіи проповѣдники при дворѣ короля Сигизмунда III (Kulczyński, Monolog. Bazyljan. str. 185. Mirosław Wzrostnia 16).

5) Тамъ-же.

магнатовъ, и между прочими литовского Новгородского воеводу Теодора Скунина-Тышкевича и сына его Виденского воеводу Януша⁶⁾.

Въ то время Полоцкимъ архіепископомъ былъ драхлый лѣтами и слабый характеромъ Гедеонъ Брѣвлицкій, хотя принявшій унию, но не указывавшій усердія къ распространенію ея въ своей епархіи. По сему король Сигизмундъ III, по рекомендаціи митрополита Іосифа Рутского, грамотою своею назначилъ Іосафата коадьюторомъ-епископомъ Полоцкой архіепископіи и преемникомъ Брѣвлицкого, въ слѣдствіе чего Іосафатъ и былъ посвященъ въ Видльи дня 12 Ноембрія 1617 года⁷⁾. Лучшого выбора для распространенія униі въ блдо русскомъ краю митрополитъ сдѣлавъ не могъ. За то повѣстіе о назначеніи епископомъ Полоцкимъ Виденского архимандрита, прозваннаго „душехваторъ“, довергло въ страшное удивленіе всѣхъ православныхъ жителей сего, искони русскаго и православнаго города, — хорощо знавшихъ неистовый фанатизмъ и злобную ненависть къ правослаціи Іосафата.

Торжествомъ былъ въездъ его въ Полоцкъ 9 Января 1618 года. Униатское и римско-католическое духовенство, во главѣ котораго были езуиты, въ полномъ церковномъ облаченіи, встрѣтилъ новаго епископа у городской заставы, где почетнѣйшіи изъ гражданъ пріивѣтствовали его рѣчями. Но среди того торжества, устроеннаго впрочемъ одними поборниками униі и латинства, не трудно было замѣтити Іосафату у многихъ мрачныя лица и доходившій до ушей его народный ропотъ на подоарительное, никогда небывалое доселѣ участіе римско-католическихъ ксендзовъ, въ особенности езуитовъ, въ торжественной встрѣчѣ русскаго епископа. Тутъ же одинъ изъ городскихъ бурмистровъ, въ пріивѣтственной рѣчи своей, выразилъ громкое сомнѣніе Полочанъ на счетъ вѣрности православію новаго епископа, сказавши: „Если вступишь во градъ сей съ благими намереніями, гради во имя Господне; если же замышляешь противное, — лучше бы тебя не входить въ него“⁸⁾.

Еще не успѣвъ испустити духъ архіепископъ Гедеонъ Брѣвлицкій, какъ его коадьюторъ сталъ уже открыто призывать всѣхъ къ измѣнѣ православію, и для обращенія жителей въ унию считалъ всѣ средства позволительными и законными: однихъ привлекалъ обещаніями, прельщеніемъ и силою краснорѣчія; другихъ понуждалъ къ униі угрозами, наказаніями, судомъ, узами и темницею. Первые дни пребыванія своего въ Полоцку Іосафатъ ознаменовалъ обращеніемъ

⁶⁾ Тамъ-же.

⁷⁾ Въ томъ-же году послѣдовалъ и универсалъ короля Сигизмунда къ жителямъ Полоцкого и Витебскаго воеводства, съ приглашеніемъ, чтобы всѣ они были въ послушаніи коадьютора-епископа Іосафата Кунцевича, назначеннаго въ преемники тѣмъ епископу въ универсалѣ: „слабому и дряхлому“ Гедеону (см. Архивъ Полоцк. д. монастырск. снѣжка (de sniegu) № 80). — Тамъ-же, „слабымъ и дряхлымъ“ униатскимъ епископомъ мѣсто додвигалъ коадьюторъ въ родѣ Іосафата.

⁸⁾ Monolog. Bazyłjan. Kulczyński, Września 16 dnia.

въ унию Полоцкаго воеводы Михаила Друцкого-Соколинскаго, примѣромъ котораго увлеклись и многіи изъ Полоцкой знатнѣйшей православной шляхты, въ томъ числѣ Полоцкій каштелянъ Иванъ Корсакъ, подсудокъ Даниилъ Щитъ и Теодоръ Воловичъ⁹⁾.

По кончинѣ архіепископа Гедеона, умершаго въ концѣ 1618 года, Юсафатъ тотчасъ получилъ утвердительную королевскую грамоту, на санъ Полоцкаго архіепископа и вслѣдъ за тѣмъ, въ 1619 году, выхлопоталъ у короля привилегію на подчиненіе его власти всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Полоцку, Витебску, Могилевъ, Мстиславль, Оршѣ и во всѣхъ предѣлахъ его архіепископіи¹⁰⁾. Съ тѣхъ поръ повсемѣстно истреблялъ онъ православіе, а непреклонныхъ къ униі истязывалъ разными муками. На основаніи королевской привилегіи, Юсафатъ въ томъ-же 1619 году розослалъ во всѣ предѣлы своей епархіи циркуляры, возвѣщавшія о возсоединеніи церквей, и требовалъ отъ приходскихъ священниковъ, чтобы они немедленно съ своими прихожанами изъявили согласіе на принятіе униі, угрожая непокорныхъ лишати приходовъ и предавати ихъ, wrazъ съ церквами, униатамъ. Затѣмъ велѣлъ онъ, какъ въ Полоцку, такъ и во всѣхъ другихъ городахъ Полоцкаго воеводства, запечатати всѣ православныя церкви, воспретивши даже въ шаташахъ совершати богослуженіе; священниковъ, оставшихся твердыми въ православіи, изгонялъ изъ приходовъ, заковывалъ въ желѣзо, заключалъ въ тѣмницы и не только самъ угнеталъ повсемѣстно православныхъ разными насиліями, но всячески возбуждалъ къ тому польскихъ вельможъ и городскія власти¹¹⁾. Между прочимъ писалъ и къ канцлеру в. княж. литовскаго Льву Сапѣгѣ, упрекая сего послѣдняго и правительство въ недѣятельности и нерѣшимости — и побуждая приняти большіе энергическіи мѣры къ истребленію православія и утвержденію униі въ подвластныхъ Польшѣ русскихъ провинціяхъ. Отзывъ Сапѣги, хотъ и римско-католика, прекрасно характеризуетъ Кунцевича, унию и несчастное положеніе православныхъ, особенно въ Полоцкой епархіи.

9) Тамъ-же. Не надобно забывать, что то свидѣтельство базилианецъ — ревнителемъ папства, Кульчинскій.

10) Архивъ Полоцкаго духовнаго консисторіи, свизка 30 № 3. Подлинникъ сей привилегіи писанъ на латинскомъ языкѣ въ Варшавѣ 1619 г. Марта 22 дня. Тамъ же привилегію подтвердилъ Сигизмундъ въ 1631 г. для преемника Юсафатова, архіепископа Антонія Селявы, а потомъ для него-же и Владиславъ IV.

11) О сихъ насиліяхъ смотри: Архивъ Полоцкаго духов. консисторіи, свизка 30, 31, 32 — de unione; акты и книги Млоцкаго уѣзднаго суда за 1619, 21, 1623 и 1623 годы; Архивъ мѣстоблюденіи: Гадзлѣнскаго, Юсуповаго — Мерзвинскаго и Поневжаго; Богдвѣженскаго, Отвѣтное письмо Сапѣгѣ Юсафату, а въ особенности Monique, Bazyljanskie — Kulczyński, M. Wrzesień 17 dzień. — Свидѣтельство Кульчинскаго имѣетъ здѣсь особенное значеніе: думая восхвалити ревность Юсафата, онъ приводитъ цѣлый рядъ жестокихъ истязаній его надъ православными.

Насилія и жестокости, якими сопровождалось совращеніе въ унию православныхъ, повсюду возбудили межи ними ропотъ и негодованіе противъ архіепископа, превратившееся вскорѣ въ открытое противъ него возмущеніе во многихъ мѣстахъ Полоцкой епархіи, такъ, что не рѣдко православныя съ оружіемъ въ рукахъ отстаивали свои храмы и защищали своихъ непреклонныхъ къ униі пастырей.

Ту-же ненависть возбуждалъ къ собѣ Іосафатъ и въ другихъ городахъ, черезъ которыя проѣзжалъ или останавливался для понужденія жителей къ униі, Могилевскіи мѣщане, узнавши о приближеніи Іосафата къ городу и не желая впустить его туда, — всѣ вышли на городскіи окопы, на которыхъ розставили заряженныя ядрами пушки и грозили стрѣляти въ него, если осмѣлятся подъѣхать на пушечный выстрѣлъ къ городскимъ воротамъ. Въ Мстиславлѣ нѣкій Масальскій, при вѣздѣ Іосафата въ городъ, едва не убилъ его изъ стрѣльбы, еслибы въ хвилию исполненія сего замысла не былъ самъ убитъ однимъ изъ слугъ архіепископа. Въ Оршѣ мѣщане хотѣли Іосафата утопить въ Днѣпрѣ¹²⁾. Впрочемъ та повсемѣстная ненависть Бѣлоруссовъ къ Іосафату и къ его ученію, не обрзумила того гонителя православія и не укротила жестокости, съ якою онъ продолжалъ преслѣдовать православныхъ, несогласившихся принять унию. Напротивъ, чѣмъ больше испытывалъ онъ проявленіе къ собѣ народной ненависти, тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ продолжалъ дѣло безпощадной и кровавой своей пропаганды до тѣхъ поръ, пока выведенный наконецъ изъ терпѣнія народъ не избавился навсегда отъ своего мучителя. Іосафатъ былъ умерщвленъ въ Витебску въ 1623 году. — Тотъ случай, имѣвшій самыя печальныя для православныхъ послѣдствія, мы расскажемъ подробно ниже; теперь же опишемъ нѣкоторыя дѣла Іосафата, по управленію Полоцкою архіепископіею.

Полоцкій Борисо-Глѣбскій монастырь, основанный въ 1220 г. Полоцкимъ княземъ Борисомъ Генвиловичемъ, кромѣ угодьевъ и населенныхъ имѣній, которыми надѣленъ былъ тѣмъ княземъ при своемъ основаніи, въ послѣдствіи черезъ богатыя вклады розныхъ усердствовавшихъ по благочестію лицъ, преимущественно знатнѣйшихъ нѣкогда въ Бѣлоруссіи дельможъ: Соколицкихъ, Корсаковъ, Тышкевичей, Соломерецкихъ и Щаговъ, сдѣлался первостепеннымъ и богатѣйшимъ изъ всѣхъ Полоцкихъ монастырей. Полоцкіи архіепископы, еще задолго до временъ униі, выхлопотали у польскихъ королей привилегію, по которой съ саномъ архіепископа соединялось и званіе настоятеля или архимандрита сего монастыря, съ правомъ полновластного владенія всеми угодьями, имѣніями, и пользованія всеми принадлежащими монастырю доходами. Впрочемъ каждый новый архіепископъ, при назначеніи своемъ на

¹²⁾ См. Кульчинскій, Monolog. Vaz.

Полоцкую катедру, получая отъ королей на то право подтвердительную грамоту, — и Иосафатъ, получивши ю, хотѣлъ немедленно принять тотъ монастырь подъ свое вѣдѣніе. Но головными его ктиторами Корсаки и Щиты, не желая, чтобы православный монастырь достался въ руки уніятскаго настоятеля, еще при жизни перваго изъ Полоцкихъ архіепископовъ, принявшаго унію, Григорія Загорскаго, взяли тотъ монастырь со всеми угодьями и имѣніями въ свое вѣдѣніе, и не смотря на искковыя жалобы какъ Загорскаго, такъ и преемника его, архіепископа Брѣстскаго, владѣли монастыремъ до времени вступленія Иосафата на Полоцкую архіепископію. По сему когда Иосафатъ требовалъ отъ нихъ, на основаніи испрошенной нимъ королевской грамоты, передачи ему Борисо-Глѣбскаго монастыря, угрожая въ случаю отказа отобрать оный силою, — Корсаки, Тышкевичи и Щиты, со множествомъ православной шляхты, мѣщанъ и крестьянъ, засѣли въ тотъ монастырь, и поставивши на окружающихъ его стѣнахъ пушки, заряженныя ядрами, рѣшились до послѣдней крайности защищать монастырь оружіемъ, такъ, что Иосафату, при помощи только замковой стражи и вооруженныхъ уніатовъ и римско-католиковъ, удалось завладѣть имъ послѣ одинадцати-дневной осады.

Однако же вытѣсненными изъ полурозрушеннаго отъ пушечныхъ выстрѣловъ монастыря, названными недавно его ктиторами не думали возвращати Иосафату имѣній и принадлежащихъ монастырю угодій. То заставило Иосафата отыскивати ихъ судебнымъ порядкомъ, и по сильному ходатайству его въ судахъ, трибуналахъ и у короля, удалось ему получить декретъ, присуждавшій Корсаковъ и всѣхъ виновныхъ въ завладѣніи монастырскимъ имуществомъ, сполна все возвратити архіепископу, яко настоятелю монастыря, а кромѣ того уплатити въ его пользу 30.000 польскихъ злотыхъ за тяжбу и убытки¹³⁾. Въ объясненіяхъ своихъ на искковыя жалобы Куцевича, въ свое оправданіе,

¹³⁾ Архивъ Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря, смотри: 1) жалоба архіеп. Иосафата на Корсаковъ и другихъ о завладѣніи монастырскимъ имѣніями, поданная въ 1618 г.; 2) выписъ изъ книгъ земскихъ Полоцкаго воеводства мироваго акта Корсаковъ съ архіеп. Куцевичемъ; 3) №. 4-й; 4) Архивъ Тадулицкаго монастыря — дѣло объ имѣніяхъ къ Полоцкому Борисоглѣбскому монастырю принадлежащихъ; 5) фамильный архивъ Полоцкаго уѣзда помѣщика Людвика Корсака — дѣло объ имѣніяхъ Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря; 6) архивъ Полоцкаго уѣзднаго суда: акты въ городскіи книги за 1619, 20 и 22 годы и другіи. Изъ сохранившихся въ разныхъ Архивахъ Витебской губерніи рукописныхъ документовъ, къ тому процессу относящихся, видно, что еще во времена Иосафата, большая часть белорусской шляхты, въ томъ числѣ Корсаки, Тышкевичи, Селемерецкіи, Соколинскіи, Огицкіи, Ведовичи, Войны, Самгушки, Сапѣги, Браницкіи, Володковичи, Хорваты, Оскѣрки, Красинскіи, Масальскіи, Косоусы, Полубинскіи, Солтаны, Триваны, Пацы, Хрептовичи и друг., которыхъ подписи встрѣчаются на тѣхъ документахъ, были ревностными послѣдователями православія, или, какъ тогда обыкновенно выражались, „древной грецкой вѣры“.

они писали: „Хотя поискиваемые Иосафатомъ имѣнія действительно предками ихъ пожертвованы были на вѣчныя времена въ пользу Бориса Глубского монастыря, но пожертвованія тѣ были сдѣланы для монастыря „древней грецкой вѣры“, которой и они сами остаются ревностными послѣдователями. Теперь же, когда монахи сего монастыря и самъ его настоятель, Полоцкій архіепископъ Иосафатъ Кунцевичъ, измѣнили сей древней вѣрѣ: то мы — ктиторы монастыря, потомки православныхъ вкладчиковъ, узнавши о таковой измѣнѣ, при томъ же и самыя будучи православными, считаемъ себе въ правѣ удержать въ нашомъ владѣніи весь монастырскій угодыя, имѣнія и самый монастырь, съ принадлежащими къ нему церквами, до тѣхъ поръ, пока инокъ и настоятель сего монастыря не перемянутъ новой вѣры на древнюю и не возвратятся подъ послушенство Константинопольскаго Патріарха“¹⁴⁾. Такъ объяснялись Корсаки и другіе было-русскіе знатныя дворяне въ 1618 году. Но чрезъ два года они измѣнили своему убѣжденію, ибо мы видимъ тѣхъ же дворянъ подписавшими въ 1621 г. мировую грамоту съ Кунцевичемъ, въ которой обязались они быть уніятами, съ условіемъ оставить за ними, яко ктиторами монастыря, древнее право избирати для него настоятелей и освобожденія ихъ отъ уплаты Иосафату вышесказанныхъ 30.000 золотыхъ¹⁵⁾. Впрочемъ они, по сему вынужденному обязательству, дерзнули прямо въ латинство, а не въ унію. Такимъ образомъ тѣ и вся другія литовско-русскіе православныя вельможи (и только одни вельможи), изъ одной привязанности къ земнымъ розсчетамъ, не устояли въ борьбѣ съ напизмомъ и съ искушениями, — полагались, и измѣною вѣрѣ предковъ патнали честь своего православнаго рода. Но примѣръ ихъ мало доставилъ для уніи прозелитовъ изъ середняго и низшаго сословія. Народъ западной Россіи стогналъ подъ гнетомъ насилій и гоненій, проливалъ реки слезъ и крови, лишался имѣнія, терпѣлъ пытки (тортуры) отъ Поляковъ и жидовъ, бывшихъ пособниками латинской пропаганды, но никто и ничто не могло поколебати въ немъ преданности вѣрѣ — правей вѣрѣ предковъ. И если часть сего народа, угнетеннаго своими польскими деспотами-папями, ксендзами и жидами, уступила наконецъ насилію и неистовствамъ пропагандистовъ и принудительнымъ мѣрамъ польскаго правительства; то до крайней мѣры предпочла латинству унію, оставившую несомненнымъ образомъ въ драгидныхъ русскыхъ церковныхъ обрядахъ языкъ русскій — головный элементъ русско-русской народности, въ послѣдствіи такъ много способствовавшій къ добровольному и единодушному возвращенію уніатовъ на лоно православія.

Изъ прочихъ дѣяній Иосафата, по управленію Полоцкаго архіепископства, намъ извѣстно только, что онъ при древнѣйшей изъ Полоцкихъ церквей

¹⁴⁾ См. Кульчинскій, Monolog. Ваз.

¹⁵⁾ Тамъ-же. И такъ они продали Иосафату вѣру предковъ за 30.000 влѣт.

Соборомъ катедральномъ собора, устроилъ своимъ иждивеніемъ деревянныя келіи для женскаго монастыря, который населилъ выпущенными изъ Вильды уніатскими монахиами, незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго тамъ базилианскаго ордена, отдавши сей монастырь землями, угодными и отчасти долами отъ имѣній, принадлежавшихъ къ Полоцкой архіепископіи¹⁶⁾, та еще возобновили пришедшіи отъ времени и разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ въ вѣтность Соборскій соборъ, приказавши впрочемъ снять украшавшіи его пять главъ, которыя своимъ византійскимъ стилемъ, какъ замечаетъ уніатскій писатель Стебельскій, служили бы для будущихъ поколѣній безмолвнымъ памятникомъ древности православія въ Полоцку¹⁷⁾.

Архіепископъ Іосафатъ не весьма долго управлялъ Полоцкою епархіею: Недолгокрѣпости, въ разныхъ городахъ Белоруссіи безуспѣшно делавши попытку предъ на его князь окончилась, какъ мы сказали выше, убѣненіемъ его въ 1623 году въ Витебску православными гражданами сего города. Тотъ послѣдствіи былъ дѣломъ не недавняго случая или мгновенной вспышки народнаго мщенья, но послѣдствіемъ давно задуманнаго замысла, къ которому подстрекнуло насъ, кромѣ жестокости очерченныхъ выше гоненій со стороны Іосафата, еще и слѣдующее обстоятельство. Патріархъ Іерусалимскій Феофанъ, возставши на пути изъ Москвы, по порученію Патріарха Константинопольскаго, подыскавшаго Польщу Русь, посвятилъ въ Кіевъ (якобы, съ дозволенія короля) православною Митрополита, и нѣсколькихъ Епископовъ на захваченныя уніатами катедры, въ томъ числѣ Белорусскаго дворянина Герасимовича, известнаго подъ именемъ Мелетія Смотрицкаго, — на Полоцкую архіепископію. Не смотря на то, что король въ слѣдствіе клеветы уніатовъ на Патріарха велѣлъ ловить и предавати казни новопоставленныхъ Епископовъ, Смотрицкій благополучно прокрадся въ 1621 году д. 3, Марта въ Витебскъ, и явившись съ ратушкою предъявляя права свои на Полоцкую епархію и всенародно обвѣщая Іосафата въ отступничество отъ православія, въ слѣдствіе сего вся Витебскіи граждане даде отказались отъ покоренія сему послѣднему и составили актъ передачи церкви съ духовенствомъ веденію Смотрицкаго, котораго приняли своимъ законнымъ архіепископомъ. Примеру жителей Витебска тѣмъ-часъ же послѣдовали и жители другихъ городовъ, преимущественно Полоцка, Могилевъ, Мстиславль и Орши. Смотрицкій впрочемъ не смѣлъ открыто явиться въ тѣхъ городахъ, но управлялъ дѣлствомъ изъ далека, посредствомъ секретныхъ писемъ и верныхъ сношеній, и самъ, предвѣдый, считался съ мѣста на мѣсто. Между тѣмъ Іосафатъ, съ помощію гражданскихъ властей, принявъ смертельный ядъ къ поружденію всѣхъ православныхъ повиновать его власти; но хотя всѣ церкви были отняты, дѣлать на унію, православныи однакожъ, продолжали ему протѣвнаться и не ходили въ уніатскія церкви, а собиравшись на богослуженіе въ устроенныи ими на городахи шалаши. Въ Витебску въ 1623 году таккакъ шалаши было два — одинъ на Заручевѣ, другіи же рѣкою Двиною, вѣднѣтъ Успенской церкви и архіерейскаго дома. Лишенія храмовъ и разныи гоненія, которыи испытывали православныи отъ Кунцевича, усилнли въ немъ

¹⁶⁾ Kulczyński, Monologium Bazylijskie, mies. Wrzesień 16 dzień. Stebelaki, Dwa światła na horyzoncie Polockim i t. d. Roz. III, stron. 230—236.

¹⁷⁾ Stebelaki — тамъ-же.

ненависть, и ожесточеніе до такой степени, что они составили новый заговоръ и поклялись лишить его жизни при первомъ удобномъ случаѣ. Душею того заговора, говорятъ, былъ Смотричкій, тайно подавшій къ нему совѣтъ. Въ заговоръ приняли участіе не только все почти граждане Витебска и другихъ названныхъ выше городовъ, но и жители отдаленнаго Вилна. — И послѣ всѣхъ прежнихъ неудачныхъ покушеній на жизнь Юсафата, заговорщикамъ удалось наконецъ привести въ исполненіе свое намѣреніе въ Витебску.

Вотъ какъ совершилась тутъ она юридически — незаконная казнь немилосерднаго гонителя православія. Въ концѣ Октября 1623 года, Юсафатъ прибылъ въ Витебскъ съ тѣмъ, чтобы окончательно обратити его жителей на унию, и потому воздвигъ на нихъ такое гоненіе, въ которомъ повторились ужасы первыхъ вѣковъ христіанства, и которое перевышило мѣры всякаго терзанія. Онъ не только отобралъ отъ православныхъ все церкви и выгналъ изъ города всехъ непреклонныхъ къ униі священниковъ, но не дозволилъ имъ совершити богослуженіе даже въ построенныхъ (какъ сказано выше) для той цѣли шалашахъ, разоряя ихъ, и посредствомъ вооруженной толпы униатовъ и городской стражи розгоняя собиравшихся въ нихъ на богослуженіе православныхъ. Тогда послѣднимъ, взявъ въ голову своей членовъ городского магистрата и майже всехъ почетныхъ гражданъ, на тайномъ совѣщаніи въ ратушѣ, положили непременно избавитися отъ ненавистнаго имъ епископа. Глядя только удобнаго случая къ осуществленію своего замысла, и случай не замедлилъ представитися. Дня 12. Невембрія въ Недѣльный день, въ то время, коли Юсафатъ въ Успенской церкви служилъ утрѣню, архидіаконъ его, Доросей, подстрекая православнаго священника по имени Илію, тайно перерывавшагося черезъ рѣку Движу для совершения богослуженія въ одномъ изъ шалашей; внезапно напалъ на него, и избивши до полу-смерти, связавъ по рукамъ и ногамъ и заперъ въ архіепископской кухнѣ. Вѣсть о такомъ погубаніи и насильи православнаго священника быстро распространилась по городу и привела жителей въ такую ярость, что съ первымъ ударомъ вѣчевого колокола все до одного: взрослые, дѣти, жены и старцы, вооружившись чѣмъ понало, съ страшнымъ воплемъ напали на архіерейскій домъ. Освободивши сперва изъ заключенія своего священника, они кинулись на архіерейскихъ слугъ, въ томъ числѣ на вышесказаннаго архидіакона, и майже всехъ ихъ поранили ударами сабель, бердышей и другихъ оружій. Потомъ ворвались въ келію только что возвратившагося отъ заутрени архіепископа, и кинувшись на него съ крикомъ „бій папешника, душехвата“ и т. п., разсѣкли бердышемъ его голову и добили выстреломъ изъ стрѣльбы. Въ то же время другиі, увлеченными порывомъ мщенія, безпощадно разрушали и жогали все, что только попадахось имъ подъ руки Убиеннаго Юсафата поволокли изъ дворца на высокій берегъ рѣки Двины (что противъ Успенской церкви) и кинули въ рѣку, а поджидавшіи рыбаки взяли тѣло въ лодку, привязали къ шеѣ и ногамъ камешъ, отбросили вверху по Двинѣ къ мѣстцу, называемому Песковатикъ, и кинули его въ глубь. Только на третій день, коли народное смятеніе немого утихло, тѣло Юсафата было вытащено по приказанію каштеляна замка, и послѣ officialнаго обвѣдательствованія въ замку, отослано на лодкѣ въ городъ Полоцкъ, где и погребено въ катедральномъ Софійскомъ соборѣ.

(Конецъ слѣдую.)

Редакторъ Б. А. Дѣдицкіи.

Зъ печати Старовицкіи.

Пренумера-
та въ годъ
1 ар. 60 кр.,
со „Сло-
вомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белетристичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 17.

Львовъ 3. Юлія 1868.

РОЧНИКЪ II.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ЦАРЬ МИХАИЛЬ РОМАНОВЪ И ГЕТМАНЪ КОНАШЕВИЧЬ-САГАЙДАЧНЫЙ.

Дружба Гетмана Сагайдачнаго съ Царемъ Михаиломъ, заключенная въ Москвѣ, имѣла благодатныя послѣдства такъ для Украины якъ и для Великой Руси. Съ одной бо стороны повага украинского Гетмана выросла до большаго значенія передъ лицомъ свѣта, а наше козачество, за которымъ стоялъ теперь добрый другъ — могущій Царь всеи Руси, стало еще тѣмъ большимъ пострахоомъ для бисурманъ и Поляковъ; съ другой же стороны обратная намъ Москва, полагаячи на сію дружбу съ Сагайдачнымъ, не опасалась уже лютой злобы Ляховъ, которы въ своей немощи безъ содѣйствія Украины ничего противу Москвы не могли удѣяти. Для поддѣржанья дружеской связи съ Москвою Гетманъ Сагайдачный, вернувши въ году 1619 въ свою Сѣчь, предпринялъ сейчасъ военную выправу на Перекопскихъ Татаръ (на сѣверо-востоцъ Крыиа), у которыхъ находилось тогда въ неволя богато полонникбвъ въ Московской Руси. Розбивши на той выправѣ татарскую силу подъ Перекопомъ и освободивши кѣлька тысячь православныхъ христіянъ, томившихся въ ясырь (въ татарской неволя на тяжкой работѣ при окопахъ), Сагайдачный выслалъ въ Москву Атамана Петра Одицца съ товарищами, поручивши имъ донести Царю о счастливомъ ономъ подвигу, который поднятій былъ Запорожцами съ цѣлю, абы прислужитись царству русскому. Въ признаніе той прислуги Царь Михаилъ изъ своей стороны отправилъ дорогоцѣнныя подарки для войска Запорожского, а Гетмана Сагайдачнаго почтилъ похвальною грамотою и нагородою въ грошахъ.

Братерскій союзъ межъ Україною и Москвою утвердился въ 1620 г. еще больше духовною повагою Ерусалимского Патріарха Теофана, который высланный на Русь съ препорученья самого Головы православной Церкви, Цареградского Патріарха, дѣйствовалъ тутъ яко истинный

Отецъ и благодѣтель. Той бо Святитель Теофанъ, поставивши въ Москвѣ Патріархомъ всеи Руси отца царского, Митрополита Филарета, зѣхалъ потомъ и до нашего Кіева, где принятый Сагайдачнымъ съ найвысшею почестію, занялся устройствомъ дѣлъ церковныхъ въ земляхъ мало-русскихъ. При содѣйствіи Сагайдачнаго и Старшинъ такъ мірскихъ якъ и духовныхъ возстановилъ онъ православному Кіевскую митрополию, которая отъ времени отступничества Михаила Рагозы была опорожнена и безправно занята уніятскимъ Владыкою, сидѣвшимъ въ Вильнѣ и присвоившимъ собѣ власть митрополиту по всей Мало-Руси. Новымъ Митрополитомъ въ Кіевъ Патріархъ Теофанъ поставилъ благочестиваго мужа, Іова Борецкаго, а кромѣ того посвятилъ онъ еще шесть православныхъ Владыкъ для всѣхъ оныхъ епархій, которыя о той порѣ уже росхищены были уніятами. Звѣстно бо, що съ изытіемъ двохъ нашихъ Владыкъ въ Галичинъ (Львовскаго и Перемыскаго), оставшихъ вѣрными святому православію, всѣ прочіи Епископы Малой Руси перекинулись на унію та держали подъ собою русскіи епархіи, которыя зѣ-поконвѣка были чисто-православными. Для тѣхъ отже епархій, неправдо занятыхъ уніятами, поставилъ теперь Патріархъ Теофанъ новыхъ православныхъ Епископовъ, препоручая имъ святительскую власть отъ имени Царградскаго Патріарха. А хотя тѣмъ православнымъ Епископамъ не были признаны польскою короною, и хотя нѣкоторые зѣ нихъ навѣтъ и не важились зайти до своихъ епархій, куда не пускали бы ихъ ляхи и уніаты: но всежь таки само возстановленіе Кіевской митрополіи и прочихъ шести владыцтвъ русско-православныхъ поразило въ высокой мѣрѣ пановъ Ляховъ, которыя помимо гдѣящихъ усилій езуитской уніи на Руси заедно таки страхались и наименьшой тѣни того, що лишъ пахло русскимъ святого православія духомъ. По правдѣ бо, за тѣми-то православными Святителями, за такъ званною „мизмою“ Малой Руси стояли супротивъ Польши грозною хмарою наши украинскіи козаки, а за тѣми дальше стояла старшая посестра наша, великанская Москва, отъ которой ожидала Польша для себе вже не що инное, якъ тѣлько погибель свою и паденіе.

Устрашенными дѣйствованіемъ Патріарха Теофана въ Кіевѣ панова Ляхи и езуиты уже готовились было ужити противъ ново-поставленныхъ православныхъ Владыкъ яко-то лукавой зрады, коли на-разъ присыла до Варшавы еще грознѣйшая вѣсть — ось тая: що султанъ турецкій съ 300.000 своего войска иде войною противу Польши. Вѣсть тая принудила короля Жигмонта къ тому, що онъ не тѣлько заоставилъ на часъ преслѣдованье православныхъ христіанъ въ земляхъ русскихъ, но еще послалъ до Гетмана Сагайдачнаго смиренную просьбу, абы той былъ ласкавъ спасти корону польску отъ неминуемой погибели. Просьба

короля Жигмонта была списана съ такою любезностью и ласкательствомъ, а напове послы ляцкіи, що тую просьбу до Кіева привезли, оказались такъ на-скрѣзь сокрушенными и наибольшою тревогою обнятыми, що Гетманъ Сагайдачный, тронутый чувствомъ самои людскости и милосердія, постановилъ помогати въ нуждѣ навѣтъ найзавѣтнѣйшимъ онымъ воеводамъ паннамъ, которыи що-ино недавно собирались казнити новыхъ Святителей, Патріарховъ Церкви православной для насъ установленныхъ. Въ той-то цѣли отправилъ онъ къ Полякамъ 6 полковъ козацкихъ (6000 мужа), препоручая тѣмъ-же хоробро держатись въ войнѣ претиву Турка. И полки сіи козацкіи выполняли точно препорученіе Гетмана, боролись хоробро и всегда въ первыхъ рядахъ противъ безчисленныхъ войскъ султанскихъ, однакожь Богъ не благословилъ ляцкого оружія въ той войнѣ; бо въ-конецъ таки побѣду одержали Турки. Въ битвѣ подъ мѣстечкомъ Цецорою надъ рѣкою Прутомъ поражены были Ляхи на голову, самъ Гетманъ коронный, панъ Жожевскій, панъ на бовниці, а съ нимъ лягло и кольканадцять тысячъ войска ляцкого. Наши же козаки пострадали въ той битвѣ кромиъ колькохъ сотенъ реостровыхъ еще и дѣльного Читириньского Сотника, Михайла Хмѣльницкого. Сынъ тогожь Хмѣльницкого, славаый Богданъ, такожь участвовавший въ оной выправѣ, коли узрѣлъ отца своего плавающего въ крови, вервался такъ далеко въ ряды турецкіи, що принужденъ былъ насонецъ поддаться перемагающей силѣ, попался въ неволю къ Туркамъ, у которыхъ и оставалъ въ ясырь черезъ цѣлыхъ два лѣта. — А былъ же тамъ сей Богданъ Хмѣльницкій молодець, которого само Провидѣнье Боже назначило стати потомъ найславнѣйшимъ, на всю Русь наибольшимъ богатыремъ козацкимъ, яко о тѣмъ воѣмъ розказано буде дальше въ нашей Исторіи.

Помимо великого пораженья сего подъ Цецорою гѣрдая Польша такъ не упала духомъ, а напротивъ еще съ тѣмъ ббльшимъ усилѣньемъ забиралась отомстити свою срамоту на Туркахъ. Абы однакожь побудити Гетмана Сагайдачного, чтобы самъ онъ, и то съ якъ наибольшою силою козаковъ выступилъ до бою противъ султана, то напове Ляхи начали знову всякими штуками подбератись подъ его ласку, уживая до того не лишъ самыхъ задобрительныхъ грамотъ, но также звонко звучащихъ червонцѣвъ. Въ той цѣли сенатъ Варшавскій въ началѣ 1621 г. выдалъ уставу такого содержания: що католикамъ и униатамъ на-всегда запрещается преслѣдовати или якъ-нибудь оскорбляти людей православной вѣры; которыи отъ теперъ мають уважатися на Руси не яко „быдло“, но яко равныи другимъ христіанамъ люде. О тѣмъ-же часѣ самъ король Жигмонтъ выслалъ до Сагайдачного дружеское писемо, въ которомъ подъ присягою приречалъ ему, що не

дасть уже николи больше кривдити православный народъ и его святую Церковь, та що признае въ-полнѣ власть нового Кіевскаго Митрополита и всѣхъ шести Владыкъ, которыхъ въ минушомъ году поставилъ для Руси Патріархъ Ерусалимскій. Вразъ съ тѣмъ привезено изъ Варшавы богатыя дарунки для Гетмана и для Старшинъ Запорожскихъ, а на всѣхъ реестровыхъ козакѣвъ приказано вылатити цѣлорочную платню (по червонцеви) изъ касы державной. Таковую-же платню приречено дати и всѣмъ Сѣчовымъ Запорожцямъ, которы лишь будутъ участвovati въ войнѣ противу Турка. Тая-то ласкавость Польщи, особливо-же признанье православныхъ Владыкъ черезъ короля Жигмонта тронуло добросерднаго Гетмана Сагайдачнаго, и бнѣ рѣшился вспомагати теперъ корону яцку всею своею силою.

Оттакъ Сагайдачный лѣтомъ 1621 г. двинулся съ 30.000 мужа козакѣвъ и съ 28 пушками къ предѣламъ Буковины, где собиралась военная сила Туркѣвъ. О тойже порѣ поспѣшала сюда бѣгъ Польщи королевичъ Владиславъ и коронный Гетманъ Ходкевичъ съ 34.000 яцкаго войска. Два сіи войска окопались на рѣвиннѣ недалеко мѣста Хотина двома отдѣльными таборами, козацкимъ и польскимъ, которое то роздѣленіе таборѣвъ послѣдовало по выразному желанію Сагайдачнаго, бажавшого такимъ способомъ запобѣгнути роздорамъ, якіи при наименьшомъ зближеніи Русинѣвъ съ Ляхами доконечно учинялися. Вскоръ явилось пѣдъ Хотиномъ и турецкое войско, состоящее изъ около 300.000 мужа, въ числѣ которыхъ самыхъ Татаръ было 100.000. Битва началась бѣгъ обохъ сторонъ страшною пальбою изъ пушокъ; найсильнѣйшіи напады были на таборъ козацкій, и ти продолжались до пѣздного вечера. Наконецъ коли Турки бѣступили, козаки вышли изъ окопѣвъ и начали ихъ-же преслѣдовати. Пользуясь темнотою ночи, Сагайдачный ворвался въ таборъ непріятельскій, та неминуемо и овладѣлъ бы нимъ, еслибъ Ходкевичъ изъ зависти не отказалъ ему въ помочи. Той отказъ оскорбилъ дуже нашихъ козакѣвъ, которы имѣли вскоръ еще и другу причину до гнѣву на Ляхѣвъ, именно таку, що Ляхи, обовязавшіися давати имъ въ часъ войнѣ всякое прокормленіе, по власному недостатку запасѣвъ слова своего не держали. Въ слѣдствіе того козаки на кѣлька день залишили борьбу съ Турками; дальше же въ таборъ ихъ пѣднялся сильный ропоть, починался настоящій бунтъ. Бѣда Ляхамъ угрожала велика. — Но межъ тѣмъ умеръ въ яцкомъ таборѣ Гетманъ Ходкевичъ, ненавидѣнный козаками за прегордый норовъ. Смерть сего военачальника якъ и горестно доткнула Полякѣвъ, а всежь таки она и была теперъ для нихъ истиннымъ спасеніемъ. Сейчасъ бо королевичъ Владиславъ послалъ въ таборъ Сагайдачнаго трехъ яцкихъ вельможъ, яко нарочныхъ посланникѣвъ-прими-

рителей, которы зваливши всю вину недогодъ для козаковъ на покойного Ходкевича, заклинались небомъ и пекломъ, що отъ-теперь козацкому войску уже въ ничѣмъ не буде недостатка ни оскорбленія. Таке заявленье, высказанное во имя королевича Владислава, которого козаки впрочемъ досыть и любили, возстановило наконецъ spokbй въ козацкомъ таборѣ.

Задобренныя Ляхами козаки вступили на-ново въ лютую борьбу съ Турками, которы тогда такъ уже на нихъ были роздражены, що за кожду козачую голову платили подъ Хотиномъ по 50 червонцѣвъ. Доставкою такихъ головъ занимались именно Татары, бывшии на службѣ у турецкаго султана, и они то мерзко поступали собъ въ той справѣ легчимъ способомъ такъ, що обголивши мертвыи головы Ляховъ по козацки, продавали ихъ Туркамъ за козачи. Тая то злоба Турковъ розъярила нашихъ козаковъ до найвысшой степени, и затѣмъ Гетманъ Сагайдачный, нападаая щоденно на таборъ турецкій, дѣлалъ въ немъ такъ великии опустошенья, що въ-конецъ начальники султанскаго войска видѣли себе принужденными вступити съ Ляхами въ мирныи переговоры. На оныхъ переговорахъ Турки и Татары требовали надо все лишь того: щобы лаяцкій король обовязался примѣрно укарати Запорожекихъ козаковъ, щобы Сагайдачнаго скинулъ зъ гетманства, а все его войско, съ изытїемъ реестровыхъ полковъ, абы велѣлъ прогнати куда подальше отъ Днѣпра и отъ Чорнаго моря. Коротко сказавши, бисурмане требовали отъ Ляховъ совершеннаго уничтоженія Запорожцѣвъ — тыхъ Запорожцѣвъ, которы власне тогда-же спасали Польшу отъ страшнаго бисурманскаго погрома. И были-жъ вамъ Ляхи на стѣлько несовѣстны, на стѣлько вѣроломны, що згодились условно и на се требованье Турковъ, та поклявшись передъ Богомъ и турецкимъ султаномъ: що „обуздаютъ самовольство Запорожцѣвъ и прекоротятъ морскїи ихъ разбои“, заключили подъ Хотиномъ на такъ соромномъ условїи перемирие съ отвѣчнымъ всего христіанства ворогомъ!

Той поступокъ Ляховъ, практикованный впрочемъ супротивъ Руси весьма часто въ ихъ исторїи, огорчилъ до крайности нашихъ козаковъ, розчаровалъ и самого добросерднаго Гетмана Сагайдачнаго. Сей бо Гетманъ, помимо сильнаго опоры души козацкой, уже по третій разъ помагалъ Полякамъ въ великой ихъ бѣдѣ, та особливо теперь за найдальшїишу прислугу свою подъ Хотиномъ, куда для спасенія Польши доставилъ всю военную силу Украины, ожидалъ бнѣ отъ Ляховъ если уже не то полной вдячности, такъ принаймнїи признанія честныхъ подвиговъ козацкихъ. Мало собъ важучи обѣтницъ Варшавскаго сойма, но яко-такъ дозвря дружескими письмами самого короля Жигмонта,

быть так надеялся, что если поставит за Польшу столько хорошого воинства (30.000 мужа), сколько ставила за себе цела Польша, уже тамъ самымъ поднесе въ очахъ Ляховъ значенье и заслугу русскаго народа, та затѣмъ и улучшить на будущность долю православной Руси. Но яжежь было его розчарованье, коли на боювищи пѣдъ Хотинскомъ, где за справу Польщи поклялись тысячи головъ козачихъ, где самъ бытъ, Гетманъ Сагайдачный, изрубавъ по всему тѣлу саблями татарскими, оросилъ все поле кипучою своею кровью, — на томъ боювищи союзники его Ляхи куповали у поганцевъ соромный миръ за утрату свободы и народной жизни русскаго Запорожя! Такъ ажъ теперъ увѣрился нашъ Сагайдачный, яко пополнилъ бытъ противъ Руси два великіи грѣхи: разъ, що за дурну справу ляцкого королевича ходилъ воевати братнюю Москву; въ-друге, що спасалъ отъ невѣрныхъ Турковъ невѣрнѣйшую надъ сихъ корону польску. Въ полномъ сознаніи тѣхъ своихъ грѣховъ, онъ Гетманъ славной Украины, повязавши тяжкіи раны тѣла, вырвавши своихъ козаковъ зъ табору изъ-пѣдъ Хотина, и метаючи проклятїа на все племя враже, не попрощавшись ани назватъ съ королевичемъ Владиславомъ, удалился въ свою козацкую землю надъ Днѣперъ. Потомъ же не дожидаясь излеченїа своихъ ранъ, но какочисъ сердечно за двѣ свои великіи провинны, бытъ затворился въ Кїево-Братскїй монастырь, и пробилъ тамъ яко простой чернецъ на добровольной покуть ажъ до своей смерти, котора и постигла его осеїю 1622 г. — Такъ скончался славный оный мужъ Петро Конашевичъ-Сагайдачный, прогетманствовавши на Украинѣ цѣлыхъ лѣтъ 16.

А гетманство се многолѣтне Сагайдачнаго отзвѣчалось въ Исторїи нашей не одними тѣлько военными дѣлами, но прославилось оно также мирными подвигами науки и богочестїа. Не тѣлько бо самъ Гетманъ Сагайдачный, яко мужъ своего времени высоко ученый, записалъ въ свободную пору списованьемъ умныхъ сочиненїй, та написалъ цѣлу книгу противъ злоповѣстной униї, но по-при немъ отличались еще и другїи знакомитыи писатели, яко особенно Митрополитъ Ювъ Борецкїй и Епископъ Мелетїй Смотрицкїй, которы тоже словомъ и письмомъ основно оспорили погрѣшную науку униїтства. Затѣмъ много добрыхъ книжокъ русско-православныхъ печаталось за того часу въ Кїевъ, именно же въ Кїево-печерскомъ монастырь, которому князь Константинъ Острожскїй еще въ г. 1608 подарилъ дорогоцену свою Острожскую печатню. Кроме того такъ Сагайдачный якъ и многїи прїатели его, украинскїи вельможи, заводили по всему краю школы и училища для розширеня всякихъ знанїй и для скрпленя святого православія въ своемъ народѣ. Найславнѣйше одно таке училище учредилъ въ Кїевъ при Братскомъ монастырь вдова по козацкомъ Старшина,

Анна Гугулевичева, котора въ г. 1613 на тую цѣль подарила одинъ великій дѣлъ и значный свой маєтокъ. Для тогоже училища или такъ званой Кіево-Братской бурсы завѣщалъ такожъ и Сагайдачный все свое имѣніе, препоручая въ предсмертной грамотѣ: щобы изъ доходѣвъ сего имѣнія по вѣчныи часы удержовати и прокормляти бѣдныхъ православныхъ дѣтей, учащихся въ школъ Братской. По образцу сеи первой Кіевской бурсы заводились потомъ такого-жъ рода воспиталища и въ другихъ городахъ нашей Руси, а образующіися въ тыхъ воспиталищахъ бурсаки благословили память славного Гетмана Сагайдачного, который своимъ завѣщаніемъ положилъ заснову на такъ доброе дѣло для всего народа въ потомны вѣки.

Гетманство Сагайдачного еще и тѣмъ сталося памятне, що пріутихла, а латинники и уніаты не смѣли нарѣдъ православный надъ мѣру оскорбляти. Сама бо повага Гетмана, который имѣлъ численне свое войско и владѣлъ по обохъ сторонахъ Днѣпра майже цѣлкою самодержавно, наводила пострахъ на Ляшню и на всякихъ перекиничковъ, такъ, що они въ земляхъ Украины съ своими забеганками супротивъ православныхъ не важились и пикнути. За то однакою въ подальнихъ бѣтъ Украины городахъ такъ Литовской якъ и Галицкой Руси, куда власть Сагайдачного не сягала, продолжалася и ва его часѣвъ сумная Исторія гоненій ляцкихъ противъ такъ званыхъ „шизматикивъ“. А вжежъ изъ всѣхъ прочихъ наибольше страдали тогда православныи люде въ нашей Галичинѣ, въ городѣ Вильнѣ и въ цѣлой Полоцкой епархіи.

Що до нашей Галичины, тутъ, — якъ сказано — Польша и католичество такъ уже на-крѣпко были запановали, що первобытныи жители сего края, т. е. именно православныи Русины въ очахъ Ляхѣвъ уважались не то лише рабами, а просто „быдомъ“, безсловесною скотиною. По селахъ православный нарѣдъ запряженъ былъ въ кровавое ярмо панщины, въ мѣстахъ же и мѣстечкахъ коренныи Русины вытѣснены на передмѣстья, выключены отъ всякихъ чинѣвъ и урядѣвъ, а до того зневолены платити за всѣхъ и за вся тяжкіи дани, полнити всяку простую службу, за що не мали они ни навѣтъ тои крыхотки свободѣ, якою пользовались жидаы, ормене и циганы. Самъ осередокъ русскихъ мѣсть въ Галичинѣ, такъ званый рынокъ или базаръ, где водилася всякая торговля, отданъ былъ Ляхами въ наемъ жидамъ, которымъ дозволено было еще и будоватись докола тѣхъ мѣстцъ, где стояли церкви православныи. Въ самомъ городѣ Львовѣ, исконной русскихъ князей столицѣ, запрещено было Русинамъ не лишь торговати, але навѣтъ похоронягся публично. Былъ бо такій строгій для нихъ заказъ: абы не смѣли

хоронити своихъ мертвыхъ съ сопровождаемъ народа и со свѣтломъ, но абы переносили ихъ на простыхъ марахъ, бочными закоулками, безъ свѣтла, безъ наименьшой выставности. А колижь случилось тутъ разъ (въ г. 1623), що умеръ одинъ богатый и знакомитый Русинъ, и его тѣло сопровожено черезъ мѣсто съ запаленными свѣчами и съ процесією, то за тую дерзость Русинѡвъ ляцкій магистратъ мѣста Львова засудилъ всѣхъ Старшинъ православнаго мѣщанства на велику грошевую кару и кѡлкамъсячне узязненіе. — Така отже гѡрькая доля была нашихъ Русинѡвъ въ Галичинѣ, которы еще-жь принаймиѣи тѣмъ однимъ потышали себе въ своей бѣдѣ, що всѣ они были одной вѣры православною, понеже въ обохъ ихъ епархіяхъ, такъ Львовской якъ и Перемыской, за тыхъ часѡвъ уніа еще нигде не найшла принятія.

Бѡльше майже еще, нѣжь Львѡвскіи Русины, страдали православнии люде въ городъ Вильнѣ, столицѣ Литвы. Тамъ бо кромѣ Ляшинъ и численнихъ езуитѡвъ загнѣздились еще и перекинчики-уніаты, ба таки самъ Митрополитъ уніятскій имѣлъ тогда свое сѣдалище въ Вильнѣ. Приходилось отже Виленскимъ православнымъ выносити гоненія отъ двохъ сторонѣ, ставити чело пѡдъ удары межи двѡйнымъ огнемъ. А былъ тогда Митрополитомъ уніятѡвъ во Вильнѣ Іосифъ Рутскій, человекъ не безъ сердца, но малоумный, который послѣдовавши на се достоинство по смерти Іпатія Поцѣя, ѡтдался цѣлкомъ на службу Ляхамъ, стараючись ѡттакъ заслужити собѣ у нихъ чинъ сенаторскій. Звѣстно бо, що кресло и голосъ въ Варшавскомъ сенатѣ прирекли были Ляхи еще въ г. 1595 надати всѣмъ русскимъ Владыкамъ, которы лишне пріймутъ унію съ Римомъ; однакожь ѡбѣтницѣ той Ляхи не додержали, и затѣмъ Епископы та и Митрополиты (якъ Рагоза и Поцѣй), которы первыи на унію присягнули, позмерали вже, а до смерти кресла сенаторского не бачили. Тожъ теперъ, за часѡвъ Гетмана Сагайдачнаго, коли то Малая Русь до новой пѡднималась славы, сталъ Митрополитъ Іосифъ Рутскій якъ найусильнѣйше о тое старатися, абы пріобрѣсти собѣ сенаторске достоинство, весьма дорогою цѣною, бо отступничествомъ отъ рѡдной православной Руси окупленное. Жаль однакъ сказати, що для той цѣли Митрополитъ Рутскій уживалъ средствъ самыхъ нечестныхъ, до якихъ пѡдмывляли его именно ксендзы езуиты, имѣвшіи изъ-давна во Вильнѣ наибѡльшую власть и головное сѣдалище. Повинуючись отже езуитамъ, тѣмъ заклятымъ врагамъ человеческого розума и совѣсти, онъ Рутскій въ г. 1614 покликать до своего боку унітского мниха Іосафата Куицевича, найстрашнѣйшого гонителя православныхъ, который пѡдмовою и насиліемъ совращая людеи на унію, вскорѣ удостоился во Вильнѣ прозвища „душехвата“. Вразѣ съ Куицевичемъ подвизались тамъ-же противъ православныхъ христіянъ такожъ и езу-

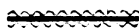
итскіи школьниики (ученики езуитской школы зъ шляхетного роду), которы якъ-бы та шайка розбійникѡвъ, вооруженныи палками и каменями, волочились по городу, нападали на православныи храмы, разбивали молящійся въ нихъ народъ и творили въ цълѡмъ мѣстѣ настоящую содому. Несчастливыи жители греко-русской вѣры, безпокоены неустанно тою ватагою школьниикѡвъ, не находили вже и мѣстца, где бы передъ ними скрытися; коли жеи тѣмъ ксеудзы езуиты, а съ ними Кунцевичъ и Рутскій утѣшались подвигами пакостныхъ своихъ ученикѡвъ, для которыхъ не было за то ніякого суда ни наказанія. А помимо всехъ гонений на народъ православный въ Вильнѣ, якими при помочи езуитѡвъ уніятскій Митрополитъ прислуживался справѣ лядской, таки ни бнѣ ни его наслѣдники не досягнули найголовнѣйшой цѣли своихъ придлугъ и бажаній, т. е. не засѣдали въ сенатѣ Варшавскомъ, где голосы и кресла надаваны были всегда лишь самымъ родовитымъ Полякамъ.

Страданія Виленскихъ православныхъ умѣрились немного въ г. 1618; но за то зъ сего-же лѣта перенеслися всѣ страсти на такъ звану Бѣлую-Русь, именно въ Полоцкую епархію. Въ томъ бо самомъ году завзятый гонитель православныхъ христіанъ, Юсафатъ Кунцевичъ, поставленъ былъ Намѣстникомъ Полоцкой епископіи, и затѣмъ изъ Вильна переселился до Витебска, столицъ своего нового владычества. И зъ тогожь часу началась для русскихъ жителей Полоцкой епархіи трогательна Исторія, полна невыносимыхъ страстей и терпній, котора продолжалась черезъ цѣлыхъ 5 лѣтъ, а закончилась найсумнѣйше такъ для гонителя якъ и для гоненныхъ. Былъ бо той Епископъ Полоцкій Юсафатъ Кунцевичъ человекъ на-скрѡзь запальчивый, загоинистый, справѣ уніятства до запамяталости преданный, — однимъ словомъ: загорѣлецъ, якого въ религійномъ отношеніи звычайно называютъ фанатикомъ. Яко такой фанатикъ, жаждущій доконечно достигнути вѣнца мученической святости, бнѣ умерщвлялъ сосудъ Божій — свое тѣло, носилъ грубу волосяну одежду, въ часъ богослуженья опоясывался колючимъ желѣзнымъ поясомъ, а каждого дня бичовалъ себе намоченымъ въ соли кнутомъ. Такимъ самомученіемъ заготовлялъ бнѣ себе до непримиримой борьбы противъ святой православной Церкви, котору всеуильно багнулъ принаймнѣй въ своей епархіи розрушити, уничтожити до основанія, абы ѡттакъ на еи руинахъ поставити и збогатити свѡй уніятскій будынокъ. Ужась зберае розказовати про всѣ дѣла, якіи предпринималъ той гонитель православія для ширенья уніи въ Полоцку, Витебску и другихъ городахъ Бѣлой-Руси. Мало того, що запиралъ бнѣ насиліемъ, запечатывалъ и бралъ на свою власность всѣ русско-православныи храмы, школы и монастыри; мало того, що не давалъ русскому народу ани помолитися Богу навѣтъ въ шалашахъ, построенныхъ где подальше за

городахъ: отъ еще не дозволять хоронити на христіанскихъ кладбищахъ жертвы тѣла православныхъ, ба изъ могилъ и гроббвъ освященныхъ выкадалъ кости давно схороненныя, за ту одну причину, що се были кости предбвъ нашихъ православныхъ!

Надаремно старались вже и самы навѣтъ Ляхи уймити ярость и злобу фанатика Кунцевича; надаремно писалъ до него убедительныя письма славный Гетманъ Украины, Конашевичъ - Сагайдачный, ба и самъ найвыстїй достойникъ Великого княжества Литовского, князь Левъ Сапѣга, которы то оба знакомиты а въ дѣлахъ вѣры многоученныя мужи, первый православный а второй католикъ, зажимали его именемъ Бога, щобы завернулъ вже разъ на дорогу людскости и любви христіанской: все то у такого загорѣльца не помогло ничего. Отъ и дальше дѣлалъ свое дѣло по своему: преслѣдовалъ русскїй народъ, росхищалъ чужии маестности церковныя, провадилъ оружіемъ и пушками настоящую войну съ русскими вельможами, якинъ еще въ тыхъ земляхъ остави вѣрны св. православію, заводилъ съ ними тяжбы по всѣхъ судахъ городскихъ и королевскихъ; та каралъ ихъ и безъ всякихъ судовъ побоями, вязницями, клятвами и всякими муками. Така жестокость, такія насилїя и беззаконїя розъярили православныхъ христіанъ во всѣхъ городахъ Полоцкой епархіи въ такъ высокой мѣрѣ, що тїи собирались уже по кѣлька разы выместити мечь свою на самой-же особѣ непримѣрного того гонителя. Два такія заговори на особу Кунцевича не повелися православнымъ зъ той причины, понеже Кунцевичъ всегда окружалъ себе пахолками и крыкою стражею лацкого войска. Ажь наконецъ въ г. 1623, коли прибылъ до Витебска православный Епископъ Мелетїй Смотрицкїй, поставленный передъ двѣма лѣты для Полоцкой епархіи Патріархомъ Османомъ, осмѣлились жители Витебска, въ зновѣ съ людьми другихъ городовъ Полоцкой епархіи, сотворити дѣло, передъ тѣмъ еще небывалое въ нашей Руси. Ото бо они, въ крайномъ розъяренїи за все дознанныя страсти, собравшись цѣлою громадою, съ Старшинами города на чель, кинулось на владычую палату Кунцевича, побили его пахолковъ, а самому ему розсѣкли голову сокърою и добили выстрѣломъ изъ стрѣльбы. Такъ замученного Кунцевича поволокли потомъ изъ его палаты на высокїй берегъ Двины, и привязавши до нбгъ и шен камѣнь, кинули тѣло его въ глубину рѣки, изъ которой оно ажъ по трехъ дняхъ вытащили Ляхи и похоронили въ городъ Полоцку. — Такою отже смертію згинулъ уніятскїй Епископъ Іосафатъ Кунцевичъ, прозванный „душехватомъ“, за свою надмѣрную запальчивость для папежской вѣры и для уніи, отъ которой много а премного лиха перестрадалъ честный народъ православной Руси.

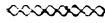
(Дальше буде.)

Гоненія православной Руси

за время

ЮСАФАТА КУНЦЕВИЧА.

(Конецъ.)

Въ 1624 году папа Урбанъ VIII, по ходатайству короля и уніятского духовенства, причислилъ Юсафата къ лику блаженныхъ (beatorum) мучениковъ римской церкви, повелѣлъ праздновати (впрочемъ собственно только уніятамъ) память его 16-го Сентября¹⁾. Для обнародованія папской буллы, произведшей гонителя православныхъ въ мученики, и для торжественнаго отпѣванія тѣла Юсафатова, созванъ былъ въ томъ-же году въ Полоцку соборъ высшего

1) Въ убіеніи Юсафата папа видѣлъ, что дѣла затѣянной его предшественникомъ уніи идутъ плохо, по сему межъ энергическими мѣрами, предпринятыми нимъ для поддержанія уніи, онъ упажалъ необходимымъ убитаго уніятского епископа, якъ можно скорше, объявити святымъ, чтобы показати православному міру, яко и церковь уніятская имѣетъ своихъ святыхъ, и чтобы молвою о явленіи новою священномученика однихъ укрѣпити въ уніи, а другихъ побудити къ ея принатию. Присяжаніе человека святымъ, майже непосредственно послѣ его кончины, противно правиламъ даже римской церкви. Для сего нужно не только полное и повсемѣстное убѣжденіе церкви въ безукоризненную святости жизни почившаго, но и проявленіе чудесныхъ его дѣйствій послѣ его смерти, и при томъ засвидѣтельствованныхъ присяжными свидѣтелями и оправданныхъ елѣдственною комисією, а особенно явленіе его тѣла нетлѣннымъ, по истеченіи многихъ лѣтъ. Съ Юсафатомъ ни при его жизни, ни по смерти ниюго подобнаго не было. Политика польскаго правительства и личныя интересы уніятского духовенства признали Юсафата святымъ; но папа дошелъ въ томъ дѣлѣ только до половины, онъ бо не назвалъ его святымъ (sanctus), а только блаженнымъ (beatus), не желая столь наглымъ производствомъ Юсафата во святыи еще больше подвергати укоризнамъ римскую церковь, и безъ того уже не только протестантами, но даже нѣкоторыми латинскими богословами осыпанную упреками за нововведенія. Папѣ не безызвѣстны были жестокости Юсафата, съ якими онъ мучилъ православныхъ христіанъ, — его безыконый порокъ, — его тяжбы передъ гражданскими властями съ православными, которыхъ вслѣдствіе сего были кидаемы въ темницы, въ узы и подвергаемы равнобразнымъ наказаніямъ, — его безжалостное обращеніе съ твердыми въ православіи свиященниками, которыхъ лишалъ онъ приходовъ, имущества и послѣднего куска хлѣба, мучилъ кнудалами, темницами, бичами и розьями истязаніями. Папа слышалъ о насильственномъ отнятій Юсафатомъ православныхъ церквей и монастырей, обращеніи ихъ въ унію, запечатываніи и разрушеніи ихъ, о его поруганіи даже надъ мертвыми тѣлами православныхъ и надъ священными обрядами ихъ вѣры. Словомъ, папѣ не безызвѣстны были всѣ поступки Юсафата съ православнымъ народомъ, поступки, въ которыхъ упрекалъ его даже в. канцлеръ литовскій Сапѣга, — поступки, на которыхъ постоянно и безуспѣшно жаловались православныи королю, въ трибуналахъ и на сеймахъ, и которыхъ до того ожесточили ихъ противъ него,

унійського и отъ части латинского духовенства, подъ председательствомъ унійского митрополита Юсіафа Рутского. Торжество сіе совершалось въ Полоцкомъ Софійскомъ соборѣ. Лучшіи того времени проповѣдники произнесли нѣсколько надгробныхъ рѣчей на латинскомъ, польскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ, а езуитъ Левъ Кривза заключилъ то requiem напыщеннымъ панегирикомъ Юсафату (Kulczyński, Monologjum Baz., Wrzesień 16; Stebelski, Roz. III, str. 288—291). Труна его была вынята изъ склепа и поставлена въ церковь, где и находилась до завосванія Полоцка войсками Царя Алексѣя Михайловича. Коли послѣдніи приближались къ городу, тогдашній Полоцкій архіепископъ Антоній Селява бѣжалъ со всѣмъ унійскимъ духовенствомъ въ Литву, куда унесъ и труну Юсафатову. Сперва труна тая оставлена была нимъ въ мѣстечку Жировицахъ, потомъ перенесена въ Замость. Преемникъ Селявы, митрополитъ и Полоцкій архіепископъ Гавріилъ Коленда, опять возвратилъ труну Юсафата въ Полоцкъ, коли самъ переселился сюда на жительство, по возвра-

что не однажды покушались они на его жизнь и наконецъ убили въ Витебску. По смерти Юсафата николи не проявились ніякіи чудесныи дѣйствія, и тѣло его подверглось естественному разложенію, подобно тѣламъ всѣхъ смертныхъ. Правда, жизнеописатель Юсафата, Кульчинскій, а за нимъ и другіи базилианскіи писатели, указываютъ на нѣкоторые чудеса, будто-бы совершеныи Юсафатомъ послѣ его смерти, но ни одного изъ нихъ не подтверждаютъ ніякими достовѣрными современными свидѣтельствами, а говорятъ о нихъ голословно. Нѣкоторые чудеса такъ плохо ими сочинены, что не стоятъ и опроверженія. Они говорятъ на примѣръ, что тѣло Юсафата, скинутое въ Двину въ Витебску, отсюда само приплыло въ Полоцкъ — вверхъ противъ теченія Двины, — не зная о томъ, что Полоцкъ лежитъ въ отношеніи къ Витебску не вверхъ, якъ пишетъ Кульчинскій, а внизъ по теченію Двины. Или кажутъ, что по молитвѣ къ Юсафату одной шляхтянки, возвращавшейся изъ Полоцка домой въ мѣстечко Ушачь, воскресла кобыла, околѣвшая на дорожѣ! (Смотри: Кульчинскій, Monolog. Bazyljan.; Kulewa — Wiata Prawosławna; Stebelski, Dwa Światła и проч. i Chronologia, и другіихъ). А имъ изъ комисарского декрета о его убіеніи извѣстно, что онъ кинутъ былъ въ Двину, по трехъ дняхъ вытащенъ, освидѣтельствованъ въ замку и отосланъ въ лодцѣ по теченію Двины въ Полоцкъ — для погребенія. Вотъ якъ можно вѣрити Кульчинскому и ему подобнымъ ревнителямъ униі! Да еслибы, по убіенію Юсафата, отъ его тѣла произошло что похожее на чудо, то слѣдователи, королевскіи комисари, яко ревностныи католики, не преминули бы разгласити о томъ въ сказанномъ выше декретѣ, коли они исчисляють въ немъ всѣ мѣлочныи подробности, касающіяся убіенія Юсафата. Сверхъ того, если бы якіи либо чудеса проявились послѣ смерти Юсафата, то о нихъ не преминулъ бы упомянути папа Урбанъ въ своей буллѣ на его бектификацію; но въ ней о сихъ чудесахъ ни малѣйшого намѣка. Замѣтимъ также, что кромѣ сочиненія Кульчинского и другіихъ унійскихъ и латинскихъ писателей, сочинившихъ впрочемъ чудеса Юсафата майже въ двѣста лѣтъ послѣ его смерти, о нихъ не сохранилось ніякого народнаго преданія, ни одного (за исключеніемъ чуда о воскресеніи кобылы) письменнаго современнаго акта, ни другаго якого либо историческаго доказательства.

шеніи сего города Польша. Впрочемъ, гробница Иосафата, какъ оказалось послѣ, была пуста, тѣло его неизвѣстно куда дѣвалось во время многолѣтняго сего страствованія. Въ послѣдствіи, по правой сторонѣ новоозданной архіепископомъ Гребиницкимъ Софійской церкви, устроенъ былъ особый приделъ во имя Иосафата. Въ немъ на престолѣ помещена была бронзовая гробница, съ серебрянными украшениями, а сверху ея образъ Иосафата. Умилсми монахи роспускали въ легковѣрномъ народа молву, будто въ той гробницѣ дежить тѣло Иосафата нетлѣннымъ, и хотя ежегодно въ день празднованія его памяти выносили ту ю гробницу на середину церкви для поклоненія, но ю николи не раскрывали, потому мнѣньихъ мощей Иосафатовыхъ нигде никому не случилось видѣти, по той простой причинѣ, что видѣти того не можъ, всего вовсе не было. Послѣ недавняго воссоединенія униатовъ съ православною церковью, гробница та перенесена была въ ризницу и раскрыта въ присутствіи многихъ свидѣтелей, но кромѣ клока волосъ и нѣкоторыхъ принадлежавшихъ вѣроятно Иосафату архіерейскихъ облаченій, не оказалось въ ней ничего.

Смерть архіепископа Иосафата не облегчила однакожь бѣдственной участи гонимыхъ въ Бѣлоруссіи православныхъ; напротивъ, она подала польскому правительству и папѣ законный предлогъ, подъ видомъ наказанія принимавшихъ участіе въ убійствѣ Иосафата православныхъ, удвоити свои мѣры къ совершенному искорененію православія въ оеиъ краю. Король, узнавши о Витебскомъ происшествіи, тотчасъ нарядилъ въ Витебскъ комисію, для изслѣдованія факта и осужденія виновныхъ. Въ членъ членовъ сей комисіи были: воевода Виленскій и староста Могилевскій Левъ Сапѣга, каштелянъ Мстиславскій Христофоръ Друцкій-Соколинскій, референдарій и писарь великаго княжества литовскаго Александръ Корвинъ-Гонсевскій, староста Оршанскій, Червильскій и Пропойскій Богданъ Сапѣга, и наконецъ Витебскій воевода Николай Завиша. Слѣдствіе и судъ комисари окончили съ необыкновенною торопливостію, — всего только въ три дни; они опасались прибытія нозаконовъ, которыхъ устрашенными жители Витебска черезъ нарочныхъ гонцевъ звали на помощь. Ихъ протоколъ или декретъ, по дѣлу объ убіеніи Иосафата, подписанъ былъ 22. Января 1624 г. Изъ него межъ прочимъ видно, что въ заговоръ на жизнь Иосафата принимали участіе не только майже все жители Витебска, но даже Орши, Могилева, Полоцка и самого Вильна. Душою же заговора были: писарь Гурко, священникъ Коменецъ, бурмистры: Науиъ Волкъ, Семенъ Нина и въ особенности извѣиъ Петро Васильевъ Полочанинъ. Комисія осудила около сто человекъ на смертную казнь, изъ которыхъ большая часть успѣла на время скрытися. Приговоръ сей тогда же приведенъ былъ въ исполненіе. Изъ находившихся лично осужденныхъ — двадцати отрублены головы на площади передъ ратушею; нѣмнѣиъ возъхъ виновныхъ конфискованы; весь Витебскъ былъ признанъ виновнымъ, за что лишены права Магдебургскаго и всеахъ вообще правъ и преимуществъ, дарованныхъ его жителямъ, и подчинены вое-

зодскому управленію; знаніе и вѣщный колоколъ — знакъ преимуществъ и свободи города; ратуша, въ которой состоялся заговоръ на жизнь Іосафата, разрушена въ анду неутанно рыдавшего народа. Соборную Успенскую церковь, при которой совершено было преступленіе, опредѣлено збурити, а вѣстово нем для уніатовъ выстроить на счетъ гражданъ новую въ большихъ розмѣрахъ и великолѣпн, на колокольѣ ея повѣсити колоколъ, вылитый изъ бывшихъ спонсовъ прежней церкви, изъ вѣчевого колокола и тахъ, которыми бли въ набатъ во время мятежа, а на немъ здѣлать надписи, содержащую короткую повѣсть объ убійствѣ Іосафата. Многихъ гражданъ, признанныхъ комисією меньше виновными, заключили въ темницю, многихъ наказали кнутами, нѣмъ же осудили на изгнаніе изъ города и государства, или розослали на поселеніе въ дальніе города; вся церкви переданы уніатамъ; вся безъ исключенія жители Витебска должны были принять унію, такъ, чтобы въ немъ не осталось ніякихъ слѣдовъ православія.

Вслѣдъ за наказаніемъ Витебска послѣдовало повсемѣстное гоненіе православныхъ по всей Бѣлоруссіи. Въ Полоцку, Могилевъ, Оршѣ и Мстиславль, декретами того-же короля Сигизмунда III, по примѣру Витебска, запрещена православная вѣра, не дозволено строить и починати церквей, всѣмъ жителямъ Бѣлоруссіи вѣдно принято унію и быти, по дѣламъ вѣры, въ послушаніи Полоцкаго архіепископа²⁾.

Убіеніе Іосафата представило удобный случай и папѣ Урбану VIII принять надъ мѣру дѣятельное участіе въ дѣлахъ Бѣлоруссонной церкви. Въ посланіи къ королю Сигизмунду, онъ убѣждалъ его строго наравати убійцъ Полоцкаго архіепископа, угрожая проклятіемъ тому, кто откажется „омыти мечъ свой въ крови виновныхъ“, и советуя не шадити въ дѣлѣ мести ни огня, ни меча, честиа православныхъ названіями еретиковъ и схизматиковъ. Когда же донесено было ему о наказаніи убійцъ Іосафата, то въ другомъ посланіи своемъ къ Сигизмунду, папа благодарилъ и восклавалъ сего короля за его ревность къ истребленію православія.

Два письма папы Урбана къ королю Жигмонту III и письмо митрополита Рутского къ кардиналу Бендонни, яко документы, относящіяся до убійствъ Кунцевича, служатъ также доказательствомъ гоненія православныхъ въ тоежь время. Письма тѣя наводимъ тутъ изъ книги: „Дополненіе къ Актамъ западной Руси, изд. Археогр. Комисією въ Кіевѣ“. Они звучать:

1) Письмо папы Урбана польскому королю Сигизмунду III съ убѣжденіемъ не оставити безъ наказанія Витебскихъ жителей за умерщвленіе Полоцкаго уніатскаго архіепископа Іосафата Кунцевича, 10 Февр. 1634 г.

„Сигизмунду III польскому королю, папа Урбанъ VIII.

Кто дастъ источникъ слезъ очамъ нашимъ, чтобы мы могли оплакати жестокость схизматиковъ и смерть Полоцкаго архіепископа! Вотъ до чего

²⁾ Исторія уніи Бантышъ-Каменскаго; Описаніе Кіево-Софійскаго собора; Архивъ Полоцкой духовной Консисторіи, связка de unione.

дошла свирепость нечестія, которое не насыщается плачем шевинскихъ, а утоляетъ свою жажду развѣ только кровію священниковъ! Святій архіепископъ, прочтенный не митрою только, но и добродетелями, убить въ безответномъ дворѣ преступницъ и свирѣтымъ народомъ. Вотъ какое доказательство ищени Божія надъ тѣмъ народомъ! Дѣло отвратительное для зрѣнія, жалостное для слуха! Слышали мы, что то тако, которое было храмомъ святаго Духа, вичили по стогнамъ города руки разсвирѣпявшихъ, и поворотъ, что дышавшій злобою схизматика, по обычаю варяровъ, съ величайшимъ, световеннымъ нечеловѣческой дотрости поощеніемъ, недовались надъ тѣмъ, кому, должно думать, рукоощенціи Ангелы принесли заглавъ мученичества. Имъ дѣйствительно думаемъ, что церковь можетъ ублажать лучшего изъ епископовъ за сію дорогоценную смерть, за которую преимущественно дается небесное награжденіе. Но жестокость убійцъ не должна остаться не наказанною. Тамъ, где столь жестокое злодѣяніе требуетъ бичей ищени Божія, да проклятъ будетъ тотъ, кто удержитъ мечъ свой отъ крови. И такъ, державшій королю, ты не дождешь удержатися отъ меча и огня. Да чувствуетъ ересь, что жестокимъ преступникамъ нѣтъ пощады. Въ столь гнусномъ преступленіи строгость должна заступити мѣсто милосердія. По сему да отложитъ Ваше Величество всякое промедленіе, и воспламененнымъ благочестивымъ негодованіемъ, да утѣшатся слезами нечестивцевъ, наказанныхъ за огорченіе религіи. Ваше Величество, которому сообщаемъ наше авостольское благоговеніе, можете вѣрнѣ исполнителю сего порученія, нашему почтенному брату, мушкетеру Іоанну, епископу Неледенскому, какъ намъ самимъ. Въ Ринъ у св. Петра, 10 Февр. 1624 г., папства нашего въ первомъ году.“

(Списокъ письма сего доставленъ въ Киевскую Археограрическ. Комисію Зубрицкимъ. Слѣчи Specimen Eccl. Ruth. edit. Kulczyński, Romae, an. 1734.)

2) Письмо уніятского митрополита Іосифа Рутского кардиналу Бондини о разныхъ наказаніяхъ, присужденныхъ Витеблянамъ за совершенное преступленіе, 11 Февр. 1624 г.

Кардиналу Бондини, покровителю, Іосифъ митрополитъ русскій.

Послѣ столь жестокаго убіенія нашего Полоцкаго архіепископа, о чемъ я прежде подробно писалъ вашему превосходительству, августѣйшій нашъ король, смущенный гнусностію дѣла, дабы отвратити отъ всего государства справедливое ищени Божіе за пролітіе крови архіепископа, послалъ въ сей городъ, виновный въ такомъ преступленіи, комисаровъ. Они, идѣя съ собою довольно сильную, состоящую изъ конницы и пѣхоты, стражу — ибо опасались бѣды отъ козаковъ, къ покровительству которыхъ приближнукъ городъ — и употребивши поспѣшность и скорость, въ три дни совершили судъ и исполненіе оного. Отрублены головы двомъ городскимъ первымъ сановникамъ и вразъ съ ними восемнадцати гражданамъ, а итнїя ихъ конфискованы. Около сто другихъ граж-

данъ, бѣжавшихъ въ разныя стороны еще до прибытія комиссаровъ, осуждены на смерть заочно и имѣнія ихъ тоже конфискованы. Отняты привилегіи, даванныя съ давнихъ временъ ему городу польскими королями, разрушена ратуша въ виду всѣхъ, больше осланивавшихъ ту потерю, нежели обезглавленіе ихъ согражданъ; колоколы, въ которыхъ были набаты противъ епископа, отняты отъ всѣхъ церквей, разрушены двѣ схизматическія синагоги; дальнѣйшія же наказанія предоставлены воли короля. Въ слѣдствіе сего напалъ великій страхъ на всѣхъ схизматиковъ, и они стали понимать, что когда сенаторы захотятъ что либо исполнить по приказанію короля, то не смутятъ ихъ угрозы козаками. Межи тѣмъ всенижайшее мое смиреніе покорнѣе поручаю вашему превосходительству. Въ Бытени, 11 Февраля 1624 г.“

(Списокъ сего письма доставленъ въ Кіевскую Археографическую Комисію Зубрицкимъ. Сличі Specimen Eccl. Ruth. edit. Kulczyński, Romae, an. 1734.)

3) Письмо папы Урбана польскому королю Сигизмунду, котораго во схиwаляетъ за наказаніе убійцъ Полоцкаго архіепископа Юсафата, 11 Мая 1624.

„Сигизмунду III польскому королю, папа Урбанъ VIII.

По истинѣ желаю, чтобы врачевныя средства для еретиковъ состояли лучше въ убѣжденіяхъ, нежели въ язвахъ, ибо для любви нашей больше утѣшительно видѣти мечъ вложенный въ ножны, нежели облитый кровью. Однакожь неисцѣлимыя члены нуждаются въ желѣзѣ, дабы отъ пораженныхъ заразою частей не зачало все тѣло. Посему не всегда слѣдуетъ почитателямъ общественной безопасности помышляти только о милосердіи, но иногда нужно употреблять и строгость; ибо наказанія нечестивыхъ сокрушаютъ ихъ дерзость; они злочестіе пьютъ якъ воду и утѣшаются не столько добычею, сколько преступленіемъ. Въ тѣхъ словахъ похвала вашему величеству, гнѣвъ котораго и правосудіе недавно испытали жестоки убійцы Полоцкаго архіепископа. Ибо Витебскъ, который далъ примѣръ столь необычайнаго преступленія, служитъ теперь доказательствомъ мщенія Божія и благочестія короля. Потому, что кто только вспомнитъ о преступленіи сего города, вѣрно жаловаться не можетъ, что святотатственная жестокость свирпыхъ схизматиковъ осталась наказанною. Ты увидишь, что твердыня, защищающая Русины отъ умн, разрушилась, и дерзость тѣхъ, которыми утѣшались бѣдствіемъ католической религіи, усмирится. Думаемъ, что если дѣйствіе вашего величества благоприятно небу, то справедливо, если во схиwаляются словомъ апостольскихъ пасаній. А мы будемъ молити милосерднаго Отца, дабы не допустилъ короля, рожденнаго для благоденствія подданныхъ, дойти до подобной жестокой мьры. Да внушаетъ Онъ Полякамъ желаніе, заслуживати лучше королевское благоволеніе, нежели негодованіе. Въ Римѣ у св. Петра, 11 Мая 1624, нашего папства въ первомъ году.“

(Доставлено въ Кіевскую Археографическую Комисію отъ Зубрицкаго. Сличі Specimen Eccl. Ruth. edit. Kulczyński, Romae, an. 1734.)

Редакторъ Б. А. Дѣдичій.

Зъ печатиъ Ставропигійской.

Пренумера-
та въ годъ
1 ар. 80 кр.,
со „Сло-
вомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Научно-белетристичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 18.

Львовъ 13. Юлія 1868.

РОЧНИКЪ II.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

МУЧЕНИЧЕСТВО ПРАВОСЛАВНЫХЪ И ТАРАСОВА НОЧЬ НА УКРАИНѢ (въ г. 1628).

Убіеніе уніятского фанатика Іосафата Кунцевича въ г. 1623 имѣло для православнаго народа цѣлой Малой- и Бѣлой-Руси якъ найсумнѣйшіи послѣдствія. Прежде всего бо Ляхиня а ксендзы езуиты пѣдняли страшный крикъ по краю: що се ото „шизматикѣ“ черезъ убійство найвѣрнѣйшого папѣжника руйнують панованье Польщи въ земляхъ русскихъ, що затѣмъ потреба сихъ шизматикѣвъ за-для постраху та и для спасенія Польщи якъ найстрожше покарати, а убитого папѣжника якъ найсвѣтлѣйшимъ способомъ почтѣти, возвеличити. Для каранья отже православныхъ, учинившихъ непосредно смерть Іосафату, выслалъ король Жигмонтъ III до Витебска особную комисію, состоящую изъ самыхъ католикѣвъ Ляхѣвъ, которы сейчасъ и занялись изслѣдованьемъ дѣла и выполненьемъ самыхъ найстрожшихъ засудѣвъ. Загорьлость короля Жигмонта и его Ляхѣвъ для тойже справы пѣджегалъ еще больше и самъ папа римскій Урбанъ VIII, который, якъ лише увѣдалъ о сомной погибели своего найпреданнѣйшого приверженца, заразъ-же написалъ до короля „отеческе письмо“ такого содержанья: „що — каже — проклянѣну всякого, кто не схоче омыти мечъ свой въ крови виновныхъ; — а ты, сыну любый, королю державный, не щади ни огня ни меча, абы безъ проволоки и бѣвъ всякой пощады покарати тыхъ нечестивцѣвъ-шизматикѣвъ!“ До тогожъ онъ папа Урбанъ, желая до крайности сфанатизовати Ляхѣвъ противъ православной Руси, нарекъ Іосафата Кунцевича „мученикомъ“, та надалъ ему еще и титулъ „блаженнаго“, предоставляя своимъ наследникамъ, будущимъ папѣжамъ, обголосити его навѣтъ и „святымъ“, якъ скоро ино того окажется потреба и якъ только Ляхи съ уніятами будутъ въ станъ зложити велику грошевую таксу, яка заедно платится въ Римъ, коли роблять тамъ кого святымъ по католическому вѣрованію.

Такое ревнованье папежа въ справѣ наибольшого оныхъ часовъ гонителя св. православной Церкви произвело самыя пожаданныя для Польши дѣйствія. Розгоряченныи умы Ляховъ, езуитовъ и уніятвѣ-перекиначиковъ воспламенились противъ такъ названныхъ папою „нечестивцевъ-шизматиковъ“ до найвысшой степени, яко се передъ тѣмъ еще и не бывало. Ляцкая комисія въ Витебску, тревоженная слухами о выжданной для сего города помочи козацкой, покѣнчила судь въ дѣлѣ убіенія Кунцевича съ наибольшимъ успѣхомъ за три дни, отрубавши головы двадцати Старшинамъ города, засудивши около 100 другихъ людей, успѣвшихъ скрытися, на смертную казнь за-очно, и розграбивши маетки, вольности и права всѣхъ „виновныхъ“, т. е. именно всѣхъ мѣщанъ Витебскихъ, повеже цѣлый городъ Витебскъ осужденъ былъ въ смерти Иосафата „виновнымъ“. А кромѣ сихъ утратъ въ маеткахъ, православныи жители такъ Витебска якъ и другихъ городвѣ Полоцкой епархіи зневолены были перенести еще ббльшую страту на душъ и совѣсти, всѣ бо они засужены были королевскимъ судомъ пѣдъ загроженіемъ смертнои казни приняти ненавистну унію, такъ, щобы въ тѣхъ городахъ и слѣдвѣ нѣякихъ святого православія не осталось. Для выполненья того засуду прислано въ бѣло-русскіи города велику силу ляцкого войска, — и такъ доконалось сердечное бажанье папы Урбана, що не тѣлько побтрубовано головы виновнымъ, але еще защпляно науку папешкой уніи мечемъ и огнемъ, т. е. именно средствами, якими лишь у дикихъ народвѣ Азіи розширялося колись-то лжеученіе бисурманства. И въ знакъ признанія такъ великихъ заслугъ короны польской для справы Рима, тойже папа Урбанъ VIII написалъ въ г. 1624 до короля Жигмонта еще одно „отеческе письмо“, въ которомъ найлестнѣйшими словами дяковалъ сему королеви и выхвалялъ его за замученье многихъ „шизматическихъ“ душъ и за истребленье въ Бѣлой-Руси святого православія!

Се гоненіе русскаго народа въ земляхъ Полоцкой епархіи побудило многихъ людей тыхъ-же сторонъ до переселенья будъ за Днѣперъ въ украинскіи степы, будъ въ далекіи предѣлы велико-русскаго царства. Въ числѣ таковыхъ гонимыхъ переселенцевъ былъ также православный Владыка Мелетій Смотрицкій, на которого падало явное подозрѣнье, що за его то пѣдмовою чи якимъ-то неосторожно выреченымъ словомъ горожане Витебска умертвили ненавидѣннаго всѣми Кунцевича. Сей-же Владыка Смотрицкій укрывся сперва передъ преслѣдованьями Ляховъ въ земли реестровыхъ козаковъ, однакожь не видячи и тутъ безпеченства для своей особы, переѣхалъ потомъ ажъ до Цареграда, где и жилъ кѣлька лѣтъ при дворѣ самого православнаго Патріарха. — Въ земляхъ отже бѣло-русскихъ доказали Ляхи, якъ знаютъ они пановати надъ русскимъ

народомъ и господарити его маетками. Въ теченью одного лѣта нестало половины людей въ Полоцкой епархіи: одни были перебиты, другіи разбѣглися по далекому свѣту, а остальные всякими муками пересилваны до уніи. Опустыли было-русскіи города, якъ Полоцкъ, Витебскъ, Могилевъ, Орша и Мстиславль, красующіися колись-то всякимъ благобытомъ, богатимъ мѣщанствомъ и численными православными храмами, которы теперъ всь разграблены латинниками и уніятами. Опечалилась вся земля докола престольного Полоцка, и въ тяженькомъ ей горю нестало для ней помочи-потѣхи анъ навѣтъ отъ сусѣдного козачества, — понеже бачитѣ и наше козачество по смерти славного Гетмана Сагайдачного зновъ якось-то на-часъ было зауныло, пѣднепало та розстроилось.

А была-жь съ тѣмъ нашимъ украинскимъ козачествомъ така звычайно пригода, що вся слава и сила его лежала не то въ великомъ числѣ воинѣвъ, а бѣльше въ дѣльномъ и умномъ Гетманѣ-военачальнику. Якъ ино найшолся коли такой добрый Гетманъ-военачальникъ, то чи малъ онъ 10 чи 30 тысячъ козацкого войска, его поважано у всѣхъ народѣвъ, и ніякій ворогъ не занепокоилъ Украины безкарно; якъ же нестало такого дѣльного Гетмана, тогда вже и слабосильная Польша важилась бороздити по Украинѣ, та кидаючи якую-будь кѣсть незгоды межі простое козацтво, пановала собъ надъ роздвоенною братьею по своему, т. е. по ляцки. Таке-то несчастье приключилось Украинѣ и по смерти великого Батька-Гетмана Сагайдачного, который не оставилъ по собѣ въ Старшинахъ козацкихъ ніякого умного наслѣдника, достойного заняти славное его мѣстце. Затѣмъ то и сталося, що отъ г. 1622 Украина черезъ цѣлыхъ 6 лѣтъ томилась безначаліемъ, не имѣючи своихъ Гетманѣвъ; а хотя и выбирались тамъ гдѣякіи начальники, которы зъ-проста назывались ино Атаманами, но они выбирались не всѣмъ козацкимъ народомъ, и до того нѣкоторые зъ нихъ были ляцкіи лизуны и измѣнники.

За тыхъ то 6 лѣтъ по смерти Сагайдачного удалось панамъ Полякамъ завладѣти на Украинѣ такъ-же само, якъ-бы въ несчастной Полоцкой епархіи, та ѳтакъ всь русскіи земли ѳтъ Карпатъ и Сяна ажъ по-за Днѣперъ выносили на собѣ еднакій спосбѣ ляцкого правленія. А тое правленье — якъ пише одинъ чужесторонный лѣтописецъ, именовъ Бопланъ, пребывавшій тогда въ нашей Руси — тое правленье состояло въ найстрашнѣйшомъ пригнетенію селянского народа, особливо русско-православного. „Русскіи селяне — такъ оповѣдаѣ той писатель Бопланъ — доведены до цѣлковитого разоренія; они приневолены по три дни въ недѣлю робити панщину, должны давати своему дѣдичу по кѣлька паръ каплуноѣвъ, куръ, цыплатъ, гусей и другой дробі. Дань тая выбиралась по 3 разы до року: около Великодня, Духова дня и Рѣздва.

*

Кромѣ того русскіи селяне обязаны возити дрова на панскій двѣръ и исполнати тысячи другихъ изнурительныхъ работъ, не говорячи уже о податку ихъ въ грошахъ, о десятинахъ зъ овецъ, безрогихъ, зъ меду и всѣхъ плодѣвъ древесныхъ и земельныхъ. По истеченію же трехъ-лѣтія тѣи селяне должны отдавати въ панскій двѣръ третого вола, третій приплодокъ всякой скотины — словомъ, все, що лишъ подобается панамъ ихъ; а для того и не дивно, що сїи несчастныи люде на Руси не мають у себе — якъ говорится — ни кола, ни двора, та и ничего, що бы своимъ могли назвати. Но то еще не все: паны дѣдичи, отнимаючи цѣле имѣнье у селянъ, отбирають произвольно навѣтъ ихъ житье, и за тое не подлежатъ ніякому суду въ Польшѣ. Такъ неограниченны суть вольности ляцкой шляхты! — Наши же русскіи летописецъ зъ оныхъ часѣвъ, оправдуючи совѣстно цѣле то оповѣданье чужинця Боплана, записали о тыхъ збыткахъ, чиненныхъ Ляхами на Руси, еще и ось-тое: „Для православныхъ людей Руси установлена кромѣ того еще особная дань, похожа на оную, яка въ Евангельскихъ книгахъ описуется на дни Антихриста. Ото бо приказано было въ земляхъ русскихъ, чтобы передъ Великоднимъ праздникомъ пасхальныи хлѣбы продавались подъ стражею ляцкихъ урядниковъ. Всякій уніать, коли ишолъ куповати такіи хлѣбы, долженъ былъ имѣти на груди доскуть паперу съ надписію: „уніать“, и такому продавалась паска безъ уплаты особного податку. Православныи же, которы не имѣли на грудяхъ такой надписи, не смѣли купити паску иначе, якъ оплативши на-передъ особную дань, котора состояла въ серебрянной монетѣ и въ бохонци хлѣба. Въ многолюднѣйшихъ городахъ и мѣстечкахъ торгъ пасками былъ отданъ на откупъ жидамъ; откупчики или арендаторы не только брали дань тую безъ пощады, но еще розсчитовали, кто скѣлько пасокъ долженъ былъ купити по числу душъ въ родинѣ, и купующому меньше силою накидовали бѣльшій запасъ пасокъ. Господари, которы самы у себе пекли паски, оставали подъ надзоромъ; ихъ паски были оцѣняемы при церквахъ въ часъ освященія, и потомъ якъ на покупныхъ, такъ и на домашнихъ паскахъ клеали знаки крейдю и углемъ, чтобы никто не ускользнулъ отъ пасхального податку. И такъ — заключае наша летопись — поганое жидовство, производячи надъ Христіанами въ ихъ власной земли такую тяжкую наругу, самы межѣ тѣмъ пейзахи свои отпращали свободно, и проклинали Христіанъ и вѣру ихъ въ своихъ божницахъ, на русской земли устрѣзанныхъ, дерзко и невозбранно; а Поляки тѣмъ утѣшались, еще и помагаючи во всемъ жидамъ и дѣлаючи имъ всякіи пособія и потачки“.

Другій еще летописецъ русскій зъ тыхъ-же часѣвъ расповѣдае о томъ, що дѣялось тогда на нашей Руси, въ такой ото способъ:

„Съ бѣдою вздержовали себе Поляки бѣгъ крайного угнетанія православныхъ Русинбѣ, доки еще находился въ живыхъ страшный для нихъ Гетманъ Сагайдачный. Однакожь якъ того Гетмана не стало, а православныя люде Полоцкой земли подражали Ляхбѣ черезъ убійство одного ихъ приверженца (Куницевича), тогда злоба ляцка съ удвоенною силою обрушилась на цѣлый народъ русскій и гоненія обновились по всей Руси съ неслыханымъ дотолѣ бѣшенствомъ. Такъ въ Кіевѣ велепный Софійскій храмъ и другіи церкви были опустошены, а Выдубицкій монастырь Ляхами до-чиста ограбленъ; въ Луцку православныя церкви перетворены въ магазины на горьку. Въ Холмѣ и во Львовѣ запрещали Ляхи вже не тѣлько хоронити публично тѣла православныхъ, але навѣтъ ходити явно со святыми Тайнами до умирающихъ. Въ Вильнѣ церкви православныхъ замѣнены въ корчмы, кухни и гостинницъ; люде же чиновны и цеховыи, скѣлько ихъ было православной вѣры, удалены отъ урядовыхъ званій и отъ засѣданій въ собраніяхъ, та еще и заперты въ подземныи темнищи. Если кто духовными завѣщаніями по усердію своему запише що-нибудь на православную церковь, то принимати сего ніякъ не дозволяется; также не допускается нигде на такъ званой шляхотной земли будовати каменныхъ церквей. Въ Минску церковная земля бѣдана пѣдъ постройку бисурманскихъ божищъ для татарскихъ колонистбѣ; людеи, не желающихъ присоединитись къ униі, заключаютъ въ оковы или выгоняютъ изъ города; православныхъ священникбѣ сажаютъ въ бочки и мучатъ ихъ всякими муками; церкви всѣ позапечатованы, и навѣтъ въ загородныхъ шалашахъ строго запрещено правити литургію, а кто не хоче йдти до костела съ процесією, того казвать смертію. — И въ тоежь время наказано реестровымъ козакамъ избирати вольными голосами Старшинъ и Гетмана, а препоручено имъ повиноватись польскому Гетману коронному, и всѣ маестности прежнихъ Старшинъ козацкихъ забрано и роздано межи ляцкихъ магнатбѣ. Оттакъ вольныи козаки перетворены въ простыхъ раббѣ, а кромѣ звычайныхъ подымныхъ и поземельныхъ податкбѣ на нихъ якъ и на весь русскій народъ наложены еще двѣ новыи дани, такъ названныи Ляхами индукта и евекта, т. е. податокъ бѣгъ закупна и продажи всѣхъ встныхъ припасбѣ, и бѣгъ всѣхъ другихъ рѣчей и животныхъ, якіи лишь на торгъ выводятся“.

Такіи невыносимыи притѣсненія мало-русского народа понудили наконецъ въ г. 1625 и самого Кіевского воеводу, поставленного Поляками, до того, що онъ-же переслалъ до короля и до сенату въ Варшаву жалобное письмо о горестномъ состояніи Украины, доведенной до крайности господарованьемъ магнатбѣ, урядникбѣ и полчищъ ляцкихъ. Сей Кіевскій воевода, хотя самъ человекъ польского

роду, представляя въ своей жалобѣ королю и сенату, що мѣра своевольства ляцкихъ урядникѣвъ на Руси превосходитъ всякое терпѣніе, и що затѣмъ новыхъ бунтѣвъ козацкихъ ожидать нужно. Но письмо Кіевскаго воеводы не произвело въ Польшу ніякого дѣйствія; кромѣ бо одного королевича Владислава, который яко-такo сочувствовалъ козакамъ, познавши самъ лично ихъ добрыя свойства на войнахъ съ Москвою и съ Турками, не найшлася впрочемъ въ Варшавѣ ни одна душа, котора якимъ-будь способомъ уймила бы ся за несчастнымъ русскимъ народомъ. — За то въ далекой далечинѣ, ажъ за нѣмецкимъ моремъ откликнулся дружескій голосъ за страдающими козаками Украины, а се былъ именно голосъ короля лютеранскихъ Шведѣвъ, Густава-Адольфа, который одинъ изъ-середы многихъ монархѣвъ западной Европы мерзился лукавыми дѣлами католикѣвъ-езуитѣвъ, та при всякой способности не тѣлько обставалъ за угнетенными черезъ католикѣвъ народами, но и провадилъ за добрую справу тыхъ народѣвъ долготную войну въ Нѣмечинѣ. Сей то умный король Густавъ-Адольфъ писалъ до Жигмонта III въ Варшаву укорительное письмо въ такихъ ото словахъ: „Въ войскахъ польскаго королевства головную силу становятъ русскіи козаки, которы на всѣхъ войнахъ отличались всегда хоробростию и мужествомъ, не имѣющимъ на свѣтъ примѣра. Я самъ, воюючи съ Польщею за край Лифляндскій, имѣлъ способность подвигати великіи подвиги тыхъ людей, безпримѣрное послушаніе ихъ къ начальству и терпѣніе въ нуждахъ и тягостяхъ воинскихъ. И для того не могу смотрѣти днесъ холоднокровно на чинимы войску козацкому и всему народу Руси безчеловѣчными насилія и варварства, якіи творятся отъ своеволія Полякѣвъ, и якіи цѣлый свѣтъ приводятъ въ ужасъ и негодованіе. Въ виду таковыхъ насилій, производимыхъ подъ бокомъ и зъ дозволенія польскаго правительства, я увѣрился нынѣ достаточно, що съ такимъ правительствомъ, допускающимъ войска свои и шляхту до беззяду, а вельможъ и дукѣвъ своихъ до неограниченной самоволи, презирающей права личны и народныи — съ такимъ правительствомъ не можно надѣяться на сохраненіе союзѣвъ и договорѣвъ, заключенныхъ съ сусѣдными державами, а належитъ поступати съ нимъ всегда просто якъ-бы съ непріятелемъ людскости“.

Заступничество короля Шведскаго, могучаго на тотъ часъ владѣтеля, переполохало Жигмонта III и ляцкихъ магнатѣвъ, та они прирѣкли сдѣлати все возможное для улегченія долъ русскаго козачества. Они собрались на Варшавскій соймъ, — а тутъ якъ звычайно уладили дѣло по своему, по ляцки, т. е. отложили всѣ обѣтницѣ до будущаго сойма, якъ се уже звыше 250 лѣтъ заедно безъ успѣха откладали.

А межѣ тѣмъ на Украинѣ все шло въ наибольшомъ безладу: Ляхи пригнетали народъ русскій, козакамъ же не давали выбрать добрыхъ Гетмановъ, хіба лишень якихъ перевертѣвъ ставили имъ Атаманамѣ. Таковыми были зъ г. 1623 до 1625 Атаманы: Олиферъ Стеблевецъ, Богданъ Конга, Тимко Жара и Максимъ Григорьевичъ, которы всѣ, нелюбимы козаками, кѣнчили жизнь свою то въ безвѣсти, то и пѣдъ саблями самыхъ-же Запорожцѣвъ, каравниихъ такую нечисть на-скоро смертію. Ажъ въ г. 1625 Запорожцы выбрали собѣ настоящимъ Гетманомъ Михаила Дорошенка, который хотя не долго правилъ и кромѣ одной счастливой выправки на Татаръ, впрочемъ ніякимъ великимъ дѣломъ не отзначился, однакожъ въ исторіи козачества памятнымъ сталъ бѣнъ уже черезъ тѣ саме, що изъ его роду пѣишолъ знакомитый Петро Дорошенко (внукъ), прославившійся потомъ широко по русскому міру, яко о семъ розказано буде дальше въ той нашей Исторіи.

За тѣхъ часѣвъ, коли не стало дѣльныхъ Старшинъ русскихъ вже навѣтъ и въ славетномъ козацкомъ станѣ, вся потѣха-надѣя православной Руси возложилась на Святителей-Владыкъ, которыхъ поставилъ былъ для насъ еще за гетманства Сагайдачнаго Патріархъ Теофанъ, щирый Другъ-Отецъ русского народа. И по-правдѣ-жъ оныи Владыки наши, съ изытіемъ одного Мелетія Смотрицкого, зневоленного тогда убѣжати до Цареграда, всѣ съ наибольшимъ пожертвованьемъ исполняли священную задачу отеческого попеченія и духовной опѣки надъ несчастнымъ своимъ народомъ. Они то, не уважая на запрещенія короля и сойма польского, провѣзжали середъ очевидного для нихъ небезпеченства по законныхъ своихъ епархіяхъ, и тутъ яко-мога, явно или тайкомъ, увѣщали свѣй народъ въ правдивой вѣрѣ Христовой, ободряли его падающій духъ, предвѣщая будущую помѣчь отъ Царя Великой Руси. Наибольше же изъ всѣхъ нашихъ Владыкъ ревновалъ въ тѣмъ щиро-русскомъ дѣлѣ самъ Кіевскій Митрополитъ Іовъ Борецкій, мужъ съ великимъ умомъ и жарко-любивнымъ сердцемъ для матери-Руси, который надъ всѣхъ имѣлъ наибольшое довѣріе и любовь и славу у народа земель русскихъ. Сей-то Митрополитъ Іовъ Борецкій, душевно страдаючи всѣми страстями народа-мученика русского, коли уже большому сердцу не стало терпѣнія, выслалъ въ г. 1625 отъ имени цѣлой Малой-Руси изъ Кіева въ Москву Луцкого Епископа Исакія, поручивши томужъ просити умилио Царя Михаила и Патріарха Филарета, абы они приняли пѣдъ свою отеческу власть весь нашъ русскій край ѳтъ гѣрѣ Карпатскихъ ажъ до степѣвъ при-Донскихъ. И Владыка Исакій, одержавши такоежъ препорученъе и ѳтъ прочихъ русско-православныхъ Владыкъ и ѳтъ начальныхъ людей Запорожского войска,

предсталъ въ Москвѣ передъ высоку Думу царскую, и тутъ-же въ ядренныхъ словахъ очерталъ все невыносимы муки православнаго народа и его Церкви на Украинѣ, Волюню, Подбѣлю и въ Галичи, представилъ также а теперѣшне безсиліе украинскихъ козаковъ, Ляхами на-скрбѣзъ придавленныхъ и чающихъ помочи и спасенія единого зъ милости православнаго Царя всея Руси. „У нашихъ Русинѣвъ — такъ закончилъ Владыка той свою бесѣду — одна тѣлько дума у всѣхъ: якъ бы поступити пѣдъ Царскую руку. Мы убояемъ Поляковъ, але еще бѣльше страшимъ ѳтказа Царского! Намъ, притѣсненнѣмъ Русивамъ, кромѣ Батька русскаго Царя, никуда уже и дѣватися!“ — Царь Михаилъ и отецъ его, Патріархъ Филаретъ, выслушали рѣчь Епископа Луцкаго благосклонно и любовно; однакожь они, яко владытели на-скрбѣзъ православны та надъ всяку мѣру честныи, изъявили при той спѣсобности, що на-теперь Великая Русь, заключивши перемиріе съ Польщею, должна свято сохранятьи Царское слово мира, и що затѣмъ нынѣ не пора ѳтберати ѳтъ Польши все тое, що яко наслѣдіе ровноапостольнаго Князя Владиміра зъ-поковвѣка одной Руси принадлежить; „а таки — такъ заключили они — прійде свѣдъ часъ, и ѳнъ недалекій, коли наша Москва пѣдниметъ спасти васъ та вже ніякъ не дасть загинати рѣдноій братіи пѣдъ гнетомъ злобивыхъ католикѣвъ, пѣдъ бременемъ тяжелаго ярма ляцкаго. Мужайтесь, потерпѣте до времени и съ бодрѣмъ духомъ выжидайте нашої помочи!“ Тѣми словами успокоивши Епископа Исакія, Царь Михаилъ и Патріархъ Филаретъ одарили его щедрыми дарами и отправили черезъ него-жь къ Митрополиту Кіевскому чудно-красивый образъ Пресвятой Богородицы въ золотомъ окладѣ, съ многоцѣнными каменями, препоручая у Божой Матери молити прискоренія дие Руси нашої воскреснаго.

Посольство Луцкаго Епископа въ Москву хотя отбывалось скрыто и безъ вѣдома Ляхѣвъ, однакожь оно, яко событіе великои ваги пѣдъ взглядомъ державнымъ, вскорѣ стало розгласне по всему свѣту, затѣмъ извѣстне стало и въ Варшавѣ. Ничого-жь и толковати, що розлютило оно панѣвъ Ляхѣвъ до найбѣльшой крайности, и подало причину до тяжшихъ еще гоненій Руси. Сейчасъ въ началъ г. 1626 король Жигмонтъ III выслалъ свѣзжіи силы свога войска на Украину, въ которой вже и такъ неставало куръ и другихъ ласощей для прокормленія численныхъ урядникѣвъ и залогъ войсковыхъ ляцкихъ, понаставлянныхъ тамъ уже ѳтъ лѣтъ пяти. Началось ѳттакъ новое ляхолѣтіе, страшнѣйшее ѳтъ всѣхъ досель бывшихъ. Съ хищными ляцкими полчищами нагрянули на край голодныи толпы жидѣвъ, которыи надъ мѣру розмножившись въ мѣстечкахъ польскихъ и не маючи тамъ вже зъ чога и жити, волоклися въ плодоносныи земли русскіи, тай тутъ

по милости пановъ-шляхты изъ голоколяницѣвъ ставали богатыми арендаторами.

А щобы панованье польской короны и жидовства на Украинѣ закрѣпити и належито поддержати, панове Ляхи поставили въ г. 1627 головнымъ Атаманомъ всѣхъ войскъ козацкихъ своего бывшего пахолка, именемъ Грицька, походившого — якъ кажуть — зъ роду выхрестовъ. Сего-то Грицька, которого по родинному имени ани навѣтъ Ляхи кликали не умѣли, приказано было называти козацкимъ Гетманомъ, мовь-бы то на соромъ и на поруганье честного гетманского достоинства. Же-гетманъ Грицько, на-скрѣзь приверженець яцкій, провадилъ свое дѣло такъ, що по цѣлымъ днямъ и ночамъ бенкетовалъ съ польскими войками, а Запорожцямъ отбералъ сабли, стрѣльбы и списы, стараючись такъ до-чиста ихъ обеззоружити. Не стерпѣли-жь Запорожцѣ той своей неславы: они збунтовались, убили Грицька и вольными голосами выбрали Гетманомъ Корсунского полковника, Тараса Трясила.

Бунтъ козацкій и выборъ нового Гетмана Тараса Трясила затревожилъ Ляховъ не-помалу. Чуяли они мовь бы то-тѣ круки по вони воздуха зновъ приближенье кровавого времени. Оно-жь на то вскорѣ и вышло. Весною бо 1628 г. Гетманъ Тарасъ, бажаючи дати себе познати Полякамъ, выпровадилъ изъ Сѣчи своихъ Запорожцѣвъ и двинулся къ Переяславлю. Дорогою число козаковъ умножилось до 30.000 мужа, — и такъ на самъ той голосъ, що росправа поднимается съ Польщею, и що на чель возстанья стонѣтъ знову дѣльный свѣй Батько-Гетманъ, на самъ той голосъ мовь-бы зъ-подо земли воскресло наше козачество полною громадою! — У Переяславлѣ Гетманъ Тарасъ ставуль укрѣпленнымъ таборомъ межи двона рѣчками Трубежемъ и Альтою, ожидая тутъ нападу отъ Поляковъ.

А Поляки то, которы лишь могли поднати оружье, сходились туда отъ всѣхъ сторонъ Украины, ба надтягнули еще и новыи силы зъ глубины Польши, та и всѣ они подъ начальствомъ коронного Гетмана Конецпольского расположились тутъ-же противъ табора козачого. Щоденно нападали они на таборъ нашего Гетмана; однакожь укрѣпленія, обозы и пушки козацкыи не допускали ихъ ворватись въ ряды Запорожцѣвъ, и щоденно отправляно ихъ оттуда съ кровавыми головами. Козаки ажъ кипѣли отъ горячей жады, щобы тоже имъ иди разъ приступомъ на таборъ вражій; но Гетманъ Тарасъ, имѣючи плянь свѣй добре обдуманной, здержовалъ жаркыи загоны брати. — Вскорѣ наступилъ день католицкого свята, именуемого Божиимъ тѣломъ; въ день той производились увеселенія и игрища въ таборѣ яцкомъ, носились олтарики а цвѣтами убранныи образы при спѣвѣ латинскихъ пѣсней и выстрѣлахъ зъ пушокъ та самопаловъ. Козаки смотрѣли на

тія ляцкія игрища спокойно изъ своего табора, и поки былъ день, не двигались изъ мѣстця. Однакожь якъ лишь смеркнуло, тогда часть козацкаго войска проползла ползкомъ въ одну изъ трещинъ, здѣланныхъ въ польскомъ таборѣ, и тамъ дожидалась условленного знака. Наступила нѣчь, — самъ Гетманъ Тарасъ выступилъ изъ своихъ окодѣвъ, а передъ до-свѣтомъ ударилъ зъ двохъ сторонъ на ляцкій таборъ. Пацове Ляхи по бѣльшой части спали еще послѣ вчерашняго похмѣлья крѣпкимъ сномъ; многіи зъ нихъ пробудились, но уже запѣзно. Козаки уже бушовали по всему табору: передоптавши, переколовши и перерѣзавши бѣльшую часть ляцкаго войска, остальныхъ потоцили въ рѣцъ или розогнали въ степь. Цѣлый обозъ ляцкій съ премногимъ оружіемъ, съ пушками и всякими богатствами достался въ руки побѣдителямъ. Ляхи стратили тутъ кѣльканадцять тысячъ мужа, а самыхъ найзначнѣйшихъ магнатѣвъ лягло въ ихъ таборѣ до 300 головъ. Лишь маденькая ихъ горстка пѣдъ проводомъ пана Гетмана Конечпольскаго съ великою бѣдою спаслася бѣгствомъ въ поля за рѣку.

Битва тая пѣдъ Переяславемъ названа козаками Тарасовою нѣчию, и память ей долго славилась на Украинѣ въ день ляцкаго Божого тѣла. — Тарасовая нѣчь открыла козакамъ дорогу до новыхъ торжествъ. Сей-часъ бо послѣ ней Гетманъ Тарасъ роздѣлил свое войско на многи поменьшія отряды, и розслалъ ихъ для очищенья русскихъ селъ и городѣвъ ѳтъ Полякѣвъ и жидѣвства. Тогда мѣсть козацкая пала на врагѣвъ Христіянства всею тяжестію. Многіи тысячи ляцкихъ и жидѣвскихъ душъ лягли пѣдъ ножами розъяренныхъ Украинцѣвъ. Лѣтописецъ наши изъ сихъ часѣвъ оповѣдають, що козаки и сеяне на Украинѣ, беручись рѣзати жида, припѣвали ругательства, якими арендаторы обременяли Христіянъ при роспродажи пасхальныхъ хлѣбѣвъ, напоминали ему при тѣмъ значки уголькомъ и крейдою на паскахъ, а потомъ безъ пощады зарѣзовали. — Такъ то въ г. 1628 возставшая Украина карала своихъ зловивыхъ мучителей!

А настала тогда для Полякѣвъ така несчастная година, що они сараки навѣтъ и не могли сейчасъ ѳплатити козакамъ за страсти Тарасовой нѣчи. Король бо Шведскій, дѣльный Густавъ-Адольфъ, оскорбленный неуваженіемъ, якого дозналъ ѳтъ Ляхѣвъ въ справѣ предстательства своего за козацкую Украину, а также и зъ причины спорныхъ земель Лифляндскихъ, объявилъ войну королю Жигмонту III, та затѣмъ Польша зневолена была силы свои на Шведѣвъ обернути. Зъ другой же стороны такожь и Царь русскій чѣмъ-разъ наглѣйше упоминался о занятую Ляхами Смоленскую область, такъ, що и ѳтъ Москвы была Польшѣ грозила велика. Не можъ былъ отже нѣякъ Ляхамъ съ козаками тогда расправлятися.

(Дальше буде.)

СВАДЕБНЫМЪ ЗВЪЧАНІЕМЪ У ШАРИШСКИХЪ СЛОВАКОВЪ.

Какъ скоро становится известнымъ, что молодецъ избралъ собѣ будущую „сожительницу“ и затѣмъ согласился просити ю, одной Суботы вечеромъ берутъ юношу одинъ мужчина и женщина (не сродники) за руки, и уводятъ къ назначенному дому, где уже сваха (т. е. мати дѣвица) и староста (мужчина) ожидаютъ ихъ. Прибывшіи произносятъ звычайное: „Похвалени будзъ панъ Іезусъ Крѣстусъ!“ на что домашніи отвѣчаютъ: „Ажъ на веки амень. Вѣтайде у насъ! Скадзи ходзѣце? Яку новину доношѣце?“

Прибывшіи отвѣдаютъ: „Далеко сме ходзилъ, песту (дорогу) сме заблудзилъ“. — Домашніи: „Седайце!“ — Прибывшіи говорятъ, что не имѣютъ времени, звезды ищутъ для своего „кравевича“.

Между тѣмъ молодая въ прибочной коморѣ подслушаетъ, — выходитъ съ заплаканными очима въ избу, что-то глядаеть, не находитъ и снова отходить въ комору.

Староста изъ стороны юноши говоритъ: „Звѣзда, котору мы искаеме, есть сія, радуемеса, что знашли ю у васъ, позвольте осмотрѣти ю въ сокровенномъ убажѣци“. (Отходить съ запаленною свѣчкою, приводитъ дѣвицу за руку въ комнату и поставляетъ на серединѣ).

Тогда начинается староста долгую свою рѣчь, начавши съ Адама и Евы, продолжаетъ Ноемъ, Мойсеемъ, а кончитъ Товіею и кана-галилейскимъ бракомъ. — Подъ тѣмъ часомъ дѣвки приносятъ цвѣты, роздаютъ между гостями, такъ, что найкрасшій букетъ достанется юношѣ, — староста же заключаетъ свою рѣчь желаніемъ, отступить звезду ясную солнцу-королевицу.

Родители говорятъ, что тое зависитъ отъ ихъ дочери.

Дочь: „Если такъ угодно Богу, то и я не противна“.

Староста: „Будьте одно цѣло“. Съ тѣмъ связываетъ досницы молодыхъ бѣлымъ платкомъ, держать опять бесѣду, зачѣмъ слѣдуетъ вечера съ неизбѣжными, пестрыми тоастами.

На другій день (въ Недѣлю) два дружбы верхомъ обходятъ хаты, призывають заученными рѣчами гостей на заручаны даже и изъ другого села. Обѣ стороны своихъ гостей приводятъ въ костель, гдѣ должно происходить обрученіе. Заключаютъ даже и договоръ на счетъ приданого. Сего дне съ полудня зажиточныи рѣжутъ вода и выкачаютъ цѣлу бочку паленки (горѣлки) на дворъ, и гостятъ почти цѣло село.

Послѣ уже слѣдуютъ приготовленія къ свадьбѣ.

По скончаніи вѣнчанія въ костель, на возѣ или пѣхотою, но въ торжественной тишинѣ, свадебный людъ отправляется въ домъ молодежи, тамъ

остановится въ кругу предъ домою, по серединѣ круга стоитъ староста, держитъ бесѣду о супружествѣ, о сожитіи новобрачныхъ, — а докончивши бесѣду, весело скокитъ на его мѣсто „старшій дружба“, и тоже о Маеузалеи, Ноѣ и прочей археологіи держитъ рѣчь, наконецъ умоляетъ, чтобъ свадебныи гости вступили внутрь; — тутъ возьметъ въ руки палку, на концѣ которой привязанъ есть ручникъ, а въ лѣвую блюдо съ водою, съ большимъ патосомъ говоритъ объ крещеніи Іоанна на Іорданѣ, — а когда скончитъ, тогда присутствующіи подходятъ и умываютъ руки въ водѣ, утирая въ ручникъ.

По окончаніи сего умовенія воду выливаютъ, а въ порожнюю миску бросаютъ мѣдныи гроши. За симъ слѣдуетъ вечеря, но прежде чѣмъ умѣстятся за столъ, гости отмовляютъ „Отче нашъ“ и „Здравась Марія“.

Угощеніе порядочно продолжается два дни — первый день въ домѣ молодой, а второй въ домѣ юноши.

Во время пира, дружба поднося блюда, декламуетъ стихи, направляя свои воззванія къ старостѣ. Между яствіями самое первое мѣсто занимаетъ каша, вареная въ молоку. Подъ часъ угощенія звучитъ музыка, а паробки пляшутъ соло. Вставши отъ стола, мѣсто старшихъ занимаютъ молодцы; въ тотъ часъ музыка утихаетъ, такъ какъ и въ циганскихъ (музыкантскихъ) рукахъ теперь не смычокъ, а ложка и боклагъ съ виномъ. — На концѣ обѣда опять сзвется музыка, тогда староста роздаетъ дѣвчата молодцамъ до танцю.

Одинъ дружба пляшетъ съ молодницею, послѣ снимаетъ съ нея вѣнецъ (парту), ленты и цвѣты изъ головы. Затѣмъ юноша беретъ свою невесту и отходитъ съ нею на подъ (повалу), гдѣ спятъ тую ночь, ажъ когда рано разбудятъ ихъ музыкою.

Вечеромъ одна часть гостей расходится, а другая гуляетъ ажъ до бѣлаго дня. — Утромъ вновь собираются гости. Староста или одинъ изъ дружбъ подаетъ молодой, теперь уже новобрачной, чепчикъ, котора возлагаетъ его на свою голову, затѣмъ отпроважаютъ ю къ рѣцѣ или потоку, для умовенія.

Спустя три дни, гости посылаютъ подарки новобрачнымъ, которыми состоятъ по большей части изъ жизненныхъ припасовъ. *А. Кралицкій.*

ДѢЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ ПОСЛА ЧОКОГО.

1. О томъ, какъ Данило повернулъ въ войны и що говорили люде.

Въ одну Недѣлю вечеромъ, коли въ селѣ Золотой Полянѣ молодыи парени и дѣвчата сидѣли подъ старыми липами, пѣли пѣсни и смѣялись, а селяне

постаршіи, хлебнувши въ корчмѣ лишнюю чарочку, выходили изъ нея пошатываясь, въ село прійшолъ рослый, статный мужчина. На немъ былъ сѣрый плащъ, а за плечами стрѣльба и дорожная торбинка. Онъ зъ виду былъ суровъ; глубокій шрамъ виднѣлся на лбѣ, а огромныя черныя усы до того напугали маленькихъ дѣтей, що они со страху разбѣжались въ рѣзныя стороны. Однако двѣ старухи, съ которыми онъ заговорилъ, узнали его сейчасъ и закричали другимъ: „Ей, вы, молодцы! вѣдь то Данило, сынъ нашего бывшего школьного учителя, который 17 лѣтъ тому назадъ поѣхалъ до войска. Посмотрѣть, якъ онъ выросъ, якъ возмужалъ!“

На крикъ старухъ изъ-подъ липъ и изъ домѣвъ збѣжались старыя и молодыя, и скоро все село окружило Данила.

Данило поздоровился со старыми знакомыми, поклонился пріязно каждому, и сказалъ имъ, що онъ опять вернулся въ Золотую Поляну, що ему жизнь вояцкая надоела, и що онъ съ радостію оставилъ службу. — Тутъ каждый на-перерывъ приглашалъ Данила до себе, чтобы выпити за его здоровье и послушать его рассказы о войнѣ.

Данило поблагодарилъ, но отказался подъ предлогомъ, що усталъ зъ дороги и хоче одотхнути.

— Кто жіе въ домъ покойного отца моего, запыталъ онъ: и кому отдали его поле?

Тогда мельникъ вышелъ въ-передъ и сказалъ: „Я отдалъ въ наемъ и домъ и поле твое ткачу Стефану Чернышу, но теперь, коли ты вернулся, онъ все тебя здасть зъ рукъ на руки. Громада поставила мене опѣкуномъ надъ твоимъ имѣньемъ. Прожій у мене день-два, поки Чернышъ не найде собѣ другой хаты, а я тебя во всемъ отчетъ отдамъ.“

Мельникъ повелъ своего гостя до себе, приказавши женѣ приготовить постель и подати вечеру. Данила нужно было много спросити где-о-чемъ: о всемъ, що случилось въ селѣ послѣ него; мельникъ и жена его охотно отвѣчали на всѣ вопросы.

Заговорились они далеко за полночь, а Данило покуда все посмотривалъ черезъ стѣлу на красивую дочку мельника, Марію. Уже и хороша же была Марія съ черными очками! Она тоже охотно глядела черезъ стѣлу, потому що Данило былъ красивъ навѣтъ съ огромными усами, если къ нимъ пригляднись, а въ лицѣ его было що-то привлекательное. Ей страшно было говорить съ нимъ, а коли онъ смотрѣлъ на ню, она не знала, куда глядѣти. Однакожъ осмѣлилась взглянути и що-то сказала ему о усахъ его.

Коли на другое рано прійшолъ онъ на свиданье, такъ долгихъ усобъ у него уже не было.

Данило готовъ былъ бы въкъ свой прожить во млынѣ, для того, що и мельникъ и жена его были люди добрыя, и въ очахъ Маріи было видно много сердечной привѣтливости. Прошла недѣля, и Данило мѣлъ уже перебраться

въ маленькую отцевскую хату и заняться своимъ полемъ. У него былъ участокъ лѣса съ лугами и двѣ десятины орной земли; а за сбереженныя отъ найма гроши купилъ онъ собѣ хорошую корову. Такъ какъ хата была старая и даже развалилася, то громада дала ему дерево поправить ю. Тогда онъ сталъ все исправляти, чистити и бѣлоти. Самъ рубалъ, самъ работалъ зъ рана до ночи, чтобы вышло и лучше и таньше.

Къ осени его хата была красивѣйша надъ все въ селѣ; она стояла въ саду подлѣ потока, и садикъ былъ такъ красивъ, какъ городскій: межъ грядами было посыпано пѣсочкомъ. Данилъ было любо, коли мельникова Марія глядѣла на его садъ черезъ зеленую живую изгородь; она ему приносила цвѣтѣвъ, а весной прирекла дати еще больше.

Долго не знали селяне Золотой Поляны, какъ обходится съ Даниломъ. Все видѣли, що онъ вернулся домѣвъ такимъ же бѣднымъ, какъ и поишло. Изъ города прислали ему сундучокъ съ бѣльемъ и платьемъ, были тамъ и книги. Въ томъ заключалось все его богатство, но казалось, грошей въ сундуку не было.

— Най тамъ онъ пробивается, говорилъ одинъ: — Данило бѣдный и нерозумень, въ походахъ онъ не научился, какъ вести дѣла свои. Ему и въ Недѣлю ни за що сходити въ корчму, выпити стаканчикъ и погуляти. Еще хорошо, що ему отъ отца где-то осталось, а то пришлось бы громадѣ кормити его.

— Най же пробивается, говорилъ другій: — онъ, кажется, не изъ хоробрихъ, та и розсказывати не умѣе. Кто его знае, откуда взялся шрамъ на лбѣ его, — онъ раденькій, що не придется ему больше занюхати пороху.

— Най дѣлае, що хоче, говорили еще другія: — слова ласкавого никому не скаже и думаетъ, що уже если онъ былъ воякомъ, такъ все ему и кланяйся; видите, какъ зазнался; мы ему покажемъ себе! а быть будъ еще благодаренъ, що мы оставляемъ его въ покою.

— Богъ съ нимъ! говорили другія: на войнѣ не научился онъ ничому доброму. У него есть книги, которыхъ никто не може читати, даже самъ священникъ, и въ тыхъ книгахъ такіи знаки, що страхъ бере. Онъ видно знается съ нечистымъ.

— Избави Боже! шептали другія. — У него не все ладно, то знае слякій. Онъ никого не пускае за свою перегородку, навѣтъ мельникъ не былъ тамъ, — а мельникъ съ нимъ близкій. Каждую ночь видитъ сторожъ скрѣзь оконницѣ свѣтло въ его комнату. И комната-то его всегда заперта, а оконницѣ не открываются даже въ самый красный день.

Таковы были людскія толки, и Данило не былъ на хорошемъ счету въ селѣ.

2. Що Данило увидѣлъ въ селѣ.

Хотя Данило и не угодилъ на людей, но былъ однакожь пріязный былъ со всеми. Сталъ онъ ходити по всемъ хатамъ, навѣщать каждого, распытывать о дѣтахъ, о дѣлахъ, о цолевыхъ роботахъ и т. д.

Въ старину Золотая Поляна была зажиточнымъ селомъ, — не то чтобы въ ней были огромныя богатства, но довольство видѣлось во всехъ хатахъ. Теперь же, кромѣ нѣкоторыхъ богатыхъ мужиковъ, корчмарей и мельника, всюду было плохо. Нищета проявлялась во всемъ, а у бѣдняковъ даже не было и соли. Изъ ста родинъ двадцать посылали своихъ дѣтей ходити по громадѣ, шестьдесятъ съ трудомъ перебивались и входили въ долги, остальными еще якъ-такъ въ состояніи были справляти громадскіи дѣла и повинности.

Уже съ-поверхности было видно, якая была бѣдность въ хатахъ. Крыши полу-розвалились, двери ледви держались на петляхъ, окна были заклеены паперомъ. А внутрѣ грязь и духота; столъ и лавки нечисты, все, що висѣло на стѣнахъ, было въ пыли, запачкано мухами, подлоги погнившіи, грязны, горшки, чарки и посуда немыты.

Въ огородѣ тоже запустѣніе: — яко-такъ росли капуста, хрѣнь, такъ шо уже в тѣмъ бывали довольны, коли бульбы становилось на прокормленіе родины и свиней. Передъ хатами валялись въ беспорядку груды навоза, сохи, бороны, дрова и всякіи дрязги, которыи слѣдовало бы првбрати подъ крышу. Мужчины и женщины ходили въ черныхъ сорочкахъ, въ грязной, оборванной одежѣ, съ нечесанными волосьями, а лице и руки ледви чя въ недѣлю разъ умывали. Грязныя дѣточки цѣлый день лежали въ нечистыхъ колыскахъ, а большіи дѣти безъ всякаго надзора, полунагіи, копались въ бодотѣ передъ хатами.

Дивно ли, шо отъ такой нечистоты появились всякіи болѣзни, и на-мѣсто того, чтобы сходить къ лѣкарю въ городъ, больныи охотнѣе удавались въ сельскимъ знахорямъ та знахоркамъ, отъ которыхъ бывало больше зла, чѣмъ добра. Заболѣли хозяинъ или хозяйка, то въ домъ все пошло на-выворотъ. Приходилось продавати домашнюю утварь или скотину, или землю, а не то занимати гроши за великіи проценты. Такъ ишло, покуда долги не превысшали всего имѣнія, тогда оставалось одно: продажа всего имуществя дочиста и жебрацкая торба.

Данило иногда пробовалъ дати добрый совѣтъ или пожуриги иногдъ за беспорядки и неурядицю; но его доброе слово выслуховали неохотно или отвѣчали: „съ бѣдностію вычого дѣлати! Въ нищетѣ не то, шо въ богатствѣ, приходится якъ-такъ пробиваться“. А другіи бывало съ гнѣвомъ скажутъ: „якое тобѣ дѣло? тобѣ не съ нами жити?“

У богатыхъ селянъ было лучше, посуды побольше и одежа гарнѣйша; но и у нихъ былъ тоже великій беспорядокъ и нечистота. Видячи кругомъ

нищету, они такъ звѣлись съ нею, що и самы жили мало лучше отъ нищихъ. Въ будни ходили неопратно, въ лохмотьяхъ, и то́лько по праздникамъ для виду принаряжались. И ничего отъ нихъ не слышно было, кроме ропота и жалобъ на злыя часы, на лхое управленіе, та на сосѣдъ. Съ долгами своими мало кто роспачовался, а къ тому-же, послѣ вѣины все село принуждено было для того, чтобы скѣлько-нибудь поправитися, войти въ долги, и такъ якъ зъ бѣднаго было взять ничего, то уплата процентѡвъ, податкѡвъ и рѣзныхъ повинностей пала на тѣхъ, кто былъ побогатшій, чѣмъ богатыи были весьма недовольны.

Вмѣсто того, чтобы жить въ мирѣ и согласіи, жители Золотой Поляны то́лько сварились, та враждовали. Никто другъ другу не вѣрилъ; всякій судилъ и рядилъ сосѣда, и вмѣсто правды и довѣрія межи ними были ино дожь и обменъ. Бѣдныи завидовали богатымъ; богатыи притѣсняли и угнетали бѣдныхъ. Богатыи отдавали гроши въ займы бѣднымъ, брали зъ нихъ безсовѣстныхъ проценты, до 12 и 20 наросту и больше, и ихъ христіанская совѣсть тѣмъ не смущалась. А бѣдныи мстили по своему: поргали деревья и поля богатыхъ, крали у нихъ зелень, плоды, дрова, куры, словомъ, все, що то́лько можно было стягнути. При томъ не можъ было полагатися ни на чіе слово или обещаіе. Навѣтъ межи мужами и женами были роздоры и споры. Дѣти видѣли все то щоденно, и научались тому-же.

Но не смотря на очевидное нищенство всего села, при всѣхъ жалобахъ на управленіе и на тяжелыи времена, селяне все-таки не чужи были и нѣкоторой роскоши. Они не работали надъ силу; богатыи спѣшили не въ поле, но зъ поля, говоря про себе: „Що-жь, намъ не нужда якая!“ — А бѣдныи, глядячи на нихъ, зложить руки и зѣвають по сторонамъ, ворча про себе: „Вѣдь и мы не скоты, можемъ отдохнуть“.

На Субботу же и на Недѣлю у каждого находились грошики, чтобы выпити въ корчмѣ стаканчикъ-другій горькаи или мѣру пива. Бывало, тамъ то́лько и роздается: „Эй, корчмаре, еще стаканчикъ!“ — или — „подавай карты!“ — и весь недѣльный заработокъ пропивается, та иногда еще и съ набыткомъ. А коли играютъ въ карты, то одинъ проигрываетъ свои гроши, другій пропиваетъ выигрышъ. Та и въ будни корчма не оставалася пуста. Люди не любили, чтобы у нихъ сохло въ горлѣ. А межи тѣмъ жены и дѣти голодовали. Коли же въ домѣ заводилось скѣлько-нибудь грошей, то сейчасъ принимались за чай та за лакомства, приговаривая: „Вѣдь то намъ не въ дивоту, — всякому хочется хоть разокъ душу отвести, а то — жизнь не въ жизнь“.

Праздники приходили часто, неможъ было не справляти ихъ. Случился ли ярмарокъ въ сусѣдствѣ, всѣ на-перерывъ спѣшили посмотрѣти, якъ тамъ въ корчмахъ гуляютъ, та послухати, що нового на свѣтѣ говорится. Было тоже не мало ѣзды и ходьбы по судамъ п по росправамъ, по начальству и по властямъ. То вело за собою много выдаткѡвъ, а мало выгоды и толку. И во всѣхъ родинахъ добро убавилось, а не росло. Дивно же послѣ того, що каждый не былъ доволенъ ни временемъ, ни управленіемъ, ни сосѣдами.

(Дальше буде.)

Пренумерація въ годъ
1 ар. 50 кр.,
со „Словомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешприсичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 19.

Львовѣ 27. Юлія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ВОЙНА МОСКВЫ СЪ ПОЛЬЩЕЮ ЗА СМОЛЕНСКЪ -- И КОРОЛЬ ВЛАДИСЛАВЪ IV.

Послѣ Тарасовой ночи (въ г. 1628) Украина была свободна отъ напасти ляхкой черезъ два лѣта, а за той часъ буйныи Запорожцѣ пдѣ начальствомъ Гетмана Тараса Трясила произвели кблька славныхъ походбвъ на Татаръ и Туркбвъ, загоняясъ Чорнымъ моремъ ажъ пдѣ столицю бисурманского султана. На одномъ такомъ походѣ погибъ дѣльный Гетманъ Тарасъ, и козаки выбрали на его мѣстце Гринька Чорного, человекъ непостоянного норову, но въ дѣлахъ военныхъ весьма искусного. Подвиги Запорожцѣвъ на берегахъ Чорного моря стали въ то время знову такъ страшны для турецкого султана, що тойже заносилъ новыи жалобы до короны польской и требовалъ dokonечно совершенного зруйнованья Съчи, Поляками еще въ г. 1621 пдѣ Хотиномъ приреченного. Однакожь панове Поляки якъ и злобились на матку нашу Украину за то, що она два лѣта распоряжалася у себе дома просто якъ дома, нѣкакъ не оглядаясь на Польшу, но таки не успѣли тогда ничѣмъ повредить ей, бо самы небоги, запустившиися въ войну съ могущимъ королемъ Швеціи, Густавомъ - Адольфомъ, повосили отъ того немало вереда та утратъ въ войску и въ грошахъ. Ажъ въ г. 1630, по заключенью перемирія со Шведами, корона польска выслала на Украину знову пана Гетмана Конецпольского, препоручая томуъ привести козаковъ до послушенства и опинити ихъ морскіи походы на земли турецкого султана.

Такъ и явились панове Ляшенки въ помянутое лѣто 1630 знову богатымъ числомъ въ земляхъ козацкихъ, и Гетманъ коронный, панъ Конецпольскій, бажая отомстити всю бѣду Тарасовой ночи, устремился просто къ Переяславлю, где уже отъ двохъ рокбвъ находилось головне сѣдалище Гетмана и Старшинъ Запорожскихъ. Тутъ то пдѣ Переяславемъ панъ Конецпольскій розложилъ широкимъ таборомъ, и цѣлыхъ три недѣли острѣлювалъ той городъ зо всѣхъ сторонъ, не

удѣявши однакожь козакамъ ни крыхты ничего. Ба дальше то и ему самому лихо угрожало велике, понеже козаки на рыць Днѣпръ ѳтняли Ляхамъ всѣ перевозки, попалили ихъ порошы, и такимъ способомъ ѳтняли нану Конецпольскому головну дорогу туда до Польщи. До тогожь и козацкая залога въ Переяславлю здѣлала кѣлька смѣлыхъ нападобъ на таборъ ляцкій, овладѣла обозомъ Конецпольского, и уже таки готовилась на совершенное розгромленье всей польской арміи. Но тутъ въ оной крайной нуждѣ Ляхамъ — якъ то неразъ уже бывало — надарилось спасеніе отъ незгоды козацкой. Бачите, случились у козаковъ въ Переяславлю роздоры со Старшинами; кѣлькохъ полковниковъ Запорожць посадили подъ стражу, а самого Гетмана Гринька Чорного зарубали саблями. На довершенье той бѣды повстали еще бѣльшии незгоды при выборѣ нового Гетмана: кождый полкъ, ба каждая сотня ставила своего начальника на гетманство; учинились сторонництва, завязато межъ собою враждующи, — и вжежь очевидно выйшло изъ того гакій розладъ въ козацкомъ войску, що никто дальше тамъ и не догадалъ о найважѣйшой справѣ: о потребѣ розгромянія Поляковъ. А Поляки то корыстовались хорошо неурядицею козацкою: памъ Конецпольскій, которому туй-туй угрожала было крайняя погибель, не тѣлько шо избавился ѳт всякого менастья, але еще изъ побѣжденнаго сталъ на-разъ побѣдителемъ въ земляхъ буйномъ Украины. Посередѣ бо всего замѣщательства ѳнъ нечаянно ввійшло съ своими полками до Переяслава, и тутъ примирившись съ найсильѣйшимъ сторонництвомъ, на котораго чель стоялъ Каневскій полковникъ Тимоха Арендаренко, допомѣгъ тому-же Арендаренкови до ѳбнятія гетманскомъ булавы.

Такимъ отже способомъ при помочи пана Конецпольского насталъ Гетманомъ Украины Тимоха Арендаренко, а Ляхи межъ тѣмъ, помирившись будто съ братьями-козаками, располажились знову залогами по украинскихъ городахъ, заявля тѣмъ дѣломъ: яко стали они такъ сердечными пріятелями нашихъ Украинцевъ, шо они не могутъ съ ними хоть на часъ розстатися. И было-жь вамъ зъ того пріятельства ляцкого зновь небогой Украинѣ такъ гѣрько и душно, шо не минуло и полъ года, а вже на-ново пѣднимались по краю козацкіи бумты. Самъ Гетманъ Арендаренко, хотя гетманскую булаву завдячадъ именню помочи Поляковъ, не стерпѣлъ далѣй навязчиваго ихъ пріятельства, та зѣвхавшись въ городъ Черкасахъ съ Кіевскимъ Митрополитомъ, благочестивымъ Іовомъ Борецкимъ, списалъ тутъ вразъ съ тѣмъ-же Святителемъ и со Старшинами козацкаго народа жалобное письмо до короля Жигмонта III, изчисляя въ ономъ всѣ пакости и насилія, творимыи Украинѣ ляцкими залогами. Письмо тое отправилъ Гетманъ Арендаренко до Варшавы, где оно и зложено было до запорошенной скрыть актѣвъ

и жадобъ такого рода, на якіи отвѣта или розрѣшенія николи не выдано.

Межи тѣмъ Ляхи не переставали угнетати православный народъ такъ на Украинѣ якъ и въ другихъ земляхъ Малої Руси. Затѣмъ-то украинскіи козаки, увѣрившися теперь, що Гетманъ Арендаренко забрався воевати съ Ляхами не мечемъ, но перомъ, скинули его зъ гетманства, а на его мѣсто выбрали Ивана Петрижицкаго, человека больше рѣшительнаго духа. Той-же Иванъ Петрижицкій якъ лишь настала Гетманомъ (въ г. 1631), сейчасъ принялся заготовляти своихъ козаковъ до войны противу Польши, и для той цѣли нагромадилъ вже и великіи запасы всякаго оружія въ Запорожской Сѣчи. Задуманное нимъ дѣло быдо бы чейже и добре повелось, однакожь погрѣшилъ бытъ самъ такъ черезъ тое, що не довѣрять власнымъ силамъ Украины, выглядаль помочи бытъ спрившихъ намъ тогда, но за-далеко бытъ Руси нашей живущихъ Шведовъ. Хотя бо король Шведскій, хоробрый Густавъ-Адольфъ, завязалъ былъ саму широко-сердную дружбу съ Гетманомъ Петрижицкимъ и торжественною присягою зъобовязался помогчи намъ выбитися изъ-пѣдъ Польши: то однакожь несчастье таке выпало, що онъ-же король, воюючи власне тогда на Нѣмцяхъ, палъ въ битвѣ пѣдъ Луценомъ (1632 г.), и такъ замѣръ нашего Гетмана, основанный на надеянной чужой помочи, черезъ тое самъ въ нищо розбился.

Кромъ того Гетману Петрижицкому случилась еще и другая бѣда, именно така, що до правой стороны Днѣпра возсталъ противъ него же-гетманъ Гавриловичъ, который прибравши собѣ численную шайку изъ такъ званыхъ украинскихъ свромаховъ, произвелъ пагубну межиусобицу въ земляхъ козацкихъ. Въместо отже того, чтобы все силы обернути противу Польши, Гетманъ Петрижицкій приневолень былъ съ одною частію своего войска иди войною на лукаваго Гавриловича и усмирятн домашній бунтъ нашего козачества. Межиусобица сія закончилась на-последокъ ось-тѣмъ, що въ одной стычцѣ надъ рѣкою Днѣпромъ ноягли оба противники: Петрижицкій и Гавриловичъ, — а такъ козаки обохъ сторонъ Днѣпра остави знову безъ ніякаго Гетмана.

Въ такихъ случаяхъ, где козаки сами межъ собою дерлися а Гетмана своего надъ ними не было, брали всегда гору наши вороженьки, та и перемагала тогда русскую правду ляцкая кривда. Таке оно сталося на Украинѣ и въ оно время козацкихъ роздорѣвъ: по несчастной кончинѣ Ивана Петрижицкаго панове Ляхи поставили Гетманомъ войскъ козацкихъ своего чуру Семена Перевязку, который во всемъ повинуючися пану Конецпольскому, напровадилъ польскіи залоги навѣтъ до такихъ мѣсть рускомъ Украины, где до той поры Ляхамъ и носа показати не было дозволено. Такъ зъ его то наказу коронныи войска

*

станули теперъ постоемъ въ Терехтемировъ, въ Чигиринъ и другихъ городахъ подъ самымъ бокомъ Запорожской Сѣчи, куда якій Ляхокъ если зайшоу былъ коли припадкомъ, то ино такой, що здѣлался наскрѣзь Русиномъ по вѣрѣ и бесѣдѣ. Такогого сорома, причиненного исконно-православнымъ мѣстамъ святой Руси, не стерпѣли уже наши козаки: якъ-стѣй прогнали Ляхѣвъ подальше за Сѣчь, а Семена Перевязку скинувши изъ гетманства, заключили въ темницу, изъ которой лишь одинъ подкупный жидъ допомѣгъ ему убѣжати въ Польшу

Такъ отже не благо водилося Ляхамъ на Украинѣ, и небезпеченство оттуда угрожало имъ тѣмъ бблышнее, понеже о томъ-же часѣ (1632 г.) Москва уже на-правду собералася обновити вѣйну съ Польщею. Власне бо тогда скѣнчилось условленное передъ 14 лѣтами перемиріе Деулинское (заключенное въ селѣ Деулинѣ подъ Москвою въ 1618 г.), и русскій Царь Михайлъ Романовъ постановилъ узброенною силою упомнутися у Польщи о свѣй исконно-русскій городъ Смоленскъ. Предстояла затѣмъ коронъ польской грозная вѣйна съ Великою Русію, и на той случай Ляхамъ было чого обавлятися также и нашей Малои Руси. Абы однакожъ яко-такое заспокоити себе ѳтъ стороны той послѣдней, приказалъ король Жигмонтъ III еще весною 1632 г. уступить войскамъ ляцкимъ изъ украинскихъ городѣвъ, при тѣмъ-же препоручилъ бнѣ всѣмъ старшимъ урядникамъ въ земляхъ мало-русскихъ, щобы они на теперъ лагоднѣйше обходилися съ народомъ, та щобы не давали причинъ къ роздраженью особливо козацкому люду на Украинѣ. Въ слѣдствіе такой предосторожности Ляхи на Руси нашей осягнули прінаймнѣй тое, що по-правдѣ нарѣдъ нашъ по мѣстахъ и селахъ якось значно успокоился, а вражда на ляцкое племя хотя и тогда вовсе не уставала, но таки немного усмирилася.

Забезпечившись такимъ способомъ ѳтъ возможныхъ бунтѣвъ Малои Руси, король Жигмонтъ хотѣ не зовсѣмъ приготовленный выжидалъ заявленія вѣйны ѳтъ стороны Царя велико-русского. — А имѣлъ же той Царь Руси Михайлъ Романовъ кромѣ причины за Смоленскъ еще и другіи важныи побудки до борьбы съ Польщею. Ого бо сенатъ Варшавскій и вельможи ляцкіи, не смотря на условіе Деулинского перемирія, не переставали въ урядовыхъ грамотахъ именовати королевича Владислава „Царемъ-Государемъ и Великимъ Княземъ Московскимъ“, хотя тойже королевичъ николи ани не засѣдалъ на царско-русскомъ престолѣ, ани на русское царство наименьшого не имѣлъ права. При тѣмъ вельможи ляцкіи та и самъ король Жигмонтъ, абы еще гѣрше подражнити настоящего Царя-Государя Михаила Романова, давали ему въ письмахъ и бесѣдахъ публичныхъ самыи оскорбительныи прозвища, осмѣвая его навѣтъ и за то, що достойный отецъ его,

Филареть Романовъ, былъ Святителемъ-Патріархомъ всеи Руси. По причинѣ таковыхъ оскорбленій Царь Михаилъ и Патріархъ Филареть частократно упоминали Ляховъ черезъ нарочныхъ своихъ посланниковъ въ Варшаву, представляя настойчиво, що подобны злобивыи узгрызки дѣлають роздоръ межинародный и що они довести могутъ до совершенного разрыва межи двома владѣющими домами; все то не помогло въ Варшаву ничего, а напротивъ еще самы упомяненя отъ царско-русского двора поощряли пакостныхъ Ляховъ до тѣмъ бѣльшихъ кпинокъ зъ титулу Царского. Долго таку нечестъ терпѣлъ русскій Царь, но въ-конецъ таки рѣшился отъ словъ перейти до дѣла, та по истеченью Деулинского перемирія выповѣлъ войну коронѣ польской.

Было то въ мѣсяци Цвѣтню 1632 г., коли царско-русскіи полки одержали приказъ ступати въ походъ на Польшу. Въ тоежь саме время (20 Цвѣтня) приключился королю Жигмонту III въ Варшаву нечаянно смертный ударъ крови въ голову, и той король-езуитъ, „старый грѣховодникъ“ (такъ его называе одна русская летопись), 45 лѣтъ томившій православныхъ людей Малои Руси, умеръ не оплаканный даже своими Лягами. Се неожиданное событіе спиноло дѣйствія военныи, до которыхъ обѣ стороны, такъ Польша яко и Москва, еще и не были въ-полнѣ приготовлены.

Въ Польшу наступило затѣмъ безкоролевье, которое продолжалось майже цѣле лѣто. Хотя бо покойный Жигмонтъ оставилъ по собѣ сына Владислава, но паны Поляки уважали престолъ королевскій не наследственнымъ, а избирательнымъ, т. е. просвояли собѣ самымъ право по умершомъ королю выбрать его наследника. Изъ такого права тягнули они для себе великіи корысти, понеже при каждомъ выборѣ новый король обязанъ былъ подписати имъ условленную грамоту (такъ знаныи *роста conventa*), въ которой запоручались якъ наибѣльшии привилеи шляхтѣ ляцкой, особенно же надавалось тойже шляхтѣ за каждымъ разомъ чѣмъ-разъ ширшее право пригнетати простой народъ и малозщанство. — Соймъ державный для выбору нового короля собрался въ Варшаву лѣтомъ 1632 г., и до тогожь сойму прислали своихъ депутатѣвъ также украинскіи козаки, желавшии непременно переперти тутъ выборъ королевича Владислава, которого Русь наша, за-для его пріязного расположенія къ православнымъ, еще яко-такъ въ почести держала та и гдѣшо лучшого для себе отъ него надѣялася. Яко однакожь погрѣшили украинскіи козаки, що рѣшились черезъ депутатѣвъ своихъ въ соймъ ляцкомъ участіе приняти, увѣрились они тогда-же наглядно въ Варшаву; Ляхи бо не только осыпали тутъ ихъ посланникѣвъ ругательствами и упреками за бывшии недавно на Украинѣ бунты, но еще и не припустили ихъ до своего сойму, заявляя

съ гордостію козакамъ, що въ Варшавскомъ соймѣ мають право засѣдати и радити шляхотныи паны крови польской, а не то простыи козаки зъ „шизматичкой“ Руси. Затѣмъ якъ непышны ухъхали козацкіи депутаты изъ гордой Ляховъ столицъ, жалючи сердечно, що по своему добродушію пополнили новое дурачество!

А таки помимо того враждебного настроенія пановъ ляхскихъ удалось благосердиному королевичу Владиславу еще на томъ-же избирательномъ соймѣ въ Варшавѣ выеднати для православной Руси нашей гдѣякіи лучшіи права, которыи мали послужити нѣяко предвѣстіемъ счастлившой доли для насъ подъ новымъ королемъ, якимъ имѣлъ на-вѣрно вже остати онъ-же Владиславъ, сынъ Жигмонта. Таке бо сталося тогда на помянутомъ соймѣ, що королевичъ Владиславъ, поважанный впрочемъ за свѣй высокій умъ и самими Ляхами, постановилъ въ условленную грамоту Польши (въ *tracta conventa*) внести гдѣщо доброго на корысть страдающихъ Русинѣвъ, ѳтъ которыхъ надѣялся ѳнъ узыскати за се гдѣяку прислугу въ предстоящей войнѣ съ Москвою. Въ той-то цѣли сказалъ ѳнъ въ Варшавскомъ соймѣ умную бесѣду въ оборонѣ природныхъ правъ нашей Руси, представляя межъ прочими панамъ Ляхамъ: що католицкіи ксендзы и езуиты, запровадивши за покойного отца — короля церковну унію на Руси, зацепили тамъ-же великій роздоръ домашній, произвели колотню и вѣчную борьбу въ народъ русскомъ, якои нѣтъ на свѣтъ нигде приязра. Сей вопіющій грѣхъ смертельный, учиненный противу братного племени Руси, королевичъ Владиславъ радилъ теперъ хотя ѳтъ части исправити якимъ-то примиреніемъ православныхъ съ уніятами, предлагаючи надати угнетенной русско-православной Церквѣ принаймнѣй такіи скромныи свободы, якихъ уживали тогда русскіи-же братья уніаты. Таковое примиреніе православной Руси — говорилъ далѣй умный Владиславъ — принесетъ для Польши тѣмъ бѣльшую выгоду нынѣ, понеже оно хотя до часу ѳтклонитъ украинскихъ козаковъ, тѣхъ-то самыхъ найзавзятѣйшихъ приверженцевъ православія, ѳтъ вѣковѣчной дружбы ихъ съ православною Москвою, которую они уважають нѣяко другою матерью и головою всеи Руси такъ подъ взглядомъ церковнымъ, якъ и народнымъ и державнымъ.

Сіе теплое слово королевича Владислава, высказанное въ оборонѣ Руси, а еще бѣльше его хитроумная рада, абы рѣвноуправненіемъ православныхъ съ уніятами перервати на часъ дружбу Малой Руси съ Великою, подѣйствовали на пановъ Ляховъ о стѣлько, що тіи постановили списати тогда на соймѣ Варшавскомъ ось-такое для Руси нашей право: 1) Въ земляхъ русскихъ має быти двохъ Митрополитовъ, уніятскій и православный; 2) въ Полоцкой епархіи (где убито душехвата Юсафата) мають быти два Владыки: для уніятѣвъ

Архієпископъ въ Полоцку, для православныхъ Епископъ въ Могилевъ; 3) въ епархіяхъ Перемышской и Львѣвской на-всегда будутъ Епископы самы только православныи, а николи уніятскіи; 4) Луцкую епархію, где до-недавна былъ уніятскій Владыка, уступить теперь православнымъ; 5) православнымъ належить звернути назадъ нѣкоторые забраанныи имъ церкви и монастыри; 6) жиющимъ въ епархіи уніятского Епископа православнымъ, не желающимъ принять уніи, дозволяется отнестись къ православному Епископу, а уніятъ въ православныхъ епархіяхъ къ уніятскому. — Оное право, списанное на соймъ Варшавскомъ дня 1. Новембрія 1632 г., названо было грамотою примиренія для Руси, и тууже грамоту затвердилъ и заприсягнулъ торжественнымъ способомъ королевичъ Владиславъ на дню 18. Февруарія 1633 г., коли будучи избранъ королемъ, подписывалъ Ляхамъ такъ званыи раста conventa (условія выбору короля).

Грамотою примиренія а также и другими привилеями, якіи надавалъ для православныхъ новый король Владиславъ, нареченный теперь Владиславомъ IV-ымъ, заспокоилася наша Русь тѣмчасово прінаймнѣй но- стѣлько, що не вязала Ляхамъ рукъ до борьбы съ Москвою. — Такъ отже розумно придуманное роспоряженіе Владислава IV, за радю которого Ляхи по первый разъ учинили недурное для Малой Руси дѣло, имѣло для Польши уже въ самомъ началѣ весьма корыстныи послѣдства, та могло бы было оно богато добра принести и на всю будущность, еслибъ ино слово яццкого сойма для Руси было въ самоѣ существѣ додержано. Але то законѣвъ а привилеѣвъ премногое множество бывало у Ляхѣвъ въ коронѣ польской, однакожъ супротивъ народа Руси важилъ для нихъ лише тотъ одинъ законъ: туманити и гнобити православного Русина, ажъ доки онъ не станется если вже не цѣлковитымъ Ляхомъ, то хотьбы униженнымъ яцккимъ слугою або недоляшкомъ. Таке-жъ оно вышло для Руси нашей и зъ оныхъ соймовыхъ „грамотъ примиренія“, которы помимо наилучшой воли короля Владислава въ малой лише части исполнялися на дѣль, а вскорѣ потомъ навѣтъ до-чиста были уничтожены.

Въ тоежъ саме время, коли Ляхи выбирали собѣ короля и списывали грамоты примиренія, царско-русскіи войска пѣдъ начальствомъ хороброго воеводы Шеина вступили уже въ Смоленскую область, и въ теченю трехъ послѣднихъ мѣсяцѣвъ 1632 г. отняли у Ляхѣвъ 23 сѣверно-русскихъ городѣвъ. Ишло еще только о здобытіе сильно укрѣпленного города Смоленска, въ которомъ залога яццка, обороняющисъ черезъ цѣлыхъ 8 мѣсяцѣвъ, въ-конецъ до крайности обезсилена, уже готова была воеводу Шеину пѣддаться. Въ той цѣли завелися уже взаимныи переговоры, — коли на-разъ, въ мѣсяци Августъ 1633 г.,

Ляхи въ Смоленску одержали ободрительную вѣсть изъ Польши, що ново-избранный король Владиславъ IV поспѣшае къ нимъ съ 23.000 мужа на отсѣчь. Вѣсть тая вскорѣ-же и справдилась. Владиславъ бо IV, якъ лише отпраздновалъ свою коронацію въ Краковѣ, сейчасъ собралъ всѣ люзные полки зъ земель польскихъ, притягнулъ къ собѣ также кѣлька тысячъ реестровыхъ козаковъ, и желая на самомъ-же вступѣ своего владѣнья достойно прислужитиси коронѣ, попровадилъ особисто войска свои пѣдъ Смоленскъ. О тойже порѣ выслалъ онъ изъ Варшавы богатыи дарунки въ оружію и грошахъ къ Татарамъ въ Крымъ, умолая ихъ усиленно, щобы безъ проводоки ишли опустошати южныи области русскаго царства. Такою мѣрою бажалъ онъ роздѣлити царско-русскіи силы на двѣ противоположныи точки, зъ которыхъ кожду приходились бы Москвѣ поособно обороняти.

Замѣръ короля Владислава, абы за помочію Крымцевъ силу Москвы роздѣлити, удался лучше всякаго ожиданія. Не дойшли бо еще войска его до Смоленска, а вже въ русскомъ таборѣ Шеина рознесся тревожный слухъ, що Крымскіи бисурмане пустошатъ южно-русскую окраину, палаятъ села и города въ восточныхъ областяхъ царства. На несчастье, въ таборѣ Шеина пѣдъ Смоленскомъ бѣльшая часть воеводъ и воинѣвъ была власне отъ тыхъ-же южно-восточныхъ сторонъ Великой Руси, где производились напады татарскіи. Ти воеводы и ихъ-же воины цѣлыми толпами убѣгали ътъ Шеина, та спѣшили спасати рѣдныи села и хаты ътъ пѣджоги бисурманской. Въ-конецъ при Шеинѣ осталось койска не бѣльше, якъ 20.000 мужа, которыи ещежь не тѣлько що мали добывати Смоленскъ, но вразъ-же оборонятись противъ численнѣйшой силы Владислава. И справдъ, помимо такого уменьшенія и даже розстройства своихъ силъ военныхъ, дѣльный воевода Шеинъ еще цѣлыхъ 6 мѣсяцевъ крѣпко выдерживалъ всѣ нападенія подвѣйныхъ арміи ляцкихъ, и ажъ въ концѣ мѣсяца Сѣчня 1634 г., истощенный голодомъ, холодомъ и сильнымъ поморомъ въ своемъ войску, вступилъ въ переговоры съ королемъ Владиславомъ, та и согласился ътступить ътъ дальшой осады Смоленска. Въ слѣдствіе договора того съ Владиславомъ воевода Шеинъ зневоленъ былъ выдати Ляхамъ всѣ пушки и все свое оружіе, а послѣ того онъ, до-чиста разброенный, съ останками своего хороброго воинства уступилъ изъ-пѣдъ Смоленска, и съ сокрушеннымъ сердцемъ повернулъ въ Москву. Тамъ-же въ Москвѣ постигла его еще сумнѣйшая доля: бояре бо Московскіи, завистныи давной его славъ, вмѣсто того, абы оказати сочувствіе надъ теперѣшнимъ его несчастьемъ, узялись приготовить ему погибель. Они то на боярскомъ судѣ рѣшили таке: що Шеинъ не тѣлько не исполнилъ приказу Царскаго, бо не отнялъ у Ляхѣвъ Смоленска, але еще ростратилъ рус-

скіи силы, припровадивши ѳтуда назадъ въ Москву лише горстку недобиткѡвъ. За тоежъ несчастному Шейну ѳтрубали голову, а кѡлькохъ другихъ воеводъ, вѣрныхъ его товаришей, заслали на Сибирь.

Выпустивши Шейна изъ-пѡдъ Смоленска, король Владиславъ IV кинулся заберати тѣи города Смоленской области, которы русскіи войска въ 1632 г. Ляхамъ были ѳняли. Сперва то Владиславу нишло дѣло досытъ счастливо, и ѳнъ поздобывалъ знову гдекоторыи зъ оныхъ городѡвъ. Однакожъ коли дѡйшолъ ѳнъ до невеличкой, але добре построѣнной крѣпости Бѣлой, счастье его якосъ пережылося. Русская задога томъ крѣпостки хотя мало численна, станула такъ твердымъ оплотомъ противъ лядскихъ полкѡвъ, що ни способу не было ю преодѣлати. Ба ещежъ неустрашими защитники Бѣлой, выскочивши разъ изъ-поза стѣнъ твердыни, здѣлали такъ жестокой нападъ на таборъ Владислава и произвели въ немъ такъ страшенное опустошенье, що Ляхамъ ѳтойшла дальше и охота съ такимъ премогучимъ народомъ боротися. До тогожъ въ таборъ ихъ пѡдъ Бѣлою завладѣлъ голодъ и всякїи болѣзни, а надобитокъ всего прїишла еще туда ужасающая вѣсть, що турецкой султанъ иде войною на Ляхѡвъ и его войско приближается уже до границъ Польши. Въ такихъ тѣсныхъ околичностяхъ король Владиславъ увидѣлъ конечную потребу чѣмъ скорше заключити миръ съ Москвою, и самъ-же ѳнъ первый послалъ въ Москву своихъ повѣрникѡвъ, щобы о томъ миръ съ Царемъ русскимъ уговоритися.

Царь Михаилъ Романовъ, который що-ино недавно понесъ чувствительную страту черезъ смерть отца своего, Патриарха Филарета, былъ власне тогда расположенъ до примиренія кобы и съ смертельнымъ ворогомъ, та порадившись съ боярами, принялъ предложенье королевскихъ ѳпоручникѡвъ, абы заключити такъ звяный вѣчный миръ. Въ той цѣли назначено зъвздъ для полномочникѡвъ ѳтъ обохъ сторонъ въ сельци у рѣки Поляновки (недалеко города Вязмы), зачѣмъ и сей вѣчный миръ названъ былъ Поляновскимъ миромъ. Головныи условия того мира были слѣдующи: 1) Русской Царь уступилъ Польшу Смоленскъ и всѣ города, ѳдданыи договоромъ въ Деулинь (1618 г.), съ изытїемъ Серпейска, а кромъ того заплатилъ королю 20.000 рублей; 2) зя то король Владиславъ отказался ѳтъ всякихъ притязанїи своихъ на Московской престолъ, отрекся на-всегда писати и именовати себе Царемъ Московскимъ, а призналъ той титулъ праведному Царю всеи Руси Михаилу Романову и законнымъ его наследникамъ; наконецъ 3) ѳбътовали собъ примирившиися владѣтели другъ друга взаимно вспомагати противъ вспѡльныхъ ворогѡвъ и даже не заключати мира съ чужою державою безъ взаимного согласія. — Для принятїя на оный миръ присяги королевской ѣздилъ въ Польшу изъ Москвы царской по-

солъ князь Львовъ-Ярославскій, которому удалось уговорити Поляковъ, що они при той способности отпустили въ Москву тѣло бывшего Царя Василя Шуйского, умершого еще въ г. 1612 въ яцкой неволѣ.

Такъ отже закичилась на-теперь борьба Москвы съ Польщею за Смоленскъ вовсе негодно для русскаго царства, понеже головной предметъ тойже упорной борьбы, исконно-русскаго городъ Смоленскъ, таки остался за Польщею. Счастье очевидно сприяло тутъ новому королю яцкой державы, который кромѣ звычайныхъ утратъ военныхъ ничего болше не потерялъ, якъ только марный титулъ, до якого вже и передъ тѣмъ не имѣлъ ни наименьшого права, и уживалъ его не то для какой потребности, а лише для укору и подражненія Московскаго царства. Была затѣмъ послѣ Поляновскаго мира великая причина радоватись Польщѣ, понеже по правдѣ она держава Польша, забезпечивши собѣ новымъ договоромъ свои завоеванія въ земляхъ навѣтъ велико-русскаихъ, достигла тогда такъ поважнаго розширенія, якогъ николи передъ тѣмъ не имѣла.

(Дальше буде.)

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ ПОСЛѢ ЧОКОГО.

(Продолженіе.)

3. Що розскаже умный мельникъ.

Коли Данило увидѣлъ столько порокѣвъ и грѣха въ своемъ селѣ, сердце его наполнилось негодованіемъ; онъ отправился до мельника, якъ дѣлалъ всегда, коли бывалъ недоволенъ. Тамъ неудовольствіе его исчезало при усмѣшцѣ Марин, якъ исчезаетъ облако передъ лучемъ солнца.

Сталъ Данило выпытовати мельника: „Що то якъ люде стали безбожны и сколько горя въ родинахъ! Не такъ было въ старину. Тогда въ полѣ усердно трудились, въ селѣ держали чистоту, въ домахъ было согласіе, въ столахъ достатокъ. Тогда нашихъ селянъ все уважали и чествовали, навѣтъ и городскіи жители. Теперь все пошло на-выворотъ: нищета со злобою водворилась въ родинахъ. Не вжежъ все то прозойшло отъ войны?“

На то мельникъ отвѣчалъ:

— Наше село много потерпѣло отъ войны вразѣ съ другими селами и городами. Былъ у насъ постоя; чужеземныи войки жили у насъ и объѣдали насъ; приходилось служить имъ и давати все, чого ни затребуютъ; а податки и повинности платились своимъ порядкомъ. Заробѣтокъ не было, торги

и обороты не ищи, всякій промыслъ приносить одинъ убытокъ, а тутъ, жь на бѣду, злыя годы довели до того, що на лугахъ трава, въ поляхъ хлѣбъ, и овощи въ городахъ зовсѣмъ пропади. Но не одна война и неурожай довели насъ до нищеты. Другіе города и села стѣлко же потерпѣли, якъ и мы, однакожь начинаютъ поправлятися и становятся веселѣйши. У насъ же съ каждымъ днемъ все гѣрше и гѣрше, и мы зовсѣмъ пропадемъ.

— Спаси Господи! возразилъ Данило. Но ѳтъ чего же се? — Мельникъ отвѣчалъ: „А ось ѳтъ чего: люде пораютъ изъ всѣхъ силъ и доплывають до берега, мы же опустили руки, та такъ и тонемъ. Та и тѣм, которые могли бы насъ выручить, тягнуть насъ все глубѣйше въ омутъ“.

— Кто же то?

— На-елинѣ я могу сказать тобъ се, продолжалъ мельникъ. Коли громадское дѣло плохо, то знай, що надъ громадою лихое начальство. Такъ и у насъ: наши старшины — или люди корыстолюбивыи, или уже весьма прѣсты и глупы. Два изъ нихъ содержатъ корчмы, а зять третого горальникъ. Имъ и любо, що народъ бѣльше сидитъ у нихъ за столомъ, та попивае, чѣмъ работаетъ въ поля. Та и громада на сходбище собирается то въ сей, то въ другой корчмѣ, а тутъ уже само собою розумѣется, неможъ чтобы не выпити. Если у кого грошей нѣтъ, тому вѣрять въ долгъ; а если не заплатятъ — у нихъ отбирають землю въ счетъ долга, или же продають все ихъ имущество, та и пускають ходити по громадѣ. Такимъ образомъ мало по-малу вся земля перейшла въ руки богачей. Кому понадобятся гроши, тотъ отправляется къ нимъ и занимаетъ у нихъ за огромныи проценты, що влече бѣдняковъ къ окончательной погибели.

— А ѳтъ чего же, замѣтилъ Данило, тѣм, которые нуждаются въ грошахъ, не занимають лучше въ другомъ мѣстцѣ, или въ городѣ у честныхъ людей?

— Отъ того, що въ другомъ мѣстцѣ намъ ни гроша бѣльше не вѣрять, отвѣчалъ мельникъ. Старшины давали до сихъ поръ такъ неосмотрительно и безтолково свои ручательства за тѣхъ, кто нуждался въ грошахъ, що заимодавцѣ, которые по довѣрїю къ нимъ давали имъ въ займы, въ послѣдствїи не могли ѳбратити назадъ ни гроша. Такимъ образомъ по небрежности нашихъ старшинъ мы потеряли всякое довѣрїе и всякую надѣю на постороннюю помощь. А такъ якъ въ городѣ никто бѣльше не дае въ займы, наши-то и злобствуютъ на горожанъ; клянутъ ихъ щоденно, та еще грозятъ причинити имъ якїи-нибудь вредъ. Случись въ городѣ несчастье, наши негодяи порадовались бы, не смотря на то, що мы изъ города получаемъ заробѣтки и подаванїя.

— То ужасно! сказалъ Данило; — но у насъ есть еще и громадская земля?

— Такъ, есть; но и земля тоже въ закладъ, и нею корыстуются только богачи, отвѣчалъ мельникъ. — Видишь ли, коли старшинамъ случится какое дѣло, на прикаръ: обѣйти межу и межевыи знаки, или отвести гѣсу на дрова или другое шо, тогда гуляютъ и пьютъ на счетъ громады. Такимъ образомъ

громадское добро все перейшло въ руки старшинъ. Они даромъ кроку не дѣлають. Къ тому же еще коровъ держатъ только богачи, — они же, значить, одни и ворыстуются выгономъ и пастбищемъ въ лѣсъ; а бѣднымъ отъ громадской земли нѣтъ ни корысти, ни прибытку.

— Якъ же ты все тое знаешь и не говоришь о томъ на громадѣ? спросилъ гнѣвно Данило.

— То ни къ чому не поведе, возразилъ мельникъ, — богачамъ все за-должали, а потому они и дѣлають, що хотять, и никто не смѣе противорѣчити имъ. А лишь замнись мы о злоупотребленіяхъ, то все наши негодая такъ заоруть, що и житью не радъ будешь. Старшины и богачи наши то знаютъ, и держатъ нашихъ оборванцевъ, якъ собакъ своихъ; затѣмъ разомъ напустятъ на тыхъ, кто поиде противъ нихъ.

— То изъ рукъ вонь! воскликнулъ Данило. Най они будутъ глупы и недбалы, но чижъ не осталось въ нихъ хоть искры совѣсти и страха Божого?

— То-то и бѣда, що никому поучити ихъ добру, — пробудити въ нихъ совѣсть и внушити имъ страхъ Божій, продолжалъ мельникъ. — Священникъ нашъ человекъ старый, и уже не въ моготу ему заняться мірскими дѣломъ. Люди идуть въ церковь по одной только привыцѣ. Священникъ говоритъ имъ проповѣди, но лишь выйшли они изъ церкви, снова привычны пороки и безпутство овладѣвають ними. Если люди не улучшаются внутренно, то и зверху они не дѣлаются лучшими. Примѣръ стариковъ увлекаетъ и молодыхъ.

— Ну, а школьный учитель? не вжежъ и онъ тоже ничего не успявае? спросилъ Данило.

Мельникъ отвѣчалъ: — По смерти отца твого, человека богобоязливого и розумного, школа иде у насъ плохо. Мальчики и дѣвочки научаются якъ-такъ читати, писати и считати, выучивають и молитвы; но дома, у отца и матери, научаются всему дурному: ложи та обману, божьѣ та клятвѣ, безнужству та лицемѣрью, ругательствамъ та бѣйкамъ, картамъ та пьянству, лѣности та безчынству, злобѣ та зависти, клеветѣ та богохульству.

Покачалъ головою Данило, услышавши тое, и печально пошолъ до себе домѣвъ.

4. Якъ Данило надаремно выбивается изъ силъ.

Разъ въ Недѣлю, послѣ обѣда, собралась громада, щобы потолковать, где бы достати грошей, понеже слѣдовало заплатити податки и прежній долгъ и проценты.

Все село собралось по обычаю на площади подъ старыми липами. Въ серединѣ стояли старшины, вокругъ нихъ селяне, а дальше на-заду жены, дочери и дѣти, збѣжавшіися тоже послухати о томъ, що говорятъ.

И Данило прійшолъ туда-же. Ему хотѣлось спробовати, не можъ ли привести ихъ до якого розмыслу надъ бѣдственнымъ ихъ положеніемъ. И отъ,

когда старшины внесли свои предложения и кончили рать, — Данило взобрался на камень, который тутъ лежалъ у дороги, такъ чтобы все могли видѣти его, и началъ слѣдующими словами :

— Послушайте мене, братья! Я уйшоу отъ васъ на войну правъ мальчишкоу, а вернулся дорослымъ; но повертаючи на родину, я съ трудомъ узналъ село наше, и сердце мое зануло, коли я увидѣлъ, какъ все перемѣнилось. Не даромъ называлось село наше Золотая Поляна; была она точно золотое дно, благословеніе Божье пребывало на ней. Вся наши были людьми зажиточными, мало было бѣдныхъ, а нищихъ вовсе не было. Сосѣди, видючи, какъ мы жили въ то время, насъ уважали. Мы не ходили оборванцами, какъ нищии, но были одѣты просто, прилично, опрятно, и дома водились у насъ гроши, не только для конечной потребности, но и праздники было чѣмъ справити. На громадь тогда долгу не было, процентомъ мы не платили, а напротивъ сами получали проценты за гроши, которые у насъ занимали. Поля были удобрены, хорошо оброботаны, у всякого была своя корова и пара коней, и козы, и овцы, и свиньи водились. Уже изъ-далека село наше принимали за городокъ. Хаты стояли чисты, свѣтлы, и изъ горожанъ никто не постыдался бы жити въ нихъ. Одна посуда хозяйственная уже доказывала, що всего было вдоволь. Окиа были вышиты и блестяи, какъ зеркала. Межи нами было мало тавихъ, которыми нѣтъ долги, а кто и занималъ, такъ зналъ, чѣмъ заплатити. Тогда на честное слово давали безъ всякого векся, а не подѣ залогъ; всякій житель Золотой Поляны могъ занять въ городѣ сто золот. реньск. и больше. То было золотое времячко для Золотой Поляны!

Все слухали Данила, кивали ему головою и твердили: „Вѣдь Данило-то правду говорить.“

А Данило продолжалъ: „Теперь же совсѣмъ не то. Не Золотую Поляною слѣдовало бы называть наше село, а Грязною или Запропащенною. Благословенія Божого не видати на поляхъ нашихъ. У некоторыхъ изъ насъ земли много, у другихъ совсѣмъ нѣтъ ничего, а ниши не умѣють справлятися съ землею съ толкомъ или пользою. Ходити по міру нищѣ уже не считается стыдомъ, а дѣломъ и промысломъ. Майже все родины по уши въ долгахъ, и одна за другою ожидаютъ дня, коли все ихъ имущество продадутъ и самыхъ выгонять изъ дому. Съ сосѣдами мы все пересварились, и тягаемся по судамъ. И самы мы другъ съ другомъ во враждѣ. Осталась у насъ наша прежая бутность, а грошей нѣтъ. На улицахъ болото, а въ домахъ нечистота и злая вонь, но еще больше нечистоты въ сердцахъ. Мы умѣемъ пьянствовать, а роботати забыли; умѣемъ долги дѣлати, а платити ихъ не хотимъ; научились здерати и красти, а милостыню подавати розучились; мы излукавились и забыли правду. Если такъ дальше пойдѣмъ, мы все постыдно погибнемъ. Уже и теперь не вѣрятъ намъ ни въ городѣ, ни въ окружности, и коли хотять назвати ного негодаемъ, то говорятъ: „онъ певно изъ Золотой Поляны.“

При этих словах поднялся в толпе ропотъ и шумъ, всакий сердито поглядывалъ на Данила, такъ що мельникова Марія дуже испугалась; стояла же она на заваленцѣ и не зводила очей съ Данила, котораго уже крепко любила.

Данило не испугался ропота и шума и продолжалъ:

— Отъ, братцы, если въ сердце вашемъ еще есть хоть искра честности и правды, то ударить по рукавъ и скажемъ въ одно слово: нѣтъ, такого сорома не буде! Откуда наша беда? это откуда: изъ тѣхъ корчемъ и горалень! Наши земли потонули въ бочкахъ съ пивомъ и горалкою, а скотъ нашъ пропалъ въ картахъ. — Тамъ-то забыли мы бережливость и разучились работати; отъ бѣдности пошли крадежи, а праздность мати всѣхъ пороковъ. Промотали мы гроши отцовъ нашихъ, а красивы кафтаны, въ которыхъ мы ходили въ Недели и правдыки, теперь въ дѣрахъ и въ заплатахъ. Завелся у насъ грѣшъ въ кишень, такъ мы и идемъ выпити, а жена и дѣти голодаютъ дома. Що нѣтъ того буде? Я пытаю васъ, старцины, куда девалось громадское добро? Що сталося съ наследіемъ отцовъ нашихъ? Зачѣтъ не даете вы отчета? Що не порадите, якъ помочь бѣдѣ? Зачѣтъ вы, видѣсто того, жибы беречи громадское добро — гуляете на утрату громады? Зачѣтъ лучше до запрете корчмы и не проведете ровы для претока воды? Зачѣтъ лучше не поправите немощенныхъ дорогъ нашихъ? Вы намъ помогаете дзавля долги, грешонити съ вами легко, но тяжело отъ васъ тому, кто жемалъ бы набавитися отъ жабрачой торбы!!

— Молчи! закрывали голоом изъ толпы, молчи! негодяю, велекитю! Или мы тебе въ тюрьму засадимъ — на хлѣбъ и воду на двѣ доба! — И вся толпа закрывала: „Молчи! молчи!“

Но Данило продолжалъ: — Вы властны посадити мене, куда хочете; но властевъ и я затребовати васъ до суду. Коли я тѣмъ открыю дѣла ваши, вамъ горше буде, чѣмъ мене на хлѣбъ и на воду. Доказати мене всъ, що я ошибаюсь и говорю вздоръ. Но лучше спытайте совѣтъ своею, увеличиваюсь или истратилось громадское добро? Спытайте себе самыхъ, разбогатыли ли вы или обнищали? Есть ли межн нами честность и вѣра? Що живе межн нами: благочестіе и любовь къ ближнему, или эмсколюбіе, развратъ, хитрость, лукавство, зависть и ложь? А если ваша совѣсть молчитъ, взглянѣтъ на развалившіися хаты и обыстья ваши, на опущенныя поля и огороды; — взглянѣтъ на ваши пустыя моншонки и дѣрвяны кишень; взглянѣтъ на ваши рубища и изорванныя сорочки; они будутъ моими свидками противъ васъ. Посмотрѣтъ на вашихъ бѣдныхъ, залишенныхъ дѣтей: они мои свидетели противъ васъ. Вы больше старались о скотинѣ вашей, чѣмъ о дѣтяхъ, а еще нильше вамъ отъ скотинны само ваше безпутство, картежь, обжорство и пьянство.

Данило хотѣлъ говорити еще, но селяне съ крикомъ оттолкнули его съ камени и не дали ему продолжати. Нѣкоторымъ хотѣли даже схватити его, но Данило сильною рукою такъ оттолкнулъ ихъ, що они ударились головою другъ

о друга; был схватил кобъ и погрозилъ отдалати ницъ первого, кто подойдет къ нему. Шумъ и крикъ раздавался все громче; нѣкоторые взялись и за камни; но Данило поднялъ кобъ свѣй, смѣло и рѣшительно двинулся въ самую густую толпу, и мимо всехъ прошелъ домѣвъ; тотчасъ умылся, перевязалъ свѣй ушибенный лобъ и успокоился. Тогда блѣдая, какъ смерть, съ заплаканными глазами прибѣжала къ нему Марія, и спросила: „живъ ли ты, Давило?“ и больше ничего не могла сказать отъ волненія. Данило успокоилъ ю и крѣпко прильнулъ къ сердцу.

6. Якъ вороги преслѣдуютъ Данила.

Послѣ того дня, какъ Данило говорилъ на сходѣ, ему пришлось много терпѣти горя и вынести много досады. Въ одну ночь злыми мальчишками разбили камнями стекла въ его окнахъ, въ другую зломали они ему въ саду шесть дбонь, за которыми онъ ходилъ съ тѣмъ усердіемъ, въ третью украли зъ грядъ всю его капусту.

Когда былъ удался къ старшинамъ съ жалобою, они злобно усмѣхнулись, говоря: „ты и не того еще заслужилъ; благо тебя еще, що мы-то не строги. Убѣрайся прѣчь, ругателю!“

Данило отвѣчалъ: „Если у васъ нѣтъ справедливости, то снахѣте воиць, що я здуиць оборонитися самъ, и щобы на мене не пенали.“ Но вороги его не унялись и продолжали свои безчинства, за которыми впрочемъ заплатились. Разъ вечеромъ, прохладавши, що онъ на мнѣнь, они закрались въ его садъ съ намѣреніемъ тамъ все истребити; наразъ изъ оконъ дома его раздались два выстрѣлы; они съ ужасомъ побѣжали оттуда, воображая, що самъ нечистый стоитъ сторожемъ, потому, що люди они въ переполохъ бѣжали, какъ повстрѣчался Данило, вертающій зъ мнѣня; былъ схватилъ одного изъ нихъ и крикнулъ громовымъ глосомъ: „Зачѣмъ вы, якъ злодѣи, хотѣли вломитися въ садъ мой?“

Однакожь былъ ничего имъ тутъ не сдѣлать. Въ другій разъ, когда негодяи затѣвали сдѣлати съ нимъ недоброе, и пьяныи послѣ полуночи перелѣзли черезъ плѣтъ, окружающій огородъ, що то ударило ихъ по ногамъ такъ сильно, що они отъ болю громко вскрикнули, и ледви перебрались черезъ плѣтъ.

Тотъ случай и подобныи ему проучили жителей села, и никто не смѣлъ больше ночью подойти къ дому Данила.

Но онъ по-прежнѣму былъ добрый со всеми. Кому нужно, подавалъ советъ или запомагалъ грошми; однако жалкое положеніе села терзало его сердце, и это побѣшилъ онъ къ священнику, щобы поговорити съ нимъ о томъ. А былъ той священникъ изъ роду такихъ нѣмногихъ уже людей своего стану, который мало жилъ съ громадою, а больше съ панями.

Когда Данило передалъ ему рѣчь свою, священникъ отвѣчалъ: — Я священникъ, и то до мене не касается; въ ваши дѣла мѣшатся мои, не прихо-

дятся; все несчастье того села происходитъ отъ того, що люди погрязли въ грѣхахъ; они не соблюдаютъ Божого слова, и на умъ у нихъ одно: якъ бы только скоротити мои доходы; но за те гнѣвъ Божій покараетъ ихъ и дальше не потерпитъ ихъ грѣхамъ!

— Но позвольте замѣтити вамъ, Отче, отвѣчалъ Данило: вы бы могли, еслибъ хотѣли, сдѣлать много добра. Еслибы вы стали наблюдать за школою и научили бы дѣтей добрымъ правиламъ и христіанской жизни, еслибы заставили ихъ полюбить добродѣтель и бояться порока — тогда бы все пошло лучше.

— То дѣло учителя, а не священника, возразилъ священникъ. А менѣ не до того, менѣ тѣмъ заниматься годъ. Громада сама виновата, що у ней нѣтъ хорошаго учителя. Зачѣмъ она не назначитъ ему хорошаго содержанія?

Данило отвѣчалъ: „Добрый пастыръ, дбающій о свое стадо, заботится о всемъ; — люди неважи и часто пропадають отъ нерозумія, не знаячи, якъ поправить дѣло. Еслибы въ свободныи часы вы заходили то къ одному, то къ другому, и сами бы увидѣли нерозуміе тѣхъ бѣдныхъ людей, которые часто пропадають отъ того только, що никому не дадутъ имъ добрый совѣтъ; еслибы вы видѣли, якъ несчастныи тѣи збиваются зъ прямого пути; потому погрязаютъ въ порокахъ и совершенно погибають; еслибы вы видѣли, якъ жалкіи ихъ дѣти лишены возможности научиться доброму, потому, що видятъ только порочное; еслибы вы, Отче, хоть бы одинъ разъ...“

Священникъ перервалъ Данила и закричалъ: „То не твое дѣло! Не тобѣ учить мене, ще я долженъ дѣлать! Отвяжись съ своими совѣтами; я стараюсь о душахъ, молюсь за нихъ щодневно, такъ менѣ не ходити за вами, коли вы сами о себѣ не стараетесь.“

Замѣтивши гнѣвъ священника, Данило вышло отъ него, и сердце его горестно сжалось. Холодность къ нему священника не остановила его; бнѣ думалъ: Богъ мене наставитъ! такъ не можъ кинуть дѣло.

Данило принарядился, взявъ палку и отправился въ городъ. Тамъ онъ перебувалъ съ своею просьбою у всѣхъ начальниковъ:

Но одинъ изъ тѣхъ пановъ давалъ обѣдъ, другій ухажалъ на ловы, третій былъ занятъ картами, четвертый числилъ одержанныи проценты, пятый отправлялся на балъ гуляти, и никто не могъ его выслухати. Наконецъ прійшоу бнѣ къ послѣднему, который и пріянулъ его. То былъ дуже старый человекъ, весь сивый. Ему-то Данило изливъ все свое горе, розказалъ о печальному положеніи своего села, о недобросовѣстности старшинъ, о ровнодушіи священника, и о неважествѣ учителя.

Старый сивый панъ, выслухавши его, отвѣчалъ: „Ахъ ты, неважа! Якъ смѣешь ты поносити гражданское и духовное начальство! Молчи, не розсуждай и убирайся вонъ, или я тебе отправлю въ робочій докъ! Вашъ священникъ достойный человекъ, бнѣ менѣ стряечный братъ.“

Получивши такой отвѣтъ, Данило покинулъ городъ, и выйшовши за ворота, не выдержалъ, а горько заплакалъ.

(Дальше буде.)

Пренуме-
рата въ годъ
1 рр. 60 кр.
со „Сло-
вомя“ 10 рр.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
144. м.

Науково-белешриштинная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 20.

Львовѣ 7. Августа 1868.

РОЧНИКЪ II.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ДАЛЬША КОЗАЦКАЯ ВѢЙНА съ ПОЛЬЩЕЮ, -- ГЕТМАНЫ СУЛИМА И ПА-
ВЛЮБЪ (отъ г. 1633 до 1637).

Не смотря на такъ звану „грамоту примиренія“ и другія узаконенія, выданныи новымъ королемъ Владиславомъ IV на корысть православной Руси, тая Русь таки и послѣ г. 1632 поносила великіи притѣсненія такъ отъ стороны Ляховъ-католиковъ якъ и отъ перекичиковъ-уніятвѣ. Было бо таке несчастье для Руси нашої, що отъ часу, якъ настала у насъ злопамятная унія, уже и Ляховъ на то не треба было, щобы во всѣхъ сторонахъ святой русской земли производилсь сварня и роздоры, а оттакъ и великіи неправды и пригнетенія. Все то бралося у насъ вже теперъ изъ власного каламутного источника, якимъ была именно то-та нездарная унія, способомъ измѣническимъ въ великой части русского народа заведенная. Уніятскіи бо Старшины а Владыки, хотя всѣ ишли зъ русской крови и роду, но въ дѣлѣ гнобленія православной русской братіи неразъ навѣтъ горшими были отъ Поляковъ, и затѣмъ въ сей поганой работѣ выручали вже и самыхъ Ляховъ, которы теперъ отъ трудвѣ своихъ немного отпочивая, съ удовольствіемъ приглядалися домашной борбѣ Русинвѣ съ Русинами. Жаркая завязатость въ той работѣ нѣкоторыхъ уніятвѣ, а вразъ-же и природное отвращенье, яке звычайно мають люде до перекичиковъ и змѣнниковъ своего роду, допроводили наконецъ до того, що наша православная Русь, хотя и яка рзкая недруга Польши, зненавидѣла уніятвѣ, т. е. именно сихъ перекичиковъ и змѣнниковъ своего роду еще далеко ббльше, чѣмъ самыхъ Ляховъ-католиковъ. Тожь и дѣялось у насъ таке отъ часвѣ появленія уніи, що найтвердѣйшіи защитники св. православія, люде самыхъ знакомитыхъ родинъ русскихъ въ краю, коли увидѣли, яко за свою православную вѣру на всѣ боки подвергаются гоненіямъ, раднѣйше переходили уже на латинство, чѣмъ на ненавистную унію. Такихъ родинъ славного старо-русского кореня, при-

нимавшихъ въ то время католическую вѣру, найшлось у насъ дуже богато, а въ ихъ числѣ были межъ прочими навѣтъ родины княжеского и боярскаго чину, якъ на примѣръ: князь Слуцкіи, Заславскіи, Збаражскіи, Сангупки, Вишневекскіи, Черторыйскіи, Рожыцскіи, Пузыны, Сѣпъги, Ходкевичи, Корсаки, Хребтовичи и многіи другіи; — ба и самъ князь Александръ Острожскій, сынъ и послѣдній мужескій потомокъ славнаго оного Константина, що то унію и Ляхѣвъ такъ упорно поборялъ на Берестейскомъ Соборѣ, и сей Александръ князь Острожскій сталъ въ-конецъ также ревнымъ католикомъ, та и въ г. 1624 основалъ навѣтъ въ исконно-русскомъ Острожѣ латинскій костелъ и езуитскую школу. Знакомитыи родины тѣи за переходомъ на латинство звычайно сейчасъ и полячилися, и бажая выдати себе передъ лицемъ Польщи вѣрными еи приверженцами, будовали по примѣру князя Александра Острожскаго въ русскихъ городахъ велельпы польскіи костелы, наводили до насъ изъ Польши цѣлыи толпы католицкихъ ксендзѣвъ и езуитѣвъ, та и такъ жиючи въ своихъ палатахъ цѣлкомъ ма лядкій ладъ, мало-помалу отчуждалися отъ своего народа и на нѣдра власной батькѣвщины стали для насъ мовъ заморскіи чужинцами. За стараньемъ сихъ-то ополченыхъ родинъ русскихъ побудованы были въ часъ вѣины короля Владислава IV съ Москвою (г. 1632—1634) католицкіи костелы и кляшторы въ Кіевѣ, Чорниговѣ, Нѣжинѣ ба и въ Переяславлѣ и другихъ городахъ козацкои Украины, и явились чорнодухи-езуиты навѣтъ въ такихъ сторонахъ за-Днѣпрянскою Русю, где передъ тѣмъ езуитскомъ души ами за всь скорбы пекла не найшоль бы.

Кромъ отступничества знакомитыхъ родинъ своихъ, перекинувшихся на латинство, православная Русь оного времени понесла еще большую страту черезъ отпаденье одного зъ найспособнѣйшихъ Владыкъ своихъ отъ Патріарха Цареградскаго. Былъ то именно Владыка Подоцкой епархіи, Мелетій Смотрицкій, мужъ великомъ учености и яко писатель своего часу на всю Русь найславнѣйшій. — Онъ же Владыка Смотрицкій имѣлъ таке несчастье, що власне за его бытности въ городѣ Витебску (г. 1623) православныи убили тамъ-же уніятскаго фанатика Юсафата Кунцевича, а понеже Смотрицкій былъ тогда въ самой рзкой враждѣ съ Кунцевичемъ, то ему-то и приписали Ляхи головную вину сего убійства. Показалось навѣтъ и при слѣдствѣ въ Витебску, що Владыка Смотрицкій сказалъ разъ до тамошнихъ мѣщанъ неосторожное слово, пѣдущающее къ убіенію Кунцевича. Въ слѣдствіе того Смотрицкій принужденъ былъ спасати себе отъ рукъ Полякѣвъ бѣгствомъ, та изъ Витебска перѣхалъ сперва на Украину, потомъ ажъ до Царгорода, где и пребывалъ онъ въ палатѣ Патріарха черезъ три лѣта. Въ г. 1627 повернулъ онъ назадъ на Русь, однакожь тутъ, угры-

звѣдѣ совѣстію за смерть Кунцевича и жалячи бѣгъ Поляковъ узискати прощенія, бѣгъ рѣшился на самое лукавое измѣническое дѣло; прицѣляя унию — тую унию, противъ которой бѣгъ около 20 лѣтъ съ нараженьемъ власного житья жестоко и пламенно боролся. Ажъ таке бѣгъ отступничество, така зрада противъ своей вѣры и роду выеднали для Смотрицкаго не лише полное прощеніе Ляховъ за справу Витебску, но еще и пребогатую мѣру ласкъ и всякихъ выгодъ, якіи зъ той поры на него зъ Варшавы и Рима обидьно выпадали. А хотя въ годъ послѣ того (1628) бѣгъ, прїѣхавши до Кіева, навернулся было зновъ на православіе, и книги свои, написанныи противъ исконно-русской вѣры, въ Кіево-печерскомъ монастырѣ подъ часъ святой Службы Божой все-народно на куски подеръ и на огни спалилъ: то однакожъ учинилъ бѣгъ се ино страха ради, абы и ему не досталось тое-же бѣгъ козакбъ, що зъ его подмовы досталось разъ въ Витебску Іосафату. Выхавши же изъ Кіева; Смотрицкій назадъ передался уніятѣмъ, за що и одержалъ зъ ласки Рима и Поляковъ найдоходнѣйшую архимандрію въ Дерманскомъ монастырѣ (на Волянню), где и умеръ въ г. 1633, яко отступникъ проклятый святою православною Церквою.

Больдо то дуже нашу матеръ Русь сіе бѣгъ отступничество славного ея сына Мелетія Смотрицкаго, — больдо, та перебольдо, а на мѣстце утраченнаго сего защитника православной вѣры явились у ней другіи знакомитыи Владыки, на чель которыхъ стануль теперь высокоумный мужъ Петро Могила, бѣгъ г. 1633 поставленый Митрополитомъ русско-православной Церкви въ Кіевѣ. А былъ вамъ той Митрополитъ Петро Могила, хотя Волошинъ родомъ и хотя за молодшихъ лѣтъ служилъ въ польскомъ войску, но помимо того весь преданный справъ русского народа, и таки на-скрбѣзъ душею и сердцемъ здѣлавшійся православнымъ Русиномъ. Бѣгъ то, якъ лише обьялъ по смерти Іова Борецкаго († 1631 г.) власть митрополичу, сейчасъ со всею ревностію принялся подносити духа православныхъ Русинбъ не только посредствомъ ученыхъ книгъ своихъ, якіхъ во славу и въ оборону русской Церкви списовалъ богато, но вразъ-же и выложеніемъ щедрыхъ средствъ бѣгъ великихъ своихъ маенностей, которыхъ яко потомокъ зятныхъ воеводъ имѣлъ немало. Для розширенья большой просвѣты въ православномъ мїрѣ бѣгъ заводилъ до краю численныи школы, а въ своей столицѣ въ Кіевѣ учредилъ высшее училище или Академію, котора въ честь его имени и названа была Академією Могилянскою.

За часбъ сего — то многославого Святителя Петра Могила сильно ожилъ русскій духъ въ цѣломъ нашомъ народѣ, особливо же на Украинѣ и въ розмоглася знову русско-народная сила такъ успѣшно, що приходилося ожидать тамъ новыхъ козацкихъ бунтбъ противу Польщи. При-

*

чина до таковыхъ бунтовъ нашлася тутъ тѣмъ скорше, понеже на Украинѣ уже отъ часовъ Гетмана Наливайка, т. е. отъ начала военъ козацкихъ уважно борьбу съ Ляхами борьбою непрерывною, всегда тревающую, а хотя и наставали гдѣкии въ той борьбѣ перервы, однакъ сама наименьшая побудка возобновляла кровавый танецъ съ Польщею. Оно до того ишло и теперь, а именно такимъ ото побытомъ:

По зверженіи ляцкого зашника Семена Перевязки козлки обохъ сторонъ Днѣпра выбрали въ г. 1633 своимъ Гетманомъ Павла Павлюка а Кошевымъ Атаманомъ или вторымъ Гетманомъ полковника Сулиму. Тѣи то два Гетмана были для Украины мовь-бы одна душа, однако люблены народомъ; и коли Гетманъ Павлюкъ занимался больше собираньемъ и устроианьемъ козацкихъ силъ на Запорожью, лагодячи ихъ до будущей войны съ Польщею, Атаманъ Сулима водилъ поединки полки на Татаръ и Турковъ за-для лучшей вправы ихъ въ военномъ искусствѣ. — Подвиги Атамана Сулимы, удачно веденныи на побережияхъ Крыма и на Черномъ морѣ, затревожили знову турецкого султана, и тотъ началъ опять жаловатись на козакѣвъ передъ польскою короною. Въ слѣдствіе того Поляки, желая остановити козацкии выправы Днѣпромъ на Черное море, спровадили французского инжинера Боплана, и тайкомъ, безъ вѣдомости Запорожского Гетмана, збудовали повшыше Днѣпровыхъ порогѣвъ твердую крѣпость Кудакъ, въ которой заставлена сильная стража ляцка иягла здержовати козакѣвъ отъ Черного моря. Крѣпость тая была создана въ мѣсяцю Юлію 1635 г., а вже въ Августъ того самого лѣта Атаманъ Сулима, повертаючи туда зъ Черно-морской выправы, здумълся немало, увидѣвши ляцкую твердыню съ численными баштами и съ войсковою залогою въ такомъ мѣстци, где передъ тѣмъ былъ ино роздольный степъ. Змѣрковавши властивую цѣль Кудакской крѣпости, Сулима якъ-стой ударилъ на ню, ворвался въ середину, вырубалъ до-ноги ляцкую залогу, а стѣны и всѣ будынки новой крѣпости розрушилъ до основанія, такъ, що и слѣдѣвъ по ней не осталося. — Такъ исчезла прегорода ляцка у порогѣвъ Днѣпра.

Подвигъ Сулимы подъ Кудакомъ страшно огорчилъ Гетмана коронного, пана Конецпольского, который самъ своимъ гоноромъ ручался коронѣ и Варшавскому сенату, що его Кудакъ вже на вѣки усмирить буйства Запорожцѣвъ. Увидѣвши теперь свою срамоту, панъ Конецпольскій поклялся своимъ житеемъ, що отомститъ Сулиму дерзкое его дѣло. И гордый Ляхъ тѣмъ разомъ выполнилъ свою клятву. Коли бо Атаманъ Сулима, зруйновавши Кудакъ, ступалъ дальше съ своимъ отрядомъ дорогою къ Съчи, напалъ его нечаянно панъ Конецпольскій съ переважною силою Ляхѣвъ, и тутъ середъ степу натеръ на него съ такую наглостію, що Сулима, ужъ ажъ надто изнуренный

далекииъ походомъ, принуждеиъ былъ многократно сильнѣйшему непріятелю на ласку—неласку поддаться. Тогда панъ Конецпольскій велѣлъ его оковати въ желѣза, и якъ-бы простого преступника до Варшавы отставити; а въ Варшавѣ то лядкии каты, измучивши нашего хороброго Атамана всякими нелюдскими муками, четверговали его тѣло, та изрубанныи части сего тѣла возили по украинскихъ городахъ за-длѣ постраха козацкому народу.

Но козацкій народъ не таковъ былъ, чтобы убоялся страховъ лядкиихъ. Порубанныи трупы Старшинъ своихъ уже неразъ бачилъ онъ, на телѣгахъ польскихъ, ѣздившихъ ътъ города до города и выставлявшихъ на показъ всему русскому міру грозное владычество Варшавы; на трупы ти, на кровь наилучшихъ защитниковъ своихъ, проліяну катѣми лядкиими, смотрѣлъ народъ козацкій съ чувствомъ горести и жадо, однакожь видъ такий вѣсто того, чтобы напугати, еще тѣмъ болѣе розъярялъ его сердце — твердо-русске, козацкое сердце. Такъ оно было и теперъ, коли поръзанное на чегыре части тѣло Кошевого Атамана Сулимы, уважаемого на Украинѣ вторымъ Гетманомъ, возили Ляхи по городахъ и селахъ нашихъ: народъ съ состраданьемъ дивился на то сумное зрѣлище, шепталъ за душу замученного своего Батька-товариша сердечными молитвы, но при томъ въ тихомолку распалая въ собѣ всю ярость противу Ляхѡвъ, и на мертвецкихъ останкахъ козацкого начальника острѣлъ духъ и сердце до дальней борбы съ Польщею.

А таяжь борба съ Польщею нивла вскорѣ поднятисѣ на-ново еще съ болѣшою лютостію, чѣмъ коли-будь передъ тѣмъ. Вѣдай бо жилъ еще на Съчи Гетманъ Павлюкъ, который до той поры мало вправдѣ занимался военными походами, но за то собралъ и устроилъ за порогами Днѣпра досытъ численное войско нарочно до бою противу Поляковъ. Онъ то якъ лише увѣдалъ о несчастной доли своего вѣрного товариша Сулимы, сейчасъ пустилъ кликъ по всей Украинѣ, созываючи народъ своѣй козацкій до грознои мести. Якъ-стой згромадилосѣ надъ Днѣпромъ около 18.000 добре узброенного мужа, и Гетманъ Павлюкъ, загрѣвши тутъ братію-козакѡвъ жаркою промовою, зложилъ передъ лицемъ всего своего воинства торжественную присягу: що или освободитъ рѣдную Украину ѡтъ лядкого яра, или умре за ню съ оружіемъ въ рукахъ. Послѣ того началасѣ гоибба на Ляхѡвъ и жидѡвъ по всѣхъ украинскихъ городахъ, которы на-скоро и были ѡтъ врагѡвъ очищены.

Вѣсть о томъ новомъ всенародномъ возстанію Украины произведа въ Польшѣ дуже печальное дѣйствіе. Хотя бо войны тогда у Ляхѡвъ съ ніякимъ сусѣдомъ не было, но сама тая мысль, що могущій Царь Москвы, недовольный заключеннымъ недавно Поляновскимъ миромъ,

могъ бы теперь якъ-нибудь зъ непокоѣвъ въ сусѣдной земли мало-русской корыстати — тая мысль наполняла панбѣвъ въ Варшавѣ горячковою тревогою, и они постановили на-чѣмъ-свѣтъ поскорѣе усмирить небезпечный той мятежъ козацкій. Въ сей цѣль выслали они въ Украину на помѣчь zagrożенному докола Конецпольскому найдоборѣйшіи полки своего войска изъ Польши, поручивши начальство надъ ними пану воеводу Николаю Потоцкому и кблкомъ знакомитымъ полководцямъ заморскимъ, которыхъ нарочно таки за-для козацкихъ военъ изъ далекой Франціи до себе спровадили. Панъ Потоцкій, соединившись съ отрядами Конецпольского и одержавши бѣтъ тогожь, яко Гетмана коронного, препорученъе доводити всѣма соединенными Ляховъ силами, двинулся къ городу Корсуню, где находился головной таборъ козацкій.

Туть-же близъ Корсуна, пдѣ селомъ Кумейками, Гетманъ Павлюкъ съ около 10.000 мужа окпался крѣпкимъ валомъ, ожидая нападу отъ стороны Поляковъ. Козаки, мало важучи нового ляхкого начальника, не спинали ему заняти пдѣ Кумейками саме найкорыстнѣйше до бою становище. А якъ и неискусный былъ въ военномъ дѣлѣ панъ Потоцкій, но имѣлъ бѣтъ пдѣ собою опытныхъ полковникбѣвъ французскихъ, которы на выгодномъ становищи чуда знали доказати. Такъ и тутка они хитрыми приступами и добре вымѣренною пальбою подѣлали въ козацкихъ окопахъ такъ вредливыи выдомы, що дальше приходилось козакамъ завести съ неприятелемъ рукопайный бой на самомъ невыгодномъ для нихъ боевищи. Дня 16 Студня 1637 г. произошла пдѣ Кумейками кровавая сѣча, въ которой обѣ стороны черезъ цѣлый день боролись — не то уже сказати — съ лютостію, а съ отчайдушнымъ бѣшенствомъ, и котора наконецъ о полночи такъ завершилась пораженіемъ Запорожцѣвъ. Поляки zdobyли пять козацкихъ пушокъ, положили на мѣстци около 6000 мужа, и завладѣли цѣлымъ гетманскимъ обозомъ; самы же они, яко нападающіи изъ догодно закрытыхъ становищъ, понесли нербно меньши, однакожь весьма чувствительныи страты, потеряли бо туть двоухъ найдѣльнѣйшихъ Французбѣвъ-полководцѣвъ, именно полковника Морвиля и поручника Лакордата, бывшихъ душою ихъ войска.

Послѣ того несчастья пдѣ Кумейками Гетманъ Павлюкъ, наскрбѣзъ сокрушеный и значно павшій на духу, бѣтступилъ съ останками своего войска къ мѣстечку Боровицѣ, куда на тойже часъ собралося было множество свѣжихъ силъ козацкихъ. Въ-слѣдъ за Павлюкомъ поспѣшалъ пдѣ Боровицю также панъ Потоцкій, который, надменный случайно своею побѣдою, надѣялся зинцити на-прахъ еще не только самого Павлюка, но вразъ съ нимъ и всю нашу козачину. Коли однакожь приспѣлъ бѣтъ пдѣ Боровицю, а французскіи офицеры, слу-

живши въ яцкомъ войску, по осмотръню козацкаго табора увѣрили пана Потоцкаго, що справа тутъ уже зовсѣмъ не такъ легка, якъ пѣдъ Кужейками, то хитрый паяз воевода рѣшился ужити пѣдъ Боровицею супротивъ козаковъ звычайной яцкою штуки: лести, ложи и обмана. Въ той цѣли послалъ онъ въ таборъ Гетмана Павлюка нарочныхъ повѣрниковъ своихъ съ предложеньемъ згоды и братерскаго перемирія, а то на слѣдующихъ условіяхъ: 1) отъ имени короля запоручается козакамъ не тѣлько полное прощенье, но и поновнѣе забезпеченье всѣхъ козацкихъ правъ и вольностей такъ войсковыхъ, якъ и народныхъ; 2) за то настоящимъ Гетманомъ козацкимъ по обохъ сторонахъ Днѣпра на-ново поставленъ буде прогнанный изъ Украины Семень Перевязка, а Гетманъ Павлюкъ останется спокойно въ своихъ мѣстностяхъ. — Якъ и укорительною для козаковъ была сія вторая точка яцкаго условія, но Гетманъ Павлюкъ разъ уже утрагивши довѣріе въ свою силу, не рѣшался далѣй провадити войну съ перемагающимъ неприятелемъ. Затѣмъ онъ, не смотря на супротивленіе многихъ Старшинъ козацкихъ, подписалъ и утвердилъ присягою перемиріе съ Потоцкимъ.

Ледви онаякожь по заключеню перемирія пѣдъ Боровицею козаки выйшли изъ своего тобора, и зложивши оружіе начали въ безпорядку росходитися, на-разъ Поляки кинулися на нихъ изъ всѣхъ сторони; многихъ порубали, перестрѣляли, перерывали, а остальныхъ ограбили и обрзали у нихъ усы и чуприны. Гетмана же Павлюка, Обезного Грѣяча, Асаулъ: Побыдла, Летягу, Шкурая и Путылу обіймали безъ оружныхъ пѣдъ стражу, заковали въ желѣза и отправили въ Варшаву съ донесеньемъ, що будыто Старшины сіи взяты въ новолу во время битвы.

А въ Варшавѣ того лише и ждали, щобъ достати нашего Павлюка живцемъ до рукъ, та потышити яцкій нарѣдъ опять свѣжимъ мучательскимъ зрѣлищемъ. Якъ скоро отже приставлено сюда Гетмана Павлюка и Старшинъ козацкихъ, сейчасъ паны-шляхта собрались на окремишню порадку, та безъ всякаго изслѣдованья и не доходячи того, лжишь чиномъ наши начальники попались во власть Потоцкаго, заудали всѣхъ ихъ на кару найстрожайшой смерти. Потомъ вывели ихъ, окрваныхъ на рукахъ и ногахъ, на площадь борошной казни, и тутъ зъ Гетмана Павлюка живого каты яцкіи здерли изъ головы кожу, котору таки на мѣстци набили грѣчанною соломою, а Обозному и чотырѣмъ Асауламъ нанилимъ обрубали головы топорами. Мертвыи головы всѣхъ выслахо сейже часъ на Украину, и выставлено именню гетманскую голову на сваяхъ крѣпости въ Чигирияхъ, а прочіи повбивано на палъ въ городахъ: Нѣжинъ, Уманю, Батуринъ и Черкасахъ. Питомъ-же сіи головы спалено въ помянутыхъ городахъ всенародно въ часъ ярмарковъ.

Такою зрадою, такою нечеловѣческой казнью отплатила Ляхи Гетману Павлюку за его довѣрчивость, проукразанную имъ подъ Боровицею! Не повагою силы, не оружіемъ честного дѣла военного взялись они побороти теперь украинскую Русь, но вытащили къ той цѣли противу насъ лукавыя средства и збруи, якими противъ Бога и челоуѣчества воюе само пекло. Подлая ложь и обманство, разбѣи и мучительство людей безоружныхъ — стали въ ону пору военными орудіями Польши противъ козацкаго народа нашей Руси. Владѣтели покоренныхъ земель мало-русскихъ перетворились въ кровожаждущихъ катѣвъ, которыя вмѣсто того, чтобы — если вже казнити насъ, то казнити по якимъ-нибудь челоуѣческимъ законамъ на полю битвы или въ слѣдствіе правильного суда, похищали у насъ измѣнническимъ способомъ наилучшихъ борцѣвъ и защитниковъ народныхъ, дерли зъ нихъ кожу и зарывали безпощадно, осоромляя навѣтъ ихъ трупы самымъ звѣрскимъ образомъ! Тоже не диво, що и самъ добросердечный, побожный и на-скрѣзь честный нарѣдъ нашъ, дивлячися съ ужасомъ на пекельныя дѣйствія Польши, осматривая кровь и трупы своихъ Старшинъ-любимцѣвъ, розъярился на тую-же Польшу такъ жаркою ненавистью, що въ дальшомъ теченіи военъ своихъ козацкихъ платилъ уже Ляхамъ безпощадно полною ихъ-же власною мѣркою.

Закѣмъ однакомъ прійшло до дальшій росплаты Украинцѣвъ съ Польщею, Ляхи въ началѣ г. 1638, по замученію Гетмана Павлюка и его товаришей, еще чувствовали себе нашими побѣдителями. Корястая отже изъ своей переваги, они намѣрили разъ уже на-всегда зломити силу нашу козацку, и въ той цѣли созвали нарочный соймъ панѣвъ шляхты до Варшавы. Тутъ-же на соймѣ постановили они: уничтожити всѣ права и свободы козацкаго народа, наданныя еще королемъ Баторіемъ а заприсяжены всѣми его наследниками, королями Польши. — А были то права и свободы нашего козачества именно слѣдующіи: всѣ козаки, кѣлько ихъ соберется, мали право участвовати въ выборанью вольными голосами Гетмана, обозныхъ Старшинъ, полковниковъ и сотниковъ; дальше принадлежало имъ судитись тѣлько отъ своихъ Старшинъ; наконецъ могли свободно заниматься всякимъ промысломъ, а за кривды и за оскорбленіе чести одерживали такжежъ удовлетвореніе, яке назначено было шляхтѣ въ Польшѣ. — Тѣи то права и свободы козаковъ украинскихъ уничтожены теперь ухвалою сойма Варшавскаго, который кромѣ того выдалъ еще особенную грамоту противъ козаковъ такового содержания: „Всѣ права и чинопоставленія козаковъ, за оказанное ими возмущеніе, уничтожаются, а на всю будущность козаковъ долженъ рѣвнатися простому хлопцу. Хотя реестровыи козаки въ числѣ тѣлько 6000 мужа еще и на-даль остаются, но

они не будутъ имѣти власнаго Начальника, ниими самими выбираемого, а поступать подъ начальство соймаго комисаря, назначеннаго изъ польской шляхты, который обовязанъ присягнути сенатови и королю, що буде спиянати козацкѣ отъ своевольныхъ поступкѣвъ, неволити ихъ до вынагороды за всякіи учиненныи ними убытки, и повиноватися во всемъ коронному Гетману Польщи. Сей комисарь соймаый має постоянно пребывати въ Терехтемировѣ, а козаки должны стояти постоемъ лише въ округахъ около Черкасъ, Канева и Корсуна. По-за тѣми округами забороняется ковакамъ владѣти якимъ-нибудь участкомъ земли, чтобы оттакъ земляки ихъ, доокрестныи селяне, подъ ніякимъ предлогомъ не могли съ ними сходитися. Все тое, що прежде козаками своевольцо забрано было шляхтѣ польскій, належитъ сейчасъ назадъ отдати тойже шляхтѣ. Одинъ полкъ козацкій за другимъ має поочередно держати стражу надъ островами и порогами Днѣпра, абы прегородити Татарамъ переправу черезъ рѣки а козакамъ изъ украинскихъ степѣвъ выходъ на Чорное море. Кромъ сей стражи никому не вольно отправлятися на острова и пороги Днѣпра, хибанъ лише съ подорожнымъ свѣдоцтвомъ соймаго комисаря. Кто безъ того свѣдоцтва буде пойманъ на Кудакѣ, т. е. на мѣстци, где стоялъ Кудакъ, того сейчасъ укаратисмертію.

Такою то грамотою выдали Украинѣ вражіи Ляшенъки въ началѣ 1638 г. Сею грамотою бажали они выразити уже самую найвысшую степень верховодства Польщи надъ козацкою Русію. Извѣстно бо, що еще за часѣвъ Баторія дозволено было козакамъ самымъ выбратьи Гетмана, и того Гетмана поставлено подъ верховную власть самого короля; черезъ тоежь козаки зависѣли прямо лишь отъ одного короля, а Польщи они якъ-будто и не знали. Се была первая степень подчиненности русскаго козачества подъ Польшу. Вторая высшая степень такового подчиненія следовала въ 1589 г., коли то Жигмонтъ III поддалъ козацкѣ подъ власть короннаго Гетмана; се подчиненіе означало уже, що козаки стали зависими не только отъ короля, но въ ббольшой еще мѣрѣ отъ шляхты польской, которая за посредствомъ своего сенату переважно владѣла надъ короннымъ Гетманомъ. Наконецъ третья найвысшая степень подчиненія козацкѣ наступила ось-теперь въ 1638 г., коли уменьшенное на 6000 мужа войско козацке передано соймаомъ Варшавскимъ во власть уже не Гетмана короннаго, а соймаого комисаря, черезъ котораго шляхта лянца уже окончательно забрала козацкѣ въ свои руки. — Ажь теперь отже думали панове Ляхи, що уже покорили нашу козацкую Русь цѣлковито и окончательно; однакожь якъ страшно завелися они на той своей думцѣ, поучилъ ихъ ось-же памятный годъ 1638.

(Дальше буде.)

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ послѣ Чюбого.

(Продолженіе.)

6. Новый учитель.

Колп Данило вернулся въ село, онъ не сказалъ никому, зачѣмъ онъ былъ въ городѣ, и що тамъ съ нимъ случилось. Напротивъ, онъ притворился весьма довольнымъ, и якъ бы ни въ чѣмъ не бывало, дружелюбно здоровался со всѣми, даже съ наибгншимъ врагомъ своимъ, корчемникомъ Мирономъ, который былъ наибогатшій газда во всемъ селѣ, а потому надъ всѣхъ наисидявѣйшій на громадѣ. Тотъ Миронъ стоялъ подбоченясь у воротъ своихъ, шапка на берень, и важно поглядывалъ по сторонамъ.

— Здорово, Миронъ, сказалъ Данило, що такъ стоишь, чейже суто пошабашилъ?

Миронъ важно кивнулъ головою, и отвѣчалъ, не смотря на Данила: „А що менѣ еще дѣлать? довольно зъ мене и того, чтобы жebraкѣвъ гонять отъ порога!“

Услышавши такую богопротивную рѣчь отъ старшины, которому бы слѣдовало быть отцемъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, Данило съ негодованіемъ пройшолъ мимо. Ему стало легче, коли проходячи мимо млына, онъ увидѣлъ красавицю Марію, дочку мельника. Она сидѣла передъ домомъ подъ яблонью и шила сорочку. Увидѣвши Данила, она вспыхнула, поклонилась ему пріязно, усмѣхнулась, и слезы блеснули на очахъ ея. „О чѣмъ плачешь, Маріо?“ спросилъ Данило испугавшись.

Марія отерла очи, усмѣхнулась еще пріязнѣйше, и покачавши головою, сказала: „сегодня я ничего не скажу тебѣ, Данило, коли-нибудь узнаешь.“ — Она показала ему и краснѣйшою и пріязнѣйшою, чѣмъ коли будь передъ тѣмъ. Но сколько онъ ни роспытывалъ, не мѣгъ узнать, за чѣмъ она плакала. „А ты былъ въ городѣ, сказала она, вѣрно погулялъ тамъ; — однако ты што не весель? Не хорошо то, Данило; погулялъ ты въ городѣ, такъ тебя и скучно въ селѣ съ нами.“

Данило печально опустилъ очи и не отвѣчалъ ни слова. Марія подошла къ нему, взяла его за руку и шепнула дрожащю: Данило, що съ тобою? Скажи мнѣ, за чѣмъ ты сумуешь?“

— Милая Маріо! сказалъ Данило, виднть Богъ, якъ я оиастливъ, коли съ тобою, потому що люблю тебе! Но видишь ли: менѣ жалъ землякѣвъ нашихъ; я хорошо вижу, хорошо узналъ ихъ и поцѣлъ, якъ они глубоко розгорены. Посмотри, якъ они въ нуждѣ борются и якъ много потреба, чтобы по-

привести ихъ состоянію. Но, прости Господи, бѣдныхъ людей почитаютъ за скотъвъ, а безжалостнымъ богачамъ то-то и любо. Затаятъ и старшины, чтобы въ руки всѣхъ прибирати, та кишеню свою набивати, они обкрадываютъ сиротъ, обижаютъ вдовъ, и нѣтъ у нихъ ни страха Божого, ни совѣсти. Въ селѣ становится съ каждымъ днемъ все горше, нищеты больше и больше, а помочи нѣтъ ни откуда. Есть у насъ и власти, уже на то они лишь и существуютъ, чтобы квалитися, та свою корысть соблюдать, а чтобы народъ изъ нужды выручати — то не ихъ дѣло, не ихъ обязанность: они хибань лишь о томъ и хлопчуть, якъ бы людямъ пылъ въ очи пустити, та пожити въ свое удовольствіе, та грошей вдоволь награвити. Они только и заботятся, що о роднѣ своей; все для своихъ: то звуку удружити, то братанкови; рука руку мыть, воронъ ворону не выклюе очей; народъ габне, а старшиннамъ и горя мало. Еще хвали ихъ за милость ихъ и распорядительность. Такія подлыи, въ нихъ нѣтъ ни стыда, ни совѣсти!

— Милый Данило, сказала Марія, що тобѣ огорчатся тѣмъ? Вѣдь есть Богъ на небесахъ: Онъ судья тѣмъ, которые не исполняютъ своихъ обязанностей. Не ты виновать, що земляи наши такъ бѣдотвуютъ, — що же тобѣ сокрушатся?

— Да чижъ хорошо жити въ пеклѣ кромѣшникомъ и видѣти лукавствя дьявола, мученіе бѣдныхъ грѣшниковъ? Може ли мнѣ бити хорошо, коли я вижу безсовѣстность городского начальства и безстыдство и надменность нашихъ сельскихъ старшинъ, которые вмѣсто того, чтобы, якъ слѣдовало, выручати народъ изъ бѣды, влохтываютъ его въ грязь еще глубѣйше. А потомъ, коли несчастныи становятся преступниками, отдаются ложи, крадежамъ и даже убійству, ихъ предають казни. Старшинъ не возмущаетъ то, що о дѣтихъ заботятся меньше, чѣмъ о скотинѣ; смотря на то, они только самодовольно ухмыляются. Да чижъ то не пекло? Чижъ наши селяне не стали похожи на скотъвъ: грубы, гадки, неприятны, безчувственны! А по порокамъ своимъ они сдѣлались горшій животныхъ — забіяки, бунны, клеветники, завистники, лживецъ, способныи только объѣдаться та опиватися.

— Старый учитель поплатился за пьянство, сказала Марія. — Третього дня ночью выйшовъ онъ изъ корчмы пьяный, и проходячи надто близко понадъ ставъ, упалъ въ воду и утонулъ. Вчера рѣно его вытащили и сегодня хоронили. Счастье еще, що бѣзъ не оставилъ ни жены, ни дѣтей.

Данило съ удивленіемъ выслушалъ тую вѣсть, сталъ подробно распытовати, а потомъ, казалось, глубоко задумался и въ великомъ раздумьѣ отправился домой. Марія не понимала, що могло такъ наразѣ его встревожити, она узнала то въ первую же Недѣлю.

Послѣ обѣдни собралась вся громада на раду, чтобы выбрать нового школьного учителя. Данило пойшовъ туда-же. Марія стала слухати иъ-далека съ женщинами и дѣвчатами. Она боялась, що Данило опять задумаетъ говорить

что-нибудь неприятное случится, и просила отца, чтобы онъ договаривалъ его, если стане горячиться. Оттого-то медникъ и не отходилъ отъ Даниила ни на крокъ.

Первый изъ старшинъ, Миронъ, объявилъ громадѣ, за чѣмъ собралась она, и сказалъ: „Такъ какъ должность школьнаго учителя опорожнена, и хотя она ничтожна, и при маленькой платнѣ wymagaе много труда, то вы должны почитать для себе за счастье, що я могу предложить на утверждение громады доброго человека, желающаго вступить въ тую должность, именно — кушнѣря Степана. Его дала лихи, та и къ тому-же бытъ меня сродникъ по матери.“

Другій корчмарь Козыръ, второй изъ старшинъ, представлялъ тоже своего родственника хромого скрипача Голяпуху, который, по его мнѣнію, заслуживалъ предпочтеніе, для того, що вмѣсто сорока золотыхъ реньск, соглашался поберати мно 35, принимая на увагу бѣдность громады.

Когда кушнѣрь Степанъ замѣтилъ, що большинство господъ склонилось на сторону скрипача, то онъ сталъ высказывать все, що зналъ о немъ злого и постыднаго, и предложилъ идти въ учителя за 30 зол. реньск. Скрипачъ до того взбѣдился, що назвалъ кушнѣря злодѣемъ, развратникомъ и негодяемъ, а громадѣ предложилъ себе за 25 зол. реньск. Тогда кушнѣрь объявилъ, що на скрипача пожалуется за его ругательство, но за такую ничтожную плату идти въ учителя не хотѣлъ. Такъ какъ никто больше не вызывался на то место, для того, що изъ зажиточныхъ людей никто не желалъ заняти должность, всѣми презираемую и лестную хибань для тѣхъ, которые ничего не ищутъ, то громада и назначила скрипача, который по крайній мѣрѣ умѣлъ читать и писать.

Тутъ-то изъ толпы неожиданно выдвинулся Данило и съ волненіемъ сказалъ: „Пастуху, который ходить за вашими свиньями, даете вы больше платятъ, чѣмъ учителю, который учить дѣтей вашихъ добру и страху Божому; не стыдно ли вамъ такъ грѣшати? Я знаю, що громадская скарбница всегда пуста, коли требуется изъ неѣ для полезнаго дѣла, а бѣдными людямъ на школу нигде взяти грошей, коли у нихъ самыхъ едва хватаетъ хлеба, бульбы и соли на прокормленіе. Я сделаю, що могу: предлагаю вамъ быти учителямъ безъ всякой платы; говорите-жь, чи желаете вы итти мене учителямъ? То ни громадѣ, и ни одному изъ васъ не буде стоять ни гроша.“ Селяне съ удивленіемъ переглянулись и потомъ посмотрѣли на Даниила; и некоторые рѣшительно не хотѣли его и говорили:

— Онъ вѣдай продать нечистому бѣдныи души дѣтей нашихъ.

Но большая часть размыслила, що никто другій не возьмется такъ выгодно для нихъ за то дѣло, и стали шумѣти, чтобы Даниила назначили учителемъ. Тогда стали собирать голоса, и Данило былъ выбранъ.

Марія, услышавши то, отъ стыда и ужаса хотѣла бы провалиться скрѣзь землю, для того, що кромѣ свинопаса и сторожа не было въ селѣ званія ниж-

шого отъ учителя. Она съ рѣсункю прибѣжала до школы, какъ будто-бы случилось съ нею великое несчастье. Добрый мельникъ тоже покачалъ головою, и сказалъ: „день кажется, Данило въ ума збѣдшолъ“ Но Данило остался при своемъ, и былъ представленъ старшинами къ должности учителя. Онъ долженъ былъ идти изъ городъ держати испытъ, и такъ какъ онъ писалъ красиво и счетоводство зналъ даже больше, чѣмъ нужно было для сельскъ, то и утвердили его учителемъ.

7. Якъ Данило занимается школою.

— Маріо, Маріо, не мучь мене своею печалью, — сказалъ Данило огорченной дочери мельника. — Ты въ томъ дѣлѣ ничего не розумѣешь, но подумай сама: старики наши такъ испорчены, що ихъ не переманишь; а быти може, хорошимъ воспитаніемъ дѣтей мнѣ удастся все село направити къ добру. Другого-то пути вѣдай нать; мѣсто учителя не завидное, нимъ всѣ пренебрегаютъ, но вспомни, какое униженіе принялъ Спаситель, чтобы исправить людей, научити и спасти ихъ. Еслибы у насъ были розумны и добросовѣстныи старшины, которые бы мельше старались о своихъ выгодахъ, а больше о общей пользѣ, тогда бы они позаботились о хорошихъ учителяхъ для каждого села; но у насъ все на-выворотъ, все лѣзе къ верху и давить то, що вънизу; отъ-того-то на верху надто тяжело, а въ-низу надто легко, и власть многихъ держится на весьма шаткомъ основаніи.

— Ахъ Данило, Данило! возразила Марія, — ты не знаешь, що ты сдѣлалъ. — а що племню, она не сказала.

Межи тѣмъ, съ наступленіемъ зимы, Данило открылъ свою школу. Въ первый день онъ сталъ въ дверяхъ и принималъ дѣтей, и съ каждымъ пріязно здоровался. Тѣхъ изъ нихъ, которые приходили съ грязными чоботами, должны были ихъ вытереть сперва сохолою, и потомъ очистить о желѣзную скобку, находящуюся у порога, чтобы не запачкати ногами подлогу школьной комнаты. А если руки у нихъ были грязны, то посылалъ ихъ сейчасъ умытиса у студня. Если волосы были не причесаны, онъ отсылалъ ихъ домѡвъ, чтобы причесались. Опрятныхъ же и причесанныхъ онъ любезно цѣловалъ.

Мальчики и дѣвочки дивились всему тому, ными стыдѣлись, другіи смѣялись, нѣкоторые плакали. Такъ съ ними никто не обходился.

На другій и на третій день Данило опять встречалъ ихъ у дверей, и такъ поступалъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не привыкли приходити въ школу въ чистотѣ и въ порядкѣ. Тогда онъ началъ принимать ихъ уже въ комнату. Когда же и туда приходили съ нечесанными волосами, съ немытыми лицами и руками, съ грязными ногами, то онъ становилъ ихъ на возвышенію, на всеобщее посмѣяніе, чтобы ихъ всѣ видѣли, и потомъ отсылалъ домѡвъ умытиса.

Многіи въ селѣ сердились за то, но такъ какъ въ школѣ никто не мѡгъ распорядитиса, то и должны были молчати. А потому за кілька недѣль всѣ

дѣти, ходившіи учиться, большіе я: мамы, бѣдныи и богатыи, стали весьма опрятны, до крайней мѣры пока были въ школѣ.

Тамъ однако не кончалась старанность Даниила о ученикахъ. Колька ма- сяцѣвъ оны приучалъ ихъ къ порядку, потомъ сталъ наблюдать за чистотою платья. Какъ бы оно ни было ветхе, оны не позволялъ однако, чтобы оно было въ грязи, или въ пыли. За бѣдное платье оны навивалъ, бо въ тои дѣти не были виноваты. Тѣи, которые цѣлую недѣлю являлись опрятными не только въ школѣ, но и въ селѣ, на улицѣ, въ церкви, въ поляхъ, — дѣлались его любимицами; тамъ за первую недѣлю давалъ оны, въ доказъ своего вниманія, или картинку или красивую ленту, или ласточокъ тонкого шпелю для письма, и на другую недѣлю тоже акій-нибудь подарокъ; цѣи всѣхъ-цѣловалъ дитину, и тои дитя получало тогда право въ Недѣлю ходити на прогулку съ Даниломъ, а въ ин- хую погоду смотрѣти его великую книгу съ картинами, изъ которой Данило розсказывалъ много славныхъ повѣстей.

Данило умѣлъ тоже заслужити уваженіе у старшихъ; оны никогда не бо- жился и не клялся и никого не боялся. Що-жь дивного, що скоро всѣ дѣти стали уважати и любити его далеко больше, чѣмъ отцевъ и матерей своихъ. Они усмѣхались ему, весело бѣжали къ нему на встрѣчу, старались по очамъ угадати его желаніе и слухали его по одному знаку или слову.

Селіи Золотой Поляны рѣшительно не понимали, якъ все то дѣлалось, тамъ больше, що учитель не употреблялъ ни палки, ни рѣзги. Иныи стали бо- яться его и розсказывати другъ другу сказку о якои-то лондѣ мышей, ко- торый зъумѣлъ заманити къ собѣ дѣтей и увелъ ихъ всѣхъ въ пещеру одной горы, а тамъ съ ними и пропалъ. Колька старухъ громко говорили, що дѣло было нечисто, и совѣтовали не пускати дѣтей къ учителю. Но до того не дойшло.

Данило розсужалъ такъ: „Чистота сердца есть здоровье души, а чи- стота тѣла есть здоровье тѣла. Животныи могутъ валятися въ грязи, но че- ловѣкъ, подобіе Божье, долженъ быть чистъ и возвышатися къ чистому небу. Въ началѣ воспитанія дѣти должны знати, що они люди и дадеко лучшии отъ животныхъ. Тогда можно изъ нихъ все сдѣлати, а изъ животныхъ ничего не сдѣлаешь.“

„Учитель, который не умѣе привлечь нѣжныи сердца дѣтей любовью, говорилъ Данило, плохо понимаетъ свое дѣло. И следовало бы заманити о спину школьного учителя тую палку, которою оны бѣе дѣтей, якъ, ослѣвъ, собакъ и другихъ звѣрей, не имѣющихъ человеческого розума и сердца.“

8. Що было дальше въ школѣ.

Въ селѣ стали въ-слухъ говорити, що Данило испорчаетъ дѣтей, приводитъ ихъ въ новую веру, и що вообще доброму у него научитися ничому. Каза-

лбсь дивнымъ, що дѣтя каждого дня съ наибольшою охотою ходять въ школу, тогда якъ загаломъ они школы не любятъ, и утвержали, що то не даромъ. И притомъ въ школѣ владыа мертвая тишина, якъ-будь то въ церкви, тогда якъ бывало прежде шумъ и крики учащихся слышались на все село; а теперъ даже и во время науки пѣнія голоса дѣтей едва были слышны. Замѣчали еще, що и въ молитвы войшли рѣзныи нововведенія, що дѣтя учились чаровати и умѣли уже чертати які-то предивныи знаки.

Такія рѣчи дошли и до ушей священника и городского начальства. А такъ якъ никто не зналъ и не понималъ, якъ занимался Данило, то назначили комисію для осмотра, а таа комисія состояла изъ двоухъ городскихъ чиновниковъ и сельскаго священника.

Одного разу передъ началомъ ученія, она войшли неожиданно къ Данилу, объявили ему, зачѣмъ прійшли и сказали, що онъ должеа при нихъ учить дѣтей, такъ якъ всегда учить.

Дѣтя стали собираться, одинъ по одному; пріятно было видѣти чистоту и опрятность ихъ, не смотря на бѣдныи и розорванныи платья. Вся она сперва подходила къ учителю, кланялась ему, потомъ тихо садилась на мѣстца, где тихо-же, но и весело, разговаривали другъ съ другомъ и посматривали на незнакомцевъ. Всѣхъ дѣтей было 55, по одну сторону сидѣли мальчики, по другую дѣвочки.

Когда всѣ собрались, Данило сказалъ: „прежде всего, дѣтя мои, помолитесь Богу Отцу нашему.“ — Едва произнесъ онъ тѣи слова, якъ всѣ 55 дѣтей зложили рученьки, и нази на колѣна, опутивши очи къ землѣ. Учитель прикликнулъ тоже на колѣна. Когда священникъ и городскіи чиновники увидѣли, що всѣ смиренно преклонились передъ Всевышнимъ, то увлеченныи примѣромъ, тоже преклонили колѣна. Тогда учитель произнесъ прекрасную, трогательную молитву; слова ен такъ были просты и такъ ясны, що шести-лѣтніи дѣтя легко понимали смыслъ ен. Все то такъ тронуло сердце одного изъ чиновниковъ, що слезы навернулись на его очахъ.

Когда всѣ встали, то старшіи въ школѣ, посмотрѣвши на черную доску, на которой были написаны ноты и слова, пропѣли тихимъ голосомъ утренній гимнь, за ними маленькіи тоже подтягивали по-тихоньку. Послеъ сего тѣи, которыи лучше читали, стали по-очередно читати изъ одвой книги, каждый по одной строцѣ, и каждая строка въ полъ — голоса повторялась всею школою; тогда книгу закрыли и Данило сталъ спрашивати каждый стихъ сперва у всей школы вразъ, потомъ у каждого школяра особно.

Послеъ того дѣтя раздѣлялись на четыре кучки и розойшлись въ рѣзныи стороны къ доскамъ, на которыхъ были написаны буквы, слога и даже цѣлыи строки великими буквами. Вся списывали на грифельныхъ доскахъ или на паперѣ червильомъ изъ тыхъ прописей. Данило переходилъ отъ дѣтати къ дѣтяти, одно хвалилъ, другое поправлялъ, училъ держати перо или грифель и проч.

Черезъ часъ дѣти раздѣлились опять на четыре кучки и вмѣсто одного учителя явилось наразъ четыре, — для того, що тѣм, которымъ умѣли читать лучше, ставили на доскахъ печатныя буквы отдѣльно или слогами и цѣлыми словами, какъ научилъ ихъ Данило.

Буквы были наклеены на картонъ и каждая отдѣльно. Данило смотрѣлъ, все ли такъ дѣлалось, и каждый изъ маленькыхъ учителей заставлялъ свое отдѣленіе произносить въ полъ-голоса тѣ буквы и слова. Никто не мѣшалъ другому. Ухо и око Данила были повсюду, и въ полъ-голоса онъ поправлялъ то однихъ, то другихъ.

Потомъ черезъ часъ кучки опять раздѣлились, и вмѣсто буквъ явились на доскахъ цифры и задачи; выступили новыя учителя и учительки. Одни изображали цифры, другіи складывали ихъ, третіи вычисляли, четвертыя ставили таблицю умноженія и т. д. Тѣмъ, которые лучше считали, давалъ Данило писанныя задачи, а они рѣшали ихъ про себе. Наконецъ каждый говорилъ, що у него вышло. Данило, смотря въ книжечку, где были рѣшенія задачъ, тотчасъ объявлялъ, кто рѣшилъ вѣрно, кто нѣтъ.

Удивительны были при томъ тишина, порядокъ и явная у всехъ охота къ ученью. Ни чиновники, ни священникъ въ жизнь свою ничего подобнаго не видѣли. Дѣти, по окончаніи утреннихъ занятій, поклонившись учителю и гостямъ, стали потихоньку выходить изъ школы и за дверями только начался межъ ними веселый разговоръ, а по временамъ слышался и смѣхъ.

Послѣ обѣда дѣти опять раздѣстились передъ досками и стали чертить на нихъ и на паперѣ рѣзныя фигуры прямыми и кривыми линиями; нѣки уже выводили очерки цвѣтовъ и рѣзной утвари. Потомъ тѣм, которымъ могли лучше читать, читали въ-слухъ веселыя и поучительныя розказы и повѣсти. Надобно было видѣти при томъ радость дѣтей. Данило по окончаніи чтенія предложилъ своимъ ученикамъ, умѣющимъ писать, изложить на паперѣ, кто какъ умѣлъ, слышанное къ завтрашнему дню, съ тѣмъ, чтобы не было ошибокъ противъ правописанія. Наконецъ онъ громко назвалъ и похвалилъ тѣхъ, которыми онъ былъ особенно доволенъ въ тотъ день: таковыхъ оказалось на тотъ разъ шестеро дѣтей. Имъ-то, къ немалому ихъ удовольствію, онъ позволялъ еще остаться на нѣкоторое время въ школѣ, чтобы послухати занимательный розказъ. Онъ имъ розказалъ про одного человека, который въ жестокую зиму былъ найденъ на улицѣ замерзшимъ и принесенъ за-мертво въ село. Селяне не знали, какъ должно было поступити съ нимъ, и по своему разумію сейчасъ внесли его въ теплую избу, думая такимъ образомъ оттаяти. Къ счастью подошелъ знающій лѣкарь, который велѣлъ прежде роздѣти замерзшого и зарыти его въ снѣгъ, потомъ положить въ холодную воду такъ, чтобы вся члены его покрылись ледяною корою; коли за тѣмъ тѣло перенесли на холодную постель въ не-топленной комнатѣ, велѣлъ терти его суконками, пока не приведетъ къ жизни по виду уже мертвого человека. Все то обстоятельно розказалъ имъ Данило.

И тѣмъ заключился день въ школѣ.

(Д. 6.)

Редакторъ В. А. Дѣдичкин.

Въ печатнѣ Ставропигійской.

Пренумера-
та въ годъ
1 ар. 80 кр.,
се „Сло-
вомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
123. м.

Науково-белешриштинная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 21.

Львовъ 21. Августа 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ГЕТМАНЪ ОСТРЯНИЦЯ — И ДАЛЬШИ КОЗАЦКІИ ВОЙНЫ СЪ ПОЛЬЩЕЮ
(отъ г. 1638 до 1645).

Ужасная казнь Гетмана Павлюка и найстрожайшіи указы Варшавского сойма не только не испугали степовыхъ сыновъ Украины, но еще тѣмъ болше розъярили ихъ противу Польщи. Не лише Гетмана коронного и свѣжо для Украины поставленнаго комисаря соймового козаки наши теперь уже ничѣмъ собъ не важили и власти ихъ надъ собою ніякъ не признавали, але навѣтъ и самому королеви стали отказовати послушенство. Увѣрились бо они наглядно, що Польша становится теперь не то державою, въ которой якъ-нибудь владѣе свѣій король и порядочная власть закона, но она перетворилась уже на-скрѣзь въ вертепу беззаконныхъ хищникѣвъ, въ соборище розбуялыхъ магнатѣвъ, у которыхъ ничего не значили ни король ни людскіи права, а просто лише управляло ними безграничное своеволие и корыстолюбіе. Власть короля въ такой безладной державѣ не важила и за вѣхоть, а король Владиславъ IV, хотя и якъ добросерднній владѣтель, не смѣлъ ани словомъ пикнути противъ безпорядкѣвъ бурливой шляхты. Всю найвысшую управу въ краю, все владычество надъ королеми и державою забралъ въ свои руки одинъ соймъ Варшавскій, въ которомъ леда дуракъ якій простый шляхтичъ присвоилъ собъ болше права становити о дѣлахъ Польщи, Литвы и Руси, чѣмъ имѣли того права всѣ оныи три народы и все королевское правительство. Не дивно затѣмъ, що для такой державы, якою здѣлалась тогда шляхоцкая Польша, никто изъ сусѣдъ не оказывалъ ни наименьшой чести, а зависимый отъ неи нарѣдъ русскій выповѣдалъ ей свое послушенство.

Было то весною 1638 г., коли лядскіи урядники по цѣлой Украинѣ голосили установу Варшавского сойма, которою козакамъ отнимались всѣ ихъ права и свободы, а надъ реестровымъ войскомъ установлялся въ Терехтемировѣ комисарь соймовый съ найвысшою отъ короны

властію. Не успѣли-жь еще Ляшеньки выконати строгій наказъ своего сойма, а уже козаки наши численною громадою собралися підъ Переяславемъ, и тутъ-же на-перекоръ ляцкой злобъ выбрали собъ настоящего своего Гетмана съ полною войсковою и мірскою властію надъ всѣма козацкими полками, такъ Запорожскими якъ и реестровыми. А тѣмъ Гетманомъ нарекли они одногосесно дѣльного и весьма умного Нежижского полковника Стефана Остряницю, та еще въ помочники для военного дѣла придали ему старого и заслуженного товарища Льва Гуню, заправленного на борьбахъ съ Ляхами еще отъ часѣвъ Гетмана Наливайки. Два тѣи начальники козацкого войска якъ лише обняли повѣренную имъ власть гетманскую, сейчасъ-же постановили дѣйствовати такъ, якъ сего требовала воля всего народа. Затѣмъ Атаманъ Левъ Гуня поспѣшилъ въ за-Днѣпровскіи степы собирати що-мога силъ козацкихъ въ новыи полки, а Гетманъ Остряница, устроивши свѣй таборъ и гетманскую раду въ Переяславлю, розсылалъ оттуда во всѣ стороны Украины свои ободрительныи грамоты, зывающии весь міръ русско-православный до борьбы противъ треклятыхъ вороговъ отечества. Въ сихъ то грамотахъ Гетманъ Остряница представлялъ въ короткихъ очеркахъ всю Исторію нашей Руси, и оттакъ наглядно доказовалъ народу, що по утратѣ нашего державного самобыту мы иначе не устоимся противу вражой Польщи, якъ лише съ острымъ мечемъ въ одной руцѣ а съ крестомъ православія въ другой; въ-концѣ же бнѣ жаркими словами призывалъ всякого, кто жие въ землицъ русской а мечъ или спису подвигнути здужае, абы чѣмъ-скорше ставился въ Переяславль и затягался въ ряды русско-народного козацкого воинства.

Грамоты козацкого Батька Стефана Остряницъ рознеслися по Украинѣ, по Волиню, Подбѣлю, ба и по нашей Галичинѣ, и отъ тѣхъ всѣхъ земель поспѣшали молодцѣ та и старшіи люде за Днѣперъ къ Переяславлю, щобы ставитись до козацкого ополченія. Заворушилося оттакъ въ святой Руси все, що лишъ дыхало жизнию, а на Ляхѣвъ пѣйшла тревога, якѣи передъ тѣмъ еще и не бывало. Щобы однакъ предъохоронити себе отъ крайного небезпеченства, воеводы ляцкіи порозставляли скрѣзь-всюду у перевозѣвъ Днѣпровыхъ сильную стражу, та велѣли ловити всякого зъ людеи нашихъ, кто лишъ пробиралися туда на за-Днѣпріе. Также по всѣхъ городахъ Украины подвоены были коронныи залогы, а найстаршіи воевода польскій панъ Николай Потоцкій уживалъ всякихъ мъръ осторожности и постраху, абы не дати козацкому народу собратись где-нибудь бѣольшою громадою. Но якъ и пугали, якъ и сторожили Ляхи нашихъ людеи на всѣхъ просмыкахъ и переходахъ, а всежь таки толпы за толпами пробиралися по ночамъ то скрѣзь зарѣсья то переселками до Переяславля, гдѣ на-скоръ підъ Гет-

маномъ Острияницею набралось до 10.000 мужа козаковъ, узброенныхъ и готовыхъ до бою. Туда-же приспѣлъ незадолго и Атаманъ Левъ Гуня, который привелъ съ собою ажъ отъ рѣки Дону кѣлька сотенъ козацкихъ, самыхъ удалыхъ а многославныхъ Донцевъ - Великорусовъ, которы увидавши о потребѣ братной Украины, доброхотно пригнали къ намъ на пѣдмогу. Такъ и составилось у Переяслава крѣпкое войско козацке, которе хотя и не было на-стѣлько численне, щобъ вырѣвнати великимъ силамъ пана Потоцкого, но за то оно отъ Гетмана до найпростѣйшого свромахи все на-скрѣзь кипѣло жаждою самой лютой борьбы за Матеръ-Русь противу Польщи.

Въ мѣсяци Маѣ 1638 г. Гетманъ Острияница распочалъ военное дѣйствіе именно тѣмъ, що отъ Переяслава розбѣснѣлъ поединокіи отряды своего войска во всѣ важнѣйшіи города Украины, щобъ изъ сихъ прогоняти Поляковъ. Высланныи отряды козацкіи выполнили приказъ своего Гетмана съ такъ хорошимъ успѣхомъ, що въ теченію кѣлькохъ недѣль всѣ головнѣйшіи города надъ рѣкою Днѣпромъ были отъ Ляховъ очищены. Польскіи залогіи одни были розбиты и прогнаны, другіи уступали сами, спасаючися бѣгствомъ въ степы. Оттакъ вся просторонь по теченію Днѣпра стала свободна отъ непріятеля, и никто не спиналъ уже проходѣвъ и переправы туда козацкому народу.

Оставалось теперь поборяти еще соединенную силу Ляховъ въ отвертоцъ поли за Днѣпромъ, куда панъ воевода Потоцкій, уступая передъ козаками, стягнулъ не тѣлько всѣ городскіи залогіи, стоявшіи на Руси, но нагромадилъ къ тому множество свѣжихъ полковъ, приспѣвшихъ изъ Литвы и Польщи. Мѣстце, которое панъ Потоцкій избралъ для своего дѣйствія противъ Острияницъ, было степовое усторонье надъ рѣкою Старицею; тутъ то розложилъ и укрѣпилъ онъ сильно свой военный таборъ, намѣряя оттуда съ 20.000 своего войска не лише оборонятись, но вразъ же и на весь край козацкій наступательно дѣйствовать. — Въ половинѣ мѣсяца Червня явился тутъ-же у рѣки Старицъ Гетманъ Острияница съ 10.000 мужа козаковъ, и не смотря на перевагу ляцкихъ силъ, рѣшилъ выдати имъ наголовную битву. Якъ-стѣй приступилъ онъ до дѣла, начавши оно сильною пальбою изъ всѣхъ своихъ пушокъ. Поляки знали, яка то буде ужасная месть козацка за ихъ вѣроломство и зраду, учиненную недавно на Павлюку и на всей Украинѣ; они затѣмъ постановили оборонятись до послѣдней крайности, не давая ани не пріймая ніякой пощады. Оттакъ розъяренность зъ обохъ сторонъ была тутъ пекельная. Ляхи — каже одна современная лѣтопись — боронились въ той битвѣ яко львы, но козаки нападали на нихъ яко тигры. Выстрѣливши на-разъ изъ всѣхъ самопаловъ и пушокъ, и закрывши оттакъ весь ляцкій таборъ черною хмарою дыму,

наши степовыи войны съ громогласнымъ крикомъ „ура!“ метались якъ бѣшенныи на окопы укрѣпленнаго обозу, а отпертыи оттуда силою воровствъ, поновляли разъ-по-разъ свои напады съ чѣмъ-разъ большою запальчивостью. Наконецъ кругомъ окопѣвъ стануль высокій помѣсть изъ трупѣвъ такъ вражихъ якъ и козачихъ; тогда то Атаманъ Левъ Гуня, старый а опытный борець козачества, велѣль еще густѣйше устелити помѣсть жертвыми тѣлами, и такъ посередѣ степѣвъя збудовалъ бѣвъ излучистую дорогу до ляцкого табора. Онымъ-то помостомъ перенеслися всѣ полки козацкѣи зъ-подъ окопѣвъ въ середину табора, и тутъ завели съ Ляхами борьбу уже не стрѣльнымъ оружіемъ, а саблями, ножами и кинжалами. Рѣзня отчаянна въ тѣснотѣ обоза тревала до пѣзнои ночи, — но въ-конецъ перемогли наши на всѣхъ точкахъ. Пораженіе Ляхѣвъ было ужасне и до крайности для нихъ пагубное. Не могли дѣйствовати самопалами ни даже пистолетами, они неловко оборонялись одними саблями, а не оборочая тылу, уступали въ задній предѣль табора, къ берегу Стариць приперающій, и тутъ цѣлыми толпами въ рѣцѣ перетопились. Лишь панъ Потоцкій съ малымъ числомъ лучшои конницы спасся черезъ рѣку въ-плавь.

Побѣда козаковъ надъ рѣкою Старицею была истинно велика и многокорыстна. Ляцкій таборъ достался имъ со всѣмъ, що въ немъ было: съ пушками, всякимъ оружіемъ и со всѣма богатыми запасами войскового одѣнья и прокормленья. На другій день по той битвѣ козаки выстроили въ здобытомъ таборѣ оltарь подъ наметомъ, и тутъ-же отправили благодарственный молебень и панихиду за погибшихъ братьей; потомъ черезъ цѣлыхъ три дни хоронили тѣла павшихъ въ битвѣ воинѣвъ, такъ своихъ яко и вражихъ. При перечисленью оказалось трупѣвъ ляцкихъ 11.317, козачихъ же 4727, а въ томъ числѣ былъ и трупъ хороброго Льва Гуня.

Упоравшись съ мертвецами, козаки погнались за Потоцкимъ, который съ горсткою своихъ розбитковъ въ наибольшомъ поспѣху и безпорядку утѣкаль манѣвцами до Польщи. Измученный неустаннымъ страхомъ и дорогою бѣвъ задержался ажъ въ мѣстечку Полонномъ на Волянню, где и найшолъ еще нечисленну залогу ляцку, съ которою соединившись, задумалъ ожидати тутъ помочи изъ Польщи. Въ той цѣли заперся бѣвъ въ укрѣпленномъ замку, предполагая, що закѣмъ наступитъ за нимъ козаки и закѣмъ имутся добывати замокъ, свѣжѣи ляцкѣи полки здужаюгъ прійти ему на отсычь. Однакожь ледви его залога успѣла расположитись на Полоненскомъ замку, уже Гетманъ Острияница съ своимъ войскомъ и съ множествомъ ново-затыгненныхъ охотниковъ окружилъ густымъ живымъ валомъ цѣлый замокъ такъ, що отъ самого виду того ажъ тѣсно стало Ляхамъ дыхати. Тогда то панъ По-

тоцкій, видячи свою неминучую погибель, рѣшился ужити еще одно крайнее средство, отъ котораго надѣялся въ томъ избезпеченствѣ для себе спасенія. Ото бо бѣвъ, знаючи о томъ добре, якъ козаки наши высоко поважають знамена Божественной Вѣры, собралъ изъ Полонного всѣхъ русско-православныхъ Священникѣвъ, которыхъ тогда на областный соборъ навхало тамъ богато, та выслалъ ихъ въ сопроводѣ численнаго мѣщанства съ крестами, иконами и хоругвами на встрѣчу козацкому Гетману. Представши передъ Гетмана, духовныи Отцы, яко мужи побожны и миролюбивыи, зъ одной стороны, а мѣщане Полонного, яко затревоженные дѣйствиємъ войны, зъ другой стороны, начали низкопоклонно просити а заклинати такъ сомого Острияницю якъ и его воинство, щобы они умилосердились надъ Потоцкимъ, и такъ уже тяжко пораженнымъ и упокореннымъ.

Долго совѣтовались въ козацкомъ войску надъ тѣмъ, що дѣлати: чи карати Ляхѣвъ дальше безпощадно, чи оказати милость имъ на предстательство и усиленную просьбу православной братіи, Волянскихъ Русинѣвъ. Простое козацтво и одна часть Сгаршинъ стояли неуклонно при завѣтной своей дуицѣ: абы истребляти Ляшню, где лишъ попадется, до послѣднаго накоревка; однакожъ Гетманъ и другіи знакомитшіи его достойники, тронутыи жалостными мольбами пастырей своєї Церкви, переважно наклоняли сѣ на пощаду. За Гетманомъ, яко за начальникомъ всѣма любленнымъ, поѣшли въ-конецъ и всѣ прочіи козацкіи Старшины, та на гетманской радѣ постановили таке: абы на догодныхъ для Украины условіяхъ учинити миръ съ паномъ Потоцкимъ. Послѣ того отпоручники обохъ сторонъ, ляцкіи и гетманскіи, собралися въ православную церковь въ Полонномъ, а по зложеніи взаимныхъ клятвъ составили условія вѣчнаго мира, прирекаючи одни другимъ: що все прошедшее передадутъ полному забвенію, а на всю будущность стануть свято сохранять права и свободы двохъ въ сусѣдствѣ съ собою живучихъ народѣвъ. Мирный сей договоръ заприсягли обѣ стороны на святомъ Евангеліи, по чѣмъ войска розбѣшлися: Ляхи въ западную область Воляня, а козаки на востокъ ко Днѣпру.

Такъ и здавалось уже, що лютая вражда двохъ славянскихъ народѣвъ, достигши найвысшого своего степени въ степахъ надъ рѣкою Старицею, умирилась наконецъ передъ лицемъ Божого храма въ Полонномъ. Однакожъ такъ лише здавалось, а на дѣль вышло зовсѣмъ иначе. — Ледви-що отступили козаки отъ Полонного, а вже надѣшло туда свѣжое войско изъ Польщи, высланное на помощь разбитому Потоцкому. Въ слѣдствіе того Потоцкій, уступившій тоже изъ Полонного, завернулъ чѣмъ-скорше изъ дороги и соединился съ помощнымъ войскомъ знову у Полоненского замка. Чувствуя себе доста-

точно скрѣпленными, Ляхи сейже часъ начали думать о новой зрадѣ. Якъ на тое явились тогда въ Полонномъ ксендзы езуиты, а тѣи стали увѣщати Потоцкого: що присяга католикѡвъ, данная мечестивымъ шизматикамъ, т. е. православнымъ, ничого не значить, и що латинскіи ксендзы имѣють полную власть, папою римскимъ надѣленную, ѡтъ такой присяги своихъ вѣрныхъ отрѣшати. Тогда Потоцкій затребовавъ для себе такового отрѣшенія, а ксендзы езуиты въ томъ-же мѣстѣ Полонномъ, где що-ино недавно совершилась священная клятва на вѣчный миръ съ козаками, изрекли отрѣшеніе ѡтъ тойже клятвы такъ для Потоцкого якъ и для всего польского войска. Такою-то штукою Ляхи освободили себе ѡтъ условій вѣчнаго мира съ украинскимъ козачествомъ, и постановивши дальше истребляти нашу русскую силу, готовились ѡтътакъ на новыи подвиги вѣроломства и зрады. Надо все же мысль ихъ обернена была на то одно: погубити Гетмана Остряницю, предполагая хитроумно въ своей злобѣ, що якъ скоро погубать голову-пастыря, овцы самы розойдутся.

А случилось тогда такъ, що Гетманъ Остряниця, повернувши ѡтъ Полонного, отправился въ сопроводѣ 37 знакомитыхъ Старшинъ козацкихъ до Канева съ тою цѣлю, чтобы въ тамошномъ монастырѣ у чудотворной иконы помолитись Богу за счастливый успѣхъ военныхъ своихъ подвиговъ. Онъ не взялъ съ собою козацкои стражи, бо въдай время было мирное, а Каневъ городъ таки въ земли русско-украинской. Ани мыслію не допуская яковой зрады, Гетманъ захалъ въ Каневскій монастырь, и тутъ предался весь искренному богомолю. — Межи тѣмъ Ляхи, провѣдавши о той его поѣздцѣ, гнали по ночамъ якъ тогъ хищныи волки скрытными яругами и проселками до Канева, пробрались подъ самъ монастырь и окружили его многолюдною толпою. Гетманъ узналъ о предательствѣ ажъ тогда, коли весь монастырь наполненъ былъ Поляками. Сопротивлятись уже было невозможно; онъ поддался со всѣма товарищами, 37 Старшинами козацкого войска. Окованныхъ въ желѣза ихъ всѣхъ кинули Ляхи на тельги, и съ наибольшимъ поспѣхомъ, пробераясь потайными дорогами, повезли въ Варшаву, а монастырь Каневскій и церкви розграбили та пустили съ дымомъ.

Везучи нашего Гетмана и Старшинъ черезъ русскіи земли (черезъ Вельнь), Ляхи вѣхали толькo ночима та оминали села и огороды, страхаючись не такъ нашего народа, который былъ цѣлкомъ безоружный, якъ больше своей злои совѣсти и того сорому, що всякій человекъ на Руси мѡгъ уже и знати о ихъ поганой зрадѣ. Ажъ коли вѣвхали они въ области чисто-польскіи, стали тутъ совершати походъ свой уже съ великимъ шумомъ. Повязавши нашихъ Старшинъ по два въ рядъ и накинувши имъ на шеи стрычки, ляцкіи жолнѣры на коняхъ та-

шли ихъ нашихъ за собою мовъ тѣхъ дѣкихъ звѣрей на мотузьяхъ, и при стукѣ бубнѣвъ голосили передъ збѣгающимъ отъ всѣхъ сторонъ народомъ: будто оны „буштовники-шизматики захвачены въ неволю въ часъ битвы надъ рѣкою Старицею, где панъ воевода Потоцкій одержалъ надъ ними славіую побѣду.“ Съ такимъ вренебреженьемъ всякого стыда и людскости, съ такою найбезчельнѣйшою самохвальбою Лахи провели Гетмана Острияницю съ его товарищами ажъ до Варшавы, и тутъ заковавши ихъ всѣхъ еще въ тяжши желѣзныи дыбы, ввергли въ пбдземляну тѣмницю.

Въ тоежь время, коли несчастныи пльняики наши томились у Ляхѣвъ въ пбдземелью, явились въ Варшавѣ жены и сестры ихъ зъ Украинъ, которы якъ лишь узвали о тѣмъ, що сталося въ Каневѣ, сейчасъ забравши съ собою грудныхъ немовлятъ и маленкихъ дѣточекъ, поспѣшили въ-слѣдъ за увезенными мужами и братьями, надбючались плачемъ и мольбами вывободити ихъ отъ рукъ ляцкихъ. Печальный видъ представили отчаянныи козачки тѣмъ въ Варшавѣ: они ходили отъ дому до дому по всѣхъ магнатахъ, наполняя улицъ города жалостными воплями и рыданьемъ, молили на колѣнахъ панѣвъ и дукѣвъ ляцкихъ о помилованьѣ, — но магнаты и паны и дуки ляцкіи отъ ихъ русскаго голоса еще тѣмъ бѣльше розъярили свою злобу, а улчная чернь Варшавска обметала нашихъ страдальницъ пометхами и камнями. Не нашедши у никого въ цѣлой столицѣ Польщи ни помочи ни сочувствія, бѣдныи козачки наши постановили съ душевнымъ усмирениемъ дожидатись въ Варшавѣ страшнаго дня казни, желая въ послѣдній разъ еще хоть побачити лица своихъ мужей и братьей передъ ихъ-же смертію на площади. И не долго ожидали они того страшнаго дня...

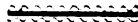
Безъ судебного изслѣдованья, безъ допросѣвъ козацкіи и Старшины за колыма дней вывлечены были на казнь. „Казнь же оная — говоритъ русская летопись зъ тѣхъ часѣвъ — была казнь едина въ мѣрѣ, безприязна въ своемъ родѣ, еще неслыханна въ челоувчествѣ по лютости своей и варварству. И потомство едва чи повѣритъ описанью сего событія, ибо никому, даже самому дикому Япончику не прійде въ голову выдумати подобное мученіе, а выконанье тогожь устращило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ. На мѣстце казни, наполненное народомъ, войскомъ и катами съ ихъ мучительными орудіями, шла передомъ всѣхъ римская процесія со множествомъ ксендзѣвъ и мнихѣвъ польскихъ, которыи по дорозѣ уговорали веземныхъ на жертву Старшинъ русскаго народа, щобы они приняли вѣру ихъ на избавленіе свое въ чистилицѣ. Но Старшины наши ничего имъ не отвѣчая, молились Богу въголосъ по своей вѣрѣ греко-русской. Колижь доведено ихъ на площадь, началось тутъ-же исполненіе казни. Гетманъ Острияниця, гене-

ральный Обозный Сурмило и полковники: Недругайло, Бажокъ и Рындичъ были колесованы; имъ переломили руки и ноги, и по колесу тягнули зъ нихъ жилы, доки они не испустили духъ. — Полковники: Гайдеровскій, Бутримъ и Запалый, Обозныи: Кизимъ и Сучевскій были проколоты желзными спицами на-скрбъ и поднаты живцемъ на палъ. — Полковыи Асаулы: Постыличъ, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харкевичъ, Чудакъ и Чурай, Сотинки: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбитъ на-стоячки гвоздями къ доскамъ прибиты, потомъ смолою обляны и повольнымъ огнемъ спалены. — Хорунижн: Могиланскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлый и Загнибда ростерзаны желзными когтями, похожими на медвжу лапу. — Старшины: Мантый, Дунаевскій, Скубрый, Глянскій, Завезунъ, Косыръ, Гуртовый, Тумаръ и Тугай четвертованы и порубаны на куснъ.“

„Жены и дѣти нашихъ страдальцевъ — такъ оповѣдае дальш современная лѣтопись — увидѣвши первыи казни, наполнили площадь страшнымъ крикомъ и рыданіемъ, — однакожъ и они скоро на-вѣкъ замолкли. Женамъ ляцкіи каты обрѣзали груди и ѳтрубали головы всъмъ до послѣдной, а грудными ихъ сосцами были конающнхъ мужей по лицахъ. — Дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около окровавленныхъ матерей, спалили въ виду батьковъ ихъ на желзныхъ решеткахъ, подъ которыми ляцкая чернь подкладала уголья и роздувала огонь метелками и шапками. Квиленье немовлятъ, зойкъ и стоны невинныхъ мальчиковъ и двчочокъ козачихъ роздирали воздухъ и неслися до небесъ о мечь вопіючи...“

По совершеніи такого мученичества, катове ляцкіи забрали головы, руки и ноги Старшинъ нашихъ козачкихъ, та розвозили ихъ по всѣхъ городахъ Руси и розвѣшали тамъ на столбахъ по городскихъ площадяхъ. Вразъ съ тѣми катами прійшли на Украину численныи толпы Ляховъ, такъ войско якъ и урядники, та розмѣстившися по селахъ и городахъ, заводили тутъ на-ново свое ляцкое панованье — настоящую Содому. И не тяжко то приходилось имъ теперь овладѣти цѣлымъ на-Двѣпрянскимъ краемъ, понеже козакы, позбавленныи головы и лучинихъ предводителей, по-правдъ якъ то-тъ овцы безъ пастыря розбйшлися въ-розсыпъ, не думаячи на-разъ о супротивленіи. Большая часть-изъ нихъ уступила въ Запорожскую Сѣчь, намѣряя тамъ-же устроитися знова въ порядочну козачку громаду; прочіи же розбитки, бродившии поменьшими шайками по краю, попадались въ руки Ляховъ и подверглись такимъ-же страшеннымъ мукамъ, въ якихъ скончались ихъ Старшины въ Варшавѣ.

(Дальше буде.)

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ послѣ Чокото.

(Продолженіе.)

9. О Недѣльной школѣ и о приключеніи въ мѣднѣ.

Такъ училъ Данило дѣтей въ школѣ, и вождого дня для нихъ было что-нибудь у него новое; городскіи чиновники и священникъ остались довольны и отозвались о немъ въ околицѣ, какъ о отличномъ учителю. Золото-Полянскіи селяне не хотѣли вѣрнѣ такому отзыву, и говорили межъ собою: „Якъ же Даниловн лучше понимать то дѣло, чѣмъ понимали его наши бывшіи учителя? Не може быти, — онъ умѣе очи отводити. Видно, самъ священникъ и чиновники повались въ обманъ, — то не зѣ-проста.“

Лѣтомъ не бывало ученія въ школѣ, для того, що старшіи дѣти должны были помогати отцу и матери въ ихъ полевыхъ и домашнихъ работахъ. Но Данило сзывалъ къ собѣ лѣтомъ мальчишкѣвъ, училъ ихъ, позволялъ играть у себе или что-нибудь дѣлать въ саду и въ полѣ своемъ, куда они съ нимъ ходили, собирали зѣ поля камень, пололи траву и проч. Коли другіи дѣти увидѣли се, то просили не забывать и ихъ, и вотъ въ праздникъ позвалъ онъ ихъ къ собѣ и снова училъ. Но Недѣлямъ и по праздникамъ бралъ онъ ихъ съ собою прохажатись въ поле и въ лѣсъ, показывалъ имъ эдоватыи травы и розсказывалъ ихъ страшныи свойства, или говорилъ имъ о жизни и порокахъ зварей, о содержаніи домашнего скота, о источникахъ, о рѣкахъ и моруяхъ, о горахъ и пещерахъ, о рѣзныхъ сторонахъ земли и различныхъ людяхъ, о звездахъ, о томъ, якъ они далеки и якъ велики. Все то онъ самъ зналъ и вычиталъ изъ книгъ.

Увидѣвши все то и взрослые парени захотѣли приходити по Недѣлямъ до Данила. Онъ охотно позволилъ имъ, для того, що ему было жаль видѣти, якъ они невѣжественны. Онъ и ихъ сталъ учити и давалъ имъ до дому писати и считати въ свободное на недѣли время. Такъ проходили Недѣли, и устроилась у него настоящая Недѣльная школа. Все больше и больше сходилось народа. Кто же приходилъ неопрятнымъ, кто посещалъ корчмы, занимался игрою въ карты, кто божился, клялся или ругался дурными словами и дрался, того Данило не допускалъ до себе. Онъ розбиралъ ихъ споры и при всемъ томъ обходился съ ними, якъ съ рвными собѣ; изъ благодарности ученики въ будни иногда помогали ему работати въ его полѣ, безъ его на то приглашенія.

Надъ молодыми людьми, которымъ учились у Данила, товарищи въ селѣ смѣялись, дразнили ихъ, давали имъ всякіи оскорбительныи прозвища, вели-

чали ихъ учителями, учеными, и всячески старались надъ ними посязаться. А старшинамъ было то и любо, коли нападала на Данила и другобъ его, для того, що они боялись, щобы ѡнъ не подкопался подъ нихъ, и самы то лишь злословили на него, не упуская случая вооружити противъ него всю громаду. Потому Данило пересталъ бывать у селянъ; только часто ѡнъ бывалъ въ млынъ, где ему всегда были рады.

Одного разу, пришедши до млына, замѣтилъ ѡнъ, що всѣ чѣмъ-то были розстроены. Старикъ-мельникъ былъ задумчивъ, жена его тоже не въ духу; она все ходила и хленала ва себѣю дверьми; а у Маріи очи были запѣканы.

Оставшись на-единѣ съ Марією, Данило спросилъ ю: „що за беда приключилась? илий нечестивецъ нарушилъ ваше спокойствіе? Вы все на себе не вхожи. Скажи мнѣ, Маріо, ще случилось?...“

Маріа дрожащимъ голосомъ отвѣчала: „Я скажу тебѣ все, Данило. Но... Нѣтъ... не скажу, мнѣ такъ горько!“ и она зарыдала.

Немного успокоившись, она продолжала:

— Вотъ уже годъ тому назадъ, якъ ты разъ засталъ мене съ заплаканными очами, и спрашивалъ мене о причинѣ того, но я тебѣ ничего не сказала. Въ то время къ отцу и матери приходилъ корчмаръ Миронъ и сваталъ мене ва своего сына, который уже держитъ млынъ на Каменцѣ. Отецъ и мати были не-противъ, для того, що корчмаръ богатшій отъ всѣхъ въ селѣ; къ тому же ѡнъ и первый старшина, може много помочи и много повредити намъ. Отецъ же непременно хоче, щобы зять его былъ мельникъ. Я сказала тогда, що еще молода и хочу остати еще годъ при родичахъ. Такъ якъ они ничѣмъ не могли убѣдити мене, щобы я согласилась на ихъ желаніе, то сватовство Мирона такъ тогда и прекратилось. Теперь годъ прошолъ, и Миронъ снова явился съ своимъ сыномъ. Они у насъ обѣдали. Отецъ и мати уже во всемъ поладили съ ними и сегодня назначили заручины. Но я сказала имъ, що не хочу николи выходить за-мужъ, и рѣшилась быти вѣрна своему слову. Сынъ Мирона вѣтренный гуляка — а отецъ его человакъ недобрый и недостоянный. Вотъ ѡтъ чогу у насъ въ домѣ горе и слезы.

Такой розказъ смутилъ Данила, для того, що ѡнъ всегда надѣялся, що коли-нибудь Маріа буде его женою, и выслухавши ю, сталъ въ молчаніи ходити по комнатѣ. Послеъ волькохъ хвиль молчанія ѡнъ подошолъ къ Маріи и сказалъ: „Маріо, милая Маріо, чижь ты николи не выйдешь за-мужъ? Если такъ, то и я николи не оженюсь, понеже кромѣ тебе мнѣ никого не надобно. Всегда я любилъ тебе больше надъ себе, и всегда надѣялся, що ты будешь моею.“

Заплакала Маріа, упала на грудь Данила, и прерывающимся отъ слезъ голосомъ отвѣчала: „Ахъ, Данило, Богъ видитъ, ты мнѣ милѣйшій и дорожшій, чѣмъ бы следовало. Отецъ мой богатъ; и хоче имѣти богатого зятя, и уже не перемѣнитъ своей воли! А ты, бѣдный учитель, долго еще не будешь въ состояніи прокормити жену свою!“

Данило крѣпко обнялъ плачущую дѣвицу и сказалъ: „ты теперь моя невеста, моя суженая, и нищо въ мірѣ не може тебе отити у мене, — не бѣйся, милая, ты моя теперь!“

Онъ вышлолъ гладати мельника и жену его. Марія слышала потому, якъ они разговаривали о чѣмъ-то горячо и громко, но поняти не могла ничего. Она, бѣдная, дрожала отъ страха и не знала, що дѣлать; она упала на колѣна и молилась всею душою. Коли немного отлегло отъ сердца, и она встала, то увидѣла черезъ окно, що Данило въ сопровоженіи отца и матери онъ иде эъ млына въ село.

То ю окончательно встревожило. Она знала, що Данило горячій и всмыслчивый, що онъ може чѣмъ-нибудь обидѣти ее родичей, и потому они ведутъ его къ суду, — судіемъ же былъ Миронъ. А никто въ млынѣ не зналъ, куда они поѣхали. Тогда въ своей горести она опять начала горяче молитися за Данила и за себе.

Было 10-ть часовъ вечера, коли она услышала шумъ идущихъ на улицѣ. Бы отецъ и мати повернули съ Даниломъ. Мельникъ взялъ свою дочь за руку и сказалъ: „Марію, ты любишь Данила?“ — Она отвѣчала: „шо же мена дѣлать, вѣдай и вы любите его.“

Тогда родичи подвели ю до Данила и благословили ихъ, якъ дѣтей своихъ. Марія долго не понимала ничего и не знала, сонъ ли то или нѣтъ.

10. Лихая слава Данила.

Коли на слѣдующу Недѣлю объявили въ церкви о свадьбѣ Данила съ Марією, селяне вытаращили очи, жоны ажъ стали перешептыватися, а корчмарь Миронъ, коли вышлолъ изъ церкви, въ крайномъ негодованіи покладся, шо онъ не буде спокоенъ, пока не изведе jakimъ бы то ни было образомъ обманщика мельника со всею его родиною и вразъ съ учителемъ, пока онъ не засадитъ ихъ всѣхъ въ дѣмъ поправы; не смотря однакожь на то, послѣ трехъ недѣль, Данило съ Марією весело отпраздновали свою свадьбу, къ великой досадѣ Мирона. Коли молодыи прійшли вечеромъ эъ млына въ домъ Данила, Марія кинулась къ мужу своему на щю, и сказала: „Боже мой! якъ я счастлива! я не могу вѣрити, шобы все то было правда. А говорятъ еще, шо бываютъ печальныи, горькии свадьбы! Чижъ мы можемъ коли-нибудь знелюбити другъ друга и желати розлученья, а не вѣрно жити разомъ?“

— Намъ буде хорошо жити другъ съ другомъ всю нашу жизнь, отвѣчалъ Данило, — но шобы то было такъ, мы должны дати собѣ тройное обѣщанію, а покуда мы будемъ исполняти его. согласіе и благословеніе Божое не оставитъ насъ. Эъ вышшого дня ты будешь жити для мене, а я для тебе, и не буде у насъ ни наименьшой тайны другъ отъ друга, даже если мы слѣдемъ шо недоброе, мы тотчасъ открываемъ се другъ другу. Такимъ образомъ.

мы оградимъ себе отъ многихъ ошибокъ и многихъ недоразумѣній, которые могли бы имѣти лихія послѣдствія. Потому родными наши дѣла должны оставаться только между нами, и мы не будемъ никому говорить о нихъ ни отцу, ни матери, для того, чтобы никто не вздумалъ мешаться въ наши дѣла и не могъ розстроити насъ. Только дѣйствуя такъ, мы будемъ жить другъ для друга, будто одни на свѣтѣ. Наконецъ, мы дамо собѣ слово быть снисходительными другъ ко другу и стараться всеми силами помогати другъ другу въ добромъ дѣлѣ.

Когда Данило кончилъ говорить, они, помолившись Богу, просили Его помощи въ дѣлѣ чистой святой любви, и дали собѣ обѣтъ сохранять все то, о чѣмъ говорилъ Данило. Они заключили обѣтъ нажить поцѣлуемъ, и въ ту же минуту въ ночной тишинѣ — наразъ раздалось подлѣ дома тихое, чудное пѣніе, и казалось, прло много голосовъ. Се были ученики и ученицъ Данила, которые хотали тѣмъ доказати сочувствіе въ счастью своего учителя.

На другій день рано, когда молодцы встали, они увидѣли множество сельякъ, женъ и дѣтей, сбѣжавшихся со всѣхъ сторонъ; они смотрѣли на домъ ихъ и указывали что-то на него. Данило отвернулъ окно, и увидѣлъ, что весь домъ его былъ украшенъ и увѣшанъ цвѣтами. То сдѣлали тиховѣкю ночью ученики его и ученицъ. Даже маленькіи дѣти рвали для того цвѣты въ садахъ и на лугахъ. Въ Золотой Полянѣ никогда ничего подобнаго не бывало; когда же на другій день Данило опять прійшоу въ школу, то все дѣти отъ мала до велика, бѣдные и богатые, прійшли къ нему съ букетами цвѣтовъ, какъ бы въ великій праздникъ. Такое выраженіе искренней любви и признательности сердечно порадовало Данила и молодую его жену. Она перецѣловала всѣхъ дѣтей и попочивала ихъ пирогами, которые нарочно приготовила для нихъ.

Въ селѣ же много ходило толковъ и сплетень по поводу свадьбы, и всякій говорилъ свое. Но все по крайней мѣрѣ думали, что се дѣло не могло обійтись безъ нечистого. Слыханое ли дѣло, чтобы дуже богатый въ околицѣ мельникъ выдалъ свою красавицу-дочку и единственную наследницу за бѣднаго школьного учителя? За Марію могли бы посвататися и городскіи, — такъ была она хороша и богата. Хотѣлось всемъ знати, отъ чего мельникъ то сдѣлалъ; но старикъ только ухмылялся, и отъ него ничего не узнали. Кумочки приставали къ мельничцѣ съ своими толками и роспросами, и вольчески сбивали ю, чтобы она сказала, какъ то она отдала такую дочку за школьного учителя, который скитался неизвестно гдѣ, и прійшоу неизвестно откуда. Мельничка, благочестивая женщина, была однакоже не безъ гордости; потому тѣмъ роспросы огорчали ю, и когда они разъ розстроили ю майже до слезъ, она съ досады проговорила съ женою Мирона: „Отстаньте съ вашими пустяками, вы ровно ничего не знаете. Данило могъ бы закупити все корчмы съ корчмарями въ-купѣ; онъ далеко богатшій, чѣмъ думаютъ; то я сама своими очима

видѣла. Еслибы я только хотѣла говорить, то сказала бы такихъ речей, що вы бы роты пороздвигали.“

Тутъ она наразъ замолчала, и ей стало досадно, шо въ порывѣ гнѣва она проболталась о томъ, чего говорить бы не слѣдовало.

Мирониха болше у ней ничего не выпытала, и должна была приречь, никому того не розсказывать.

Она и въ самомъ дѣлѣ никому не розсказала, кромѣ мужа и сестры, взявши зъ нихъ напередъ слово, шо они будутъ держати то въ тайнѣ. Они же такъ перетолковали все ними слышанное о Данилѣ, будто-бы мельничка своими очима видѣла у него груды золота и серебра, и будто-бы Давило могъ все село купити, если бы хотѣлъ, и будто-бы въ домѣ у него происходили такіа чудеса, шо еслибы ихъ розсказати, то волосы стали бы дубомъ. У Мирона и у невѣстки дѣйствительно волосы стали дубомъ, и они потомъ только самымъ близкимъ другимъ поварили тую тайну.

За волька дней, селяне знали далеко болше надѣ-то, шо сказала мельничка. Уже слышно было, шо Давило знается съ нечистымъ, которому онъ подписалъ своею кровью, шо продати ему душу, и за то нечистый уже обязанъ длати все, шо хоче учитель, а передъ смертью, въ концѣ послѣднаго года, нечистый долженъ прійти за душою Данила въ сочельникъ, около полуночи, звергнути несчастному шао, такъ щобы лице прійшло съ тамъ, где затылокъ. Учитель може ивѣти гроши, сколько бы онъ ни пожелалъ, а красавица Маріи подадъ онъ такое любовное зѣлье, отъ котораго она должна была или зойти зъ ума, или умерти, или выйти за-мужъ за Данила. Дальше ишло слухъ, шо Давило може вызывати ючистого, вынаходити скарбы, заговаривати горячку, заставляти коровъ дѣтися снямъ молокомъ или навѣтъ кровію; шо его ни ножъ, ни кула не беруъ, шо онъ може лѣтати на метлѣ по воздуху, и много другого болтали дковинного. И шо будто-бы все то онъ узналъ изъ черныхъ книгъ.

Зъ того времени суевѣрныи сяно все стали ужасно боятися учителя. Никто ему не вредилъ изъ боязни, щобы Давило и страшный товарищъ его не бгомстили за то. Даже суровыи Миронъ не смѣлъ болше и думати сдѣлати якую-нибудь неприятность емуи мельнику. Многій творили крестное знаменіе, коли нечаянно встрѣчались с Даниломъ.

11. Добая слава Маріи.

Коли же молодыи люди встрѣтали Марію, которая цѣла, якъ рожа, никто не думалъ креститися; но всяи низко кланялся и здоровался съ нею; а коли она проходиа мимо, то долг любовались нею, и смотрѣли ей въ-сидѣ. Та и хороша была Марія, и такъ хорошѣла зъ дня на день, шо и самыи дѣвчата удивлялись ей. Она одѣвась не богатше, не нарядѣйше, чѣмъ дру-

гин; во въ праздникъ и въ будни, рано и вечеромъ она всегда была прилично одѣта. Она работала въ полѣ и въ саду, и въ самый жаръ ходила за коровою и за дроблемъ, носила продавать въ городъ зелень и яйца, и все такъ была всегда такъ прилично и опрятно одѣта, що ни одного пятнычка не было на платью.

— Кажется, уже и та выучилась ворожить, сказала Марониха, подюхавши табаки и утирая носъ рукавомъ.

— Конечно, отвѣчали молодыя парени, — Марія умѣе ворожить. Еслибы не была она за-мужемъ, то давно бы приворожила къ собѣ всѣ наши сердца. Такъ она хороша!

Доходило даже до того, що и женатыя люди въ селѣ часто неприлично обходились съ своими женами, подсовали и били ихъ за то, що оны не такъ-же хороши, якъ жена учителя. Жены, само собою разумется, начинали плакати и жалиться, и кончалось то иногда бѣйкою.

Разъ, двѣ дѣвчата, подружки Маріи, и уже заручены, прійши къ ней. „Вотъ уже годъ, якъ ты за-мужемъ, сказали они ей, а все еще такая хорошенька, якъ будто и не за-мужемъ. Всѣ мужчины тобою любятъ, всѣ женщины тобѣ завидуютъ: скажи намъ, якъ ты дѣлаешь то, Марію? Ты знаешь, що якъ скоро у насъ дѣвчина выходитъ за-мужъ, то сейчасъ гдѣ-то, а съ красотою проходить и любовь. У тебе сосѣмъ не такъ.“

Молодая жена отвѣчала имъ на то: „Женщины самы виноваты въ томъ, що тратятъ скоро красоту. Пока си въ дѣвкахъ, они только и думаютъ, якъ бы хорошенько нарядиться, и гдѣмъ хотятъ расположить къ собѣ молодыхъ людей, а для того употребляютъ на наряды всѣ гроши, которые зарабатываютъ. Отъ того они такъ чисты и нарядны, любъ у нихъ такъ и свѣтится, а волосы будто нарисованы. Код же они выйдутъ за-мужъ, то уже болѣе не дбаютъ о то, чтобы подобаться мужу. Все рано ходятъ съ нечесанными волосами, въ которыхъ запутались солома и перья, забываютъ умываться, и думаютъ, що они неопрятностию своею могутъ доказать, що они надто заняты хозяйствомъ и шо имъ никакъ о собѣ достаратися. Потомъ требуется бережливость, мужу нужны гроши и ихъ уже не можъ, якъ бывало въ дѣвкахъ, тратити на наряды. Одежа старе и грязнится, чтобы подновляти ю, нужны гроши, ихъ нѣтъ, сама работати и одна не умѣе. Такъ очевидно привываютъ къ лохмотьямъ и грязи, а неопрятность-то и безобразитъ женщину. Тогда мужъ становится для ней равнодушнъ, даже она може опротивѣти ему, и отъ того-то взаимного равнодушія мы часто видимъ горе и несчастіе въ домѣ.“

— Марію, ты говоришь правду, отвѣчали дѣвчата.

Марія продолжала: „Код я вышла за-мужъ за Данила, я дала собѣ слово всѣми силами старатися всегда ему подобаться, я его дуже люблю, и потому стала еще болѣе дбати на себе; никогда иначе не показываюсь ему на очи, якъ опрятно и чисто одѣтая и всегда въ платью безъ пятенъ. Потому, я бе-

регу платья и завела чистоту и на дворе, и въ кухня, чтобы всюду было какъ въ свѣтлицѣ. Малайшое пятнышко на платью я сейчасъ замываю. Мои платья остаются всегда будто новыми, и сама я въ нихъ не стараю на очахъ моего мужа.“

— Но съ часомъ рвется наконецъ и самое чистое платье, говорили дѣвчата, откуда же взять новое, коли мужъ не дае грошей?

Марія отвѣчала: „Я трачу на платья меньше грошей, чѣмъ другія, для того, что сейчасъ зашиваю и штопаю малайшую дырочку, чтобы изъ маленькихъ не сдѣлалось великія. А на то мнѣ нужны только нитки. Другія же носятъ платье свое, пока оно не износится, и никогда не починаютъ, — тогда изъ маленькой дырочки дѣлается большая, и въ короткое время все обращается въ лохмотье, такъ что потреба куповать новое платье, а я межъ тѣмъ все ношу еще старое и берегаю гроши. Газдыцѣ, которыми не умѣютъ шить и штопать, тратятъ много грошей, а все-таки ходятъ, будто они живутъ въ грязи.“

Обѣ дѣвчата покрасивли отъ стыда, и готовы были плакать отъ того, что не были такъ приучены въ жизни домашней. „Мы не учились, сказали они, такъ хорошо шить и штопать, какъ ты. Отъ того въ дому буде мало отъ насъ корысти. Мы видимъ на будущиость много лиха, но переменить уже, кажется поздно.“

Незачемъ поѣхали дѣвчата отъ Маріи. Тогда Марія розсказала мужу свой разговоръ съ подругами, и прибавила, что хоче учить ихъ обоимъ шить и штопать, потому что ей дуже жаль ихъ.

Давило облялъ добрую жену свою. „Тебе за то благословитъ Богъ“, сказалъ онъ. „Учи не только тѣхъ двоихъ дѣвчатъ, но всѣхъ тѣхъ, которые только захотятъ у тебе учиться. — Скольکو родницъ въ селѣ бѣднѣютъ и розоряются, не смотря на то, что работаютъ и трудятся, а все потому, что жены ничего не понимаютъ въ хозяйствѣ. Они не умѣютъ развести въ своемъ огорода хорошихъ овощей, чтобы сдѣлать обѣдъ вкуснѣйше. Коли хотятъ до обѣду приготовить что-нибудь лучшаго, навалятъ сала и жиру топленого, масла и проч. А такая стравва и дорога, и не здорова. Она портитъ кровь и соки, и причиняе болѣзни. Излѣченіе ихъ стоитъ грошей, и работа у больныхъ людей безъ сомнѣнія иде лихо. Тавъ-же и съ платьями. Въ селѣ есть швачки, но такъ какъ они зарабатываютъ шитьемъ собѣ хлѣбъ, то и не хотятъ учить другихъ. Тѣ, которые не умѣютъ шить и штопать, ходятъ съ лихими рукавами на платьяхъ. Все нужно новое, и новое, — то стоитъ грошей, и люди бѣднѣютъ. Вѣдай дуже жаль, что нѣтъ въ каждомъ селѣ какой-нибудь умной и доброй женщины, — какой старшины, или учительки, которая умѣла бы хорошо приготовить страввы и заниматься въ саду, шить, штопать, и которая бы даромъ учила всего того селянскихъ дѣвчатъ. Много бы грошей и добра сбереглось такимъ образомъ въ селѣ, и было бы далеко больше хорошихъ и богатыхъ хозяйствъ. Займись тѣмъ, Марію, и Богъ благословитъ твой трудъ.“

Такъ говорилъ Давидо.

Зъ тѣхъ поръ стали ходити къ Маріи ея двѣ подружки, и каждого дня вечеромъ она учила ихъ на какомъ-нибудь бѣлью строчити ровню строчку, и такъ штопати дѣры на платье, що трудно было потомъ найти заштопанное мѣсто. Она учила ихъ кронтити сорочки мужескіи, женскіи и дѣтскіи, выглаживать въ холстѣ такъ, щобы не было много обрѣзковъ, учила ихъ шити кафтаны и штопати ихъ. Она показывала имъ все свое домашнее хозяйство, въ домъ всюда былъ порядокъ, всякая рѣчь была на своемъ мѣстѣ, и коли що нужно было, то брала се и клала знову на то-же самое мѣсто. Она водила ихъ въ хлѣвъ и въ подвалы, и тамъ всегда было чисто и сухо, и такъ якъ всегда все выметалось, то и не приходилось каждого дня много работати. Водила она ихъ и въ огородъ, учила разводити и садити разными овоща, и коли тѣмъ овощи поспѣли, Марія учила, якъ ихъ сберегати и приготовить въ страву. Она учила ихъ готовить варенье чисто и опрятно и не жирно, такъ що и съ малою правую страву выходила и здорова и вкусна. Марія выучилась у матери варити всякую похлебку и щип, та изъ мяса умѣла всякое наготовити, умѣла и заправляти на зиму бобы, капусту, огѣрки и проч.

Дѣвчата удивлялись, що не видали ничего такого у своихъ матерей, и радовались, що коли прійдется имъ завестись своимъ домоу, они будутъ имѣти угожати мужу, не тратя грошей больше, чѣмъ въ состояніи.

Коли же они рассказали другимъ дѣвчатамъ, чога научились у жены учителя, и якъ имъ хочется быти похожими на ню, то и другіи дѣвчата стали приходити къ Маріи учитися у ней всего того. Такъ наконецъ у ней составилась цѣлая школа. Очевидно зъ-начала было ей трудненько, но потомъ она привыкла. У ней было много помочипцѣ въ саду и въ хлѣвъ. Иногда ей помогали готовить обѣдъ или шили ея тонкое бѣлье, коли другого дѣла не было. За годъ уже видно было по садамъ возля селянскихъ хатъ, що все шло въ нихъ новымъ порядкомъ, сосѣдка глядѣла черезъ шотъ, якъ друга сосѣдка сѣяла или садила, и выпрошивала у ней и собѣ сѣмячокъ и высадковъ. Коли же пройшло лѣто и осень, много газдынъ молодыхъ везли уже въ городъ продавати свою зелень и вертались домоу съ грѣшми. То весьма радовало ихъ, а у нерадивыхъ газдынъ се конечно возбуждало зависть и сожильнѣе, зачѣмъ они не дѣлали того-же самого. Стали тогда и они ходити къ Маріи и просити у ней того или другого. Марія давала добрый совѣтъ, рассказывала все, що умѣла и чога научилась, поучая другихъ. Она все то дѣлала охотно, для того, що была добра, а за слова же вѣдь грошей не берутъ.

За все дуже полюбили жену учителя, воюда о ней пѣшла добрая слава, и всякій глядалъ случая услужити ей. И стали въ селѣ жалѣти, що красивая, добрая Марія была женоу Давида, который прямо шлоуъ азъ пекло, для того що всѣ были увѣрены, що бнъ чародѣй, и знали, що бнъ и душоу и тѣломъ проданъ дьяволу.

Пренумерація въ годъ
1 ар. 60 кр.
со „Словомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
124. м.

Науково-белетрисичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 22.

Львовъ 31. Августа 1868.

РОЧНИКЪ II.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ДАЛЬШИ ВОЙНЫ КОЗАЦКІИ СЪ ПОЛЬЩЕЮ — ГЕТМАНЫ ПОЛТОРА-КОЖУХА И ГУЛАКЪ (отъ г. 1639 до 1645).

Тогда-то (въ концъ г. 1638) по цѣлой Украинѣ возникли ново всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи, тиранства, якихъ случайно допускалися Ляхи на Руси, скоро ино власть и управу захватили въ свои руки. А тѣмъ завзятѣйша была теперь злоба ляцка противъ всего козацкого роду, понеже Польша — якъ паше одинъ чужеземный историкъ (Енгель) — власне сего лѣта 1638 стратила на борьбахъ съ Гетманомъ Остряницею больше своего войска, чѣмъ во всѣхъ многолѣтнихъ войнахъ съ шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ. Затѣмъ ажъ сумъ зберае розказовати о тѣхъ мучительствахъ и насиліяхъ ляцкихъ, за якіи згадуютъ лѣтописецъ наши зъ оныхъ часѣвъ, смотрѣвши власными очима на ужасное горе и вопіющіи кривды Руси. „Казнь Варшавская — такъ оповѣдае одна наша лѣтопись — повторалась во всѣхъ городахъ и селеніяхъ украинскихъ. Часто случалось, що въ очахъ родичей каты ляцкіи сожигали дѣтей на угольяхъ и варили въ котлахъ, а потомъ и матерей предавали найстрашнѣйшой мучительской смерти. Такжеже многихъ хоробрыхъ и славныхъ козакѣвъ различными муками погубили Ляхи: овыхъ на—четверо розсѣкающе, иныхъ на палъ вбивающе, другихъ на желѣзныи гаки за ребра вѣшающе. И въ тѣхъ-то часахъ поставили на русскій народъ всякіи новыи дани: то якіисъ дуды, то повивачное, то пороговщину, подымное, поголовщину, очковое, ставщизну, постчизну, сухомельщину и пр. А не только хаты мирныхъ поселянъ розорены были врагами до—основанія, но тоже и церкви православны русскіи ограблены и отданы зновъ Поляками въ аренду жидамъ. Священныи чаши, кресты, дискосы, ризы и стихари Ляшня розпродала и пропила, а жиды церковное серебро передѣляли для себе на начинья и убранство. Изъ ризъ и стихарей жидѣвки шили собѣ спѣдницъ и нагрудники, оставляя на нихъ

въ наругу христїанамъ знаки крестовъ, которы прежде были тамъ нашты. — А козакѣвъ навѣтъ реестровыхъ, на слѣжбъ коронной вѣрно стоявшихъ, держали Ляхи въ великой тѣснотѣ, налагая на нихъ гѣршу отъ турецкой неволю. Козакѣвъ тѣхъ, хотя бы который зъ нихъ и сыномъ былъ славного Старшины, забрали всѣхъ въ соромне пѣдданство, еще-жъ поставили надъ реестровымъ войскомъ полковникѣвъ, сотникѣвъ и всю старшину ляцкой вѣры, та употребляли нашу братью козакѣвъ до топленья грубъ, до чищенья коней, хортѣвъ и дворѣвъ своихъ, яко-бы протыхъ пахолкѣвъ.“

Такъ то бѣдовалъ цѣлый нарѣдъ украинской Руси, но всежъ таки не падалъ на духу, а въ мукахъ своихъ закрѣплялся до дальней борьбы съ Ляхами. Еще на исходѣ 1638 г. козаки въ Запорожской Сѣчи, хотя значно оскудѣвши на силахъ, выбрали собъ Гетманомъ полковника Савалтовича, которого однакожъ въ скоромъ времени подозрѣвая о зраду, самы таки зарубали саблями. На его мѣстце вступилъ на гетманство полковый Асаулъ Карпо Полтора-Кожуха, любленный и поважанный всѣма козаками. А былъ сей Гетманъ Полтора-Кожуха мужъ незвычайной силы и такъ великого росту, що по-правдѣ на его одѣжу выходило овчинъ въ полтора кожуха, та ѣтъ того и пѣйшло его дивное прозвище. Всѣма силами старался ѣтъ умножити войска свои и воскресити свободу украинской Руси. Затѣмъ собралися Запорожцѣ знова весною 1639 г. при рѣцѣ Мерлѣ, где противу нихъ выступили ляцкіи силы пѣдъ начальствомъ перекинчика-Русица князя Іеремїа Вишневецкого. Надъ рѣкою Мерлоу произошла межъ обома войсками кровопролитная битва, однакожъ счастье не спрїяло новому Украини Гетману. Князь Іеремїй Вишневецкій розбилъ и розсыпалъ его полки, и ѣттакъ утвердилъ знову на нѣякій часъ въ на-Днѣпринской Руси злопамятное ляхольтїе. Гетманъ Полтора-Кожуха съ кѣлькама тысячами своихъ вѣрныхъ козакѣвъ уступилъ въ восточныи степи подалее къ предѣламъ Сѣчи, намѣряя ѣттуда непокомити Ляхѣвъ безпрестанными нападами на ихъ поединоко розставленныи отряды.

Зъ той поры по всей Малой-Руси стали управлати самы польскїи воеводы, каштеляны, старосты, комисари и всякого рода коронныи урядники, которы для народа были — якъ каже наша лѣтопись — „совершенно хищныи волки, а не пастыри.“ Для забезпеченья своей власти въ украинскихъ областяхъ Ляхи частократно покушались истребити и самого-жъ Полтора-Кожуха съ его войскомъ; однакожъ ѣтъ придерживался границъ, ѣдѣляющихъ Украинну ѣтъ Крымскихъ степѣвъ и ѣтъ Запорожья, та ѣттакъ и прїютъ его для Ляхѣвъ былъ зовсѣмъ неприступный. Удачно отражая наѣзды польскихъ отрядѣвъ, ѣтъ часто хваталъ ихъ начальникѣвъ, потомъ дарилъ и продавалъ

ихъ Татарамъ въ Крымъ или мѣнял за рогатый скотъ и за барановъ для прокормленья своихъ козаковъ. Такъ даючися въ знаки панамъ Полякамъ, Гетманъ Полтора-Кожуха вступилъ въ дружескій союзъ съ ханомъ Крымскимъ, котораго, яко значно уже обезсиленного, наши козаки не уважали тогда такъ небезпечнымъ ворогомъ, якъ скрѣпившюся въ то время Польшу. Ба нашъ Гетманъ, проживаючи съ войскомъ своимъ въ дикихъ степяхъ недалеко Крыму, старался еще тѣмъ больше одружити татарскаго хана для Украины именно черезъ то, що на его просьбу ходилъ воевати Калмыцкую орду, напавшу на ханскіи предѣлы, та побѣдивши ю въ кѣлькохъ великихъ битвахъ, прогналъ далеко за Волгу. Тѣмъ-то дѣломъ Гетманъ Полтора-Кожуха положилъ начало до тѣснѣйшого союза съ Крымцями, который то союзъ стался потомъ выгоднымъ для насъ на дальшихъ войнахъ козацкихъ противу Польщи.

Проскитавшись по роздольному степовью черезъ три лѣта, Карпо Полтора-Кожуха закончилъ походную жизнь свою въ военномъ таборѣ середь голого степу, где не было и двохъ дощокъ, щобы збити трумну для украинскаго Гетмана. Тѣло его зложили товарищикозаки въ горьлочную бочку, и такъ похоронили его въ степу у Каменного Затона, где звычайно собирались на гетманскую раду.

За часовъ тогожь Гетмана Ляхи у пороговъ Днѣпра збудовали на-ново крѣпость Кудакъ, колись-то Атаманомъ Сулимою зруйновану. Вторичнымъ построениемъ сеи крѣпости занялся теперь самъ коронный Гетманъ Конецпольскій, поручивши французскому инженеру Боплану осмотрѣти и изслѣдовати всѣ Днѣпровыи пороги съ тою цѣлю, щобы на-всегда загородити Запорожцямъ дорогу туда на Черное море. Упоравшись съ крѣпостными работами и поставивши въ новомъ Кудаку 4000 мужа ляцкои залози, панъ Конецпольскій въ сопровождѣ кѣлькохъ реестровыхъ Сотниковъ козацкихъ прохажался около Кудакскихъ башень, и восхваляя дѣло своихъ рукъ, пытался тѣхъ-же Сотниковъ съ самодовольствиемъ: „якъ вамъ кажѣтся мѣй Кудакъ?“ На то Богданъ Хмельницкій, бывшій тутъ случайно въ числѣ козацкихъ Сотниковъ, отповѣлъ холоднокровно пану Конецпольскому: „Що руки людскіи збудовали, то и зруйновати можъ руками.“ — Якъ и не подобались слова ти пану Гетману коронному, а всежь таки бивъ не оказалъ за то своего гнѣву, хотя въ 6 лѣтъ пѣзнѣйше жалѣлъ о томъ дуже, що при оной способности пѣдъ Кудакомъ не покаралъ дерзкаго Хмельницкаго, ставшогося потомъ найнебезпечнѣйшимъ Польщи ворогомъ.

По смерти Полтора-Кожуха въ г. 1642 степовыи козаки выбрали своимъ Гетманомъ полковаго Обозного Максима Гулака, который сейже часъ такъ заприсягнулъ козакамъ, що еще тогожь лѣта поведе ихъ на Польшу. Клятву свою новый Гетманъ додержалъ свято; одва-

*

кожъ на вѣйнь съ Ляхами не былъ бнѣ счастливѣ такъ само, якъ и его попередникѣ. Вправдѣ бо загнался бнѣ со своими полками изъ Съчи ажъ надъ рѣку Тясминѣ, но тутъ ляцкнй староста изъ Чигиряна, нанѣ Чернецкнй, ударилъ на него съ такою силою и спрытошѣ, що прнйшлося нашимъ козакамъ на-скоро за Днѣперѣ назадъ уступить. Така бо бачите недоля для насъ была, що Запорожскнй козаки приступали до борьбы съ Ляхами надто горячково и поспѣшно, а до того воевали еще по старинному ладу, якъ бывало навыкли въ борьбахъ съ Татарами и другими азійскими народами; а нежи тѣмъ Ляхи, именно тутъ надъ Тясминомѣ подѣ начальствомъ отличного полководця Стефана Чернецкого, знали уже новын способы вѣйны, придуманы заморскими генералами, у которыхъ неразѣ бѣльше надѣ силу важию хитрое уставлень полкѣвъ и боевое искусство.

Пораженный надѣ Тясминомѣ Гетманѣ Гулакѣ, выпровадивши за Днѣперѣ всего 7000 мужа козакѣвъ, началъ подобно якъ его попередникѣ Полтора-Кожуха придержоватись самыхъ скрайнихъ границъ за-Днѣпровья, а не находячи тутъ въ дикихъ степахъ поживы для военного духа, ходилъ зарѣвно якъ сей-же его попередникѣ на помѣчь всякому, кто — окремѣ Ляхѣвъ — помочи затребовавѣ. И такъ, коли прнйшла просьба о подмогу ѳтъ Крымского хана, то воевалѣ бнѣ за сего съ Черкесами и Калмыками; а коли нужна была его помочь Царю Московскому, то ишолѣ бнѣ за Царя на Татарѣ за-Волжскихъ ажъ подѣ Уральскнй горы. Наконецъ же лучилосъ ему на просьбу турецкого султана побывати на вѣйнь даже въ предѣлахъ Перзн; тогда-то ходилѣ бнѣ со своими козаками за Кубанѣ и въ Анатолю, довелѣ войско свое до перзидской крѣпости Еривани, та за славныи побѣды въ оныхъ далекихъ земляхъ Азн одержалѣ ѳтъ султана Амурата IV въ нагороду гетманскнй бунчукъ и перначѣ, осыпанныи дѣрогими каменями и перлами.

Такъ проскитавшись около пять лѣтъ безродно и бездомно по далекихъ чужинахъ, Гетманѣ Гулакѣ закончилѣ жизнь свою въ дикомъ степу, якъ и его попередникѣ, завѣщая громадѣ своихъ вѣрныхъ козакѣвъ мечь непримириму противу Польщи. Войско его, во премя походѣвъ значно уменьшенное, пробралосъ въ началѣ 1646 г. назадъ въ тн стороны около Днѣпра, где звичайно была Съчь Запорожская, и тутъ-же стало устроитись на-ново въ полки и сотнѣ, приберая до себе свѣжнй силы ѳтъ русскихъ земель, занятыхъ Поляками.

А въ тѣхъ-то земляхъ русскихъ, особливо на Украинѣ и въ сусѣдномъ Волюню газдовали тогда отвѣчныи вороженьки наши, що и годѣ было того выдержати. Абы дати якесь понятнѣ о тѣмъ ляцкомъ газдованью въ лѣтахъ ѳтъ 1639 до 1646 мы въ нашей Исторн

наведемъ знову неприкрашенни сказанія оногданихъ русскихъ летописей, которыя мовь-бы глухимъ стономъ тьхъ часовъ смуты отзываясь, таке намъ розказують: „Русь наша въ то время доведена была до послѣднего изнеможенія. Казалось, со смертію Острианицы угасла на-всегда для насъ надѣя збѣлитися свободными. Надаремныи усилія Полтора - Кожуха и его наслѣдника послужили только на вредъ ихъ козацкому народу. Властолюбіе и своевольство вельможъ польскихъ зъ того часу еще больше розмоглося. Паны Ляхи перетворили козаковъ реестровыхъ въ наемное войско, а села и земли свободного передѣ тьмъ козачества роздѣлили межи себе яко-бы питоменну свою власность. Такъ въ сіе время одинъ панъ Конецпольскій забралъ для себе столь много козацкой земли, що на ней стануло въ колька лѣтъ звыше тысячь порядочныхъ сель и деревень. Стѣлько-же земли заняли и панове Поточкѣи, Вишневецкѣи и другіи, которыя за-для убѣльшенія доходѣвъ своихъ неволили свободный народъ Украины до заселенія ихъ свѣжо набранныхъ маетностей, и не страшились уже притѣснати новыхъ своихъ подданныхъ самыиъ нелюдскимъ способомъ. Польски соймовыи комисари, назначенныи для Украины вмѣсто коронныхъ Гетманѣвъ, розорали жителей сего края до послѣдней нищеты: они ѳтнимали у козаковъ лучшую ихъ добычъ въ лѣсныхъ зрѣряхъ и рыбной ловль, котора въ прибережныхъ сторонахъ Днѣпра и другихъ поменьшихъ рѣкъ украинскихъ служила единымъ и исключнымъ средствомъ прокормленія для цѣлыхъ родинъ; они уживали благородныхъ козаковъ до всякихъ соромныхъ работъ при своихъ дворахъ и въ деревняхъ, заставляли ихъ смотрѣти за собаками, чистити двѣрскіи стайни и хлѣвы, розсылали ихъ мовь-бы своихъ чурѣвъ съ письмами и всякими подарунками далекою дорогою въ Польшу, а надъ войскомъ реестровыхъ козаковъ поставляли Старшинами самыхъ шляхтичей ляцкихъ, и то бѣольшою частію лише такихъ, которыя ростерявши въ Польшу свои маетки, глядали для распустного життя своего новыхъ скарбѣвъ въ земли русской. Сіи-то Старшины реестровыхъ полковѣвъ задержовали для себе всю рочную платню, присыланную для козацкого войска ѳтъ короля изъ доходѣвъ нашей Руси, и жили собѣ на счотъ простого козачества пышно и роскошно. Паны и дуки ляцкѣи, уважая всѣхъ русскихъ людей своими рабами, принуждали бѣдного козака ходити черезъ дикіи поля съ яструбомъ, орломъ или собакою, которыхъ посылали въ даръ якому-будь брату-шляхтичу, жившому где далеко у скрайнихъ границъ Польши. Панскіи же арендаторы-жиды не дозволяли козакамъ имѣти для домашнаго ужитку не только свѣій медъ, горялку, пиво, но даже и брагу. Сыны реестровыхъ козаковѣвъ обовязаны были ѳтробляти панщину такъ само, якъ и сельскіи мужики. Вельможнымъ магнаты, посѣдаючи на Украинѣ безчисленными селенія и прожи-

вая въ отдаленіи отъ оныхъ въ своей Польщѣ, не звертали уваги на бѣдствія народа. Ослѣпленны подарками отъ своихъ старостъ и арендаторѣвъ-жидѣвъ, они навѣтъ не зважали на то, що ихъ мастили по кожѣ саломъ и кровавымъ потомъ власныхъ ихъ пѣдданныхъ, обдергыхъ неразъ до послѣдней сорочки. И прійшло до того вже на Украинѣ, що никто изъ еи жителей не зналъ, кому принадлежитъ не тѣлько его скудный маетокъ, але навѣтъ жена и дѣти его. А не меньшіи гоненія терпѣлъ нарѣдъ и во вѣрѣ своей греко-русской: православны священники изъ многихъ мѣстъ были прогнаны Ляхами и уніятами; дѣти русскіи умирали безъ крещенія, взрослые не могли вступати въ супружество, а тѣла умершихъ хоронили заедно безъ явного исполненія обрядѣвъ, православною церковію установленныхъ. — Ото вамъ до чога доведена была наша Русь въ страстныхъ годахъ отъ 1639 до 1645!“

Но гроза уже дозрѣвала — каже далѣй одинъ русскій историкъ — и она повисла надъ вѣроломными губителями народа честного и долго-терпеливого, надъ губителями того народа, который былъ свободенъ якъ и они, который добродушно соединился съ ними передъ кѣлькома вѣками, и потоки крови прольязъ за ихъ отечество. Клятвопрестнуки, збытковавшіися надъ присягою и челоувѣчествомъ, душегубцѣ, розбивавшіи безпощадно дѣтей и женъ невиновныхъ, грабители чужой власности, опоненны людскою кровію — они якъ будто обезумѣли, и проводячи дни и ночи въ самохвалствахъ, буйныхъ роскошахъ, грѣховныхъ збыткахъ, заснули умомъ и чувствами... Но въ-конецъ они таки проснулись — годъ 1646 пробудилъ ихъ ударомъ козацкихъ мечей, и лицемъ къ лицу передъ ними стануль духъ-мститель русского народа — могущій Богданъ Хмельницкій!

О томъ великомъ Гетманѣ русской Украинны, о его славныхъ дѣлахъ и войнахъ съ Ляхами росповѣсть подробно наша Исторія въ третей своей части, а теперь на заключенію второй части тойже Исторіи подабае намъ досказати еще про

ПОСЛѢДНИ ЛѢТА ВЛАДѢННЯ ЦАРЯ МИХАИЛА РОМАНОВА (отъ г. 1640 до 1645).

Въ тое время, коли наша Малая Русь вже до крайности изнемогала въ отчаянной борьбѣ съ Польщею, наслаждалась держава великорусская внугреннимъ спокойствіемъ и достаточнымъ благобытіемъ. По заключенію бо Подяновского мира съ Польщею черезъ цѣлыхъ 11 лѣтъ (отъ 1634 до 1645) не было болше войны въ царствованіе Михаила Романова, а тѣлько случались гдеякіи колотнѣ то съ турецкимъ султаномъ то съ королею ляцкимъ, которы однакожъ ни разу не допровадили уже до кровопролитія.

Роздоръ съ Турками доведенъ былъ до найвысшей степени въ г. 1642, и отъ того уже туй-туй мало дойти до военного дѣйствія. Поводомъ сихъ непріязныхъ отношеній были зъ одной стороны частыя напады Крымскихъ Татаръ на окраинныя области Московскія, откуда тѣ хищники уводили множество плѣнниковъ и продавали ихъ потоцъ на азіатскихъ торжищахъ. Надаремно московское правительство старалось удержати Крымцевъ подарками, которыя майже щорочно посылаю хану и его мурзамъ (найстаршимъ дворянамъ); надаремно самъ русскій Царь требовалъ у турецкаго султана, чтобы сей запретилъ Татарамъ чинити Москвѣ всякія пакости: все тое не помогло ничего, и напады дикихъ Крымцевъ таки не уймались. Зъ другой однакожъ стороны также и султанъ турецкій надаремно умолялъ русскаго Царя, чтобы онъ не допускалъ Донскихъ козаковъ выходить на Чорное море и грабити прибрежныя турецкія города.

Син-то Донскіи козаки и подали были головну причину до розрыва съ Турцією такимъ ото способомъ: Не задоволяясь однимъ тольکو пустошеньемъ бисурманскихъ городовъ, они еще въ г. 1637 задумали заняти у турецкаго султана цѣлую область земли надъ Азовскимъ моремъ, уважая тоежъ море своимъ таки русскимъ моремъ, а земли кругомъ него достояніемъ Руси. Затѣмъ призвавши до себе въ помочь 1000 мужа мало-русскихъ козаковъ изъ братнѣго Запорожья, хоробрыи Донпъ въ числѣ 4400 человекъ выступили въ походъ къ Азову, найважнѣйшой турецкой крѣпости при устью Дона. Якъ-стой здобыли они сію могущую крѣпость, и розложившиися въ ней якъ-бы въ своемъ отвѣчномъ гнѣздѣ, цѣлыхъ три лѣта отражали султанскіи войска, приходившіи на отсѣчь Азова. Предвидячи однакожъ, що непріятель прійде еще съ ббльшими силами и що имъ однимъ не возможно буде боротись долгое время, козаки выправили посольство въ Москву просити русскаго Царя, чтобы онъ принялъ Азовъ пѣдъ свою высокую руку, и прислалъ бы имъ войско свое на пѣдмогу. Москва понимала, що завладѣвши Азовомъ, она легче могла-бы удержовати Татаръ отъ хищныхъ нападѣвъ на русскія земли, та и успѣла-бы розширити оттуда свое владѣнье въ глубину Азіи; но занятіе сего города вело за собою неизбежну и трудную войну съ сильнымъ еще тогда турецкимъ султаномъ, за-для чого потребно было богато войска и огромныхъ выдатковъ.

Щобы рѣшити се важное дѣло, Царь въ Москвѣ созвалъ въ г. 1642 велику земскую Думу, на котору отъ всѣхъ сторонъ державы зъѣхадисъ посланники всѣхъ сословій, числомъ до 200 мужей. На той Думѣ русскій Царь предложилъ къ розрѣшенью два запросы: 1) Чи приняти Азовъ отъ козаковъ? и 2) если приняти, буде война

съ Турками, а въ такомъ случаю где взяти для ней запасовъ и грошей? Но тѣи запросы давало каждое сословіе отдѣльно свои отвѣты. Предъоставляя окончное разрѣшеніе дѣла на Царскую волю, всѣ сословія заявили готовость по мѣрѣ своихъ средствъ жертвовать на военные потребности. При томъ однакожь каждое сословіе не преминуло высказать Цареви свои недостатки, и якъ то звычайно на людяхъ бывае, одни на другихъ складали вину тѣхъ-же своихъ недостатковъ, а никто не радъ былъ поносити тягаръ войны въ немного ббольшой мѣрѣ. Такъ бояре и знатныи вельможи указывали на то, що наиббльше на войну должно жертвовать духовенство, понеже оно кромѣ молитвы ничѣмъ другимъ въ державѣ не занимается, а въ богатыхъ своихъ монастыряхъ имѣе достатковъ всякихъ обильно; духовенство же изъ своей стороны не отказовало помочи въ грошахъ, но доставу военныхъ людей и другихъ запасовъ поручало боярамъ и дворянству. Дворяне знову жаловались на старшихъ бояръ, що тѣи обогатѣли надмѣрно, выбирая зъ дворовъ великіи взятки; а зъ другой стороны на дворянъ жаловались сельскіи люде за неумѣренны поборы данинъ и всякіи притѣсненія въ двѣрской службѣ. Наконецъ купцъ и торговии люде указовали на свое розореніе, причиненное многими поборами за послѣдней польской войны и притѣсненіемъ отъ воеводъ и старшинъ городскихъ.

Выслухавши всѣ голоса своей земскои Думы, Царь Михайлъ увѣрился, що войну съ Турками на-теперь начати годъ; однакожь при томъ намѣрилъ онъ ужити всякихъ возможныхъ мѣръ, чтобы неудобства въ своей державѣ, о якихъ близше на Думѣ дознался, усторонити. Затѣмъ послалъ онъ Донскимъ козакамъ грамоту съ приказомъ, чтобы покинули Азовъ, а самъ принялся тѣмъ усильнѣйше за устроеніе внутреннихъ дѣлъ своего царства, стараючись лично вглядати въ потребности всѣхъ сословій и каждому по возможности творити улегченіе въ обязанкахъ земскихъ и державныхъ. — Справа съ Азовомъ закичилась оттакъ безъ нарушенія мира съ султаномъ; Донскіи бо козаки, повинующіи указу царскому, выйшли изъ той крѣпости, однакожь — камня на камени въ немъ не оставивши.

Друга прикрость, яку Царь Михайлъ Романовъ имѣлъ на послѣднихъ годахъ своего владѣнія, ишла отъ сусѣдной Польщи. Звѣстно бо, Польша безъ сварнъ съ Москвою не могла и жити, та не залишила она ни наименьшой способности, абы Московскому Государю, помимо заключенного съ нимъ вѣчного мира, пакостей якихъ не творити. Случаю къ тому подавалось Ляхамъ немало, особливо во время козацкихъ военъ, коли то Польша неустанно тревожилася мыслію о яковомъ вмѣшателствѣ Москвы въ дѣла русскаго нашего козачества. Таке бо бывало во время оныхъ военъ, що козаки наши зае-

дно переключивались съ единовѣрнымъ и единокровнымъ Московскимъ народомъ, ожидая отъ него помочи и спасенія въ горенькой своей нуждѣ. А хотя помочъ та къ намъ не приспѣвала, понеже православный Царь свято сохранялъ слово клятвы Поляновского мира, но мимо того жители всеи Малои Руси, такъ козаки якъ и мѣщанство и селяне, не переставали отгрозоватися Ляхамъ за ихъ насилія мѣстною Москвою, яко старшой а могущественной нашою Сестрицъ. До тогожь въ часть наибольшихъ гоненій лядскихъ козаки и народъ робучій изъ Украины и другихъ земель нашої Руси выселялся цѣлыми толпами въ сусѣдне Московское царство, и находилъ тамъ всегда безопасный пріютъ и захорону середь велико-русской братіи. Число такихъ мало-русскихъ выходцѣвъ умножилось со временемъ такъ значно, що ними заселились цѣлыми великіи области на южныхъ предѣлахъ русскаго царства. За то опустыли села лядскихъ вельможъ по всему при-Днѣпровью, и не стало рукъ робочихъ до справленія просторонныхъ ландовъ двѣрскихъ. Оттакъ паны та ихъ арендаторы подняли жалобный крикъ до сенату и короны, а сенатъ и корона удавались до русскаго Царя съ настойчивымъ домогательствомъ, абы онъ не пріймалъ чужихъ пѣдданныхъ пѣдъ свою царскую руку. — Се была отъ польской стороны немала причина до роздору съ Москвою.

Межь тѣмъ также и Москва имѣла свою причину, та немаловажну, гнѣватися на Ляховъ, а се по такому ото случаю: Якійсь Ляшокъ, именовъ Янъ Луба, явился въ Варшавѣ еще передъ заключеньемъ Поляновского мира, и тутъ началъ выдавати себе за Царевича Ивана, сына будьто лжецарицъ Марины и Тушинского самозванца Дмитрія. А хотя цѣлый свѣтъ зналъ о томъ докладно, що настоящего сына Марины, лже-царевича Иванка, повѣсили въ Москвѣ еще лѣтомъ 1613 г., но все таки нашлись въ Варшавѣ пакостныи люде въ числѣ таки переднѣйшихъ вельможъ, которыи приняли пана Лубу за правого Царевича, намѣрая выправити съ нимъ на Москвѣ такую-же штуку, яку удѣляли съ Грицькомъ Отрепьевымъ и другими самозванцами. Самъ найстаршій достойникъ польской короны, канцлеръ Левъ Сапѣга, пріймѣстилъ того нового замозванца въ своемъ домѣ, а вьєднавши для него велику рѣчную платню изъ скарбу державного, прирекъ заслѣбити съ нимъ свою рѣдную доньку, якъ скоро онъ Луба на-правду стане Царемъ Московскимъ. Коли однакожь заключенъ былъ Поляновскій миръ съ Москвою, то о пану Лубѣ забыли всѣ, яко о человекѣ уже вовсе непотребномъ, и онъ несчастникъ, котораго величали Московскимъ Царевичемъ, должень былъ далѣй удержоватися на простой службѣ у кромѣшнихъ людей, а тутъ еще и титулъ Царевича накликалъ на него страшную бѣду. Въ роцъ бо 1643 узнали о немъ и въ самой Москвѣ, та въ слѣдствіе

сего прибылъ до Варшавы русскій посолъ князь Лововъ съ такимъ желаньемъ отъ Царя: чтобы Поляки выдали до Москвы самозванца Яна Лубу, панеже той человекъ, проживаючи въ Польшу, може небезпечнымъ статись для спокойствія русской державы. Требованье русского посла сильно огорчило панбв Ляхбв, которы обстаючи за своимъ братомъ - шляхтичемъ, не соглашались выдати его на явную смерть, яка въ Москвѣ его ожидала. Они заручали князю Львову, що пострижутъ пана Лубу въ монахи и запрутъ на вѣки въ монастырь; однакожъ князь Львовъ отвѣчалъ Ляхамъ, що и Грицько Отрепьевъ былъ постриженъ, а таки се не спинало его вредити Московскому царству. Такъ за пана Лубу завязалась обоесторонно жаркая суперечка, котора треваючи около двохъ лѣтъ, уже грозила была закончитись совершеннымъ разрывомъ и войною: однакъ польскій король Владиславъ IV уступилъ наконецъ требованью царского посла, и лѣтомъ 1645 г. отправилъ пана Лубу въ Москву, а вразъ съ тѣмъ выслалъ къ Царю Михаилу письмо съ покорнѣйшимъ прошеніемъ о дарованье жизни несчастному сему человекъ. Пана Лубу уласкавлено въ Москвѣ и отослано потомъ назадъ на свободу въ Польшу, но бнъ на поворотной дорогѣ пропалъ где-то безъ слѣду въ лѣсахъ литовскихъ. — Тѣмъ и скбичилась справа сія за пана Лубу безъ кровопролитія.

Въ томъ-же году 1645 скончался Царь Михаилъ Романовъ на 49 роцъ своей жизни, не успѣвши совершити всего того, чого можъ было отъ него ожидать. А принаймнѣй головное дѣло было здѣлано: со всеми сусѣдными державами былъ заключенъ миръ, а внутри русского царства истреблены были до-чиста шайки разббйниковъ, и о измѣнникахъ уже нигде не было слышно. — Царь Михаилъ оставилъ по собѣ 16-лѣтнего сына Алексѣя Михайловича и три доньки. Сейчасъ по его кончинѣ Москва присягнула законному наследнику, Царевичу Алексѣю, который вступилъ на царскій престолъ еще сегожь года 1645.

На ономъ-то памятномъ роцѣ 1645 становится примѣтный великій предѣлъ въ Исторіи народа такъ мало- якъ и велико-русского. До того бо часу ишли историчныи событія такъ, що русская держава, раздѣлившись на двѣ части (малу и велику), тратила чѣмъ-разъ ббльше и ббльше земель своихъ до Польши, а черезъ то Польша очевидно достигла наиббльшого своего могущества и уже найпреважнѣйше завладѣла надъ Русію. Зъ года же 1646, т. е. отъ появления Богдана Хмельницкого починають ити дѣла историчныи цѣлкомъ на-оборотъ: Русь мало-помалу зновъ соединяется въ одну цѣлость, черезъ тое скрѣпляется и розмагается, а напротивъ Польша чѣмъ-разъ упадае, нидѣе, ажъ въ-конецъ стается сама добычею Великой Руси.

(Конецъ II. части.)

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ пѣсля Чокого.

(Продолженье.)

12. О томъ, якъ корчмарь разбилъ собѣ носъ, и що отъ того вышло.

И такъ, що доброго ни дѣлалъ Данило, все обертадось на злую сторону. Коли онъ училъ дѣтей, що нѣтъ ни духобъ, ни привиднѣй, ни вѣдьмъ, ни колдунобъ, що все то пустое воображеніе трусливыхъ суевѣрныхъ людей, то въ селѣ говорили, що онъ не вѣритъ ни въ Бога, ни въ чорта. Или коли онъ училъ дѣтей распознавати въ поляхъ и въ лѣсахъ вдовитыя ростанія, чтобы они остерегались и не бѣли бы вдовитыхъ ягодъ и корней: въ селѣ толковали, що онъ учитъ дѣтей дѣлати вѣдь.

Особенно былъ вооруженъ противъ него корчмарь Миронъ и собиралъ о немъ все, що слышалъ злого.

Наконецъ показалось ему, що онъ о немъ уже достаточно знае, чтобы можно было скрутити ему шею. Ему нужно представить въ судъ и сама свекровь его, мельничиха, должна довести на него и показати суду, що ей о немъ извѣстно. Я старшина, и потому долженъ довести, иначе придется самому отвѣчать за него.

И ото въ одну Недѣлю собрался онъ, надѣвъ свой праздничный кафтанъ, нахлобучилъ капелюхъ, взялъ палку, и скорымъ крокомъ пошелъ дорогою въ городъ. Ни одному челоуѣку онъ не сказалъ, що рѣшился довести на Данила городскому начальству. Онъ боялся, що если чародѣй узнае о его намѣреніи, то его постигне бѣда на дорожѣ прежде, чѣмъ онъ дойде до города.

Идучи дорогою, онъ громко разсуждалъ самъ съ собою, якъ-будто стоялъ уже передъ начальствомъ, и при той мысли все ускорялъ ходу, и въ злобѣ своей размахивалъ руками на право и на лѣво. На быстромъ ходу долгая его палка попалась ему подъ ноги; онъ споткнулся — и черезъ голову полетѣлъ на землю. Капелюхъ злетѣлъ зъ головы, и онъ носомъ ударился о землю, а ноги поднялись къ-верху, будто онъ збирался ходити на голову. Охаячи и сварячи на весь свѣтъ, всталъ онъ и поднялъ зъ земли капелюхъ. На лѣбъ выросла дуля, а окровавленный носъ раздулся и одѣлался синій, якъ слива.

„То все Данило,“ подумалъ онъ, и побоялся идти дальше, чтобы не случилось чого-нибудь горшого.

Поки онъ утиралъ платкомъ кровь изъ носа, подскавалъ къ нему верхоцъ якій-то господинъ въ шитомъ золотомъ мундурѣ. Онъ осадилъ коня и спросилъ торопливо: „Не жиде ли въ селѣ нѣкій Данило и дома ли онъ?“

Корчмарь отвѣчалъ: а вамъ зачѣмъ?

Незнакомецъ сказалъ: „сынъ короля ѣде къ нему.“ И съ тѣми словами онъ поспѣвалъ дальше.

Корчмарь роздвинулъ ротъ отъ удивленія. — „Якъ? Що-то? пробормоталъ онъ. — сынъ короля ѣде къ Данилѣ?“ Наразъ мимо него проскакала красивая карета шестернею, съ локаемъ въ ливрѣ. Въ каретѣ сидѣлъ молодой человекъ въ мундурѣ со звѣздою на груди. Карета промчалась по дорожкѣ къ Золотой Полянѣ.

„Тѣфу пропасть! вскричалъ корчмарь, королевскій сынъ вѣрно остановился бы у мене, а якъ мене нѣтъ дома, то онъ проѣдетъ къ другому корчмарю.“ Онъ побѣжалъ — якъ можъ скорѣйше — назадъ въ село, но долгая палка опять попала ему подъ ноги, и онъ опять повалился, якъ спопъ. Зѣтрещали всѣ его ребра и платье запачкалось. Проклиная весь свѣтъ, онъ звольна поплелся домвъ. Не видячи кареты у своего дома, онъ задыхался отъ злобы и гнѣва, полагая, що королевскій сынъ остановился у другого корчмаря. Онъ поплелся дальше, но и тамъ не было кареты. Такъ навернулся онъ, домвъ; но дома не было ни души. Онъ надѣлъ другое платье, умылъ лице, и испугался, увидѣвши въ зеркалѣ опухшій носъ и шишку на лбѣ, — хотя въ зеркалѣ ледви можно было розличити що-нибудь, такъ оно было испачкано. Онъ сталъ звать своихъ людей, и на зовъ его явилась наконецъ одна дѣвочка; она прибѣжала засапаннись и вскричала:

„Господарю! къ учителю прѣхалъ настоящій король; все село сбѣжалось къ учительскому дому смотрѣти на него.“

Корчмарь не зналъ, що дѣлати и кончилъ тѣмъ, що поѣхалъ туда-же.

За полъ часа изъ дверей дома учителя вышолъ королевскій сынъ, за одну руку держалъ онъ Данила, за другую Марію, и пріязно говорилъ съ ними. А садячись въ карету, еще разъ стиснулъ онъ имъ обомъ руки, и карета помчалась оттуда. Селяне стояли все безъ шапокъ съ роздвинутыми ротами.

Зъ тѣхъ поръ въ селѣ было рѣшено, що учитель человекъ необыкновенный. Не пріѣде же королевскій сынъ къ школьному учителю за тѣмъ только, щобы навѣстити его, и не даромъ онъ обѣишолся съ нимъ такъ пріязно. Знатнымъ господамъ требуется много грошей и для того имъ нужны люди, которымъ знаютъ, якъ достати скарбъ и якъ дѣлати золото.

Такимъ бесѣды поѣшли зъ той поры по селѣ и забрались въ голову многихъ бѣдныхъ и промотевшихся селянъ.

Стали они поговоривати другъ съ другомъ: „Еслибы знати только, якъ принятися за се, то и мы бы стали дѣлати то-же. Сейчасъ бы продали душу чорту, еслибы за то можно было роздѣлаться съ долгами и получить много грошей; не такъ бы я зажылъ тогда, якъ учитель. Що учитель? Дуракъ онъ! жие тутъ, якъ нашъ братъ бѣднякъ, а я бы сталъ ѣздити, якъ сынъ королевскій, въ звѣздахъ, на шестерицѣ и съ прислугою, за обѣдомъ было бы у мене

жаркихъ-то скблько, а пивница полна вина; такъ! сейчасъ бы продалъ за то душу свою!⁴

Таки безбожныи рвчи говорились безъ стыда. Богатство конечно портить сердце, но и нищета тоже не меньше. Коли же бѣдность съ глупостью и съ лихвыми страстями за-одно, то дѣло нечистого и готово. Такъ бывае часто.

Такъ было и въ Золотой Полянѣ.

13. С о ю з ъ.

Данило весьма удивился, кога стали приходити къ нему то одинъ, то другій изъ селянъ, съ желаніемъ поговорити съ нимъ на-единъ. — „Давидо, говорилъ каждый изъ нихъ: ты можешь дѣлати золото, все село знае то: иаучи мене сего. Ты вѣдь, говорятъ, умѣешь чаровати? Коли покажется нечистый, я не испугаюсь. Коли бы затребуе, чтобы я подписалъ своею кровью договоръ съ нимъ, — я душою и тѣломъ отдаюся ему. Видишь, еслибъ не нужда, я бы не прійшоу къ тебѣ!“

Долго не зналъ Данило, що отвѣчати тѣмъ безбожнымъ людямъ; но такъ якъ приходило ихъ все больше и больше и все съ тою-же просьбою, то разъ бы предложилъ каждому изъ нихъ поособно прійти къ нему въ одинъ и тотъ-же часъ, въ полночь.

Коли въ темную ночь пробило на звонницѣ одиннадцать часовъ, все они прійшли къ нему, тайкомъ другъ отъ друга, на назначенное свиданіе. Каждого изъ нихъ Данило вводилъ въ темную комнату. Такимъ образомъ набралось 32 мужа. Се были все люди постаршіи. Коли каждый при входѣ въ комнату, въ темнотѣ, нечаянно натыкался на другого и чувствовалъ возлѣ себе дкое-то живое существо, то ужасно пугался, понеже никто изъ нихъ не зналъ о замыслахъ другого. У многихъ отъ ужаса выступилъ потъ на лица, а многіи до того струсили, що убѣжали бы оттуда, но опасались, що за бѣгство еще прійдется и жизнию поплатиться.

Потому они оставались цѣлый часъ въ глубокомъ молчаніи и страху, и едва могли дыхати. На звонницѣ пробило 12 часовъ, и съ послѣднимъ ударомъ звона дверь отворилась, и войшоу офицеръ, богато одѣтый, въ капелюху съ перомъ, съ долгою саблею и съ крестомъ на груди. Онъ принесъ двѣ зачалеяныи свѣчи, и поставилъ ихъ на столѣ. Коли при свѣтлѣ все узнали другъ друга, то имъ стало дуже стыдно, понеже все догадались, що прійшли за одинъ и тѣмъ-же. Они еще взглянули на блестящего офицера, которого сначала приняли за нечистого, и узнали въ немъ самого Данила. Онъ съ важнымъ израженіемъ въ лицѣ сказалъ имъ: „Посмотрѣте на мене, несчастныи, и увѣрьтеся въ томъ, кто я; я не чернокожижникъ, не колдунъ, а вѣрую въ Бога. Вы же давно отреклися отъ Него, вы пропалися и измоталися; вы обманывали

и ждали; вы крали и предавали другъ друга; вы играли въ карты, забывая женъ и дѣтей, вы отдались дьяволу и наущенію его. Вотъ отъ чего вы ввали въ нищету и въ отчаяніе. Только честность и страхъ Божій даютъ богатство. Кто жіе по Божому, на томъ и благословеніе Божое. Я не ишу богатства, но я и не бѣдный. Если вы хотите быть такими якъ я, то поступайте такъ-же, якъ я поступаю.“

Тутъ Данило высыпалъ на столъ велику мошонку съ золотомъ; червонца завенѣли, покотились по столу и ослѣпили своимъ блескомъ очи бѣдныхъ селянъ: въ жизнь свою они не видали на-разъ столько золота, и крѣпко забилась ихъ сердца. Данило продолжалъ: „Не золото дѣлае счастливымъ, но умъ, который помогае приобрѣтати золото съ корыстію. Вы прійшли ко мнѣ, чтобы учиться дѣлати золото, я научу васъ того искусства: оно — лучшая мудрость въ жизни и дорожна самого золота. Буде у васъ та мудрость, буде съ нею и золото, та вы тогда не станете и золото пѣннати высоко. Но то счастье можно приобрѣсти только посредствомъ испытанія. Время же испытанія должно продолжатися семь лѣтъ и семь недѣль. Кто выдержитъ до конца, тотъ буде счастливъ. Увѣряю васъ, що коли время то пройде, у каждого изъ васъ буде больше золота, нежели вы видите теперъ передъ вашими очами. Но истытайте тяжело для безбожныхъ грѣшниковъ, понеже они должны мовбы передѣлати свое сердце и стати новыми людьми.“

Тридцать два селянъ въ молчаніи слухали Данила, и смотрѣли на него съ удивленіемъ.

— Ты изъ васъ, которые рѣшатся подвергнути себе испытанію на семь лѣтъ и семь недѣль, могутъ остаться. Тотъ же, кто боится за себе и сомнябается, най иде домовъ.

Никто не уйшло.

— „Хорошо, сказала Данило. — Теперъ дайте мнѣ передъ Всебѣдущимъ Богомъ семь обещаній, которые вы непременно должны исполнати въ продолженіе семи лѣтъ.

Во-первыхъ. Семь лѣтъ и семь недѣль нога ваша не должна быть ни въ одной корчѣ и ни въ одной господѣ; но тѣмъ пильнѣйше вы будете пошвщати храмъ Божій и исполнати слово Господне.

Во-вторыхъ. Семь лѣтъ и семь недѣль вы не должны брати картъ въ руки и участвовать въ какой-нибудь другой грошевой игрѣ.

Въ-третьихъ. Семь лѣтъ и семь недѣль вы не должны произносити ни одного ругательства, тѣмъ больше проклятыя, ніякого богохульства, ніякого постыдного и ніякой лжи.

Въ-четвертыхъ. Семь лѣтъ и семь недѣль вы должны щоденно молитися и работати. Каждый день должны молитися Богу, съ женою и съ дѣтьми, и просити у Него прошенія въ грѣхахъ. А работати должны прилѣжно, честно и не дѣлати больше долговъ.

Въ-пятыхъ. Кто въ тѣи семь лѣтъ и семь недѣль хотѣ одинъ разъ напиться до-пьяна, выключается изъ нашего товариства.

Въ-шестыхъ. Въ вашемъ полѣ не должно расти лихой травы, въ домахъ не должно быть грязи, ваши хаты, подворья, хлѣвы и вси господарская принадлежность должны содержатися въ чистотѣ. Потому толькo я буду признавати васъ за своихъ союзниковъ.

Въ-седьмыхъ. Ваше тѣло должно бити храмомъ Божиимъ и затѣмъ чисте и цѣломудренне. Вокругъ васъ все должно бити опрятно, чтобы не было нечистоты ни въ волосахъ, ни въ одежѣ. Тую же опрятность должни вы соблюдать и на дѣтяхъ вашихъ. Чистота буде нашимъ знаменемъ.

Кто дастъ слово и рѣшится непременно исполнати тѣи обещанія, тотъ най выйде впередъ и подасть мнѣ руку въ знакъ союза. Слабому мы поможемъ."

Колѣ Данило скончилъ, каждый изъ 32 селянъ выходилъ впередъ по-очередно, протягалъ ему руку надъ столомъ, покрытымъ золотомъ, и говорилъ:

— Я пристаю, згода!

Ступайте же съ миромъ, я ложачись спити, помогаетесь Богу, чтобы Онъ далъ вамъ силы исполнати вашу обѣтъ. Истинно говорю вамъ, колѣ кончится время испытанія, каждый изъ васъ принесе на столъ той больше золота, чѣмъ окълько вы видите теперь.

Данило, по окончаніи своего наставленія, просилъ своихъ посѣтителевъ никому не передавати того, що они въ тую ночь слышали и видѣли; запретилъ даже говорити о томъ межъ собою. И 32 мужа удалились въ молчаніи. Дорогою они не говорили другъ съ другимъ. Такъ они были заняты тѣмъ, що видѣли и слышали. Не того они ожидали. Многин, размышляя о давной клятвѣ, чувствовали страхъ, для того що исполненіе обещаній казалось имъ до невозможности труднымъ. Но таинственность, семь лѣтъ и семь недѣль, рѣчи Данила, столъ, усыпанный золотомъ, блестящій офицерскій мундуръ учителя, орденъ на груди, глухій полночный часъ, — того никто не могъ забыть, и все то казалось чудеснымъ сномъ.

14. Удивленіе селянъ.

— Василій, що се?

— Що случилось, Кондрате?

Такъ спрашивалъ хромой сторожъ, плучи на другое рано по селѣ: „Що у васъ? Чи жь ждете вы изъ города опять якого-нибудь принца или короля, или губернатора? Що вы такъ всюду убираете, чистите?“ такъ спрашивалъ онъ; но ему отвачали смѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, якъ было не удивлятися: во многихъ домахъ мыли окна, подлоги, двери, столы и лавки. Передъ домами все приводилось въ порядокъ: грязь и болото отметались на сторону. 32 го-

сподари знали хорошо, що се значило, но не говорили ничего. Они думали: за сѣмь лѣтъ наши скрянь будуть полны золота.

Данило, замѣтивши труды бѣдныхъ людей, сказалъ по тому случаю женѣ: „Не знаю, долженъ ли я печалиться или радоваться тому, що вижу. Смотри, чого не дѣлали прежде селяне ни по собственному сознанию, ни по любви къ женѣ и дѣтямъ, ни по любви къ Богу, ни даже по своей бѣдности, то они теперь дѣлають изъ страха и суевѣрія. Якъ нерозумны люди! Но най хоть суевѣріе приведе ихъ къ познанію истины, и най жадность ихъ доведе до чувства истины.“

Удивленіе въ селѣ увеличалось все больше а больше, корчмы опустыли, по Недѣляхъ не видно было игры въ бабки, никто не трогалъ картъ, не было ни сварни, ни нескромного смѣха. Пиво оставалось непочатымъ въ пивницѣ у корчемниковъ, потому що никто уже не пилъ его. Горька лише бралась, и то дуже мало. Многія изъ селянъ проводили время съ женою и дѣтьми, или уходили въ поле осмотрѣти свою пашню и обдумати, що требовалось сдѣлати тамъ въ продолженіе недѣли. Тѣн, которы бывало шатались безъ дѣла повсюду, теперь отъ рана до вечера были на работѣ по найму или на своемъ полѣ.

Корчмарь Козырь, выдачи по Недѣляхъ свои лавки и столы пустыми, мало не плакалъ зъ горя. „Видно они все зъ ума зѣйшли, охалъ онъ, — що съ ними сдѣлалось? Такъ не може остатица. Того ни одинъ не може выдержати. Въ селѣ долженъ быти другій порядокъ. Якъ теперь иде дѣло, то никуда не годится.“

Старшина Миронъ говорилъ: „Если такъ пойдѣ далѣй, то менѣ прійдется заперти свою корчму, и я знаю, що то ужасный заговоръ противъ мене. Мене хотять въ-концѣ розорити. Но прежде чѣмъ то будѣ, розорится само село. Еслибы менѣ узнати только, кто затѣялъ тотъ дьявольскій заговоръ.“

Тѣн слуха дошли и до священника. Онъ задумался, сталъ соображати и найшолъ, що та великая перемяна въ такомъ множествѣ селянъ послѣдовала зъ той самой Недѣли, въ которую онъ говорилъ долгую проповѣдь о возрожденіи челоука посредствомъ вѣры. Потому онъ рѣшилъ, що причиною той перемяны былъ онъ, и началъ о томъ всемъ разсказывати. — Тогда старшины стали докучати ему, где только могли; корчмари, где могли, дѣлали ему все на зло и перестали потомъ совсѣмъ ходити въ церковь.

Корчмарь Козырь, чтобы сбыти свое прокислое пиво, сталъ продавати его за полдѣны: онъ подсластилъ вино свое, и даже каждой Недѣли нанявалъ музыкантовъ, чтобы они играли у него въ домъ во время обѣда. Но изъ 32-хъ союзниковъ Данила, ихъ сыновъ и дочерей — не приходилъ больше никто.

Корчмарь Миронъ старался заманити къ собѣ селянъ особенною ласкою, подарками, и спрашивалъ: „отъ чого же не прійдешь ты выпити стаканчикъ?“ — Ему отвѣчали: „грошей нѣтъ.“ — „Дурне, продолжалъ онъ: вы знаете, я не скуный, и въ долгъ отпущу; зсон люди — почислимся.“

Но селаше не приходили.

Тогда корчмарь въ порывѣ гнѣва объявилъ имъ: „коли вы такъ дѣлаете, то я же вамъ покажу себе, вы узнаете старшину и корчмаря Мирона!“

Редакторъ Б. А. Дѣдицкий.

Зъ печати Ставропигійской.

Премудра въ годъ
1 ар. 80 кр.
св. „Слово“
номъ 10 ар.

ГАЛИЧНИКЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
124. м.

Науково-белешприсичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 23.

Львовъ 14. Септемврія 1868.

РОЧНИКЪ №.

Народная Исторія Руси.

(ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ).

ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ и НОВОЕ УСТРОЙСТВО МОСКВЫ.

Въ г. 1645, коли умеръ Царь Михаилъ Романовъ, вступилъ на царскій престолъ сынъ его 16-лѣтній Алексѣй Михайловичъ. Новый сей Царь отличался великими дарами ума и сердца, и уже первый лѣта его царствованія доказали достаточно, що Великая Русь вступаете на нову просторнѣйшую колю народнаго житья, по которой следовало идти ей съ большою смѣлостію и рѣшимостію, чѣмъ за прежнихъ Царей, затруднявшихся непомагу внутренними хлопотами и безпорядками. — Перве славное дѣло Царя Алексѣя было именно то, що онъ постановилъ супротивъ Крымскихъ Татаръ, сихъ-то самыхъ наибольше докучливыхъ враговъ Руси, поступати не такъ, якъ его попередники, лишь оборонительно, но вразъ-же и наступательно, т. е. постановилъ навѣтъ и забрати ихъ подъ себе, якъ ино до того надаться добрая способность. Въ сей-же цѣли приказалъ онъ своимъ воеводамъ отправитися съ войскомъ къ берегамъ Дона, и соединившись съ Донскими козаками идти вѣйною на Крымцѣвъ, особенно-же добыти тамъ знову крѣпость Азовъ, которую бисурмане по уступленью Донцѣвъ въ г. 1642 назадъ были заняли. За-для тѣмъ усилѣвшѣйшого покоренія Крымскихъ ордъ Царь Алексѣй сталъ договарятися съ польскимъ королемъ Владиславомъ, который также изъ своей стороны бажалъ покарати Крымцѣвъ за ихъ частыя напады на области короны польской. Абы затѣмъ заключити съ царствомъ русскимъ союзъ противъ татарскаго хана, король Владиславъ прислалъ въ Москву нарочнаго посла Адама Киселя, который, яко украинскій вельможа вѣры православной, нашолъ у Царя Алексѣя истинно дружеске принятіе. Онъ то Адамъ Кисель держалъ въ Москвѣ передъ молодымъ Царемъ краснорѣчивую бесѣду, въ которой высказалъ межъ прочими широсердное желаніе: абы Москва и Польша, яко державы чисто-славянскіи, соединились вѣчнымъ союзомъ племеннаго братства, а тогда настало бы великое время, коли

Славяне, совокупившись по-прежнему во едино, нападнли бы весь міръ славою своего имени. Желаніе то Царь Алексій исполнилъ на-теперь о стѣлько, що заключилъ съ Польщею вѣчный союзъ противу Татаръ, которы зъ той поры уже не осмѣлялись загоняться въ земли великорусскаго царства.

Убедившись себе противу Татаръ союзомъ съ Польщею, юный Царь въ первыхъ-же лѣтахъ своего владѣнья началъ съ большимъ вниманіемъ вглядати во внутренніи дѣла своей державы. А тутъ и были гдѣкин нестройства, которы не такъ легко приходилось усторонити зъ той причины, що походили они власне отъ чловѣка, самому-же Царю дуже близкого. Чловѣкъ сей былъ именно бояринъ Морозовъ, воспитатель Царя отъ дѣтинныхъ лѣтъ, а теперь въ нѣжной его юности опѣкунъ и первый его любимецъ. Онъ то бояринъ — на несчастье — былъ чрезвычайно корыстолюбивый, а вжежъ отъ такой напасти не можъ ничего добраго ожидать. Полагаючи на свое высокое значенье при особѣ молоденькаго Царя, бояринъ Морозовъ тѣмъ безпечнѣйше предавался своей грѣховной страсти, понеже никто не смѣлъ выступити съ жалобою противъ царскаго любимца. Онъ то хотя и малъ предорученъ отъ самаго Царя Алексѣя, чтобы о скѣлько возможно зменьшалъ державныя податки и творилъ польгу народу, еще тѣмъ болѣшия накладалъ данины, и отдавалъ ихъ на откупъ твердо-серднымъ людямъ, чтобы оттакъ якъ найкорыстнѣйше дѣлится съ откупщиками. Отъ того пойдши бунты въ народъ: начались они отъ Москвы, а потомъ перейшли и въ другіи города. Розобравши дѣла, Царь увидѣлъ, що неправды были велики, и що головнымъ ихъ виновникомъ былъ онъ-же самъ Морозовъ. Тотъ хотя и якъ любилъ онъ оного кормильца своего отъ дѣтинныхъ лѣтъ, а таки удалилъ его отъ себе съ соромомъ и началъ далѣй (зъ г. 1648) самъ управлять всѣма дѣлами царства.

Прежде всего Царь Алексѣй призвалъ къ собѣ самыхъ честныхъ людей всякаго чина, именно такихъ, которы поважаемы и любены были народомъ. Съ тѣми людьми держалъ онъ совѣтъ: якъ утвердити въ русской земли праведный судъ и законный порядокъ, для всѣхъ зарвно обовазующій. Насампередъ обернулъ онъ свой взглядъ на распредѣленье земскихъ повинностей, и установилъ тутъ самую справедливую сорозмѣрность: бояринъ ли ты, чи мѣщукъ, чи сельскій житель, а повинность зъ тебе еднака; плати подушне, якъ наложитъ, честно, исправно, не увертайся. — До часѣвъ Царя Алексѣя всѣ русскіи героды были заставлены рогачками и коморами: не можъ было ни выхати ни въхати, не заплативши мыта; при переездѣ черезъ каждыи мѣстъ, при въездѣ въ каждыи геродъ, ба въ каждое село, при всякой продажи нужно было платити дачку за провозъ, за складчину, за про-

даму, такъ, что н одного кроку не можь было здлати безъ оплаты. Царь же Алексѣй уничтожилъ все тѣ мыта, рогачки и коморы. А щобы еще ббльше ободрити русское купечество, онъ запретилъ чужеземцамъ торговати на Руси — якъ бывадо давнѣйше — безъ всякой оплаты, а принавалъ просто, щобы и тѣ несли такую-же повинность, якъ и русские купцы. Кроме того для точного устройства купеческихъ дѣлъ издавъ онъ „торговый уставъ“, первый законъ того рода на Руси, а ещежъ для управления всеми торговельными справами учредилъ въ Москвѣ купеческій Приказъ (заядъ), въ которомъ заседали самыи купцы и рѣшали всекии дѣла своего звания по торговому уставу. Для розширенья торговли съ хинскимъ царствомъ онъ основалъ города Нерчинскъ и Иркутскъ въ Сибири, и зъ того часу русские купцы начали аздити ажъ въ Китайскую столицю — въ Пекинъ, куда еще въ ту пору нязкому другому народу Европы завхати не было дозволено. Отъ такихъ жаръ Царя Алексѣя духъ торговомъ предпримчивости пробудился по всей Руси. Нашъ братъ — русскій человекъ Семенъ Демневъ пустился въ то время на морскую плавбу по Ледоватому морю, и дойшовъ ажъ до устья рѣки Анадыра; онъ затѣмъ первый изъ мореходовъ всего свѣта прѣхалъ проливъ, отдѣляющій Азію отъ Америки.

Устроивши дѣла русекомъ торговли, молодой Царь приступилъ къ уложенію добрыхъ законѣвъ для всехъ жителей своего царства. А щобы справу тую многоважну проавести въ согласію съ народомъ, онъ созвалъ до Москвы великій Соборъ народный, на которомъ явилось 320 заступниковъ отъ всехъ городовъ и областей Руси. Тому-то Собору Царь Алексѣй поручилъ розсмотрѣти все державныи законы, шиии отъ царствъ Ивана Грозного въ теченью 100 лѣтъ выдаваны быди на Руси, а щоторы изъ тѣхъ законѣвъ покажутя недостаточны, то щобы ихъ исправити и дополнити новыми, та оттакъ и составилъ дѣтъ шайшольнейшій сборникъ русскихъ законѣвъ. Соборъ возложилъ сія дѣла на князей Олдовскаго и Волканскаго, и тѣ для умныи и трудолюбивыи бояре добросовѣстно и усердно выполнили порученіе; они то привели все законы въ ясность, выписали изъ правилъ Апостольскихъ и святыхъ. Отцевъ а также изъ законѣвъ греческихъ Царей все тое, що къ дѣлу подходило, собрали указы прежнихъ русскихъ Царей и написали новыи такъ, щобы судъ и расправа быди во всакихъ дѣлахъ всемъ людямъ равныи и еднаки. Была бо и у самого Царя Алексѣя въ той справѣ головна мысль та, щобы законъ для всехъ былъ равныи. Коимъ же сборникъ законѣвъ былъ въ-полнѣ изготовленъ, то Соборъ 320 заступниковъ народныхъ приназиви его, утвердилъ своими подписями на вѣчныи часы веруиндце. Такъ и дѣйство въ г. 1649 сдѣлае оно дѣло, известное въ Исторіи Руси подъ названіемъ: „Соборъ“

ное уложеніе Царя Алексѣя Михайловича“, которое въ русскомъ законодательствѣ и доннынъ найкраснѣйшій памятникъ почитается.

Совершивши той великій подвигъ съ уложеніемъ законѡвъ, Царь Алексѣй занялся исполненіемъ ихъ на дѣль, т. е. бытъ не удовольился однимъ только изданіемъ законѡвъ, но хотѣлъ, чтобы ихъ свято исполнили повсюду въ русскомъ царствѣ. И самъ-же бытъ былъ найбѣрнѣйшимъ исполнителемъ своихъ законѡвъ, выконучи всякое ихъ предписаніе точно такъ, яко-бы въ обличіе закона былъ не владѣтель, а ровный всемъ подданный. А що еще найважнѣйше было по новымъ указамъ царскимъ, що всякій, кто лишь чувствовалъ себе оскорбленнымъ бытъ суду, имѣлъ свободный доступъ къ Царю и мѡгъ жаловаться на неправедныхъ судіевъ, хотя бы тѣи и были найвысшими достойниками царства.

Устраивучи внутреннїи дѣла державы, юный Царь принялся также за введеніе лучшаго ладу въ русскомъ войску. До того бо времени Великая Русь кромѣ стрѣльцевъ не имѣла еще постоянного войска. Всякій разъ, якъ начиналась война, бывало ищущи та соляне бытъ плуга и сохи берутся за оружіе, становятся въ ряды и составляютъ войско. Оттакъ то и великихъ побѣдъ годъ было ожидать отъ такихъ воинѡвъ. Видячи се неудобство, Царь Алексѣй умножилъ число стрѣльцевъ, завелъ конныи и пѣхотныи полки, издалъ „воинскїи уставъ“, и призвалъ изъ-заграницы славныхъ офицеровъ для обученья русскихъ солдатѡвъ. — Кромѣ сего на-польнаго войска дѣятельный Царь хотѣлъ завести и морскую силу; для той цели призвалъ бытъ изъ Голландїи опытныхъ корабельщикѡвъ, и тѣи построили на рѣкѣ Оцѣ одинъ великій корабель и нѣсколько поменьшихъ лодей военныхъ. Тѣи корабли были спущены на рѣку Волгу и зведены въ Астрахань на Каспїйское море. Царь Алексѣй написалъ уже „морскїи уставъ“ и хотѣлъ было заняться мореплаваніемъ; однакожь вскорѣ потомъ наступившии войны съ Польщею и со Шведами отвлекли его отъ сего иного-стоющаго предпрїятїа.

Будучи благочестивѣйшимъ человекомъ въ родинной и гражданской жизни, Царь Алексѣй усиленно старался, чтобы и народъ его имѣлъ добрыи обычаи. А якъ то у простаго народа всякіи прогрышенїа наибльше происходятъ отъ пьянства, то Царь строго каралъ пьяницъ, и запретилъ вольную варку и продажу горьки; а продавати горьку могли тодько царскїи пивовары, и то не всегда, лише передъ великими праздниками и къ тому немного. — Православную же вѣру зберегалъ Царь, якъ зѣницу ока, и въ томъ святомъ дѣль много понагалъ ему славный Отець русской Церкви, Святитель Никонъ, котораго Царь любилъ больше надъ всехъ своихъ подданныхъ и поручалъ ему

смотреть за боярами и прочими чиновниками, чтобы не кривдили сиротъ и бѣдныхъ людей.

Такъ отже изъ всѣхъ дѣлъ молодого Царя уже въ первыхъ лѣтахъ его правленія можъ было достаточно увѣриться, що се былъ владѣтель мудрый и добрый, та що отъ него належало еще много добра для святой Руси надѣяться.

(Дальше буде.)

ДѢЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ послѣ Чоккого.

(Продолженіе.)

15. Счетныя книги, шадничая каса и вспомоная кухня.

И ото бѣдныя селяне, съ школьнымъ учителемъ вступившіи въ союзъ дѣланія золота, стали ходити къ нему по-одиноку и пересказывали свое горе: „Видишь, Данило, якъ я тяжкій обѣтъ мой, но я вѣрно держу его. Отъ уже полъ года, якъ я молюсь я работаю. Полъ года уже я не играю, не пью и не сварюсь ни съ камъ. Домъ мой чистъ. Жена и дѣти одѣты опрятно. Никто на мене не жалуется. Но старшины всячески притѣсняютъ мене, я иноразъ изъ нихъ должень. Они грозятъ выгнати мене изъ дому, если я имъ не выплачу долга, или не буду пяти у нихъ. Поможи мене, Данило, иначе я не змогу сдержати моего обѣта. За полъ-семи лѣтъ буде у мене грошей вдоволь; дай мене въ займы впередъ, — я послѣ заплачу тебя.“

Данило отвѣчалъ: „Четвертая статья обѣта состояла въ томъ, чтобы молиться, работать и не дѣлать больше долговъ. И потому-то я не могу тебе дати въ-займы гроши. Но скажи, кому и сколько ты должень, и мы подумаемъ, якъ выйти изъ бѣды.“

Данило взялъ паперъ и перо, и усѣвшись за столъ, сталъ записывать, шо ему отвѣчали на его вопросы. „Кому ты должень, сколько должень и съ якими процентами? Зачѣмъ сдѣлалъ и далъ ли який-нибудь залогъ?“ Кого узналъ о всемъ подробно, то продолжалъ спрашивать: „Чѣмъ ты залетишь? Сколько можешь ты, и жена и дѣти заработать въ недѣлю? Сколько у тебе земли и скота, и сколько можешь ты середнимъ цѣскомъ продати изъ взятого зъ полей хлѣба? Много ли тебѣ нужно на прожитіе въ недѣлю, въ день? Шо выходитъ на платье, на мытье, на посуду? Сколько нужно выдати для себе и роднян, и безъ чего можно обдѣяться?“

Все то Данило подробно записывалъ и при томъ-то ясно объявилось все безпутное, беспорядочное хозяйство селянъ. Иный не зналъ даже навѣрно,

много ли бы долженъ, ничего у него не было зависано. Надобно было спра- вляться у самыхъ заимодавцевъ. Иный должникъ кѣлька лѣтъ не платилъ про- центовъ. Надобно было сперва ихъ выплатити. Иный долженъ былъ старшинъ, у котораго въ крайности занялъ грошей по 20 и 30 отъ ста. Тогда Данилъ прѣйшлося идти въ городъ, заняти грошей по 8 и по 10 процентовъ пбѣ свою поруку, щобы заплатити за должниковъ — и не дати имъ бы отъ долговъ розоритися въ-конецъ.

У много было больше долговъ, чѣмъ имущества. Тутъ трудно было по- мочи. Но Данило ободрилъ кождего и восторгалъ:

— Бережливость и трудъ, съ помощію Божею, освободятъ васъ отъ долговъ, только во всемъ слѣдуйте моему совѣту.

Теперь-то вполнѣ понялъ бы, какъ нлого было хозяйство селянъ, и са- мымъ имъ было горько увѣритися въ томъ. Только тутъ узналъ каждый, що у него оставалось за уплатою своихъ долговъ. У иныхъ не оставалось майже ничего, и страшно имъ было за себе. Всѣ рѣшились трудитися безъ опочинку и сберегати кождай грошникъ, но какъ начать? Много труда принялъ на себе Данило, но трудитися для ближнихъ было для него удовольствіемъ, для того що бы былъ вполнѣ челолюбивъ. Для всякого составилъ онъ книжку, где были записаны его долги и весь счетъ, и по той книжцѣ всякій могъ видѣти, въ какомъ положеніи находилось его состояніе. Потомъ онъ отправился въ го- родъ глядѣти работы для взрослыхъ и для дѣтей. То ему удалось и все, що понемногу зарабатывалось и збереглось, то каждого дня записывалось и со- хранялось. Иныи давали Данилу свои заработанныи гроши: другіи щонедѣльно приносили ему, щобы варіаннѣ составлялся ихъ капиталъ. Такъ какъ многіи такъ дѣлали, и Данило набралъ наконецъ больше ста золотыхъ, то бы сталъ думать: „зачѣмъ тѣмъ грошамъ лежати безъ пользы? еслибы они приносили хоть невеликій процентъ, то послужило бы бѣднымъ людямъ въ пользу.“

Вотъ онъ и сдѣлалъ собою книгу и вписывалъ въ ню, що каждый щоне- дѣльно приносилъ ему изъ заработанныхъ грошей. Потомъ въ городѣ предло- жили бы честному челоубу щомѣсячно брати хоть по 10 или 20 золотыхъ и платити за нихъ проценты: „те дѣлается, говорилъ онъ, въ пользу бѣдныхъ бережливыхъ людей.“

Челоубъ тотъ, бывшій богатый купецъ, располеженный къ добру, со- гласился принятии гроши, и коли подъ конецъ года набрался проценты, онъ причислилъ ихъ къ капиталу, щобы на проценты нарастали еще проценты. Да- нило же все занималъ и записывалъ, сколько процентовъ авалъ кождай изъ селянъ отъ своего капитала.

Для трудолюбивыхъ было великимъ счастіемъ то, що они и дѣти ихъ ишли работу, и зарабатывая собою гроши, майже никола не были больны. Прже такъ не было, потому що прже, прогулявши и продавши Недѣлю, въ Понедѣлокъ они вовсе майже не могли работати. Имъ было не ловко, и

голода болела. А теперь они так держали себя опротно, так четко чesа-лись, жидясь, что и болѣзни случались от ними рѣдше, потому что от нечи-стоты происходить много болѣзней.

Когда Данила рассказывалъ сельчанамъ, что онъ завелъ шадническую кассу и что кождонедельно приносимыи ими гроши даютъ уже проценты, они дуже удивлялись тому и весьма были довольны. Всякій увидалъ въ дѣлѣ, сколько уже у него набралось грошей и сколько за то онъ можетъ получать процентовъ въ конце года. Съ начала немногій отдавали свои гроши Данилѣ, но когда потомъ они извѣстии другъ друга о процентахъ, когда услышали и другіи сельчане, что некоторые имали уже 15, 20 и 30 золот. процентовъ, то и они захотѣли также свои, хотя невеликіи гроши, отнести къ Данилѣ; при томъ еще замѣтили ему: „Зачѣмъ же ты не сказалъ намъ ничего о шаднической кассѣ? Подожи туда и мои гроши, которые я сберегаю въ недѣлю, потому что когда они лежатъ дома, то они не прибываютъ, а уменьшаются. Если есть гроши, то ихъ и тратить! Лучше подалше отъ очей! А если ты не возьмешь, то не вѣй долго не выплатити долговъ своихъ!“

Такимъ образомъ все стали кождую недѣлю приносить къ Данилѣ изъ заработанныхъ грошей все, что они могли зберечь въ недѣлю, и всѣ старались одинъ передъ другимъ больше выработать. Были даже такіи корыстолюбивыи, что заставляли голодовати жену и дѣтей, лишь бы наберати побольше грошей.

Се огорчило учителя, и онъ сказалъ имъ одного разу: „Дуже хорошо, что вы умарены и бережливы, но жена и дѣти ваши не должны голодовати. Сильнѣй чelовѣкъ дѣлѣ больше силы и больше работаетъ. Конечно, динни жещины, когда бы могли работати въ поля или еще иначе какъ-нибудь заработать гроши, должны оставатися дома и тратити время на шастанье. Если бы для кождого хозяйства была уже вся срава приготовлена, то не потребно было бы докупати дрова, платити за нихъ и теряти время въ дѣсь на зрубѣ. Тогда бы можно было продавати дорочно и тѣи дрова, що громада отпускае на кождого и доставати за то гроши. Се была бы бѣльшая выгода; надобно намъ начини вести дѣла иначе. Вы знаете, во время дорожнѣ мы бывало кормимель дешевой похлѣбкою. Отъ чего ми то дѣлали тогда, коли у насъ ничего не было, и не дѣлаемъ того теперь, коли у насъ есть що сберегати. У насъ есть теперь бубба, овощи, мука, хлѣбъ и мясо по дешевой цѣнѣ. Съ тѣмъ же грошии, какъ тогда въ дорожню, мы можемъ имѣти лучшую сраву и сберечи много гроща. Если бы теперь кто-нибудь одинъ взялся заработать для всѣхъ, то жещини скорыстали бы много времени и могли бы работати другое и заработать много. Для 30 печей требуется въ 20 разъ бѣльше дровъ въ день, чѣмъ для одной печи, где бы готовилась обѣдъ для 30 родичѣ. Вы не знаете, то было бы выгодно. И тамъ, где для многихъ людей варился врасъ, сберегается и овѣ, и сало, и всякая приправа. Попробуемъ-же.“

Многим согласились, другим же кетъди. Данило пошёл къ мельнику и уговорилъ его варить дешовую похлёбку, и три раза въ недѣлю готовить мясо для продажи желающимъ. Тѣ, которые на то согласились, оказали, сколько у нихъ выходило на щодовую страву въ день. Такъ соединилось 17 родинъ.

И вотъ поочередно каждая родина давала въ свой день дровъ на варенье и помочника роднымъ. Мельника распорядился всѣмъ. Всякій день были перемены въ похлёбкѣ и овощахъ. У кого не было грошей, тотъ платилъ за свою порцію мукою, мёдомъ, овощами и бульбою. Се не было никому въ тягость. Только за мясо платилось гроши. Мельника варила славно, и другія женщины, коли имъ приходилось чередоваться при ней, научились у ней хорошо варить.

Такимъ образомъ соединившіяся родины, въ томъ числѣ и мельникъ думали, что лучше и сытнѣе, чѣмъ другія въ селѣ, и межи тѣмъ страву обходились имъ далеко тѣше. Всякій день была у нихъ похлёбка съ зеленью, три раза въ недѣлю мясо, разнообразно приготовленное. Коли увидѣли другія, что похлёбка выходитъ вкусная, и что навѣтъ для больныхъ и выздоравливающихъ составляетъ она здоровую страву, то присоединились къ всеобщей кухнѣ даже и тѣ, которыя еще не принадлежали къ тайному союзу дѣлателей злата, а присоединились потому, что оны скоро замѣтили, яко при всеобщемъ хозяйствѣ много сберегается и труда, и времени, и дровъ, и приправы, наконецъ, что все выходитъ и тѣше, и лучше.

Такъ много родинъ вступило въ союзъ, что мельничья уже было не под силу справляться, несмотря на то, что у ней было много помочницъ. Тогда корчмарь Козырь завелъ для своей выгоды у себе такую же кухню; но всѣ, принадлежавшія къ тайному союзу, остались у мельника. Они избрали изъ середины себе самыхъ разумныхъ газдовъ и поручили имъ закуповати запасы и имѣти надзоръ за ихъ употребленіемъ. Всеобщая кухня ихъ должна была приносить выгоду не одному кому-нибудь, а всѣмъ разомъ.

16. Якъ уничтожаются въ селѣ корчмы, и по о томъ говорятъ старики?

У корчмара Козыря все шло нѣтъ; онъ варилъ похлёбки, добрый хлѣбъ только для свиней; никто не хотѣлъ ѣсти ихъ, и посетители его перестали наконецъ ходити къ нему, почему не хотѣли тратити свои гроши на такую лхую страву. Они сойшлись разомъ и уговорились здѣлати такъ, якъ у мельника. Но то не пошло, для того же межи ними не было порядка, и всякій хотѣлъ только обманути другого. Тамъ корчмарь Козырь былъ дуже доволенъ и тѣшился, же дало у нихъ иде не лучше, чѣмъ у него.

Но у него все-таки шло горше, чѣмъ у другихъ, потому что онъ былъ человекъ жестокий и безчестный. Онъ набиралъ много грошей неправеднымъ

путями; но добро, лихою приобретенное, долго не устоитъ. Тогда какъ въ годное время добрыя люди дѣлали великія пожертвованія для того, чтобы вѣрилась страва и раздавалась бѣднымъ Золото-Полянцамъ милостыня, корчмарь Козырь уговорилъ старшинъ роздати лучше грѣшны; бѣдъ зговорился съ корчмаремъ Мирономъ, и оба стали продавать бѣднымъ людямъ хлѣбъ и мѣху на неслыханнымъ цѣнамъ. Такимъ способомъ гроши всѣ перейшли въ ихъ мѣщину. Коли бѣдныя люди изъ крайности продавали сѣно, скотъ и даже землю, то тогда корчмарь Козырь и другіе старшины условились другъ съ другомъ скуповать все по самой дешевой цѣнѣ. Се дѣлали они такъ: сперва подходилъ одинъ и предлагалъ цѣну самую низкую, потомъ прибавлялъ трохи болѣе и не соглашаясь съ продавцемъ, уходилъ. За нимъ приходилъ другій, и не давалъ ни гроща болѣе какъ первый, говоря, що и се надто дорого, та и товаръ дряхлый. Зговорившись такимъ образомъ, они уменьшали цѣну. А такъ какъ ихъ считали болѣе опытными, то никто и не рѣшался дати болѣе, чѣмъ они предлагали. Потому-то товаръ и доставался корчмарю со старшинами по самымъ ничтожнымъ цѣнамъ. Кто былъ порозсудившій и предлагалъ за товаръ цѣну вышю, того пугали угрозами, особливо если на цѣмъ былъ долгъ. „Если у тебе доводно грошей, чтобы докупати такой дряхлый товаръ, и ты хочешь перекупити его у моего пріятеля, такъ заплати сперва цѣну своей долгу.“

Такъ разбогатѣлъ Козырь, но повторяетъ: неправедное добро долго не устоитъ. Отецъ былъ гордый и заносчивый человекъ, и у него въ судѣ вѣчно были тяжбы. Навѣтъ съ братьями и сестрами своими была у него тяжба, потому что при роздѣлѣ отцовскаго наследства бѣдъ обманомъ и хитростію уменьшалъ ихъ снадѣнну. И многіе люди въ селѣ, тягачисъ съ нимъ, были въ конецъ разорены.

Загаломъ тѣ тяжбы и хожденіе по судамъ, были головою причиною обѣдненія Золотой Поляны. Покуда у людей водились грощи, они гордились. А кто затѣвалъ тяжбу, тотъ еще хвадилъ тѣмъ дѣломъ, будто добромъ дѣломъ, и величался тѣмъ, що у него есть дѣло въ судѣ. А тутъ-то судьямъ и была печаль, — они еще болѣе обдотривали глухихъ селянъ, потому что селянская глупость была нитъ дуже доходна.

Охотники до тяжбъ такъ уже пристрастились, що влялись лучше отлати поглядній грошикъ, чѣмъ уступити противнику. А судьямъ то и нужно было. Они еще рѣзкими уловками затягивали дѣло на долгій речинецъ. Годъ проходилъ за годомъ, а дѣло все тянулось. Тутъ нужно было отписываться, подарити въ знедѣлію и переходити черезъ вѣдъ судобныя митарства, пока у глухыхъ людей оставался хоть грѣнцъ за душою, и наконецъ тяжба обходилась въ десять разъ дороже, чѣмъ стоить сама справа, подавая къ ней поводъ. Коли же напродедокъ дѣдо рѣшалось, то той, кто проигралъ его, тѣ еще и гроши потратилъ, жаловался на недобросовѣстность судей, и отправлялся ходити по міру, а судія будовали дома, та покупали землю.

«Зъ такъ поръ, якъ Данило прійшоу въ село, онъ многихъ удержалъ отъ тяжбы, потому что коли кто спрашивалъ его ради, онъ все устроилъ такъ, что дѣло кончалось полюбовно. При томъ онъ рассказывалъ: „Разъ двѣ собаки, вогрѣвшись на узкой дощечкѣ надъ водою, нашли кость; они заспорили, кому взять ю; третья собака, которой тоже захотѣлось кости, подошла къ нимъ, подстрекая то ту, то другую. „Не уступай кости, она твоя по праву.“ Отъ; собаки и начали грызтись и рвать одна другую, пока оба не завалились въ воду, а третья подхватила кость, и зѣвля, поглядывая, якъ тѣмъ собаки барахтались въ водѣ.

„Такъ-то бывае при всякой тяжбѣ. Тяжбы дорого стоятъ и кончаются стыдомъ и разореньемъ. Кто начинае тяжбу, тотъ уже и паша, что у него пропала половина того, что онъ хотѣлъ добыти. Корыстныи судьи, якъ двѣ остріи у ножицы: они за-одно другъ съ другомъ все режутъ, что имъ ни подложать. Допустимъ, ты и выигралъ дѣло, но въ самоѣ-то дѣлѣ ты больше проигралъ, чѣмъ приобрѣлъ. Прошло время, пропалъ трудъ, а при томъ сколько крови испортилъ еще, покуда толкался по судамъ, да проводилъ бессонныи ночи.“

Такъ говорилъ Данило всѣмъ; но корчмаръ Козыръ съ нимъ не совѣтовался и майже каждого року начиналъ новую тяжбу. Подарки, которыи долженъ онъ былъ дѣлать чиновникамъ и писарямъ, расходилъ на взду разстроили и его нищество. Коли же наконецъ онъ проигралъ тяжбу, которую завелъ съ соседними селомъ за старый дубъ, будто бы стоявшій на его землѣ, а не на громадской, — то ему прійшло дуже лихо. Той дубъ обойшоу ему больше чѣмъ въ 100 золот. Онъ не зналъ, гдѣ достати грошей, понеже на немъ долговъ было больше, нежели предлагали. А повуди онъ воюда хлопоталъ, чтобы достати грошей, и нигде не находилъ ихъ, другіи люди, которыи онъ былъ долженъ, опасались за свои гроши, и стали рѣшительно отъ него требовати уплаты долга, такъ что прійшоу ему отогуниться отъ своего дома и отъ всего нищества, и продати и дѣтъ и обысть. Отъ, яже было послѣдствіе всѣхъ его тяжбъ!

За поля его; лихо сраваенныи, заплатили нештого. А такъ якъ охотники посвящати корчмы было меньше, будь потому, что грошей не было; будь потому, что у кого и были гроши, такъ той не хотѣлъ пропивати ихъ; то и за корчму дали нештого. Купецъ дома, видячи, что сельне въ корчму не ходитъ, заперъ ю. Такъ бѣтася одинъ корчмаръ Миротъ, а прочіи продавци пива и горьлки давно уже залерли свои складни.

Старики качали головою, поговоривая: „Видно настало лихои время, и бѣдное наше село совсемъ пропаде! Бывало ледви доставало для насъ двоухъ корчмъ и ипотихъ пивныхъ и винныхъ складниковъ, — теверъ ледви и одинъ може держатися! То стыдно Золотой Поляи, лихо идуть дѣла!“

Но Данило отвѣчалъ на се: „Совсемъ не то, добрыи люди; и надеюсъ напротивъ, что скоро все поиде у насъ лучше. Я много ходилъ по сѣвѣ и

видаѣ много селъ: такъ тамъ, гдѣ было больше корчемъ; вѣрда было и больше нищеты. А гдѣ корчемъ не было, или хибань только для проезжающихъ, тамъ было и довольство въ домахъ. Корчмы живутъ на счетъ громады. У насъ въ селѣ остается еще одна корчма, а и той еще много. Не было бы ея тутъ — тамъ сосѣдніи дома были бы лучше. Кто не игралъ въ карты въ корчмѣ, той за тѣ гроши купитъ Евангеліе и вноситъ слово Божье въ свой домъ; кто по корчмѣ съ гуляками не напрашивается на бойку и не тратитъ тамъ грошей, той честно проводить время свое дома, съ женою и дѣтьми; кто не платитъ грошей въ корчму, у того они остаются въ карманѣ. Лучше выпити чарку вина у себе дома, чѣмъ пазую бочку въ корчмѣ!⁹

Такъ говорилъ Данило, и старикъ кивалъ головою, признаваясь, что онъ говорилъ правду. Корчмарь же Миронъ просто выходилъ изъ себе отъ злости, особенно коли онъ услышалъ, что Данило говоритъ, будто корчмы живутъ на счетъ громады, и онъ бы чейже сейчасъ завелъ тяжбу съ Даниломъ, если бы было можно; — не учитель былъ осторожный, и лѣтъ корчмарь ни рубилъ его, онъ не обращалъ на него вниманія.

17. О молніи, упавшей на домъ священника.

Въ одно время была ночью страшная буря. Все небо стало какъ будто въ огни. Громъ гремѣлъ такъ страшно, що дома дрожали и звенѣли отъ него. Хотя селяне обыкновенно были чужды страха Божьего, но въ бурю они всегда усердно молились и отъ всего сердца каялись въ грѣхахъ своихъ до тѣхъ поръ, пока она не утихала. А потомъ они опять принимались за старое.

Наразъ съ ужаснымъ трескомъ разразился громъ въ селѣ, и молнія огненною сѣтлою упала на домъ священника. Къ счастью она не спалила ничего и не убила никого. Только на другое раню увидѣли, що дахъ былъ розщепленъ, а старикъ священникъ, уже и такъ бывшій недужнымъ, еще больше занемогъ отъ ужаса, та и за кілька дней умеръ. Тогда Золото-Полянцы стали осуждати начальство. „Начальство, говорили они, во всемъ виновато; и если бы не было запрещено въ бурю звонити въ звоны, то нѣчто лиха бы не случилось. Великимъ звономъ можно было бы удалить бурю; а то запретили. А отъ и бѣда случилась.“ Такъ говорили Золото-Полянцы.

Данило отвѣчалъ имъ: „Какъ вы нерозумно судите и какъ неосторожно говорите. Не начальство притягнуло молнію на дахъ дома священника; притягнулъ ю металлическій дротъ на желзномъ поддашку. По законамъ природы молнія всегда стремится къ водѣ или къ металлу, а особенно къ чому-нибудь остроконечному. Богъ то здѣлалъ, чтобы человекъ узналъ, какъ должно охраняти себе отъ грома. Если молнія встречаетъ металлъ, по которому може войти въ землю, то она бывае безвредна.“

Тогда Данило повелъ селянъ на дахъ священника дома. Они увидѣли въ золоченомъ шарикѣ маленькіи дѣрочки ростоцпенного метала, увидѣли, якъ молнія по высоко стоящимъ гвоздикамъ черепица пробѣжала по даху и внизъ по желѣзной проволоцѣ, за которую всегда звонили у дверей. „И отъ того, що молнія найшла себя тотъ путь, дѣмъ остался невредимымъ, но еслибы того не было, то все бы згорѣло.“

Данило продолжалъ: „Такъ якъ звонница имѣють зверху шпидъ и много желѣза внутри, то молнія часто падае на нихъ; а такъ якъ при томъ случалось неразъ, що погибалъ тамъ звонарь во время бури, то начальство и запретило тое бесполезне, безрозсудне звоненье.“

Увидѣвши съ сожалѣніемъ, що зъ тѣхъ поръ люди стали еще болѣе бояться молніи, Данило сказалъ имъ: „Боятися бури вовсе безрозсудно. Буря естъ благословеніе Божое на край; она очищае воздухъ и оплодотворяе землю. Переставьте же бояться, пойдѣть, прийдѣте на дахахъ дѣмѣвъ вашихъ желѣзное остріе, цѣлѣвъ 7 вышиною, прикрайтѣ къ нему желѣзную проволоку, не толще гусиного пера, и проведѣть по даху внизъ до земли въ сырое мѣсто. Такимъ способомъ вы проведете для молніи дорогу, по которой она и пойдѣ безвредно въ землю, если проволока зверху до низу изъ одного куска и если вы будете содержать ю чисто, безъ ржавчины и грязи. Громоотводъ есть якъ бы страхоотводъ и оберегаеъ и дѣмъ, и село отъ пожара и несчастья отъ молніи.“ Такъ говорилъ учитель, и самъ прикрѣпилъ къ даху своего дома желѣзное остріе съ ведущою внизъ проволокою, потому що Марія сильно боялась грома. Медникъ, видѣвшій то уже въ городѣ, сдѣлалъ то-же самое у своего дома. Многій селяне то-же сдѣлали, потому що оно стояло не дорого и много успокоивало.

Другіи же по простотѣ своей говорили: „Не значить ли то давати закламы Господу Богу? Онъ посылаетъ свой громъ на кого хоче. Вѣдай отъ тѣхъ провадокъ у насъ, и дожджа не буде, и Богъ во гнѣвъ Своємъ дѣшитъ землю плодородіа!“

Учитель отвѣчалъ: „Глухими вы люди! Гроза Божая проходитъ черезъ лѣсы и горы равнины, а дождь оплодотворяе землю всюду. Но Богъ далъ намъ розумъ, чтобы мы ограждали себе отъ небезпаченства. И самое наилучшее може быти вредно, коли не на мѣстци. Огонь, свѣтло и тепло суть явленія, благотворныи для человека, но не тогда, якъ горитъ дѣмъ. Отъ того Богъ далъ намъ воду — гасити огонь. Если вы употребляете воду, чтобы гасити огонь, то зачѣмъ же боитесь употребити желѣзо, чтобы отсторонити молнію? Нѣтъ ала на свѣтъ, противъ которого бы Богъ не далъ намъ средства. Но человекъ долженъ узнати его и приняти съ благодарностью; кто въ слѣпомъ упрямствѣ отвергае то средство, тотъ пренебрегае дороговѣннѣшимъ даромъ Божиимъ и несе справедливое наказаніе, если дѣмъ его горитъ отъ молніи, или самъ онъ падае подъ ударомъ грома.“ На многихъ подѣйствовали тѣ ро-

лучшими слова. Другіи же по гордости или по невежеству презирали ихъ въ сердцахъ своихъ и не хотѣли сознаться, що учитель понималъ рачи лучше отъ нихъ. Стыдячися своего невежества, они упрямятвомъ своимъ хотѣли показати, будто они умнейши отъ всѣхъ.

Мѣстце умершого священника не долго оставалось незанятымъ. Въ Золотую Поляну прибылъ священникъ, Отецъ Григорій, молодой человекъ 27 лѣтъ, много вида.

„Ну, сказали некоторые изъ селянъ, що намъ въ томъ молодикѣ? Если у начальства нѣтъ вѣры, оно должно по крайней мѣрѣ оставити намъ нашу вару и прислати намъ достойного человека, въ лѣтахъ и досвѣдченнаго.“

Другіи говорили: „Новый священникъ нашъ все дѣлае по-новому. Коли онъ говоритъ свои проповѣди, то говоритъ просто, якъ мы, и всякая дитина пойме его. То ни намъ не годится; онъ вѣрно не досыть ученъ и следовательно бы ему еще поучитися. Такъ ли дѣлать покойный священникъ! Тотъ былъ не тому пара! Тотъ бывало наче говорити такъ чувствительно и все по книжному, такъ, що нашъ братъ ни поль слова поняти не може, хоть бы онъ битыхъ два часа говорилъ. Бывало заговоритъ о некіхъ и мученьяхъ грѣшниковъ — престо бѣда! а особливо зимою, коли въ церкви отъ холода зубъ на зубъ не попадае, тутъ-то онъ и розсынается.“

Еще другіи говорили: „Такъ, покойный священникъ былъ, яко есть человекъ; коли онъ выходилъ изъ олтаря, такъ было хоть на що поемотрати: такій онъ былъ выскіи и толстий. А новый священникъ токій тощій и худій, нѣтъ шевка. Бывало, коли покойникъ розсердился, то голосъ его слышенъ на оконцѣ церкви, а у насъ еще выходя изъ церкви еще долго звенитъ въ ушадь. Вотъ голосъ-то былъ! А новый священникъ говоритъ такъ, якъ бы говорилъ у насъ въ коината.“

Отъ якъ розсуждали прихожане, но не все.

18. Еще о новомъ священникѣ.

Были въ селѣ и такіи люди, которымъ видали, що Отецъ Григорій былъ человекъ хорошій, достойный и ученый, несмотря на то, що былъ молодой. А коли къ нему ближе присмотрѣвались, казалось даже, що онъ былъ больше чымъ обыкновенный человекъ, исполненный небеснаго дръзванія. Онъ былъ привѣтливъ, тихій и полный смиренія, внушалъ къ себѣ глубокое уваженіе. Онъ никогда не ссорилъ, никогда не сердился и былъ всегда мирный и терпѣливый; коли же онъ що порицалъ, то и тогда былъ слышимый голосъ любви, настаивающій заблудшого.

Прибывши въ Золотую Поляну, онъ посетилъ весь родины въ селѣ и со всеми познакомился. И давалъ не преходямо дня, щоби онъ не добивалъ то изъ одной, то въ другой хатѣ. Тамъ-то и приобреталъ онъ доверіе.

Всегда ужалъ онъ подати хорбшій свѣтъ, утѣшити печального; тронуть сердце заносившаго и помирити посварившихся. Наслѣдуючи Христу, онъ часто бывалъ съ людьми бѣдными, или жеми тѣми, о которыхъ шла недобрая слава.

Когда въ Недзю онъ говорилъ проповѣдь, то — дивная рѣчь, — каждому казалось, что онъ относится именно къ нему; каждому казалось, что онъ слышитъ повесть своего власнаго сердца; каждому высказывалась тайна его прегращенія и открывалась причина, для чего онъ впалъ въ него и якъ адабыль Бога; и съ тѣмъ разомъ открывался путь исправитися и вновь обратитися къ Богу. При томъ указывалъ онъ на Иисуса Христа и на святыхъ Его, яко на примарь, слѣдуючи которому можно приблизитися къ Богу. Се пробуждало въ каждомъ слушателю большое роздумье, и потому-то каждому казалось, что именно о немъ и говорится. И слухая проповѣдника и его пріятели уважанія, забывалась его молодость и его тихій голосъ. Слова его были небесныя слова, которые шли прямо къ сердцу и наполняли его отрадою и сокрушеніемъ.

Когда Отець Григорій въ первый разъ посетилъ сельскую школу, чтобы видѣти ея устройство, то опрятность, порядокъ и тишина, съ какими приходя для дѣти, весьма его обривали. Когда же Давидъ сталъ молитися и водъ школа преклонила колѣна, онъ былъ тѣмъ глубоко тронуть. Онъ тоже преклонилъ колѣно, поклонился Богу, и слезами слезъ помочилъсь въ очей его. Давидъ кончилъ молитву, и Отець Григорій, поднеоши очи въ небо, аложилъ руки и молился такъ: „Отче Небесный! услыши и мою униженую молитву! Будь милостивъ къ невнимнымъ дѣтямъ; возьми ихъ николи не удаитися отъ Тебе, пребывай съ ними до скончанія ихъ жизни, до тѣхъ поръ, пока те воздвигнешь Ты ихъ изъ того міра, полного испытаній, въ Свою Отческую обитель. Тогда, милосердный Боже! прости и менѣ, ради Спасителя Иисуса, мои грѣхи, чтобы съ тѣми просвѣщенными душами могъ и я предстати передъ престоломъ Твоимъ! Благослови учителя тѣхъ малыхъ дѣтей, благослови его слова, его трудъ, чтобы онъ успѣлъ силою Твоею распространити Твое царствіе!“

Потомъ онъ поднялся и сказалъ дѣтямъ: „Милыя дѣти, молитесь прилжно за вашего учителя; чтобы Богъ оокрашилъ вамъ его; онъ вамъ точно отецъ, и безъ него вы были бы естивомы, бѣдными сироты!“ Слухая еса, дѣти зарыдали, и казалось имъ, что они любятъ учителя своего еще далеко больше, нежели прежде: они подумали, что смерть може его отнати у нихъ, — мысль, которая до сихъ поръ имъ не представлялась. Многіе изъ нихъ, аложивши руки, со слезами подыли вверхъ очи и тихо молчались. Когда кончалась наука, священникъ подошолъ къ учителю, обнялъ его при всѣхъ дѣтяхъ и сказалъ: „Ты добрый, праведный человекъ! Ты оцеть такимъ оманамъ, которые прекрасно роздѣвуютъ въ вѣчності; научи и мене дѣйствовати, якъ ты дѣйствуешь, потому что ты уже многого сделалъ, а я еще може ничего. И какъ

найдет на нем ушние, то я приду учиться съ теми дѣтьми, и буду, якъ они, надеяться, вѣрять, любить и твоимъ примѣромъ укрѣплятися въ терпѣніи.⁶

Все то было настоящимъ преднамѣремъ для дѣтей. Они и прежде любилъ Данила и шему его; но коли увидѣли, съ якимъ почтеніемъ самъ священникъ говорилъ о нихъ учителю, то Данило и Марія показали имъ высшими чувствами, и къ чувству любви прибавилось еще и глубокое уваженіе.

Не прошло и полъ года отъ пріѣзда Отца Григорія, якъ онъ уже сталъ другомъ и совѣтникомъ большаго числа прихожанъ.

У него вся находилъ утѣшеніе и добрый совѣтъ. — Въ домахъ ихъ онъ говорилъ съ ними по-домашнему, но въ церкви каждое слово возносило душу къ вѣчности.

Много дѣлалъ онъ добра бѣднымъ, но такъ тайно, такъ скрытно, шо ледави кто могъ о томъ провѣдати. А где были больныи, тамъ онъ всегда являлся. Онъ имѣлъ невеликую аптеку, составленную изъ простыхъ домашнихъ средствъ, и часто въ болѣзняхъ помагалъ своими лѣкарствами. Онъ охотно читалъ лѣчебники, и хотя не училъ медицине, но умѣлъ лѣчить многіи недуги. И такъ, онъ былъ не только духовнымъ, но и тѣлеснымъ лѣкаремъ своей паствы. Со внушало къ нему довѣріе и послушаніе. Такъ жилъ онъ по примѣру Христа и учениковъ Его, изцѣлялъ больныи и проповѣдывалъ Царствіе Божое.

Мало-по-малу онъ отъучилъ нерозумныхъ людей отъ всѣхъ суевѣрныхъ и часто вредныхъ средствъ при лѣченіи болѣзни. Они уже болѣе не бѣгали къ знахарямъ и не употребляли зловредныхъ снадобій, не обращались въ случаю болѣзни къ пустыи наговорамъ глупыхъ старухъ и обманщиковъ. Онъ не требовалъ прощай за свои лѣкарства и демагалъ лучше всѣхъ. Коимъ же болѣзнь была надто небезпечна и тяжела, люди по совѣту его сейчасъ носили въ городъ за знающимъ лѣкаремъ. Съ-начала многіи ему не довѣряли, вмѣсто того, шобы обратитися къ лѣкарю, обращались охотнѣе къ глупой старухѣ, прибѣгали къ сомнительнымъ средствамъ, всегда дуже небезпечнымъ, о которыхъ узнавали отъ якого-нибудь вожака или дьячка, отъ чего болѣзни болѣе усложнялись. Но священникъ скоро врозумилъ ихъ, потому шо самъ умѣлъ лѣчить, а тѣмъ внушалъ довѣріе. Онъ много имѣлъ и другихъ свѣдѣній, о которыхъ и не подозревали. Онъ былъ отличный пчеловодъ, зналъ хорошо ходити за пчелами, умѣлъ заштити ихъ отъ всякаго вреда, и въ случаю нужды, зналъ, якій дѣлти имъ морить. Но самъ онъ своихъ ульбѣвъ не держалъ у себе долго, сейчасъ дарилъ ихъ бѣднымъ и училъ ихъ, якъ ходити за теми полезными мухами. Но за то онъ выговоривалъ собѣ право, коли пчелы ронлись, собирать рой, шобы вновь раздавати ихъ тѣмъ изъ селянъ, у которыхъ еще не было ульбѣвъ; такъ наконецъ все родины были засмотрены пчелами. А такъ якъ онъ вѣдалъ то дѣло отлично, то и войшло оно у него хорошо. Стали возити въ городъ много меду и воску, и доставали за то много грошей. И со временемъ Золотая Поляна прославилась во всей окрестности своими

пчеловодствомъ такъ, що дунда привезли изъ дѣлена, и цѣна на воскъ и на медъ повмѣшилась въ селѣ, потому що всякій желалъ купити Золото-Полянское меду. Тѣ крылатыя стада не требовали ни лугобъ, ни овна, а летали собѣ по полямъ и по лѣсамъ, и брѣнячи, приносили золото въ хату своихъ владѣльцевъ.

И въ церкви священникъ производилъ такимъ-же полезнымъ улучшеніемъ, якъ и въ господарствѣ прихожанъ. Тутъ однако было тяжше вводити новое, потому що старыя люди особенно упрямо держались за старину. Коли селяне пѣли въ церкви, то се походило на крикъ, не было ни согласія, ни пріятности. Всякій кричалъ изъ всѣхъ силъ, будто старался перекричать своего соседа. И отъ натуги иногда лица червонѣли.

И Данило много говорилъ противъ такого неблагочестивого обычая, по слова его произносились на вѣтеръ, и никто не обращалъ на нихъ вниманія. Отъ того онъ кинулъ бѣльшихъ, и занялся молодыми и дѣтьми. Ихъ училъ онъ тихого, звучного пѣнія въ четыре голоса; пріятно и трогательно было слушать его. Охотно приходили слушать его селяне и жены ихъ; но они думали, що се было хорошо для школы, а никакъ не для церкви, и продолжали тамъ кричать по-прежнему. Священникъ принялся за то иначе. Сохраняя уваженіе къ старинному напѣву, онъ роздалъ по домамъ, якъ бы въ додатку къ старымъ пѣснопѣніямъ, маленькія книжочки; въ книжочкахъ тѣхъ были молитвы на розныя случаи, и по такой-же самой книжочкѣ дѣти учились и пѣли въ школѣ, такъ що старикамъ се было пріятно.

За колька мѣсяцевъ Отецъ Григорій говорилъ въ одну Недѣлю проповѣдь о благочиніи при божественной Службѣ. Розсказалъ онъ о царѣ Давидѣ и его дивной игрѣ на арфѣ и о томъ, якъ Ангелы на небѣ поютъ хвалебныя пѣснопѣнія передъ престоломъ Божиимъ. Тогда селяне признали, що ни одинъ изъ нихъ не пѣлъ съ должнымъ благоговѣніемъ. А священникъ сказалъ: „Спаситель говорилъ: да приходятъ ко мнѣ дѣти и не прештствуютъ имъ. И мы тоже не будемъ запрещати нашимъ сынамъ и дочерямъ идти къ Спасителю. И всякую Недѣлю най они поютъ съ нами.“

Вотъ въ слѣдующую Недѣлю церковь была полна народа, и ровдалось стройное пѣніе дѣтей, якъ тихое пѣніе Ангеловъ въ храмѣ Божиимъ. Многія въ народѣ плакали: такъ тепло стало у нихъ на сердцѣ. А дѣти вполголоса вторили чудному пѣнію. За тѣмъ стали пѣти взрослые, но священникъ сказалъ имъ: „Не забывайте, братья, що Богъ всюду съ нами и слышитъ васъ даже, коли вы и тихо поете передъ Нимъ, якъ Давидъ на арфѣ своей.“ — Хоръ былъ тихій, такой тихій, що слышны были въ немъ голоса дѣтей, и согласно раздавалось то тихое пѣніе.

Такъ пошло каждый Недѣлю, и скоро научились всѣ тихому стройному пѣнію, къ которому присоединилъ свой голосъ и Отецъ Григорій.

Коли случалось, що чужія изъ города или изъ сосѣднихъ селъ заходили въ Золото-Полянскую церковь и слушали обѣдню, имъ дуже подобалась служба и они усерднѣе молились, чѣмъ въ другихъ мѣстцяхъ. И по всему краю пѣнша става о церкви Золотой Поляны.

Пренумерата въ годъ
1 ар. 60 кр.,
со „Слова“
вонгъ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
194. м.

Науково-белешрисичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 24.

Львовъ. 25. Септемврія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И ЕГО ГРОЗНАЯ РАДА ПРОТИВУ ПОЛЬЩИ.

Въ тоюже самое время, коли Великая Русь подъ владѣніемъ новаго Царя Алексѣя Михайловича устроилась лучшимъ ладомъ на основѣ добрыхъ законовъ, суевѣрія Польша доведена была до совершеннаго беззаконія, где уже ничего не важили ни король ни законы, а только самоволя буйной лядской шляхты. Шляхта та, размноженная до удивительно великаго числа, захватила въ свои руки всю управу въ державѣ, забрала подъ ноги весь простой народъ не только въ Польшу, но еще больше на Литву и въ земляхъ мало-русскихъ, та стѣснила королевскую власть до такого степеня, що король Польшы — якъ самы лядкии летописцы кажутъ — значилъ уже хибанъ ино столько, що деревянная лялка, служанная дѣтямъ на забавку. А що еще найсумнѣйше было въ оной Польшу, то се, що вельможи и шляхта, проводячи все время лише на соймованью и роскошныхъ банкетахъ, или же раскидаючи шаетки на волокитствѣ за границею, передавали газдѣвство и управленье своихъ добрыхъ арендаторамъ-жидамъ, которы вже и такъ держачи всю промышленность и торговлю въ своихъ рукахъ, были послѣ шляхты вторыми владѣтелями лядской державы. Онии-то жида-арендаторы, поставленыи Ляхами въ великомъ множествѣ особливо по селлахъ русскаго Волыня, Подолья и Украины, не только обдерали и пригнѣтали народъ безмилосердно, но еще маючи отъ пановъ своихъ наданыи все права, яки прислужали дѣдичамъ, визначи, катовали и навѣть смертию казнили подданныхъ селянъ, якъ скоро ти въ чѣмъ найменьшомъ оказались имъ противныи. Очевидно, народъ простой, которому послѣ лядкихъ законовъ не свободно было жаловатись на своего пана яко и на его полновластнаго заступника-арендатора не то передъ королемъ, аде навѣть передъ земскими властями, видался неразъ на своихъ томителей, и вымаралъ на нихъ страшную кару; но тогда вельможи, паны, уймаючыи за кровь жидѣвскую, насмѣли на селянъ стрѣ-

гую экзекуцію войскову, отъ которой приходилось страдати еще больше, чѣмъ отъ крайной злобы нехристовъ. — Такъ отже беда подѣ Польщею для народа была невыносима.

Смотрячи на страданья простолюдя, король Владиславъ IV, яко человекъ доброго сердца, тяжѣнко жалѣль и журился тѣмъ, що никакъ не могъ улегчити бѣдственную долю своихъ подданныхъ. А хоти бычъ помимо опоры и противъ воли шляхты выдалъ не одинъ хорошій указъ въ оборонѣ страдающаго люду, но такого рода указы, якъ за-давня, такъ и теперъ не мали въ Польшѣ ни найменьшой силы, ба еще больше роздражали несворныхъ вельможъ противъ короля, которому всякое право выдаванья указовъ безъ шляхотского сенату было заперечено. Се дуже болѣло и огорчало короля Владислава, — и такъ бычъ, видячи соромъ свой и свое безсиліе; совершено было зауныль, палъ на духу, та предавшисъ скучному бездѣйствію, предоставилъ все хлопоты своей короны найстаршому достойнику державы, канцлеру князю Оссолинскому. На счастье однакожь, той канцлеръ Оссолинскій былъ мужъ достойный своего званія; прозорливый и замысловатый, и бычъ, сочувствующи опечаленному королеви, придумалъ остроумный способъ: якъ бы можъ съ одной стороны надѣярное буйство шляхты обезсилити, а съ другой власть королевску, такъ страшно въ Польшѣ подтатую, розширити и до нового блеску поднести. Для той цѣли умный канцлеръ радилъ своему владѣтелю, щобы на всякій случай найти причину до великой войны съ якимъ сусѣдомъ — наилучше съ Туркомъ, и туда бы обернути все вниманіе и всю силу розгудной шляхты лицкой. Мае бо таа шляхта — такъ твердилъ Оссолинскій — розбивати власный народъ, лучше найде на Турка; съ Туркомъ же не такъ легка справа, якъ съ безоружными подданными: придется многия панамъ наложити головою; число ихъ въ краю уменьшится, а тогда легче буде простому народу, та свободнѣйше и самому королеви; не згадуючи еще и о корыткахъ, яки за покореніемъ бисурманъ вйти могутъ для польской державы. А щобы при слабыхъ силахъ одной Польшы въ той войны съ Туркии забезпечити себе отъ крайного погрому, канцлеръ Оссолинскій совѣтовалъ королеви щиросердно примиритисъ съ украинскими козаками а до того еще заключити дружескій союзъ противу Крымскихъ Татаръ съ новымъ Царемъ Москвы, Алексѣемъ Михайловичемъ; который власне бажалъ тогожь самого: покоренія бисурянства.

Мысль таа канцлера Оссолинского чрезъярно подобалась Владиславу IV; и бычъ якъ-стѣй принялся вводити ю въ сущое дѣло. А поступалъ-же бычъ въ той справѣ такъ оглядно и осторожно; що хата всѣмъ въ Польшѣ видѣль, яко готується война на Турковъ; однакожь кромѣ Оссолинского никто изъ шляхты не зналъ навѣрно укр-

тѣхъ побудить вознѣнаго предпріятія. Плѣдомъ всего король Владиславъ въ г. 1646 пересталъ посылать 20,000 червонцевъ Крымскому хану, который Польша яко щерочный гарачъ платити ему, обязавшася; за тѣ гроши и за вѣно своей молодой жены, королевы Маріи, надьялъ бытъ 14,000 мужа нѣмецкого войска, которое вавать и помимо воли шляхты лядкой имѣло было на самъ розказъ короля до бою ступати. Въ тожь время выслалъ король русско-православнаго воеводу Адама Киселя въ Москву для заключенія союза съ Царемъ Алексѣемъ противу Крымцевъ, а канцлера Оссолинскаго, найважнѣйшаго дѣятеля въ той справѣ, выправилъ до козаковъ на Украину, повѣряя ему тѣмъ-же наибольшу и найголовнѣйшу задачу: примирити козаковъ и втягнути ихъ въ заговоръ противъ розъюзданной шляхты лядкой. Воевода Кисель исполнилъ въ Москвѣ свое посольство удачно, а заровно и Оссолинскій удачалъ на Украинѣ свое дѣло недурно. Именно сей послѣдній поступилъ собъ съ козаками такимъ ото способомъ:

Прибывши на Украину подъ предлогомъ, щобы будтьо ривсмотривати козацкія крѣпости, канцлеръ Оссолинскій увѣрился тутъ наочно, що реестрови козакъ уже по-врядѣ доведены были до крайнаго розоренія и найже до совершеннаго унаду. Ихъ было всего-на-всего только 6000 мужа, а послѣдній ихъ Гетманъ Николай Зацвилеховскій, поставленный передъ годомъ Ляхами, низверженъ былъ що-ино недавно и отвезенъ до Варшавы тѣмъ-же Ляхами за се одно, що безъ ихъ вѣдома важился послати дружеское письмо къ новому Царю Московскому. Надъ реестрови козаками стоялъ теперь головныи начальникомъ коронныи Гетманъ Николай Потоцкій, а Старщинами во всехъ полкахъ самыи Ляхи-цаны или-же череквичики-недоляшки. Двохъ лише было тутъ настоящихъ Украинцевъ, которыи, хотѣ не-лядкого роду, таки достигнули были знакомитшаго достоинства въ козацкомъ вѣску; се были именно: полковникъ и генеральныи Асаулъ Иаанъ Барабашъ, и генеральныи писарь Зиновій-Богданъ Хмельницкій. Однакомъ вавать изъ сихъ двоихъ достойникѣвъ русско-козацкихъ былъ первци — приверженецъ шляхты, а только вторыи — одинъ-однаосенькій правый Русиль, сердечныи другъ козацкаго простолюдія.

Оныхъ-то двоихъ Старшциъ, Барабаша и Хмельницкаго, та еще кѣлькохъ низшаго чина козаковъ, имѣющихъ повагу и вліяніе въ народѣ Украины, канцлеръ Оссолинскій запросилъ до себе въ той цѣли, абы съ ними отъ имени короля переговорити. Прежде всего бытъ заявилъ имъ щиродушню, що за всѣ страданія и кривды, якіи Украина отъ Польши поноситъ, король не имѣе ни найменьшов. вины, пожеже — якъ то всюму свѣту извѣстно — въ Польщѣ весьма длакии своеобразно

*

управляе шляхта, а король дозволяетъ тому ей гасдовству съ болющимъ сердцемъ лише придивлятися. „Король Владиславъ — такъ козакамъ говорилъ Оссолинскій — смотрѣлъ власными очами на страццни мученія трехъ ванихъ Гетмановъ въ Варшавѣ, а не возмогли дѣякъ опасности ихъ отъ смерти, бытъ препоручалъ высказати вамъ свой глубочій жаль надъ тѣмъ: що вы, будучи воинами и носячи при боку острый козацкій сабль, даете себе розбивати пашавъ-шляхты! Лучше бы вамъ ужити меча на тобѣ, чтобы черезъ задуманную войну съ Турками возмогли королевѣ притупити роги шляхотного панства, — то тогда ожила-бъ ваша слава и воля козацка, та не были-бъ рабами-подложками гордыхъ пановъ, которыхъ вѣдай меньше въ зашомъ краю, чѣмъ православныхъ душъ козацкого люду... На доказъ того, що король Владиславъ нае для васъ щирую думку, — ого вамъ отъ него королевская грамота, даръ найцѣннѣйшій его милости для олавного войска козацкого.“

Изрекши тѣи слова, канцлеръ Оссолинскій доручилъ королевскую грамоту полковнику Барабашу, яко найстаршому вѣкомъ и чиновомъ достѣйнику, и просилъ его сохранять се важное для Украины письмо до той поры, доки справа цѣлковито не дозрѣе. — А въ той-то королевской грамотѣ содержались всѣ тѣи великіи права, якіи козацкое войско получило еще за часовъ короля Стефана Баторія, а якіи потомъ мало-помалу всѣ уничтожены были соймомъ Варшавскимъ и корономъ. Именно надалъ Владиславъ IV своєю грамотою реестровымъ козакамъ: прежнее ихъ военное устройство, особый козацкій судъ, право выбора Гетмана и всѣхъ Старшинъ; до тогожь убѣльшилъ число козацкого войска тѣмчасово до 12.000 мужа, дозволилъ козакамъ свободно плавати по Дняпру и по Черному морю, и на тую цѣль препоручилъ построить сейчасъ 600 чаекъ (козацкихъ лодей); за всю же милость сію король требовалъ отъ козаковъ лишь того одного, чтобы они безъ проволочки здѣлали нападь на земли турецкого султана. Таке было содержание королевской грамоты, котору канцлеръ Оссолинскій вразъ съ привезенною отъ короля гетманскою булавою передалъ Ивану Барабашу для хранения въ тайнѣ до того часу, якъ условенный знакъ до начатія дѣла даный буде изъ Варшавы.

Такъ грамоту якъ и гетманскую булаву принялъ полковникъ Барабашъ отъ рукъ канцлера съ великою вѣдчностію, а Богданъ Хмельницкій и другіи козаки, бывшіи на ономъ тайномъ собраніи у Оссолинского, поклялись честнымъ словомъ: що будутъ всѣми силами всперати добрыи замыры короля, стремящии до усмиренія разбуявшой ляцкои шляхты. Особенно же Богданъ Хмельницкій, на которого умный канцлеръ возложилъ въ томъ предприятіи наибольшіи надеи, оказалъ

— надъ всѣхъ прочихъ готовымъ хотѣбы и сейчасъ приступити до спасительнаго для Руси дела, и таки просто радилъ безъ околичной войны на Турка, а едино съ помощію сусѣдныхъ Запорожцѣвъ принягись за совершешнее и одрѣбленье шляхты во всѣхъ предѣлахъ державы. Очевидно, канцлеръ Оссолинскій уже изъ взгляду на свое становище не мѣгъ согласиться съ грозною радю Хмельницкого, однакожь бнѣ, яко не-иррижимый ворогъ своевольства шляхты, радовался въ душѣ, що не во вѣкъ прійдется пановати той шляхтѣ, коли находятся въ краю люде и такои завязатой мысли, яко былъ Богданъ Хмельницкій.

Повыскавши оттакъ для своего замыслу вліятельныхъ мужей козацкой Украины, канцлеръ Оссолинскій повернулъ до Варшавы съ тѣмъ увѣреньемъ, що задуманное нимъ дѣло удачно доведется. — Однакожь якъ и умный былъ бнѣ человекъ, якъ и осторожно провадилъ бнѣ замѣренную справу, а дсежь таки въ Польшѣ и на Украинѣ вскорѣ повстала межи шляхтою тревожная вѣсть, що будто король въ-купъ съ Оссолинскимъ готовится до войны на Турка только для позору, а въ самомъ дѣлѣ хотять завести самодержавіе въ Польшѣ, абы уничтожити соймъ и обернути „шляхту въ хлопѣвъ, а хлопѣвъ въ шляхту.“ Заворушились паны въ цѣлой Польшѣ, и король для успокоенья умѣвъ созвалъ до Варшавы державный соймъ на день 25. Ноембрія 1646 г. На тожь соймѣ шляхта подняла такій крикъ и ропоть противъ короля, що сей небога, до крайности напутанный, велѣлъ не только рѣспустити сейчасъ всѣ наемныи войска, заготовленныи до войны на Турка, но еще поклялся за себе и за своихъ наследниковъ во вѣкъ не начинати никакихъ предпріяній супротивъ чужихъ державъ безъ воли сойма. — Такъ и разбидись смѣлыи омыи замыслы, придуманныи Оссолинскимъ для сирѣщенця королевской власти, и король подвергся теперь еще бѣльше додѣ ноги буйной шляхты, чѣмъ коли-будъ прежде.

Тогда-то вся злоба Ляхнѣ обернулася на украинскихъ козаковъ, въ которыхъ лядкаи шляхта видѣла самыхъ небезпечныхъ вороговъ своихъ, могущихъ при какой-буль способности вступити въ новыи заговоры противъ еи привилеѣвъ. Зъ препорученья сойма рѣспоставлено теперь до Украинѣ коронного войска такъ велике множество, що по выраженью народного преданія было тамъ „по два Ляха на одного козака“; а по всѣхъ городахъ и селахъ земли козацкой польскіи жолнѣры безкарно газдуючи, забѣрали скотину, земныи плоды и всякїи пожитки. Паны же дѣдичи, а еще бѣльше ихъ арендаторы-жиды, замѣчая безпокойный духъ въ селянахъ, тиранили ихъ и казнили мучительною смертію. — Настала отже знову черная година для украинского люду, якои не бывало навѣтъ за усмиреньемъ прежнихъ козацкихъ бунтовъ.

Въ то время Асаулъ Барабаншъ, увидѣвши, чѣмъ кончилось задуманная недавно справа короля, передался вновь на сторону шакты, а королевскую грамоту скрылъ онъ у себе старанно и никому онъ не показывалъ. Помимо того носились въ народъ глухія вѣсти такъ о самой грамотѣ якъ и о намѣренномъ выгубленью ненавистнаго вѣнства. Простыи козаки, хотя тяжко пригнетеныи, чули мовь-бы духомъ встать, що встане изъ-середъ нихъ великій вождь народный, который силу козацку подниме на ноги и зруйнуе Польшу. А полѣже Асаулъ Барабаншъ старался зацѣпати сиі грозныи толки и препоручалъ козакамъ оставати вѣрно на службѣ Польши, то всѣхъ сердца отвернулися отъ него, а прилягли къ Богдану Хмельницкому, на котораго вся Украина смотрѣла съ довѣремъ и любовью, яко на своего прѣрѣднаго начальника.

Былъ же той Богданъ Хмельницкій мужъ великаго духа, съ широ-козацкимъ сердцемъ, а на-скрозь сотворенъ отъ Бога такъ, абы яко вторый Мойсей вести погибающій народъ до обѣтованной свободы. — Онъ родился на Украинѣ въ мѣстечку Лисянцъ (въ Киевской области) зъ батька Михаила, служившаго въ козацкой службѣ Сотникомъ. Зъ ранней юности Богданъ учился въ Киевской школѣ, потомъ продолжалъ науки въ высшомъ училищи езуитовъ въ Галицкомъ Ярославѣ, где отлично выучился языковъ: польскаго, французскаго, греческаго и латинскаго. Окончивши ученье и достигши высшего образованія, яко редке тогда было межъ козаками, онъ служилъ конюшимъ у пана Потоцкаго, где одного разу за острую помовку противъ Лисинъ мало было не поплатился головою. Панъ Потоцкій вже и вѣдалъ укарати его постыдною смертію, но Хмельницкій еще въ самъ часъ убѣждалъ на Сѣчь, где — якъ кажутъ наши летописецъ — не жалыть своего лба ни на суши, ни на морю, и былъ въ великой чести у Запорожской братіи. По кѣлькохъ лѣтахъ онъ повернулъ вновь на Украину (въ Киевскую область), оженился тутъ съ русскою дѣвицею, Аннію Сомковою, и сталъ служить въ реестровыхъ козакахъ. Достигши чину Сотника, онъ занялъ мѣсце межъ войсковыми Старшинами, и яко Сотникъ участвовалъ въ битвѣ подъ Цецорою (въ г. 1620), где лишился своего отца и былъ взятъ въ турецкую неволю, изъ которой по двоухъ лѣтахъ выкупили его добрыи товариши. На той неволѣ у Туркѣвъ онъ такъ ловко выучился говорити по турецки и по татарски, що бесѣдовалъ тѣми языками, якъ-бы родовитый бисурманецъ. Потомъ онъ затѣялся до всѣхъ военныхъ походѣвъ, яки предпринимались реестровыми козаками за справу Польши, и въ нагороду за изрядныи свои подвиги отличенъ былъ достоинствомъ генеральнаго писаря въ козацкомъ войску. Самъ коронный Гетманъ, панъ Конецпольскій, заклятый ворогъ всего козачества, почиталъ высоко дарованія и заслуги Хмельницкаго, хотя

и смотрѣлъ на него съ подозрѣніемъ. Но ни милость короля, ни ласки пановъ не передѣляли его въ Поляка, якъ то случалось со многими знакомитыми людьми нашей Руси. — Отъ езуитовъ, учившихъ его въ юности, бѣтъ получилъ только одно свойство, именно тую скрытность, съ якою умѣлъ хоронити до часу повзятую думку, поверховно усмѣхаться та показовати видъ веселости и пріязни, коли въ душѣ кипѣла грозная мысль и вражда противъ всего, що не пріятно Руси и козачеству. По сему дивному свойству бѣтъ зналъ искусно дѣлати два дѣла въ одно и тожь время, а вразъ-же съ тѣмъ дѣлалъ еще и третье, ни для кого непроницаемое. Не было бунту въ Украинѣ, чтобы Хмельницкій въ немъ не участвовалъ: бѣтъ былъ сподвижникомъ Тараса, Павлюка, Острианицы, возбуждалъ радю и ободрительными бесѣдами братію - козаковъ противу Польщи; однакожь самъ бѣтъ не ставалъ на чѣлъ возстанія, уступалъ другимъ первенство, и коли начальники бунтовъ платили за смѣлость своими головами, на Хмельницкого никто не могъ вины доказати. Ловкость и проворность, съ якою чудный мужъ той умѣлъ закрыти слѣды своего дѣйствованія, вошла въ поговорку народную, и затѣмъ не безъ причины воспѣвалось въ пѣсняхъ козацкихъ: „Богъ одинъ хибань вѣдае-знае, що Хмельницкій думаетъ-гадаетъ.“ Одинъ же историкъ ляцкій, панъ Коховскій, знавшій лично нашего Хмельницкого, такъ о немъ въ короткости далъ описаніе: „Его лице, сіяющее милымъ и пріязнымъ выразомъ, скрывало духъ на-скрѣзь безпокойный, до бунту склонный, и было подобно светло-блестящому леду, подъ которымъ струится вода каламутная.“ — Такой былъ нашъ Богданъ Хмельницкій именно до той поры, доки оставалъ на службѣ ляцкой короны, доки затѣмъ уважалъ за потребне въ дѣлахъ преосторожно поступати.

Въ осени 1646 г., коли то послѣ неудачи королевскихъ замысловъ Украина подверглась на-ново ужаснымъ страстямъ, а ляцкіи паны и съ ними Барабашъ казнили козаковъ смертію за наименьшій ропотъ: Богданъ Хмельницкій, понявши тогда, що изъ того выйде окончательная погибель русскаго народа, постановилъ завести грозное свое дѣло противу Польщи съ большою смѣлостію, съ истиннымъ козацкимъ завзятіемъ. Абы своему подвигу тѣмъ больше надати поваги передъ свѣтомъ, бѣтъ прежде всего задумалъ добыти изъ рукъ Барабаша королевскую грамоту, переданную ему на храненіе канцлеромъ Оссолинскимъ. А добылъ же Хмельницкій сію грамоту такую штукою, що запросивши Барабаша до себе на почетный обѣдъ, спилъ его до-пьяна, потомъ у спящого взялъ ключи отъ его скринь, и погнавши въ его дѣмъ въ Черкасы, уговорилъ паню Барабашиху выдати всѣ тайны паперы, якіи въ скринь сохранилися. Такъ захвативши королевскую грамоту, Хмельницкій поднесъ голову бодрѣе и началъ дѣйствовати межъ

товаришами на смилую руку, не залишая однакъ при томъ супротивъ Ляховъ звяклою своею предосторожности.

Зъ той поры цѣле престолюдіе Украины смотрѣло уже на Хмельницкого яко на своего великого вожда, который въ недалекой будущности освободитъ матеръ святую Русь отъ ляцкой неволи. Не дивно затѣмъ, що Барабашъ и паны Ляхи стали теперь постоянно думать о томъ, якъ бы Хмельницкого погубити. Мъркуючи злую думку пановъ, нашъ Хмельницкій цѣлкомъ усторонился отъ ихъ товариства, а жилъ на хуторѣ въ селѣ своемъ Суботовѣ, недалеко Чигирина, где въ судствѣ находился подстароста панъ Чаплинскій, запева-Ляхъ и личный ворогъ Хмельницкого. Той панъ Чаплинскій уже изъ-давня бажалъ прилучити село Суботовъ до обширныхъ своихъ маєтковъ, и въ той цѣли имался онъ самыхъ лукавыхъ способствъ. Еще за коронного Гетмана Конецпольского онъ одного разу выславъ Хмельницкого противу Татаръ, и коли дальный нашъ Богданъ вступилъ въ борьбу съ поганцами, то вхавшій по-при немъ чура, подкупленный Чаплинскимъ, нанесъ ему сильный ударъ въ голову, который едино отъ твердой его шапки-мисюрки не здавался смертельнымъ. Сего не довольно: послѣ битвы Чаплинскій оклеветалъ Хмельницкого передъ короннымъ Гетманомъ такъ, що Хмельницкій безъ ніякои вины зневоленъ былъ просидѣти кѣлька мѣсяцѣвъ въ арештѣ. Теперь же въ концѣ г. 1646, коли значеніе Хмельницкого становилось чѣмъ-разъ для Ляховъ грознѣйшимъ, Чаплинскій потайно и безправно выедналъ у самого Чигиринского старосты для себе дозволенье завладѣти селомъ Суботовомъ, яко-бы своею власностію.

Якъ и отбывался Хмельницкій отъ напастей пана Чаплинского, а таки прійшлося ему въ-конецъ пострадати свою батькѣвщину, прекрасное село Суботовъ, вразъ и съ хуторомъ и цѣлымъ родиннымъ маєткомъ. Случилось бо весною 1647 г. таке, що Хмельницкій, яко войсковый пасарь козацкій, приневоленъ былъ выхати до Черкасъ по дѣламъ своей службы. На хуторѣ въ Суботовѣ остала лишь молода газдыня, невѣста Хмельницкого (бачишь, по смерти первой жены Хмельницкій задумалъ женитись съ ось-тою своею газдынею, козачкою), а также молодшій сынъ его, 10-лѣтній мальчикъ. Лишь-що выхалъ Хмельницкій изъ своего хутора, якъ-разъ напалъ панъ Чаплинскій съ шайкою ляцкихъ чуровъ на Суботовъ, подпалилъ село, зруйновалъ будынки своего недруга, перебилъ его малолѣтнего сына такъ страшно, що той-же на другій день умеръ, та еще-жь на тѣмъ-большую пакѣсть Хмельницкому похитилъ его невѣсту, и на третій день велѣлъ своему ксендзу обвинчати себе съ нею по римско-латинскому обряду.

Насиліе то, здаванное ляцкимъ шляхтичемъ на маєтку и родинѣ Богдана Хмельницкого, не было вовсе дивною новостію на Украину,

где подобныи безчинства по селахъ и городахъ производились Ляхами таки майже щоденно. Однакожь въ онѣмъ случаю была для Ляховъ власне бѣда ось-тая, що насиліе учинилось Богдану Хмельницкому, чедовькови, который именно тогда въ козацкомъ народѣ доберался до найвысшого значенія, и который цѣле пекло местныхъ чувствъ за кривды Руси носилъ въ своемъ сердцѣ. Тожь якъ лише Хмельницкій увѣдалъ о событіи въ Суботовѣ, сейчасъ погналъ съ жадобю на Чаплинского до пана старосты въ Чигиринь; а коли панъ староста въ Чигиринь, умывая бѣгъ всего руки, бѣтослалъ его въ Кіевъ до высшого судилища, то Хмельницкій повхалъ и до Кіева; а коли и тутъ лаяцкіи судии не найшли вины на Чаплинского, то Хмельницкій вызвалъ своего врага на поединокъ. Чаплинскій явился на поединокъ, однакъ не самъ, якъ то было условлено, а съ трема узброеными пахолками, и то въ такой мысли, щобы въ-четырохъ напасти на одного. На счастье, Хмельницкій, предвидячи коварство ворога, надѣлъ подъ платье желзныи панцырь, затѣмъ выдержалъ безвредно борьбу съ четырьма, и еще такъ хоробро ударилъ на нихъ, що розбгналъ ихъ на четыре вѣтры въ степь. При томъ-же громогласно бѣгъ кричалъ за ними: „Мая саблю въ руцѣ, — а доки въ мене сабля, еще не умерла козацкая мати!“

Посоромленныи Чаплинскій послѣ поединка поскакалъ къ Чигиринскому старостѣ, передалъ ему слова Хмельницкого, и старался указать въ нихъ бунтовничую думу. Хмельницкого схватили и посадили подъ стражу. Въ довершеніе поруганій, еще и старшого его сына Тимоша высѣкли палками посередъ міста Чигирина! — Но недолго Хмельницкій сидѣлъ у Ляховъ въ темницѣ: бывшая невеста его, тогда уже пана Чаплинска, жѣмочю хитростию спасла его бѣгъ заключенія и предстоющей смерти. Тогда Хмельницкій, еще тытъ-бѣльще розъяренныи, повхалъ ажъ въ Варшаву, глѣдати для себе и для бѣдной Украины еще и въ найвысшомъ судилищѣ державы — если не строгой справедливости, такъ хоть милосердія.

(Дальше буде.)

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ ПОСЛА ЧОКОГО.

(Продолженіе.)

19. Счастье часто веде къ бѣдѣ, а бѣда къ счастью.

Въ то-же время случилась великое несчастье въ селѣ Довгати. Днѣмъ выбухнулъ огонь, а люди бѣжали въ нѣмъ на работѣ. Хотя и въ

Золотой Поляны и из других ближних селъ поспалили на помощь, но въ колыба годныя шесть хатъ съ обывцами были превращены въ груду попела и розвалинъ, и згорѣло тоже колыкоро скотинны въ оборачъ. Тая бѣда случилась по неосторожности дѣтей, оставленныхъ безъ присмотра въ одной изъ хатъ, коли старшіи ушли на работу. Дѣти задумали играть жаромъ на очагу. Бѣда бѣду веде, говорятъ пословица, такъ случилось и ту.

Селяне Золотой Поляны, возвращаясь вечеромъ отъ пожара, увидѣли собравшуюся толпу у дверей одной хаты. Иными утирали очи, другіи охали, все стоили испуганны и огорченны. Въ одной же хатѣ раздавался плачь и рыданія. Вотъ, що случилось: маленькая 4-хъ-лѣтняя дѣвочка ужаснымъ образомъ пощипала живнъ; она за домомъ у двора попала въ помойную яму и потонула въ ней. Вся любила дѣвочку, она была красивая, милая, истый маленький ангелъ. Вся тужила и горевала по ней.

Два дня потомъ, Отецъ Григорій послѣ погребенія дѣвочки, на которомъ онъ произнесъ трогательное слово утѣшенія, прійшовъ къ Данилу и сказалъ: „Видишь ли, друже Данило, добрыя слова, хорошее дѣло, но добрыя дѣла еще далеко лучше. Корыстайше предупредить бѣду, чѣмъ утѣщать въ ней. Непросдительно, шо люди уходить въ поле и оставляютъ малцкихъ дѣтей дома, однихъ и безъ присмотра. То непросдительно, потому шо нарочно, грѣшно и опасно для дѣтей и для другихъ. Зачѣмъ не заведуть у насъ вѣжета для дѣтей, или школы для маловѣстныхъ, акъ заведено во многихъ городахъ и мѣстечкахъ? То вѣдь, совсѣмъ не такъ дорого, избавляе подчасъ отъ голоду и бездомности, коли они отправалясь на работу, оставляютъ хату, — и отвращае много горя.“

Данило покачалъ головою и отнечать, шо николи и не думалъ о такихъ приспособлѣхъ и школахъ, и николи не думалъ акъ. Се, увидѣво священника; онъ рассказавъ ему, шо въ такіи заведенія отдають дѣтей, которыми еще надо жаль; чтобы учиться въ школахъ, на свѣривокъ какой-нибудь женщины; та женщина имѣе надзоръ и попеченіе о дѣтяхъ, береже ихъ и смотритъ за ними весь день, коли отцы и матери акъ на работѣ или куда-нибудь отлучатся изъ дома: играе съ ними въ святлицѣ, или на улицѣ, если хороша погода; приучае ихъ къ чистотѣ, къ послушанію; играя съ ними, учитъ добра и корытитъ ихъ стравою, которую вѣде приносятъ имъ изъ дома.

Внимательно слушалъ Данило священника и опять въ раздумію покачалъ головою. „Здѣшніи селяне, сказалъ онъ, еще нешто грубы. Многіи изъ отцевъ и матерей не имѣютъ совѣсти и заходятся далеко больше около своихъ свиней, овецъ и коровъ, чѣмъ около собственныхъ бѣдныхъ дѣтей. Я боюсь, шо отдавши куда-нибудь дѣтей, они еще больше забудутъ о своихъ обязанностяхъ къ нимъ. И при томъ мнѣ вѣдется, шо начинать учить дѣтей до 6-ти лѣтъ, даго рано. Въ такихъ ближнихъ дѣлахъ прежде всего нужно беречи ихъ здоровьемъ и воспитати ихъ слабыи сирѣ.“

Отец Григорій не могъ не согласиться съ разумными словами учителя, но спросилъ: «Не ужень я родичи отычки бы съ надзей однихъ, еднѣмъ шасто того, чтобы оставлати ихъ безъ всякаго присмотра, оставлати ихъ на день на добрыхъ рукахъ? Я не говорю, чтобы дѣтей потребно было думать такъ читать, писать и считать, или всего того, чего учать въ школахъ; надобно только, чтобы играя, они научались узнавати и называти по именамъ вещи, которыя имъ уже видѣны, и укрепляясь въ силахъ телесныхъ, приучались бы управлять и въ разумъ.» Тутъ Отецъ Григорій представилъ въ крѣпости выданныя имъ самыя пріемы и доказалъ, какъ ясно благодѣліе такихъ заведеній, что Давидъ, совершенно перемѣнявъ, дарилъ ему одежду и деньги посылати въ учрежденіи такого дала.

И въ то же время сталъ Давидъ думать, какъ бы лучше то устроить; онъ переговорилъ о томъ съ честными школьными учителями Исаеи (Радумнымъ, женившимся недавно), которого полюбилъ жена, до совѣту его и Маріи, соглашались принять на себя той старушкой. Онъ тоже переговорилъ съ коновымъ господаремъ запертой корины; у него въ домъ были большая конюшня, которая прежде колодезю Недзель была; полна шьянцами и карежикками, а теперь стояла пустою; къ тому же за домомъ была обширная садъ, где дѣти могли бы играть летомъ. Онъ не веровалъ въ старшинина, съ 30-ма тайными союзниками своими и съ многими другими въ себя. О томъ спорился не одинъ бивъ; всякая старая и помогалъ ему усердно. Отецъ Григорій словомъ и деломъ, совѣтомъ и просьбою.

Когда все и все было уже довольно до дела всего приготовлено, Давидъ вышелъ въ одну Недзелью передъ собравшимся народомъ и сказалъ: «Братія, къ вамъ недзель тому назадъ аваръ, случившійся въ Доминіи, перенялъ насъ и съ такъ разомъ научилъ, какъ безопасно оставлати дома малыхъ дѣтей однихъ и безъ присмотра. Подумайте о ужасной смерти маленькой дѣвочки, утонувшей въ чонной ямѣ! Много и другихъ бѣдъ можно было бы припомнати, которыя легко могутъ случитися съ ежедневнъ насъ. Я читалъ, какъ разъ женщина ушла на работу привязавши къ кольцо 2-хъ дѣтвъ двою дѣтну, и бѣднѣе кричало и плакало такъ въ вечнототъ, какъ маленькѣ не уснуло. Если же беззащитная пяти веркуна доведетъ, что увидѣла ямнью, и идушюся изъ дверей совѣда. Кольцо была въ время, дѣти перина въ вѣно довику зѣвдѣно: вотъ что случается, коли живете нѣтъ при дѣтѣхъ. И чтобы не приключилось съ вами подобной бѣды, ведякомъ и мнѣ, какъ дѣлается въ другихъ шетѣхъ. Такъ люди, которыя должны работать на оторонахъ въ шель или на фабрицѣ, и которыя сами не могутъ смотрѣти за своими дѣтми, посылаютъ ихъ къ одной избравшей для того умной женщины въ село. Она ихъ кормитъ стравомъ, которую родичи приимутъ изъ дому, посмотрѣтъ за ними, уташае и убавивае безпѣкнѣхъ; вые и чиститъ и играе съ ними и береже ихъ, какъ болѣе лучше до вечера, коли не придутъ за ними родичи.»

Дашило рассказывал все то так красноречиво, что многие се одобрялось. Особенно обрадовались отны тому, что се имъ не буде ничего стоить время стравы, которую потребно буде послати изъ каты. Кормаря согласился за дешевую цану уступить на то свою большую комнату и садъ; а молодой жена Ивана взялась за маленькую плату смотреть за детьми; платя и наешъ комнаты должны были заснояются изъ триадесять грошей и изъ пожертвованій некоторыхъ богатыхъ людей. Решево было сдатькъ омытъ. Отецъ Григорій сказалъ при томъ тоже свое доброе, и розуиное слово: „Детей, котория Богъ благословилъ редицей, говоралъ оны, не дажкве отъ комдски оставлати безъ примотра и въ нечистота, якъ парезумную смотяцу, но приучати зъ малолетства къ послушанію, любви и страху Божему. Оттого Сдашителя и сказанъ: „Да приходять ко Мнѣ дѣти и не претискують имъ.“

И другія розуиини сажини высказала при томъ свое мнѣніе: „Ведь для Крией; коровы и овецъ мы напывомъ пистуха, шоби съ ними чего не случилось и шоби они сами не надалки яной бѣды; — а въ же отъ своихъ дѣлахъ не поствратися?“

И троеда решила принять предложеніе, но якому предостави на волю заавсати или нѣтъ дѣтей овоихъ въ прѣдѣ къ Ивану Радущиному.

Зъ-начала немного было дѣтей, ва вновь устроеномъ прѣдѣ. Но прѣдѣръ однихъ приаказъ и другихъ, особливо, коли увидѣли, що и богатин отали отдавати туда дѣтей своихъ. Жена Ивана должна была взяти себя во мочинцъ, котория сами вызвались приходити посочередно.

Дашило и Марія много хлопотали, шоби все то привести въ порядокъ, да и меньше и ихъ добрый священника, и многои умали сельце въ громадѣ.

Зъ-начала матери богамъ съ любопытствомъ досмотрати на заводое житье въ прѣдѣ и не могли нахвалитися того, что тамъ делалось.

И справда, было весело взглянуть на разную толпу дѣтей, якъ мины и играла вразъ, другія болтади; сказали и дѣлали, мины спали, даны вѣд, мины толпились оноею своєю пильни и слухали, якъ она рассказывала имъ сказочки.

Колы же Иванова жена гавонила въ забочонѣ, все умалало; дѣвочки ери маленьки осадились по местямъ на вѣдѣннихъ лавочкахъ.

Тогда учителька имъ показывала имъ розаны рачи: то вичну въ клѣтѣ, то платѣ, чинку, кашабную яблону и шр., сарошывала, якъ называютъ все то, а еси не знала, то робота называла. Такъ изучимосъ они знатъ и называти много рѣчей, т. е. выучивались говорить. Они любиди такъо слухати объясненія, на що употреблѣють то или другое, къ чому оно служитъ, отъ чего вредно и изъ него здѣльно.

Неки маленьки играли, дѣти побольши, обирались вокругъ учительки, а она оны подымши надъ головою нхъ листъ перѣру, пыталасъ: „где ростѣ паперъ?“ и оны отвѣчали въ олицъ голосъ ео смѣхотъ: „паперъ не ростѣ на квѣлѣ, его шоды дѣлають.“ Тогда дощавываласъ дѣла-яблудъ трапачка и рассказывалосъ, якъ нѣтъ стацѣи трапачонѣ дѣлаетъ, наперѣ, потомъ, якъ дѣлѣ и

коловня растутъ въ поляхъ, якъ ихъ выдерживаютъ, мочать, чешутъ, прядутъ и твоятъ въ полотно, и кожи то полотно наносятъ, грабки идутъ на паперь, Все то дуже занимало любопытныхъ дѣтей: имъ показывали тутъ и сѣмена, и ростаніе, и ленъ, и нитку и пр.

Коли погода бывала хорошая, то маленькая толпа, съ шумомъ, крикомъ и подскоками, разсыдалась по саду или становилась рядами играя въ войско. Учителка была генераломъ, выбирала начальниковъ изъ тѣхъ, которы могли числится числами до 10 или 20; заставляла машировати своихъ воиновъ, поворачиваться направо и налево, становиться то въ треугольникъ то въ четырехугольникъ, то въ кругъ и т. д. Все то было пресесело, игры постоянно измѣнялись. Никто лучше не помогать тутъ советомъ, якъ Отець Григорій.

Зъ тѣхъ поръ въ Золотой Полянѣ постоянно существовалъ пріютъ для маленькихъ дѣтей. Годъ отъ году родичи охотно прибавляли всякій поемногу до платна учительки и ея помочицы. Въ селѣ Дюпатинѣ и въ другихъ послѣдовали примѣру Золотой Поляны, потому шо все видѣли, якъ дѣти, навѣтъ самыя бѣдныя, были опрятнѣйши, послушнѣйши, здоровши и умнѣйши, чѣмъ где-нибудь.

Такъ несчастье отъ пожара и отъ утонувшей дѣвочки послужило къ счастью и благословенію многихъ родичъ.

20. Шо говорятъ въ народѣ о селянахъ Золотой Поляны?

Въ городѣ и въ окрестныхъ селахъ много говорили о Золото-Полянцахъ. Ихъ до сихъ поръ уважали негодаями, пьяницами, развратными, неплатящими, должниками, которымъ и гроша неможъ было въ долгъ повѣрити. И вотъ ко всеобщему удивленію Золотая Поляна стала не похожа на бѣдное село. Хаты были чисты и опрятны; все въ порядку на улицѣ, на обмстьяхъ, въ саду, однимъ словомъ: лучше, чѣмъ въ найбогатѣйшихъ селахъ. Летою уже равенко за дня селяно, женщины и дѣти были въ полѣ; одни возили и роскидывали навозъ, другія бороли. Они были всегда за дѣломъ, и весело было видѣти, якъ они работаютъ такъ и кипитъ дѣло въ рукахъ. Коли въ городѣ требовалось ребечкъ, то нанимали найбогатѣйше изъ Золотой Поляны. Коли мѣшане въ городѣ выходили на рынокъ, чтобы закупити господарскіи припасы, они обыкновенно выглядывали Золото-Полянскихъ селянокъ, потому шо тѣ были всегда опрятны, въ белой сорочкѣ, съ вымытыми руками, такъ, шо всякому было пріятно куповати у нихъ и овощи, и пряжу, и всякій другій товаръ. Все знали, шо Золото-Полянце бѣдны. Но они всегда въ свой часъ выплачивали проценты зъ долговъ своихъ, а всего дивнѣйше было то, шо у нихъ самыхъ въ городѣ составилася небольшой капиталъ, который они отдавали на проценты. Се давало имъ кредитъ и довѣріе. За порукю Отца Григорія и

учителя Давида, селянину Золотой Поляны давали гроши въ займы охотнѣе, чѣмъ кому другому, давали за невеликія проценты, потому що напередъ знали, що тѣ гроши въ вѣрныхъ рукахъ и проценты будутъ съ точностію выплачиваться. А то было выгодно селянамъ, потому що они свои гроши отдавали въ займы тамъ, где получались за нихъ большіе проценты; занимали же сами тамъ, где доставали грошь за маленькіе проценты.

О селахъ судили рѣзно. Составилось рѣзличное мнѣніе. Хвалили священника и умнаго учителя, но много оставалось для всѣхъ загадкою. Вѣдь не все же могли сдѣлать священникъ и учитель; и каждый священникъ въ другихъ селахъ считалъ себе столько же умнымъ или даже умнѣйшимъ отъ обоихъ, священника и учителя въ Золотой Полянѣ. Люди думали собѣ голову. Въ околицѣ говорили, що дѣло то не зъ-проста. Слышали где-то про Давида, будто отъ умѣ дѣлать золото и где-кого учить того-же въ своемъ селѣ. Вотъ и стали подсмѣваться надъ Золото-Полянами, що будто они дѣлаютъ золото, не понимали, откуда они берутъ все, що приносятъ продавать на рынокъ. Ихъ овощи, плоды, ленъ, прядава, хлѣбъ зерновой, все было хорошо. Дѣти носили продавать въ городъ самыя красивыя цвѣты. Сотѣвъ чистого меду и доску было у нихъ больше, чѣмъ въ другихъ селахъ. Вся знала, що они не имѣютъ великихъ стадъ; въ нихъ хатахъ было ледви по одной коровѣ та по двѣ овецъ. Но не смотря на то, и тѣ бѣдняки приносили продавать сыры и куски самого чистаго масла. Неможе было понять, якъ одна корова може давать столько масла и сыра. Такъ же точно осенью у Золото-Полянцевъ были самыя лучшыя яблѣна, яблѣкъ у другихъ и не бывало. Откуда же все то шло въ немногіе лѣта?

Золото-Поляны въ тихомолку смѣялись про себе, коли ихъ село называли селомъ дѣлателей золота. Давидо, знавшій толкъ въ надовыхъ деревьяхъ, доставалъ въ богатыхъ городскихъ садахъ черенки хорошихъ деревъ, приносилъ ихъ домой, а ученики его скоро научились, якъ прививати въ оцка, въ роскошь или черенкомъ; они всѣ прививали, яко самыя ловкіе садовники. Каждый имѣлъ для того особый ножъ. — Всѣ сусѣды хотѣли также имѣти яблоню того-же прививанья, вотъ и шла работа вся въ угѣду. Некоторымъ селяне навезли собѣ изъ лѣсу дичковъ, та и прививали ихъ потомъ хорошиими родами. Другіе выводили деревца изъ сѣменъ и заводили шюамъ молодыхъ деревъ. Всякому хотѣлось перейти другъ друга, такъ що часомъ поспали даже отъ надмѣрнаго усердія.

Узнавши о томъ, горожане могли понять, якимъ образомъ Золото-Поляны годъ отъ году доставляли въ городъ все лучшии и лучшии плоды, и отъ чего въ хорошии годъ добывалось ими столько грошей. Тутъ труднаго еще ничего не было. Но не видѣти много скота, а межъ тѣмъ доставляти столько сыру и масла — вотъ шо было трудно понять!

А той мудрости научился Данило въ одномъ селѣ, въ часъ военной службы, и научилъ ей своихъ земляковъ. Шутка была славная. Люди сперва-ей не подымали, но за то потомъ дуже были за нѣ благодарны.

Вотъ какъ то дѣлалось.

Данило сказалъ разъ своимъ тайнымъ соучастникамъ: „У насъ мало доходу отъ вашихъ коровъ. Въ годъ корова должна по крайней мѣрѣ приносить отъ 15 до 20 реньскихъ серебромъ чистого дохода. Хотите сойтись со мною, такъ я вамъ то дѣло устрою. Уговорать на то и другихъ селянъ, у которыхъ суть коровы. Потреба собрати по крайней мѣрѣ 40 или 50 коровъ, тогда дѣло пойдѣ хорошо.“

Когда наймались тѣ 40 или 50 коровъ, Данило отгладалъ одного знакомого ему честного, смиренного горняка, который давно зналъ дѣлать сыръ и масло. Ему назначилъ бытъ 100 зол. платна въ годъ. За то горнякъ долженъ былъ достати уже самъ холота и тряпокъ столько, сколько нужно было для дѣланія сыровъ и для содержанія въ чистотѣ кадокъ и другой посуды. Посуду и соли доставалъ Данило за счетъ вошедшихъ въ союзъ господарей, между которыми были выбраны три честныя селяне для надзора надъ работою на первый годъ.

Въ прежней господѣ Козира было самое удобное мѣсце для дѣланія сыровъ. Въ бывшей тамъ прачкарнѣ находились обширная пивница и хорошае молочня. Гагда господа уступилъ все то, потому що у него самого было пять коровъ и бытъ самъ хотѣлъ испитати вразъ съ другими, що изъ того выйде. На общій счетъ купилъ дровъ. Тогда Данило назначилъ день, въ который все, вступавши въ долю дѣланія сыровъ, должны были принести свое молоко въ чистой посудѣ. У кого посуда была нечиста, отъ тахъ горнякъ и молока не бралъ. Се былъ уговоръ, но потомъ условія стали еще строжи.

Горнякъ мѣрилъ молоко и записывалъ, сколько каждый ему доставалъ. Всякій мѣлъ вести счетъ для себе особно. И такъ приносили на каждой хатѣ рано и вечеромъ молоко, надоевнота у коровъ. Отъ тахъ, исторши не участвовали въ томъ дѣлѣ, было строго запрещено принимать молоко.

Молоко, собранное въ продолженіи дня, горнякъ сливалъ вразъ въ молочня и дѣлалъ изъ него масло и сыр. Масло и сыръ выходилъ отличны, къ тому же оставалась сырватка, здоровое и прохладное питье для дѣта. Теперь дѣлать было рѣшито, кому принадлежалъ тѣ прекрасныя сыр и те чудное масло, шобъ дѣвно приготовляемы изъ молока всехъ коровъ, принадлежащихъ участвующихъ въ сыропроизводствѣ. Каждый охотно взялъ бы его собѣ, шобъ продать въ городъ.

Се рѣшилъ такъ: все, что изъ этого молока выдѣлывалось въ одинъ разъ сыр и сыр, дѣлалось одному изъ вошедшихъ въ долю, а именно тому, кто приносилъ въ тотъ день больше бытъ другихъ молока. Самъ конечно получалъ въ поруш двѣ дни сыровъ и маселъ дѣвно больше, чѣмъ приносили

молока, потому что получали все, что лишь приобрели из молока всех участвовавших.

Но на сколько они получали больше, и на сколько оставались должны своим друзьям, вычислялось у них каждого дня из молока, приносимого ими. Се продолжалось до тех пор, пока они выпивали молоко все, что были должны, и коли у них в остатку опять выходило больше молока, чем у других, тогда получали они для продажи сыр и масло из скопу одного дня.

И тот, который имел одну корову и каждый день приносил не больше одной кружки молока, получал наконец свою долю, коли у него по книжке насчитывалось принесенного им молока больше, чем сколько было у других. Тогда и ему доставалась скопу для масла и сыра. Масло и сыр всякий брати сейчас съ собою, как только оно было готово. Сырватка поступала также в его корысть. Сыр же оставляли в пивнице до тех пор, пока он окрпне и сдѣлается совершенно хорошъ. Тотъ, на чью долю доставалось пользоваться молочнымъ производствомъ того дня, долженъ былъ помогать горняку и доставлять ему чистый полотенца, холсты и все, что было нужно.

Значало все то казалось Золото-Полянцамъ непобитнымъ, и они полагаи, что останутся в убытку. Коли же одинъ изъ нихъ получалъ свое количество сыра и масла и рассчиталъ, сколько бы за то принесъ молока, то остался дуже доволенъ. Оказалось в концѣ года, что такимъ образомъ доходъ отъ одной коровы простирался, за вычетомъ всехъ издержекъ, среднимъ числомъ: около 15 зол. Тогда только стали понимать, в чемъ дело. Чемъ свѣжше молоко, темъ больше его, темъ лучшей выходилъ сыр. Каждая родина особно не могла бы получить себя такой выгоды изъ молока. При томъ же прежде бывало, въ хозяйствѣ пропадало много молока даромъ, а теперь же сыр даритъ все шло корыстно. Бывало много времени терялось, та и недоставало его, чтобы збивать масло; теперь то дѣлалось само собою. Прежде каждому, кто занимается варкою сыра, дорожше стояли дрова, а теперь и въ дровахъ оказалось сбереженіе.

Некоторые Золото-Полянце старались было и обманывать молокомъ, но скоро были установлены такіе строгіе правила, что никому больше и на умъ не приходило обманять, потому что за обманъ карали лищеніемъ всей части своего молока и выключеніемъ изъ общества.

Се заведеніе принесло еще одну великую выгоду, о которой прежде никто не думалъ. Имено, такъ какъ всякій хотѣлъ принести больше молока, чтобы скорее получить за него больше сыра и масла, то каждый сталъ лучше ходить за скотомъ своимъ. Чемъ прежде: сталъ сѣять клеверъ и другія травы, отъ которыхъ коровы даютъ больше молока; старался добыть себя хорошую, большую корову вмѣсто маленькой, худой, или вмѣсто одной завести двѣ. А такъ какъ каждому не выгодно было, чтобы принималось молоко отъ больной или стельной коровы, то три избранныя обществомъ надсмотрщики шили прямо въ всевозможное время ходить въ хлѣвъ и должны были каждый полгода осматривать весь скотъ. Такимъ образомъ за здоровіемъ скота было надзоръ строгій и строгій, отъ чего болѣзни и падежъ скота прекратились.

Редактеръ В. А. Давидовъ. Въ печати Старопримѣнской.

Пренумерація въ годъ
1 ар. 60 кр.,
со „Словомъ“ 10 ар.

ГАЛІЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
124. м.

Науково-белетрисничная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 25.

Львовъ 5. Октобрія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

БОГДАНЪ ХМЕЛЬНИЦКІЙ И ЕГО ГРОЗНАЯ РАДА ПРОТИВУ ПОЛЬЩИ.

Въ мѣсяци Мазъ 1647 г. Богданъ Хмельницкій прибылъ до Варшавы; за нимъ прискакалъ туда также панъ Чаплинскій. Оба они предложили свое дѣло сенатови, который во всѣхъ справахъ, такъ законодательныхъ якъ и судебныхъ, уважался въ державѣ найвысшою властію. Паны сенаторы, самы яцкіи вельможи, на которыхъ чель стоялъ завязтый ворогъ православія, Куявскій бискупъ Гнѣвошъ, розсмотрѣвши тяжбу Хмельницкого съ Чаплинскимъ, змѣрковали сейчасъ, що тутъ ведеться не то особистый споръ за власность, а паче международная борьба козацкои Руси со шляхетною Польщею, та очевидно, яко Ляхи, приняли сторону Чаплинского. А Хмельницкому отповѣли коротко такє: що село Суботѣвъ належить до староства Чигиринского, и хотя прежній староста подарилъ оное на власность еще отцу Хмельницкого, но тепершній староста панъ Конецпольскій вельвъ тоежь пану Чаплинскому назадъ до староства отобрати. Що до 10-лѣтнего сына Хмельницкого, отвѣтили паны сенаторы: що Чаплинскій убилъ его не зъумыслу, а припадкомъ, затѣмъ и безвинно; а що до невѣсты Хмельницкого, то она теперъ уже слюбная жена Чаплинского, и Хмельницкій вѣстьо ней одной може найти собѣ хотѣбы цѣлу сотню красавиць, якіи — слава Богу — на Украинѣ пребогато выводятся.

Одержавши такую ругательную отповѣдь, Хмельницкій отправился съ жалобою еще и до самого короля, съ которымъ давно уже былъ лично знакомый. Случилось же такє, що власно подъ той часъ король Владиславъ страшно огорченъ былъ на вельможъ-сенаторѣвъ за то, що они не только отвергнули просьбу козаковъ о увольненіе Украины отъ постоя яцкихъ войскъ и умножили податки на Руси въ корысть тѣхъ же войскъ, но еще бискупъ Куявскій Гнѣвошъ отъ имени сената рѣзко укорялъ короля за его „переговоры съ козаками и за ненависть ко шляхтѣ.“ Дерзкая бесѣда Гнѣвоша такъ доткливо поразила короля, що

той со слезами всталъ и вышелъ изъ собранія сенату. — Якъ на тое въ онуюжъ пору явился къ нему Хмельницкій. Выслухавши жалобу Хмельницкого о его личныхъ бѣдствіяхъ и еще бѣльшихъ надъ тѣмъ всенародныхъ кривдахъ Украины, король Владиславъ сказалъ ему пріязно и съ сочувствіемъ: „Я уврѣню, що твое дѣло праведно, и що Чаплинскій здѣлалъ тобѣ великое насиліе. Но такъ якъ ты не выиграешь sprawy судовымъ порядкомъ, то не остае тобѣ ничего иного, якъ силъ противъ-поставити силу. Если Чаплинскій ибѣтъ найти собѣ друзей и товаришей, то и тобѣ найти бы ихъ не трудно. Знаю я и о утѣсненіяхъ козаковъ, но помощи вамъ не въ силахъ. Пора бы, здається, всѣмъ вамъ згадати на то, що вы есьте войны, що у васъ суть сабля: кто вамъ запрещаетъ постояти за себе? Я же изъ своей стороны всегда буду вашимъ благодѣтелемъ.“

Кромѣ сихъ ободрительныхъ словъ король Владиславъ далъ Хмельницкому еще и власноручне свое письмо до тѣхъ добрыхъ козаковъ, его товаришей, которы минушого лѣта были на переговорахъ съ канцлеромъ Оссолинскимъ. Въ томъ-же письмѣ король заявилъ торжественно, що пересланную козакамъ черезъ своего канцлера грамоту о свободахъ Украины бѣтъ не касаетъ и не переменяетъ, „а претожъ — такъ дословно писалъ въ заключеніи король Владиславъ — елибы Поляки на Украинѣ господствующіи своимъ ходячи упоромъ, не слухали нашего королевского заказа и не повстѣгнулися отъ чиненья русскому народу и вамъ козакамъ кривдъ и прикростей: то яко военныи есьте люди, такъ маючи саблю при боку своей а въ рукахъ самопалъ, можете своихъ давныхъ вольностей тѣмъ оружіемъ у Поляковъ доходити.“

Попрацавши съ королемъ и скрывши его письмо старанно при собѣ за нѣдромъ, Хмельницкій ухалъ изъ Варшавы, на-скрѣзь переполненный мятежною мыслию противу Польши. Проезжая назадъ въ Украинну, бѣтъ по дорожъ пыльно всмотрялся въ состояніе крепостей, розглядалъ мѣстоположенье городѣвъ, и слѣдилъ уважно за всѣмъ, що ему въ цѣляхъ военныхъ на будущность здавалось потребнымъ. Повольно вхалъ бѣтъ черезъ русскіи земли, остановлялся майже въ каждомъ селѣ, заводилъ розговоры съ народомъ, а находячи всюду справедливую вражду и сильно твѣющей запалъ противу Польши, ободрялъ всѣхъ надею скорой мести. Особливо открывалъ бѣтъ свои замыслы русскимъ Духовнымъ, знаючи, якъ легко имъ пѣдготовити нарѣдъ и якъ нарѣдъ хотѣбы въ огонь пѣйде за ними. „Знайте Отцы духовныи!“ говорилъ до нихъ Хмельницкій: „я рѣшилъ мстити панамъ Ляхамъ войною, та не за свою лише кривду, но за поруганіе вѣры русской и за притѣсненіе всего русскаго народа! Я безсилень, но вы,

Братья, менѣ помогите! Соберутся та прииѣтъ менѣ по два-три хлопа зъ каждого села, а Польщи у насъ по вѣки вѣчны и слѣду не буде.“ — Ему же отвѣчали съ восторгомъ: „Всякою години молимъ мы Бога, чтобы Онъ послалъ намъ вожда для отмщенія нашихъ несчастій. Принимай-мы же мачальство, Богдане, а весь станемъ за тобою: поѣднметса русская земля, якъ николи еще не поѣднмалась!“

Такииъ способомъ заготовивши собѣ добрыхъ другѣвъ въ русскихъ городахъ и селахъ ѳтъ границъ Польщи ажъ до побережій Днѣпра, Хмельницкій приѣхалъ въ рѣдную Украину съ тѣмъ увѣреньемъ, що задуманное нимъ дѣло противу Польщи нелихо поведетса. А чтобы для великой справы, яка черезъ него на Руси подвигалась, позыскати еще и вышнѣе освященіе, то онъ удался и до самого Первосвятителя нашої Церкви, до Кіевскаго Митрополита Петра Могилы, который сейже-часъ все здѣлалъ такъ, якъ то Архипастырю русокого народа здѣлати подобало. Ото бо славный той Митрополитъ Петро Могила не только благословилъ Хмельницкаго власною архіерейскою рукою на великій его подвигъ, але еще далъ ему пастырское свое письмо, въ которѣмъ прямо заявилъ тако: „що всякого постигне клятва Божя, кто изъ православныхъ Русинѣвъ не схоче участвовати въ святомъ дѣлѣ спасенія Отчины ѳтъ ярма лядского.“

Одержавши такое высшее закрѣпленіе для своего предпріятія, Богданъ Хмельницкій объявлялъ тое все наиблизшимъ своимъ другамъ, и приказалъ тѣмъ-же, чтобы они привели лучшихъ а надежныхъ козаковъ въ условленное мѣстце на черную раду. А звалась же „черною радѣю“ у козаковъ така рада, которая отбывалась въ тайномъ мѣстци и до того безъ Гетмана и безъ Старшинъ, а только при участіи простого козацтва, т. е. именно такъ званной чернявы. Черная рада, созванная Хмельницкимъ, происходила ночью среди низовья въ одной густой дубровѣ. У горящей ватры передъ толпою самыхъ доборныхъ козаковъ стоялъ Хмельницкій, держачи въ рукахъ грамоту короля Владислава и архіерейское письмо Петра Могилы; подлѣ него находились вѣрные товарищи, бывшии на переговорахъ съ Оссолинскимъ. Заводячи бесѣду о своей повѣдѣ въ Варшаву, Хмельницкій такъ межъ прочими говорилъ козакамъ: „Братья! нема правды въ Польшѣ. Въместо того, щобъ по справедливости рассмотреть дѣло, мене на соймъ осмѣли, а вашу просьбу о увольненіи Украины ѳтъ постоя лядскихъ войскъ отвергнули съ поруганіемъ. Приѣдетса намъ еще бѣльшее поносити притѣвненье, бо въ Варшавѣ весь Ляхи, съ изытіемъ одного безсильнаго короля, забераются уничтожити наше козацтво до послѣднаго наморька. Уже постановлено сенатомъ, чтобы податки зъ земель русскихъ убѣльшити, а данину за крещеніе православныхъ дѣтей, выдуманную на погибель

*

нашого рода, подвоити. Настане время для насъ еще гѣрше, нѣжъ якъ бывало тогда, коли нашихъ Гетманѡвъ и Старшинѣ козацкихъ живцемъ палили, вбивали на палѣ, мучили всякими муками, не давая имъ ни проститися со свѣтомъ Божиимъ по христіянски. То чижъ мѡесть далѣй еще терпѣти рабство наше и оковы, Ляхами на насъ чѣмъ-разъ тяжше налагаемы? Чижъ дамо мы, козаки-рыцари русскаго роду, до конца погибати братьямъ нашимъ, православнымъ людямъ русскимъ во всѣхъ сторонахъ Украины, Воляня, Подбля и Галича? Вѣдай самъ я, проѣзжая черезъ тѣи земли нашої святой Руси, всюду наочно видѣлъ страшныя утѣсненія и тиранства отъ Ляхѡвъ; несчастный народъ вопіе о помочи; всѣ готовы взяти за оружіе, всѣ заприсягли возстати съ нами противу ненавистой Польщи.“

По тѣхъ словахъ Хмельницкаго поднялся великій ропотъ въ собранію: одни начали розказовати о бѣдствіяхъ всего народа, другіи о своихъ власныхъ; инныи згадовали о невыносимыхъ притѣсненіяхъ святой русской вѣры, о утратѣ всѣхъ козацкихъ вольностей и загаломъ о томъ всѣмъ, що отъ Ляхѡвъ терпѣла тогда такъ Украина якъ и другіи земли русскіи. — „Не въ-моготу намъ терпѣти долше! Пора взятися за сабля; пора скинути изъ себе ярмо ляцкое!“ Такъ восклицали старыи козаки, жившіи по границѣ русской земли, поближе къ степамъ, подальше отъ панѡвъ Ляхѡвъ, и затѣмъ сивѣльшіи. — Однакожъ тѣи, которы служили въ реестровой службѣ, и которы оттакъ безпрестанно поносачи оскорбленія отъ старостѣ и своихъ начальникѡвъ-шляхтичей, привыкли боятися кнута ляцкаго, тѣи не такъ горячо приступали до отчаяннаго предпріятія. „Взятися за оружіе!“ говорили они: „а где же оно? Наши пушки забрада Ляшня; съ одними стрѣльбами ничего не докажемъ польскому войску, которе возитя съ великими пушками. Ляхи въ-передѣ были добрыи вояки, а теперъ еще бѡльше заправились въ военныхъ штукахъ. Шляхта ляцка теперъ не деретя межъ собою, и на нашу сторону не можъ никого затыгнути.“

„Правда ваша!“ сказалъ на то Хмельницкій: „одакожъ коли треба разъ начати дѣло, такъ не даромъ-же собрались мы на раду.“ — „То и порадъ-же намъ первый ты, Батьку Хмельницкій Богдане, якъ удѣяти дѣло, щобъ оно у насъ повелося!“ воскликнули въ одинъ голосъ собранныи козаки. — Затѣмъ Хмельницкій отчиталъ передъ собраньемъ грамоту и письмо короля Владислава, привезенное имъ изъ Варшавы, потомъ-же и клятву Митрополита, zagrożенную всякому, кто бы не хотѣлъ участвовати въ дѣлѣ спасенія Руси отъ ляцкой неволи. А послѣ того Хмельницкій говорилъ знову: „За оружіе взятися треба, о томъ нема що и спорити. Ходитъ лишь о то: придумати способы, якъ преодолѣти ворога. Ясная рѣчь, що противъ Ляхѡвъ мы сами

собою ничего не здѣлаемъ, особливо теперь, коли во всѣхъ замкахъ со многими пушками сидятъ польскіи комисари и зорко глядятъ за каждымъ нашимъ поступкомъ, а до того еще и лютое жолнѣрство зимуетъ въ нашемъ краю. Скоро лишь замѣтятъ наше здвиганье, сейчасъ и подавятъ насъ; для тогожь-то и не можно намъ обійтиса безъ чужой помочи. Я думаю, ни у кого намъ не просити помочи, кромѣ Москвы и Татаръ; всѣ другіи сусѣды слабы или скорше вступятся за Поляковъ, чѣмъ за насъ. Сказалъ бы я, просити Москалей: они православны и русскіи такъ, яко мы, та уже для того могли бы за насъ вступитиса; но они-же самы недавно стратили до Польши Смоленскъ и другіи города, еще-жь и въ силу не прійшли; такъ и годъ буде ихъ упросити. Затѣмъ моя думка отъ-така: наилучше на Ляховъ запросити бы Татаръ! Правда, Ляхи — вѣра христіанска, однакожь сердца у нихъ противъ насъ гѣрши отъ поганскихъ. Достойны они за кривды наши самой наилучшей кары отъ рукъ бисурманскихъ. — Се така, братья и товариши, моя грозная противу Польши рада!“

„Ты, Батьку Хмельницкій, — сказали козаки: покажи намъ лише способъ, якъ поладити съ Татарами, а коли узнаемъ, що се може статиса, тогда и напустимъ бисурманское племя на Польшу.“ — „Коли вамъ о тое ходитъ, отповѣлъ Хмельницкій: то вотъ вамъ въ сей королевской грамотѣ есть и способъ добрый поднати Татаръ на Польшу. Звѣстне дѣло, що Польша уже вторе лѣто не посылаетъ умовленный гарачъ Крымскому хану, а тутъ еще и король надае намъ привилею строити чайки и плавати по Чорному морю подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мы ишли войною на турецкого султана. Отъ се вамъ и достаточная причина такъ для хана якъ и для султана до войны противу Польши. Тожъ я думаю, братья и товариши, доки сія грамота королевска у насъ въ рукахъ, такъ выбрати послѣвъ къ Татарами и объявити, що замышляе король, та и порадити имъ: най намъ помагають, если хотятъ спокою, а якъ не схотятъ, такъ мы имъ войну объявимъ.“

„Добре кажешъ, Батьку!“ закричали всѣ козаки въ одинъ голосъ: „Коли самъ Богъ подае намъ случай отомстити наши кривды и поруганія надъ вѣрою нашою, такъ ничего намъ долше и ждати. Поляки уважають насъ гѣршими отъ собакъ, такъ най-же и отъ насъ узнають такую самую честь! Батьку Хмельницкій радить намъ, що здѣлати наилучше а вразъ и наилегче. Поможи ему, Господи Боже! Давно мы почитали тебе нашимъ первымъ Старшиною, а отъ теперь всѣ мы признаемъ тебе нашимъ Гетманомъ и хочемъ служити тобъ радою, покорностию и кровію. Прасимъ тебе, чтобы ты самъ уговорился съ Татарами особисто, не черезъ послѣвъ: способнейшого надъ тебе мы никого не знаемъ.“

Хмельницкій поблагодарилъ за довѣріе, однакъ не принялъ гетманства, а оставилъ то до будущаго времени, коли бнъ покаже на дѣлѣ, що начальствовати козакамъ достоинъ. „Соединьмса, братья!“ сказалъ бнъ товарищамъ на расходѣ: „возстаньмъ за церковь и вѣру православленную, истребьмъ унию и всѣяцкія напасти, возстановьмъ золотую свободу и будьмо якъ одна родина — одинъ за всѣхъ, всѣ за одного! Призывайте козакбвъ и всѣхъ землякбвъ нашихъ; я буду вашимъ начальникомъ, коли уже сего такъ желаете. Знаю и уповаю, що где лише на Руси якій козакъ, кождый до насъ пристане. А тогда уже Господъ Богъ поможетъ намъ!“ — „Господъ Богъ поможетъ намъ!“ воскликнули одушевленными козаки, и уже надъ самымъ досвѣткомъ розбѣшлися изъ черной рады кождый въ свою сторону.

Но только-що Хмельницкій въ первый разъ переговорилъ о своемъ замыслѣ съ козаками, уже одна околичность мало-было не рѣзрушила всего предпринятія. Найшолся бо въ числѣ козакбвъ, бывшихъ на черной радѣ, одинъ Юда-предатель, именемъ Романъ Пейнта (бачишь, мадарского роду), который цѣле ночное событіе въ дубровѣ открылъ панамъ Ляхамъ, за що и досталъ отъ нихъ мишонку золота. Тогда коронный Гетманъ Потоцкій далъ приказъ Переяславскому полковнику, пану Кречовскому, чтобы той чѣмъ-скоріе зымалъ Хмельницкого и посадилъ бы его подъ стражу. Кречовскій выполнилъ приказъ пана Потоцкого еще въ пору: бнъ схватилъ Хмельницкого на ярмарку въ селѣ Бужинѣ, коли той продавалъ послѣднаго коня своего наилучшой породы, абы задобыти грбшь на дорогу до Крыму. На счастье однакожь полковникъ Кречовскій, хотя ближайшій другъ и родня съ панами, а сердце имѣлъ таки русске и для козацтва не враждебное. Знаючи, що Хмельницкого въ тюрьмѣ ожидае, бнъ поставилъ освободити его такимъ способомъ, чтобы и самъ въ бѣду не попался. Нанившись отже съ панами до пьяна, бнъ оставилъ Хмельницкого подъ стражею самыхъ простыхъ козакбвъ, а ти ужель и не зѣпились здылати то, що козакамъ здылати належало: росковали Батька Хмельницкого зъ желѣзныхъ оковъ, та вразъ-же съ нимъ и самы убѣжали въ степь безслѣдно. — Коли на другій день прійшолъ наказъ отъ коронного Гетмана, чтобы казнити Хмельницкого смертію, уже и не было кого казнити.

Межи тѣмъ Богданъ Хмельницкій, спасенный Провидньемъ Божимъ уже въ третій разъ отъ очевидной смерти, взявши съ собою сына своего Тимоша и 30 найвѣрнѣйшихъ товаришей, убѣжалъ въ Запорожскую Сѣчь, куда и прибылъ дня 11. Студня 1647 г. — А въ Сѣчи тогда было всего лишь 300 мужа Запорожцѣвъ, которы составляли на островахъ Днѣпра звычайну козацкую стражу; прочіи были розсыяны

въ различныхъ сторонахъ: одни въ своихъ степовыхъ хуторахъ, другимъ въ походахъ на Дону, на Волзъ и на Черномъ морь, глядячи тамъ добычи и козацкой славы. Запорожцъ тѣмъ — самыя саромахи, бѣжавшимъ въ-пѣдъ лядского ярма за Днѣпровымъ пороги, лише и ждали случая, чтобы обновити завѣтную борьбу съ Ляхами. Тоже коли явился у нихъ Хмельницкій и раскрылъ имъ въ огнистой бесѣдѣ бѣдствія Украины и свои грозныя противъ Ляховъ замыслы, сейчасъ они распустили громкій кликъ по всемъ степамъ, созывая братьей „для важнаго дѣла.“ Якъ-отѣй собралоса въ Съчи 3000 свѣжихъ силъ, и Кошевий Атаманъ Запорожскыя, объявивши всемъ радостную вѣсть о предстоящей войнѣ съ Польщею, велѣлъ поединкомъ сотнямъ розъязжати скрѣзь по берегамъ Днѣпра для довленья лядскихъ индигуновъ и стражей.

Вѣсть о счастливомъ бѣгствѣ Хмельницкого на Съчь и о начатомъ взоруженномъ славномъ Запорожскыя вскорѣ рознеслася по всѣхъ окрестностяхъ Украины. Изъ лѣсовъ и береговыхъ ущелій прибѣгали въ Съчь бѣглии хлѣбы, которыя пѣдъ названіемъ дугарей, степовикѣвъ и гайдамакъ жили по берегамъ Днѣпра, Буга, Самары, Кожки въ черныя землянкахъ, одѣты въ зверинныя кожи, кормящиса найскуднѣйшою етравою, но за то вельми, якъ вѣтеръ въ степь буйномъ. Также изъ другихъ сторонъ Руси, стагающихъ пѣдъ владычествомъ лядской шляхты, яко изъ Воляны, Подбля и навѣтъ зъ Галича, пробирались тайкомъ русскіи селаже ко Днѣпру, устремляясь туда къ Запорожской Съчи мовьбы то-ть побожны христіанскіи путники къ священнымъ стѣнамъ Ерусалима.

Страхъ великій поішолъ на Ляхѣвъ; однакожь они не рѣшались начинать зимою военныхъ дѣйствій противъ Съчи, а то наибольше зъ той причины, що зима тогда была дуже непостоянна и дороги всюда до крайности испортились. Все, що коровный Гетманъ Потоцкій мѣгъ учинити тогда для своей предосторожности, было то, що выдалъ къ русскому народу стрѣгій указъ такого содержания: „Озвѣщаемъ всемъ и приказуемъ, чтобы тѣмъ, которыя убѣжали съ Хмельницкимъ, а зарѣвно и тѣмъ, которыя уишли до него потомъ, вернули назадъ съ свояси, за що могутъ надѣятиса прощенья своей вины; а если кто осмалится бѣжати въ Запорожье, той за свѣй проступокъ отвѣчае плеткомъ и житьемъ жены и дѣтей.“ А хотя паны-дѣдичи и инды-арендаторы въ самомъ дѣлѣ начали исполнати такѣ жестокое постановленіе Потоцкого, но все то уже не помогло имъ ничего: прѣстѣй народъ отъ всѣхъ сторонъ Руси цѣлыми толпами пребирался за Днѣперъ въ степы, и такъ полки Запорожского войска убольшались шодоменно свѣжими сотнями. Суровыи мѣры Ляхѣвъ раздражали вже и безъ того розъяреннѣйшій народъ до такомъ крайности, що всѣ только и выглядали

Хмельницкого, чтобы беспощадно начать дело истребления всего панства. Надаремно паны запрещали просоголюдію ходити толпами по улицяхъ и собиратися въ хатахъ навѣтъ для справъ родинныхъ; надаремно заберали у мужиковъ и увозили изъ всехъ замкбвъ стрѣльбы и всякое яке-ни-было оружіе: сподвижники Хмельницкого, переодѣты то за жебраковъ, то за бродящихъ торговцевъ, ходили изъ села въ село и уговаряли жителей то отверати Запорожцямъ ворота крѣпости, то насыпати пѣску въ ящичи пушки. Паны увидѣли теперь, що не смотря ни на якіи зъ ихъ стороны мѣры, не было села на Украинѣ, где бы не таился огонь возстанія, готовый выбухнути пламенемъ при первомъ явленіи полковъ Хмельницкого.

А Хмельницкій межѣ тѣмъ, препоручивши Запорожскому Кошевому Атаману заготовляти дальше военное дѣло въ Сѣчи, отправился съ сыномъ Тимошемъ и кѣлькома старшими козанами до татарскаго хана въ Крымъ. Въ мѣсяци Мартѣ 1648 г. прибылъ онъ въ Бахчисарай, столицю Крымскаго ханства, и яко поддвласный высланникъ отъ Запорожья допущень былъ сейчасъ въ палату хана. А былъ тогда ханомъ въ Крымѣ Исламъ-Гирей, человекъ осторожный и недоверчивый, но заклятый врагъ Польши. Онъ негодовалъ теперь на Ляховъ тѣмъ больше, що они перестали платити ему рочничъ гарачъ въ 20.000 червонцевъ, и уже ждалъ только приказу отъ султана зъ Цареграду, чтобы съ ними войну распочати. Въ саму отже пору явился къ нему Хмельницкій съ просьбою о помѣчь противу Польши. И справдъ, Исламъ-Гирей уволилъ сей просьбу тѣмъ охотнѣйше, пенеже Запорожцы, хотя и якъ были враждебны татарскому племени, но за двохъ послѣднихъ своихъ Гетмановъ, Полтора-Кожуха и Гулака, таки помагали Татарамъ въ борьбѣ ихъ съ азійскими врагами хана. Затѣмъ переговоры Хмельницкаго съ Исламъ-Гиреемъ тянулись не долго и заключились тѣмъ: що Хмельницкій оставилъ заложникомъ въ Крымѣ своего сына Тимоша на знакъ, що не замышляе противу Татаръ ніякомъ зрады, а Исламъ-Гирей за то выдалъ приказъ Переконскому кагану (т. е. второму, будто меньшому, подрадному хану), чтобы той безъ проводки ишолъ помагати Запорожцямъ на войнѣ ихъ съ Польщею. До тогожъ Исламъ-Гирей далъ еще приреченье Хмельницкому, що и самъ онъ лично прійде помагати козакамъ, якъ скоро на се дѣстане указъ отъ верховнаго владѣтеля своего, отъ турецкаго султана.

Такъ зладивши дѣло съ Крымскимъ ханомъ и одержавши къ тому отъ него въ знакъ заключенной дружбы цѣнныи подарки, Хмельницкій выхалъ изъ Бахчисарая, и въ первыхъ дняхъ Цвѣтня прибылъ въ Перекопъ. А въ Перекопѣ каганъ татарскій, именемъ Тугай-Бей, ажъ подскочилъ въ дикой радости, коли Хмельницкій доручилъ ему при-

назъ ханскій къ военному походу на Польшу. Былъ бо той каганъ Тугай-Бей человекъ на-скрбъзъ воинственный, который звикло зимою на Перекопъ заправлялъ своихъ Татаръ до военныхъ хитростей, а зъ весны до лѣзной осени жилъ грабежами и разбоями; та вже изъ-давня страшный былъ коронъ польской. Власне-же тогда, коли Хмельницкій надѣхалъ съ письмомъ хана, Тугай-Бей съ 4000 мужа Татаръ кочевалъ въ степу; готовячись леда-день на свою руку здѣлати нападѣ въ области польскій. Тожь якъ-стой двигнулся бнъ теперь изъ своего кочевиска, и въ-кутъ съ Хмельницкимъ на чель бисурманской орды тнался ко Днѣпру, мюбы помогчи кованамъ руйновати катовищю русекого міра; нляхетаю Польшу.

Недслась отже бтъ степовъ уу Черного моря, ужасная гроза на карону польску, заповдающая посылбелъ той державъ, которая такъ страшно грашила противъ закона правды и челоувчества. Навликала же оную грозу великій мужъ русской Украины; Богданъ Хмельницкій, который дѣйствующи цѣломъ въ духу и по мысли своего народа; для руйнованья Польщи, ужилъ нѣвтъ и татарскихъ силъ съ тою просто цѣлю, абы записано было въ исторіи: що Русь православна, коли вже доведена была на край паденія, скорше едналась съ поганцами Татарами, чимъ бы перенести, мала свое перетворенься въ Польшу. А такъ оно и стадось, що отчаянный подвигъ сей Хмельницкого, не толькы избавилъ Русь нѣму, бтъ крайного ополченья, но еще, задалъ и смертельный ударъ могущой тогда державъ лянкой. *(Дальше буде.)*

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ послѣ Чокого.

(Продолженье.)

21. О новомъ старшинѣ и о корчмарю Миронѣ.

— А Данило те все-таки чародѣй! говорили, смѣячись, Золото-Поляня, коли ему удавалось нѣде-нѣбудь новое его предпріятіе. Вну же удавалось майже все, що бнъ ни замышлялъ, потому що бѣзъ не начинавъ ничто; хорошенькы прежде не обдумавши. Онъ не снѣшилъ, не забѣгалъ впередъ; но шмоль крѣзъ за-крономъ, и не бралъ на себѣничного више своихъ силъ.

Казалось, учитель и добрая жена его знавали себе роботу. Не гдетамъ! Данило умѣлъ такъ все устроить, що работа, за которую онъ брися, рздѣлялась по-немаюгу межъ всеми. Нѣвтъ въ цюкомъ онъ занялся не одинъ, потому що и такъ бѣзъ подготавилъ себя умнаго молодого селянина, Івана

Рядушного. Такъ какъ тотъ послѣдній былъ сынъ бѣднѣе родичей, то Данило помѣстилъ его у себя, а бралъ обѣдъ для него изъ вофѣльной кухни. Сынъ же училъ его рѣзкихъ наукъ. Данило дужо полюбилъ своего Ивана, и тотъ такъ отличо началъ учить дѣтей, що не уступалъ и самому Данилу. Дѣти тоже любили Ивана, потому що онъ былъ пріязный и ласковый, и ученье съ нимъ казалось имъ еще легче, чѣмъ съ Даниломъ. Часто на цѣлѣхъ дняхъ ходилъ Данило за своими полевными работами, и утѣшался, коли видалъ, що въ селѣ все шло къ лучшему.

Въ самомъ дѣлѣ, удивительно было видѣти, какъ люди, которые были прежде жалкими гуляками, больше выкутывались изъ долговъ своихъ, и имъ латы ихъ принимали все лучшей и лучшей видъ, межи тѣмъ какъ прежде зажиточные селяне, не отстаивши отъ своихъ старыхъ привычекъ, заплѣтѣли нѣтъ нѣтъ, потому що: прештравали въ карты, разорались на тѣщи и пропивали все, що имѣли.

Вѣрши 82. совѣтники Данила были совершенно тверды и имѣлись всегда нерыны, какъ скоро шло дело о жонѣ—якобы новомъ улучшеніи, которое предпринималъ Данило. Ихъ примару слѣдовали многіи совѣти. Молодыи люди, которыхъ Данило училъ во Медвѣль, и дѣвчата, учившіяся грамотѣ и счету у Маріи, много помогали до улучшенія въ хатахъ своихъ родичей. Прочіи же остались въ селѣ непоправными негодяями, а въ числѣ тѣхъ несчастныхъ былъ и Миронъ. Онъ былъ заклятый ворогъ всякъ ново-введенія, какъ бы они кормотныи были. Онъ постоянно порицалъ ковоководителей и говорить, що отъ нихъ и вреда нѣтъ, що треба положить конецъ всему тому, що такъ дальше оставаться не може. Только сдерживалъ его еще Отецъ Григорій, часто его наставлявшій, чтобы не допустить его дѣлать вредъ. Случилось разъ, що Миронъ потерялъ свою головную поддержку, именно третого изъ громадскихъ старшинъ. Той старшина давно уже заплѣтѣла, что у него въ хозяйствѣ все иде плохо и зъ горя предался пьянству, такъ що и дня не проходило, щобъ онъ былъ тверезымъ. Чтобы скорше разбогатѣти, онъ ставалъ на рѣзныи лотеріи, и такими образомъ проигрывалъ гроши до тѣхъ поръ, поки не проигралъ всего. Тогда прійшла замодавца, когорымъ онъ былъ долженъ, и отобрали у него послѣднее. Прійшлося выбрать нового старшину и представить на утверженіе начальству. Тогда село роздѣлилось на два стороны. Негодяи хотѣли выбрать одного изъ двухъ подобныхъ имъ, которому они при томъ были должны. Честными люди не хотѣли ихъ. Много было ссорбы. Многіи сиротиньки зъ томъ радъ Отца Григорія, коли онъ по обыкновенію своему навѣщалъ ихъ. Онъ отвѣчалъ имъ:

— Удивляюсь, що никто изъ васъ не подумалъ о человѣкѣ достойномъ, который приносъ вамъ уже стѣлько кормоты, который такъ розумный и добрый ко всякъ, и такъ дѣятельный. Я говорю о школьномъ учителѣ. Коли вы выберете его, то у васъ буде на чело человекъ честный. Конечно, онъ не изъ такихъ, которые демагоуются почетного мѣстца. Не для того то именно

и потреба его избрати. Вся, которая добивается почетного места и хотя бы его отбить у других, привычно имеют другую цель. Они горды и честолюбивы, хотя бы отличия не для того, чтобы здать добро другим, а чтобы удалити свое честолюбие. Правда, добро-то нѣтъ старшиншео богатого человека, продолжалъ священникъ, но не богатство, а безкорыстіе есть первая добродѣтель. Горе громадѣ, которая выберетъ въ старшины себя того, кому многія должны; вѣдь тогда они будутъ въ его рукахъ и по своей вѣнѣ сдѣлаются такимъ образомъ совершенно безответными его рѣшами. Лучше нѣтъ изберуть того, который будетъ безпристрастенъ къ жестокосердичнымъ заимодавцамъ и свѣдѣлымъ богачамъ.

— Умная голова много може сдѣлать, продолжалъ онъ, но доброе сердце може сдѣлать еще больше. Но гону узнайте прежде, честный ли человекъ? любитъ ли помогати ближнему? Потомъ узнайте, есть ли у него дозволеніе разуму, и не въ долгу ли онъ у кого изъ богачей? Старшина долженъ быть независимъ. Иначе не онъ будетъ старшиною, а тотъ заимодавецъ, которого онъ боится. Вамъ не трудно отглядати межн вами такого человека. Подумайте только, кому бы на смертной постели поручили вы охотнѣе жену и сыновей, кому бы поручили старанье о оставленной вами роднинѣ? Вотъ того-то и выбирайте старшиною! Или подумайте, кому надъ всѣхъ здѣшнихъ стали бы вы охотнѣе повиноваться, того и выбирайте старшиною. Если где хоть двое изъ старшихъ честны и добросовѣстны и не заводятъ зло и неправду — тамъ всегда будетъ добре. Девольне и одной умной головы. Три же умныхъ головы безъ доброго сердца не уживутся въ купѣ, потому что каждая будетъ думать, что она умнѣе ина другой. Отъ того произойдетъ свария, а тамъ смотришь — и вся громада другъ съ другомъ переоварится. Скажутъ мнѣ, кто лучший отецъ для дѣтей своихъ? Кто обращается съ ними ласково, но не перестаетъ ихъ, кто съ ними строгій, но безъ жестокости. Или скажутъ, кто тутъ лучший хозяинъ, которому усердно служатъ работники и любятъ его, и боится, кто все веде въ порядку въ своемъ домѣ, безъ шуму, безъ ссоръ, а у кого все веде хорошо? Того-то и отдавайте газдое на все село.

Такъ говорилъ умный священникъ, и все стали иначе смотреть на рѣчь, чѣмъ прежде. Коли-же громада собралась, чтобы избрати двухъ старшинъ, то большая часть затребовала, чтобы подача голосовъ была не явная, а тайная, для того, чтобы никто не зналъ, въ чью користь кто подалъ свой голосъ; потому каждый могъ свободно и безъ всякаго боязни избрати того, кого уважалъ и достоиннѣйшимъ.

Корчменникъ Миронъ противился было тому предложению, потому что былъ уже рѣшилъ, кого избрати себя въ товарищи, и ему дуже хотѣлось знати, кто пойдетъ съ нимъ за-одно и кто противъ. Но витрону Мирону такъ не удалось поставити на своемъ. Тайно собрали голоса, и первыми избрали въ старшины Давида, а вторыми Мельника. Мельникъ отказался отъ должности, потому что

былъ въ родствѣ съ Даниломъ, и находилъ невозможнымъ, чтобы такіи близкіи сродники въ-купѣ управляли дѣломъ. А потому на мѣстце мельника, былъ выбранъ Андрей Галка, тихій, трудолюбивый человекъ.

Увидявши такой выборъ, Миронъ засмутился, и у него позеленѣло въ очкахъ; былъ еще надѣялся, что и Данило также откажется, но и тутъ обманулся. Данило благодарилъ громаду за довѣріе и предложилъ на свое мѣстце учителемъ своего любимца Ивана Радужного. Ивана и выбрали учителемъ.

Корчмарь Миронъ вернулся домой совсѣмъ ошеломленный, словно звонница звалилась ему на голову. Сперва былъ злость свою вымѣстять на котла, которая ласкался попала ему подъ ногу; потомъ на собацѣ, которая деселе хотала скочити на него; потомъ на работница, которая не сейчасъ поняла его, коли былъ вижделалъ отъ ней вина; потомъ на женѣ, коли она сказала, что Андрей Галка честный человекъ.

22. Навозъ долженъ быть вывезенъ изъ хлѣва.

„Что за напасть!“ ворчалъ про себе корчмарь Миронъ, почесывая за ухомъ всякій разъ, какъ приходило ему на умъ, что Данило выбранъ изъ старшины. Но былъ одумался, побѣжалъ къ нему, кинулся обнимати его и поздравлять, говоря: „теперь мы будемъ уже друзьями и будемъ жить по-братерски.“

Марія дуже удивилась такой доразной дружбѣ, и коли былъ отойшолъ, сказала мужу: „Данило, Данило! лучше бы ты не принималъ того мѣста: корчмарь Миронъ лукавый человекъ; былъ выкопалъ подъ тобою яму и ты попадешся; стережись его, Данило!“

„Вѣдай былъ не дикій звѣрь, отвечалъ Данило, целуячи жену; былъ только хитрый, льстивый котъ: не ты увидишь, я обрежу ему когти.“

Коли въ первый разъ собрались на сходбище старшины, то Данило и Галка прежде всего затребовали отчета и громадскіи книги; но въ нихъ все было въ великомъ безпорядку. Многое было вовсе не записано въ книгу. У громады было полъ-грѣты тысяча золотыхъ долгу. Майже половина той сумми была въ долгу у Мирона, который бралъ за то по 10-ти процентомъ, межъ тѣмъ же самъ занималъ по 4 и по 3 проценты. Большая часть собираемыхъ громадскихъ повинностей была рострачена на всякій вздоръ, на почестне, розъѣды и проч., прежнихъ старшинъ. Особенныхъ подробныхъ счетовъ не было; былъ только одинъ загалный счетъ, изъ которого ничого неможъ было видѣти. Такъ-же было и съ доходами, назначенными для больницы, или для бедныхъ села. Въ варядѣ надъ имуществомъ вдовъ и сиротъ счета тоже не найшлось. Въ гѣсу за-одно съ мѣсячными дѣлами порубки и продавали дрова, будто бы въ пользу громады, но никто и до сихъ доръ не зналъ, сколько одержано грошей и куда поѣшли тѣи дрова. Часто самъ корчмарь Миронъ

хвалился тѣмъ такъ: „мой топоръ зрубалъ уже больше лѣса, чѣмъ стоитъ самый, лучший дворъ въ окрестности.“

Однимъ словомъ, съ мирскими добромъ распорядились недобросовѣстно, безъ всякаго отчета; притомъ видно было, що старшины себе не забывали. Оказалось сверхъ того, що была иродана часть громадской земли за бездѣнокъ, куплена же она была старшинами, но гроши за ню еще не были уплачены и проценты за пять лѣтъ просрочены. Дальше узнали, що самъ корчмарь Миронъ, за-одно съ другими старшинами, занялъ, 11 лѣтъ тому назадъ, двѣ тысячи золот. на имя громады, подъ залогъ громадскихъ лѣсовъ, що громада должна была въ числѣ другихъ повинностей выплачивать ежегодно и проценты за ту сумму, которая вся осталась въ рукахъ старшинъ.

Тогда знегодовалъ Данило, и въ гнѣвѣ сказалъ: „Я попалъ не въ советъ старшинъ, а въ який-те хлѣвъ, где только грязь и нечистота; но мы очистимъ тотъ хлѣвъ, хо-я бы отъ того заразился воздухъ на всю окрестность! Вы, старшины, не сохраняли громадского добра, но промотали его! Вы, названные отцы вдовъ и сиротъ, обокрали дѣтей своихъ и кормили бѣдныхъ гнилымъ хлѣбомъ, а межи тѣмъ али и пили на ихъ счетъ! Вы сажали въ тюрьму того, кто укралъ двѣ рѣпы въ полѣ, а сами обокрали всю громаду! Вы, зѣтное отродье, сами все толковали о правдѣ и справедливости, а межи тѣмъ по уши погрязли во лжи и въ злодѣйствѣ! Вы вѣчно толковали о Бозѣ и о вѣрѣ, а совѣсть и душу свою продали дьяволу! Но я вамъ предсказываю: вы пожнете, що посеяли, высокомеріе ваше нагородится жебрачкою торбою, а вашъ розбой — тюрьмою!“

Услышавши то, корчмарь прійшоу въ ужасъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Онъ зложилъ вину на бывшихъ своихъ товарищей и съ плачемъ упалъ въ ноги Данилови, умоляя ради всего святого не дѣлать его несчастнымъ.

Но еще въ тотъ же день Данило послалъ донесеніе начальству и все открылъ. Въ селѣ все было въ великомъ волненіи. Такого грабительства никто не подозревалъ на бывшихъ старшинахъ. Многимъ даже тому не вѣрили и называли Данила клеветникомъ и злымъ человекомъ, хотѣвшимъ выказатися и погубити невинныхъ. Корчмарь бѣгалъ по селѣ, глядя нежн пріятелями своими помочи для оправданія, по крайней мѣрѣ въ головныхъ обвиненіяхъ. Но лучшихъ пріятелѣ его пожимали плечами и не хотѣли мешатися въ то дѣло. И вотъ скорше, чѣмъ ожидали, явился судъ изъ города. Тутъ вышло на свѣтъ все ихъ безстыдство. Корчмаря взяли и увезли въ городъ, чтобы предати суду. Его лишили должности и посадили въ тюрьму. Изъ имѣнья его большая часть пошла на уплату того, що онъ укралъ у громады. Такъ кончилъ гордый корчмарь Миронъ, потому що несправедное добро долго не устоитъ, а высокомеріе приводитъ къ паденію.

Данило уже былъ назначенъ первымъ старшиною, а третьимъ избранъ еще другій честный селянинъ. По поводу тѣхъ происшествій священникъ произнесъ

следующее поучительное слово. „Когда у родичей бывают лихие дѣти, говорилъ онъ, то виноваты родичи, которые дали имъ лихое воспитаніе. А если въ громадѣ увеличиваются постыдныя дѣла, пищета и грѣхи, то се знакъ, що старшіими вѣсто того, абы исполнати дѣло свое, ведутъ всѣхъ къ погибели. Но Богъ каждому воздастъ по заслугамъ!“

23. Треба поплатити долги.

Данило имѣлъ много хлопотѣвъ. Никто не зналъ, що онъ задумалъ. Онъ то обходилъ все поля, то проводилъ дни въ лесахъ, то отпраждался въ городъ.

„Ахъ, мой бѣдный Данило!“ говорила Марія, выходячи вечеромъ къ нему на-встрѣчу. „Що ты такъ хлопочешься и мучишь себе? въ нагороду иди за все труды твои тебѣ отплатятъ невдякою и огорченіемъ.“

Данило отвѣчалъ: „Люди испоконъ-вѣка неблагодарны; но кто поставленъ старшиною громады, тотъ долженъ помышляти о Бозѣ и о своей обязанности, а не о нагородѣ и благодарности отъ людей. Видишь ли однако, малая Марію, Богъ нагорожае подѣ концѣ все доброе и караетъ злое.“ И такъ онъ продолжалъ дѣлати по свосму. Оказалось, що на громадѣ тяжело даже болѣе 3-хъ тысячъ золот. долгу, здѣланного частію по случаю бывшей войны и дорожки, частію по недобросовѣстности прежнихъ старшинъ. И Данило день и ночь придумывалъ, якъ бы зняти тую тяжесть зъ бѣдныхъ поселенъ, или хоть бы уменьшити ю. Обдумавши свое намѣреніе, онъ удѣлилъ его своимъ товарищамъ. Они его одобрили и отвѣчали: „Дай Боже, чтобы мы выпутались изъ долговъ, тогда бы каждый зналъ, що у него есть, и ибѣ бы свободно дѣлать, не думая безпрестанно о платежѣ процентѣвъ.“

Потомъ осмотрѣли и оцѣнили всю свою землю, чтобы знати хоть приблизительно, кто сколько имѣе, для того чтобы въ послѣдствіи каждый вносилъ податокъ сообразно своему достатку. Всякій долженъ былъ показати старшинамъ по совѣсти, сколько долгу состояло на его имуществѣ, и все то вѣрно вписано было въ книгу для поставленія оцѣнки. Тогда въ наступившую Недѣлю послѣ обѣдни, Данило съ своими товарищами сказалъ собравшейся громадѣ:

— Видите ли, братья, на нашей громадѣ тяжитъ 3200 золот. долгу. Гроши тіи заняты частію въ городѣ, частію тутъ въ селѣ некоторыми изъ нашихъ селянъ за стно, овесъ, подводы и другіи военныя поборы. О долгу нашомъ въ городѣ мы поговоримъ послѣ; сегодня же мы займемся долгами, которые сдѣдали тутъ въ селѣ. Многимъ тутъ задолжали за соломѣ, овесъ и другіи сборы во время послѣдней войны. Правда, кредиторамъ уплачиваются щорочныя проценты, но зъ нихъ самыхъ щорочно берутся гроши, которые идутъ въ уплату процентѣвъ за громадскій долгъ. Такимъ образомъ, многимъ

межи нашими сблинами выплачууть проценты самыи же собѣ. А то и затруднительно и безрочно. Потому мы сей долгъ розложимъ на всѣхъ, сообразно съ недостаткомъ каждого, такъ що кто богатшій, тому прійдется платити больше, а кто бѣднѣйшій, тому меньше. Такимъ образомъ каждый изъ насъ постепенно внесѣ долю долга, лежащего на нашей громадѣ. На чью долю прійдется платити, сколько ему задолжала громада, тотъ съ громадою розсчитается окончательно, громада не буде платити ему, а онъ самъ не буде платити процентовъ. На чью же долю прійдется платити въ счетъ загалнаго нашего долга меньше, чѣмъ сколько задолжала ему громада, тотъ, исключивши изъ своего требованія; сколько онъ самъ долженъ громадѣ, найъ возьме остальное изъ тѣхъ, которыи во время войны никакъ повинностей громадѣ не доставляли, и которыи потому или заплатитъ разомъ весь долгъ, или будутъ платити за него проценты по 4% отъ ста.

Такъ толковалъ Данило; не зарать поняли его всѣ, но увидѣвши, що при томъ никто своего не тернѣ, всѣ остались довольны, потому що богатныи, которыи громада наибольше задолжала, по роскладцѣ загалнаго долга по маеткаи, приходилось платити громадѣ больше отъ другихъ. Бѣдныи досталась уплата невелика, и каждому такая роскладка казалась справедливою, потому що оцѣнка маетки была сдѣлана совершенно добросовѣстно.

Въ слѣдующую Недѣлю, при сборѣ громады, Данило сказалъ имъ: „Намъ удалось, братья, перенести нашъ городскій долгъ въ другія руки за меньшии проценты, такъ що ежегодно Золотая Поляна буде платити только 110 золот. процентовъ. Но такъ явъ иному хозяину тяжело было бы внести тѣи проценты изъ своего маетки, то лучше было бы устроить такъ, чтобы никто изъ васъ не платилъ процентовъ изъ своего добра.“

Тогда засмѣялся народъ и всѣ сказали на то; „Се умныи рѣчи! такіи рѣчи иждѣ по сердцу!“ Данило продолжалъ: „Намъ принадлежатъ още великіи выгоды на дуги. Та земля лиха, избитая скотомъ; на ней росте немного старыхъ дубовъ. Каждый изъ васъ, еслибы земля та принадлежала ему, употребилъ бы ю съ болльшею пользою. Но кто же иждѣ теперь пользуется? Никто. Богатныи, имѣющыи много скота, который двомъ пасется на той землѣ, отъ ней только малый убытокъ. Ихъ коровы вертають вечеренъ доибы голоднѣйшии, чѣмъ вышши рано, а кроиъ того и весь навозъ ихъ пропадѣетъ для поля. Бѣдныи же, у которыхъ иждѣ коровъ, совсемъ не пользуются тою землею и оставляють ю богатныи. Справедливо ли то? Зачѣмъ же богатныи иждѣ болльше выгоды, чѣмъ бѣдныи, отъ всѣдней громадской земли? Не всѣ ли мы жители Золотой Поляны? Не всѣ ли мы однаково имѣемъ право на ту землю? Кто отдалъ ю богатныи? почему же они одни иждѣ пользуются? Если бы у бѣдныхъ былъ клочокъ той земли, и они могли посвятити на ней мѣверу или другой травы, то для овецъ было бы у нихъ въ-двое болльше

здорового корму, чѣмъ сколько они теперь имѣютъ. Потому мы предлагаемъ раздѣлити землю на равныя части межн всѣми, для того чтобы каждый могъ ею пользоваться по своему усмотрѣнію. Земля буде оставатися громадскою власностію. Всякій получить свою часть только въ аренду и не може ни продать, ни заложити, ни въ наследство передать другому, а по смерти владѣтеля часть его возвращается опять на громаду. Тогда громада выдаде ю тому изъ молодыхъ, который уже завелся своимъ хозяйствомъ, но не имѣе еще участка въ громадской земли; каждый буде платити щогодно за свою часть и тѣмъ будутъ уплачиватися проценты за громадскій долгъ. Такъ, видите ли, никому не прійдется уплачивать того процента изъ своей власности, и зъ той земли, которую взяли бытъ у громады.“

Коди Данило замолчалъ, то въ народѣ поднялся говоръ, споръ, пересуды, крикъ и шумъ, будто случилось якое великое преступленіе. — Богатыи селяне, которые до сихъ поръ одни пользовались для своего скота громадскими лугами, не хотѣли допустить раздѣла, и кричали, що то несправедливо, и грозили донести начальству.

Другиіи говорили: „Мы видимъ, въ чемъ дѣло: они хотять обогатити нищихъ, а честныхъ людей сдѣлати нищими. У кого скоть есть, тотъ и посылай его на паству: то издавна еще отъ отцѣвъ такъ ведется, и перемѣнити то мы не доустимъ.“

Но бѣльшинство селянъ; которые были небогаты и которые для сохраненія навоза кормили свой скоть при домѣ, взяли верхъ, и было положено раздѣлити землю.

Тогда отправились дѣлать туя громадскую землю по числу хозяйствъ, и кончивши раздѣлъ всѣхъ частей, розобрали по жеребью. Богатыи селяне поишли съ жалобами къ начальству и просили защиты отъ нарушенія ихъ правъ. Но начальство положило такое рѣшеніе:

„Громадская земля принадлежитъ селянамъ, а не коровамъ Золото-Полянскимъ, и потому каждый сохлянинъ имѣе право пользоваться своею частію, якъ хоче. А вы защищаете не стары права свои, а собственный своекорыстный давній обычай. Къ тому же вы и своей-то выгоды не понимаете. Потому всѣльщный выгонъ по громадскому рѣшенію буде раздѣлять на участки, а вы, безтолковыи, убирайтесь по доброму и ступайте съ миромъ домѣвъ.“ Богатыи селяне откланились за милостивое рѣшеніе, и повѣсивши носы, отправились домѣвъ. Тутъ пожаловали они о Миронѣ, который сидѣлъ въ смирательномъ домѣ.

— Що ни говори, а бытъ бытъ хорошій человекъ, толковали они: — бытъ держался за стары права и обычай, и при немъ того бы не случилось; а Данило якій-то нововодитель, богоотступникъ!

(Дальше буде.)

Пренумерація въ годъ
1 рр. 80 кр.,
со „Словомъ“ 10 рр.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
184. м.

Науково-белетрисничная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 26.

Львовъ 19. Октобрія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ПЕРВЫИ ПОБѢДЫ ГЕТМАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО У ЖОЛТЫХЪ-ВОДЪ И ПОДЪ КОРСУНЕМЪ.

Дня 18. Цвѣтна 1648 г. Богданъ Хмельницкій повернулъ изъ Крыма на Сѣчь, а Тугай-Бей съ своею ордою приосталъ у протока въ Днѣпрѣ близъ Сѣчи, съ тою цѣлю, абы ожидати тамъ условленнаго знака къ дальшому походу на Польшу. — Оживилась Запорожская Сѣчь за прибытіемъ Хмельницкого: пушкаръ ударили три разы изъ пушокъ, а добоши загремѣли въ котлы, созывая Запорожцѣвъ на великую раду. На майданѣ у Сѣчевой крѣпости собралось около 15.000 козацкаго народа, абы яко члены-товарищи участовати въ Запорожской радѣ. Середъ нихъ на возвышенномъ мѣстци стануль Кошевой Атаманъ wrazъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, изложилъ народу все кривды, терпимыи Украинцами отъ Поляковъ, и объявилъ, що Хмельницкій ѣздилъ въ Крымъ, що ханъ обѣтовалъ помагати козакамъ, и що орда Тугай-Бея стоить на-готовѣ близъ Сѣчи. — „Слава и честь Хмельницкому!“ воскликнуло собраніе: „Мы яко стадо безъ пастуха; най Хмельницкій буде нашимъ головою, а мы все, сколько насъ тутъ есть, все готовы итти на Ляховъ и помагати Хмельницкому до послѣднаго издыханія!“

Тогда Кошевой Атаманъ велѣлъ принести гетманскіи знамена: хоругвь съ серебрянымъ Архангеломъ Михаиломъ въ синѣмъ полѣ, бунчукъ съ золоченною головкою, позолоченную булаву съ дорогими камнями и серебряную войсковую печать. Старшины войска Запорожскаго въ присутствіи всего козацкаго товариства вручили Хмельницкому эти знамена, и оголосили его Гетманомъ всеи Украины по обоимъ сторонамъ Днѣпра. Хмельницкій принялъ знаки начальства, и такимъ образомъ сталъ законно выбраннымъ Гетманомъ козацкаго войска цѣлой Украины. — Послѣ рады Старшины Запорожья пойдши въ церковь; тамъ полковыми священниками соборно отправили Службу

Богу и благодарственный молебенъ, но чѣмъ данный былъ у Кошевого Атамана почестный обѣдъ во славу нового Гетмана.

Вечеромъ тогожь дня добопи вновь ударили въ котлы на раду. „Паны-молодцы!“ говорилъ собранію Кошевой: „урядили мы съ Гетманомъ Хмельницкимъ, що всѣмъ вамъ на войну идти не для-чого; въдай будутъ у насъ Татары, а реестровыи козаки зъ украинскихъ городѣвъ также до насъ пристануть. Такъ и постановили мы, шобы ишло съ Хмельницкимъ тѣлько 8000 мужа, а прочіи най остоятъ въ-запасъ на часъ будущій, всегда готовы до походу.“ Козаки признали такѣ постановленье справедливымъ, а Хмельницкій началъ сейчасъ устроить своихъ 8000 мужа Запорожцѣвъ. — На другій день Татары, стоявшіи у протоковъ Днѣпра, привели до Хмельницкого 9 пойманныхъ людей, которы всѣмъ показались подозранными. Люде тіи сказали на допрось, що коронный Гетманъ Потоцкій послалъ дорогою къ Сьчи противъ Хмельницкого два отряды своего войска: одинъ водою, другій сухопутьемъ. На туу вѣсть Хмельницкій двинулся въ походы, повелъ за собою и плыничковъ, прикованныхъ до пушокъ, понеже уважалъ ихъ лядскими шпигунами.

А оно-жь и по-правдѣ такѣ было, якъ говорили пойманныя Татарами люде. Коронный бо Гетманъ панъ Николай Потоцкій еще въ началъ Цвѣтя тогожь 1648 года созвалъ панѣвъ-пляхту до Черкасъ на военную раду, и тутъ-то старшій Ляхи постановили таме: абы головную силу лядкого войска, состоящую зъ 30.000 мужа, собрать въ Корсуню, а противъ Хмельницкого на Сьчъ выслати два отряды — каждый по 6000 мужа: одинъ на лодяхъ Днѣпромъ, другій сухимъ путемъ вдоль береговъ Днѣпра. Первый изъ сихъ отрядѣвъ складался зъ самыхъ реестровыхъ козаковъ, и начальство надъ нимъ поручили Ляхи полкованику Барабану, которого за его вѣрность для Польши нарекли уже навѣтъ Гетманомъ. Другій отрядъ состоялъ изъ 4000 мужа доборной лядкой конницы а зъ 2000 такъ званыхъ нѣмецкихъ драгунѣвъ, которы однакомъ лише платье имѣли нѣмецке, а по роду и варѣ всѣ были люде русскіи. Начальство надъ тѣмъ вторымъ отрядомъ псѣврилъ панъ коронный Гетманъ улюбленному сыну своему, Стевану Потоцкому, говоря къ нему при той способности съ панскою гордостію слѣдующія слова: „Пройди степы и лѣсы, зруйнауй бунтовную Сьчъ до-глы и приведи начальниковъ русскаго хлопства на праведную казнь!“ — Передъ выправленьемъ обоухъ отрядѣвъ въ походы Ляхи, недовѣряя людемъ русскимъ, приказали такъ реестровыхъ козакамъ яко и драгунамъ — всѣмъ поособно — складати присягу на вѣрность коронѣ польской, хотя такую присягу каждый изъ тѣхъ воиновъ складалъ уже разъ при вступленіи въ коронную службу. Кроме того во

всѣхъ русскихъ полкахъ поставлены были Старшинами самыя Ляхи шляхетного роду, на которыхъ можь было спуститися, що справы не здрадятъ, а найвысшу военную власть надъ обома отрядами передано сойирвому комисарю, пану Шембергу, досвѣдченному воину съ нѣмецкимъ именемъ, но на-скрѣзь съ душою ляцкою. Въ польскомъ отрядѣ находилось къ тому богато пановъ зъ найзнакомѣтшихъ родинъ державы, яко межъ прочими князь Янъ Сапѣга и молодой Стефанъ Чернецкій, которыхъ уважано нѣяко будущими Гетманами и головными начальниками короны польской. Для захороны такъ именитого панства отъ возможной бѣды и недостатка отправлено съ польскимъ отрядомъ 12 наибольшихъ пушокъ и множество огромныхъ возовъ, наладованныхъ всякими роскошными стравами, запасами военными и пышными одѣвьями, служащими такъ для выгоды якъ и для украсы панского тѣла.

Противъ оныхъ-то двохъ войсковыхъ отрядовъ, высланныхъ паномъ короннымъ Гетманомъ на зруйнованье Сѣчи, поднялся Богданъ Хмельницкій изъ тойже Сѣчи съ 8000 мужа на дню 22. Цвѣтня. Знаючи уже отъ перехваченныхъ воиновъ ляцкихъ о силахъ и подвойномъ шлаху непріятеля, онъ сбѣйшолъ крѣпость Кудакъ въ такій способъ, що не далъ польскимъ отрядамъ соединитися съ залогою Кудакскою, а загородилъ имъ дорогу туда при потоку Жолты-Воды, такъ названномъ отъ гнилой земли и текущомъ съ рѣкою Тясминомъ ко Днѣпру. За Хмельницкимъ слѣдовалъ повольно Тугай-Бей съ своею 4-тысячною ордою. Козаки станули при Жолтыхъ-Водахъ таборомъ и укрѣпились на козацкій ладъ четырма стѣнами изъ возовъ.

Въ первыхъ дняхъ мѣсяца Мая прибылъ польскій отрядъ сухопутемъ къ Жолтымъ-Водамъ. Перешедши потокъ, панъ Потоцкій велѣлъ остановитися своимъ полкамъ въ такомъ мѣстци, що враждебныя войска могли видѣти одно другое. Ляшня ожидала, що козаки сейчасъ-же кинутся въ битву; но не кинулись они съ дикимъ крикомъ на ворововъ, якъ думали паны; стройно и тихо стояли они въ четырехугольнику, готовы торжественно принять недобрыхъ гостей; никто не вызывалъ на борьбу ни выстрѣломъ, ни насмѣшкою, якъ то звычайно дѣлали Запорожцы. Такое спокойствіе возбудило въ Ляхахъ тѣмъ бѣльшій пострахъ. „Чейже Хмельницкого нѣтъ въ таборѣ; чейже готовить онъ где-нибудь засаду или собирае сильнѣйшее войско!“ говорили Поляки, и съ нетерпѣньемъ выжидали отъ Днѣпра отрядъ Барабаша.

А Хмельницкого таки справдѣ не было тогда въ таборѣ; онъ не наступалъ на пановъ для того, що дѣйствовалъ противъ нихъ иначе. Еще до прибытія своего къ Жолтымъ-Водамъ онъ розставилъ по-надъ Днѣпромъ на стражъ Запорожцѣвъ и Татаръ, и приказалъ имъ вѣйти въ переговоры съ тѣми козаками, которые будутъ плыти съ Ба-

*

рабашемъ. Случилось же таке, що одинъ байдакъ (велика козацкая лодь) опередилъ прочіи, и на томъ байдаку власне сидѣлъ съ своими козаками пріятель Хмельницкого, полковникъ Кречовскій. Онъ урадовался, коли узналъ, що Хмельницкій недалеко. Козаки, бывши съ нимъ, показовали охоту пристати до Запорожцѣвъ, однако желали конечно повидатись съ самымъ Хмельницкимъ. Хмельницкій, якъ скоро ему донесли о томъ, оставилъ свѣій таборъ, и поспѣшилъ къ Днѣпровому берегу. Кречовскій и его козаки привитали Хмельницкого радостными восклицаніями: „Даемъ тобъ козацкое слово: всъ пѣйдежъ войною на Полякѣвъ, та еще наклонимъ всѣхъ за нами плывущихъ козакавъ, щобъ соединилися съ тобою; а присяга Польщъ намъ — не присяга, бо до ней насильно принудилъ насъ коронный Гетманъ.“

Вскорѣ потомъ стали доплывати къ берегу и другіи козацкіи сотнѣ. Хмельницкій встремилъ на березѣ Днѣпра бѣлую хоругвь съ надписію: „Миръ христіянству!“ и выступивши на-встрѣчу братіи въ-передъ, промовилъ громкимъ голосомъ: „Братія, рыцари-молодцы! да буде вамъ вѣдомо, що мы взяли за сабѣ не для одной славы ни для добычи, а идемъ на Ляхѣвъ за вѣру, за козацество и за весь народъ русскій. Вѣдай всъ народы обороняютъ жизнь свою и свободу противъ лукавыхъ гонителей; звѣры и птицъ тоежъ самѣ дѣлаютъ, яко на то Богъ далъ имъ зубы и когти. То якъ-же? вы будете проливати кровь вашей рѣдной братіи? Вы схочете оставатись невольниками во власной своей земли? Ляхи отняли у насъ честь, свободу, вѣру — а все то въ нагороду за се, що мы проливали кровь свою русскую, обороняя и разширяя польское ихъ королевство! Чей не васъ то они называютъ хлопами? Чей не они замучили Гетманѣвъ нашихъ и Старшивѣ козацкихъ, которы посмѣли стояти за права рѣдной Украины? Несчастливы сіи мученики: нашъ Наливайко, Лобода, Павлюкъ, Суржило, Острианиця — они просятъ васъ отмстити за себе и за всю русскую землю! Таже одна мати Украина всѣхъ насъ породила — затѣмъ чи лучше вамъ стояти за костѣлами, чи за церквами Божиими? чи будете помагати польской коронѣ, що заплатила вамъ неволею, чи скорше матери свѣей Украинѣ?“...

Не дали козаки докончити рѣчь Хмельницкому, а всъ въ одинъ голосъ воскликнули: „Не дожемъ того сорому, чтобы стали мы помагати клятмъ врагамъ противъ своей братіи!“ И въ тойже хвилѣ на всѣхъ байдакахъ выбухнулъ огонь ярости и гнѣва, и у всѣхъ 6000 мужа реестровыхъ козакавъ сталъ одинъ умъ, одно сердце. Одѣтый по жмецки одинъ полкъ русской пѣхоты первый кинулъ въ Днѣперъ яцкіи прапоры; въ-слѣдъ за нимъ реестровыи козаки рвали, доптали свои хоругви съ польскими гербами, яко знаки рабства своего

и малодушія. Вразъ-же съ тьмъ на всьхъ байдакахъ загремьлъ осликъ: „Бити измѣнникѡвъ! кидати въ Днѣперъ Ляхѡвъ и недолашкѡвъ!“ И за симъ окликомъ восторженными козаки кинулись на своихъ Старшинъ, рубали шляхтичей и кидали ихъ въ воду. — А Барабашъ въ то время спалъ подъ камышемъ (наметомъ изъ тростины) на лодцѣ; громкіи крики пробудили его; бнѣ увидѣлъ около себе грозныи лица и саблѣ, и спохватилъ за мечъ. „Отъ-се бнѣ, предатель! отъ-се бнѣ, врагъ церкви русской!“ кричали козаки. Мечъ выпалъ изъ рукъ Барабаша; бнѣ началъ просити пощады; но розъяренными козаки не слушали его моленій, напоминали ему о зрадѣ, о жестокихъ казняхъ, пополненныхъ въ угодность Ляхажъ надъ ихъ собратіями, и наконецъ одинъ козакъ, крещеный Татаринъ Ниципъ Джебжалыкъ, прокололъ его списомъ и кинулъ въ воду. Тогда воскликнули козаки: „Погибъ нечестивецъ, да погибне и память его съ шумомъ!“

Се радостное событіе случилось вечеромъ 3. русскаго Мая, а на другій день рано всѣ реестровыи полки съ торжественными восклицаніями проѣзжали отъ Днѣпра въ таборъ Запорожцѣвъ къ Жолтымъ-Водамъ. Перезздъ той совершался въ виду Полякѡвъ, которые узрѣвши изъ далека облаки пыли и догадуючись, що се ѣде къ нимъ съ реестровыми козаками другъ ихъ Барабашъ, подняли радостный крикъ, говоря промежъ собою: „Теперь уже ничего не стоитъ намъ побѣда; враги будутъ розбиты, и мы приведемъ къ пану Гетману коронному самого Хмельницкаго!“ — Но въ одну хвилию все измѣнилось: Барабашѣвца завернули въ таборъ братнихъ Запорожцѣвъ, а тогда Поляки — одни ледви вѣрили очамъ своимъ, другіи сыпали проклятія, третьи упали духомъ. Лише драгуны, бывшіи въ отрядѣ Потоцкаго, ніякъ не оказывали затревоженья, а напротивъ, весело поговоривали другъ съ другомъ, що и они люде русскіи.

Видячи себе въ великомъ небезпеченствѣ, Ляхи постановили чымъ-скорѣйше окопаться у Жолтыхъ-Водъ укрѣпленнымъ таборомъ, и якъ-стѡій послали гонца въ Черкассы до короннаго Гетмана съ возваньемъ о помѡчѣ. А межъ тьмъ сами они распочали пальбу на козацкій таборъ, желая показати тьмъ, що будьто у нихъ сила еще велика и що ніякъ они не стратили духа. — Однакожъ Хмельницкій зналъ уже докладно отчаинное положеніе Ляхѡвъ, и былъ бы бнѣ сейже-часъ розгромилъ ихъ на голову, а тѡлько ишло ему еще о 2000 русскихъ драгунѡвъ, которыхъ радъ былъ конечно безвредными спасти для себе. Зъ той причины велѣлъ онъ на пальбу Ляхѡвъ отвѣдати дуже слабо, но за то препоручилъ Татарамъ и колькомъ полкамъ Запорожцѣвъ потайными дорогами окружити таборъ ляхкій доколѣсенька такъ, чтобы и душа зъ него не ускользнула. Слабая перестрѣлка отъ козацкаго та-

бора ободрила панбв-Ляхбв; имъ здавалось, що козаки боятсь ихъ, и затвмъ опять возродилась у нихъ надья на побвду и на уничтоженье „хлопбв-бунтовникбв.“

Въ слвдующій день (5. Мая) Поляки бодро и смвло рспочали нападати на козацкій таборъ. Потоцкій приказаль выходить короннымъ войскамъ и драгунамъ въ поле, препоручая имъ не щадити никого зъ козакбв, а тблько одного Хмельницкого зловити живцемъ въ руки. — Но въ козацкомъ таборъ уже не сидли тихо, якъ вчера; играли на трубахъ, били въ котлы, воины строились въ ряды, а Хмельницкій, выхавши на бълмъ кони передъ войско, говорилъ имъ такъ: „Рыцари-молодцъ, славныи козаки Запорожцъ! Прийшомъ теперь часъ за вру русску и за Украину постояти грудю. Сатъ Богъ вамъ допостояти! Стбйте смвло противъ гордой ляцкой силы; бо чокогожъ вамъ боятсь? Чи може тхъ курячихъ пвръ на шапкахъ павскихъ; або тигровыхъ шкбръ на грудяхъ ляцкихъ? Та вдай батьки наши были ихъ на голову, а вы сыны тхъ-же могущихъ предкбв нашихъ, у которыхъ груди и лобы были тверды русскіи. Покажть-же свое завзяте, добудьте славы и рыцарства вчного. Кто за Бога, за того Богъ!“ — Послв той промовы Хмельницкого козаки огнисто вырвались изъ табора, перейшли воду и кинулись на Ляхбв съ оглушающимъ крикомъ. Потоцкій двигнулъ на нихъ и коронныи полки и драгунобв, надъючись однимъ смвлымъ ударомъ розбити переважнующую силу Запорожцбв. Уже пушки его загремвли, — но на-разъ роздается изъ-заду крикъ татарскій: „Алла!“ и являютсь изъ-далека бисурмане.

Не успли Ляхи опамятатись отъ татарского крику, коли на-разъ поражае ихъ новая бвда: драгуны, выведенныи противъ своихъ братьей, отдвляются отъ коронныхъ полкбв, и съ торжественнымъ восклицкомъ: „Урра! до Батька Хмельницкого!“ вырываютсь въ поле и лучатсь съ Запорожцами. Тогда переполохъ Ляхбв достигъ найвысшой крайности. Опушенныи отъ своихъ раббв, крвккихъ русскихъ воинбв, на которыхъ силу они въ-своей извжженности наибольше полагали, окруженныи до того непрятелемъ, которого полки въ теченіи двохъ дней на самомъ-же боевищи таки подвоились, саракі-Ляхи, числомъ всего лишь 4000 мужа, попали въ первой хвилі мовь-бы въ отчаянное одурвнїе: стояли зъ-перва въ мертвой тишині на мвстцй якъ-бы вкопаны, а потомъ съ воплемъ бжшенного перестраха кинулись бжжати на зломи-голову. Лишь съ великимъ трудомъ удалось наконецъ молодымъ полководцямъ, хороброму Чернецкому и Потоцкому, возстановити якій-такій ладъ въ цълковито розстроенныхъ рядахъ коронныхъ, та они-жъ то и привели еще братію-шляхту на-стблько до опамятанья, що всъ постановили погибати съ оружіемъ въ рукахъ на поли битвы.

И въ самомъ дѣлѣ на другій день (6 Мая) битва рѣшительно началась. Козаки отъ всѣхъ сторонъ ударили на ляцкій таборъ, и безъ труда врываясь въ середину, кололи Ляховъ списами, рвали саблями. Шляхта и коронныя жолнѣры боролись отчаянно до 5. годины пополудни; но потѣмъ пошелъ дождь; порохъ отсырѣлъ; изнуренныя отъ безпрестанной работы жолнѣры едва могли дѣйствовать руками. Еще была надежда на помощь отъ короннаго Гетмана, но вскорѣ и та изчезла. Козаки, обступивши доколясенка таборъ, показавали Ляхамъ письмо, перехваченное у нихъ гондя, потышались надъ врагами, дразнили ихъ въ дикой радости и приглашали отдатися „на ласку хлопамъ.“ Тѣмъ выходки придавали Полякамъ еще болѣе отчаянія; имъ уже представлялась голодная смерть въ пустынь, — но къ удивленію всѣхъ внезапно подъ польскими окопы самъ Хмельницкій, безстрашно приближается къ нимъ и кричитъ голосомъ, гремучимъ на всю окрестность: „Не губить себе выдарию, панове! Победа въ моихъ рукахъ, но я не жажду вашей крови. — мнѣ потреба лише вашихъ пушокъ. Отдайте намъ всѣ пушки, якіи съ собою маєте, а мы позволимъ вамъ идти спокойно въ вашу Польшу. Роздумайте надъ моимъ условіемъ, и дайте мнѣ отвѣтъ завтра до полудня.“

Послѣ той короткой, но въ такую пору многозначительной промовы Гетмана Хмельницкаго въ Ляховъ вступилъ знову духъ и возродилась надежда на спасеніе отъ неминуемой гибели. Увзвѣвшись, що имъ легко приходится откупити свою дорогую жизнь 12-ми пушками, она на другій день еще ранѣе послала тѣмже пушки въ таборъ Хмельницкаго, и въ сей-же часъ одержали дозволенье свободно выйти изъ своего табора. Тогда она еще не предвидѣла, що Хмельницкій рѣшилъ ужити на нихъ власного ихъ оружія, т. е. постановилъ за зраду ащукъ отлатити тожѣ зрадою. — Затѣмъ Ляхи, освобождены отъ козацкой осады, двинулись отъ Жолтыхъ-Водъ, и поспышнымъ ходомъ ушли тогожь дня 3 миль, а въ само полудне остановились у крутого яра, покритого льсомъ и называемаго Княжи ми Байраками. Шо-ниѣ расположились они на томъ мѣстци, коли на-разъ затѣмнѣла вѣбсклонъ хмарамъ пылу, а вскорѣ воздухъ наполнился дикимъ крикомъ; се былъ Тугай-Бей съ своею ордою. Не уважая на договоръ Ляховъ съ козаками, Татарѣ канулись на анскій обовъ; стрѣлы ихъ тучами полетѣли въ лице шляхтъ, пробивали на-скрѣзь и калчили людей и коней. Ляхи стали бѣжати, однакожь попали въ крутой яръ и не могли здѣлати ни кроку. Дорога шла черезъ байраки, покрытыя густымъ льсомъ; тутъ козаки, забѣжавши въ-передъ, порыли землю, на-кидали деревъ и камньа, и такъ здѣлали байракъ непроходимымъ. Звернути въ сторону было невозможно: конь падали, возы погружались

въ илстой земли и все панскіи пожитки изъ нихъ сыпались въ болото. Тугай-Бей побралъ у козаковъ пушки, и тогда начали Татары падати въ Ляховъ изъ власныхъ ихъ-же орудій.

Тутъ-то прійшлося Аминь оказати душамъ лядскимъ! Около 4000 мужа, загнанныи въ такую засаду, где не могли они боронитись саблями, поклади годову на Княжихъ Байракахъ, а только малое число пановъ спасло грѣшную жизнь на то одно, чтобы попасти въ соромѣишую надъ все татарскую неволю. Молодой Стефанъ Потоцкій, полумертвый, весь обліянный кровію, поднятый былъ изъ болота Запорожци, которы повиваючи его плахтами, поговоривали жартомъ: „Бланный пане Стефане! не попадъ небоже — на Запороже, а поховалъ свою шляхту — на болотахъ въ пяхту!“ Небога-Ляхъ той скончался на другій день отъ ранъ середъ тяжкихъ стонбъ. — Кроме пана Потоцкого еще живыми въ неволю достались панове Сапѣга, Чернецкій, Шембергъ и Иванъ Выговскій, который одинъ изъ-середъ прочихъ разыскалъ потомъ довѣріе Хмельницкого и сталъ писаремъ въ козацкомъ войску.

Всѣхъ оныхъ пльниківъ зъ-подъ Княжихъ Байраковъ отправлено въ Чигиринъ, который тогда-же поддался и былъ занятъ козаками. Хмельницкій приказалъ содержати ихъ подъ присмотромъ до дальшого рѣшенія рады, а впрочемъ велель обходитись съ ними по людски и лѣчити раннхъ. Проводячи тѣхъ пльниківъ въ Чигиринъ, козаки подтрунили надъ ними: „Отъ-се вамъ, панове, за тее, що не хотѣли съ козаками-молодцами у миръ жити! Лучши вамъ были жида-збойць, нежь Запорожць-молодць, а теперъ за се покушгуйте татарской юшки.“ — А про Жолто-Водскую битву народъ козацкій зложилъ славную псню, котора на Украинѣ еще и до-нынѣ живцемъ доховалася и въ которой межъ прочими таке спѣвается: „Отъ Жолтыхъ-Водъ до Княжихъ Байраковъ зеленое поле зрабилося не весенними цвѣтами, а панскими тѣлами; лежали паны, выщеривши зубы, и зли ихъ собаки та сарыи волки. Не по одному Ляху осталася вдовица, не по одному заплакали дѣти-сироты. Высыпался хмель изъ ишка, надѣлалъ бѣды панамъ Лядшьякамъ; напились они жолтой водиць, та видно, хмелью много было запровлено: не устояли паны на ногахъ, коли отъ той водиць бѣжати пустилися. Слава най буде Хмельови-Хмельницкому, що помстилъ изъ Ляхахъ кривды русского народа и освободилъ рѣдну матеръ-Украину отъ тяжкого ярма, отъ неволь лядской!“ — Такъ прославилъ русский народъ первую побѣду Гегмана Хмельницкого надъ Поляками.

(Дальше буде.)

ДЪЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ послѣ Чокого.

(Продолженіе.)

24. Еще уплата долговъ.

Уже въ слѣдующую весну было дѣятельное движеніе на ярмаркѣ купеческомъ громадскаго выгона. Тамъ, гдѣ бывало ходили одиноки коровы, пощипывая тошную, низкую траву, цвѣль теперь якъ будто цѣлый садъ. Тутъ были и бобы, и хань, и конопля, и горохъ, и ленъ, и кануста, и бульба, и клеверъ, и все то въ пріятномъ разнообразіи. Всякому легко было сосчитать, что былъ урожай на своемъ участкѣ не только уплатить проценты, но еще буде имѣти великій выкупъ. Даже богатые селяне, коли взялись за умъ, что имъ же всегда удается, поняли отъ того свою пользу, потому что они вытрани въ кормъ для скота, въ лишнюю волоку, навозъ и сверхъ того чистыя гроши. Еслибъ сдѣлали не-ихнему, то каждый долженъ былъ бы платити проценты громадскаго долга изъ своей власной ишени, межи тѣмъ якъ теперь каждый уплачивалъ свои проценты изъ своего участка. Но Данило все еще не былъ совсемъ доволенъ. Не даромъ же онъ ходилъ столько дней по лѣсамъ. Онъ поехалъ въ сусѣдномъ городѣ старшаго лѣсничого, дуже смышленого въ своемъ дѣлѣ, водилъ его по всемъ закоулкамъ Золото-Полянскаго лѣса и спрашивалъ о всемъ его совѣта. Данило опять что-то замышлялъ, но никто не зналъ, что именно.

А богатые селяне толковали:

„Мы знаемъ: онъ опять до насъ добираться!“ Но на тотъ разъ они ошибались.

Съ любопытствомъ собрался весь народъ, коли его обвѣстили выслушати новое предложеніе. Данило опять вышелъ впередъ и громкимъ голосомъ сказалъ:

„Отъ що я скажу вамъ, братья: тотъ, у кого нѣтъ долговъ, всѣмъ пріятенъ; въ намонъ селѣ есть еще долги, и мы платимъ за нихъ проценты изъ земли, которою пользуемся. А вѣдь было бы лучше, коли бы власти того, чтобы платити, каждый изъ насъ откладывалъ тѣ гроши въ свою власную ишени. Ну хоть бы лѣтъ десять, а навѣтъ и больше, — то бы насъ всѣхъ порадовало.“

Народъ смеялся и отвѣчалъ: „Данило хорошо говоритъ; такіе рѣчи намъ любѣ слушати!“ Данило продолжалъ: „Я и почтенные мои товарищи беремъ и ручаемся уплатити весь громадскій долгъ такъ, чтобы вамъ те и копѣйки не стоило, только если вы согласитесь принять слѣдующія три предложенія.“

— Ага! закричали богатые селяне, — тутъ-то и дойде дѣло до насъ!

— Выслушайте мене, продолжалъ Данило, и подумайте, справедливо ли я говорю или нѣтъ. У насъ въ Золотой Полянѣ считается около ста хѣтъ?

— Точно такъ, отвѣчали селяне.

— На каждую хату щорочно отлуснается по четыре сажни дровъ, кроме хворосту изъ громадскаго лѣса?

— Точно такъ, отвѣчали селяне.

— Четыре сажни дровъ потребно на каждую хату, продолжалъ Данило, — иными поббльше, а иными и поменьше, именно тѣми, которыми пользуются вспомоною кухнею. Но все бы могли довольствоватися и меньшими количествомъ, еслибы не выходило у нихъ щорочно много дровъ на печенье хлѣба и на мытье бѣлья. Подумайте, коли на одной неделе въ двѣдцати хозяйствахъ пекутъ хлѣбъ или старають бѣлье, то сколько дровъ тратится во всѣхъ хозяйствахъ разомъ.

— То правда, но не можно же намъ жить безъ хлѣба и ходити въ трианонъ бѣлью! заговорили селяне.

Данило продолжалъ: „Есть много селъ, селяне которыхъ хотя далеко богатыи отъ насъ, однако же больше рочетливы, чѣмъ мы, и лучше насъ управляютъ хозяйствомъ. Есть села, у которыхъ есть столько лѣсу, какъ у насъ, а все-таки имъ достаетъ не только для своего употребленія, но и для продажи. Какъ же они то дѣлають? Такъ только родитъ разомъ имѣють бѣду иная печь для печенья. Туда щонедѣльно каждый по-очередно несетъ свое тѣсто, и такъ лѣсъ печь никогда не остываетъ, то и не требуется много топлати кѣ. Отъ шо значить рочетливы госнодарати! Отъ чего бы не здѣлати такъ же и у насъ? Отъ чего мы давно того не здѣлали? Отъ того, шо мы или не хотѣли, или не умѣли здѣлати для себе добро. А вы подумайте только, какъ легко може произойти пожаръ отъ того, шо въ каждой хатѣ особно пекутъ хлѣбъ. Подумайте, сколько бы дровъ мы сберегли, если бы завели у себе въ хатахъ маленькии печи, которыи бы требовали немногo дровъ, вместо тѣхъ огромныхъ, которыи мы должни имѣти для печенья хлѣбовъ. А имѣти дрова значить платити гроши.“

Учущи то, селяне печесали затылки; но Данило продолжалъ: „Отъ, въ другихъ селахъ давно уже устроены вспомоныи пращарни, которыи каждая родина по-очередно пользуется, а шо на-впередъ запасуется. Черезъ те они и дрова сберегаютъ, да и отъ пожара больше безопасны. Я видѣлъ то, и мнѣ дуже подобалось. Та и зачѣмъ бы каждому госнодарству стирати свое бѣлье у себе на дому? Отъ настоящего топленья для печенья или для стирки бѣлья самий печи наши скорше требуютъ исправки. Все то стоить гроша. Если бы у насъ была вспомоная пращарня и была бы одна печь для печенья хлѣбовъ у некоторыхъ родитъ разомъ, то се бы обходилось далеко таньше. И потому, братья, мы предлагаемъ завести вспомоною печь для печенья хлѣбовъ и построити вспомоною пращарню, какъ въ другихъ селахъ. Первый расходъ потому будутъ въ вспомоной громадней суммы, а мы сами будемъ все полагати работою. Шо вы на то скажете?“

Розлично думали селяне и межи собою не выходились. Один хотѣли оставити все по старому, но многіи находили, що хорошо было бы имѣти всѣобщую прачкарню. Но всѣобщой печи для хлѣбѣвъ они не хотѣли, потому що не могли понять, шо то такое. Были впрочемъ и такіи, которые соглашались завести и печи. Коли же послѣ долгихъ спорѣвъ стали собирати гозосы, то вышло, що большинство оказалось въ пользу прачкарни и въ пользу печи. Тогда Данило сказалъ съ радостнымъ лицемъ: „Хорошо, братья, наше рѣшеніе дѣлае вамъ честь и принесе корысть! Теперь отъ еще послѣднее предложеніе. Такъ якъ вамъ понадобится на будущее время дровъ меньше, то и выхѣднати ихъ буде у васъ меньше. Сбереженны дрова мы оберемъ въ гроши и тѣмъ грошии уплатимъ громадскій долгъ. Послушайте и рѣчь самы.“

„Если каждая родина, теперь получающая въ годъ, кромѣ хвороста, чѣтыре сажни дровъ, буде довольствоватися тремя сажнями, то отъ ста родинъ сбережется такимъ образомъ въ годъ сто сажень дровъ. Въ нашей сторонѣ сажень дровъ стоить 3 золот., потому въ годъ мы получимъ 300 золот., а въ 10 мы сбережемъ 3000 золот. и уплатимъ нашъ долгъ. Слушайте дальше: у насъ 100 десятинъ громадского лѣсу. Зъ тѣхъ поръ, якъ начальство запретило гоняти скоть въ лѣсу, онъ съ каждымъ годомъ улучшается. Я ходилъ по лѣсу съ лѣсничимъ; онъ сказалъ, що каждая десятина приноситъ въ годъ около ста сажни дровъ: дальше онъ додалъ, шо ольху, ясень, кленъ, березу слѣдуетъ оставити рости 30 лѣтъ, а твердое дерево, якъ-то: дубы, ели, сосны, должны рости 70, 100 и больше лѣтъ. И такъ мы должны роздѣляти вѣлкій лѣсъ на 30 частей, а твердый на сто и больше. Коли же ежегодно станемъ вырубывати одну только часть, то у насъ стане всегда довольно дровъ на каждый годъ, и будемъ мы вырубывати ни больше ни меньше, чѣмъ слѣдуетъ. И самы мы, и дѣти наши будутъ черезъ то пользоваться старымъ, созрѣвшимъ лѣсомъ. Лѣсничій еще сказывалъ, шо въ еловомъ лѣсу есть такіи старыи дерева, шо они скоро начнутъ сохнути и пропадати, и потому ихъ и нужно скорѣе вырубывати. За сто лѣтъ тамъ буде опять хорошій лѣсъ для нашихъ дѣтей. Если мы станемъ ежегодно сберегати сто сажень дровъ, то въ десять лѣтъ сбережемъ тысячу; такъ нашъ совѣтъ: вмѣсто того, шобы ждати, коли пройдутъ десять лѣтъ, вырубывати теперь тысячу сажень дровъ, продати ихъ и уплатити тѣмъ грошии громадскій долгъ. Черезъ то мы сбережемъ проценты въ кибени и въ продолженіи 10 лѣтъ каждый изъ насъ буде обходитися вмѣсто слѣдующихъ намъ 4-хъ сажень тремя сажнями дровъ и хворостомъ.“

Учувши то предложеніе, селяне опять заспорили и закричали. Большой части изъ нихъ не хотѣлось платити проценты, но и отказатися отъ сажни дровъ не хотѣлось. Спорили до ночи и разошлись, не подѣливши вѣлково рѣшенія.

25. Все иде лучше.

Розумныи и благомыслици люди села говорили, покачивая головою:

„Сбереженіе дровъ съ тѣмъ упрямымъ народомъ николи не удастся.“ Но Данило посмѣхался и отвѣчалъ: „Пождѣте только, хорошее дѣло требуетъ времени. Най народъ сперва перетолкуе и наговорится въ волю, покула не роскусить всего. Не въ одинъ же день построилась Золотая Поляна; наши селяне, коли имъ предлагаютъ полезное новое учрежденіе, дичатся его, якъ дичатся дѣти передъ незнакомымъ челоувкомъ. Они сперва съ крикомъ и страхомъ бѣгутъ отъ него прочь; потомъ поглядываютъ на него изъ далека, подходящи еще поближе, коли увѣрятся, що онъ не кусается; а потомъ и начинаютъ играть съ нимъ, якъ со старымъ знакомымъ.“

Межъ тѣмъ дѣлались распорядженія для постройки прачкарниц и вспольныхъ печей; рубали дѣсь, возили цеглу, камень, черепицу; работали вся громадою. Родины, которыи зговорились имѣти вспольную печь, сходились вразъ, толковали о томъ, якъ очередоватися и выбирали для печи самое удобное и безопасное мѣстце. Данило призвалъ искусного печника, который умѣлъ отдѣлочно класти печи. Самъ Данило посѣтилъ многія села, щобъ изучити подобныи заведенія и лучшии примѣнити къ Золотой Полянѣ. Къ осени прачкарниа и печи были готовы и открыты къ удовольствію всѣхъ. Тутъ-то увидѣли люди, сколько дровъ при томъ сберается и сколько безопасности отъ пожара.

Только бы начали, а тамъ дѣло само собою пойдѣ. Многіи и сами пришли къ мысли, що неуклюжіи печи вовсе не такъ нужны, якъ прежде. Можно было имѣти маленькіи, которыи дуже теплы и требуютъ немного дровъ. У Данила и у Отца Григоріа были уже такіи маленькіи печи, въ которыхъ можно было и приготовить стравы. И въ городѣ всюда были такіи Прейжій старшина Маровъ тоже устроилъ у себе такіи же печи, чтобы все было по городскому. Се было и выгодно: сберегаемыи дрова можно было продавати и получить за нихъ гроши. Вся вспомнили при томъ слова Данила: палити дрова значитъ палити гроши. Только боялись расхода на перемѣну печей; но многіи изъ 32-хъ давнѣшнихъ единомышленниковъ Данила, на которыхъ онъ имѣлъ великое вліяніе, по совѣту его передѣлали печи свои еще въ ту-же осень, тѣмъ больше, що онъ позмычилъ гроши нуждающимся.

Опытный печникъ изъ города устроивалъ все то дешево и просто. И надобно было видѣти, якъ сусѣды и сусѣдки приходили изъ всѣхъ угловъ села, смотрѣти на новоустроенныи печи, будто на заморскихъ звѣрей. Всѣ смѣялись надъ печами и не ждали отъ нихъ ніякого добра. Коли же пріишла зима со стужою и метелями, люди дуже дивились, видѣчи, що маленькіи печки такъ хорошо нагрѣвають. Коли же весною тѣи, у кого были заведены такіи печи, стали продавати сбереженныи ими дрова, то и прочимъ селянамъ дѣло то показалось не дурнымъ. Старыи огромныи печи потеряли своихъ защитниковъ,

и наконецъ каждый захотѣлъ имѣти у себе въ домѣ маленькую печь. Многіи, видячи якъ сложены печи у другихъ, сами дуже искусно складывали ихъ у себе, даже съ рѣзными затѣями и улучшениями.

Всюю ътъ дома къ дому ходилъ поборщикъ податковъ и говорилъ: „Давайте грошей; треба платити проценты громадского долгу за землю, которую вы пользуетесь!“

Всѣмъ не весело было выдавати разомъ звышь по два зол., Богъ знае за що.

Нынѣ ворчали: — „Уже тѣ намъ громадскіи долги!“

Другіи побѣжали къ Данилу и говорили: „Старшина, що-жь ты замолчалъ и не говоришь о томъ, якъ разомъ заплатити громадскій долгъ дровами изъ лѣсу; вѣдь то бы не лихо было.“ — Данило тѣлько того и ждалъ, и коли громада собралася, онъ сказалъ селанамъ:

„Всѣ вы согласны въ томъ, що треба уплатити долгъ. Но никто не хоче отказатися отъ одного сажня дровъ на свою долю. Согласѣтся же брати поль сажня меньше щорочно. Такъ буде легче, чѣмъ обходитися безъ цѣлого сажня. Каждый годъ вмѣсто четырехъ берите три съ половиною сажня, поки у насъ опять не буде въ лѣсѣ дозволено дровъ, — тогда въ два, три лѣта весь долгъ уплатится.“

Опять поднялся ропотъ на то предложеніе, но на сей разъ оно было принято. И коли начальство не тѣлько его одобрило, но даже и похвалило; то сейчасъ была объявлена повсюду продажа дровъ. Пріѣхало зо всѣхъ сторонъ много покупателей, и другъ передъ другомъ набавляли цѣны. Въ присутствіи и подъ руководствомъ лѣсничого зрубали старый лѣсъ, а въ нѣкоихъ мѣстцях и молодой, где онъ росъ надто густо. И щобы не роляти цѣны, продавали его въ продолженіи двохъ лѣтъ, а въ два годы дѣстали 3 тысячи золот., такъ що не тѣлько былъ уплаченъ сполна громадскій долгъ, но изъ остальныхъ грошей составилася запасная громадская сума, которую и отдали на проценты.

Тогда Данило исполнилъ совѣтъ лѣсничого и желаніе начальства, а именно, щобы сохранить лѣсъ, яко лучшую громадскую собственность, позвали землемѣра. Онъ измѣрилъ весь лѣсъ и составилъ ему планъ. Лѣсничій обѣишоу лѣсъ, и осмотрѣвши весь, раздѣлилъ на участки и назначилъ на планъ, якіи участки робити въ якоу году. Такимъ распоряженіемъ село было обременено дровами и другимъ лѣсомъ на 30 и на 100 лѣтъ впередъ.

Лѣсничій написалъ старшинамъ указаніе, що должно соблюдать кожного лѣта при зрубѣ и при обсаживаніи снова деревьями каждого участка, а старшины составили для села новый лѣсный уставъ, опредѣлявшій положеніе, который должно было соблюдать на будущность при зрубѣ лѣса, при раздѣленіи долей, при раздачѣ нужного строевого матеріала, при перемѣнѣ смѣрителей и лѣсничихъ, съ тѣмъ, щобы все шло съ должнымъ порядкомъ по справедливости, безкорыстно и для пользы всѣхъ.

Тѣмъ учрежденіямъ были отличны. И коли случалось, що при зрубѣ участка, где было мало дѣса, оказывалось мало дровъ, то недостатокъ той покрывался надвышкою въ другомъ участку. Сторожъ дѣсный получалъ большую платню для того, чтобы лучше стерегчи днсмъ и ночью дѣсъ отъ злодѣевъ и непогодѣвъ. Каждый два гвѣ старшины, дѣсенный, всѣ прихожане и старики, и мадьчички, однимъ словомъ — всѣ, обходили между и межевымъ знаки въ дѣсахъ, поляхъ и лугахъ, все осматривали и шо нужно исправляли. Се отстраняло споры и тяжбы, которыя дрежде заводились отъ нарушенія межевыхъ заборовъ.

26. Еще много нуждъ въ селѣ.

Во всей околицѣ не могли довольно надвинуться на Золото-Полянцевъ, потому шо они всѣ становилась богатшими. Не только на громадѣ не было бѣднѣе долговъ, но даже и тѣмъ, которыя прежде были по уши въ долгу, мало-помалу составляли собѣ капиталъ. Въ городѣ стали отдавати гроши въ займы предпочтительно передъ прочими Золото-Полянцямъ, потому шо всѣ знали, шо старшины были дуже добросовѣстны при оцѣненіи залоговъ, и знали въ точности, сколько долгу лежало на каждой землѣ. Того не было въ другихъ селѣхъ, отъ того Золото-Полянцямъ и оказывалось всюду преимущество и почетъ. А коли случалось, шо приходилъ жебракъ изъ Золотой Поляны, то ему не вѣрили. „Не стыдно ли тебѣ ходити по міру, вѣдь ты изъ Золотой Поляны?“ Вообразили собѣ, будто-бы тамъ уже не може быти и жебраковъ. Но на той разѣ дуже ошибалися, потому шо въ сѣмъ возрождающомся селѣ все еще оставалось много дряни отъ старого времени: жило въ немъ еще кѣлька безпутныхъ родитъ, которыхъ исправить и думати было ничего, всматривая на увѣщанія Отца Григорія и на угрозы начальства.

Были въ Золотой Полянѣ еще люди, которыя охотнѣе любили порождивати, голодати, и просити милостыни, чѣмъ въ потъ лица заробдати хлѣбъ насущный. Были тамъ люди, которыя учили дѣтей ходити по міру и даже красть та давати ихъ, коли бѣдными дѣти вечеромъ мало приносили. Были тамъ люди, которыя все, шо зарабатывали или набирали милостынею, опять вновь прощивали. Не было надѣи, чтобы той народъ коли вывелся, они напротивъ умножились зъ тѣхъ поръ, якъ загадомъ стали богатѣти Золото-Полянда, потому шо они пережендасы жежи собою и производили дѣтей на свѣтъ, не старалась о-трѣть, якъ будутъ прокармляти ихъ. Они говорили: „У громады есть сумня для бѣдныхъ, она вѣдь наша, и громада должна насъ содержать — хоче ли она того или нѣтъ. Она не смѣе ни выгнати насъ, ни оставити насъ голодными.“

Отца Григорія сильно огорчали такія безсовѣстныя рѣчи дурныхъ людей, и бнѣ часто говорилъ старшинамъ: „Шо вы ни дѣлайте — покуда въ селѣ есть у насъ привѣтъ лѣности и распутства, того розсадника граховъ,

до тѣхъ поръ какъ въ немъ зла не искоренити: що зарабатываютъ честныи люди, то похирають гнилице; они вѣчно живутъ на счетъ ближнихъ, и другіе портятъ своимъ примеромъ.*

Старшины самы видѣли то такъ же хорошо, какъ и священникъ, но какъ истребить ту праздность и поспѣшное нищенство? Въ томъ-то и была трудность. Правда, въ селѣ было для бѣдныхъ что-то въ родѣ богадѣльни, но того было надто недостаточно для множества нищихъ, и многіи туда не попадали, та и опасно было посылати ихъ туда. Отецъ Григорій часто ходилъ въ туо богадѣльню, въ надѣи исправити тамошнихъ жильцовъ, но надѣя его была надаремна. Тутъ безъ разбара жили вразъ старыи и молодыи, мужичини и жещичини, все тѣи, у которыхъ не было своего пристанища Богадѣльни была, какъ выражался священникъ, настоящимъ вертепомъ разврата, потому що дѣти видѣли и слышали тутъ отъ стариковъ много неприличного. Соединеніе въ одномъ мѣстѣ людей обого вола и злыхъ обычаевъ было поводомъ къ отвратительному рослутству. Земля, приисанная къ богадѣльнѣ, воздѣлывалась дуже небрежно, и Данила стояло много труда завести хотя зъ-верха чистоту вола дѣла. Но какъ онъ ни ломалъ голову, не могъ ничего выдумати, чтобы исправить такъ соединенныхъ вразъ развратныхъ негодяевъ. И самъ онъ сталъ наконецъ думать, що се неизбѣжное зло, которому треба покориться; но Отецъ Григорій не успокоивался и не хотѣлъ быти равнодушнымъ свидѣлемъ такой безправственности въ своемъ приходѣ. Онъ былъ человекъ осторожный, не любилъ вышатися въ дѣла громадскіи, а чтобы имѣти возможность быти больше полезнымъ, жилъ въ мирѣ и согласіи со всеми своими прихожанами. При случаю онъ подавалъ добрый совѣтъ или благоую мысль и радовался, коли кто-нибудь изъ старшинъ принималъ ихъ; но самъ николи не подавалъ виду, будто се онъ придумалъ, а напротивъ предоставлялъ старшине всю славу хорошо задуманного и приведенного въ исполненіе добраго дѣла. То имъ лестило, и они тѣмъ охотнѣе слѣдовали по доброму пути.

Отецъ Григорій почиталъ необходимымъ, чтобы старшины пользовались болшимъ уваженіемъ въ громадѣ, а уваженіе къ нимъ уменьшилось бы, если бы стали говорити, що ихъ водить священникъ, какъ хоче. Тому не слѣдовало бѣдѣи, потому умный священникъ трудился въ-тихомолку, ни отъ кого не допрошая себя славы, и никто не подозревалъ, какъ много онъ дѣлалъ. Если и не все дѣлалось по его желанію, онъ не досадовалъ и не мидалъ добраго дѣла. Онъ по своей скромности думалъ, що и другіи люди также имѣютъ отъ Бога разумъ и во многомъ може болше опытности и знанія, чѣмъ онъ самъ. Все полезное онъ дуже хвалилъ. То ободряло всѣхъ и радовало. А коли случалось кому изъ старшинъ задѣлати яне пограшенье, онъ съ лагодностью заманилъ ихъ ошибку. То утѣшало и ободряло приунывшихъ.

— Не знаю, какъ быти съ нищими, сказала одного разу Данило Отцу Григорію, — не знаю, що съ ними дѣлати? Тѣи нищии изъ роду въ родъ для

честной громады тоже самое, що для чельвчского тела настькомми, — то мученье, то соромъ; и та дряль ссеть кровь, сокъ и силы, такъ шо трудно и выльчнтся. Я просто въ отчаяннн, при видѣ нашей богадельни. Содержанн ея ставтъ дорого, но оно не тѣлько не приносеть пользы, а причиняе явное мученье, соромъ и подае поводъ къ роснутству!

Отецъ Григорій отвѣчалъ: — Ты сказалъ, шо и я думалъ, Данило; но было бы въ селѣ богадельни, не водилось бы въ ней и нищихъ. Ливнцевъ нищихъ всегда тамъ больше, где больше милостыни.

— Я уже думалъ, якъ бы уничтожить богадельню, возразилъ Данило, — но вадь отъ того лучше не буде. Въ каждомъ селѣ всегда найдутся нищн и ливнець. Куда же двнаться съ ними? Я видалъ — въ другихъ селлахъ бѣдныхъ содержатъ по-очередно у зажиточныхъ селянъ, или по-недално они получаютъ кормъ и даже мѣчаютъ въ каждой родинѣ. Въ отношенн къ старикамъ и калѣкамъ то безчеловѣчно, а способныхъ работанъ то расплагае къ празности и роснутству. Въ другихъ мѣстцахъ, где было запрещено просити милостыню, бѣдныхъ помѣшали, на счегъ громады, у некоторыхъ изъ селянъ, котормн за содержанн ихъ требовали немного, и сами были бѣдны. Такн селяне, шобы достати сколько-нибудь грошей, рѣшались принимать въ родину свою тѣхъ ливнцевъ и чрезъ то сами отъ нихъ портились. Отъ того громада не тѣлько не было никакой корысти, но былъ большой вредъ, потому шо нищн не исправлялись, а напротивъ развращали еще и тѣхъ, у котормхъ жали. Такъ, Отецъ Григорій, у мене сердце кровью обливаеся, коли я думаю о осиротѣвшихъ, бѣдныхъ дѣтяхъ, котормхъ громада здае на воспитанн тѣхъ, кто за нихъ наименьше требуе. Видалъ я, якъ она въ голодное время получали на содержанн дѣтей гроши и заставляли ихъ голодовать; коли же бѣдняжки плакали и кричали отъ голода, ихъ наказывали рѣзгами, шобы заставить молчати, и шобы люди не слышали ихъ крика. Видалъ я, якъ при открытн тела одного изъ такихъ дѣтей въ желудку у него не нашли ничего, кроме воды и немного травы, а снма и боки были въ синякахъ отъ побоевъ. Межи Турками и лямчанками больше жалости, чѣмъ у грубыхъ нашихъ селянъ.

— Я тоже знаю, продолжалъ Данило, — шо и въ другихъ селлахъ старшими много думали о учрежденн богадельнъ, куда бы помѣшати нуждающихся, но то дѣлалось не изъ состраданн, а шобы тѣлько избавитися лишнего груга и хлопотъ о бѣдныхъ людяхъ. Вадь по гордости любятъ старшими величаться своимъ званнемъ, но не любятъ обязанности своего призванн.

Отецъ Григорій, слушая Данила, радовался, шо бытъ судить адорово, и отвѣчалъ: — Якъ то разъ я написалъ мои мысли о томъ важномъ предметѣ, прочитай се. Тамъ много незрѣлыхъ еще мыслей, но ты ихъ самъ передѣлаешь по своему. — Данило взялъ книжочку священника и много разъ прочиталъ ю. Бесѣдовалъ о ней съ товарищами, ходилъ къ священнику, дѣлалъ ему возраженн, выслушивалъ его отвѣты, вновь совѣтовался съ старшинами. Наконецъ зговорился бытъ съ Отцемъ Григориемъ, якъ улучшить положенн бѣдныхъ въ селѣ. Потомъ собралъ самыхъ почтенныхъ людей громады, спросилъ ихъ совѣта и выслушалъ ихъ замѣчанн. Тутъ въ-купъ многое обсудили и исправили.

Преимущества в годъ
1 ар. 80 кр.,
со „Словомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
124. м.

Научно-белештрисичная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 27.

Львовъ 30. Октобрія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ПЕРВЫЕ ПОВѢДЫ ГЕТМАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО у ЖОЛТЫХЪ-ВОДЪ и ПОДЪ КОРСУНЕМЪ.

Въ то время, коли подъ Жолтыми-Водами и у Княжихъ Байраковъ казаки одержали славную побѣду, коронный Гетманъ Потоцкій съ главною силою ляцкого войска стоялъ обозомъ близъ города Черкасъ. Съ нимъ было около 25.000 коронныхъ Ляховъ а 4800 мужа драгунѣвъ, природныхъ Украинцевъ. Стоячи подъ Черкасами, паны пировали, угощались, не зная ничего о грозѣ, яка до нихъ приближалась. Еще въ послѣднихъ дняхъ мѣсяца Цвѣтня панъ Гетманъ Потоцкій одержалъ изъ Варшавы королевское письмо, которымъ препоручалось обходиться съ раздраженными казаками лагодно и поблажно, а никакъ строгимъ поступаньемъ не доводити ихъ до тѣхъ большаго бунту. Въ томъ-же письмѣ король упрекалъ особливо Чигиринскаго старосту пана Конецпольскаго, що зъ его то вины Богданъ Хмельницкій ворохобитъ Украину, которая за посредствомъ канцлера Оссолинскаго съ короною уже туй-туй была бы примирилася. Наконецъ король заявилъ, що „незадолго самъ приѣдетъ на Русь, где надѣется безъ кровопролитія успокоити недовольныхъ козаковъ, которыхъ предводитель Хмельницкій помирится со своимъ Монархомъ и благодѣтелемъ.“ — Но паны Ляхи въ Черкасахъ осмѣяли се письмо своего короля, та ани не припускали мысли миритись съ казаками, тѣмъ-меньше же со своими „збунтовавшимися хлопами“.

Въ кѣлька дней послѣ Жолто-Водской битвы прибѣжалъ въ таборъ ляцкій подъ Черкасы одинъ драгунъ, который случайно умкнулъ зъ-подъ Жолтыхъ-Водъ; онъ оповѣстилъ про измѣну реестровыхъ козаковъ и драгунѣвъ, а также про небезпеченство, въ якомъ находился отрядъ молодого Потоцкаго. Се извѣстіе показалось такъ дивнымъ и невѣроятнымъ для Ляховъ, що они осудили драгуна козацкимъ шпіономъ и кинули его въ темницю. „Не може то быти,“ говорилъ панъ Гетманъ

Потоцкій: „щобы мой сынъ допустилъ козакѣвъ до таковой дерзости! Вѣдай еслибы угрожало ему небезпеченство, то прислалъ бы онъ якого пана-шляхтича на добромъ кони, а не то простого драгуна, а до того Русина. Се бѣльше ничего, якъ хитрость врагѣвъ: драгунъ видно передался къ нимъ, и они его прислали, щобы насъ пострахати и принудити до опущенья нашего становища.“ — Однако въ тожь время собрались въ таборъ конныи сотнѣ, которыми отправлялъ Потоцкій по околицяхъ для узнанья, що дѣлается въ народѣ; они доносили, що пройшли кѣлька миль, а всюду Украина пустье, въ нѣкоторыхъ же мѣстцахъ заготовлены военныи припасы и стоятъ узброенныи люде, — однимъ словомъ, що на Руси повсюду настоящій бунтъ.

Тѣи вѣсти зневолили Ляхѣвъ задуматися; собрали раду и постановили на ней, що належить по-правдѣ двигнутися въ-передъ для того, абы въ случаю конечной потребности подати помѣчь молодому Потоцкому. Панѣвъ начало безпокоити то, що въ посланномъ отрядѣ бѣльшая часть была Русинѣвъ. — Такъ и поднялися Ляхи зъ-пѣдъ Черкасъ, и стали идти дорогою вздолжь Днѣпра. Два дни пройшли они, никого не встрѣчая, и думали было уже вернуться. Потоцкій говорилъ, що не хоче „соромити себе такимъ походомъ противъ хлопѣвъ.“ — Но на-разъ иде имъ на встрѣчу нѣкій панъ Марко Гдешинскій, польскій шляхтичъ; онъ уйшоу изъ рѣзнѣ отъ Княжихъ Байраковъ, и раненый тащился съ вѣрною вѣстію. Жолнѣры привели его къ Гетману коронному. „Пане!“ сказалъ онъ: „все погигло! Козаки и драгуны безстыдно зрадили насъ; цѣлый обозъ забранъ; Сапѣга, Шембергъ, Чернецкій въ неволя; сынъ твой также взятъ ледва живой, и теперъ чейже розстался со святомъ.“ — Ледви не упалъ Гетманъ отъ такой вѣсти; ужаснулись всѣ лѣцкіи полководцѣ, а „все войска (каже лѣтописецъ) стало такъ блѣде, якъ блѣда бывае трава, прибитая морозомъ, коли по холодной ночи возсіяе солнце.“ Гетманъ же Потоцкій воскликнулъ лишь тѣи слова: „О сыну мой! на тожь я далъ тобѣ начальство, щобы ты вмѣсто булавы одержалъ надгробный камень!“

Вѣсть о пораженіи при Княжихъ Байракахъ произвела загальный страхъ межъ Ляхами, особливо коли панъ Гдешинскій увѣрялъ, що Хмельницкій уже недалеко съ безчисленнымъ войскомъ. Паны собрали знова раду, и рѣшили таке: що понеже въ открытомъ полю противъ Хмельницкого годъ буде устояти, то належить уступати назадъ ажъ до первой лучшей крѣпости, щобы якъ-нибудь ѡ тую-же опертися. Затѣмъ дня 11. Мая войско лѣцке двигнулось назадъ, и на третій день достигло Корсуня на рѣцѣ Роси. Потоцкій хотѣлъ уступати еще дальше на западъ, но на-разъ принесли ему вѣсть, що Хмельницкій и Тутай-Бей уже въ мѣстечку Смѣломъ и передовыи ихъ стражи

забываютъ ажъ подъ Корсунь. Тогда Ляхи остановились у старыхъ окопѣвъ подъ Корсунѣмъ, рѣшаясь ожидать тутъ непріятеля. Потоцкій приказалъ спалити городъ Корсунь для того, чтобы непріятель не мѣгъ имѣти пристанища ни яковой пѣдмоги ѳтъ русскихъ жителей. Тая-же доля постигла и города Стеблѣвъ и Черкасы, та и весь доокрестны селенія. Во время тѣхъ пожарѣвъ Ляхи мучили и убивали старикѣвъ и молодцѣвъ, женщинъ и дѣтей, стараючися такимъ способомъ кинуть пострахъ межи народъ а вразъ-же и собъ самымъ додати духа до борьбы съ козаками.

Такимъ мѣрамъ противился другій начальникъ польскаго войска, панъ Калиновскій, представляя, що Поляки самы себе лишаютъ вспоможенія и припасѣвъ. Но чѣмъ усильнѣйше противился сему панъ Калиновскій, тѣмъ доразнѣйше поступалъ на-перекоръ ему панъ Потоцкій, личный его недругъ и соперникъ. Онъ и слухати не хотѣлъ, коли представляли ему, що се оставилъ онъ по-заду себе яры, а въ-переду край гористый. „Нигде правды дѣти,“ — такъ каже одинъ польскій льтописецъ изъ сихъ часѣвъ: „у насъ тогда была страшная неурядица и безначальство; сварились наши полководцѣ межь собою саме тогда, коли непріятель стоялъ надъ каркомъ, коли зо всѣхъ сторонъ козацкая саранча собиралась до Хмельницкаго, а русскіи хлопы мимо панскій таборъ провозили ѣстныи припасы въ обозъ Хмельницкаго, и розгolosно величали его снасителемъ свога народа и защитникомъ своимъ вѣры.“

А межи тѣмъ Хмельницкій приближался. Тревога въ ляцкомъ обозѣ пѣднялась еще бѣльша, коли ѳтъ окопѣвъ Корсунскихъ увидѣли скачущихъ по полю наездникѣвъ зъ орды Тугай-Бѣя. Потоцкій въ своей розсыянности выслалъ противъ Хмельницкаго на передовую стражу 3000 мужа драгунѣвъ, природныхъ Украинцѣвъ, и они то, якъ лишь выѣхали въ поле, всѣ до одного добровольно передались Запорожцямъ. Слуги-же и оруженосцѣ въ панскомъ таборѣ подъ Корсунѣмъ, навѣтъ природныи Ляхи, въ страху говорили межь собою: „Хмельницкій насъ побье, коли будемъ стояти за панѣвъ!“ До того и самыхъ шляхтичей пугали розличныи явленія, якіи недавно передъ тѣмъ случайно были зайшли въ природъ. Такъ еще въ страстную Пятницю польску приключилось велике затѣмнѣе солнца, а зъ послѣднихъ дней Цвѣтня черезъ двѣ недѣль стояла на небѣ ятло-образная комета незвычайной величинны, хвостомъ звернена къ сторонѣ Польщи. ѳтъ сихъ явленій повсталъ еще тѣмъ бѣльшій пострахъ не лишъ межи простымъ ляцкимъ воинствомъ, но паче всего межи старшиннами шляхотнаго роду, у которыхъ, якъ извѣстно, душа и совѣсть за пригнетенія Руси была наскрѣзь грѣшна и нечиста.

Въ такомъ положеніи было войско польске, коли на поляхъ пѣдъ Корсунѣмъ явился Хмельницкій дня 15. Мая 1648 г. Хмары пылу отъ идущаго козацкаго войска закрыли весь небосклонъ, и Поляки думали, що того войска есть до 100.000 мужа, коли межъ тѣмъ козаковъ тогда еще было не бѣльше, якъ 20.000. Тугай-Бей со своими Татарами занялъ лѣвое крыло, Хмельницкій же расположилъ свои полки на пагорбахъ противъ Корсуни, и показовалъ видъ, будто хоче атаковати обозъ польскій всѣми силами, а на-правду задумалъ инымъ способомъ уничтожити вороговъ. Хотя бо силъ у него набралось вже на стѣлько, що мѣгъ бы навѣтъ въ открытомъ бою поконати головную армію Польщи, но всежь таки яко добрый Батько Украины бы радъ былъ пощадити кровь козацкую, и затѣмъ при всякой способности уживалъ такой хитрой штуки, абы безъ великаго напряженья и розстраты своихъ людей губити Ляховъ якъ наибѣльше. Для той цѣли онъ выбралъ теперъ росторопнаго и умнаго козака Микиту Галагана, научилъ его, що мае дѣлати и говорити, та послалъ прокрадатись къ польскому табору такъ, чтобы примѣтили. Предвидячи, що замысль его удасться, Хмельницкій въ тую-же пору послалъ одинъ отрядъ козаковъ вразъ съ Татарами пѣдъ начальствомъ полковника Кривоноса за близъ-лежащую гору, и приказалъ, чтобы они зайшли въ березовый лѣсъ пѣдъ урочище, которое народъ называлъ Крутою-Балкою. Тамъ Татары на скорости имѣли по приказу Хмельницкаго перекопати греблю черезъ ставъ, а козаки нарубати деревъ, перерыти дорогу, навалити камней и засѣсти въ гущавинахъ и ровахъ съ оружіемъ, ожидая тамъ-же прибытія Ляховъ.

Межь тѣмъ Микита Галаганъ сталъ пробиратись по-пѣдъ польскіи окопы; его поймали и привели къ Потоцкому. Послѣ осмаленія въ огни, звычайнаго тогда у Поляковъ катовскаго обряда, козакъ началъ такъ говорити на допросы о числѣ своего войска: „Нашимъ счету я не знаю, та и знати годъ, бо съ каждымъ часомъ ихъ все бѣльше и бѣльше; а Татаръ съ Тугай-Беемъ 50.000, та еще самъ ханъ Крымскій стоитъ недалеко съ цѣлою ордою, и вскорѣ буде тутъ.“ — Коли услышали паны Поляки тую вѣсть (говоритъ русскій лѣтописецъ), то такой страхъ напалъ на нихъ, що и самы они уныли, и руки у нихъ опустились, и весь розмуъ отъ нихъ отступилъ. Затѣмъ собравшись на раду, они съ великимъ поспѣхомъ постановили такъ: абы бѣжати зъ-пѣдъ Корсуни чѣмъ-скорше, доки еще не надтягнулъ ханъ съ своимъ ордою. Одинъ тѣлько панъ Калиновскій, надъ всѣхъ отважнѣйшій Ляхъ, противился на радѣ такому постыдному рѣшенію, однакожь бы еще принужденъ былъ выслуhati за то тяжкіи укоры отъ пана Гетмана Потоцкаго, у котораго душа цѣлкомъ уже была въ пятахъ.

Постановивши утѣкати, Ляхи по приказу коронного Гетмана двинулися на другій день до-свѣта въ дорогу; возы съ запасами и панскіи рыдваны, важко наладованныи всякимъ добромъ, потягнулися подвійнымъ четыреугольникомъ въ 8 рядѣвъ; серединою того четыреугольника шли пушки и пѣхота, а по сторонамъ кѣнница; на лѣвой сторонѣ провадилъ кѣнницу панъ Калиновскій, на правой самъ Потоцкій. Абы избѣгнути нападу козакобъ, коронный Гетманъ приказалъ идти не головнымъ гостинцемъ, но боковыми дорогами. Для указанья таковыхъ дорогъ Микита Галаганъ предложилъ себе за проводатора, и паны Ляхи съ удивительнымъ легковѣріемъ положились на проводарство сего козака, уповаючи на то, що бѣтъ наилучше знае доокрестную мѣстцевость. Такъ прошли Ляхи полтора миль, не дознавши ніякой пакости ѳтъ неприятеля. Ажъ коли зближались до урочища Крутой-Балки, на-разъ полетѣли на нихъ густою хмарою татарскіи стрѣлы, ѳтъ которыхъ Ляхи стратили таке множество коней, що рѣшилися оборонятися пѣхотою, щобы сохранити конѣ для перевозу табора; однакожь слуги, которымъ препоручили держати коней, съѣли на нихъ и спасались бѣгствомъ въ рѣзныи стороны. Тогда паны, позбавленныи своихъ коней, зневолены были двигатися въ лѣтній жаръ въ тяжелыхъ панцырахъ. Обороняючись якъ-мога на ходу, они дошли ажъ на саму Крутую-Балку; но тутъ великая бѣда, яка ихъ зъ-разу встрѣтила, была та, що и послѣдній Украинцъ, бывшій при нихъ на службѣ драгунской, числомъ 1800 мужа, понюхались съ Запорожцами, и вмѣсто щобы обороняти, стали колоти Ляхѣвъ-товарищей, та черезъ то якъ найбільше розстроили ряды движущагося польскаго табора въ самѣъ его внутрїи.

Дальше настала еще новая бѣда: Ляхи поїшли въ лѣсъ, и Галаганъ завелъ ихъ въ трущобы, ровы и болотныи яры Крутой-Балки; тутъ же вода была спущена и погрузила всю долину; на дорогахъ лежали зрубанныи дерева и камѣня, — и въ тожь время, коли Хмельницкій съ головною силою своего войска напиралъ на польскій обозъ изъ-заду, отрядъ козакобъ, посланный туда днемъ на-передъ съ Кривоносомъ, кинулся на ворогобъ въ саме лице. Цѣлый обозъ остановился; часть возѣвъ застрягла въ болотѣ и загородила дорогу заднимъ; другїи возы карабкались на гору и не могли въ-поспѣху туда взобратися, падали въ яры, убивая своимъ бременемъ коней и воиновъ ляцкихъ. Въ той тѣснотѣ предводители польской арміи ледви не бились сами межъ собою: Калиновскій всю бѣду складалъ на Потоцкаго, а Потоцкій на Калиновскаго; и той и сей давалъ противорѣчащїи приказы; другїи коменданты не знали, кого слухати, и въ семъ замѣшательствѣ также всѣ сварились межъ собою. Словомъ, настала тутъ непорядная година панамъ Лашенькамъ!

Тогда одинъ изъ волковникѣвъ, князь Корецкій, посѣдатель Корца и богатыхъ маєткѣвъ на Волиню, собралъ своихъ 2000 жолнѣрѣвъ, которымъ приказано было стояти въ четырехугольнику, и закричалъ: „Дарма уже бѣгати за рыдванами; не часъ теперь думати о спасеніи возѣвъ! Сядьмо лучше на коней, та пробѣдемъ собѣ дорогу скрѣзь неприятели! Гей! кому охота спасти свое житье, той ступай за мною! Теперь я буду вашимъ Гетманомъ!“ — Паны начали были удержовати его, напоминаючи, що треба слухати коменды. „Пусте, слухати коменды!“ кричалъ Корецкій: „моя коменда: на коней!“ — Вслѣдъ за нимъ повторили и другіи: „на коней!“ и 2000 жолнѣрѣвъ покинули обозъ. — Козаки корыстали изъ того случая, бо занявши оставленное жолнѣрами мѣстце, ворвались въ саму середину четырехугольника и начали на всѣхъ мѣстцяхъ рѣзати Ляхѣвъ, нещадно прикладаючи свои козацкіи самопалы на шляхетныи головы. Тогда-то ляцкое войско въ наибольшомъ неладѣ розметалось во всѣ стороны: Калиновскій на-лѣво, Потоцкій на-право; одинъ въ лѣсъ, другіи въ болото; а тутъ изъ каждого рова, изъ-за каждой кучи зрубанныхъ деревъ выскакивали козаки; другіи гнали ворога зъ бокѣвъ и зъ-заду, — и огъ-всюда стрѣляли, рубали, кололи Полякѣвъ, та „якъ-будто снопы на поли (говорить лѣтопись) пѣдбирали падающихъ панѣвъ и вытаскивали ихъ зъ ровѣвъ и трясавиць.“ Калиновскій метался, горячился, и наконецъ дѣставши двѣ раны въ шею и въ локоть, смирился, та козаки звязали его якъ барана. Потоцкій же, видячи, що нѣтъ спасенія, предался на волю судьбы и сѣлъ въ свою коляску; его прихвѣру послѣдовали и другіи паны, та всѣхъ ихъ вразѣ съ повозками притаскали въ козацкій таборъ. Селяне изъ сусѣднихъ деревень помагали ловити прочихъ ляцкихъ уцькинерѣвъ. Спасся лише князь Корецкій, но и той, закѣвъ вырвался изъ осады, стратилъ 900 своихъ жолнѣрѣвъ, а съ остальными прибѣжалъ въ Кіевъ, осмѣянный за свое сорожное бѣгство цѣлымъ народомъ.

Отнесши такъ легкимъ способомъ великую побѣду въ окрестности Корсуня, козаки собрались тутъ около своихъ плавниекѣвъ, та якъ привычно дражили ихъ еще и насмѣшками. „Що-же?“ говорили они: „не будете, панове, ходити Запорожя добывати? Бѣдныи панята! они всѣ позябли! Дай имъ, Батькѣ Хмельницкій, кожухѣвъ!“ — А Хмельницкій заговорилъ до коронного Гетмана, высѣдающего изъ коляски: „Видишь, Потоцкій, якъ то Богъ здѣлалъ: ти, которы ишли брати мене въ неволю, самы въ ню попалися.“ — „Хлопе!“ сказалъ Потоцкій съ гордостію: „чѣмъ заплатишь славному рыцарству татарскому? Оно побѣдило мене, а не ты съ своею разбѣйничою шайкою!“ — „Тобою,“ ѣтрубалъ Хмельницкій: „заплатчу тобою и тобѣ подобными за кровь и

недолю моеї України!“ — А козаки додали: „Бачишь, якій стройный рыцарь панъ Потоцкій! Якъ блестять онъ въ своємъ блаватномъ контушъ! Знати зъ него убранство! Надати на него серягу!“ — И Потоцкого одѣли въ серягу. Ещежъ Хмельницкій для потѣхи козацтву посадилъ его верхомъ на пунку, а тогда козаки, везучи его на пушцъ, припѣвали ему слѣдующую пѣсеньку: „Ой, Потоцкій, Потоцкій! въ тебе розумъ жѣноцкій! Не годишься ты гетмановати, за се треба было тебе Батькови Хмельницкому отдати! Пбйдешъ небоже, ажъ за Запорожье, у Татаръ сырой кобылины жовати!“

А що панъ Потоцкій справедливо заслужилъ собѣ на тѣхъ насмѣшки и дорѣканья козаковъ, доказуютъ то и самыя ляцкіи лѣтописцы, зъ которыхъ одинъ, коренный шляхтичъ панъ Ерличъ, такъ о немъ розповѣдае: „Гетманъ Потоцкій бльше думалъ о стаканахъ и шклянкахъ, чымъ о благу и цѣлости Польщи, та хотя былъ уже старый лѣтами, однакъ заедно возлѣся съ розмазливими жѣнками. Онъ не слухалъ рады товарища своего Калиновского, не совѣтовался съ полковниками и ротмистрами, и преданный постоянно пѣанству и распустѣ, погубилъ войско, нанѣсъ неславу и соромъ коронѣ, стратилъ наилучшихъ сыновъ Польщи, старыхъ воиновъ и множество слугъ, Нѣмцѣвъ та богио другихъ чужеземцѣвъ; не слухалъ представленій короля ни тыхъ уныхъ пановъ воеводъ, которы до него писали и радили не роздражати козаковъ и хлопѣвъ.“

Въ другій день послѣ Корсунской битвы Хмельницкій отправилъ благодарственный молебѣнь за побѣду — якъ самъ онъ говорилъ — „наъ клятвопреступниками-Ляхами.“ Три разы козаки стрѣлили изъ пушкы и самопалѣвъ на знакъ всенародного торжества. Потомъ данный былъ почетный пиръ. Хмельницкій пировалъ со старшинами и мурзами, а до обѣду запросилъ также нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ панѣвъ-пльнянковъ. Кроме того велѣлъ онъ роздати по чарцѣ горьлки навѣтъ ляцкимъ воинамъ, пойманнымъ на Крутой-Балцѣ, показуючи тѣмъ способомъ Ляхамъ, що „хлопскій Гетманъ“ благороднѣйше поступае съ ними, яко пльняны, чымъ якъ звычайно поступалъ Варшавскій сенать и коронныи Гетманъ съ пльняными козаками.

Поль того Хмельницкій черезъ 10 дней простоялъ на мѣстци битвы пѣть Корсунѣмъ, не обавляючись ни-откуда напасти ни супротивленія; вѣдай бо ляцкого войска на Украинѣ уже не было. Въ часъ того отпочинку онъ приказалъ розставити на побоевищи богаты панси шатры, и созвалъ сюда козацкую раду. На радѣ запыталъ онъ козаковъ: „Що менѣ длѣати теперъ съ такимъ великимъ числомъ невѣльничковъ? Скажете, прошу, рыцари-товарищи!“ — Рада проговорила такъ: „Гетманѣвъ и другихъ, самыхъ найзнатнѣйшихъ панѣвъ от-

дати непременно Татарамъ за то, що они были головными неприятелями Украины; а простымъ жолнѣрамъ предложити: если хотять избавитися отъ прохода въ Крымъ, то най заплататъ за себе окупъ, а если не заплататъ, то всѣ пойдутъ въ неволю.“ — Хмельницкій одобрилъ тую раду, и послалъ также въ Чигиринъ предложити тое само онымъ пльникамъ, которы взяты были на Жолтыхъ-Водахъ. Потомъ роздѣлено пльниківъ: 8060 мужа ихъ дѣсталось Тугай-Бею, а 520 простыхъ воиновъ и 60 меньшихъ начальниковъ дали окупъ и остались тѣмчасово на Украинѣ. Паны же Гетманы, Потоцкій и Калиновскій, хотя и давали за себе по 24.000 таларовъ окупу, но Хмельницкій свято сохранилъ препорученъе козацкои рады, не принялъ окупу, а выславъ всѣхъ найзнатѣйшихъ старшинъ въ неволю къ Татарамъ. „И похвали (каже украинская пѣсня) панскіи рыдваны въ Крымъ пышно и велѣлпно: то были два польскіи Гетманы съ ихъ полковниками и ротмистрами, а возы ихъ со всякимъ добромъ остались Запорожцямъ, щобъ полатати козацкую худорбу.“

Въ тоежь время Хмельницкій послалъ и на Запорожье вѣсть о своей побѣдѣ, а также и подарки для Съчи. Онъ звернулъ всѣ гетманскіи клейноты, взятыи на Съчи, такъ, що за одинъ бунчукъ послалъ два, за одну булаву — двѣ, побравши ихъ у Полявѣвъ; кромъ того отправилъ онъ богатыи дары на Съчевую церковь. Добыча бо козаковъ, занята на поли битвы, была чрезмѣрно велика. Самъ Хмельницкій одержалъ на свою часть 13 возѣвъ, наладованныхъ панскими скарбами; вѣкій послѣдній козакъ такъ обогатился тогда, що войско, передъ тѣмъ бѣдное, коли двигнулось дальше въ Украину, было убрано такъ красиво, що „смотрячи на него зъ высоты (говорить лѣтописецъ), можна было уважати его за ниву, усѣянную червонимъ макомъ.“

Послѣ Корсунского пораженія Тугай-Бей выйшолъ изъ Укрины, а Хмельницкій прибылъ въ Бѣлую-Церковь и расположился тамъ обозомъ. Уже вся Украина была зворушилась: мятежь обнялъ рускую землю отъ рѣки Ворсклы до Днѣстра; толпы селянъ приходили къ Бѣлую-Церковь и поголовно записовались въ козаки. — Силъ у Хмельницкого набралось такъ богато, що якъ-разъ можъ было съ ними ити хотъ на цѣлу Польшу. Но Хмельницкій первоначально не думалъ о пходахъ ажъ въ предѣлы Польщи, а тѣлько радъ былъ попристати на самое зручнованью польского владычества въ земляхъ Украины. Тожъ достигнувши теперъ своей первобытнои цѣли, онъ самъ на-разъ не мѣлъ змѣрковати, що тутъ дальше чинити съ такъ великою громадою козацкого войска, яка кругомъ него у Бѣлой-Церкви зъ цѣлой Руси собралася.

Посередъ той непевности, середъ нарадъ надъ тѣмъ, що дальше дѣлати, надойшла изъ Польщи нечаянная вѣсть, що королъ Влади-

славъ IV розстался съ тѣмъ свѣтомъ. Сія околичность розвяза-
зала руки Хмельницкому; совѣсть его успокоилась тѣмъ, що онъ теперъ
не буде воевати противъ короля, своего друга и благодѣтеля, на той слу-
чай, елибы король принялъ сторону пановъ въ сей борьбѣ русскаго
народа съ ляхкою шляхтою. А зналъ же Хмельницкій, що по смерти
короля управительство державы перейде цѣлковито на шляхту, противъ
которой онъ поднималъ оружіе. Затѣмъ онъ и не розбивался уже больше
надъ тѣмъ, що тутъ дальше дѣлать, но постановилъ коротко такъ:
продолжати завязтую вѣйну противу шляхетной Польши.

(Дальше буде.)

ДѢЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ ПОСЛѢ ЧОГОГО.

(Продолженіе.)

27. Що дѣлають селяне съ своими нищими.

Когда все было обсужено, принялись за дѣло; но немалѣе въ селѣ по-
нимали, якъ можно буде безъ большихъ выдатковъ кормити и содержати столько
нищихъ, бродягъ, бѣзпомощныхъ, больныхъ и дѣтей.

Прежде всего зъ разрѣшенія начальства взяла часть грошей изъ суммы
бѣдныхъ; за нихъ купили токарный инструментъ, станокъ, топоры, пилы, ло-
паты, заступы и другіи рабочіи инструменты. Исправили и кухню въ бога-
дѣльнѣ такимъ образомъ, чтобы можно было въ ней готовить многимъ бѣднымъ
родинамъ вразъ, и вновь устроили богадѣльню такъ, чтобы была въ ней ро-
бочая комната для женщинъ и другая для мужчинъ, и были отведены особныи
комнаты для больныхъ мужчинъ и для больныхъ женщинъ. Постаралась также,
чтобы для каждого здороваго былъ свой уголокъ, правда, маленькій, въ 10 стопъ
долготы и 3 ширины, и на ползозъ мѣстце только для соломянной постели съ
подушкою изъ соломы же, съ простынею изъ толстой холстины и теплымъ
шерстянымъ одеяломъ. Каждый такой уголокъ имѣлъ свою дверь и отверстіе
для воздуха. „Нищихъ не должно надто изиѣжати, говорилъ Данило, иначе у
нихъ отобьешь охоту собственнымъ трудомъ своимъ улучшить свое положе-
ніе.“ И такъ каждымъ уголкомъ въ домъ все пользовались, чтобы сдѣлать изъ
него маленькую спальню. На чердацѣ хранились купленные запасы шерсти,
пеньки, дерева, годнаго для работы и т. п.

Когда все было устроено, старшины составили списокъ тѣхъ селянъ, ко-
торымъ не могли жити безъ помощи громады. То было скоро исполнено, ибо

таким селяне были надто хорошо известны. У нихъ изъ нихъ еще были и свои хатники въ селѣ; другіи же безъ пристанища скитались по чужимъ дворахъ съ торбою. Всѣхъ немнѣющихъ своего пристанища, забрали и помѣстили въ богадѣльню. Они поѣшли охотно, потому що на дворѣ уже была холодная зима. Тѣхъ, которые хотя и имѣли пристанище, но жили въ тѣсотѣ съ другими нищими, безъ разбора пола и возраста, въ одной комнѣтѣ, забрали тоже въ богадѣльню. Тѣлько тѣхъ оставили жить у себе дома, которые могли доказать, що они хорошо и прилично содержатъ дѣтей своихъ. И такъ всѣ нищій села были роздѣлены на два розряды: тѣ, которые имѣли пристанище и жили дома, назывались домовыми, а тѣ, которые жили въ богадѣльнѣ, назывались богадѣльными. Все они безъ исключенія одинаково были призираемы. У кого были дѣти, тѣмъ охотно оставляли дѣтей. Если же помѣщеніе ихъ было надто тѣсно, а родичи были люди порочныи или находились въ богадѣльнѣ, то дѣтей старались помѣстити въ селѣ или въ городѣ, не у бѣдныхъ людей изъ-за грошей, и не у богатыхъ, а у такихъ, которые были известны своею честностью. Дѣти тѣмъ получали одежду отъ громады, и принявшій ихъ люди получали, если хотѣли, маленькое вознагражденіе. Но такого вознагражденія мало кто спрашивалъ, дѣтей принимали изъ милосердія и по внушенію Отца Григорію. Священникъ же былъ настоящій отецъ сиротъ. Онъ взялъ къ собѣ воспитывать двоихъ упрямыхъ негодныхъ дѣтей, которыхъ никто не хотѣлъ принять къ собѣ въ домъ, и ко всеобщему удивленію, они уже черезъ полъ года исправились и стали добронравныи.

Такимъ образомъ дѣтей, которые прежде пріучались собирать милостыню, красти и праздно шататься, всѣхъ размѣстили по хорошимъ людямъ, удалили ихъ отъ лихого примѣра родичей и учили быть трудолюбивыми и богобоязненными. Роспорядившись всѣми нищими и дѣтьми ихъ такъ, чтобы каждый имѣлъ свое пристанище, старшины въ то-же время постановили правиломъ, що всѣхъ тѣхъ, кто не въ состояніи содержать себе, громада принимаетъ на свое попеченіе, но за то громада имѣе право надсматривати за ними, чтобы они со временемъ могли научиться сами о собѣ стараться. Все то было справедливо и благорозумно.

Потому къ каждой бѣдной родинѣ приставили честного человека въ родѣ опѣкуна или старшого надъ нею. Тотъ опѣкунъ долженъ былъ заботиться о прокормленіи, одежѣ, долгахъ и заработкахъ ввѣренной ему родины, долженъ былъ смотрѣти за порядкомъ, чистотою тѣхъ бѣдныхъ въ ихъ жилищахъ и за работою, которую имъ давали. За тѣмъ наблюдалось дуже строго, потому що, якъ тѣмъ домовымъ бѣдными получали кормъ изъ богадѣльни, где приготавлилася для нихъ общая похлѣбка, получали также одежду и посуду отъ громады, то и должны они были работати для богадѣльни и такимъ образомъ зарабатывати за хлѣбъ и за все, що получали.

Що они зарабатывали сверхъ положенного и по усмленному приязнанію своему, за то имъ платилось особно. Но не давалось имъ въ руки грошии, а клалось въ сберегательную скриню на ихъ имя, потому що кто живо на всемъ готовомъ отъ громады, тому грошей не нужно: сперва онъ долженъ научиться беречи и хозяйничати.

Каждый опѣкунъ долженъ былъ отъ времени до времени отдавати отчетъ священнику въ поведеніи и дѣлахъ ввѣренной ему родины. Отецъ Григорій былъ головою всѣхъ опѣкуновъ; онъ былъ попечитель всѣхъ бѣдныхъ и велъ о нихъ книгу.

Если случалось ему бити недовольнымъ однимъ изъ опѣкуновъ, лихо исполнявшимъ свою благотворительную должность, то недостойный тотчасъ змѣнялся старшинами.

Такойъ постоянный и старанный надзоръ и опѣка надъ каждою бѣдною родиною и надъ каждымъ нищимъ въ себѣ принесли великую пользу. Такъ якъ всякій опѣкунъ имѣлъ въ своемъ пепеніи только одну родину, то онъ мѣлъ безъ труда и якъ слѣдуетъ исполнати свою должность. Всякій охотно и бесплатно исполнялъ то, що на немъ лежало по чувству христіанского долга. И межъ опѣкунами скоро возникло соревнованіе другъ передъ другомъ; каждый добивался добраго слова за то, що онъ своимъ совѣтомъ, наставленіемъ и помощью поставилъ на ноги порученного ему бѣднаго. И неожиданно у каждой прежде покинутой, бѣдной родины оказался другъ, отецъ, защитникъ, якъ бы ангелъ-хранитель, которому она была по гробъ благодарна.

Теперь оставался вопросъ: откуда брати одежду и кормъ для бѣдныхъ? Процентовъ зъ суммы для бѣдныхъ на то не доставало. Но Данію сказалъ:

„Было бы ни на що непохоже, еслибы здоровыя люди не могли руками своими зарабатывать свой хлѣбъ. Всѣ вразъ нищія, якъ домовны, такъ и богатыльны, якъ мужчины, такъ и женщины составляютъ теперь одну великую родину, и должны работати одинъ для всѣхъ и всѣ для одного. Домовны должны работати въ недѣлю то, що имъ задается на той часъ; богатыльны же должны работати 8 часовъ въ день, исключая Недѣльныхъ и праздничныхъ дней.“

Такъ и положили. Кто не хотѣлъ работати, того запирали въ коморку, где онъ получалъ только для питья холодную воду, а для ѣды вареную бульбу, холодну и безъ соли, котору другія бы и ѣсти не стали. Кому же было то пріятно? Тѣ же, которые работали, получали каждый день горячее кушанье, похлѣбку, овощи и два раза въ недѣлю мясо. Кто хотѣлъ работати и сверхъ 8 рабочихъ годовъ, тотъ мѣлъ зарабатывать собѣ и гроши; его работа продавалась въ его пользу, и вырученныя гроши клали въ сберегательную кассу. Такъ накоплялся у нихъ маленький капиталецъ.

Кто сварился и божился, произнеслъ ругательства, заводилъ безпорядокъ, того безъ всякой жалости запирали въ коморку. Кто же жилъ тихо и спокойно, тотъ мѣлъ надѣяться поправити свое положеніе: онъ набирался въ

помощники смотрителя или даже въ смотрители богадѣльни. Въ смотрители въ богадѣльнѣ надъ роботами и поведеніемъ другихъ нищихъ, надъ содержаніемъ чистоты и порядка въ комнатахъ и въ одежѣ, избирали всегда самыхъ честныхъ и исправныхъ межъ самими нищими.

Надсмотрщики докладывали о всемъ главному смотрителю, который самъ былъ изъ богадѣльныхъ. Главный смотритель и кухарка имѣли ту выгоду, що они не участвовали во вспомоной роботѣ; а все, що могли заработать по исполненіи дѣла своего, то дѣлалось ихъ собственностію и клалось въ сберегательную кассу. Помощники смотрителя должны были роботати только 4 години въ день, остальныя години они могли роботати на самыхъ себе, — то же было и для кухарки.

Марія имѣла главный надзоръ за богадѣленною кухнею. Тутъ учила она шити двоихъ бѣдныхъ женщинъ; другая изъ богадѣленныхъ женщинъ надсматривала за бѣльею, одежою и посудою въ богадѣльнѣ. Такъ богадѣльными поставлены были межъ страхомъ наказанія и надеждою выгоды, и для собственной пользы были побужаемы къ труду. Роботы же было для бѣдныхъ много весь круглый годъ. Прежде всего домовыя и богадѣльныя должны были не только роботати въ саду и въ поляхъ богадѣльни, святи и садити тамъ капусту, рѣпу, бобы, бульбу, ленъ, конопли, подсолнечники и пр., но и воздѣлывати взятую на аренду богадѣльною землею изъ громадскаго участка. Каждый пользовался доходомъ своего участка изъ громадской земли, за исключеніемъ того, що онъ былъ долженъ въ богадѣльню за кормъ, одежу и помещеніе: остальное же онъ могъ продати въ свою пользу черезъ своего олъкуна. Но вся выручка шла въ сберегательную кассу. Кромѣ того мужчины исправляли дорогу, чистили колодець, сушили каналами сырымъ мѣста въ лѣсу, рубали и кололи дрова для богадѣльни и для домовыхъ нищихъ, засаживали въ лѣсахъ пустыя мѣста молоденькими елками и дубами, и исправляли всякую столярную и каменную роботу въ богадѣльнѣ и въ жилищахъ домовыхъ бѣдныхъ.

Въ лѣтнюю погоду и зимою мужчинамъ было еще больше дѣла. Они должны были готовить всякаго рода посуду для кухни и полевые орудія: кто на токарномъ станку, кто пилою, кто топоромъ и пр. Другіе учились дѣлать изъ шерсти простое сукно, дуже доброе, или твати холстъ изъ пеньки и льну. Всегда были въ ходу зимою и лѣтомъ колыка станковъ.

Женщины, даже дѣти, якъ богадѣленныхъ, такъ и домовыхъ нищихъ, должны были въ случаю недостатка рукъ участвовати въ полевой роботѣ; кромѣ того прали и починяли бѣлье и платье всѣхъ домовыхъ и богадѣленныхъ бѣдныхъ, прядли ленъ, пеньку, шерсть, или розматывали ихъ для ткачей; вязали колпаки, шили простыраля, сорочки и пр. Вся роботали для каждого и каждый для всѣхъ. При томъ людямъ было такъ хорошо, що колыка родитъ охотно поѣшли потомъ въ число бѣдныхъ домовыхъ, потому що сперва они

изъ страха объявили, що могутъ жить безъ милостыни и безъ поддержки громады.

То заведеніе шло потому такъ успѣшно, що управленіе его не стояло никакихъ издержекъ. Головный смотритель, помощники и кухарки, прислуга, дроворубы ничего не стояли, все они были изъ богадѣльни; священникъ, опѣкуны, Давидъ и жена его ничего не брали за свое благотворительное дѣло. Честный учитель Иванъ Радужный безъ гроша и съ великою точностью велъ счетъ расхода и прихода сберегаемыхъ грошамъ богадѣльненныхъ и домовыхъ.

Кромѣ того все хозяйство богадѣльни само себе поддерживало. Нищій самы для себе сѣяли, сажали и варили; самы для себе пряли, ткали и кроили свою одежду изъ льну и пеньки, которые самы воздвѣывали; самы дѣлали собѣ столы, лавки, кресла и деревянную посуду, шафы и пр., самы исправляли всякую починку въ домѣ, въ строеніяхъ и во всемъ. Скоро они стали выработывать болѣе зѣстныхъ припасовъ, чѣмъ требовалось имъ для ихъ прокормленія, приготавливали шерсти, и сукна, и всякой посуды болѣе, чѣмъ для нихъ нужно было. Тотъ излишокъ продавался въ пользу заведенія, и за гроши опять покупался запасъ шерсти, железа и всего, що требовалось. Прилѣжными домовыми зарабатывали кромѣ положенной работы еще достаточно грошей. Ихъ клали на проценты или употребляли на матеріалы для ихъ собственной работы. Уже на второй годъ не весь процентъ изъ суммы для бѣдныхъ выдавался.

Такъ какъ нищимъ приходилось много работать, и мужчины, и женщины жили раздѣльно, то безирравственность перестала сама собою. Къ тому же вышло такое распоряженіе отъ громады, що никому не позволялось жениться, кто не могъ содержать самого себе безъ помощи громады.

Но лучше всего было — благочестіе, которое по-немногу вселялось въ тѣхъ прежде грубыхъ людяхъ. И опять таки то была заслуга Отца Григорія, потому що каждую Недѣлю приходилъ онъ бесѣдовать въ богадѣльнѣ, и на ту бесѣду собирались туда же домовые. Онъ говорилъ много душевспасительного и поучительного о состояніи душъ ихъ и показывалъ имъ, какъ черезъ любовь ко ближнему найти полное блаженство въ той жизни и въ вѣчности. Таки бесѣды далеко болѣе служили къ исправленію, чѣмъ вся угрозы и наказанія начальства.

Впрочемъ, какъ домовые, такъ и богадѣльными бѣдными могли всегда покинуть заведеніе, если хотѣли. Для того они должны были только показать, що они могутъ честнымъ трудомъ быть самостоятельными, и поставлено было, що всякій, оставившій заведеніе и прожившій цѣлый годъ, не собирая подаяній и безъ помощи постороннихъ, но собственнымъ своимъ трудомъ, и заслужившій похвалу и одобреніе за свою рачительность и прилѣжаніе, получалъ право свободно распорядиться небольшою суммою, накопившеюся для него въ щадничой кассѣ. Конечно съ тѣмъ разомъ снималась зъ него всякая опѣка, и онъ дѣлался какъ другіи свободными селяниномъ. Но въ особенности отличало

заведеніе бѣдныхъ въ Золотой Полянѣ отъ другихъ подобныхъ учрежденій то, що нищихъ заставляли зарабатывать все, що шло на ихъ кормъ, одежду и прочія удобства; они жили не на чужій счетъ, но своимъ трудомъ и работою. Тутъ всякій напрягалъ свои силы на полезный трудъ, що въ послѣдствіи имѣло благотвѣльное вліяніе на всю его жизнь. Въ томъ заведеніи каждый научался копати, рубати, сѣсти, точити, прѣсти, ткати, кроити и шити.

28. Добре есть пробовать свои силы въ томъ, чего не знаемъ.

Якъ бывае всюда, такъ было и въ Золотой Полянѣ. Якъ только разумный человекъ придумывалъ что-нибудь новое для устороненія злого-нибудь зла, тотчасъ вся противъ него возставала, каждый изобреталъ препятствія и представлялъ невыгоды, пожималъ плечами, качалъ головою и твердилъ пѣсню старыхъ бабъ:

„Та зачѣмъ то? та лучше ли буде? та вамъ то не иде!“ и проч.

Давило зналъ то дуже хорошо; опытность сдѣлала его осторожнымъ. Еслибы онъ съ самого начала изложилъ Золото-Полянскимъ селянамъ все, що онъ придумалъ для устройства богадѣльни, всѣмъ бы то показалось и надто труднымъ, и неудобносполнимымъ, и предложеніе его было бы непременно отвергнуто на томъ основаніи, що зачѣмъ измѣнять, лучше най все буде по старому. Но Давило даже и своимъ союзникамъ-товарищамъ не сообщалъ всей своей мысли; они были хотя и благонамѣренные люди, но все боялись, и не рѣшались ни на що важное. Потому онъ имъ сообщалъ все по-немногу, именно только то, що предстояло исполнить сегодня, а що слѣдовало сдѣлать потомъ, то хранилъ на завтрашній день. Въ томъ дѣлѣ точно также всѣхъ нищихъ отъ ихъ дѣтьми записали въ книги и роздѣлили на домовыхъ и на богадѣленныхъ. Исполнивши то, назначили для каждой родни повечателя, и Отецъ Григорій объяснилъ ему, въ чемъ состоятъ его дѣла. Коли и то уладилось, то за гроши изъ суммы для бѣдныхъ купили лопать, топоровъ, пилъ, также веретень и колька станикъ. То никого не удивило. — Потомъ закупили шерсти, пеньки и льну, завели прялки, и ткацкія станки. Такъ по-немногу все устроивалось и нищо не казалося затруднительнымъ. Осуществилася мысль Давила, и начальство одобрило ю. Уже послѣ узнали, що даже и межъ начальствомъ были люди, которые считали тую мысль неосуществимую и смѣялись надъ нею, тогда якъ безъ ихъ вѣдома она уже приводилася въ исполненіе.

Большее всего хлопотъ было съ богадѣленными; они съ-начала ни за що не хотѣли спати въ узкихъ комбрѣхъ своихъ, но имъ сказали: работайте прилежнѣйше, и вы будете въ состояніи или сами нанять или выстроить для себя дѣмъ. Но они отказались отъ работы; тогда ихъ на цѣлый день сажали въ темную комбру на скудный кормъ. То понравилось имъ еще меньше. Иими

попробовали послушаніемъ улучшить свою судьбу и покорились, тѣмъ болѣе, що зякою не дуже-то пріятно было шататися и спати на улицѣ.

Отвѣдавши кормъ болѣе вкусный, испытавши пріятность хорошаго обращенія съ ними, и научившись роботати, особенно зъ тѣхъ поръ, якъ они успѣли отложить немного своихъ свобственныхъ грошей въ сберегательную кассу на чорный день, или для дѣтей своихъ, они охотно оставались жити въ богадѣльнѣ; имъ не хотѣлось потерять заработанныхъ грошей и они старались прилѣжаніемъ умножити ихъ. Нѣкоторые же убѣждали, чтобы просити милостыню и вести праздную, скитальческую жизнь.

Но и имъ самыиъ отъ того было горше; громада была уже въ томъ полза, що нетреба было содержать ихъ; ними изъ убѣжавшихъ николи болѣе не показывались на очи. Бѣды въ томъ для Золотой Поляны не было. Други, яко бродяги, были задержаны полицією и приведены обратно въ село; сперва они просидѣли въ темной комбрцѣ, а потомъ поступили на общую роботу вразъ съ прочими. Въ теченіи десяти мѣсяцѣвъ всѣ непокорныи смирились, и въ Золотой Полянѣ не осталось болѣе ни одного нищаго, исключая тѣхъ, которые шатались по дальнимъ сторонамъ.

Съ домовыми тоже зъ-начала было не безъ хлопотъ: они не могли отъучитися отъ нечистоты и грязи, съ которыми сроднились, и дуже роптали и жаловались на жестокость землякѣвъ своихъ, которые не хотѣли давати имъ ѣсти хлѣбъ даромъ и не давали имъ грошей въ руки. Но голодъ и комбрки усмирили и самыиъ упрямыхъ; Золото-Полянцѣ достояли на своемъ: кто хоче ѣсти, тотъ долженъ трудитися, кто хоче хорошо жити, тотъ долженъ хорошо роботати.

Надзоръ за богадѣльнею обходился прежде дороже. Теперь же онъ ничего не стоялъ, потому що ни священникъ, ни Данило не хотѣли ничѣмъ пользоваться на счетъ бѣдныхъ. Богадѣленныи сами исполняли всѣ домашніи обязанности, якъ по хозяйству, такъ и по присмотру за другими. Коли имъ поручалась якая должность, то они принимали ю яко нагороду за свое поведеніе, коли же кого лишали ея, то се считалось наказаніемъ. Мѣсце выбывшаго изъ должности занималъ другій, также изъ богадѣленныхъ. Огороды и поля, принадлежащии богадѣльнѣ, доставляли нужный кормъ. Тии участки изъ громадской земли, которые прійшлись на долю бѣдныхъ родинъ, сдѣлались теперь плодороднѣйши, погому що лучше оброботывались общими силами. Нѣкоторые изъ призираемыхъ въ богадѣльнѣ, которые меньше другихъ были усердны въ дѣлу, уплачивали за кормъ и за одежду свою тѣмъ, що жали на общественныхъ участкахъ, а що зарабатывали лишного, то хранилось для нихъ-же въ сберегательной кассѣ.

Зъ-начала мужичны, призываемыи въ богадѣльнѣ, неохотно принимались за пилы, топоры, ткацкіи станки, представляя себе неспособными, но они обязаны были учитися. Призванный изъ города майстеръ привезъ все въ поря-

довъ; тотъ майстеръ былъ человекъ искусный и дуже уважалъ и любитъ Отца Григорія. Такимъ образомъ одежда бѣднымъ немного стояла богадѣльнѣ, а столы, лавки, лѣжка, шафы и другія вещи, также и починка дома не стояли майже ничего. Богадѣльни должны были снабжати тѣмъ и домовыхъ, такъ що по-немногу въ родины завелись всѣмъ нужнымъ и привыкли къ нѣкоторому удобству жизни.

Работа столько рукъ была благодѣтельна не только для богадѣльни, но и для самыхъ богадѣленныхъ и домовыхъ бѣдныхъ, которыхъ состояніе потому улучшалось пріобрѣтеніемъ собственности. Ибо що выработывали они сверхъ положенныхъ 8 годинъ, то обращалось въ ихъ пользу и шло въ сберегательную кассу, также и то, що они получали отъ обработки своего участка. И то была не малая выгода: бѣдныи стали больше трудолюбивы, въ надѣи, що бережливостью они увеличатъ свою собственность, и рано или поздно пріобрѣтутъ собѣ независимость и будутъ наслаждаться довольствомъ.

Лучше всего было головному смотрителю и его помощникамъ, выбраннымъ изъ богадѣленныхъ: отъ того каждый старался вести себе лучше, чтобы получить такое мѣстце. А тѣм, которые имѣли его, весьма остерегались и малѣйшой неисправности, чтобы его не лишиться. Малѣйшая вина могла ихъ лишити выгодной должности, которой многіи добивались. Напоследокъ въ богадѣльнѣ образовались искусныи работники; не только селяне, но и изъ города приходили покупать сдѣланныи ими вещи, или давали имъ много заказовъ. А коли такой искусный работникъ примѣчалъ, що онъ заработае больше, если буде работати самъ по собѣ, то оставлялъ богадѣльню, нанималъ собѣ хату въ селѣ или въ городѣ, и жилъ своими средствами. То давало и другимъ охоту сдѣлаться якъ онъ искусными въ работѣ.

Въ селѣ всѣ конечно были довольны, що избавились отъ непріятности постоянно видѣти нищихъ, и отъ опасенія, чтобы кто изъ нихъ не обокралъ ночью дѣмъ и садъ.

Вмѣсто милостыни всякій съ радостію посылалъ грошей или що могъ въ богадѣльню, коли що-либо требовалось. Еще была отъ богадѣльни другая польза, которой прежде никто и не предвидѣлъ, именно: убравшись въ лѣтнюю пору съ полевыми работами, богадѣленныи принимались за другія работы, вслѣдствіе чего всѣ улицы въ селѣ, где въ лихую погоду были ямы и непроходимая грязь, теперь были исправно вымошены; ручай, который протекалъ въ селѣ, и своими разливами образовалъ лужи, теперь былъ обнесень; поляныи дороги были исправлены; въ общественномъ лѣсу пустыи мѣстца были засажены хорошенькими, молоденькими деревцами.

Далеко во всей околицѣ не было лѣса въ такомъ порядку и не было села одрягнѣйшого отъ Золотой Поляны. Пріѣзжали значительныи лица изъ начальства осматривати заведенію Золото-Полянцѣвъ, и высказывали желаніе, чтобы больше было подобныхъ. Но въ другихъ селахъ трудно было найти такого священника якъ Отецъ Григорій, другого Данила и усердную его помощницу; а межи тѣмъ и въ другихъ мѣстцахъ многое по примѣру Золото-Полянцѣвъ стали измѣнять къ лучшему; и всюду оправдывалось, що пробовати не бѣда, — и всегда, якъ только хотять съ горячою любовію предприняти що-нибудь доброе, то оно непременно удается. (Конецъ слѣдуе.)

Редакторъ Б. А. Дѣдницкій.

Зъ печати Ставропигійской.

Пренумерація въ годъ
1 ар. 80 кр.
со „Слово-
помъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
124. м.

Науково-белетрисшична прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 28.

Львовъ 16. Новембрія 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ИСТРЕБЛЕНІЕ ЛЯХОВЪ въ ЗЕМЛЯХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОМЪ 1648 г.

Страшное то было для Польши все лѣто 1648 г. Еще въ первой половинѣ Мая Ляхи стратили нечаянно въ двухъ битвахъ съ Хмельницкимъ (подъ Жолтыми-Водами и подъ Корсунемъ) цѣлу силу свою военну, що держала въ рабствѣ Украину а съ тою-же и все русскіи земли; въ другой же половинѣ (дня 20.) Мая отгумеръ ихъ король Владиславъ, который еще яко-такo любленный былъ козаками и мѣгъ былъ возникшій огонь бунта хоть по части присмирити. Но погибель ляцкой арміи и смерть короля не были еще наибольшимъ несчастьемъ въ порбванью съ тѣмъ, яке сейчасъ потомъ, въ мѣсяци Червню тогожъ года, постигло панѣвъ Ляхѣвъ не лишь на Украинѣ, но и во всѣхъ другихъ земляхъ русскихъ, завоеванныхъ Польщею. Гетманъ бо Хмельницкій, рѣшившись по смерти короля Владислава вести дальше войну съ Ляхами на-забой, розослалъ изъ Бѣлой-Церкви во все стороны Руси свои военныи грамоты, въ которыхъ оповѣщая народу о своихъ первыхъ двухъ побѣдахъ надъ войсками пана Потоцкого, препоручалъ всякому Русину, кто лишь оружіе двинути може, абы ставалъ до борьбы противу Польши, а всѣхъ способныхъ до козацкой службы запрашалъ прибывати въ полномъ узброеніи, на добрыхъ коняхъ подъ Бѣлую-Церковь.

Военныи грамоты Гетмана Хмельницкого произвели пожаданное дѣйствіе. Русь наша отъ Карпатъ ажъ до границъ московскихъ вся нарядилась по военному, и принялась истребляти ляцкое насѣнье, где лишь оно засѣтилось по землицѣ русской. Селяне запирали свои хаты, перековывали орала и серпы на мечи и списы та ставали воинами. Изъ всѣхъ селъ и мѣстечокъ молодецъ и старшии люде собирались въ узброенныи шайки, которы назывались „загонами“, и стекались подъ Бѣлую-Церковь, где Хмельницкій записовалъ ихъ въ полки, дѣлилъ на сотнѣ и назначалъ имъ начальниковъ, а то звычайно такихъ, якихъ самы-же загоны изъ-середъ себе за наилучшихъ „ляхоръзовъ“

ему представляли. Потомъ такіи загоны, одержавши благословенство отъ полковныхъ священниковъ и особенныи препорученія отъ Батька-Гетмана, отправлялись „очищати русскую землю.“ Инныи загоны составлялись по краю на власную руку, и тѣи въ горячковой завзятости своей сей-часъ пріймались за истребленіе Ляховъ во всѣхъ окрестностяхъ, даючи лише знати Батькови Хмельницкому, що дѣло мести народной уже исполняется. Такии загоны называно „гайдамаками“, и число ихъ умножалось надъ-звычай поспышно, такъ, що въ-скорѣ они могли розоряти не тѣлько ляцкии дворы и усадьбы, но и укрьпленныи замки та города. Звычайно якъ лишь гайдамацкій загонъ появлялся въ панскомъ селѣ чи мѣстечку, пѣдданныи хлопы принимали гостей якъ избавителей, соединялись съ ними та шшли на палаць или двѣръ свого ляцкого дѣдича. Тогда не было пощады ни старцамъ, ни жѣнкамъ, ни груднымъ дѣтямъ: все, що жило въ панскомъ дворѣ, навѣтъ и домашній слуги, если они были католики или недолашки-уніяты и за-вчасу не приста-вали до загона, были въ пень вырваны, двѣрскіи же будынки нишли съ дымомъ, а забранныи Ляхами маетки русскіи, яко поля, лѣсы и па-совиска ѳтдавались громадѣ до рѣвного подѣлу, въ вынагороду за дол-гольтню панщину и всякии кривды отъ двора. А хотя гдѣкуда осторо-жнѣйшіи шляхтичи, якъ лишь зачули новину о Корсунскомъ пораженіи, складали поспышно на возы свои добытки и пускались бѣжати съ одними грѣшными душами изъ Руси въ Польшу, то однако васьма рѣдко удава-лось имъ таке бѣгство, понеже, якъ повѣдае одинъ ляцкій историкъ зъ тѣхъ часѣвъ: „кождый хлопъ — Ляхамъ непріятель, а кожде рус-ске село чи мѣстечко — гнѣздо вороговъ Польщи.“ Неризъ же толики ляцкиихъ панѣвъ, не находячи выхода ни спасенія, укрьвывались въ укрь-пленномъ замку якого знатного магната, имѣвшаго свое надворное вой-ско, и поглядая ѳттуда на луны горѣвшихъ докола ихъ двѣрѣвъ, гото-вились, въ виду жѣнокъ и дочерей, стояти за нихъ до послѣдней ка-пли крови. Но все было надаремно. Если бо гайдамаки самы не про-вѣдали добычи, то панскіи слуги, звыкло люде русскіи, въ самъ-часъ наведутъ ихъ на ляцкій замокъ, и закѣмъ паны обнажать свои кривыи сабли, баяя показати старо-польское мужество, уже самыи слуги ви-жутъ ихъ и передаютъ истителямъ земли русской на страшныи муки. Послѣ кровопролитной съ Ляхами работы гайдамаки обычно выначали изъ панскихъ пивницъ бочки съ винами, пили, гуляли и спѣвали гро-зныи пѣсни середѣ пѣпелищъ и трупѣвъ.

Съ такиихъ-же розъяреніемъ и завзятѣмъ гайдамаки поступали и въ тѣхъ городахъ на Руси, где жили католики и недолашки-уніяты. Рѣдко якій католикъ или перекинчикъ русскій спасалъ вражую душу ѳтъ списъ и топоровъ гайдамацкиихъ. Ненависть русского хлоп-

ства до всего ляцкого простиралась такъ далеко, що гибли навѣтъ гдѣ-то некоторы православныи мѣщане за то едино, що слѣдуючи тогдашнему звичаю, носили польское убранство или закидали на польскій ладъ въ бесѣдѣ. — А въ тожь время и русское духовенство, станувши по сторонѣ народа, откликнулося громкимъ кликомъ по Руси, призывая всѣхъ вѣрныхъ на борьбу противу Польши. „Приспѣлъ часъ, пожаданный часъ!“ голосили наши священники: „пора назадъ добыти свободу и честь нашей вѣры! Вѣки проходили, и православная вѣра терпѣла постыдное униженіе. Всѣ наши приходы, церкви, монастыри, епархіи — въ рукахъ латинчанъ и уніятѣвъ. Латинникамъ даютъ доходныи мѣста, а бѣдны православныи Русины страдаютъ въ нищету. Жиды для панѣвъ лучши ѡгъ насъ; жиды управляютъ ихъ добрами и безмилосердно кривдять бѣдныхъ христіанъ. Пора, пора! Ставайте до бою за свою жизнь, за свое отечество! Богъ благословитъ васъ и поможе вамъ!“

Тогда-то наши гайдамаки, пригадавши собѣ, що колись-то доказавалъ на русскихъ святыхъ напежникъ-загорѣлецъ Архіепископъ Іосафатъ Кунцевичъ, кинулися иди за его примѣромъ, та съ подобнымъ ему ожесточеніемъ творили насилія католицкимъ костеламъ. Сии-то костелы предавали они поруганію, грабили ихъ и палили; образы и статуи римскихъ святыхъ прострѣлювали, рубали и кидали на смѣтье; польскихъ ксендзѣвъ и мнхѣвъ били, топили, вѣшали та всякими муками мучили безъ милосердія и безъ исключенія. — Памятникомъ тѣхъ событій осталось въ народѣ преданіе, що одинъ гайдамакъ повѣсилъ надъ головнымъ олтаремъ въ костелъ католицкого ксендза, жидка и собаку, и надписалъ надъ ними слѣдующіи слова: „ksenдзь, жидъ та собака — все вѣра еднака.“ Ба народная мѣсть преслѣдовала навѣтъ и мертвыхъ: разбѣшенныи гайдамаки по примѣру Іосафата Куневича врывались въ гробницъ, извлекали тѣла и кости ворогѣвъ, и раскидывали ихъ на четыре вѣтры.

Наижесточайше однакъ поступали гайдамаки съ жидами. Звѣсто бо, що передъ возстаніемъ русского народа жиды, будучи арендаторами и управителями панскихъ дѣбръ, довели народъ до крайного отчаянія своимъ злродствомъ, тиранствами и больше всего поруганіемъ надъ православными церквами, находившимися въ ихъ арендѣ. Тожь-когда народъ на Ляхѣвъ повсталъ, расплатился ѡнъ страшно и съ жидѣствомъ, которе загадомъ уважалось головнымъ орудіемъ владычества Польщи въ земляхъ русскихъ. Звычайно по мѣстахъ и мѣстечкахъ гайдамаки въ-купъ съ возставшимъ народомъ впадали въ жидѣвскіи божницъ, куда мередъ ними хоронилось переполошенне юдейское племя, и тутъ безмилосердно рвали и истребляли всѣхъ, не приймаая ніякого

*

окупу. По увѣренію одного рабина, который случайно спасся былъ отъ рѣзни и за границею описалъ смутную исторію своихъ единовѣрцевъ, погибло тогда до 100.000 жидовъ подъ топорами гайдамаковъ, не вчисляя еще и тѣхъ, которыя гинули отъ голода и жажды, или потонули въ рѣкахъ во время безплоднаго бѣгства. „Не осталось тогда — пише онъ рабинъ — въ русской земли ни одного жида; всюду, по поляхъ, по ровахъ, въ потокахъ лежали тѣла нашихъ братьевъ, ибо гонители ихъ были быстрѣйши отъ орловъ небесныхъ.“ Украинскіи же лѣтописцы говорятъ, що многіи изъ жидовъ за-дѣя страха приняли тогда христіанство и были пощажены со своими маетками; но тѣи перекресты потомъ знову повертали на жидовство, коли минала тревога або коли успѣвали они уйти изъ Украины.

А блужъ гайдамацкихъ загоновъ въ земляхъ русскихъ „не сто, не тысяча, а безъ-личъ,“ по выраженію лѣтописи. И повнеже гайдамаки держалися правила: кто не за нихъ, той противъ нихъ, такъ отъ того многіи должны были и помимо своей воли братись за оружіе и приставати до загоновъ. Загоны же тѣи носили звычайно названіе своихъ предводителей, въ числѣ которыхъ найстрашнѣйши были Атаманы: Вовгура, Ганжа, Кривноносъ, Шолудивый-Бунякъ, Небаба и Гаркуша.

Загонъ Вовгуры или такъ званы Вовгуревецъ бушевали вокругъ Кіева и другихъ украинскихъ городовъ. Ихъ было зъ-начала 150 мужа, но потомъ стекалось до нихъ таке множество народа, що Атаманъ Вовгура, не успѣвая всѣхъ прокормити, принималъ до своего загона самыхъ выпробованныхъ силачей и отчайдуховъ, зъ которыхъ кождый стоялъ за 10 хлопа. Не было случая, каже лѣтописецъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ живцемъ отдался въ плѣнь, а врагамъ отъ нихъ тяжело было, наипаче же жидамъ. Поляки такъ ихъ боялись, що если бывало скажутъ: „Вовгуревецъ идуть,“ то се было страшнѣйше, ивжъ бы ишло цѣле козацке войско. Зъ-начала они выказали себе въ Сѣверской земли, а потомъ соединившись съ Кіевскимъ загономъ Харченка, напали на Каневъ, где Ляховъ вырзали, а изъ всѣхъ жидовъ поздирали зъ живыхъ кожи. „Такой ихъ былъ козацкій обычай,“ говоритъ лѣтописецъ.

По Подолью носились загоны Ганжи, Остапа Павлюка, Половьяна, Морозенка и другихъ. Но изъ всѣхъ наибольше доказывалъ загонъ Ганжи. Той бо Ганжа, поставленъ зъ руки Хмельницкого полковникомъ Уманьскимъ, якъ скоро очистилъ отъ Ляховъ свою Уманьскую область, ворвался въ Подольскую землю, где началъ истребляти все, що было враждебно козакамъ, селянамъ и русской вѣрѣ. Хлопы приставали до него толпами, а мѣщане отвертали ему городскіи ворота и помагали рзати жидовъ и шляхту. Въ случаяхъ, где справа была

труднѣйша, Атаманъ Ганжа уживалъ подобно Батьковн Хмельницкому хитрой штуки. Такъ подъ Немировъ, где-то много шляхты съ жидами заперлося, Ганжа выслалъ 50 гайдамакъ, одѣтыхъ по польски, которы, подѣхавши къ воротамъ, затрубили въ трубы и ударили въ литавры, якъ то звякло дѣлали польскіи панцерники. Поляки думали, що се прибиваютъ къ нимъ на помочъ узброенны братья-шляхтичи, и отворили ворота. Тогда переодѣтыи гайдамаки въ соединеніи съ православными мѣщанами перемогли ляцкую стражу у воротъ, и впустили въ городъ весь загонъ, притаившійся недалеко Немирова. Занявши городъ, гайдамаки цѣлыми сотнями водили топиги Ляховъ и жидовъ, которыхъ послѣднихъ погнбло тогда до 6000 душъ. — Съ подобною хитростію занялъ Ганжа и укрѣпленный замокъ въ Нестеровъ, маенности князя Януша Четвертинскогю; тутъ онъ прирекъ Ляхамъ за дорогій окупъ ихъ пощадити, однакожь требовалъ при томъ, чтобы они выдали гайдамакамъ на рѣзню всѣхъ жидовъ, якіи съ ними въ-купъ въ замку была заперлися. Ляхи выдали жидовъ, однакожь вскорѣ потомъ и самы понесли погнбель отъ другой гайдамацкой шайки, Остапа Павлюка, котора въслѣдъ за Ганжею въ добрахъ Четвертинскогю явилася. Остапъ Павлюкъ не только перерѣзалъ всѣхъ Ляховъ, но еще на наибольшую досаду ляцкого панства обвинчался съ княгинею Четвертинскою, женою Януша, котора, абы спасти жизнь свою, безъ опоры пошла подъ ввнецъ съ „простымъ гайдамакомъ.“ — Изъ числа многихъ загоновъ, бушевавшихъ по Подолью, славны были еще два загоны: Половьяна и Морозенка. О первомъ осталось преданіе, що коли ему случалоса поймати ляцкую панну или жидовку, то онъ здиралъ у ней зъ шеи полосу кожи и говорилъ, що се ей козаки подарили „червону стрѣчку.“ Морозенко же былъ такъ страшный, що о немъ говорили, будто Ляхи боятся его больше мороза.

Но наибольше изъ всѣхъ прославился своими дѣйствіями на Вѣлыню загонъ Максима Кривоноса, предводителя „врачного и жестокого,“ якъ выражаются польскіи историки. Народная повесть голоситъ, що Кривоносъ былъ характерникъ, т. е. такой козакъ-чародѣй, которого не брала никакая куля, хибанъ бы она была изъ самородного серебра и посвященна чудотворною Іорданскою водою. Зъ-начала Кривоносъ выказалъ себе въ Переяславлѣ: подъ начадствомъ его составилася загонъ изъ православныхъ жителей города и околицъ, перебилъ жидовъ и Поляковъ та отправилася за Днеперъ до Хмельницкогю. Людей въ томъ загонъ было до 10.000. Хмельницкій, почитая высоко хоробрость Кривоноса, вызначилъ ему одну зъ найтруднѣйшихъ задачъ, выслалъ бо его на Волынь розоряти маенности князя Іереміи Вишневецкогю, который не только заявилъ себе отъ-давца наибольш-

шимъ врагомъ Руси и козачества, но къ тому еще надъ всѣхъ Ляхѡвъ отличался мужествомъ и твердымъ военнымъ характеромъ. — Былъ же той князь Іеремія Вишневецкій потомокъ изъ славнаго рода Корыбута Ольгердовича, и всѣ его предки были защитниками святаго православія. Прадѣдъ его былъ Гетманомъ козаковъ и потерпѣлъ мученическую смерть въ Цареградѣ за русскую вѣру. Отецъ Іереміи, Михаилъ, до конца жизни исповѣдывалъ православіе; самъ же Іеремія былъ зѣначала также православнымъ, но отданъ для воспитанія въ Львовску езуитску академію, перемѣнилъ вѣру и здѣлался на всю жизнь запекотокатоликомъ, злобивымъ врагомъ русскаго имени и русскаго церкви. Посѣдаючи огромныя добра въ Галичинѣ, на Волыню и на Украинѣ, бнѣ съ фанатичною ревностію заводилъ тамъ католичество и унію, а съ крайнимъ ожесточеніемъ гонилъ православныхъ, разбивалъ русскихъ людей яко мухъ. Такой фанатикъ любилъ панямъ Полякамъ, и они толпами стекались до него на придворную службу, такъ, що набралось у него порядочное свое надворное войско. Онъ былъ искусный полководецъ, и неутомимый къ врагамъ. Во время войны съ Велико-Руссами бнѣ такъ ужасно розорялъ огнемъ Московскія пограничныя города и села, що Велико-Руссы прозвали его Пальемъ. Еще болѣшую жестокость оказывалъ бнѣ надъ козаками послѣ усмиренія ихъ бунтовъ. Тутъ бнѣ выдумывалъ самыя найстрашнѣйшія муки, и черезъ то пришолъ въ крайнее омерзѣніе у Русинѡвъ; особенно ненавидѣли его духовныя, возстановляли противъ него народъ, указывая на него яко на отщепенца и измѣнника. Неразъ жизнь его была въ небезпеченствѣ, но всегда, якъ только удалось ему освободиться отъ бѣды, бнѣ не думалъ, подобно другимъ магнатамъ, усмирять недовольныхъ ласкою, а ставалъ еще тѣмъ строжайшимъ мучителемъ своихъ противникѡвъ.

Въ то время, коли Хмельницкій поднялъ войну противу Польши, князь Іеремія жилъ въ своемъ мѣстечку Лубнахъ на Украинѣ, и не смотря на загальный переполохъ шляхты, бнѣ одинъ и нѣмъ отвагу ставити чело збунтованному народу. Собравши около 8000 мужа своего придворнаго войска, бнѣ гонялся за гайдаками и всѣхъ попадавшихся въ руки казнилъ жестокою смертію. Разгнѣвая такимъ способомъ хлопскія шайки, Вишневецкій дойшолъ майже до Переяслава и намѣрялъ уже перейти на другую сторону Днѣпра, чтобы поспѣшнѣ на помощь Потockому, но узнавши по дорожъ, що Переяславъ возмущился и Кривонозъ съ 10.000 мужа готовился поразити князя, вернуть назадъ, и тутъ на поворотномъ пути, недалеко села Березани, явились къ нему 6 козаковъ съ письмомъ Хмельницкаго, въ которомъ Гетманъ Украинны извѣщалъ князя о пораженіи ляцкихъ Гетманѡвъ Корсунемъ, просилъ его не оскорбляться тѣмъ и не начинать вражескихъ

дѣйствій противъ Руск. Вишневецкій вмѣсто отвѣта приказалъ вбити на палъ посланниковъ Хмельницкого, при чемъ побрякивая саблею, въ гнѣвъ восклицалъ: „Огь-такъ належить усмирятъ козаковъ!“ — Помимо такой неустрашимости Вишневецкого, положеніе его въ збунтованномъ докола краю ставалось чѣмъ-разъ небезпечнѣйше; подѣ Лубны собирались все болѣе и болѣе загоны, а изъ власной дружины князя Іереміа осталось уже только 3000 мужа. Затѣмъ собравшись на-скоро, Вишневецкій вразъ съ родиною выхалъ изъ Лубень, на-вѣки попрашавшись съ ними и заплакавши о утраченныхъ тамъ маеткахъ. Коло Любечи переправился бѣгъ черезъ Днѣперъ и скорымъ ходомъ поспѣшалъ мимо Житомиръ до своихъ дѣбрь на Волинь. По дорогѣ бѣгъ еще зруйновалъ мѣстечко Погребище, гдѣ составлялся свѣжій загонъ изъ селянъ и мѣщанства, а потомъ ударилъ на свѣй власный городъ Немировъ, котораго жители, соединившись съ гайдамаками, признали надъ собою власть Хмельницкого. Въ Немировѣ тогда уже гайдамакъ не было, а остались самы мѣщане съ своими священниками. Не трудно прійшло Вишневецкому назадъ здобыти свѣй городъ, по чѣмъ слѣдовала страшная месть князя на Немировцѣвъ. Мѣщанамъ и священникамъ вырывали очи, распинали ихъ на крестъ, розрѣзовали на половину, сажали на колъ, обливали кипяткомъ, и кромъ того уживали такіи муки, говорить летописецъ, якихъ и дикіи народы не могли выдумати. Вишневецкій прусутствовалъ при тѣхъ казняхъ и въ бышенствѣ ободрялъ катѣвъ словами: „Мучте ихъ такъ, щобъ они чувствовали, що умирають!“ — На другій день князь Іереміа ухалъ изъ Немирова, оставивши въ городѣ 200 своихъ драгунѣвъ на стражи. Но ледви Немировецъ, которы еще спаслися въ живыхъ, успѣли оплакати замученныхъ братьей и другѣвъ, якъ знову стали зноситися съ гайдамаками, направили до мѣста новый загонъ, и съ помочію тогожь перерубали ляцкихъ драгунѣвъ всѣхъ до одного, та и въ другій разъ признали надъ собою власть Хмельницкого.

(Дальше буде.)

ДѢЛАТЕЛИ ЗОЛОТА.

НАРОДНАЯ ПОВѢСТЬ послѣ Чокого.

(Конецъ)

29. Еще новость.

„Давши опять що-то затѣмъ,“ переговаривали межъ собою селяне; они замѣчали, що оны вечерами, коли люди отпочивали послѣ работъ, ходилъ по

полю съ учителямъ и другими молодыми людьми взадъ и впередъ, при чемъ они носили долги ланцухи, вбивали въ землю высокии колья, а Данило все смотрѣлъ на колья черезъ якій-то столбикъ на долгихъ ножкахъ и не могъ до-сыта въ него наглядѣться. Тоже дѣлалъ и учитель Радушный, а казалось бы, что на колья и смотрѣти было ничего. Такъ продолжалось майже цѣлый годъ; и коли селяне услышали, що Данило вымѣрилъ землю и все поля, и що все дороги и стежки положены нимъ на плянъ — многимъ стало страшно, потому що опять толковали о войнѣ, и боялись, чтобы Данило не задумалъ передать землю непріятелю.

Но отъ що вышло: Данило умѣлъ межевати, своего любимца Радушного научилъ того-же. Такъ якъ громадскій лѣсъ былъ уже дуже варно измѣренъ, то ему прійшла мысль въ свободное время измѣрити тоже все земли, дороги, стежки, весь округъ, принадлежавшій Золотой Полянѣ, и сдѣлати подробный плянъ.

На плянъ видѣти былъ ясно каждый клочокъ земли, каждая дорога, каждый заборъ, каждая усадьба. Коли бѣльшой плянъ былъ оконченъ, то его повѣсили въ свѣтлицѣ, где всегда собиралась громада. Тогда все селяне стали бѣгати каждого дня смотрѣти великій плянъ и дивились ему потому, що они могли все распознати и всякій находилъ на немъ и свое поле, свой садъ и дугъ. Но лучше всего было то, що на каждомъ клочку поля или земли выставлена была величина его до послѣднаго аршина.

Теперь только узналъ каждый, якъ велике было его поле или дугъ, и старанно списалъ собъ то на особную нотатку. При продажѣ и покупцѣ земли то было дуже важно, потому що до сихъ поръ землю мѣрили только столбами, и иной разъ насчитывалось надто много, а другій разъ и надто мало земли. Такое размежеваніе было дуже полезно.

Но старшина Данило говорилъ селянамъ, осматривающимъ плянъ: „То еще що за польза! я знаю другую еще побѣльшу отъ той.“ Коли же они просили сказати имъ, онъ отвѣчалъ: „Если вы о томъ сами не догадаетесь до Покрова дня, то я вамъ скажу.“

Прійшоу Покровъ, но они не догадались.

Тогда на сходѣ по рознымъ дѣламъ, коли дѣла были окончены, Данило выступилъ впередъ и сказалъ:

„Вы все насмотрѣлись на плянъ Золото-Полянской земли, который сдѣланъ тамъ отчетливо учителямъ Радушнымъ и учениками его. Каждый изъ васъ, глядячи на него, думалъ свое; скажу и я мои мысли. Коли я осматривалъ поля, которые мы обробляемъ въ потъ лица своего и съ благословеніемъ Божиимъ, то мнѣ часто становилось смутно, що при такой трудной работѣ поля все еще обробляются не такъ, якъ бы слѣдовало, и потому не приносятъ стѣлько дохода, скѣлько бы могли. Коли еще разъ взглянулъ я на плянъ, мнѣ прійшла мысль, и я понялъ, въ чемъ состоитъ годовыи недостатокъ въ

нашомъ полевомъ хозяйствѣ. Менѣ ясно якъ день, що если вы межн собою согласитесь, то поля ваши съ меньшою тратою времени и выдаткѣвъ могуць быти обработаны лучше и стануть доходнѣйши, чѣмъ прежде.“

Селяне сказали въ отвѣтъ: „якъ не согласитися, конечно согласимся, если то поведе къ уменьшенію выдаткѣвъ.“

— Дай Боже! продолжалъ Данило; — я скажу вамъ, отъ чего до сихъ перъ было много лишнихъ выдаткѣвъ, которыхъ вы можете избавитися, если захочете. То отъ надаренной траты времени, а именно: каждый изъ васъ владѣе землею, якъ бѣзъ ю получилъ или по наслѣдству или покупкою, или по другимъ якимъ сдѣлкамъ, — отъ того каждый и має одинъ клочокъ земли на горѣ, другій за лѣсомъ, третій на той сторонѣ моста, а нный возлѣ села, и наконецъ еще клочокъ за потокомъ. Возъ и долженъ бѣзъ по-пусту теряти время, бѣгая зъ одного клочка на другій, также робѣтники его точно такъ само перевозятъ зъ мѣстца на мѣстце и телѣги съ навозомъ. И потому часть дня, коли бы можно было роботати, теряется въ бѣготнѣ и въ сборахъ. Вы своимъ робочимъ платите гроши, а они теряютъ время въ бесполезныхъ переходахъ. Иный отъ того и не прикупае земли, що не може и со своею-то управитися, а межн тѣмъ лишной земли у него нѣтъ. Бѣготня ѳтнимае у васъ много времени. Еслибъ у каждого все поля были въ одномъ мѣстци и въ одной межѣ, то онъ своимъ робочимъ мѣгъ бы въ то-же самое время управитися съ болшимъ полемъ, нежели съ якимъ онъ теперь управляется, и былъ бы, розумѣется, богатшій.

— Все то такъ, отвѣчали селяне, — но измѣнити того не можъ; поля не возьмешъ на плочи, щобы перенести къ одному мѣстцу.

Данило отвѣчалъ: — Можно, если тѣлько вы сами того захочете; у васъ есть плянъ всего села, и каждый знае, якъ великій его участокъ. Но дѣло конечно не безъ затрудненій. Вы должны обмѣнятся другъ съ другомъ роскинутыми клочками, такъ щобы у каждого земля была вся въ одномъ мѣстци. Най поговорятъ сусѣды межн собою, и най получатъ вознагражденіе грошии той, кому прійдется земли нешного поменьше или горше ѳтъ другого. Та еслибы и прійшлося кому що потеряти при обмѣнѣ, онъ все же въ-двое выиграе уже тѣмъ, що вся земля его буде въ одномъ мѣстци. Въ случаю несогласія кого другъ съ другомъ, выберете собѣ безпристрастныхъ посредникѣвъ, роздѣлите землю на двѣ доли и киньте жеребій, — кому якая достанется. Тѣлько не страхайтесь никакъ затрудненій, не говорятъ, що вы привыкли къ старому. Въ послѣдствіи вы ѳтъ того розбогатеете безъ лишного труда.

Коли Данило кончилъ свое предложеніе, селяне стали расходитися, покачивая головою. Всѣ говорили: то мысль хороша, но трудно ю привести въ исполненіе.

Межн тѣмъ въ свободный ѳтъ роботы часъ нѣкоторымъ стали подумывати, которій бы клочокъ поля отдать тому и тому въ обмѣнъ за землю, смеж-

ную съ его полемъ. Въ шутку начали они переговаривати о томъ съ сусьдами; тѣмъ не подобалось, що имъ предлагали, а имъ хотѣлось бы другого участка, который принадлежалъ третьему, оба обращались тогда къ третьему, одинъ подстрекалъ другого. Скоро каждый сталъ дѣлать планы, якъ бы округлти свои земли, соединити въ одномъ мѣстци. Въ короткое время переговоры были въ полномъ ходу; нѣкоторымъ удалось уладити дѣло, а другіи не могли согласитися другъ съ другомъ, но все-таки дѣло понемому подвигалось впередъ. Въ Золотой Полянѣ происходила точно продажа земли, точно ярмарокъ, даже зимою, коли было больше свободного времени и можно было по вечерамъ для толковъ сбиратися то у одного, то у другого. Сбиратися же въ корчмѣ и тратить тамъ честно заработанную копейку, обращаться тамъ въ скотовъ стыдился уже честный Золото-Полянецъ. Они охотно выпивали по праздникамъ стаканчикъ дѣна. Данило предсказывалъ, що при обмѣнѣ земли буде много затрудненій: затрудненіи и нашлись. Но въ первыи же полгода удалось пятерымъ всю свою землю собрати въ одномъ мѣстци. То поощрило другихъ. Они дуже хорошо видѣли, якая отъ того выгода. Вотъ и стали они придумывати, якъ и чѣмъ дойти до того-же самого.

Комната, где висѣлъ плянъ, была постоянно посѣщаема по вечерамъ. Передъ нимъ всегда стало скобѣжа селянъ, они торговались и спорили, такъ шо слышно было и на улицѣ, расходились съ досадою и опять сходились вновь толковать.

Що же послѣдовало? Годъ отъ году поля округлялись, и польза отъ того была очевидна.

30. Що сталося съ Золотою Поляною.

Золотая Поляна въ самомъ дѣлѣ стала золотымъ дномъ. Среди плодovitыхъ садовъ она якъ-будто утопала въ роскошныхъ деревьяхъ, и окруженная дугами и золотистыми полями, она казалась земнымъ раемъ; полевныи дороги были чисты и въ порядку якъ въ саду, а проселочныи на всемъ протяженіи Золото-Полянскои земли были зъ обоухъ сторонъ обсажены яблонями. При входѣ въ село казалось, шо то не село, а какое-нибудь значительное мѣстечко. Вся дома, даже и небольшіи, были красивы и содержались въ великомъ порядку зъ-низу до-верху. Окна были свѣтлы, блестящіи, двери выскоблены, дахи майже всѣ крыты черепицею, потому шо громада запретгла соломянымъ крышамъ изъ обавы пожара. И всякая вновь покрываемая крыша должна была крытися черепицею; на многихъ крышахъ видны были водоотводы; майже у всѣхъ передъ окнами посажены были цвѣты, передъ домомъ находились маленькіи садники чисто содержимыи, и въ нихъ стояли улы; селяно, встречающъ на улицахъ, радушно привѣтствовали другъ друга и весело шутили межи собою.

Видно было, что они всё жили в согласии и были довольны судьбою своею. Иначе и не могло быть.

И въ будни на полевых и садовых работы все были просто, но чисто одаты; не видно было запачканных, оборванных платьевъ; встречались загорелыи лица, но не грязныи и не сонныи; сила и здоровье замѣтны были на лицу каждого. Молодые люди другихъ селъ заглядывались на Золото-Полянскихъ дѣвчатъ, потому что они были не только удивительно опрятны и хороши, но свѣдущи, искусны и на все способны, отличныи хозяйки. Многимъ сыны богатыхъ селянъ другихъ сторонъ брали собѣ невестъ изъ Золотой-Поляны; и если они не всегда приносили съ собою много грошей, за то много добрыхъ свойствъ. А если молодой селянинъ Золото-Полянский обирался жениться, то могъ избрать изъ дѣвчатъ всеи околицы. Рѣдко кто отказывалъ руки своей дочери, какъ бы она богата ни была, жениху изъ Золотой Поляны, — потому что всякій зналъ, что тамъ она буде хорошо пристроена. Со много увеличало благосостояніе села.

Само собою разумеется, что въ Золотой Полянѣ не встречалось больше ни нищихъ, ни праздно-шатающихся, да и по виду тамъ вовсе не было бѣдныхъ людей, потому что даже и немущии, содержимыи въ богадельнѣ, имѣли сытную страву и порядочную одежду. А если входили въ самый бѣдный изъ маленькихъ домиковъ, то такъ и казалось, что въ немъ живе кто-нибудь богатый. Подлоги были выметены и вымыты, на лавкахъ, на креслахъ и столахъ ни одного пятнышка. Они свѣтлы, — словомъ нищо не похоже было на грязныи хаты некоторыхъ селянъ другихъ деревень. Такъ и хотѣлось бы пожить съ такими честными людьми.

Въ лѣтніи мѣсяцы, въ хорошую погоду, въ Недѣлю, весело было омотрѣти на Золотую Поляну. Толпились тамъ гости изъ города; велика и простораная господа, котору (кто бы могъ подумать!) прибралъ собѣ одинъ изъ 32 тайныхъ союзниковъ Давида, была полна посѣтителями изъ города, которые тамъ шли и ѣли. Другии нировали въ гостяхъ у знакомыхъ или селянъ, сидѣли у нихъ въ садахъ, пили молоко, ѣли яблока, медъ и рѣзные сельскіи угощенія, или располагались на зеленомъ лужку, пили болтали. Другии играли въ какіи-нибудь игры; иные же сидѣли на присѣвахъ или на лавочкахъ подъ навѣсомъ крышъ и любовались на пеструю толпу гуляющихъ, или сидѣли подъ липами, смѣтря, какъ подъ звуки пѣсни плясала молодежь. Можно легко вообразити, что городскіи жители были довольны своимъ гуляньемъ. Даже зимою призжали гости. Устроивалось изъ города катанье въ саняхъ въ Золотую Поляну. Лучшего мѣстца для того никто не могъ придумать, и селу былъ отъ того немалый доходъ.

Селяне другихъ деревень слышали и видѣли то и не могли надивитися, отъ чего у нихъ было не такъ. Они не на шутку думали, что Золото-Полянцы увиди чаровати. Но вѣсто того, чтобы постаратися узнать, въ чемъ именно

состояло ихъ чародѣйство, они оставались неподвижны въ своей грязи и потому-то нѣмой перемены къ лучшему въ нихъ не происходило. Они только съ завистію и съ досадою говорили о Золотой Полянѣ и сивлялись злобно, называя селянъ дѣлателями золота.

Но то названіе не было обиднымъ; Золото Полянцѣ не обращали на то вниманія, потому що куда бы они не приходили, всюду ихъ уважали и цѣнили. Они заедно жили по своему и были веселы и довольны. Пороботавши всю седмицу, они въ самомъ дѣлѣ отдыхали въ Недѣлю; конечно въ корчму они не ходили. У нихъ и дома было що поѣсти.

Зимю тоже по вечерамъ плясала молодежь подъ музыку, многіи селяне и мальчики выучились у учителя Радушного играть на скрипцѣ и на басѣ. Часто составлялись такіи хоры, явкихъ и въ городѣ не слыживали. Старши люди родными посещали другъ друга по вечерамъ; угощали другъ друга простою своею стравою и веселымъ разговоромъ. О пьянствѣ, злодѣйствѣ, тяжбахъ и всякой тому подобной дряни межъ Золото-Поляндцами болѣе и слыху не было, потому що при довольствѣ и хорошемъ воспитаніи, вынесенномъ изъ школы, межъ селянами распространилось чувство чести, добросовѣстности и любовь къ чистымъ нравамъ, чего не было въ другихъ селахъ. Уже съ первого взгляда можно было отличить ихъ въ городѣ отъ другихъ селянъ: они носили весьма простую одежду, и въ бесѣдахъ были тихи и скромны, во всемъ же обращеніи правдивы и добры. Конечно они не носили панскихъ матерій, но обхожденіе ихъ было полно достоинства. Не можъ думать, чтобы такое хорошее и похвальное поведеніе было только слѣдствіемъ воспитанія и довольства; оно происходило и отъ законовъ громады, потому що коли некоторымъ становились богатыми, то межъ ними бывали и такіи, которы начинали зазнаваться. Ними величались, ржали своихъ дочерей не по селянски, самы носили толкое сукно и во всемъ хотѣли важничати. Други принимались было за карты, за вино въ корчмѣ, но то возбуждало негодованіе въ честныхъ людяхъ и они заговорили:

„Если мы опять возьмемъ за старое, то и вернемъ къ старому.“

Всѣ и возставали противъ тѣхъ, которы отступали отъ простоты и доброго порядка и стали требовати, щобъ старшины крѣвче смотрѣли за соблюденіемъ въ селѣ простыхъ добрыхъ обычаевъ.

Тотъ укоръ, сдѣланный старшинамъ, не огорчилъ Давила, но дуже обрадовалъ. Тогда вышло строгое распоряженіе отъ громады: въ немъ была запрещена всякая роскошь въ одежѣ и каждому возрасту предписано свое одѣяніе, а за карты и всякую игру въ гроши, за пьянство, сварню и всякій развратъ наложена всюю громадою грошевая кара. Отъ того и вышло, що каждый боялся преступати положенный порядокъ, и що если и приходила кому охота дѣлати що-нибудь безчестное и несправедливое, то боязнь стыда и кары останавливали его.

Каждый годъ прочитывали передъ громадою то роспоряженіе, и должны были слухати его старши и малыи, мужчины, женщины, а даже дѣти. Если находили нужными объясненія и дополненія, они давались тутъ-же, и по прочтанью его старшина спрашивалъ всякій разъ: „Хочете ли вы исполнати той законъ? въ немъ основаніе нашего богатства, согласія и чести.“

Старши и малыи громко и внятно отвѣчали всѣ вразъ: „Хочемъ.“

31. Крестины.

Въ то-же время Богъ послалъ Давидъ великую радость, которой онъ давно надаренно желалъ, а именно: вѣжно любимая жена его родила ему здорового сына. Давидъ былъ въ восторгѣ.

Онъ побѣжалъ къ своему другу, новому гостиннику, одному изъ 32 знакомыхъ намъ селянъ: „Друже мой, сказалъ онъ ему, — я еще николи не просилъ у тебе ласки и прихожу въ первый разъ; жена моя родила, и я не могу оставити ю, чтобы идти въ городъ. Мень же потреба 250 золот., хоть бы только на неделю, и если можно, золотомъ. Можешь ли ты дати мнѣ столько на неделю?“

Гостинникъ отвѣчалъ: — Онъ чего бы вѣтъ, я такъ много тебя обовлаванъ. Я только що получилъ 400 золот. и они еще при мнѣ, но майже всѣ серебромъ. Если хочешь, возьми все, на сколько времени нужно.

— Мень бы нужно было золотомъ, возразилъ Давидъ.

— Ну, я постараюсь достати, коли тебя нужны?

Давидъ отвѣчалъ: „Принеси гроши завтра вечеромъ о 8 годинъ ко мнѣ на домъ, но прошу, не говори никому.“

Кончивши то, онъ пошелъ дальше къ другимъ тайнымъ товарищамъ своимъ и сказалъ имъ то-же, какъ и гостиннику, и просилъ у каждого 250 золот., если можно, золотомъ. Каждый радовался, що представился наконецъ случай одалжити такого человека, и каждый прирекъ принести ему грошей. Давидъ каждому назначилъ завтрашній день о 8 годинъ вечера.

Вотъ и пришли всѣ въ одинъ и тотъ-же часъ, коли стемнѣло. Давидъ повелъ ихъ всѣхъ въ свою комнату, но въ ней не было еще огня. Селяне удивлялись такому собранію. Давидъ пошелъ за огнемъ, и коли онъ опять вошелъ въ комнату съ двома запаленными свѣчами, то они увидали его въ блестящомъ офицерскомъ мундурѣ, съ перемъ на каплеусѣ, съ ордеромъ на груди, съ долгою шпадою прѣ боку, именно такъ, какъ они его видѣли, коли въ первый разъ собрались къ нему, чтобы учиться дѣлати золото. Съ удивленіемъ посмотрѣли они другъ на друга и увидѣли то-же самое, що сѣмъ лѣтъ назадъ, тахъ-же присутствующихъ, ту-же комнату, тотъ-же столъ, на который Давидъ и поставилъ свѣчи.

„Если вы принесли то, о чем я просил вас, друзья мои, то положите сюда на столъ,“ сказалъ Данило.

Тогда одинъ за другимъ стали они подходить къ столу и много изъ-явили только сожалѣнiе, что не золотомъ могли принести ему гроши.

— Все равно, отвѣчалъ онъ, — выкладывайте, что принесли.

Посыпалось золото, серебро, аспидинъ и банкноты.

Тогда Данило сказалъ громко: „Вспомните, что теперь кончилось время назначеннаго испытанiя, и прошли семь лѣтъ и семь недѣль, о которыхъ я говорилъ вамъ. Смотрите, вы высыпали на столъ больше грошей, чѣмъ сколько сыпалъ я тогда въ очахъ вашихъ. Тогда вы едва были въ состоянiи собрать 250 медныхъ грошей; какъ бы на столько-то поварилъ вамъ въ городѣ. А теперь въ 24 годины каждый изъ васъ принесъ 250 золот., такъ что собралось тутъ наразъ 8 тысячъ золот. на столъ. И такъ пришло время испытанiя, и я научилъ васъ дѣлать золото. Теперь вы поймете, что сказалъ я тогда, какъ въ первый разъ вы тутъ стояли; я сказалъ: искусство дѣлать золото больше стоитъ отъ самаго золота, потому что то искусство есть лучшая мудрость въ жизни. Оставайтесь вѣрными обѣту нашему передъ Богомъ, ваше счастье и богатство буде расти съ дня на день; кто изменитъ обѣту своему, тому и изменитъ счастье. Передайте обѣтъ той дѣтямъ вашимъ, и най они держать его, тогда и имъ буде хорошо. Я сдержалъ свое слово: вы стали богаты, потому также, что пользуетесь довѣрiемъ богатыхъ людей до того, что кошонки ихъ передъ вами открыты. Стало бытъ, вы научились дѣлать золото такъ, какъ могутъ дѣлать его честныи люди, или бытъ-може вы ожидали другого?“

Засмѣялись селяне и отвѣчали: „Вѣдай мы уже давно смекнули, что ты подразумивалъ подѣ словомъ: дѣлать золото. Но смекнувши то, мы усмидались своего прежнего глупого суевѣрiя, которое покрачало насъ умъ, и благодаримъ тебе отъ души, что ты вывелъ насъ на истинный путь. Безъ тебе и безъ помощи твоей мы бы никогда его не достигли.“

Данило былъ доволенъ такимъ отвѣтомъ и криво пожималъ имъ руки. Онъ отдалъ имъ гроши, потому что ему ихъ не было нужно, и былъ кѣтъ только испытати ихъ привязанность.

„Распорядишься ими какъ хочешь, сказали они: тебя обязали все имъ своимъ счастьемъ, скажи только — и поидемъ за тебе въ огонь и въ воду, мы все готовы умерти за тебе.“

Толпясь вокругъ него, разсматривали они мудрость его, крестъ на груди, и захотѣлось имъ узнати, что то значило.

Онъ отвѣчалъ: „Спаси-Богъ нашему старому школьному учителю, покойному отцу моему, что научилъ былъ мене многому полезному и между прочимъ нежеванiю. Потому что, коли я поишолъ въ солдаты, то се знанiе при честномъ поведенiи, отличило мене между товарищани. Строго исполнять я свою

службу и былъ произведенъ въ офицеры. Разъ въ сраженіи, увидѣвши наслѣдника принца, окруженнаго непріятелемъ, навелъ я быстро на нихъ свой отрядъ и спасъ принца отъ смерти. Вотъ отъ чего у мене тотъ шрамъ на лѣвѣ и той крестъ на груди, а при отставкѣ, по случаю заключенія мира, дали мнѣ пенсію на всю жизнь; проважая наши края, наслѣдникъ принца не забылъ мене и поставилъ самъ, какъ вы помните.

Когда я прійшоу въ Золотую Поляну, мою мпую родину, и увидѣлъ, какъ все тутъ было негодно и бѣдно, я скрылъ мое богатство, чтобы избавиться отъ преслѣдованія нищихъ. Не было мнѣ охоты оставаться тутъ и уйшоу бы я прочь, еслибы не увидѣлъ мельничевой дочери. Она, моя Марія, удержала мене. Тогда я рѣшился попробовать пожить съ вами, и представился бѣднымъ въ ровень съ другими, чтобы возбудить къ себѣ довѣріе. Никому не сказывалъ я о моихъ чинахъ и пенсіи, только долженъ былъ все открыти родичамъ Маріи, коли просилъ руки ихъ дочери; потому что не отдали бы они ю за мене, считая мене бѣднымъ. Коли сме въ той вечеръ привелъ я къ себѣ мельника и жену его и надѣлъ тотъ мундуръ съ орденомъ; коли показалъ я имъ свои гроши и грамоту короля, изъ которой они увидѣли, що я получалъ ежегодно больше, чѣмъ могъ въ три годы заработать ихъ млынъ, — тогда они переѣмили свои мысли. Только я просилъ ихъ о томъ молчать; тогда се было нужно; теперь же менѣ все равно, най хоть все то знаютъ.“

Такъ розсказывалъ Данило, а селяне удивлялись и ридовались его счастью. Онъ обьялъ ихъ и роспрошася съ ними, они же, расходячися, благодарилъ его яко создателя ихъ земного и вѣчнаго счастья, и называли его отцемъ своимъ. Они просили его сказать, коли бытъ буде справляти крестины, чтобы порадоватися съ нимъ и сдѣлать его праздникъ и своимъ праздникомъ.

Когда заразъ въ три дни наступила Недѣля, въ которую назначены были крестины, то въ селѣ все зъ раннего утра было на ногахъ. Данило же подошолъ къ своей Маріи, обьялъ вразъ молодую мать и дитя ея и сказала ей: „Видишь ли, Марію, сердце мое замираетъ отъ восторга и умиленія. Сынь мой радуе мене безпредѣльно, но еще больше радуе мене село. И правда выходятъ, що люди не такъ злы и безчувственны, какъ о нихъ часто говорятъ. Ничоли не перестану я вѣрити въ доброту людей. Посмотри, въ тую ночь они опять увѣшали нашъ домъ вѣнками цвѣтовъ, какъ въ день нашей свадьбы. Но того еще мало: все хаты въ селѣ розукрашены цвѣтами и зеленью, якъ будто нищъ праздникъ и ихъ вспольный праздникъ, а позаду нашего дома до самой церкви воткнули они березки по обомъ старонамъ дороги, а на пути насыпали и дакидади листьевъ и цвѣтовъ.“

Такъ говорилъ Данило, и прослезилася отъ умиленія счастливая мать. Она отвѣчала: „Такъ вотъ що значилъ той шумъ и ходьба, которыи я слышала ночью, не понимая, шо се такое.“

Она захотѣла встать съ постели и подойти къ окну, чтобы посмотреть на все то; тутъ опять слезы покотились изъ очей ея, потому что ничего нѣтъ трогательнѣе какъ сочувствіе межъ душами благородными. Въ томъ естъ самое высокое назначеніе человека, ожидающаго небеснаго блаженства.

Тутъ прійшли ея родичи, которы были воспріемниками дитяти. Жена мельника не могла наговоритися о томъ, какъ красиво убраши хаты и який веселый

видъ представляе все село, и все повторяла: — Натъ, такихъ крестинъ никогда не бывало въ Золотой Полянѣ, такъ не празднуютъ и роженіе принца!

Она еще не кончила словъ свенхъ, якъ прійшла цѣлая толпа дѣвочекъ и мальчкѣвъ въ праздничныхъ платьяхъ по-парно. Вся несли отъ родителей своихъ по подарку новорожденному: одни бѣлой холстины, другіи пряникѣвъ, или всякихъ ласощей, или цвѣтовъ, или шитыи шапочки своей роботы; еще другіи красивую посуду, домашнюю, или для кухни и проч. Скольکو было хать въ селѣ, столько было и подаркѣвъ. И дѣти цѣловали Марію, называя ю своею матерью и цѣловали Данила прибавляя: „Ты отецъ нашъ!“ Для Данила и Маріи не могло быти названія больше пріятногo.

Ударилъ колоколъ въ церкви и дѣти понесли въ храмъ Божій, за ними шли кумы, за ними рoстрoганный отецъ. Весь народъ стоялъ у церкви рoступившись и смотрѣлъ на шествіе. Коги же Данило проходилъ мимо, то каждый весело кланялся ему, говоря: „Здравствуй, отче нашъ!“ Толпа повалила въ церковь.

Тутъ Отецъ Григорій сказалъ послѣ крестинъ трогательную рѣчь о обязанности народа изъявляти свою благодарность справедливому начальству свосму. Никоги еще не говорилъ такъ хорошо Отецъ Григорій. Всякое слово шло прямо къ сердцю, весь народъ былъ глубоко тронутый, всякій старался удерживати свои слезы. Коги же дѣло дошло до молитвы, и онъ дрожащимъ голосомъ благодарилъ Бога за дарованіе Золотой Полянѣ добрыхъ начальнѣкѣвъ, при чѣмъ каждый думалъ о Данилѣ, тогда и самъ Отецъ Григорій не мѣгъ долше удерживатися, и у него среди слезъ вырвалось имя Данила, все зарыдало въ церкви. Каждый помышлялъ о томъ, що сдѣлалъ Данило для своей громады. Каждый признавалъ въ немъ содѣателя всеобщаго счастья. Прервался гoлoсъ священника, онъ замолчалъ и благословилъ рoстрoганный народъ. Никоги не пѣли съ такимъ восторгомъ въ Золотой Полянѣ прекрасную молитву:

Тебе, Бога, хвалимъ — и пр.

Добрый Данило, рoстрoганный, смущенный, но съ радостью въ сердцѣ, не смѣлъ подняти очей, выходячи изъ церкви, и шолъ домѣвъ съ низко опущенною головою въ той радостной толпѣ. Онъ не мѣгъ говорить.

На крестинномъ обѣдѣ были у него родичи Маріи, священникъ, школьный учитель и товарищи старшины. Они рoзсказывали, що во всѣхъ майже домахъ села былъ праздничный обѣдъ, на который селяне приглашали другъ друга. Бѣдныи обѣдали у богатыхъ, Данило, качая головою, твердилъ: — Се уже надто много, я не заслужилъ того!

Но общая радость рoзвеселила и его. Вечеромъ, сопровождаемый гостями своими, поишолъ онъ въ село; тамъ, переходячи отъ дома къ дому, садился онъ въ каждый кружокъ, благодаря всѣхъ за любовь. Золотая Поляна была полна чужихъ людей. Въ городъ рoзнесся слухъ о готовящемся празднествѣ, и всякій, кто мѣгъ, спѣшилъ посмотреть на него. До повной ночи плясала и пѣла молодежь. Во всѣхъ концахъ играла музыка у хатъ, подъ липами и въ садахъ, украшенныхъ цвѣтами. Еще до сихъ поръ говорятъ въ Золотой Полянѣ о томъ славномъ празднику и называютъ съ тѣхъ поръ Данила отцемъ села.

Истинно говорятся: що посѣшь въ жизни доброго, то и пожнешь большимъ урожаемъ, — потому що есть Богъ, исполненный милосердія и любви, воздающій намъ по дѣламъ нашимъ.

Пренумера-
та въ годъ
1 ар. 80 р.
со „Сло-
вомъ“ 10 ар.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
вруч. ч.
123. н.

Научно-беллетристическая прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 29.

Львовъ 4. Декабря 1868.

ГОДНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

ИСТРЕПЛЕНІЕ ЛЯХОВЪ въ ЗЕМЛЯХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОМЪ 1648 г.

Не пора уже была князю Вишневецкому идти вторично усмирять Немирбовъ, бо въ другихъ его маетностяхъ грабидь и палиль вся его добытки грозный характерникъ Кривоносъ, который мовъ громовая туча являея на Волыню, метая докола дострахъ и знищенье на ляхкии дворища. Съ Кривоносомъ справа была не такъ легка, якъ съ Немировскими мѣщучками, и хотя князь Іеремія успалъ до своей дружины прилучити еще около 5000 мужа Волынской шляхты, горнувшойся въ крайной роспудъ до него якъ до родного батька, но все тое ледви выстарчило ему, абы бѣгствомъ мѣгъ сдести животь свѣй передъ Кривоносомъ. Два разы потогдался онъ съ загономъ того характерника: разъ пѣдъ Старымъ-Константиновомъ, а другій разъ ажъ при Россоловицахъ за ракую Слунемъ пѣдъ границцаи Польщи. Въ обохъ тѣхъ битвахъ мужественный князь якъ и боролся хоробро, аки и доказывалъ чуда военной вправы и искусства, а такъ въ-конецъ стративши своей шляхты до 4000 мужа, принужденъ былъ якъ-нещичный уступить до Збаража, оставляя Кривоносу вольное поле до руйнованья ляхкиихъ добръ до всему, Ведыню.

Упоравшись съ Вишневецкимъ, Атаманъ Кривоносъ по приказу самого Гетмана Хмельницкого пойничолъ на городъ Баръ (также на Волыню), въ которомъ держалась еще польская задога, поставленная княземъ Вишневецкимъ. Начальникомъ той залоги былъ панъ Андрей Потоцкій, сынъ короцкого Гетмана, находившогося тогда въ татарской неволи. Онъ то Андрей Потоцкій, бажая помстити на русскомъ народѣ соромъ и дужду своего батька, творилъ православнымъ жителямъ города Бара всякии притѣсненія и пакости, въ чѣмъ съ наибольшимъ усердіемъ помагали ему нехристи-жиды, которыхъ въ Барѣ набралось тогда надзвычайне множество, бо сверхъ 15.000 душъ. Православныи жидяне Барскіи, страдаючи пѣдъ гнетомъ ляхкою залоги и жидовы,

высланы по-тайно пословъ своихъ до Гетмана Хмельницкого съ проше-
ніемъ о помочъ и избавленье отъ воровствъ. Въ слѣдствіе того въ на-
чалъ мѣсяца Августа 1648 явился подъ Баромъ Атаманъ Кривоносъ
съ своимъ загономъ, та и справилъ тамъ страшную лазню жидомъ и
Полякамъ. Гайдамаки его, завладевши при помочи русскихъ мѣщанъ
городомъ и укрѣпленнымъ замкомъ Барскимъ, перерезали, перетопили и
перемучили неслыханнымъ способомъ всѣхъ шляхтичей, католикѣвъ и
лицкихъ ксендзѣвъ, особенно езуитѣвъ, а въ жидѣвъ, якіи лишь были
въ городѣ, числомъ 15.000 душъ, поздирали изъ живыхъ кожу. Поль-
ску же залогу гайдамаки выбили всю до ноги, а пощадилъ только пана
Андрея Потоцкого и кѣлькохъ найзнатнѣйшихъ панѣвъ, которыхъ Ата-
манъ Кривоносъ живцемъ представилъ Ваткови Хмельницкому въ го-
родѣ Чигиринѣ. — Гетманъ Хмельницкій, доставши такимъ способомъ
уже третого Потоцкого въ свои руки, возрадовался такъ сердечно симъ
половомъ, що подарилъ за то дѣльному Кривоносу драгоценную са-
блю и принялъ его къ себѣ на-всегда въ великую милость.

Въ тожь время на Волюню бушевали еще и другіи гайдамацкіи
загоны, якъ именно около города Луцка загоны Атамана Колодки,
который безпощадно руйновалъ панскіи мѣстки и разбивалъ Ляхѣвъ та
жидѣвъ до послѣднаго накурника. Загоны ти заняли подъ власть
Хмельницкого всѣ важнѣйшіи города Воляня, якъ то: Кременецъ, Олыку,
Ровно, Клеванъ, Тайкуры, Острогъ, Владиміръ, Кобринъ, Заславъ, Гуцу
и другіи, а всѣ земли панскіи въ тѣхъ сторонахъ, всѣ лѣсы и па-
совиска, забраннии безправно Ляхами, роздали гайдамаки братьямъ
своимъ, русскимъ селянамъ, препоручая тѣмъ-же, абы они по выки
вѣчнымъ не отдавали ихъ панамъ Полякамъ. Така бо утвердилась тогда
крѣпкая мысль въ народѣ простонародіи: що паны Поляки, наслаемыи
на нашу Русь, приходятъ сюда звыкло яко голыши, а ланѣвъ и лѣбѣвъ
и пасовискъ не принеситъ съ собою изъ Польщи, но забераютъ ихъ
у русскихъ громадъ, просвоючи собъ насиліемъ все тое, що имъ по-
кажется найкорыстнѣйшимъ и наилучшимъ. Тожь теперъ, коли народъ
по всей Руси громадно поднялся, абы знищити владнѣе Польщи, ува-
жалось рѣчию справедливою, щобы отобрати отъ Ляхѣвъ всѣи земнии
добытки, якіи они на Руси безправно посѣдали, и затѣвъ панскіи лѣсы,
лѣсы и пасовиска роздѣляю межи громаду, до которой они зв-поконвѣка
передъ нашествіемъ Ляхѣвъ яко законно-русская власность належали.

Въ сторонахъ межи Кременецъ и Дубномъ (тоже на Волюню) по-
тѣлся страшный способъ гайдамацкій загонъ, котораго начальникомъ
былъ человекъ якісь безименный, названный по преданію народа Шелудивый
Бунякъ. О семъ Шелудивомъ Буняку было такое повѣрїе
у русскихъ селянъ, що бы еще за часѣвъ старинныхъ князей Руси

былъ ханомъ Половецкой орды, а имѣлъ такой дикій норовъ, що зъ мясо мертвецѣвъ и пилъ вмѣсто воды людскую кровь. Колижь онъ умеръ, земля не хотыла принять его трупъ, и оттакъ онъ яко мертвецъ долго блукался по всѣхъ краяхъ, ажъ наконецъ явился на Воыню, и тутъ сталъ начальникомъ гайдамацкого загона. Онъ имѣлъ человѣческое лице, изъ виду казался живымъ существомъ, но внутренность его была наполнена гнилыми кбстями, и се было видно, коли онъ роздггался. А роздггался онъ только разъ кожного мѣсяца; разъ бо шо-мѣсяца ходилъ онъ купаться въ баню и бралъ съ собою козака, которого потомъ убивалъ, щобы той не росповѣлъ, кто онъ такой. Прійшлажь разъ черга идти одному козаку, которого мати была вѣдьма: тая дала сынови пирбгъ, испеченный на молоку груди своей. Сынъ предложилъ мертвецу Буняку на купели той пирбгъ, и Бунакъ досмотрѣлъ зраду не скорше, ажъ зѣлъ зачарованный пирбгъ. Тогда сказалъ онъ сыну вѣдьмы: „Ты уйшошь отъ смерти: я теперъ твѣй братъ, пожеже мы оба кормились отъ груди одной матери; однакъ черезъ то я сталъ знову живымъ существомъ, и погибну отъ вражихъ рукъ.“ А такъ оно и сталося: названный братъ перебѣжалъ къ Полякамъ, отирылъ имъ, шо слышалъ, и Шелудивый Бунакъ погибъ на первой стыщѣ отъ кульки ляцкой. Межи Кременцемъ и Дубномъ коло мѣстечка Вербы еще и нынѣ показываютъ курганъ, где будто лежитъ погребенъ Бунакъ. Черныи духи приздытца тамъ, и пугаютъ всякого, кто нечию туда проходить. — Таке преданіе жіе въ народѣ о Шелудивомъ Буняку, и оно, хотя перебрание строемъ выдуманной сказки, но показуе, якъ страшное было се возстаніе на Руси, коли въ немъ по народному понятію брали участие навѣтъ мертвецы.

Въ тойже самъ часъ, коли Воынь, Подбалье и право-бочная Украина киньми загапнымъ бунтомъ противъ Польци, на лъвой сторонѣ Днѣпра такожь дѣлалось не иначе. Изъ тамошнихъ загонбвъ наибольшо Ляхамъ дался въ-знаки загонъ Атамана Шумейка, который сперва появился около Нажина, а потомъ ввероси на кблька добре устроенныхъ полкбвъ, загнался ажъ пбдъ крѣпость Кудакъ, Ляхами противъ Запорожья выстроенную. Крѣпость тая еще въ мѣсяци Юнію 1648 г. находилась въ рукахъ Полякбвъ, и Хмельницкій вовсе не думалъ здобывати ю правильными козацкими силами, но предоставилъ тую роботу первому лучшому гайдамацкому загону, який случайно въ оныхъ сторонахъ соборется. Такимъ загономъ былъ власне загонъ Атамана Шумейка, который якъ скоро явился пбдъ Кудаконъ, сейчасъ приступилъ къ осадѣ той крѣпости, призывая Полякбвъ, щобъ они поддались ему добровольно. Начальникъ крѣпости, панъ Гродзицкій, сперва ани не гадалъ о пбдданьюся, будучи увѣренъ, шо простыи хлопцы-гайдамаки дикѣ

*

не здолають проізвести правильну осаду крѣпости; коли однакожь вскорѣ потомъ увидѣль, що гайдамаки пѣдрыли землю пѣдъ крѣпостию такъ искусно, якъ-бы того годъ ожидати и ѳгъ наилучшихъ инженеровъ, и що они уже забираются найважнѣйшую часть крѣпости высадити порохомъ въ воздуху: тогда позбавлений всякой надѣи на свое спасеніе ѳнъ постановивъ пѣддатися. Уговорившись съ Атаманомъ Шумейкомъ о условіяхъ пѣдданьяся, панъ Гродзицкій съ цѣлою ляцкою залогою вийшовъ изъ крѣпости, и гайдамаки, честно исполняя обычай военный, не тронули никого изъ пѣддавшихся, а ѳтставили всѣхъ живцемъ въ Чигиринъ, где Гетманъ Хмельницкій поступивъ съ пльниками въ такой способъ, що простыхъ жолнѣровъ велѣвъ задержати въ своемъ таборѣ, а начальника Гродзицкого отпустилъ свободно въ Польшу. — Такъ могущая крѣпость Кудачка досталась безъ кровопролитія во власть Хмельницкого.

Въ то время назбералось въ Чигиринъ такъ багато ляцкихъ пльниківѣвъ, що Гетманъ Хмельницкій принужденъ былъ одну часть изъ нихъ выслати до Кіева, где ихъ мѣщено въ тамошнихъ православныхъ монастыряхъ. Была бо съ тѣми пойманными Ляхами ѳбда така, що ихъ годъ было где укрыти передъ розъяреннымъ народомъ, та единимъ мѣстцемъ для ихъ спасенія были монастыри и храмы православныи, въ которыхъ по увѣренью народа вороговъ хотѣбы и найгоршихъ, если они туда скрылися, не вольно было оскорбляти. Тожъ и сталося именно въ Кіевѣ таке, що коли въ кѣлька дней послѣ Корсунской битвы русскіи горожане возстали на Поляковъ, много людей изъ шляхты, католическіи ксендзы а навѣтъ и жида, спасаясь ѳгъ очевидной смерти, убѣгали въ Печерскій и другіи русскіи монастыри города, та уже а были тутъ ѳгъ всякого преслѣдованья безопасны. Русскіи монахи изъ милосердія и по духу истинно-христіанской пабожности дозволяли имъ жити у себо, кормили ихъ своимъ хлѣбомъ, а тѣлько перестерегали ихъ, абы не важились выходити за стѣны монастыря, бо тогда всякому воля Ляха чи жида въ земли русской убити. Шляхта и жида та и приоланнныи зъ Чигирина ляцкіи пльники долго скрывались въ Кіевскихъ монастыряхъ, не будучи никѣмъ преслѣдованы; однакожь съ часомъ многіи зъ нихъ, ободренныи тышиною города, осмѣлялися выходити на улицы, ба дальше и начали показовати такой гордый видъ, будѣтѣ они злову стали панями въ Кіевѣ. Тогда то неразважны они люде дорого заплатили за свою смѣлость: чернь бо городска кинулася на нихъ съ лютымъ оторченіемъ, и перерезала всѣхъ, кого лишь изъ нихъ встрѣтила на улицахъ или въ частныхъ домахъ въ городѣ. Остались въ живыхъ ино тѣи немногіи Ляхи, которы не показовали носа изъ-за стѣнъ монастырскихъ.

Возстаніе русско-народное отозвалось и въ Бѣлой Руси и на Литвѣ. Первый человекъ, который пришѣлъ туда призывъ къ народному бунту, былъ русскій помѣщикъ Головацкій, и бытъ же составилъ первую гайдамацкую шайку въ сторонахъ около Стародуба. А хотя шайка Головацкого вскорѣ разбита была польско-литовскимъ войскомъ, то однакожь поломя, отъ ней раздутое, выбухло сейже-часъ въ другихъ сторонахъ Бѣлой Руси и Литвы. Межъ селянами въ тѣхъ земляхъ появилась военная грамота Гетмана Хмельницкого, и въ слѣдствіе того сельскій народъ возставалъ громадно противу Польщи, убивалъ панбѣвъ, палилъ ихъ дворища, а панскую землю забиралъ всюду на власность громадску. Возстаніе по всей Литвѣ розширилось съ неслыханною быстротою. Селяне соединились въ гайдамацкіи загоны такъ само, якъ се было и въ другихъ земляхъ Руси, та ходили по всему краю, истребляя огнемъ и желѣзомъ все, що лишь было польское. Изъ бѣло-русскихъ загоновъ найстрашнѣйши были для Ляховъ загоны Небабы и Гаркуши, которы въ мѣстечкахъ и селахъ около Гомеля, Пинска и Лоева поруйновали весь панскіи дворы и польскіи костелы, та истребили якихъ 20.000 душъ польскои шляхты и жидовства. Противъ тѣхъ-то загоновъ высылали Ляхи численныи войска, стоявшіи на Литвѣ, однакожь долго держались загоны и побивали армію лячку, где лишь съ нею сошлись. Ажь наконецъ найсильнѣйшого Атамана Небабу подужали Ляхи подъ городомъ Пинскомъ, вырвали и Пинскихъ православныхъ мѣщанъ, которы все держали съ Небабою, та послѣ сего вже и другіи бѣло-русскіи загоны усмирились и розойшлись. Лишь около города Могилева бушевалъ еще долшоое время сильнѣйшій загоно Атамана Кривошапки, который велавилъ именно тѣмъ, що въ Могилевѣ перебилъ всѣхъ жидовъ и католиквъ, разбурилъ все ляцкіи костелы и оголосилъ въ семь городъ владѣтелемъ литовской Руси Богдана Хмельницкого.

И по-правдѣ, Богданъ Хмельницкій сталъ владѣтелемъ скрбозшироко по всѣхъ земляхъ, где лишь жило русское хлопство, где держалась русская вѣра. Хотя бо самъ бытъ не здобывалъ теперь ни крѣпостей ни городвъ, бо послѣ Корсунской битвы цѣле льто 1648 г. просидѣлъ онъ въ своемъ Чигиринѣ, устроая тутъ великое войско козацке, но за то вмѣсто него и для него подвигалось и дѣйствовало теперь русское простолюдіе, которое само собою устроившисъ въ страшного рода войско, вело по всѣхъ русскихъ земляхъ завзятую войну противу Польщи, заберая тии земли всюду вравъ съ городами и крѣпостями и замками подъ власть Батька Хмельницкого. Сталъ отже Гетманъ Хмельницкій по-правдѣ владѣтелемъ просторонныхъ земель, бо отъ предѣловъ Московского царства ажъ по-за Случь и по Карпаты,

якъ далеко сягала русская Церковь, всѣ села и города русскіи уважались теперь належашими уже не до Польши, но до великого того Батька-Гетмана, що зруйвовалъ военную силу Польши въ степахъ при Жолтыхъ-Водахъ и на болотахъ подъ Кореунемъ.

Такъ то черезъ цѣле лѣто 1648 г. производилось дѣло очищенія земель русскихъ отъ лядского наплада, вырывалось съ корнями лядское насѣнье, где лишь оно засѣяно по Руси, — и вѣдь осѣнь тогожь года вся просторонь земли отъ за-Днѣпрскихъ степовъ ажъ до границъ Польши стала снова на-чисто русскою.

(Дальше буде.)

ВОЛЫНЬ И ПОЧАЕВЪ.

(Историческіи воспоминанія.)

Волинь — край богатый историческими воспоминаніями; тутъ много кургановъ, развалинъ и всякого рода памятниковъ померкшого, накрытого мглою вѣковъ прошлого. Здѣшній русскій народъ испыталъ на себѣ всю тягость польского гнета въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ; но онъ героически перенесъ свои страданія.

Сигизмундъ III-й, востанникъ и любимецъ іезуитовъ, вступивши на польскій престолъ, сказалъ: „Мы розсудили, обѣщали, обязались, и по пріятіи св. таинъ дали клятву: всѣхъ людей народа русского обоего пола, въ какомъ бы ни были они званія, состоянія и чинъ, къ вѣрѣ католической и святому послушанію римской церкви привести, притягнути и всеми способами присоединити, какой бы секты и розличія ни была.“

Въ сладствіе того, здѣсь силою обращали православныхъ въ латинство и унию; Сигизмундъ III. силою хотѣлъ превратити Русь въ Польшу посредствомъ насильственного ополченія жителей православного Волиня.

Здѣсь враждебно действовали противъ православныхъ іезуиты и разныхъ орденовъ ксендзовъ; здѣсь странствовала цѣлая миссія базилянскіи; цѣль ихъ была та, чтобы обратити народъ въ унию. Евреи тоже ссали провъ русскаго народа Волинянскаго и помагали Полякамъ розоряти его.

Высшій, аристократическій классъ Волинянъ, обольщенный почестями и увлеченный житейскими выгодами, измѣнилъ православію и переходилъ въ католицизмъ; духовенство православное оплакивало тѣмъ измѣны; оно старалось обратити отступниковъ къ матери своей — церкви православной. Такъ Митрополать Кіевскій Ісаія пишетъ ко князю Іеремію Вишневецкому, измѣнившему православію: „Милостивый княже! Сердце наше, — всего нашего духовенства и всего православного христіанства, сжигаетъ глубокая печаль при видѣ, що вы, княже, воздегъная утѣха нашей старожитной релятіи греческой,

не постигнете преданія и родителей своих. Не меньше того плачеть и сильно рыдае перковь Божія — матерь наша, що вы, княже, презираете ю. Що же вы увидели въ церквах Божіей сомнительного, еретического? — Чижь она не мати всего христіанства? Въ церквах нашей нѣтъ ніякого заблужденія, ніякой ереси. Що она однажды приняла на седмих вселенскихъ соборахъ, то она до настоящего времени сохраняла, чиняго не прибавляя къ тому и ничего не отнимая. — Не знаю, кто заставилъ васъ, княже, такъ возненавидѣти ю? — Предки ваши все были греческой религіи, не уже да вы хотите быти исключеніемъ? — Мы просимъ Господа Бога, и просити всегда должны, чтобы оны не допустили васъ отступати отъ своей древней апостольской религіи. — Да говорятъ собѣ наши недоброжелательныи противники, що греческая религія есть хлопская; если то справедливо, то хлѣбской религіи были: и цари греческіи, и великіи монархи; хлѣбской вары были: аскетомъ, патрирхи и все святѣи отцы восточной церкви. И такъ униженно просимъ васъ, княже, именемъ всего христіанства и именемъ всей церкви, не руководясь политическими видами; правдами орды, княже, своихъ родителей блаженной памяти. — ведь они были вары не хлѣбской, но еретической. Во имя Божіе, все духовенство, все христіанство униженно васъ просятъ: не презрай, княже, вары орды, въ которой ты родился, возвратись въ церквах Божіей, матери яврей родной, и утѣши насъ всѣхъ.“

Князь Іеремія Вишневецкій остался глухій къ тѣмъ увѣщаніямъ. Фанатическіи учителя его іезуиты крѣпко опутали его своими сѣтями; они носенали въ немъ сильное отвращеніе къ варѣ его предковъ, они осмѣли предъ нимъ догматы и обряды православныи — и онъ въ полнѣ предался католицизму.

Ревностный и сильный борець за православіе и русскую народность, князь Константинъ Константиновичъ Острожскій въ полнѣ понималъ тѣхъ ловкихъ и хитрыхъ янычаръ папскихъ — іезуитовъ. Онъ зналъ, що они учреждали свои коллегіи и училища головнымъ образомъ для того, чтобы распространяти католицизмъ и особенно присоединяти къ нему русское дворянство польского королевства.

Поручая надзоръ за своимъ сыномъ Львовскому братству, князь Константинъ Острожскій писалъ: „Бога ради попеченіе всяко сотворите, да не днууть въ немъ (сына) части не единыи іезуиты.“

Не смотря на то старшій сынъ его Явушъ поехалъ за границею въ стѣи іезуитовъ, нахитрилъ православію и сдѣлался ревностнымъ поборникомъ католицизма; онъ въ началѣ 17 вѣка построилъ въ городѣ Староконстантиновѣ и Дубнѣ монастыри: Доминиканскій и Бернардинскій, и въ другихъ мѣстахъ.

Въ началѣ XVII вѣка нѣкоторые изъ нижегородскихъ аристократическихъ фамилій перебрали православію, а именно князья: Заславскіи, Вишневецкіи, Черторижскіи, Сбаржковскіи, Самушани, Острожскіи, Дружніи, Коширекии, Пролскіи, Пруцкіи,

Четвертинскій, Воронецкій, Елискій, Масальскій, Огниокій, Сапегъ, Пузинъ, Ходкевичи, Хробртовичи, Воловичи, Корчани и многіи другіи.

„Благочестивыхъ князей власть, число благородныхъ вельможъ оскуде,“ писалъ Кіевскій Митрополитъ Исая къ Московскому патриарху Филарету въ 1632 году, „вся отъ восточнаго православія на западъ уклонилася, едва кто уже отъ худыхъ и неславныхъ при благочестіи и православніи вѣры обрѣтается.“

Борьба съ католицизмомъ, съ іезуитами была здѣсь трудная и надто неровная; на сторонѣ католиковъ была сила матеріальная и нематеріальная: власть, войско, богатства, розныхъ орденовъ монахи, училища; на сторонѣ православныхъ: бѣдность, отсутствіе школъ, гнетъ панской власти.

Православное духовенство было бѣдно; церква православная полу-розвалившаяся, чадѣ оолохомъ крытая, и рядомъ съ нѣми великолѣпные костелы! Въ костелахъ — блескъ и великолѣпіе; православная религія — то была религія хлопская, а католическая — панская.

При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ въ жизни народа православнаго на Волыни, сподвижники русскаго дѣла въ самыхъ трудностяхъ борьбы потерпѣли высокую нравственную силу, они учреждали братства церковныя.

Волынь была театромъ ужасныхъ козацкихъ и крестьянскихъ возстаній, и причиною ихъ было жестокое обхожденіе польскихъ пановъ и духовенства съ народомъ, притѣсненіе шляхтою крѣпостныхъ.

Крестьяне часто должны были работать по шести дней въ недѣлю на пана; кромѣ того было еще множество мелкихъ поборовъ, которыя крестьянъ должны были давать помѣщику. Помѣщики имѣли право подвергати крестьянъ наказаніямъ по своему произволу. Даже жизнь крестьянина находилась въ подномъ распоряженіи помѣщика. Помѣщикъ Модржевскій писалъ въ 1559 году: „Изъ устъ вашихъ льется свобода, а на дѣлѣ господствуетъ у васъ варварское рабство, и жизнь челоука зависитъ отъ милости, или жестокосердія его господина.“ Онъ же упрекаетъ пановъ за то, что они продаютъ своихъ крестьянъ, какъ скотовъ. Путешественникъ Вернульи въ 1781 году розсказывае, что „польскіи дворяне безнаказанно насмывали дѣвчатъ, которыя имъ нравились, и осмѣли побоями тѣхъ, кто за нихъ вступался.“

Поляки сами дуже вѣрно изобразили состояніе крестьянъ, пановъ и духовенства во время польскаго владычества: „Est coelum nobilium, paradisis clericorum, infernus rusticorum“ (то небо для пановъ, рай для ксендзовъ и пекло для крестьянъ).

Неудивительно послѣ того народныя возстанія 1768 года гайдамаковъ: Гонты, Желазняка, бывшіи и на Волыню.

Надъ гайдамаками былъ учрежденъ польскій правительствомъ генеральный военный судъ. Исполнителемъ же приговоровъ былъ регистраторъ украинской партіи; воевода Осипъ Степановскій, дядя городка Лабуня. Онъ совершилъ свой кровавый путь по Волыни съ восточнаго и сѣвера. Военно-судная

кожица была въ городѣ Житомирѣ, а головное место казни въ мѣстечку Кодня; обвиненныхъ привозили въ Кодню, вляли на колоды надъ глубокою ямою, рубали головы и трупы вѣдали въ яму; кромѣ того, на 3-хъ висѣлицахъ въ Коднѣ повѣшено было до 200 козаковъ, а въ мѣстечку Лисецъ Стемпковскій повѣсилъ 600 человекъ; некоторымъ обвиненнымъ обвязывали руки соломой, обливаю смолою, зажигали солому и водили такъ несчастныхъ по улицамъ сѣзевшій на позавъ.

Любопытнѣе универсалъ Стемпковского къ селянамъ; въ немъ Стемпковскій высказалъ тономъ пана и фанатична-католика — какъ онъ понимаетъ отношенія межи Поляками и крестьянами.

Стемпковскій говоритъ межи прочимъ въ томъ универсалѣ:

„Богъ, создатель вселенной, распредѣляя людей по состояннямъ, поставилъ ихъ на различнѣхъ ступеняхъ; — и васъ, подданныи, создалъ для зависимости, не оставивши въ васъ ничто, равного прочимъ, кромѣ душъ. Чего же вы заслуживаете за свои преступленія, вы, все имущество которыхъ отдано во власть панамъ, вы, которые, кромѣ души своей, не имаете ничего собственного? Смотрите, подданныи, на вниманіе и милость къ вамъ августѣйшаго короля и Речи посполитой, въ настоящемъ сойзѣ (1768 г.) постановившій, чтобы не только арендаторы и управляющіи, но даже ваши владѣльцы не смѣли лишати васъ жизни, какъ то самовольно случилось, но чтобы даже достойный смерти предаваемъ былъ суду. Но милость тую вы утратите, если не перестанете безчинствовать и не окажете исправленія и вѣрности.“

Бѣдныи крестьяне испытывали притѣсненія не только отъ пановъ, отъ вѣнскихъ непріятелей, вторгавшихся въ предѣлы Воинна, но и отъ домашняго польскаго войска. „Въ 1694 году,“ говоритъ Альбертъ Радивиль, „всего возвращавсь войско наше въ отечество, но не весело отчина принимала его потому, что жонеры на походы, горше отъ непріятеля, отсутствующа дворянства, церковныи и королевскіи земли. Они вымогали грѣши, брали непомерныи провіанты и доходили до такой жестокости, що бѣдныхъ крестьянъ, по недостатку коней, впрягали въ возы, погоняя ихъ кіями и влутами. Можно было подумать, що иде татарская орда, а не хрестіанское войско; да и дикіи Татары имѣютъ больше любви и состраданія къ ближнимъ, чѣмъ иногда наши.“

Пасни Волякии майже весь сумны, и уже тамъ самымъ доказываемъ, що Волякъ много перенесъ гора.

Мѣстечко Почаевъ находится въ Кременецкой уездѣ Волянской губерніи, отстоятъ отъ австрійской Галиціи въ одну близко милью, а отъ города Кременца въ 22 верстахъ.

Мѣстечко то небольшое, населенное евреями и крестьянами; въ немъ живутъ также оставшии чиновники и военныи и польская шляхта. Почаевъ

похожий на други мѣстечка, населенны по преимуществу евреями; оно было, не славится ни торговлею, ни промышленностію; въ прежніи времена оно промышленно главнымъ образомъ контрабандою; здѣсь можно было достать Бродского (т. е. Кантонского) чаю по 50 и 60 коп. фунтъ, ситцевъ австрійскихъ, руму и кораловъ.

Мѣстоположеніе Почаева самое живописное; воздухъ нагорный самый здоровый. Главная невыгода его — то недостатокъ воды, которую привозятъ сюда за нѣсколько верстъ.

Почаевъ раскинутый по горамъ, покрытымъ садами; только южная его часть примыкаетъ къ равнинѣ, на которой находится весьма красивый гай дубовый и ясеневый.

Въ Почаевѣ находится лавра Успенія Пресвятыя Богородицы; великолѣпныи и просторныи каменныи зданія ея красуются на вершинѣ одной изъ отроговъ Карпатскихъ горъ. — Когда вы ѣдете отъ города Дубна, или отъ мѣстечка Катербурга, то вы за 40 и 50 верстъ видите величавое зданіе, точно повисшее въ воздухѣ — Почаевскую лавру.

Кругомъ лавры раскинуты огромныи сады, обсажены каменною стѣною; въ тѣхъ садахъ много полосныхъ ораховъ.

Изъ галерей (террасъ) лаврской видны на югозападной сторонѣ огромныи зданія католическаго монастыря въ мѣстечку Подкамена — въ Галиціи, а на югу разстигается чудная равнина съ полями, садами и гаемъ.

Теперьшніи каменныи зданія Почаевской лавры построены известнымъ проказникомъ, богачемъ, старостою Каневскимъ, Николаемъ Потоцкимъ. — Онъ выдалъ на то миллионъ злотыхъ подѣск. — Зданія тѣмъ построены по плану архитектора изъ Шлезіи Готерда Гофмана; первый камень на фундаментъ положенъ былъ 3. Іюля 1771 года, а совсѣмъ окончена постройка въ 1791 году. — Церковь сдѣлана на подобіе креста съ двома башнями и куполомъ по срединѣ. Архитектура зданій весьма красивая; внутренность большой церкви не отличается особеннымъ богатствомъ, но за то все въ ней сдѣлано со вкусомъ; живопись и фрески превосходны.

Въ олтарѣ великой церкви находится чудотворная икона Божіей Матери, на правой сторонѣ, при входѣ въ церковь — стопка Божіей Матери. — Въ церкви Пещерной почиваютъ мощи Преподобнаго Іова въ серебряной дощечкѣ, пожертвованной графиней Анною Орловой Чесменской въ 1844 году, подъ великолѣпнымъ baldахиномъ.

Въ Почаевѣ на поклоненіе святыхъ его стекаются тысячи народа ежегодно изъ губерній: Волынской, Подольской и Кіевской, изъ велико-русскихъ, изъ Галиціи и даже изъ Сибири.

Русскіи иноки въ первый разъ поселились на Почаевской горѣ въ 1240, или 1261 году. — Преданіе говоритъ, что въ древніи времена, во время нашествія татарскаго на Русь, пастухи видали Матерь Божію на скалѣ, и на томъ

мать, где она стояла, отпечаталась на лицевой стороне Ея, из которой сочится вода.

На той скале въ послѣдствіи построенъ монастырь. — О томъ явленіи Богоматери составлена пѣсня, которая поется въ Почаевѣ:

Пасли пастыри овцы на гору,
Видѣли они Матерь Божу на скалѣ,
На той скалѣ стопку знати,
Где стояла Божія Мать,
Тамъ воду берутъ,
Всѣмъ взривымъ дають.

Первый письменный памятникъ, изъ котораго видно, что уже въ 1527 году на Почаевской горѣ находилась иноческаго обителѣ православная и каменная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, — та грамота польскаго короля Сигизмунда 1-го 1527 года къ Кременецкому старостѣ, чтобы онъ не собиралъ даней, не производилъ суда и не мѣшалъ ярмаркамъ, бывающимъ на Почаевской горѣ, во время Успенія Пресвятыя Богородицы. Тую грамоту подтвердилъ Сигизмундъ Августъ въ 1557 году, по просьбѣ дѣдича мѣстечка Почаева Василія Гойскаго.

Въ 1559 году греческій Митрополитъ Неофитъ, проѣзжая изъ Константинополя черезъ Воданы въ Кіевъ, посетилъ помещицу Анну Гойскую, проживавшую тогда въ своемъ имѣніи Урля; отъѣзжая, онъ благословилъ хозяйку небольшою иконою Божіей Матери, отъ которой въ послѣдствіи доказались чудеса, побудившіи Гойскую перенести ю изъ своего Урлянскаго замка въ Почаевскую церковь.

Анна Гойская дарственною записью 1597 года пожертвовала въ пользу Почаевскаго монастыря поля и другія угодія и крестьянъ. Она же учредила здѣсь и типографію, которая находилась и въ 1618 году.

Въ 1602 году Гойская подарила свои имѣнія: Почаевъ, Урлю и мѣстечко Козикъ своимъ племянникамъ Фирлеемъ, лютеранамъ, отецъ которыхъ каштелянъ Радомскій имѣемъ своихъ сыновъ далъ завѣщаніе, что фундаши Почаевскаго монастыря будутъ ненарушены. Вскорѣ умерла Гойская, а племянникъ ея Андрей Фирлей, каштелянъ Беласкій, получивши въ собственность ея имѣнія, началъ причиняти равнымъ притѣсненія монастырю Почаевскому: онъ роскопывалъ межевыя границы, не позволялъ монахамъ пользоваться полями и лѣсами, разбивалъ бочки съ водою, которую везли въ монастырь, и т. п. — Тогда-то монахи выкопали на горѣ глубокій колодезь и начали съ Фирлесемъ процесъ.

Озлобленный гнѣвъ Фирлей въ 1623 г. съ вооруженными людьми нападалъ на монастырь, забиралъ монастырскія сокровища и икону Богоматери въ мѣстечко Козикъ. — Икона Божіей Матери возвращена въ монастырь едва въ 1647 году, на основаніи рѣшенія трибунала.

Въ 1650 году, Феодоръ и Ева Домашевскія, посядатели мѣстечка Почаева, построили въ Почаевѣ каменную великую церковь надъ стопою Божіей Матери.

Дня 20. Іюля 1675 года Турки напали на Почаевскую обитель и три doby штурмовали ю, но заступленіемъ Богородицы отражены были невидимою силою и удалились.

Въ 1705 году саксонскія войска проходили черезъ Почаевъ и забрали имущество монастырское и опустошили хозяйственные заведенія.

До 1713 года инокъ Почаевскій были православныя, а съ 1713 по 1831 годъ въ Почаевскомъ монастырѣ были уніиты — базилиане.

Больше 100 лѣтъ базилиане владѣли тою обителью, наконецъ, она 10. Октября 1831 года возвращена православнымъ — и наименована лаврою. — Штатъ ея: наместникъ, казначей, економъ, ризничій, 20 іеромонаховъ, 10 монаховъ и 45 послушниковъ. — Архимандритъ лавры епископъ Волынскій и Житомирскій.

Базилиане имѣли огромныя богатства: нѣсколько селеній и много грошей; они жили роскошно, въ погребяхъ монастырскихъ было множество бочекъ съ старымъ медомъ и винами; въ Почаевѣ съвѣжались на поклоненіе наны и привозили дары для нихъ и для монастыря.

Когда въ 1831 году правительство передавало Почаевскій монастырь въ православное вѣдомство, то по розсчетнымъ книгамъ базилиановъ показано было грошей больше миліона руб. сереб., на самомъ же дѣлѣ грошей майже вовсе не оказалось. — Всѣ поиски къ отысканію грошей остались безъ успѣха. — Можно навѣрно полагати, що базилиане всѣ свои богатства грошевыми передали генералу польскому Дверницкому, проходившему въ 1831 году черезъ Почаевъ, во время бѣгства своего въ Галицію. Базилиане встрѣчали его въ Почаевѣ съ хоругвами и крестами и нѣкоторые изъ нихъ поступили въ его отрядъ.

Дня 25. Сентября 1842 года, Почаевскую лавру посетилъ покойный Государь Императоръ Николай I-й, а 3. Октября 1859 года изволилъ посетити лавру нынѣ царствующій Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II-й.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о фундаторѣ Почаевскихъ монастырскихъ зданій, старостѣ Каневскомъ, Николаѣ Потоцкомъ.

Староста Каневскій Потоцкій умеръ въ Почаевѣ; набальзамованный трупъ его лежалъ открыто въ гробѣ въ большой лаврской церкви до сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія; въ сороковыхъ годахъ гробъ съ бранными его останками замуровали въ стѣнѣ.

Потоцкій до сихъ поръ живетъ на Волынѣ въ памяти всего народа; онъ извѣстенъ у простаго народа подъ названіемъ „Каневскаго“; народъ разсказываетъ про него тысячи его проказъ, преимущественно вспоминая его еврей съ ужасомъ.

Личность Николая Потоцкого стоит того, чтобы остановиться на ней и поговорить о ней; въ ней варно и отчетливо отпечатѣлись вся недуга и недостатки ростовщій, умиравшій Польша второй половины прошлаго вѣка; въ личности той видны характеристическія черты эпохи упадка Рѣчи-посполитой, которая уже умирала, и на мѣсто ея появилась будущность съ реформами, возмущавшими край и выставлявшими его на постоянныя конфедераціи.

Якихъ проказъ, иногда безчеловѣчныхъ, не выдѣлывалъ староста Каневскій!? А межѣ тѣмъ онъ окончивае жизнь въ Почаевѣ, въ монастырѣ, яко монахъ: онъ въ монастырѣ бичуе себе, лежитъ *krzyżem* (на крестѣ), поетъ *godzinki*, но и здѣсь все-таки отзывается въ немъ дикая, своевольная его натура; онъ строитъ великолѣпныя храмы, а по дорогамъ выдѣлывае иногда удивительныя, страшныя сцены. Своевольства свои онъ совершалъ безнаказанно, по причинѣ безсилія польскаго правительства. — Вся боялись его, какъ бѣса; жидовъ онъ стрѣлялъ, вѣшалъ; преимущественно онъ отличался тѣмъ, що сывалъ кнуты всѣмъ, въ комъ ему не понравилось що либо; онъ много грошей розсыпалъ на излеченіе ранъ отъ кнутовъ, многіи сдѣлались помѣщиками по милости его кнутовъ. — Однажды онъ всыпалъ нѣсколько сотъ кнутовъ сосѣду своему, помѣщику, за то, що тотъ стрѣлялъ за зайцами на поляхъ его (Потоцкаго): за то присудили его къ заключенію въ тюрьмѣ, но онъ отдался отъ того наказанія, заплативши избитому 50 тысячъ золотыхъ. Потоцкій гордился: „я здѣсь произвожу въ шляхту; кого выстуку, тотъ и шляхтичъ.“

Однажды староста Каневскій повѣсилъ жида изъ мѣстечка Мурафъ за то, що онъ обыгрывалъ на ярмарку въ мѣстечку Каневѣ крестьянъ его.

Владѣлецъ того мѣстечка (Мурафъ) подчасій Потоцкій, родственникъ старосты, обидѣлся тѣмъ и написалъ къ нему за то письмо довольно колюче; Каневскій велѣлъ наложить жидовъ одного на другого, какъ снопы, на шесть повозовъ, привязати ихъ вѣрвкою, чтобы они не упали, и отвезти ихъ въ Мурафу и тамъ выкапати ихъ предъ замкомъ. Само собою розумѣется, що жидовъ привезли туда уже мертвыхъ, они задушились.

Окруженный толпою своихъ придворныхъ козаковъ староста Каневскій большую часть времени проводилъ въ бродяжничествахъ по своимъ имѣніямъ въ губерніяхъ: Кіевской, Подольской, Волынской и въ Галиціи; онъ ѣздилъ на ловы, глядѣлъ развлеченій; чаще всего въ такихъ случаяхъ онъ оставалъ дворню свою и козаковъ за собою, а самъ ѣхалъ верхомъ, самъ одинъ, для переодѣтій исполъ пѣшкомъ, для того, чтобы испытати больше приключеній. При встрѣчѣ съ мужикомъ, онъ предлагалъ ему побраться съ собою и былъ чрезвычайно доволенъ, когда ему удавалось одержати победу, а когда самъ былъ побѣжденъ, то терпѣливо переносилъ то. Его удивало чрезвычайно то, когда подѣзжавшіи къ нему въ то время дворня его и козакъ наводили ужасъ на того смѣльчана, который считалъ Каневского за равнаго себѣ, и котораго онъ и домогался. — Обыкновенно староста одѣлывалъ наградами и побѣ-

жденного нимъ и побѣдителя своего — и бѣдный крестьянинъ возвращался домой зъ дороги съ 4 и 6 волами, благодаря судьбу за то, що дозволила ему встрѣтитися и поборотися съ Каневскимъ. Въ другое время онъ увидитъ паробка и дѣвку и велитъ ихъ обвѣчати, въ ту пору, когда они и не думали о томъ. — Въ селеніяхъ онъ выбирае жениховъ и невьсть, дае имъ приданное и справляе шумныя свадьбы. — Онъ неожиданно появляется въ розныхъ мѣстахъ, якъ духъ який-нибудь, и народъ привыкъ уже къ тому.

Часто онъ появлялся съ своими козаками на ярмарки въ мѣстечка; здѣсь онъ призывалъ музыкантовъ, велѣлъ играти имъ на площади, для крестьянъ онъ велѣлъ давати бочки горьлки и меду. — Межи тѣмъ козаки его дѣлали свое дѣло; тамъ одни схватили молодую дѣвку, другіи притащили къ своему пану женщину, только що вышедшую за мужа, а мужа ея, оборонявшого ю, убили, остальные выбираютъ по цѣлому мѣстечку самыхъ красивыхъ дѣвокъ и замужнихъ женщинъ и увозятъ изъ мѣстечка въ гаремъ пана старосты. Вотъ якіи подвиги оказывали съ паки (якъ называли крестьяне козаковъ старосты) Каневского. А гаремы у него были въ каждомъ майже его мѣстѣ; а мѣстѣй у него было множество: и свои собственные, родовыя и королевскія — староства. Староста Каневскій былъ огромный богачъ; по смерти родителей своихъ онъ получилъ миліоны, и ежегодно получалъ большія доходы зъ своихъ мѣстѣй и староствъ, но по смерти его немного осталось грошей, онъ все майже розсыпалъ. Главная резиденція его была въ Каневѣ въ тамошнемъ замку, построенномъ князѣмъ Радзивилами. Передъ воротами его замка было три столбы: одинъ червоный для пановъ, другій чорный для жидовъ, а третій бѣлый для мужиковъ; къ нимъ привязывали коней прѣхавшихъ; подъ замокъ можно было подѣзжати только верхомъ, но не экипажемъ; бѣда тому, кто выбере стоить, несвойственный его званію, особенно если староста веселъ; онъ былъ ужасный и бѣшеный, когда бывалъ пьянъ. — А пьянствованіе и невозможныя матеріальныя удовольствія у него шли цѣлую неделю. Только когда наступила Субота, все утихало въ замку. Въ тотъ день староста и весь его дворъ былъ съ еуходѣніемъ (постился) и не пилъ вина въ честь Пресв. Богородици; все колоколъ въ замковѣ костелѣ были въ дѣйствіи до полуночи; староста со дворомъ своимъ отправлялся въ костелъ и пилъ godziaki. — Въ Неделю онъ тоже отправлялся въ костелъ; во время обѣди, оба духовники его: доминиканецъ и базилианскій монахъ говорили проповѣди, одинъ по польски, а другій по мало-русски; унѣтъ особенно рвалъ староста правду: обличалъ его за его пьянствованіе, жестокое обхожденіе съ крестьянами и проч. Каневскій мѣвалъ головою, прищуривалъ очи, билъ себе въ грудь и вѣдхалъ. По выходѣ же изъ костела опять шла розгульная жизнь своимъ чередомъ.

Потѣпѣлъ былъ росту великого, заторчалъ, съ чорными курчавыми волосами, подбитымъ въ-снѣгу на гоньѣ, съ очами чорными, сверкающими, съ рубцами

на лица отъ поединковъ. — Одѣвался онъ въ жупанъ и контушъ, подпоясанный ремѣнемъ, на которомъ висѣла огромная сабля; чоботы на немъ были червонны, шапка на банеръ — на ухо; кромѣ сабли, онъ всегда былъ еще вооруженъ пистолетомъ. Говорилъ онъ всегда по мало-русски.

Староста Каневскій на церемоніи и съ ксендзами, онъ и съ ними выдалывалъ штуки; разъ онъ встрѣтилъ на дорогѣ крестьянина, который плакалъ, стоячи подлѣ своего воза надъ разбитою бочкою, изъ которой вытекала смола. Каневскій останавливается и спрашиваетъ крестьянина: „чего ты плачешь?“ Тотъ рассказываетъ ему, що дкій-то панъ, вхавшій за нимъ, пустилъ зъ горы коней, пробилъ дышлемъ дно бочки его и ухахалъ. — Каневскій заплатилъ крестьянину за смолу и послалъ своихъ козаковъ, чтобы догнали виновного и привели къ нему. Черезъ полъ часа козаки притащили къ своему господину перепуганного брацшика якого-то Доминиканскаго монастыря. Когда Польщукъ сказалъ Каневскому, шо се тотъ самый, который разбилъ его бочку, то староста велѣлъ доминиканцу передать черезъ порожнюю бочку, въ которой прежде была смола. Сопротивлятися не было возможности, козаковъ съ нагайками было много; монахъ долженъ былъ вѣзти въ одно дно, а вывѣзти черезъ другое дно бочки; само собою разумеется, шо бѣднѣй габитъ Доминиканца изъ бѣдого, преобразился въ чорный.

Когда староста Каневскій, при концѣ жизни своей, шото антипо, одѣлакъ набожнѣнъ, желая умерти яко „римскій святый“, когда онъ въ монастырѣ Почаевскомъ постлѣлъ и молился вразѣ съ базилианами и возилъ иногда тачкою шворнѣ и ковалъ камни и цеглы на постройку монастырскихъ здачій, то и въ ту пору онъ не могъ выдержати, чтобы не затрати съ камъ-шворуды какой либо штуки, чтобы не сделать какой-либо проказы.

Однажды, когда ему наскучило сидѣти въ монастырѣ, онъ, передѣтый по приказанію, отправился за Почаевъ съ своими козакими владѣнъ приключеній. — По дорогѣ къ городу Кременку, недалеко отъ Почаева, онъ остановился въ корчмѣ; вскоре къ корчмѣ той подъѣзжаетъ огромная брица и останавливается подлѣ корчмы; Каневскій смотритъ и обривовался: сѣтъ Болъ поодѣлъ ему возжну: изъ брицы высовывается огромный туша якого-то Бернардина, который страшно дыхтитъ и по кричанъ тучности своей не може выдѣсти изъ брицы; къ нему, подходить на помощь кучеръ и довай, в сѣт трудомъ спускають его на землю и вводятъ въ корчму. — Послѣ того, изъ брицы выдѣвается другая жирнѣйшая туша бернардинская, дыхтѣщая и кричѣщая, которую кучеръ и довай также вытаскивають съ трудомъ изъ брицы и вводятъ въ корчму.

Ксанды, усядивъ на двѣркахъ и кричѣть; Каневскій посматриваетъ на нихъ какъ подлѣбѣя и вступило съ ними въ разговоръ; Бернардина рассказуютъ ему, не зная его, шо они больны, одинъ изъ нихъ совсѣмъ не имѣетъ аппетита, а другій не

може спати ночью и не имѣе аппетита, — що они ѣдутъ къ доктору якому-то славному на излеченіе. — Отдохнувши въ корчмѣ, Бернардины поѣхали, а Каневскій возвратился въ Почаевъ, но, зъ дороги послалъ своихъ козаковъ, чтобы они догнали Бернардиновъ и привели ихъ къ нему. Приказъ старосты безъ замедленія и въ точности исполненъ козаками его; но Бернардины не знаютъ того — по чѣму приказанію сдѣлано такое насиліе надъ ними; ихъ вводятъ къ старостѣ; когда они узнали въ немъ козака, разговаривавшаго съ ними въ корчмѣ, и що онъ есть староста Каневскій, славный своими своевольствами, совершаемыми нимъ безнаказанно, то зъ испуга ледво не обомляли. — Староста объявлялъ имъ, що онъ желаетъ испытати надъ ними свою методу лѣченія, самую лучшую, що лѣкаря ихъ не вылечатъ ихъ болѣзни, що они расплылись такъ отъ жира, и не могутъ спати и ѣсти отъ праздности, отъ пересыщенія, — и велѣлъ ихъ отвести въ келіи монастырскіи. — Бернардины просили, молили его, заклинали его всѣми святыми, чтобы онъ отпустилъ ихъ, но то не помогло имъ. На другій день Каневскій призвалъ ихъ къ собѣ и объявить имъ, що они будутъ возити тачками пѣсокъ въ монастырь; своимъ козакамъ онъ приказалъ привязати къ нимъ тачки и смотрѣти за ними и велѣлъ давати имъ въ добу только два раза по куску хлѣба. Бѣдныи Бернардины, по истеченіи недѣли, являются къ Каневскому и просятъ его, чтобы онъ приказалъ давати имъ больше хлѣба, що у нихъ аппетитъ появляется. Каневскій исполнилъ ихъ просьбу; за нѣскольکو времени послѣ того они просятъ Каневского, чтобы онъ велѣлъ давати имъ якую-либо страву — и та просьба исполнена имъ; наконецъ, по истеченіи двохъ мѣсяцевъ, когда Каневскій увидѣлъ, що Бернардины отъ трудовъ физическихъ потеряли свой жиръ и набрались отъ лишняго вѣснугу и сме, то отпустилъ ихъ домой, давши имъ наставленія трудиться. Бернардины поблагодарили его и уехали въ своел.

Въ заключеніе повѣствованія о старостѣ Каневскомъ не можъ не сказать о причинѣ, побудившей его построить въ Почаевѣ великолѣпный храмъ существующій по нынѣ, и заставившей его одоумиться и обратится къ Богу.

Розказываютъ, що онъ ахнулъ разъ по горѣ, параллельно съ тою, на которой стоитъ Почаевскій монастырь. — Кучерь опрокинулъ его. Выбѣжавшій изъ староста прицѣлился въ него изъ пистолета; кучерь обратился къ монастырю и закричалъ: „Найсвятѣйшая Мати Божія Почаевская! Ратуй мене и детей моихъ!“ Три раза Каневскій хотѣлъ выстрѣлити и три раза обманулъ пистолетъ, самый исправный, при восклицаніяхъ въ Божіей Матери обреченного на смерть. То событіе сильно подѣйствовало на Каневскаго, онъ обрѣвшися, рѣшился построить земныи зданія для монастыря Почаевскаго и монаховъ — и самъ тамъ поселился и умеръ тамъ.

Василій Передовскій.

Редакторъ Б. А. Дѣдицкій.

Зъ печати Старопрингійской.

Презу-
мата въ годъ
1 вр. 80кр.,
со „Сло-
вомъ“ 10вр.

ГАЛИЧАНИНЪ

Редакція
во Львовѣ
подъ ч.
124. м.

Науково-белетрисничная прилога до „Слова“.

ЧИСЛО 30.

Львовъ 21. Декабря 1868.

РОЧНИКЪ III.

Народная Исторія Руси.

(Продолженіе.)

НЕПОРАДНАЯ ГОДИНА въ ПОЛЬЩѢ; — ПЕРЕКИНЧИКИ КИСЕЛЬ
и ВИШНЕВЕЦКІЙ.

Всенародное возстанье въ земляхъ русскихъ произвело по цѣлой Польщѣ, особливо же въ Варшавѣ такъ незмърный пополохъ, що панове Ляхи якъ-будто ожидаючи судного дня, уже ни спали ни ѣли, а тѣлько весь дни и ночи проводили на молитвахъ и постахъ, качючись за свои смертельныя грѣхи, якихъ допускалися они найпаче супротивъ народа Руси. И справдѣ, цѣле лѣто 1648 г. было мовь-бы однимъ суднымъ днемъ для шляхты польской, а то не лише для того, що тысячи изъ родинъ шляхоцкихъ гибли пѣдъ ножами гайдамацкихъ загоновъ въ областяхъ русскихъ, но вразъ и для того, що навѣтъ въ земляхъ чисто-польскихъ, яко именно въ областяхъ Польщи надъ рѣкою Вислою носидась въ простонародіи мазурскомъ страшная тая мысль, абы вырвзати всю шляхту ляцку, загаломъ всѣхъ панѣвъ, которыхъ уважано причиною всего злого на свѣтъ. Така бо погана была она шляхта ляцка за тѣхъ часѣвъ, що ю ненавидѣлъ не лише цѣлый народъ русскій, но въ рѣвной мѣрѣ мерзились нею даже и польскіи селяне, которыхъ звычайно для розличія отъ панѣвъ-Ляхѣвъ называно зъ-проста Мазурами. Оныи то Мазуры, хотя и не знали ближе ни Хмельницкого, ни властивой причины, для которой сей Хмельницкій противъ Ляхѣвъ збунтовался, но все таки отъ щирого сердца просили Господа Бога, абы Гетману Украины повелось розбити Ляшню сперва въ земляхъ русскихъ, а потомъ зруйновати туюже шляхоцкую Ляшню такожъ и надъ Вислою. Изъ того выходило, що мазурскіи селяне лише и ждали той хвилѣ, коли также для нихъ ударить година всенародного бунту, до которого вже и цѣлый привисляскій край по гайдамацки былъ заготовленный.

Посередъ такъ непріязного настроенія мазурскихъ селянъ шляхта и магнаты въ самой навѣтъ Польщѣ непокоились о свое житѣ и свои

маетки тѣмъ болѣе, що въ часъ наставшого тогда безкорольвѣя владѣль въ краю загальнѣй неладъ а постоянного войска нигде въ областяхъ польскихъ не было. Тревога панѣвъ Ляхѣвъ возросла до найвысшей степени именно въ мѣсяци Червню, коли то одинъ гайдамацкѣй загонъ подъ начальствомъ козацкаго полковника Тыши вторгнувъ ажъ въ глубину Польшу, и тутъ уже подъ самого Варшаваю сталъ розоряти панскѣй дворы и ляцкѣи костелы, присоединяя до себе селянъ-Мазурѣвъ, которы цѣлыми толпами въ тѣхъ сторонахъ къ нему горнулися. Тогда то многѣи Ляхи съ цѣлыми родинами взяли выноситься за предѣлы своей отчины, та утѣкаячи передъ власнымъ своимъ народомъ, глядали убѣжища на далекой чужинѣ межи Нѣмцами и Французами. А не только паны шляхта и магнаты, але и знатнѣйшое мѣщанство въ Варшавѣ та въ другихъ болѣшихъ городахъ Польщи зазнали тогда страху шо-немыра, бо простѣй народъ отгрожался такожь и на мѣщанъ, которы въ Польшѣ звычайно держали съ шляхтою, а хлопами презирали. Въ такой непорадной годинѣ, коли Ляхи въ Варшавѣ вже и головы потратили, не зная, якъ бы свою Польшу отъ крайной грозы спасти, явились имъ мовъ-бы послѣднѣи лучи надѣи два русскѣи перекинчики: Адамъ Кисель и Іеремія Вишневецкѣй, которы одни рѣшительно и тверезо подвизались за справу погибающей Ляшнѣ, уживая до того — первый хитрости и способѣвъ примирительныхъ, второй стального оружія. Така бо то дивна доля была назначена для Польщи, що погибель а вразъ и спасеніе той Польщи мали выходити отъ нашей Малой Руси, а мали выходити такъ долго, доки наша Русь не звязалась бы вѣчнымъ крѣпкимъ союзомъ съ братною Москвою. Тожь и сталося въ онъ часъ за славныхъ дней Хмельницкаго, що коли русскѣй народъ повсемѣстно руйновалъ ненавистную Польшу, два сыны тогоже народа, потомки знакомитыхъ родинъ Руси, ставши перекинчиками-недоляшками, вередили той роботѣ свого народа, та за всю Польшу думали-промышляли лишь о ей спасеніи. Именно князь Іеремія Вишневецкѣй, хотя выпертый Атаманомъ Кривоносомъ за предѣлы Волянъ, но держался еще грозно въ земли Галицкой, где и собиралъ онъ къ собѣ свѣдѣи силы изъ шляхты и недоляшкѣвъ, готовячись къ новому походу на збунтованный Волянъ.

Вгорнѣй дѣятель за Польшу, Брацлавскѣй воевода Адамъ Кисель, проводилъ свою рѣчь не оружіемъ, но яко человекъ, занимающѣйся болѣше мѣрскою политикою, старался выкрутити справу ляцку мирными переговорами. Онъ то Кисель былъ еще и Русинъ по бесѣдѣ и вѣрѣ, любилъ свою православную Церковь якъ рѣдную мать, а яко вельможа русскѣй, посѣдающѣй великѣи маетки на Украинѣ и на Волянню, любилъ также и землю русску хотьбы вже для того, що ималъ въ ней

свои великіи маетки. Но помимо того всего онъ Кисель, яко сенаторъ Варшавскаго сойма, зжившиися съ ляцкою шляхтою, на-скрбѣзъ сердцемъ тягнулъ до мачихи-Польши и за-для неѣ готовъ былъ отречися навѣтъ и славы и любви своего русскаго народа. Тожъ сей народъ отъ-давня недолюблялъ пана Киселя, въ часъ загальнаго возстанья за Хмельницкаго розорялъ его дворища зарѣвно съ дячками, а самъ Хмельницкій складъ про него такую пословицу, що — каже: „у Киселя русскіи кости, но заросли докола ляцкимъ мясомъ.“

Еще въ началъ козацкаго повстанья Адамъ Кисель усиловался задобрити Хмельницкаго всякими обьянками на ласки Польши, а послѣ Корсунской битвы послалъ отъ черезъ нарочнаго гонца въ Бѣлую-Церковь дружеское письмо, въ которомъ на-чѣмъ-свѣтъ просилъ и заклиналъ Батька-Гетмана, щобы той отсталъ отъ давшои войны а выправилъ бы до Варшавы своихъ посланниковъ за-для мирныхъ переговоровъ съ сенатомъ. Въ томъ-же письмѣ воевода Кисель завѣрялъ Хмельницкаго, що Поляки, сильно укоренныи поражениемъ въ двоухъ битвахъ и затревоженыи всенароднымъ бунтомъ Руси, уже на-всегда готовы покаяться за свои грѣхи и стануть разъ также для русскаго народа по-правдѣ справедливыми. — Письмо Киселя, яко подходящее отъ сенатора, единого заступника русской вѣры въ Варшавскомъ соймѣ, уважалъ Хмельницкій на-стѣлько важнымъ, що приказалъ оное отчитати на козацкой Радѣ. А на Радѣ козацкой въ Бѣлой-Церкви собиралось тогда не меньше якъ 70.000 козаковъ, въ которыхъ каждый управнень былъ до голосу. Коли на той Радѣ прочитано письмо Киселя, розъяренне козацтво зашумѣло трюмко противъ всякихъ переговоровъ съ Ляхами, и не хотѣло о якомъ-будь припревѣи ничего ани слухати; однакожъ Хмельницкій, поважая Киселя все таки въ якойсъ части русскимъ человекомъ, а до того полагаючи, що переговоры не повредять козацкому дѣлу, но тѣмъ бѣльше позымається черезъ нихъ времени для полного прѣготовленія къ дальней войнѣ, далъ такую раду: абы для переговоровъ призвати на Украину самого-же Киселя. Старшины козацкіи одобрили тую мысль Хмельницкаго, и затѣмъ выслано до Варшавы чотырехъ козаковъ-посланниковъ, котеры мали заявити сенатови, що Гетманъ Хмельницкій не отъ того, абы лично угворятисъ съ Киселемъ. Тогда-то писалъ Хмельницкій до Киселя: „Послушали мы рады Вашей Милости, нашего старого прѣтеля, а сами поудержались и орды приказали вернуться, щобы не проливалась бѣльше кровь христіанская. Но понеже мы осиротѣли по смерти короля Владислава, то просимъ Вашу Милость, щобы Вы сами съ нами повидалися; най бы мы узнали, кого Ляхи хотять вѣтти королемъ, а вразѣ и порадилося, що намъ дальше дѣлати.“

*

Козацкіі посланники прибыли до Варшавы въ мѣсяцѣ Юлію, и воевода Кисель принявши ихъ тутъ у себе съ наибольшимъ радушіемъ, кинулся чѣмъ-скорше межѣ найзнатнѣйшихъ Ляховъ, абы уговорити ихъ на примиреніе. Имѣлъ бо той Кисель найширшую волю и положилъ собѣ головою задачею своей жизни: примирити Ляховъ съ Русію и тѣмъ способомъ возстановити прежнее въ Польшѣ спокойствіе. Тожъ одержавши теперъ дружеское письмо Хмельницкого, онъ удался съ нимъ до Гнзненскаго Арцибискупа, который яко найстаршій достойникъ Польши (принявъ королевства), въ часъ безкоролевья заступалъ мѣсце самого короля и держалъ найвысшую власть короны до того часу, поки новый король избранъ не буде. Арцибискупъ Польши завозвалъ сейчасъ сенаторовъ королевства на надзвычайный соймъ, который то соймъ и собрался въ Варшавѣ на дни 9. Юлія 1648 г.

Первое дѣло надзвычайнаго сойма касалось мятежа козацкаго. Сенаторы ляцкіи ухвалили: щобы противъ козаковъ выставити 36.000 мужа войска, и то щобы до сего войска ніякъ не брати хлоповъ, хотьбы и мазурскихъ, а самыхъ только людей зъ шляхоцкаго роду или чужеземцевъ. А понеже не было тогда въ Польшѣ Гетмановъ (бачите, оба Гетманы: Потоцкій и Калиновскій, захвачены были Хмельницкимъ въ неволю), то соймъ Варшавскій постановилъ vybrати трехъ новыхъ военачальниковъ съ властію гетманскою. Начальниками такими по долгихъ и завзятыхъ суперечкахъ выбрано трехъ знаменитыхъ пановъ, однакожъ самыхъ невоенныхъ: первымъ былъ князь Доминикъ Заславскій, потомокъ православно-русского дома Острожскихъ, человекъ наскрбъ изнѣженный, збавльи и войны николи не видавшій; вторій былъ панъ Конецпольскій, молодой що-ино съ засѣявшимся усякомъ; третій же панъ Николай Остророгъ, славный лише тѣмъ однимъ, що зналъ добре по латинѣ читати. Начальниковъ тѣхъ ляцкаго войска Хмельницкій называлъ не иначе, якъ первого — перина, второго — дитина, третьего — латина, и сіи имена наилучше изображали оныхъ людей-панягъ, которыми Ляхи въ часъ крайнаго небезпеченства повѣрили надъ собою найвысше военное начальство.

Друге дѣло, якимъ соймъ Варшавскій послѣ того занялся, было внесеніе Адама Киселя: щобы съ козаками помиритися. А въ томъ взглядѣ ляцкіи сенаторы поступали собѣ такъ, що написали до Хмельницкаго и Старшинъ козацкихъ укорительное письмо, въ которомъ съ надмѣнною гордостію заявили они: що ото „вы, бунтовники козаки, можете надѣяться отъ Польши прощенія вашихъ провингъ; однакожъ подѣ тѣми лише условіями: 1) маєте сейчасъ освободити всѣхъ занятыхъ въ неволю польскихъ пановъ и жолнеровъ; 2) маєте отстати отъ Татаръ и на-ново присягнути на вѣрность Польшѣ; 3) всѣхъ виновни-

кѡвъ бунту сейже часъ приставити на судъ въ Варшаву; 4) звернути грамоту короля Владислава, выданную на имя Барабаша, а крѣпость Кудакъ привести назаль въ тако состоянье, въ якомъ она передъ тѣмъ находилася.“ Сіи условія, списанныи Лахами въ таку пору, коли Хмельницкій имѣлъ подъ своею властію всѣ земли русскіи и около 100.000 мужа войска, коли его козаки бушевали въ ляцкихъ дворищахъ таки подъ самою Варшавою, — сіи условія наилучше доказовали, що прійшла на Лахѡвъ уже крайня непорядная година, въ которой, якъ то на грѣшныхъ людяхъ бывае, хваталось ихъ совершенное безуміе. Они то сараки, стоявши съ своею Польщею уже надъ самымъ краемъ пропасти, въ непонятной гордынѣ духа заслѣпились такъ, що грозящего небезпеченства не змогли и бачити. А хотя и были межи ними люде, якъ канцлеръ Оссолинскій и воевода Кисель, которы радили соймующимъ, щобы такъ дерзкими условіями козаковъ тѣмъ бѡльше не дражнити, но бѡлышность ляцкихъ сенаторѡвъ поставила таки на своемъ, и препоручила самому-же пану Киселю условія тіи особисто перевезти до Гегмана Хмельницкого.

(Дальше буде.)

Якъ ополячивалась и католичилась Холмская Русь?

(Историческій очеркъ Кароля Шайнохи).

Древній Холмскій край по рѣцѣ Бугу принадлежалъ къ богатѣйшимъ округамъ Червоной Руси, или бывшего русского воеводства. Когда юго-восточныи окраины Червоной Руси, по причинѣ татарскихъ набѣговъ, не были еще населены, а потому населеніе и земледѣіе развивались только на сѣверо-западномъ пограничїи къ Польшѣ, — нашъ при-Бугскій Холмскій край считался однимъ изъ прекраснѣйшихъ округовъ на всемъ пограничїи, славился многолюднымъ населеніемъ, необыкновеннымъ плодородіемъ почвы и наилучшимъ, можетъ быти, въ цѣлой Польшѣ сельскимъ хозяйствомъ.

То межъ прочимъ доказывается сейниковымъ постановленіемъ Холмской шляхты отъ 1477 года, обстоятельно опредѣлившимъ для цѣлого края отношенія и обязанности подданныхъ; то — древнѣйшій во всей Польшѣ законодательный памятникъ того рода, до сихъ поръ оставшійся майже въ полномъ забвенїи.

Въ XVI вѣцѣ, въ Холмскомъ краю Червоной Руси древная вѣра и народныи обычаи получили тяжкій уронъ; значительная часть жителей перейшла въ римское католичество, и русская церковь лишилась не только своихъ послѣдователей, но и старыхъ поземельныхъ владѣній.

Въ 1533 г. 20. Октября королевскимъ декретомъ отняты были у Холмского Владыки Иваська три давнихъ села русской епископіи въ Холмъ и отданы латинскимъ Холмскимъ бискупамъ. Въ декретъ короля Сигизмунда мы читаемъ: „По просьбамъ некоторыхъ благонамѣренныхъ нашихъ подданныхъ, принимая во вниманіе и то, що майже весь наши подданныи въ Холмскомъ повѣтъ, особенно знатѣйшіи изъ рыцарского сословія, благодаря Бога, перейшли отъ греческого или русскаго обряда къ церкви римской..... мы постановили, якъ по указанной причинѣ, такъ и по многимъ другимъ, отобрать у Холмской епископіи селеніи Чесмынъ и Стшижовичъ съ фольваркомъ Скурдеевымъ, и дѣйствительно отбираемъ ихъ у названной епископіи и даримъ ихъ Холмскому воеводе и бискупству“ (разумѣется, латинскому).

Теперь мы знаемъ, що случилось въ Холмскомъ краю около 1533 года, нужно еще узнать, якъ то случилось? Мы слышали о знаменитомъ явленіи ополченія въ то время коренного русскаго края; остановимся теперь на одномъ изъ частныхъ фактовъ того явленія, обстоятельтѣйше извѣстныхъ намъ, и посмотримъ, якъ ополчивалась Русь?

Приведенный нами королевскій декретъ изъ 1533 года дня 20. Октября даетъ знати, що въ то время уже весьма значительная часть Холмской шляхты приняла римское вѣроисповѣданіе.

Счастливый случай сохранилъ памятную записъ о одной изъ такихъ новообращенныхъ шляхетскихъ фамилій, описывающую рукою ближайшаго сродника любопытную исторію обращенія ея въ католичество, и тѣмъ самымъ очерчивающую одну изъ страницъ исторіи ополченія Руси. Записъ предлагаетъ слѣдующій розказъ о ополченной въ то время фамиліи русской.

Въ Холмскомъ краю былъ древній домъ шляхетскій гербу Корчакъ, чисто русскаго происхожденія (кроме принятаго польскаго шляхетства), всею душою преданный русской вѣрѣ, русскому обычаю, русскимъ учрежденіямъ. Члены той фамиліи отъ наследственнаго помѣстья Верещина въ окрестностяхъ Грубьшова прозывались Верещинскими. Въ началѣ XVI вѣка Верещинскій владѣлъ панъ Феодоръ Верещинскій, вѣрный наследникъ предковъ въ приверженности къ русской вѣрѣ.

Верещинскій оженился съ приверженною подобно ему къ русской вѣрѣ дѣвицею изъ дома пановъ Сосновскихъ изъ Сосновницы, герба Налечъ. Тотъ домъ не только былъ русскій по происхожденію и обычаю; но и въ большинствѣ межи православными почета, чѣмъ самы Верещинскіи. Много славы ему придавалъ родной братъ Г-жи Верещинской Иванъ Сосновскій, представитель русской церкви въ Холмѣ и окрестныхъ краяхъ, тотъ самый Епископъ греческій Ивасько, при которомъ Холмская епископія лишилась трехъ доходныхъ селъ. Князь Владыка, — якъ его звали обыкновенно Русскіи, часто бывалъ въ гостяхъ у своей сестры, и многими другими знаками показывалъ свою благо-

склонность къ еи дому; тѣмъ еще болѣе возвышалось уваженіе Русскихъ къ обоимъ супругамъ Верещинскимъ.

Но никогда блескъ мірской славы не бываетъ безъ пятна, и знаменитость Верещинскихъ много потеряла въ послѣднее время въ очахъ православнаго населенія Холмскаго. Другій братъ Верещинскій, прежде Григорій, а въ то время Грегѳоржъ Сосновскій, перейшоу немного побдннншо въ католичество, сдѣлался ревнннмъ капланомъ того ввроисповданія и даже — якъ то обыкновенно бываетъ съ прозелитами, — загорѣлымъ провагандистомъ на Руся католицизма.

Даже родичи не знали причины столь важной перемены въ жизни Григорія. Фамильная запись дае только знати, що родичи, сколько могли, удерживали его отъ перехода въ католичество; но Григорій настоялъ на своемъ, и зъ того времени счастье благоприятствовало ему въ свѣтъ. Якъ скоро взрослый юноша познакомился съ латинскими писателями, его взялъ подъ свою опѣку латинскій бискупъ Яковъ Бучацкій, также прозелитъ католической вѣры, помогъ ему достигнути капланства, сдѣлалъ его каноникомъ Холмскаго латинскаго собора, а потомъ своимъ прелатомъ — офиціаломъ. Сосѣды Поляки оказывали ему свою благосклонность; особенно тѣсно сблизился съ ксѣндзомъ Грегѳоржемъ паны Гавшоувы изъ Радомскаго повѣта, и въ знакъ своего благорасположенія, дали ему довольно богатый приходъ въ наследственномъ помѣстїи Одоховъ надъ Вислоу, съ правомъ самому назначати собѣ викарія.

Потому ксѣндзъ офиціалъ Сосновскій жилъ при своемъ костелѣ и бискупѣ, то есть не къ самому Холмѣ, гдѣ латинская капитула не могла имѣти приличнаго помѣщенія, а въ новомъ, дуже зажиточномъ, а — що найважнннше — населенномъ Полякамъ мнѣстечку, Красноу-Ставъ. Удажаемый своими сослужителями и всѣми католиками, ксѣндзъ офиціалъ продолжалъ питати къ своей фамили родственнымъ чувства, посѣщалъ иногда Владыку Холмскаго, но особенно любилъ бывати у своей сестры въ Верещинѣ. Живучи далеко ближе къ Верещину, нежели князь Владыка, братъ-католикъ могъ навѣщати сестру частнннше, нежели братъ православный, и съ якоу-то особенною заботливостїю правильно посѣщалъ еи домъ.

Панъ Теодоръ Верещинскій, по любви къ женѣ, не противился открыто его посѣщенїямъ, но въ душѣ сильно досадовалъ на нихъ. Каждое новое посѣщеніе ксѣндза офиціала все болѣе и болѣе развивало его давно нелюбовь къ католикамъ и тѣснннше привязывало его къ русской вѣрѣ и обычаю,

По той причинѣ, онъ перервалъ даже всякіи связи съ сосѣдною польскою шляхтоу, пренебрегъ всѣми земскими дѣлами, и занятый исключительно своимъ хозяйствомъ, жилъ уединенно въ своемъ Верещинѣ. Искренно вѣрачи, що римскихъ христіанъ, то есть всѣхъ Поляковъ въ сосѣдствѣ, ждетъ на другомъ свѣтѣ пекло; каждого Поляка иначе и не называетъ, якъ „пекельникомъ“ и „бѣсовымъ Ляхомъ“.

Тѣмъ благосклоннѣйшій былъ панъ Теодоръ къ русскому брату изъ Холма. Князь Владыка принималъ все больше важное участіе во всѣхъ дѣлахъ Верещинскихъ. Ему было предоставлено распознати судьбою будущаго нѣхъ потомка, котораго небо однако долго не давало Верещинскихъ. Якъ скоро молитвы родичей были услышаны а можно было ожидать рожденія желаннаго наследника Верещина, князь Владыка рѣшилъ окрестити его своею рукою въ праотеческое православіе, дати ему въ зрѣлыхъ лѣтахъ старанное воспитаніе вблизи себе, вполне опредѣлити его судьбу и будущность.

То не укрылось отъ взора ксѣндса официала Красноставского и въ высшей степени противорѣчно его плянамъ. Онъ самъ думалъ окрестити латинскимъ крещеніемъ ожидаемое дитя и воспитати его на утѣшеніе римской церкви, лишь бы только поскорше Богъ благословилъ нѣхъ сестру.

Такъ якъ отецъ дитяти никогда не согласится на то добровольно, то ксѣндзъ официалъ старанно скрывалъ свой плянъ, но не мѣгъ вполне утаити его отъ князя Владыки. Сей послѣдній проникъ его намѣреніе, и по возможности стараннѣе слѣдячи зъ тѣхъ поръ за промислами брата, съ удвоеннымъ нетерпѣніемъ ожидалъ желаннаго извѣстія о рожденіи у Верещинскихъ сына.

Еще дитя и не родилось, якъ по странному стеченію обстоятельствъ, двое близкихъ и горячо любящихъ его сродниковъ, два родныхъ братьевъ, но розной вѣры, два апостола розличныхъ вѣроисповѣданій, вступили въ упорную борьбу за его будущность, за его вѣру.

Дѣйствительно, у Верещинскихъ родился сынъ. Счастливый отецъ, безъ проволоки, далъ знати о томъ въ Холмъ. Черезъ нѣсколько дней долженъ былъ пріѣхати оттуда будущій опѣкунъ и воспитатель дитяти и крещеніемъ сестранца въ греческую вѣру начати его воспитаніе. Но прежде нежели можно было ожидать его пріѣзда, стукъ подъѣзжающей ко двору Верещинскихъ коляски возвѣстилъ о прибытіи дѣйствительнаго воя дитяти, но не князя Владыки изъ Холма, а ксѣндза официала изъ Краснаго-Става.

Близость того мѣста отъ Верещина позволила ему опередити Владыку въ домъ пановъ Верещинскихъ и исполнити весьма важный по своимъ послѣдствіямъ обрядъ; но най больше обстоятельно розскажетъ о томъ сама фамилія Верещинскихъ. Наша памятная записъ — розказъ сына о обстоятельствахъ рожденія его отца, съ плѣнительною искренностію Поляковъ времени Сигизмунда, передаетъ намъ слѣдующее :

„Якъ только узналъ ксѣндзъ официалъ, що сестрѣ далъ Богъ сына, упреждая Его Милость князя Владыку, немедленно поспѣшилъ въ Верещинъ, подъ предлогомъ посвѣщенія слабой отъ родовъ сестры своей, и выбравши удобную минуту, тайно взялъ дитя изъ колыбели, при помощи зараньше подговоренныхъ къ тому людей, тотъ часъ окрестилъ его, назвавши Андреємъ.“

„Исполнивши то спасительное дѣло, онъ поспѣшно выѣхалъ, избѣгая встречи съ Его Милостью княземъ Владыкою Холмскимъ, своимъ роднымъ братомъ, который уже ѣхалъ крестить дитя въ греческую вѣру.“

„Князь Владыка пріѣхалъ, и узнавши о крещеніи дитяти, поднялъ крикъ на весь домъ. Самы родичи сильно досадовали на такой поступокъ ксѣндза оѣціала, но видали, що сдѣланного разъ уже не воротить, — и уснохнулись. Съ тѣхъ поръ дитя оставалось въ пренебреженіи у своихъ родичей, всего же больше у Холмскаго Владыки, не хотѣвшаго и знати о немъ. Свою нелюбовь къ дитяти онъ старался поселити и въ родичахъ его, и успѣлъ въ томъ на столько, що по крайней мѣрѣ отецъ не любилъ его, часто горько жалуясь на оѣціала, що онъ сдѣлалъ его дитя бѣсовымъ Ляхомъ.“

„Но любящая мати скоро перестала обращати на то вниманіе и поручила то дѣло Всеблагому Богу, приписывая то воля Божой и Его Святому Провидѣнію. Потому всегда о томъ только заботилась, щобъ исполнити материнскую въ отношеніи къ сыну обязанность, съ любовью ухаживала за нимъ, ублаживала, воспитывала его. Когда ему исполнилось осемь лѣтъ, она просила церковника научити дитя русской грамотѣ. По желанію своей сестры, Владыка Холмскій взялъ мальчика къ собѣ; у него и училось дитя грамотѣ два годы. Ксѣндзъ оѣціалъ сильно боялся, чтобъ князь Владыка не обратилъ его въ греческую вѣру. Онъ понималъ, що и крещеніе вовсе не поможетъ, если дитя переманить вѣроисповѣданіе, такъ якъ въ совершеннолѣтнихъ ни крещеніе надъ вѣроисповѣданіемъ, ни вѣроисповѣданіе надъ крещеніемъ не имѣютъ ніякого преимуществва и особеннаго значенія; а потому и рѣшился увезти мальчика отъ князя Владыки и исполнилъ свое намѣреніе. Однажды пріѣхалъ онъ ко Владыцѣ, и вызвавши къ собѣ Андрея въ особенное мѣсто, ласкавою рѣчью въ мигъ привлекъ его къ собѣ, такъ що онъ на другое же утро вслѣдъ за ксѣндзомъ оѣціаломъ уишелъ, въ сопровожденіи курьера, изъ Холма въ Красный-Ставъ.“

„Съ того времени Андрей потерялъ благородное положеніе своего отца и князя-Владыки, такъ, що они не хотѣли даже пускати его на свои очи. Ксѣндзъ оѣціалъ, виновникъ столь сильнаго отвращенія къ Андрею его родичей и знакомыхъ и полного забвенія ими, за то всѣми силами старался дати ему хорошее образованіе, чтобъ оно въ свое время сугубо вознаградило его за великія несчастія, нанесенныя ему непріязнію родичей.“

„Щобъ удобнѣе исполнити свое желаніе, ксѣндзъ оѣціалъ найшолъ для питомца хорошаго наставника. Одно сильно огорчало ксѣндза оѣціала — тупость способностей мальчика. За то мальчикъ, желая угодити вѣеви, старался замѣнить прилежаніемъ тупость розсудка, помогая несовершенству способностей трудолюбіемъ, и ему удалось образовати себе и привлечи къ собѣ особенную милость вѣа.“

„Видя значительныи успѣхи своего питомца въ наукахъ, ксѣндзъ оѣціалъ желалъ сдѣлати его капитаномъ. Онъ намѣревался передати Андрею всѣ

свои доходы, а самъ хотѣлъ поступити въ Свяцховскій монастырь. Потому, когда исполнялось Андрею 19 лѣтъ, ксѣндзъ офиціалъ сильно настоявалъ на посвященіи его въ низшую степень священства.“

Памятная записка на томъ не прерывается, розсказывая черезъ нѣсколько страницъ дальше позднѣйшую судьбу фамиліи; за то прерывается вѣтъ такъ удачно исполнявшихся до того времени замысловъ ксѣндза офиціала. Сестренецъ Андрей не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія къ духовному званію и только изъ послушанія вуйвѣ принялъ его предложеніе. Но вуй вскорѣ послѣ того умеръ; тогда девятнадцати-лѣтній клерикъ посвятилъ святы изъ себе духовное званіе и сталъ хозяйничать въ Олеховскомъ приходѣ, который панн Гвѣшовы, по дружбѣ, оставили за нимъ. Покровительство другихъ благожелателей Полянковъ вскорѣ неожиданно открыло ему лучшую каріеру въ свѣтѣ.

Вблизи Олехова находилось село Ярошинъ, помѣстье старопольской фамиліи Яровскихъ, герба Равичъ. Въ то самое время воротилась домой изъ Любельскаго монастыря, — мѣста воспитанія, — тринадцати-лѣтняя дочь Яровскихъ, Анна, которую благочестивыи родичи торопились выдать за мужъ, чтобы предохранити отъ соблазновъ свѣта. Польскіи благожелатели Андрея посоветовали ему просити у вѣтъ родичей руки панни Анны и богатого за нею приданного. Андрей охотно согласился на то, благочестивое воспитаніе символаемо ему въ Ярошинѣ благосклонный пріемъ. Въ томъ же самомъ году, не имѣя еще и двадцати лѣтъ отъ роду, онъ уже стоялъ со своею невестою предъ олтаремъ.

То былъ годъ славной битвы при Обертинѣ. Безпокойный воложскій господарь Петридо овладелъ за нѣсколько предъ симъ мѣсяцевъ Покутьемъ и угрожалъ вторженіемъ въ предѣлы Польши, возбуждалъ въ ней большій ужасъ, нежели предшествовавшіи ему господа, водившіи дружбу съ Портою. Вся русская шляхта поднялась, по призыву славнаго Яна изъ Тарнова, на защиту отечества. Кто только дорожилъ добрымъ именемъ, особенно кто владелъ юлешескою отвагою, надѣвалъ панцирь для защиты края и посвящалъ съ большою или меньшою дружиною къ польскому обозу.

И въ жолдомѣ Верещинскомъ пробудилось чувство честолюбія. Розрѣзавши своимъ польскимъ воспитаніемъ и женитьбою вся связи съ своимъ родствомъ, выступивши изъ прежней провинціальной незвѣстности на поприще больше широкихъ гражданскихъ отвѣсений и обязанностей, онъ долженъ былъ начати его якою-нибудь знаменитою заслугою. Помощь противъ воложскаго господара представлялъ самый удобный для того случай. Потому (хотя послѣ Андрей вѣкогда уже не показывалъ воинственныхъ наклонностей), тотчасъ послѣ женитьбы, съ оружіемъ въ рукахъ, посвятилъ на защиту отчизны.

Ни тринадцати-лѣтняя жена, ни родичи ея не могли ничего сказать противъ его намѣреній. Немедленно они посвѣтили выдѣлти приданное, чтобы скорше и великолѣпнѣе отправить зятя въ польскій таборъ. Андрей высту-

плкъ въ походъ съ чрезвычайно для его умѣренного состоянія роскошію, — со свитою изъ дванадцати отлично вооруженныхъ жолнеровъ и указныхъ чинцовъ погонщиковъ и возовъ. Словно малая сенаторская хоругвь, двигался отрядъ дванадцати Андреевыхъ рыцарей, съ тринадцатымъ Андреемъ во главѣ, сопровождаемый всеобщимъ восторгомъ и удивленіемъ, въ обозу гетмана при Обертинѣ....

ПОЛЯКИ ВЪ ТУРЦІИ.

Польско-турецкіи теоріи гана Духинского все больше и больше входятъ въ политическую програму Поляковъ. Кто не знаетъ знаменитой книги Духинского „Polacy w Turcji,“ и другихъ брошюръ и лекцій того политического баши-бузукъ? Вооруженный поддѣльнымъ знаменемъ современной науки, и явившись якимъ-то Тунискимъ пиратомъ въ той науцѣ, онъ давно уже изрекъ во всеуслышаніе Европы слѣдующій турецкій парадоксъ, который, впрочемъ, для его соотечественниковъ кажется глубокою политическою истиною: „Самый естественный союзникъ Польши, есть Турція, но вовсе не Франція и не Англія. Дай Боже, чтобы Турція была могущественна, потому что только съ могуществомъ Турціи може рости и наша сила!“

Казалось бы, большо того уже ничего и сказать — такъ поразительныя слова политическаго памфлетиста, который выступаетъ, при томъ во всеоружіи современной ерудиціи; но для человеческого безумія, какъ и для человеческого ума, нѣтъ границъ. Нѣтъ границъ и для дикого зедора разбуздой фантазіи политическаго маниака. Политическій баши-бузукъ, являясь во всеоружіи науки, высыпаетъ передъ вами цѣлый арсеналъ аргументовъ доводно-турецкаго свойства. Турція должна быть могущественна; надобно спалити цѣлый городъ, чтобъ испечь собѣ яйцо — „того требуетъ географическое положеніе обѣихъ державъ (Турція и Польша?), того требуютъ наши историческія отношенія къ Нѣмцамъ и Москалямъ, головившимъ нашимъ сусѣдамъ на Востоцѣ и Западѣ — сусѣдамъ, союзы противъ которыхъ съ Волохами и другими, одинаково слабыми сусѣдами, не имѣютъ ніякого значенія.“

Когда мы читали то турецкое Profession de foi современнаго польскаго памфлетиста, мы думали, что то шутка или просто взрывъ долго сдерживаемой страсти, которая прорвалась и затопила собою послѣдніи остатки мысли. Мы думали, что съ языка раздраженнаго человека сорвалось невольно нерозумное слово, сорвалось съ досады, на злость Москалю. Но раздраженный прорывается не последовательно, не рѣдко забываетъ то, что сказалъ въ болѣзненномъ припадкѣ страсти, и отказывается отъ своихъ нерозумныхъ словъ. Время доказало, что жалкіи полническіи слова сказаны были въ силу принципа, правда, данаго же жалкаго, но все же принципа, и не только повторялись неоднократно.

тно, но стали базисомъ политической доктрины Поляковъ, вошли даже въ ихъ гражданскій кодексъ. Польскій ученый, со всею силою дякой, розузданной политической страсти, старается доказати, що не существуете и не должно существовати ніякихъ національныхъ вопросовъ, ни требованій національныхъ, ни принципа національности. Все то фантазія, „недорозумнія“... Національними требованія, принципъ національностей, во имя которого совершаются теперь такіи великіи дѣла, иде дѣлене границъ межи государствами, исчезновеніе самыхъ государствъ — все то недорозумніе! Создалась единая Италия — по недорозумнію! Роздробленная Германія превратилась въ цѣльного могучого гиганта — по недорозумнію! „Въ тѣхъ недорозумніяхъ (говорить г. Духинскій), по-преимуществу, виноваты кабинеты, которые и тамъ пробуждаютъ народныи вопросы, где ихъ никогда не было.“ Якіи же то кабинеты, которые такъ нерозумно пробуждаютъ вопросы, где ихъ никогда не было? Да и при томъ „не было“ еще не значитъ „быти не може.“ Во всѣхъ тѣхъ недорозумніяхъ — въ нерозумномъ пробужденіи народныхъ вопросовъ, виновать Вѣдень, говоритъ п. Духинскій: „Въ Вѣдн 25 лѣтъ работали княгани, брошурами, стихотвореніями и картинками надъ тѣмъ, щобъ возбудити не думавшіи о своемъ существованіи славянскіи народы противъ Нѣмцевъ и Мадьяровъ (а также — головное дѣло — возбудити Русиновъ противъ Поляковъ).“ Надаремно работали, надаремно пробуждали Славянъ къ сознанію! Лучше было бы имъ не знати о своемъ существованіи, не чувствовати ни болей, ни униженія — вотъ теорія Духинского. Межи-тѣмъ, на перекоръ польской теоріи, найшлись безумцы, которые, сидячи въ своихъ рабочихъ кабинетахъ, выпускали въ свѣтъ цѣлый рядъ брошуръ, книжокъ, стихотвореній и картинокъ, где осмѣлялись доказывати, що хлопь — не хлопь, а такіи же человекъ якъ и пань, що хлоповъ и не должно быти, що Славяне — не хлопы ни пановъ, ни Нѣмцевъ, що они не ингредиентъ другихъ народностей, сознающихъ свое бытіе, а такіи же народности, якъ и прочіи народы. И вотъ тѣи кабинетныи безумцы сдѣлали страшное зло: они разбудили спавшихъ хлоповъ; хлопы почувствовали себе людьми; масса хлоповъ сознала въ себя силу народности. Вотъ що досадно и горько польскому публицисту!

И такіи люди, съ такими азіятскими понятіями живутъ въ XIX вѣцѣ! И такіи люди еще претендуютъ на званіе руководителей европейской политики! Теоріями г. Духинского пропитаны всѣ Поляки. Теоріи г. Духинского поколебали убѣжденія даже многихъ изъ знаменитыхъ публицистовъ Запада. По теоріи г. Духинского, Турки — единственными друзья Славянъ Балканского Полуострова. Славяне въ Турціи не должны тяготитися своимъ положеніемъ, потому що „взглядъ турецкихъ Славянъ, считающихъ Турковъ своими врагами, весьма ошибочный.“ Турки, следовательно, благодѣтели Славянъ: Черногорцы не понимаютъ тѣхъ благодѣній, и бунтуются противъ своихъ благодѣтелей. Неблагодарны! Болгары тяготятся, осмѣяемы,

задавленими благодѣяніями башн-бузуковъ. Нерозумныи! Сербы не понимаютъ всей величины жертвы, которую приносятъ имъ Турки, охраняя своими пушками сербскіи крѣпости и даже сербскую столицу — и тоже ропшутъ. Неблагодарныи! „Еслибъ тіи народы (Болгары, Сербы и Черногорцы) не прійшли къ самосознанію, то Турокъ былъ бы для нихъ братомъ или по крайней мѣрѣ не чувствовали бы они того, що терпятъ...“ Дикое въ тѣхъ послѣднихъ словахъ принимае уже грандіозныи образы; дикое доходитъ до великого, до высокаго! Зачѣмъ было приводяти турецкихъ Славянъ къ самосознанію — чижъ то не варварство? Най бы они себя думали, що они Турки, що Турокъ — ихъ братъ! А еслибъ они не считали Турка братомъ, то хоть уже не чувствовали бы того, що терпятъ, не чувствовали бы были, когда ихъ, за неплатежъ харача, сажаютъ въ яму, на подвенную гадаю, или вырываютъ у нихъ ногти..... Та вѣдь то отвратительно! До такого цинизма не унижался еще ни одинъ европейскій публицистъ..

Но отвратительное въ теоріи было бы сносно, еслибъ оно и оставалось въ теоріи. Горше всего то, що та безирравственная теорія проводится Поляками въ жизни, въ политицѣ. Розъбужданный бредъ дикого маниака сталъ основою политическаго евангелія бѣдныхъ Поляковъ. Мы называемъ ихъ бѣдными, потому что якъ не жалѣти людей, дошедшихъ до такого умственнаго и политическаго розврата!

Извѣстно, що Поляки являются въ Турціи уже довольно значительнымъ и вліятельнымъ элементомъ. Многи польскіи эмигранты, которымъ не посчастлилось въ Европѣ, которые столкнулись тамъ съ строгими требованіями цивилизаціи, и не нашли въ себя столько воли и честности, щобъ подчинитися нравственному кодексу Европы, переселились въ Турцію, где для нихъ подавляющей совѣсти могло быти привольнѣйше и где они могли не стѣснятися узкими рамками чести, обязывающей уважати и человѣческую личность и человѣческое слово. Въ Турціи удобнѣйше было жити по турецки: тамъ можно было идти разомъ объ руку и съ честью, когда честь выгодна, и съ подлостью, когда выгоднѣйша подлость. Турецкіи понятія о нравственности эластичны. Такимъ образомъ, Поляки, переселившіи въ Турцію, кидались на всь, на що только може кинутися человекъ, попрашавшійся съ своею совѣстью. Больше стойкіи, больше цѣльными и честными характеры, которыхъ всегда бывае незначительный процентъ, направили свою дѣятельность на служеніе общечеловѣческимъ интересамъ. Иныи нашли себя, смотря по обстоятельствамъ, больше или мевше сподручными занятія: кто пошелъ въ учителя къ дѣтямъ богатыхъ Турковъ, кто въ гувернеры, кто въ купеческую контору, на биржу. Иныи поступили на службу турецкому правительству — то въ войска, то въ канцеляріи. Нѣкоторые приняли мусульманство, большою частію по розсчету, изъ ближайшихъ выгодъ. Больше способными или честолюбивыми успали заняти довольно высокое положеніе. Изъ польскихъ пачовъ подѣлались паша. Други

паны превратились въ баши-бузуковъ; иные стали турецкими козаками. Панъ Чайковскій превратился въ Садыкъ-пашу и добился даже значительного вліянія при дворѣ. Онъ сталъ центромъ польской партіи въ Турціи. Около него сгрупповались эмигранты, и радіусъ того эмиграційного круга все больше и больше продолжался.

Турецкая теорія г. Духинского найшла значала довольно узкое примѣненіе. Но, такъ или иначе, Поляки все же служили исламу и азіатскимъ началамъ. Больше всего они ненавидѣли Москалей. Они сплелись даже заставить служить своимъ цѣлямъ русскихъ раскольниковъ, живущихъ въ Турціи, думая черезъ нихъ дѣйствовать и на раскольниковъ въ Россіи. Фантазіи ихъ конечно заходили за предѣлы возможного и логического, якъ то и всегда случалось съ Поляками. Польско-турецкая партія имѣла единомышленниковъ и въ Австріи — якъ въ Відни, такъ и во Львовѣ. Нѣкоторые туркофилы дѣйствовали довольно осторожно, маскируя турецко-польскіи теоріи больше благонадійными формами. Въ мечтахъ турецкихъ Поляковъ носилось отдѣленіе Малороссіи отъ Россіи. Для того нужно было дѣйствовать литературнымъ путемъ, и для той цѣли имъ якъ неможъ больше пригодился такъ-называемый украинскій сепаратизмъ. Турецкая партія Поляковъ избрала своимъ органомъ выходившій въ Австріи на малорусскомъ нарѣчій журналъ „Мету“ и изъ него громила Москалей, якъ-бы дѣйствуя солидарно съ украинскими сепаратистами. При помощи Турціи, Малороссія отдѣлялась отъ Россіи и соединялась съ Польшею на федеративныхъ началахъ; для Малороссіи должны были воскреснуть времена уніи со всеми ея прелестями; Москали изгонялись совсѣмъ изъ Европы и т. д. Все то были, конечно, обольгительными фантазіи, и нѣкоторые изъ недоучившихся гимназистовъ повѣрили имъ, увлеклись ними собственно потому, що ровно ничего не смыслили въ политикѣ, а изъ исторіи пройшли только до Пуническихъ войнъ. Но прискорбная сторона дѣла оказалась только въ послѣдствіи, именно теперь.

Когда, вслѣдъ за возстаніемъ Кандіотовъ, началось глухое броженіе въ другихъ областяхъ Турціи, Поляки, подобно воронамъ, чующимъ кровь, почувли запахъ кровавой поживы въ томъ броженіи. Они устремили все свои надежды на Турцію, изъ поддержки которой думаютъ извлечь свои выгоды. Оказалось возможнымъ примѣнати къ дѣлу теоріи г. Духинского. „Самый естественный союзникъ Польши — есть Турція... Дай Боже, щобъ Турція была могущественна“ — вотъ що говорили Поляки на-перекоръ голосу всѣхъ честныхъ людей Европы. Надобно дати Туркамъ возможность угнетати христіанъ; надобно задушити Кандіотовъ; надобно покрепче прибрати къ рукамъ турецкихъ Славянъ. Словомъ, надобно помочи варварству противъ цивилизаціи. Турки должны имѣти въ христіанахъ рабовъ, безсловесныхъ хлоповъ, та и що станется съ Европою, когда въ ней не буде хлоповъ? Для пановъ прійшла тяжкіи времена: хлоповъ нигде не осталось — ни на Западѣ ни въ Россіи, а безъ

хлоповъ жити шляхетному челоуку невозможно. Европа представляе безобразіе — нѣтъ ни одного пана, ни одного помѣщика, ни одного хлопа, а все только люди и люди... Остался одинъ благословенный уголокъ на концѣ Европы, где еще сохранились и паны и хлопы, где достояніе и жизнь хлопа въ рукахъ пана, где хлоповъ свкуютъ безопадно, вѣшаютъ и продаютъ, якъ скотину — уголокъ той Турціи. Вотъ почему хлополюбивое сердце Поляка лежитъ къ Турціи; вотъ почему эмигранты, въ последнее время, потянулись на Балканскій полуостровъ.

Молва о близкомъ разрѣшеніи восточного вопроса заставила Поляковъ встрепенутися. Имъ представилась ужасная картина въ ближайшемъ будущемъ; съ изгнаніемъ Турковъ изъ Европы — ни одного хлопа не останется на свѣтѣ! Понятно, що надобно спасти Турцію, надобно хоть на Балканскомъ полуостровѣ удержати подобіе знаменитой своимъ безславіемъ Рѣчи-посполитой, съ ея угнетенными подданными, съ катами-панами и со всеми ея прелестями. Агенты Садына-паша, якъ панъ Морозевичъ и другіи, кинулись въ Египетъ для вербованья эмигрантовъ въ польско-турецко-козацкій легіонъ, призваніе котораго — охраняти Турцію. Великій ексдиктаторъ маленькаго народа, панъ Лангевичъ, тоже переехалъ въ Турцію и записался въ рабы султана. Лангевичу, отлично умѣвшему организовать шайку жандармовъ-вѣшателей и княжальщиковъ, поручено турецкимъ правительствомъ организовать турецкую полицію. Кто насъ удѣритъ въ томъ, що полиція турецкая, руководимая такимъ министромъ, якъ Лангевичъ, не проникнется теоріями жандармовъ-княжальщиковъ и не буде дѣйствовать съ турецкими христіанами, якъ дѣйствовали ея прототипы въ Варшавѣ?... Все то говорить одианю, до якого нравственного униженія могутъ дойти люди, когда они пойдутъ на-перекоръ требованіямъ своего вѣка и требованіямъ правды и челоучности. Поляки, гордящіися тѣмъ, що они когда-то были мало не самымъ передовымъ народомъ въ Европѣ, що въ управленіи своимъ государствомъ они допущали самое широкое приѣтненіе свободныхъ представительныхъ началъ, тѣ Поляки пошли теперь въ услуженіе къ Туркамъ, рѣшились служить подпорю деспотизму и самымъ крайнимъ азіатскимъ принципамъ! Той странности своего политическаго поведенія они ничѣмъ не могутъ оправдати: въ оправданіе свое они не могутъ сказати, не имѣютъ права скавати, що борются противъ деспотизма или абсолютизма, якъ они говорили прежде. Прежде они могли сказати, въ очищеніе своей совѣсти, що они являютя всюду, где иде борьба за свободу. На имени Пужавскаго или Косцюшки не може лежати пятна за то, що они служили въ Америкѣ, що, на ряду съ прочими Американцами, они сражались за свободу соединенныхъ штатовъ.

Неудивительно было видѣти Поляковъ въ рядахъ итальянскій арміи, въ волонтерскихъ отрядахъ Гарабальдіи, и всюду, где только шла борьба за независимость. Но чѣмъ извинитъ ихъ исторія то ренегатство, которое теперь

овладѣло ими? А исторія должна буде сопоставити имена Лангевича и Фуада-паша, свободолюбивыхъ сыновъ Польшы и турецкихъ баши-бузуковъ. Кто повѣритъ, що Лангевичъ въ Польшѣ и Лангевичъ въ Турціи. Лангевичъ-диктаторъ и Лангевичъ требунчужный паша — одно и тоже? Кто захочетъ вѣрити, що диктаторъ Лангевичъ бился съ Москалями за освобожденіе Поляковъ и западно-русскихъ селянъ отъ „московскаго ярма“, когда трехбунчужный паша Лангевичъ, за три года послѣ того, бьется уже за подчиненіе турецкому арму турецкихъ Славянъ и Грековъ? То униженіе полное, такое униженіе, глубше котораго быти не може. Поляки въ Турціи — то окончательное самоосужденіе, то позорный столбъ — въ самомъ унижительномъ значеніи позорный, къ которому самы себе привязали Поляки. Поляки въ Турціи, Поляки, помогающіи Туркамъ продержати долше въ кайдавахъ Славянъ и Грековъ — то позорнѣйше и гнуснѣйше поддѣлки кредитныхъ билетовъ...

Но, въ то-же время, Поляки въ Турціи дѣлають великую нравственную услугу Россіи. До сихъ поръ въ Европѣ еще многіи остались при томъ ошибочномъ мнѣніи, що дѣйствія Русскихъ въ отношеніи къ Полякамъ не могутъ быти оправданы. Появленіемъ Лангевича и другихъ Поляковъ въ Турціи, зъ Россіи снимается послѣдній упрекъ, наложенный на ню клеветою враговъ, и сторонники польской sprawy могутъ убѣдиться теперь, якова была чистота побужденій Поляковъ, когда они возстали противъ Россіи, будто бы за свою свободу народа. Отъ чего бы имъ теперь не стати за свободу турецкихъ христіанъ, вмѣсто того, щобъ изображати изъ себе шо-то въ родѣ янычаръ?

При всемъ томъ, появленіе Поляковъ въ Турціи не може не отразитися важными послѣдствіями на судьбѣ той державы. Поляки безъ сомнѣнія, не поддержать, а ускорять паденіе османскаго царства, хотя оно и безъ Поляковъ быстро склонялось къ паденію. Поляки великіи мастера губити государства, которые даютъ имъ власть въ руки. Поляки догубили свое царство — ускорять гибель и Турціи. Уже слышится шо-то польское въ послѣднихъ распоряженіяхъ турецкаго правительства: безъ сомнѣнія польскіи грамотѣи сочиняють для турецкихъ министровъ депеши и циркуляры — такъ и видатся въ каждой турецкой нотѣ Поляки: ихъ тонъ, ихъ стиль, ихъ блистательное краснорѣчіе и полное отсутствіе политическаго такта.

Мы готовы думать, що Поляки въ Турціи скорше розшатають своимъ усердіемъ зданіе блистательной Порты, чѣмъ Греки своимъ возстаніемъ. Если въ послѣднее время турецкое правительство выказало довольно безцеремонный и самохвальный тонъ въ отношеніи къ Россіи, то конечно благодаря нашимъ старымъ друзьямъ, Лангевичамъ, Чайковскимъ, Морозевичамъ и друг., которымъ природа положительно отказала въ политическомъ чутьи и тактѣ. Корабельныи щуры предчувствуютъ гибель корабля, и заранѣе оставляють его, когда онъ еще не вышолъ въ море, а Поляки именно тогда и стали перебираться на ветхій корабль Турціи, когда онъ всегда ближе къ гибели.

В. Д.

Редакторъ Б. А. Дѣдицкій.

Зъ печати Ставропигійской

